13е

Неизвестный автор

SHOUT
SHARE
IT

-
- 13-ОЕ
  - ЧАСТЬ I
  - ЧАСТЬ II
  - ЧАСТЬ IV
- злон

13-ое

РОМАНЫ
МИНСК
БАДППР
1994
ББК 84.7 США П 13
УДК 820(73) — 31
Перевод с английского
Литературная обработка текста фильмов *М. В. Адамчик*, *В. В. Адамчик*
Художник *А. А. Шуплецов*
Палмер Б.
П13 Пятница 13-ое: Романы; Пер. с англ./Лит. обраб. М. В. Адамчик, В. В. Адамчик; Худож. А. А. Шуплецов. Мн.: «БАДППР», 1994.— 480 с.
ISBN 5-87378-011-0.

В сборник включены два романа: «Пятница 13-е» и «Зловещие мертвецы», в которых убийства, не поддаются никакой логике ни по выбору жертв, ни по невообразимой жестокости, гармонично переплетены с эротикой и приключениями.

П4703040100 ББК 84.7 США

(Б) Литературная обработка. М. В. Адамчик, В. В. Адамчик, 1993 ISBN 5-87378-011-0 (С) Оформление. А. А. Шуплецов, 1993

БЕТСИ ПАЛМЕР

ПЯТНИЦА

13-OE

ЧАСТЬ I

КРОВАВЫЙ УИК-ЭНД

Парень и девушка долго целовались на лесной, залитой лунным светом, дороге. Наконец, девушка оторвалась от парня, посмотрела ему в глаза и сказала:

— Повтори, что ты мне говорил до этого.

— Я люблю тебя,— сказал парень и вздохнул.

— Я тоже,— сказала девушка.— Я не хотела тебе этого говорить раньше, но теперь, после поцелуя, скажу — я люблю тебя.

Парень еще раз притянул к себе девушку, и они снова долго стояли, обнявшись, на лесной ночной дороге.

— Я проведу тебя до дома,— сказал парень.

— Нет, тут недалеко, я дойду сама,— девушка отстранила его.— Я не хочу, чтобы мои родители видели тебя. Мне до дома недалеко,— и не успел парень опомниться, как девушка скрылась в лесу.

Еще в радостном возбуждении девушка бежала по лесной тропинке. Она не замечала, что вокруг нее сгущается ночная тишина, лишь изредка прорезаемая криками совы. Ветки мохнатых елей качались над самой ее головой. Изредка хрустели сухие ветки под легкой поступью девушки.

Первое возбуждение прошло, и она тревожно огляделась. До дома оставалось не так и мало, как она говорила своему парню, и в сердце ее понемногу начала приходить тревога.

Девушка остановилась и прислушалась. Ей чудилось, что она не одна в этом мрачном, поросшем мохом, пропахшем сыростью лесу. Невдалеке за деревьями мелькнула тень. Девушка насторожилась и вновь огляделась по сторонам. Тьма показалась ей непроницаемой. Качнулась ветка ели, зацепив ее за плечо. Девушка вздрогнула и отпрянула в сторону.

— Боже мой, боже мой, зачем я пошла одна, почему я не позволила ему провести себя. Боже мой, что со мною будет.— Она стояла на одном месте.

Где-то совсем рядом послышался хруст. Девушка вслушалась: похрустывание напоминало чьи-то тяжелые шаги. Ей стало совсем страшно и совсем одиноко.

— Боже мой, боже мой, господи, спаси меня,— шептала

девушка, прижимаясь к толстому корявому стволу ели.— Такого со мной еще никогда не было. Я так боюсь, боже мой, боже мой, помоги и спаси меня, господи.

Вдруг очень громко и резко хрустнул толстый сук где-то совершенно рядом, буквально в двух шагах. Девушка сорвалась с места и помчалась по узкой, едва заметной тропинке.

— Помогите, помогите мне кто-нибудь! Помогите! — истошно кричала она, спотыкаясь о толстые корни деревьев.

Дорожка вывела ее к заброшенному лесному сараю.

Всю дорогу девушка боялась оглянуться, она чувствовала, что-то, страшное и ужасное, преследует ее.

Ей казалось, она слышит его шаги, слышит неприятно-тяжелое прерывистое дыхание. Она слушала спиной, он совершенно рядом, буквально в одном шаге, и ее удивляло только то, почему преследователь еще не схватил ее и не убил. Она вновь истошно закричала:

— Помогите мне, помогите! — она вскочила на низкое полусгнившее крыльцо и рванула дверь на себя.

Ей вспомнились страшные рассказы матери о том, что вот уже неделю в округе бесследно исчезают люди: девушки и парни. На сегодняшний день их исчезло уже восемь человек. И никто нигде не нашел ни их тел, ни даже следа от них.

Сарай был очень хорошо знаком девушке. Он был в полумиле от ее дома. Тут она, еще совсем ребенком, не так уж и давно, играла в прятки.

Тяжелая дощатая дверь резко скрипнула, и девушка вбежала в сарай. Острый тяжелый запах ударил ей в нос: пахло чем-то отвратительным. Девушка сразу не могла сообразить — чем это так пахнет. Ее взгляд скользнул по заброшенному сараю, по вещам, которые заполняли помещение, и она увидела, что посреди сарая, на небольшом земляном холме лежит страшная, полусгнившая, полуиссохшая, разлагающаяся человеческая голова, а

вокруг догорает дюжина толстых восковых свечей.

В призрачном свете голова показалась ей еще более ужасной, чем была на самом деле. Седые растрепанные волосы спадали с белого черепа прямо на землю. Морщинистая кожа висела складками, как иссохшаяся и растрескавшаяся земля. Но губы, губы у этой мертвой, иссохшей головы были ярко накрашены помадой.

И тут шаги зазвучали совсем рядом, у самых открытых дверей сарая. Вскрикнув, девушка бросилась к двери и захлопнула их перед невидимым преследователем. Она лихорадочно задвинула тяжелый стальной засов. Ей на какое-то мгновение показалось,

что дощатые двери, обитые металлическим листом, будут ей надежной защитой.

Но тут с обратной стороны послышались страшной силы удары в дверь. Сотрясался засов, вибрировали стены. Девушка испуганно отошла и ждала неизбежного конца. Захрустели доски, и острие кирки пробило стальной лист.

В этот момент ее взгляд вновь упал на земляной холм. Только сейчас она заметила, что вокруг него валяется восемь, страшно изуродованных, трупов. Свечи догорали, их тусклое мерцание выхватывало из темноты обезображенные лица, рассеченные шеи, вспоротые животы, обрубленные руки.

— Мама! Мама, мамочка! Господи, спаси меня! Мама, мамочка,— девушка шептала, не находя слов, которые могли хоть как-то помочь ей в эту минуту.

Тяжелая дверь сотрясалась, острие кирки вспарывало толстые дубовые доски, рвало железо. Тяжелый засов начал шататься. Дверной косяк заходил под мощными ударами с улицы. Девушка заметалась по сараю, боясь смотреть на дверь, также, а может еще больше, она боялась взглянуть себе под ноги, туда, где лежали в лужах запекшейся крови страшно изуродованные трупы.

По ее дергающимся щекам ручьями текли слезы.

Но тут, как всегда бывает в минуты исступления, к девушке вернулся разум. Она увидела возле земляного самодельного алтаря полуистлевший шерстяной свитер. Вспышка интуиции — и она мгновенно сообразила, что к чему. Она поняла, что именно тот убийца, о котором уже несколько дней говорят все в округе, и именно он приносит в этот заброшенный лесной сарай свои жертвы, поклоняясь мертвой голове, и в этот же момент она сообразила, что мертвая голова принадлежит женщине, и эта женщина — когда-то была матерью страшного убийцы.

Она лихорадочно путаясь, начала натягивать толстый, дурно пахнущий гнилым мясом свитер на себя. Ее воротило, но она понимала, только это может спасти ее сейчас.

Дверь, которая казалась неприступной, начала содрогаться в последних конвульсиях и рухнула на пол прямо к ее ногам.

На пороге стоял страшный убийца. У него на голове был белый полотняный мешок с прорезями для глаз, схваченный вокруг мощной шеи толстой веревкой.

Девушка вздрогнула и в оцепенении уставилась на убийцу. В его правой руке была тяжелая кирка. Он тоже немигающим взглядом смотрел на девушку — это была его очередная жертва, которая сама пришла к алтарю. Из-за полотняного мешка послышался удовлетворенный стон. Страшный убийца был явно доволен происходящими событиями. Видя испуганный взгляд

девушки, он торжествовал и еще раз протяжно хрюкнул.

Девушке показалось, что в горле у него клокочет густая кровь. Она собрала остатки своей воли и схватила с алтаря большой тесак, запачканный засохшей кровью. «Только сумасшедший может построить такой алтарь и приносить к нему жертвы»,— подумала девушка. Она гордо выпрямилась и не отводила свой взгляд от взгляда убийцы.

На высохшей земле алтаря кровью было написано: «Роджер». Девушка поняла, что это имя убийцы. Она смотрела ему прямо в глаза. Собрав в кулак остаток своей воли, совершенно спокойным голосом сказала:

— Роджер. Я твоя мама. Спасибо тебе. Я очень довольна твоим поведением. Спасибо тебе. Мне очень понравились твои подарки.

— Роджер,— еще раз уверенно сказала девушка.— Поди ко мне, Роджер. Мать приказывает, подойди ко мне. Я тебе что-то скажу.

Убийца сделал шаг ей навстречу и опустил кирку вниз.

— Ну, ну, что же ты медлишь, сынок, иди ко мне. У мамы для тебя кое-что есть, что-то вкусненькое.

Убийца, как маленький ребенок, переминался с ноги на ногу.

Девушка заметила на его руках следы свежей крови. Но убийца заподозрил что-то неладное. Тяжелая кирка вновь была занесена для удара.

— Роджер, Роджер,— еще более строгим голосом сказала девушка.— С тобой разговаривает мать, как ты себя ведешь. Ты что — ничего не понимаешь?

Из-за прорезей полотняного мешка блестели налитые кровью глаза. Но в какой-то момент девушке показалось, что в этих ужасных глазах блеснули слезы. Кирка, занесенная для удара, замерла в воздухе.

— Ты молодец, ты хороший мальчик. Подойди же ближе, еще ближе. Вот хорошо. Еще сделай два шага, еще шаг.

Роджер, завороженный голосом, покорно исполнял приказания девушки. Он приблизился к ней совсем близко, медленно опуская окровавленную кирку, присел, а потом опустился на колени. Из-за прорезей блестели слезы.

— Молодец, мальчик мой. Молодец, Роджер.

Девушка медленно, боясь вспугнуть убийцу, поднимала свой тяжелый тесак. Она как-то неуверенно качнулась, и убийца увидел настоящую голову своей матери. Он рванулся и взмахнул киркой. Кирка и тесак ринулись друг на друга одновременно. Железо ударилось о железо, сыпанули искры, и тесак отлетел в угол. Кирка, с глухим треском, распорола джинсы на ноге

девушки. Кровь залила материю. Девушка, парализованная мгновенной болью, рухнула на земляной пол.

Убийца уже поднимался с вновь занесенной киркой, на острие которой смешалась и запеклась кровь стольких жертв. Но тут в сарай вбежал парень, который всего пять минут назад распрощался с девушкой на лесной дороге. Он все-таки спохватился и решил проверить дошла ли она до дому — ему тоже вспомнились страшные истории об исчезнувших людях.

Он округленными от ужаса глазами несколько мгновений смотрел на широкую спину убийцы, на занесенную для удара кирку. Из оцепенения парня вывел тяжелый вздох девушки, которая приходила в себя. Он бросился на убийцу и схватил его за шею. Убийца локтем левой руки ударил парня в живот. И они вместе рухнули на шаткие стены сарая. Посыпались ржавые ведра, загремели и покатились металлические носилки, грабли, косы, отвалился огромный лист ржавого железа и рухнул на тела, валявшиеся в пыли.

Несколько минут парень и убийца качались по грязному полу, среди обломков мебели и изуродованных трупов. На них обвалилась короткая лестница, упало какое-то кресло, непонятно для чего подвешенное на стену, гремели ведра, трещали доски, рвалась материя. Но убийца был крепче и сильнее. Он смог вырваться и ударить парня ногой. Парень замер, скорчившись от боли. Округлившимися от ужаса глазами, он смотрел на страшную кирку, которую убийца поднимал над ним для смертельного удара.

Девушка, уже прийдя в себя, исступленно наблюдала за этим неравным поединком. Среди трупов она заметила огромный двуручный тесак, схватила его и, дрожа в ожесточении, поднялась на ноги, пошатываясь сделала несколько шагов к дерущимся, и когда страшный убийца занес свою кирку над ее возлюбленным, она взмахнула тяжелым двуручным тесаком, и он с хрустом разрывая материю, обрушился на шею убийцы. Под острым тяжелым стальным лезвием хрустнули позвонки, и убийца с поднятой тяжелой киркой медленно осел на пол.

— Пошли, пошли отсюда, Джени! — парень схватил девушку за локоть и попробовал оттащить от страшного убийцы, который неподвижно лежал на полу рядом со своим самодельным алтарем, вокруг которого валялись обезображенные трупы.

Но девушка не могла сдвинуться с места. Потом, как бы спохватившись и о чем-то вспомнив, она потянулась к полотняному мешку, который прикрывал голову убийцы. Парень изумленно, не ожидая такой смелости от своей подруги, отпрянул на шаг в сторону. Девушка присела на корточки, взяла за край

белую материю и резко рванула. Она боялась снимать этот мешок медленно.

— Господи, боже! — единственное что смог сказать парень.

Девушка же не проронила ни слова. Такое лицо не могло принадлежать человеку.

Они медленно, изнуренные короткой тяжелой и жестокой дракой, покинули заброшенный лесной сарай. Девушка спотыкалась, парень пошатывался. Но он обнял свою подругу за плечи, она забросила ему руку на шею, и медленно они потянулись по лесной дороге, дальше от этого проклятого места.

— Стой, стой! — сказала девушка, как бы что-то вспомнив.

Парень недоуменно замер. Девушка освободилась от его объятий и с содраганием начала стягивать толстый, полуистлевший серый свитер. Она стянула его и с омерзением бросила в кусты. Они вновь обнялись и пошли прочь.

А на полу, возле земляного алтаря, с догорающими восковыми свечами, остался лежать страшный убийца. Рядом валялся полотняный мешок, который скрывал его лицо.

Ни парень, ни девушка не видели и не знали, как вздрогнуло тело Роджера, как конвульсивно он подтянул под себя ноги, как сжались окровавленные пальцы его рук, с какой страстью он схватил тяжелый окровавленный двуручный тесак. Они ничего не видели. Только мертвая женская голова смотрела на своего сына пустыми глазницами, в которых копошились пауки. То ли от копошившихся пауков, то ли от мерцающего света свечей глаза мертвой головы показались живыми.

Вдруг Роджер приподнялся, подполз на коленях к своему самодельному алтарю и поцеловал в лоб голову своей матери. На его лице, укрытом гнойными струпьями, не отражалось никаких эмоций. Оно было спокойно, и только одно желание читалось на нем — спокойное желание убивать. Его, лишенные ресниц, веки полуприкрыли гнойные красные глаза. Роджер смотрел в черный дверной проем, куда только что ушли его победители. Он знал — далеко они уйти не смогут, от него — Роджера — еще никто не уходил. Гнусная улыбка скривила его безобразный рот. Тускло блеснули остатки редких изъеденных зубов. Роджер одну за другой, как на именинном торте, задул свечи и шагнул в темноту, сжимая в руке длинный тяжелый тесак.

Многим был знаком небольшой придорожный магазин, который стоял на дороге, ведущей от Детройта к лесным озерам. Многие заезжали сюда за продуктами, иногда останавливались переночевать, иногда заскакивали захватить пару-тройку бутылок виски поздние загулявшие туристы. Все знали этот магазин, все знали его хозяев — миссис и мистера Смитов. Все приезжие,

бывавшие хоть раз в этом магазине, знали и характер его владельцев.

Миссис Смит была молодая, злая, сварливая, невыносимая женщина. Ее муж — затюканный, вечно молчаливый, всегда слегка пьяный и виновато улыбающийся, суетился по хозяйству. Он всегда куда-то спешил, таскал тяжелые ящики, что-то прибивал, что-то красил. А его жена в это время любила сидеть на мягком диване, вязать какой-нибудь очередной носок или шарф и смотреть криминальную хронику.

Именно так было и в этот вечер: миссис Смит сидела поджав ноги на диване, в руках у нее мелькали спицы, а ее муж суетился по хозяйству. По телевизору шла надоедливая реклама стиральных порошков, которую сменила реклама шампуня, а потом пошла такая же надоедливая реклама консервов для собак и кошек. Миссис Смит ненавидела домашних животных и не любила своего мужа за то, что он очень любил всяких брошенных кошек и собак, и постоянно их прикармливал, приводил в дом.

Увидев собак, она почему-то мгновенно подумала о муже. Она знала, что стоит оставить его на десять минут без присмотра, как тот обязательно вытащит из укромного места припрятанную от нее бутылку виски и обязательно напьется.

Миссис Смит отложила в сторону спицы и выглянула в окно.

На дворе, освещенном одиноким фонарем, мерно колыхалось развешенное с утра цветное белье. Большие простыни, пододеяльники, наволочки, ночные рубашки.

Раздвигая белье грязными невымытыми руками, из этого матерчатого лабиринта искал выход ее уже изрядно подвыпивший муж. Заметив в окне злое лицо жены, мистер Смит смутился и как всегда виновато улыбнулся. Поздновато сообразив, что попался, он ретировался за простыни и притаился там в надежде, что злость жены минет его на этот раз. Но от миссис Смит не так-то легко было спрятаться и уйти ненаказанным.

— Гарольд! — зло закричала она и встряхнула головой, звеня металлическими бигуди, на которые были накручены редкие, смазанные гелем волосы.— Гарольд! Ты что думаешь, стал за простыню и я тебя не вижу?

Гарольд рванулся было назад, но зацепил шест, поддерживающий веревки. И в этот момент услышал очередную порцию ругани.

— Гарольд, Гарольд! Сволочь такая, твою мать! Я два дня стирала это белье и не для того, чтобы ты все его вывалял в грязи. Сволочь! Опять нажрался где-то.

— Спокойно, спокойно,— сам себе говорил Гарольд,

поднимая длинный шест и прилаживая к веревке.

Он немного повозился и вновь умудрился поставить его так же, как он стоял раньше.

— Я видела, сволочь поганая, как ты вытер о простыню свои грязные руки. Ты опять возился где-то в навозе, в своих складах. Вечно ты прикармливаешь каких-то бродячих животных, а потом мне на этих простынях спать, я должна прикасаться к ним своим чистым лицом. Ты что не понимаешь, от этого могут быть прыщи. — Миссис Смит задумалась на минуту и, подбирая нужные слова, громко закричала: — Микроспорией хочешь, чтобы я заболела! Да, чтобы из меня вылезли мои последние волосы, сволочь пьяная! Быстро в дом!

— Успокойся, я все сделаю, как было, все будет хорошо,— суетился Гарольд.

Но жена не понимала.

— Сукин сын! Идиот! Я работаю, а ты все только портишь.

— Успокойся,— пробовал возразить Гарольд.

— Кретин! Скотина! Собака! — крикнула миссис Смит и зло опустила раму окна.— Сволочь пьяная,— еще раз, уже не так зло, сказала она сама себе, усаживаясь на диван и вновь взяв в руки свое вязание.

До окончания очередного носка оставалось совсем немного. И миссис Смит знала, что после она вновь распустит пушистую пряжу, потому что нельзя же вязать такому мужу-скотине теплые шерстяные носки. Пусть ходит по двору и мерзнет.

Взяв в руки носок, она повертелась, удобно усаживая свое маленькое злое тело на диван, и уставилась в телевизор — рекламу сменила криминальная хроника. Ей всегда нравилось слушать про ужасные убийства, изнасилования, ограбления, и она никогда не думала, что нечто подобное может случиться с ней самой. Ей всегда казалось, такие страшные вещи будут случаться с другими, и она будет узнавать про это из телевизора, сидеть в уютной комнате, при свете и слушать про чужую смерть, распуская и вновь начиная очередной носок. Правда в их округе уже давно ничего не случалось, если не считать последних исчезновений.

И на этот раз, как думалось миссис Смит, в криминальной хронике скажут о происшествиях в Детройте или в других, еще более далеких и еще больших городах. Но на экране возникло озабоченное лицо диктора.

— Вся Америка потрясена сообщением о массовом убийстве, — встревоженным голосом сообщал диктор.— Это одно из самых бессмысленных, ужасных и жестоких убийств во всей Америке, произошедшие за последние десять лет. Полиция прочесывает

местность, ищет убийцу.

Миссис Смит очень заинтересовала криминальная

хроника. Она отложила свой желтый носок, приподнялась, повертела ручку настройки и прибавила громкость.

— Следователь, ведущий эго дело,— официальным голосом сообщал диктор,— полагает, что это только начало массовых убийств. Остальное прокомментировать он отказался.

Руки миссис Смит еще быстрее заработали, петля начала нанизываться на петлю, а взгляд ее в это время не отрывался от небольшого экранчика телевизора, па котором появились кадры кинохроники.

Обезображенные трупы лежали рядом.

Следующий кадр — один из трупов на носилках закатывают в машину.

Следующий кадр — труп кладут на носилки и везут к машине скорой помощи, на которой ярко сверкает мигалка.

Озабоченные полицейские, с расстегнутыми кобурами пистолетов, расхаживают вокруг дома. Бегают, суетятся журналисты. Но полицейские на вопросы отвечать отказываются. Они недоуменно поводят плечами и спешат заняться своим делом.

Следующие кадры показывали длинную цепь полицейских, которые с собаками прочесывают местность.

Миссис Смит понимала, что такими кадрами обычно стараются успокоить жителей близлежащих мест, чтобы они не волновались и не поддавались панике.

Однажды в их местности было убийство — какой-то сумасшедший водитель сбил большим груженым трейлером маленькую девочку. От страха он выпрыгнул из машины и скрылся в лесу. И потом несколько дней полицейские расхаживали по лесу, спрашивали местных жителей и ловили испуганного водителя. А миссис Смит все те три дня сидела за плотно закрытыми дверями, боясь выйти на улицу. Ей все казалось, что этот сумасшедший водитель прийдет именно к ней в дом и убьет почему-то ее. Она не могла себе ответить, почему и за что именно ее. Ведь она считала себя очень хорошей и порядочной женщиной. А Гарольд подшучивал и все время говорил, что если будешь на меня кричать и ругаться, то водитель-убийца обязательно придет к нам и убьет тебя.

Криминальная хроника сменилась рекламой, и после нее вновь на экране возник диктор.

— Единственный человек, видевший убийцу и оставшийся в живых — Джени Хилз — девушка, чудом избежавшая смерти. Но сейчас она не может дать никаких показаний. Она находится в

невменяемом состоянии в больнице.

Имена жертв полицией пока не сообщены. Новую информацию, поступившую из полиции, мы сообщим в следующих выпусках новостей.

Миссис Смит устало опустила спицы. Она знала эту девушку — Джени Хилз. Ее родители жили в пару милях отсюда, в своем большом доме, на берегу Хрустального озера.

Вдруг за окном что-то грохнуло и упало.

Миссис Смит вскочила, ей вновь захотелось наругать мужа. Бранные слова уже готовы были сорваться с ее уст, когда она припала лбом к окошку и посмотрела на улицу. Среди колыхающихся простыней и пододеяльников она увидела фигуру мужчины.

Было довольно далеко, и из-за слабого света одинокого фонаря, она толком не смогла рассмотреть — Гарольд это или кто-то другой. Может быть какой-то случайный поздний посетитель заехал в магазин прикупить виски или еды.

— Ну знаете,— сама себе сказала миссис Смит, выключила телевизор, схватила большую пластиковую корзину для белья и вышла на улицу.

Она понимала, что если будет еще один сильный порыв ветра, то могут попадать шесты, поддерживающие бельевые веревки, и весь ее труд станет напрасным. «А если не порыв ветра, — подумала миссис Смит,— то обязательно пьяный Г арольд пойдет, зацепится за шест, и все белье упадет в пыль. Лучше я его уберу, занесу в дом. Все равно уже все высохло».

Ругаясь себе под нос, миссис Смит одну за одной отщелкивала прищепки и сбрасывала в пластиковую корзину высохшее белье.

— Стираешь, стираешь, и никакой тебе благодарности, он только пачкать умеет и нельзя дать ему ничего чистого, через пять минут все будет неизвестно в чем и стирай опять,— зло ругалась женщина, убирая белье.

Дул сильный ветер, простыни развевались и рвались из рук. Шесты качались, натянутые веревки звенели.

Миссис Смит устало опустила корзину на землю и размяла руки. Тут, под очередным порывом ветра, всколыхнулись большие цветные простыни, и между ними мелькнула мужская фигура.

— Гарольд! Опять ты тут шляешься, гад пьяный!

крикнула миссис Смит в темноту, но оттуда ей никго не ответил.— Ты что уже, разговаривать со мной не хочешь?

Женщина немного напуганная подошла к шесту, отодвинула простынь и заглянула за нее.

Но там было пусто. Лишь вдалеке, за самым забором их

владений, промелькнула тень и закачались ветки елей.

— Что за черт,— сказала себе под нос миссис Смит и заспешила к дому, почувствовав себя неуютно на ночном дворе.

Но ее вновь привлек шум, она оглянулась.

Поскрипывала приоткрытая дверь гаража, как будто только что кто-то туда вошел.

Миссис Смит призадумалась, ей становилось страшно, не хотелось идти одной в темное помещение.

«Наверное, Гарольд шляется, убежал от меня»,— подумала она и, зло хлопнув дверью, вошла в дом.

Но мистер Смит в это время был не в гараже, и не его тень мелькнула за забором владений.

Гарольд расхаживал по пустому магазину. Он суетливо схватил с полки красиво разрисованную жестяную баночку и с ней заспешил к большому круглому аквариуму.

— Что, проголодались, крошки? — сам себе под нос прошептал он.— А я вам супчик хороший припас. Очень хороший, очень вкусный супчик. Сейчас я вас покормлю.

Плавно покачивая огромными плавниками, в аквариуме плавали две красные рыбки. Там же, в аквариуме, лежала затонувшая игрушечная машинка. Это зрелище всегда успокаивало вечно спешащего, суматошного, затюканного мужчину.

Он потер руку об руку, потом вытер их о замызганный фартук, запустил пальцы в банку, достал немножко корма, попробовал на язык, довольно усмехнулся и начал сыпать корм в аквариум.

— Лайнел, в чем дело, ты что, есть не хочешь? — его большой лоб избороздили морщинки.

Он любил своих рыбок, они очень ему нравились.

Ему вообще нравились все живые существа, окружавшие их придорожный магазин.

Из всех живых существ он не любил только жену, потому что она ругалась и не давала по вечерам пить виски. А все эти рыбешки, кошки, бродячие собаки были молчаливы, и они тоже любили его.

Гарольд смотрел на рыбок, которые брезгливо подплыли к сушеным дафниям, высыпанным на поверхность воды, и не трогали их.

— Вы что, не голодные, это же такой чудесный супчик,— увещевал их Гарольд, еще раз попробовав на язык сухой корм.— Фу, гадость какая,— сказал он и посмотрел на банку.— Сушеные рачки,— прочитал он и сплюнул на пол.

Занятый рассматриванием консервной банки с кормом,

Гарольд не заметил, как за окном промелькнула тяжелая тень.

Он отставил банку, вытер рукавом губы и заспешил к своему другому любимцу — кролику Микки, который сидел, удобно устроившись, в ящике с полированными до блеска яблоками.

Он сгреб его, приподнял и погладил по пушистой красивой голове.

— А ты, Микки, чего молчишь, не хочешь сказать пару добрых слов своему хозяину?

Гарольд пощелкал кролика по носу, но легко и не больно. Тот засучил лапами, но, поняв, что ему ничего не угрожает, обвис.

— Микки, ты опять вылез из ящика и попортил редиску, которую я приготовил для завтрашних утренних покупателей. Кто тебе разрешал есть эту редиску? Если бы тебя увидела моя жена, она отрубила бы тебе башку. Скотина ты, Микки. А я к тебе так хорошо относился.

Гарольд вновь пощелкал кролика по носу. Животное недовольно завертело головой, засучило лапами и замигало своими кровянисто-красными глазами.

— Если Эди, тебя здесь, не дай бог, увидит, она из тебя пирог сделает.— Он как ребенка обнял кролика, прижал к груди и начал расхаживать вдоль прилавков, заставленных ананасами, яблоками, помидорами, огурцами, морковкой, редиской.

В магазине было почти все, что может потребоваться невзыскательному покупателю, выезжающему на уикэнд из города. Сверкали бутылки с разнообразными напитками, прозрачно светились галлоны виски, тускло поблескивали пробками бутылки коньяка.

— Но нет, Микки, из этих запасов я брать ничего не буду. Моя жена давно все пересчитала и открутит нам с тобой головы, если мы тут что-нибудь тронем. Свое я держу вот здесь.

Гарольд запустил руку под прилавок, пошарил ей, удовлетворенно хмыкнул и вытащил на свет плоскую пол-литровую бутылку с виски. Он не спеша открутил пробку, дал понюхать кролику.

— Ну что, нравится,— сказал мистер Смит и усмехнулся.— Мне самому нравится, так что тебе ничего не достанется.

Он запрокинул голову и сделал несколько мерных глотков. Блаженство отразилось на его лице. Он высунул язык, и его глаза закатились.

— Ну вот теперь, Микки, мы можем с тобой поцеловаться.— Влажными от виски губами Гарольд ткнулся в морду кролику.

Микки недовольно фыркнул и быстро застучал пушистыми лапами по груди хозяина.

— Что не нравится, а я так каждый вечер пью, и мне очень

нравится. Это неправда, Микки, что животное может умереть от десяти граммов алкоголя, не верь газетам, не верь этим дурным докторам. И от никотина ты не умрешь. Вот сейчас я закурю свою сигару и дам тебе затянуться. Не хочешь? — Кролик недовольно продолжал сучить лапами.— Ну ладно, тогда иди на место и сиди тихо. Не дай бог, жена тебя найдет. Хотя подожди,— Гарольд опять взял кролика на руки.— Понюхай, от меня пахнет спиртным? — Он дохнул прямо в пушистую мордочку зверька. Тот прижал уши к спине.— А черт, вижу, что пахнет,— сказал Гарольд.— Так что, все равно пропадать.— Он запрокинул голову и сделал еще несколько глотков.— Но знаешь, Микки, если виски хорошо закусить, то запах исчезнет. Сейчас закусим.

И Гарольд, уже совершенно осмелев, взял с прилавка пакет с сушеными орешками, слегка разорвал его в углу и высыпал себе на ладонь несколько подсоленных шариков. Он с хрустом начал их грызть. Кролик испуганно завертел головой.

— Но ничего, ничего, не волнуйся. Сейчас сделаем все, как и прежде.— Гарольд послюнявил целлофан пакета и, склеив его, поставил на прилавок.— Вот видишь, Микки, все как было, так и осталось, никто ничего не увидит. Правда, ты ведь не скажешь никому?

Кролик тяжело запрыгал по полу к своему большому глубокому ящику.

— А теперь, Микки, я покажу тебе самый верный способ убить запах виски и остаться трезвым. Знаешь, что надо сделать? Нет, родной, ты не знаешь. Виски лучше всего запить оливковым маслом.

Гарольд смело взял с прилавка большую трехлитровую бутыль с оливковым маслом, отвернул пробку, приложился к горлышку и сделал несколько глубоких глотков.

— Вот сейчас все в полном порядке. Но понимаешь, оливковое масло — это такая мерзость пахучая, что ее нужно тоже чем-нибудь закусить. Не пить же мне опять виски? — И Гарольд, пошарив глазами по прилавку, нашел коробки с пирожными.

Он открыл шелестящую коробку, взял залитую шоколадом пастилу и, смачно чавкая, принялся есть.

Гарольд торопливо жевал и смотрел в темное ночное окно.

Вдруг чья-то рука сильно сжала его плечо. Он судорожно вздрогнул и повернулся.

— Я тебя, сволочь, не покормила ужином, что ты жрешь здесь? — Перед ним стояла миссис Смит.— Это не для тебя поставлено и положено.

— Я, понимаешь, это...

— Я все понимаю, я же тебя хорошо покормила.

— Да, да, ты меня очень хорошо покормила. Спасибо, родная.

— А что эта скотина тут делает? — увидев кролика, миссис Смит взбеленилась.

— Микки,— забеспокоился Г арольд за своего питомца,— он помогает мне порядок наводить,— не к месту заметил он.

Но миссис Смит уже тяжело было остановить.

— Я эту скотину скоро зарежу,— зло кричала она мужу.— И тебя вместе с ней.

— Послушай,— пробовал успокоить жену Г арольд,— не злись, все же в порядке.

— В порядке, да ты, наверное, пьян!

— А кто же еще.

— Я совсем не пил,— мистер Смит дохнул на жену.

Та принюхалась — ив самом деле вроде бы и не пил.

— Но глаза, глаза у тебя пьяные,— она приблизилась к мужу вплотную и, упершись носом в его подбородок, заглянула в глаза.

— Ну что, я же говорил, что я трезвый,— неуверенно

сказал Гарольд.

— Да нет, ты пьян,— миссис Смит оттолкнула мужа.— Тебе врач говорил, чтобы ты потихоньку худел.

— Я и худею.

— А ты потихоньку воруешь тут еду. Воруешь еду, предназначенную покупателям. Это же наши деньги! — кричала миссис Смит,

— Да я вот только пастилу решил попробовать.

— Если бы только ты,— кричала женщина,— ты — это еще полбеды, а ты эту зверюгу кормишь, эту гадость.— Она ткнула пальцем прямо в мягкий бок кролика.

Микки вздрогнул и сильней прижался к своему добродушному пьяному хозяину.

Гарольд понял, что спорить бесполезно и спрятал взгляд в мех своего друга Микки. Только он понимал его в этом доме. Только с ним он чувствовал себя хорошо. Ему захотелось, как можно скорей, уйти от жены, спрятаться где-нибудь и допить наполовину опорожненную уже бутылку виски. Все равно прободать, так хотя бы уж весело.

Супруги разошлись в разные стороны. Миссис Смит пошла к кассовому аппарату проверить, не вытащил ли муж мелочь, оставленную там. А Гарольд, с кроликом на руках, отправился в склад. Он пересек темный двор, на котором медленно колыхались огромные цветные простыни и, отворив высокую дверь склада, вошел в сырой полумрак.

Гарольд никак не мог понять, почему беспокоится Микки. Почему судорожно вздрагивает и еще теснее прижимается к нему. Почему он так нервно сучит своими лапами и поводит длинными мягкими ушами.

— Чего ты нервничаешь, Микки, все уже позади. Жена моя ушла и ничего тебе сегодня не сделает. А я, с твоего разрешения, еще немножко выпью. Ты не против, Микки. Но кролик нервно дрожал.

Гарольд списал это на испуг, который он пережил при

встрече с его женой. Мужчина пошарил в стенном шкафчике и нашел там небольшую рюмку, из которой он всегда любил пить по вечерам, забившись от жены в склад.

Он походил немного вдоль стеллажей, заставленных консервными банками, прислушался, далеко ли его жена, и полностью успокоившись подошел к клетке, в которой жила подобранная им раненая ворона.

В вороньей клетке Гарольд прятал еще одну свою бутылку с виски. Жена боялась этой вороны и никогда бы не сунула свою руку в клетку.

Г арольд открыл зарешеченную дверцу и увидел разодранное тело вороны. Он в испуге отпрянул. Захлопнул дверцу и бросился в дом. Он подумал, это его жена убила птицу.

А миссис Смит в это время поудобнее устроилась на диване, включила телевизор и вновь собиралась приняться за довязывание носка.

— Что ты, сволочь, сделала! — закричал на жену Гарольд, врываясь в комнату.— Зачем птицу убила?!

Миссис Смит некоторое время непонимающе смотрела на него, потом зло сказала:

— Нажрался, сволочь, всякое тебе здесь мерещится. Да я к этой гадкой вороне и на пять метров не подойду.

По глазам жены Гарольд понял, что та и в самом деле говорит правду,— ворону она не трогала.

— А что же тогда случилось? — возмущался он.— Кто убил птицу?

— Да иди ты! — сказала миссис Смит.— Не мешай смотреть телевизор. Раз напился, то ложись спать, а не шляйся по складу.

«Может и впрямь померещилось»,— подумал Гарольд и решил пойти взять еще одну припрятанную бутылку виски.

Он удобно устроился возле дощатой стены гаража, рядом с ярко-красным баллоном огнетушителя. Плоская бутылка виски удобно легла в руку. Гарольд уже немного успокоился и, повеселев от выпитого, смело смотрел на мир. Он взболтнул содержимое бутылки и приложился к горлышку.

Но и тут ему не пришлось спокойно допить содержимое бутылки. Дверь гаража, завешенная большим полотнищем грязного брезента, вдруг всколыхнулась и на нёй проступили очертания человеческого тела.

— Что за черт,— сказал Гарольд, пряча на всякий случай бутылку за спинку стула.— Эй, это ты, моя дорогая? — неуверенно сказал он.

Но из-за занавески не донеслось ни звука. Она лишь еще раз мерно колыхнулась.

Гарольд осторожно поднялся и, тяжело ступая, неуверенно приблизился к дверям. Резко отдернул полотнище, но за ним никого не было — лишь пустой двор с колыхающимися простынями, которые не успела до конца убрать его жена. Свет одинокого фонаря тоскливо освещал асфальтированную площадку. Серебрились ветви елей, белел низкий забор.

— Неужели я так быстро напился, раньше со мной такого не бывало. Может плохо поужинал? — сам себе говорил Гарольд, расхаживая по гаражу.

Он открыл несколько стенных шкафов, осмотрел инструменты, банки с краской. Ничто не привлекло его внимание. Тогда он вновь решил приложиться к плоской бутылке, но что-то мешало ему это сделать, что-то мешало ему сосредоточиться, что-то отвлекало его внимание, но что, он не мог сообразить, и потому недоуменно бродил по гаражу.

— Неужели показалось,— прошептал Гарольд.— Ведь здесь явно кто-то есть. Или я такой пьяный, но вроде бы я еще не очень пьян,— попытался сам себя успокоить мужчина.

Он пошарил по стене и щелкнул выключателем. Вспыхнула яркая лампочка, залив гараж желтым светом.

— Вроде, все нормально, что же это такое со мной,— недоуменно говорил Гарольд.

Он открывал и закрывал двери, выглядывал на улицу, но ничего не привлекало его внимание. Наконец, осмелев, он открыл дверь, ведущую на улицу.

В ярком желтом свете сверкнуло лезвие секача. Секач опустился, рассекая грудную клетку Гарольда, Недоуменно поводя глазами, в которых было непонимание и ужас, Гарольд взмахнул руками и осел на пол, залитый бензином. Падая, он зацепил пустую канистру, упавшую и звонко загремевшую на весь гараж.

Миссис Смит вздрогнула, сидя на диване.

— Опять, пьяный, что-то сломал,— сказала она и подхватилась, побежав к двери.— Ну я ему сейчас задам, негодяю. Надолго запомнит этот вечер.

Но внезапно наступившая тишина испугала женщину.

— Гарольд, Гарольд! — неуверенно позвала она.

Но темнота не отвечала. Вокруг была тишина.

Миссис Смит, неуверенно ступая, брела по двору.

Мерно колыхались простыни, неподвижно висело тяжелое полотнище, закрывающее вход в гараж.

«Неужели так напился, что уже не может подняться?»,— успокаивала себя женщина. Она осторожно подняла полог полотнища и заглянула в темный сырой гараж.

От увиденного она закричала. Прямо, на полотнище, вцепившись в брезент когтями, сидела большая серая крыса. Женщина инстинктивно отскочила, привалилась к стене, небольно ударившись головой о небольшое застекленное окошко, и облегченно вздохнула.

— Фу ты, черт! Развел тут во всем доме гадость. Но куда же он сам подевался? — задумалась она.

И в этот момент, со звоном, разбилось стекло за ее головой. Огромная ладонь легла ей на лицо. Женщина дернулась, но сильная рука убийцы вжимала ее голову в переплет окна. Звенели бигуди на осколках стекла, сыпавшихся из рамы.

Лысая, в гнойных струпьях, голова убийцы блестела в лунном свете.

Свободной рукой он нашарил на полке короткий обрезок водопроводной трубы, взмахнул им, и остро отпиленный край, раздирая кожу, вонзился в тело миссис Смит. Она глухо застонала и осунулась по стене на асфальт площадки.

Убийца вытер окровавленные руки о брезентовый полог и, не спеша, уверенно, пошел по двору.

Список жертв Роджера пополнился за этот вечер еще двумя людьми.

Попискивая, перепуганный кролик Микки выбрался на порог склада. Не мигая, он смотрел на огромную фигуру убийцы, остановившегося посреди двора. Зловещая усмешка исказила безобразное лицо Роджера, он нагнулся и, схватив кролика за задние лапы, с размаху ударил о дверной косяк. Мертвый кролик полетел через забор и плюхнулся на асфальт дороги.

На дверном косяке застывала кровь.

Погода в этот уик-энд обещала быть прекрасной. Светило яркое солнце, на голубом небе не проплывало ни одного облачка.

Красивый новенький микроавтобус с закрепленным сверху таким же новеньким каноэ мчался по Детройту.

Когда автомобиль выскочил за город, девушка, сидевшая за рулем, сказала:

— Ну вот, сейчас свернем к большому белому дому и разберемся. Возьмем еще одну мою подружку. Надо же и ей сделать приятное. Пускай отдохнет с нами.

Автобус затормозил, и из него вышло трое молодых людей: две девушки и парень. Они осмотрелись по сторонам, и улыбающаяся Рита Макенрой направилась к порогу большого белого дома.

— Это вот тот белый дом, слева. Эй, Шелли,— обратилась Рита к кому-то в машине,— выходи, познакомься со своей девушкой. Ведь это ее мы припасли для тебя.

Но толстяк Шелли не спешил выходить из машины. Его пугала перспектива провести уик-энд с незнакомой девушкой, хотя одновременно и не хотелось одному проводить эти выходные.

— Ну и черт с тобой! — крикнула Рита.— Сиди, если ты такой трусливый.

Рита задорно засмеялась и похлопала по плечу высокого парня, который шел, обняв свою подругу.

— Это ж хорошая идея была, поехать всем вместе за город, на уик-энд.

— Я тоже так думаю,— сказал парень и еще теснее прижал к себе подружку.— Секс, секс, секс — это главное в жизни.— Он поцеловал девушку.— Или ты так, Дэби, не думаешь?

— Я во всем соглашаюсь с тобой, Энди,— Дэби больно укусила своего приятеля за мочку уха.

— Да ну вас к черту,— сказала Рита,— ни о чем другом думать не можете. Вам бы только трахаться.

— А ты о чем думаешь? — поинтересовался Энди.

— Ну, я временами думаю и о кое-чем другом.

Рита постучала в дверь.

— А теперь, ребята, примите пристойный вид, а то еще откроет мать Веры, а она развратных не любит. Мы должны смотреться, как отличники, благопристойно. Так что, Энди, опусти глаза, а то она увидит твой бесстыжий взгляд. И убери свою руку с задницы моей подружки. Этот жест не пойдет нам на пользу. Ну вот, молодцы. Вот так и встретим мать Веры.

Ребята весело перемигивались и подшучивали друг над другом.

Они стояли у двери белого дома, не видя, как к ним с ножом в руке приближается толстый Шелли.

Он успел натянуть на лицо страшную маску хоккейного вратаря, которая поблескивала в палящих лучах ужасным оскалом, и не спеша, приближался к Энди.

Он занес руку, и его нож ударил в спину парня.

Бутафорский резиновый нож свистнул и загнулся. Энди, вскрикнув от неожиданности, подпрыгнул:

— Опять твои идиотские шуточки! — набросился он на неуклюжего толстого Шелли, который сдирал с себя пластмассовую маску.— Прибереги их для других, они мне уже надоели.

— Ну, ребята, с вами и пошутить нельзя,— оправдывался парень.

— Дурак,Рита зло оборвала его.

— А что было бы, если бы нас сейчас видела мать Веры, вот

тогда она нас точно не пустит,— сказала Дэ-би.— Быстренько спрячь все это за спину и стой спокойно.

За дверями послышались шаги.

— Ты мудак толстозадый, я чуть в штаны не напустил от страху,— шептал Энди, наступая на ногу Шелли.— Ты почему такой засранец, Шелли, не могу понять.

— Я не засранец,— весело ухмыляясь отвечал Шелли.— Я актер. Это моя работа такая, смешить и выводить вас из состояния равновесия. Так что простите. Может быть, немножко неуклюже получилось, но все-таки мы развлеклись.

— Актер и засранец — это одно и то же,— успел прошептать Энди, когда уже открывались двери.

— Здравствуйте, миссис Санчес,— душась от смеха, проговорила Рита.

— Здравствуйте, девушки,— строго сказала мать Веры.

— Мы за вашей дочерью приехали,— постаралась напустить на себя серьезный вид Дэби.

Парни, стараясь не попадаться на глаза полной, стоявшей в дверях, женщине, отошли к микроавтобусу.

— Шелли,— говорил Энди,— ты брось эти свои шуточки.

— А что я такого сделал? — возмутился Шелли.

— Нет, если бы это было первый раз, я бы еще мог простить, а так помнишь Мэри, как ты мне с ней подпакостил, она до сих пор со мной не хочет встречаться. И это все из-за тебя.

— Ну прости,— говорил Шелли, обнимая друга за шею.

— А черт с тобой,— проговорил Энди.— Я же люблю тебя, ты мне нравишься такой, какой есть. Если бы не твои шуточки, было бы грустно жить.

— Ты и правда так думаешь,— вопрошающе заглядывал в глаза своему другу Шелли.

— Да, я так думаю. А если честно тебе сказать, так прыщавая Мэри мне вообще не нравилась. Такое убожество ты себе и представить не можешь. У нее на уме только богатые женихи. А я как ты знаешь...

— Знаю, знаю — ты богатый, но не очень.

— Правильно, Шелли, правильно. Ты всегда говоришь очень верные слова, только делаешь всякую ерунду. А я тебе уже простил, так что давай будем ждать девчонок. Смотри, сейчас выйдет твоя красотка.

А из-за закрытых дверей дома, куда вошла миссис Санчес, слышались громкие женские голоса.

— Ты никуда не поедешь, я тебе сказала, что ты никуда не поедешь! Кругом так неспокойно! — кричала женщина.— Да и эти твои друзья, ты посмотри на них, посмотри, ни одного

приличного лица.

— Мама, мама, успокойся. Это мои друзья. Я поеду с ними отдыхать, я им обещала.

— Никуда не поедешь, а если поедешь, то я тебя лишу каникул на Канарах!

— Мама! Мама! Ты же мне обещала, что отпустишь.

— Обещала и свое слово сдержу. Но не с ними, не с этим...

— Мама, не говори плохого на моих друзей. Они славные ребята. Они просто очень веселые. Смеются.

— Ладно, ладно,— сказала женщина.

Дверь открылась, и на порог вышла молодая, немного испуганная, но улыбающаяся Вера.

— Привет, девчонки.

— Привет, Вера. Ну что, ты едешь?

— Да. Это всегда вечная проблема — отцы и дети. Я думаю, у вас тоже так.

— Да, и у нас так. Это всегда так, когда взрослые не хотят нас понять, а сами небось развлекались еще почище. Ты спрашивала у своей мамы, как она развлекалась с твоим отцом?

— Да тише ты, тише, Рита, тише. Что ты с глупостями лезешь, а то услышит и не пустит.

— Ну ладно, не буду лезть с глупостями. Давай быстренько грузиться и поехали.

Девушки, хохоча и похлопывая друг друга по плечам, обернулись к микроавтобусу, на котором предстояло ехать. Из окон автобуса валили клубы синего дыма. Девушки на мгновение оторопели, а потом изо всех ног бросились к машине.

— Шелли, Энди! — кричала Дэби.— Подойдите к машине, вы не видите, что она горит! — девушка показывала рукой на клубы дыма, который шлейфом тянулся из кабины.

Первым в машину вскочил Шелли, но ничего не увидел из-за дымовой завесы. Он пытался разогнать дым рукой, но ничего не получалось. Из конца салона автобуса слышалось чихание, кашель и сдавленный смех.

Наконец, когда дым развеялся, Рита, Энди, Дэби и

Вера с удивлением увидели своих хохочущих друзей. Бородатого Чака и длинноволосую брюнетку Чили, которые поджаривали на газовой зажигалке розовый, пластиковый член. ’

— Откуда вы взяли эту гадость? — возмутилась Рита.

— Да вот, вытащили из сумки.

— У кого это? — мрачно спросил Энди.

— А вот этого,— засмеялась Чили,— я тебе не скажу. Наверное, у того, у кого самый короткий член. И ему нужен удлинитель.

Шелли скромно промолчал и потупил взор.

— Не волнуйся, я об этом никому не скажу,— хохотнула Чили.

— Ну что, ребята, хватит заниматься поджогами,— Рита села за руль и повернула ключ зажигания.

Рядом с ней, на переднее сиденье, чтобы лучше видеть дорогу, взгромоздились Энди и Дэби.

Машина, плавно набрав скорость, понеслась по лесной дороге, оставляя далеко за собой белый дом, в котором оставалась мать Веры, недовольная поведением дочери и поведением ее развратных друзей.

— Сколько мы еще будем ехать? — спрашивала нетерпеливая Чили.— Я не люблю так далеко заезжать, потому что потом долго возвращаться. Быстро вы все равно не доедите.

— Останавливайся, Рита.

— Это еще зачем?

— А мне нужно выйти пописать.— Вера скромно поджала губы.

— Ну ничего себе,— возмутился Энди.— Ладно, давай, Рита, останавливай. А то она сделает это тут, в машине.

Рита недовольно свернула на обочину и притормозила.

Веры не было довольно долго. Наконец, она вернулась и снова уселась на заднем сиденье.

— Если бы ты не ходила так долго, мы бы уже давно были на месте,— возмущалась Чили.

— А вам придется потерпеть,— сказала Вера.

Я беременная, потому так часто и должна **выходить.**

— В конце концов, сколько хочешь, столько и выходи,— сказал Чак, доставая из сумки небольшой целлофановый пакет с марихуаной.— Ты можешь выходить, а мы пока покурим. Правда, Чили?

— С удовольствием, дорогой. Давай сигарету.

Чак и Чили прикурили свои сигареты от знаменитой газовой зажигалки и, затягиваясь сладковатым дымом, откинулись на заднем сиденье.

— Дайте и мне, я тоже хочу развлечься,— Шелли протянул руку, в которую Чак сунул окурок.

— А мне,— настойчиво попросила Рита.

— А тебе нельзя — ты за рулем, а иначе забалдеешь — и мы вообще никогда не заедем на эти лесные озера,— сказала Дэби, сильно затягиваясь сигаретой.

Вера недолго крепилась, но и она взяла пущенную по кругу сигарету с марихуаной.

— А ты куда,— возмутился Чак,— как останавливаться и

бегать, так ты беременна, а как курить, так тебе можно? — он забрал себе сигарету и, сильно затянувшись, выкурил ее почти до самых пальцев.

— Ребята, а чего мы жмотимся,— сказал Энди.— Нам этого пакета хватит на весь уик-энд и еще останется. Давайте скрутим каждому по одной и побалдеем. А Рита пусть на нас смотрит и завидует.

— А я и не буду завидовать. Мне и так хорошо.

Рита на мгновение обернулась и попросила ребят открыть окно. Так уже накурено было в салоне.

— А Шелли тоже не давайте,— сказала Вера.— Он такой толстый, что будем считать его беременным.

Остальные молча курили, и Вера придвинулась поближе к Шелли, пытаясь заглянуть в большой кожаный саквояж, который Шелли примостил у себя на коленях и нежно обнимал.

— Что там у тебя? — не выдержала Вера.— Дай посмотрю.

— Это мои сокровища,— Шелли прикрыл рукой саквояж от любопытных глаз девушки.— Тут все то, что мне может понадобиться. Все мои шутки, я их всегда вожу с собой.

— И ты мне их не покажешь? — удивилась Вера.— Ведь все говорили, что ты будешь моим кавалером.

— Ну я хотел бы этого,— сказал Шелли,— но не знаю получится ли.

— Одну твою большую розовую шутку твои друзья уже успели сжечь, и я надеюсь, ты не сможешь мне ее показать.

Шелли смущенно заулыбался.

— Почему не смогу, я тебе покажу другую, настоящую, которую еще пока никто не сжег.

Девушка в ответ радостно усмехнулась.

— Но ее еще, наверное, никто и не видел,— добавила она.

Шелли, покраснев до кончиков кучерявых волос, чуть не засунул голову в свой саквояж, выискивая глазами там что-нибудь интересное, то, что можно сейчас показать Вере.

Но веселую расслабленность от марихуаны разрушил вой полицейских сирен. Три автомобиля выскочили из-за поворота и принялись нагонять микроавтобус ребят. Первой их заметила Вера.

— Ребята, прячьте скорей сигареты! Полиция!

Чак, вскинув высоко ноги, подпрыгнул на сиденьи.

С его колен упал на пол полиэтиленовый пакет с наркотиком.

— Нужно тут же уничтожить вещественные доказательства! — кричала Дэби, стоя на коленях и сгребая в ладонь просыпанную сухую траву.

— Что делать? Что делать? — метался Энди, не решаясь

выкинуть в окно окурок, ведь полиция могла остановиться и подобрать его.— Что делать? — неистово кричал он.

И тогда Шелли предложил:

— Нужно все это съесть.

Дэби недоуменно посмотрела на него.

— Как это?

— А вот так. Подели на всех, и пусть едят.

Дэби рассыпала в протянутые руки траву и остановила раздачу на Вере. Та, заложив руки за спину, спокойно смотрела ей в глаза.

— А ты что, не будешь есть? — грозно спросила Дэби.

— А не буду, мне нельзя, я ведь беременна,— сказала Вера.

— А черт! — Дэби скривилась и всыпала себе в рот сухое крошево.

Ребята нервно и торопливо жевали траву. Рита, нажав на тормоз, свернула на обочину. Но полицейские автомобили, не сбавляя скорости, со включенными мигалками, пронеслись мимо.

— Господи,— облегченно вздохнула Рита.— Пронесло.

И вся компания начала весело хохотать и сплевывать.

Чак поднял с пола пакет и высыпал изо рта не-дожжеванную марихуану.

— А я свою пайку приберегу на потом, вы мне еще завидовать будете. Если и дам кому, так только Чили. А вы будете слюнки пускать,— ехидничал он.

Дэби облегченно вздохнула.

— А я еще немного приберегла,— она разжала ладонь и бережно ссыпала в пакет остатки марихуаны.

— Может, перекусим,— предложила Рита.

— Да нет, знаешь, я не голоден,— ответил Энди, сплевывая в открытое окно зеленую слюну.— Я уже успел перекусить.

Через пять минут микроавтобус проезжал возле загородного магазина супругов Смит. У этого же магазина на асфальтированной площадке стояли и три полицейских форда со включенными мигалками. Еще у дома стояли две машины скорой помощи.

По двору расхаживали полицейские, бегали люди в белых халатах. Толпилась дюжина зевак, собравшихся посмотреть на происшествие.

Ребята увидели в окна своего микроавтобуса, как люди в белых халатах закатывают в машины скорой помощи носилки с трупами.

Рита не могла оторвать свой взгляд от страшной картины.

— А ты не зевай,— толкнула ее вбок Дэби.— А то и нас с тобой в такую же машину закатят, засунув в черный

полиэтиленовый мешок.

Рита, превозмогая любопытство, снова посмотрела на дорогу. Ей бросился в глаза мертвый окровавленный кролик, лежащий посередине проезжей части, над которым уже вились жирные черные мухи.

Рита инстинктивно сбросила скорость и объехала мертвое животное.

— Ну ты слишком сентиментальна,— проговорила Чили.— Не обращай внимания. Наверное, он просто выскочил ночью на дорогу и его сбило машиной.

— Я думаю о другом,— обернулась к ней Рита.— Я думаю о тех погибших людях в магазине.

— Да, наверное, обыкновенное ограбление,— бросил Энди, докурив сигарету.

— Смотри, смотри, осторожней, тормози! — кричала Дэби, чуть ли не вырывая руль из рук Риты.— На дорогу смотри!

Рита встрепенулась и резко нажала на тормоз.

Энди ударился головой о лобовое стекло.

Поперек дороги, подложив под голову рюкзак, лежал старый бородатый бродяга. Его шляпа прикрывала глаза, одна рука, положенная на грудь, мерно вздымалась в такт дыханию.

Ребята выбежали из машины и начали рассматривать чудака, решившего отдохнуть прямо на проезжей части.

— Что он тут делает? — удивлялась Дэби.

— Я же могла задавить его,— возмущалась Рита._

Нашел место, где разлечься.

Ребята рассматривали старика, но тот не шевелился, лишь только нервно дышал.

Наконец, Энди, брезгливо скривившись, двумя пальцами приподнял шляпу с его лица. Ослепленный солнцем, старик недовольно щурился на склонившихся над ним девушек. Его глаза немного косили и в них было что-то сумасшедшее.

Бродяга приподнялся на локте, внимательно осмотрел всех, кто окружал его.

— Дедушка, дедушка, вам, наверное, нужно помочь? — проговорила Рита.

Старик встрепенулся и попытался встать.

— Я, наверное, в раю,— промолвил он, окинув взглядом привлекательных молодых девушек.

— Поднимайтесь, поднимайтесь,— Дэби подала ему руку.— Мы вам поможем, а то на вас тут может кто-ни-будь наехать.

Старик тяжело встал, и ребята, взяв его под руки, отвели к большому раскидистому дереву.

— Спасибо, спасибо,— бормотал старик, пожимая руку Чаку.

— Вы очень добрые молодые люди.

— Да что вы, не за что,— добродушно улыбался Чак.— И со мной такое бывает, накуришься и ляжешь где непоподя.

— Вы очень добры,— повторил старик.— Я должен вас отблагодарить.— Бормотал старик, роясь в карманах.

— Ничего не надо,— отказывалась Рита.— Нам ничего не надо, мы просто помогли и все.

— Нет. Мне сегодня господь посла одну вещь. Я должен обязательно отдать ее вам.

Шелли, любопытствуя, перегнулся через плечо Дэби и смотрел что же такое интересное им предложит бродяга.

Рита, предчувствуя что-то нехорошее, отступила на шаг.

Старик держал в корявых тонких пальцах что-то подвижное и скользкое. Ребята недоуменно переглянулись.

ап

— Это, это, это же...— хотел сказать Чак, но его голос оссекся.

— Правильно,— пробормотал старик,— правильно, молодой человек, это глаз.

И он начал водить рукой с человеческим глазом перед лицами молодых людей.

Парни и девушки испуганно отпрянули в сторону и побежали к машине.

— Правильно. Это господь бог послал мне этот знак, чтобы я предупредил вас,— старик бежал за ребятами.— Это знак, это знак, который предупреждает.

Старик тыкал в ветровое стекло человеческим глазом. На стекле оставались влажные пятна.

— Это знамение, это знамение! — безумно кричал старик.— Это господь бог дал знамение мне, чтобы я показал его вам!

Рита повернула ключ и нажала на педаль. Машина рванулась с места. Старик стоял на дороге, протягивая в сторону удаляющейся машины свою находку.

— Вы должны немедленно вернуться туда, откуда приехали. Это знамение, это недоброе знамение.— Шептал он.

Его взгляд был безумным. Он смотрел в голубое безоблачное небо, и голубое безоблачное небо отражалось в его пустых холодных глазах.

Но испуг у молодых людей снова сменился весельем и шутками. Машина свернула с автострады на проселочную дорогу и, петляя, заскользила среди ярко-зеленых деревьев, кустов и высокой травы.

— Ну и сумасшедший,— проговорила Дэби.— Где он только взял эту дрянь.

— Это ерунда,— сказал Шелли.— У меня есть штучки и покруче.

Он порылся в своем саквояже и вытащил большую резиновую трясущуюся кучу дерьма.

— Если вы, ребята, будете себя плохо вести, я кому-нибудь подложу это в тарелку,— сказал Шелли.

Рита брезгливо сморщилась, а Чак выхватил из рук Шелли одну из его любимых вещей и выбросил в окно.

— Этот старик,— сказал Чак,— явно поплетется по этой дороге. Пусть ему господь пошлет еще одну интересную находку, и пусть он тычет ее в морды другим, а не нам.

— Чак, ты наглая сволочь, ты не знаешь, как дорого стоит это дерьмо. Я заплатил за **него пятнадцать** долларов, я купил его в лучшем магазине, а ты вот так, взял и выбросил на дорогу.

Ребята начали смеяться.

— Рита, Рита, давай вернемся, заберем. Оно нам еще может пригодиться. Я без него чувствую себя не в своей тарелке.

— Успокойся, Шелли,— сказала Вера.— Успокойся. И без него, я думаю, в твоей сумке еще валяется такой дряни сто штук.

— Не сто, а пятьдесят,— разочарованно сказал Шелли.

— Теперь уже не пятьдесят, а всего сорок девять,— Чак устало откинулся на спинку сиденья.— Нам еще пилить и пилить до этих лесных озер. Чем бы нам заняться по дороге, Чили? — спросил он.

— Ну, что-что, а занятие мы себе найдем,— ответила девушка, отсыпая из пакета пропитанную слюной своего друга марихуану.— Давай ее хоть просушим.

Чак вытащил из-за спинки старый журнал, разостлал его на полу, и Чили скупо начала отсыпать на него влажное зелье.

— Рита, может отдашь руль мне,— предложил Энди.— У тебя руки трясутся.

— Да отвяжись ты,— Рита прибавила газу.— Я в порядке, и не верю ни в какие господние предупреждения.

— Не веришь,— съязвил Энди.— Смотри, вон еще одно висит на дереве.

Рита перевела свой взгляд от дороги. На большом старом дереве весело полувыцветшее написанное от руки объявление: «Аварийный мост».

— Ну, что,— спросила Рита,— кто-нибудь, может, хочет пройтись пешком?

Но Чак возразил:

— Да не боюсь я этих аварийных мостов.

— Аварийный мост,— встрепенулась Чили,— это довольно романтично. К тому же, здесь не высоко. Если и грохнемся, то

только искупаемся в реке.

— Ну как хотите, я всех предупредила.

Рита осторожно подвела машину к ненадежному настилу. Одна за другой вздрагивали доски под тяжелым микроавтобусом. Но как не качался мост, как ни страшно было Рите, она все-таки преодолела препятствие. Машина снова выбралась на дорогу и покатила к близким уже лесным озерам.

Впереди синел мрачный еловый лес. Под деревьями слался пушистый, мягкий мох.

Еще немного попетляв по узкой лесной дороге, микроавтобус выскочил на поляну к сверкающему и искрящемуся в лучах солнца небольшому озеру.

На берегу озера стоял двухэтажный, на первый взгляд казавшийся заброшенным, большой дом со множеством хозяйственных пристроек, окружавших его со всех сторон. За запыленными, неживыми окнами, блестели батареи пустых бутылок.

Ребята радостно открыли дверь и высыпали из автобуса на поляну. Они захлопали в ладоши, забегали вокруг машины, радостно смеясь и крича.

— Ура! Ура! Наконец-то, мы доехали! Наконец-то, мы на месте и сможем весело провести уик-энд!

— Рита! Рита! Пойдем сразу купаться! — закричали девушки, спеша к берегу.

— Нет, вы купайтесь, а я пока отнесу вещи,— Рита открыла дверцу микроавтобуса.

Схватив большую спортивную сумку, легко забросив ее на плечо, Рита направилась к высокому крыльцу, ведущему к парадной двери.

Ребята в это время весело сбрасывали рубашки, расстегивали блузки и спешили к прохладной голубой воде, утомленные жаркой и пыльной дорогой.

Рита прикоснулась к двери, и та легко подалась. Ее это внезапно насторожило.

— Эй, эй,— тихо и испуганно вскрикнула она.— Здесь есть кто-нибудь?

Девушка замерла, прислушалась и только потом сделала несколько робких, еще неуверенных шагов в глубину дома. Она обводила взглядом такой знакомый интерьер: старый приемник, картина в золоченой раме, плетеные кресла, большой круглый стол, бутылки на запыленном подоконнике, погасший холодный камин с темными углями, старые стены со следами снятых картин, неприбранная посуда на кухонном столе, скрипучие половицы — все это было до боли знакомо. Ведь Рита провела

здесь свое детство. Это был загородный дом ее родителей.

Внезапно сильная рука схватила ее за шею и прижала к стене. Рита не успела крикнуть. К ее губам прильнул молодой парень.

— Рик! — неудовлетворенно замахала на него руками Рита.

— Да, да, это я. Правда, мне здесь было очень холодно и одиноко, и я немножко дал волю своему воображению,— странно поводя головой твердил парень, с удивлением разглядывая девушку.— Я что-то не то сделал, да? — Он смотрел на Риту.

— Нет, нет, все нормально, все нормально.— Она расхаживала по пустому дому.— Я снова здесь. Прошло два года, а мне кажется, я не была здесь всю жизнь. По-моему, ничего не изменилось, не правда ли? Даже картины висят на тех же местах и в тех же тяжелых рамах.

Рита подошла к одной из картин и поправила ее, приведя в горизонтальное положение.

— Да, да,— сказал Рик.— Все, как и раньше, все, как и прежде. Только ты, почему-то, со мной не здороваешься?

Рита весело улыбнулась.

— Привет, привет,— сказала она.

— Это уже неплохо,— Рик подошел к ней, взял за плечи и попытался поцеловать, но девушка увернулась и со смехом отошла в сторону.

— Куда ты спешишь, ведь у нас впереди еще целый уик-энд. Я хочу снова, постепенно тебя узнать.

— Только учти, Рита, я не очень люблю, когда со мной так разговаривают,— парень подмигнул девушке.

— Помоги мне притащить вещи.

Рита выбежала на крыльцо, но Рик ее опередил. Тогда девушка спрыгнула ему на плечи и так, сидя на нем верхом, стала направлять парня к машине.

— А ты потолстела,— заметил Рик, пронося ее мимо небольшой парковой скульптуры оленя.

Рита весело похлопала его ладонью по самой макушке.

— Не отвлекайся, еще свалишься,— придержал Риту Рик.

Он поднес ее к самой машине и бережно опустил на траву.

— Ты бери вещи, которые полегче, а я возьму самые тяжелые.

— Я же, кажется, закрывала эту дверцу,— насторожилась Рита.

— Что? — переспросил Рик, выглядывая из-за сиденья.

— Да так, ничего, показалось, наверное,— девушка настороженно осматривалась.

Но ничто не нарушало спокойствие и жизнерадостность

пейзажа. Она устало провела рукой по глазам.

— Да нет, в самом деле показалось,— сказала она.— Это, наверное, от того, что долго смотрела на дорогу.

Рик не понимал о чем она говорит и один за одним доставал из машины тяжелые чемоданы.

Рита стряхнула с себя оцепенение и протянула руку за лямку дорожной сумки, свисавшей со спинки сиденья. Вдруг из-за спинки взметнулась рука и схватила ее за запястье. Рита вскрикнула и попробовала вырваться. Тут показалась улыбающаяся физиономия Шелли.

— Не трогай, это мои вещи, я их возьму сам,— он отпустил девушку.

— Что ты тут делаешь, Шелли? Почему не пошел плавать с ребятами? — удивилась Рита.

— Да так. Не очень хочется.

— Да ты не ври мне.

— Ну знаешь, они купаются голышом, а у меня не очень хорошая фигура,— он похлопал себя по животу.

— Ну это я успела заметить,— сказала Рита.— Не расстраивайся из-за этого,— продолжала ока,— бывают фигуры и похуже.

— В самом деле? — удивился Шелли.

— У тебя много других достоинств,— успокоила парня девушка.

Рита долго ходила по дому, в котором не была вот уже долгих два года. Она вспоминала, как она играла в этих комнатах в куклы, как к ней приходили ее ровесники-друзья, вспоминала первый поцелуй, который произошел именно в этом темном коридоре.

Каждая вещь здесь была ей особенно дорога. С каждой из них было связано свое воспоминание. И с дуоовым старомодным комодом, и с часами в тяжелом золоченном корпусе, мирно тикающими на каминной полке.

Она переходила из комнаты в комнату, пока не подошла к дверям своей детской спальни. Ей предстояло решить, куда поселить гостей. Некоторое время Рита думала и, в конце концов, решила отдать свою комнату лучшей подруге Дэби.

Она вышла на крыльцо и позвала:

— Дэби! Вы думаете с ребятами распаковывать чемоданы? Или так и будете скакать голышом по лужайке.

Дэби, не спеша, набросила на себя куртку, натянула джинсы и пошла за Ритой в дом.

Спальня была не то, чтобы маленькой, но и просторной ее назвать было нельзя. Один из углов отгораживала черная,

расписанная вручную, китайская ширма. Окно окаймляли грубые толстые наличники.

— Это была моя спальня,— не без гордости сказала Рита, отдергивая запыленную занавеску с окна.

— Я польщена,— сказала Дэби.— Мне здесь нравится.

— Конечно,— Рита смахивала пыль с подоконника,— теперь здесь будешь жить ты.

— А где же кровать? — осмотрелась по сторонам Дэби.— Я должна же на чем-то спать? Или ты думаешь, мы с Энди будем валяться на полу.

Рита лукаво улыбнулась, отодвинула расписную китайскую ширму: в углу, на медной скобе висел, как толстая плетеная паутина, огромный гамак.

— Послушай, Дэби, может тебе понравится это? — Она прикоснулась рукой к гамаку.

Дэби удивленно открыла глаза.

— Это... так это же не кровать?! Это гамак.

— Ну и что. Я надеюсь, тебе с твоим другом понравится спать в гамаке. На этот уик-энд я отдаю спальню в ваше полное распоряжение. Но, пожалуйста, будьте осмотрительными, ничего не поломайте. Мне здесь дорога каждая вещь.

— Хорошо, хорошо,— успокоила подругу Дэби.— Но это очень интересно, как же в этом гамаке спать вдвоем?

Рита задумалась.

— Мне кажется, если вы хоть немножко напрягете свою фантазию, то прекрасно сможете в нем устроиться и придумаете для себя массу интересных положений,— она вновь лукаво улыбнулась.

Дэби повертела головой, поправила длинные роскошные волосы и в ответ улыбнулась.

— Да. Правда, мой друг не очень изобретательный, так что инициативу придется взять в свои руки. Но я думаю, смогу выйти из этого, казалось бы, безвыходного положения.

— Да никакого безвыходного положения, я думаю, у вас не будет. Вы найдете массу выходов.— Рита вновь засмеялась.

А когда она второй раз подошла к окну, раздвинула пыльные шелковые занавески и выглянула во двор, то ее взгляд поразили амбарные двери: они медленно закрывались. Девушка вздрогнула, как бы предчувствуя что-то недоброе, но ничего не сказав подруге, вновь задернула шторы, попытылась улыбнуться и заспешила на улицу.

В это время дверь распахнулась, и в спальню вошел Энди. Он держал в руках свернутый надувной матрас, футляр со скрипкой и два больших, доверху упакованных, рюкзака.

Он также внимательно осмотрелся, хмыкнул и задал вопрос:

— А где же кровать?

— А зачем тебе кровать? — поинтересовалась его подруга.

— Ну как, нам же на чем-то нужно будет спать. Мы же не будем валяться на полу.

— Нет, на полу валяться нам не придется. Смотри.— Девушка повертела в руках край гамака.

— Это гамак! — изумленно воскликнул Энди.

— Да, ты догадлив. Это гамак. И весь уик-энд мы проведем в этом большом и удобном гамаке, который будет раскачиваться, как маятник часов.

Пока Дэби и Энди разбирались с длинными запутанными веревками гамака, пока искали вторую скобу, за которую можно зацепить крюк, Рита все же решила проверить, не прячется ли кто в амбаре. На душе у нее было неспокойно. Ей было страшно пойти одной в заброшенный старый амбар, с которым, к тому же, у нее были связаны не лучшие воспоминания детства.

Она отыскала Рика, который сидел на прибрежном валуне и не спеша курил сигарету.

— Рик, знаешь, у меня есть для тебя небольшая работа.

— Разве мы приехали работать? — удивился парень.

— Нет, конечно, мы приехали отдыхать. Но нужно кое-что сделать в амбаре. Пойдем, а то я одна не справлюсь.

— Ну ладно, твое слово для меня закон,— сказал Рик, и они вдвоем направились к амбару.

По дороге Рита хотела признаться своему другу, что ее мучают недобрые предчувствия, но посмотрев на его беззаботное лицо, на искрящийся взгляд, она передумала. «Может и в самом деле в амбаре никого нет,— решила девушка.— А двери мог просто закрыть ветер. Ветер?»

Она остановилась и осмотрелась вокруг: не шевелились листья на деревьях, не раскачивались лапы елей, озерная гладь была ровна и зеркальна.

«Нет, ну что я такое думаю, что страшное может таиться в этой глухомани».

Рита догнала парня, и они вдвоем вошли в амбар.

— Ну и ну! — удивился Рик.— Зачем вам столько сена? — Он осматривал огромный штабель стюкованного сена, который громоздился под самые перекрытия.

— Это все мой отец,— весело прощебетала Рита.— У него какое-то патологическое желание. Последние годы он все время покупает сено и обещает купить хорошую скаковую лошадь. Но так и не может ее купить. А сено привозят и привозят. И его уже, как ты видишь, почти некуда девать.

— Да. Отец у тебя чудак. А лошадь бы нам не помешала. Мы бы могли на ней поездить верхом. Ничего, сейчас мы быстро здесь наведем порядок.

— Там наверху есть лебедка.

Рик взглянул наверх и увидел раскачивающийся стальной крюк на двух толстых тросах. Он взбежал по лестнице на чердак амбара и опустил крюк к земле. Рита быстро начала прицепливать тяжелые пахучие тюки сена и командовать подъемом их на чердак.

Парень разделся до пояса и, весело покрикивая, начал выполнять не очень уж желанную работу. Ведь он ехал сюда отдыхать, а не работать. И эта задержка, эта ненужная работа была ему в тягость. Но он не подал виду, а с радостью и веселием поднимал тяжелые тюки на чердак.

— Ты, конечно, понимаешь,— с чердака кричал Рик,— я мог бы провести этот уик-энд и с Мэри. Она меня настоятельно приглашала.

— Да, я понимаю. Но что ж ты с ней не поехал? Она что, не сходила к косметологу?

— Да нет, к косметологу она как раз сходила, но я решил провести эти выходные именно с тобой. И для этого отказал любимой девушке,— иронично выкрикнул с чердака Рик, поднимая очередной тюк с сеном.

— Ну ты и дурак, Рик. Ты потерял такой блестящий шанс.

— Да, да, может я и сглупил. С ней я уже точно не тягал бы тяжелые тюки с сеном, а лежал бы тихо где-нибудь на берегу озера в шезлонге *и* загорал. А так, видишь, приходится и работать.

— Но ничего, ничего, работа тебе только на пользу, а то у тебя начали образовываться жировые складки,— глядя на него снизу вверх, прокричала Рита.

Изо всех сил упираясь, Рик тянул веревку.

— Ну, и где ты нашла такой тяжелый тюк? — кричал он из глубины чердака.— Прямо нету сил тянуть.

— Тяни, тяни, раз взялся за работу! — кричала ему снизу невидимая Рита.

— Ну ладно, придется мне сыграть роль деревенского простака.

— Не так-то ты и прост, как пытаешься мне это доказать,— говорила Рита.

— Ну ничего, раз я деревенский парень, то у меня для всего должно быть свое место и время. Сейчас время поработать, а потом можно и развлечься. Я думаю, нам с тобой, чтобы хорошо познакомиться, нужно три часа.

— Почему это только три? — возмутилась Рита.

Рик тянул веревку и, обливаясь потом, продолжал:

— Я думаю, нам достаточно одного часа днем, который мы с тобой уже провели, и два часа ночью.

Рик сделал еще несколько рывков. Блок заскрипел, и в распахнутых дверях чердака возникла смеющаяся Рита. Она сидела на веревочной петле, вместо тюка сена.

Рик, занятый тяжелой работой, кричал очень громко. Он ведь был уверен, что девушка находится внизу, а она смотрела на него и улыбалась.

— Ох! — выкрикнул он и повернул голову.

Прямо перед ним была Рита.

— Да, ну ты и хитра,— проговорил он, и веревка заскользила в его руках.

Рита упала на душистую солому и весело захохотала. Рик высунулся из чердака, посмотрел на свою девушку, которая настороженно прислушивалась и осматривалась.

— Ты чего там замерла? Может ударилась? Ты мне нужна совершенно здоровой. Я не люблю хромых и безруких,— пошутил он.

Но Рита уже сорвалась с места и побежала к дому. Она услышала странный крик.

Парень, не задумываясь, соскочил следом и бросился в дом. Рита открывала одну за другой двери, заглядывала в разные комнаты.

— Мне кажется, что я слышала какой-то непонятный крик,— говорила она парню.

Он продолжал улыбаться и пытался схватить ее за руку, чтобы притянуть к себе и поцеловать. Но девушка не давалась, она выскальзывала из его объятий и мчалась по коридору, заглядывая то в одну, то в другую комнаты.

Недобрые предчувствия, охватившие ее, как только ребята приехали в этот загородный дом, вновь возникли в душе Риты. Она превратилась вся в слух и внимание. Осторожно ступая, она вошла в одну из небольших гостиных на втором этаже дома.

— Ты специально хотела заманить меня в дом? — поинтересовался Рик и попробовал еще раз обнять Риту.

— Да отцепись ты, это не игра! Я в самом деле слышала крик, — говорила девушка.

Рик посмотрел ей в глаза и сам сделался серьезным: столько было в них испуга и ужаса.

— Здесь есть кто-нибудь? — крикнула Рита, хотя и так было видно, что комната пуста.

— Но ты же видишь, здесь никого нет,— пытался успокоить

ее Рик.

— Тут есть кто-нибудь? — еще раз крикнула девушка, отдергивая портьеру.

Но там, кроме пыли и паутины, ничего не было.

Тогда взгляд девушки остановился на большом платяном шкафу. Она замерла и не решалась приблизиться к нему. Рик осторожно взял ее за руку.

— Ну чего ты испугалась, глупышка? — промилвил Рик.— Хочешь заглянуть в шкаф?

Рита, преодолев нерешительность, приблизилась к расписанным дверцам шкафа. Взялась за ручку и легонько потянула на себя. Раздался пронзительный скрип. Одна половина шкафа была пуста. Тогда Рита, переведя дыхание, осторожно потянула на себя и вторую дрерцу. Лишь только она приоткрылась, как из темноты шкафа что-то рухнуло на нее.

Девушка закричала, но успела отскочить. Из распахнутых дверей шкафа, на пол, упал Шелли. Из его кучерявой головы торчал глубоко всаженный окровавленный топор. Большое пятно запекшейся крови обезображивало лицо.

Девушка завизжала. Рик схватил ее за плечи и повернул к себе.

— Не смотри, не смотри на него! Не смотри, а то тебе станет плохо.

— В чем дело, в чем дело? Кто кричал? — На лестнице послышались быстрые шаги, и в комнату забежали Дэби, Энди и Чили.

— Боже мой, боже мой, господи! — вновь закричали они, увидев распластанное тело Шелли и его окровавленную голову с торчащим прямо из темени небольшим туристским топориком.

Первой пришла в себя Чили. Она нагнулась, чтобы послушать, бьется ли сердце Шелли. В это мгновение толстяк ожил, он дико захохотал и подхватился с пола.

— Урод! Урод! Сволочь! Скотина! Гад! — на разные голоса кричали девушки.— Мы чуть не умерли от страха! Все твои проклятые шутки! Идиот! Ты совсем сошел с ума! Ты что, не понимаешь, мы могли умереть от страха?!

Какое-то время они кричали, а Шелли, ехидно посмеиваясь, смотрел на них. Но тут все смолкло. Рита с удивлением смотрела на окровавленный топор, который до сих пор торчал из головы толстяка.

— Здорово я над вами подшутил,— смеялся Шелли, снимая с головы накладной парик с такими же кучерявыми, как у него волосами, и приклеиный к нему бутафорский топорик с обрезанным лезвием.

Рита возмутилась и снова закричала:

— Урод ты поганый! — и стала его вновь запихивать в шкаф. — Чтоб ты весь уик-энд сидел тут и не показывался!

— Я смотрю, он ничего не понимает,— сказала возмущенная Чили.

— Да, ребята, я только пошутить хотел,— разводил руками Шелли.— Я не хотел,— оправдывался он.

— Да ты никогда ничего не хочешь,— сказала Энди.

— А я пойду отсюда. Мне надоели эти дурацкие выходки,— Чили хлопнула дверью и побежала вслед за Энди.

Один только Рик с удивлением и восхищением вертел в руках туристский топорик с приклеенным к нему кучерявым париком.

— Дерьмо собачье,— сказала Вера и гневно осмотрела Шелли с головы до ног.

— Да я только пошутить хотел, а вы уже сразу и обиделись.— Шелли чувствовал себя виноватым.

— Да ладно, не расстраивайся,— сказал ему Рик, когда они остались вдвоем.— Эти богатые девчонки все такие.— Рик похлопал по плечу парня.

— Послушай, Рик,— остановил его толстяк,— а Вера что, в самом деле беременная?

Рик улыбнулся.

— Ну такой мастер на розыгрыши, а не можешь поняты это тоже ее шутка. Такой же накладной окровавленный парик, как тот, что был у тебя на голове.

— А, ну тогда я спокоен,— обрадовался Шелли._

Значит, она будет моей. Ха-ха.

Рита ходила по двору, не зная что делать со своей бессильной злобой. Ей не хотелось никого видеть, выходка Шелли страшно разозлила ее.

Но тут она вспомнила, что все-таки не зря они вместе с Риком растягивали тюки сена. Она широко распахнула ворота амбара и пробралась к старенькому, добитому фольксвагену своего отца, про который тот видимо забыл за своими тюками сена.

Она села в машину и повернула ключ зажигания в замке. Загорелись лампочки приборов. Ну нет, наверное, отец помнил о нем, аккумулятор не до конца посаженный. Девушка завела мотор и вывела машину за ворота амбара.

Но тут наперерез ей бросился Шелли. Он хватался за ручку дверцы и кричал:

— Рита, подожди! Куда ты, я не хотел тебя обидеть! Это же была шутка! Куда ты уезжаешь?

— Иди к черту! — кричала Рита, но все-таки сбавила скорость.

Шелли не унимался:

— Рита, подожди! Я все объясню, остановись.

— Черт с тобой,— сказала девушка и на ходу открыла дверцу.

Шелли обежал машину и впрыгнул на сиденье. Маленький фольксваген сильно качнулся от такой массы.

— Ты что, собралась домой из-за меня? — изумился Шелли.

— Да нет, придурок, просто нужно съездить в магазин, кое-чего купить.

— А, ну теперь я успокоился. Мне тоже нужно прикупить кое-какие вещи, а то я задумал пару новых сюрпризов и забыл прихватить составляющие из дому.

— Ладно, какая-никакая защита мне будет в дороге.

— Может все-таки меня пустишь за руль? Я же мужчина,— воодушевился Шелли.

— Да нет. Знаешь, мне спокойней самой.

Некоторое время Рита молчала, но потом не выдержала:

— Послушай, Шелли, почему у тебя такое больное воображение? Такие идиотские выходки? — поинтересовалась она.

— А все очень просто,— объяснял ей толстяк.— Я хочу привлечь к себе внимание. Понравиться Вере.

— А, ну теперь ясно,— Рита вновь посмотрела на дорогу.

— Вы же сами хотели свести меня с этой девушкой.

Знаешь почему, Шелли, мне не очень нравятся

твои шутки?

— Нет. Не знаю. Я думал, они должны нравиться всем.

— Нет. Понимаешь, когда-то давно здесь, в этом доме, со мной произошло одно очень неприятное происшествие. И мне теперь все время что-то мерещится.

— Что тебе мерещится? Мертвецы? Скелеты? Убийцы?

— Да как тебе сказать. Честно говоря, я не могу ответить тебе на этот вопрос. Меня просто все время угнетает какое-то недоброе предчувствие.

— Да,— глубокомысленно проговорил Шелли.— Слушай,— обратился он к Рите, чтобы хоть как-то вывести ее из тяжелого состояния и отвлечь от грустных мыслей,— а какие у тебя отношения с этим красивым парнем, с Риком?

— А, с Риком? Все о'кей. Все очень хорошо,— сказала Рита и весело улыбнулась. Ей было приятно думать о Рике.

— Держи себя в руках, Рита. Все будет в порядке,— Шелли похлопал себя по толстому животу.— А самое главное, внимательно смотри на дорогу, тогда все будет еще лучше.

Машина, поднимая пыль, мчалась по проселку.

По дороге, старенький фольксваген на большой скорости

обогнали два больших мотоцикла. За рулем одного сидел в черной кожаной куртке бритый наголо негр. Он помахал Рите, подбавил газу, и мотоцикл мгновенно скрылся за поворотом.

Второй мотоцикл еще немного попетлял перед самым фольксвагеном, мешая смотреть на дорогу, поднимая густую белую пыль.

— Вот уроды, ненавижу этих металлистов,— сказал Шелли.

— А, ничего. Они только с виду такие крутые, а на самом деле обычные ребята, как мы.

— Хм... Обычные. Эти обычные могут принести много неприятностей и наделать столько гадостей, что мы не расхлебаемся за весь уик-энд,— проговорил Шелли, роясь в карманах.

Водитель второго мотоцикла, невысокий парень, в металлических браслетах и в безрукавке с нарисованным на спине хищным пауком, зло улыбнулся Рите.

Темнокожая девушка, которая сидела за ним, помахала рукой сидящим в машине молодым людям. Ее, обычная для металлистов, одежда совсем не вязалась с окрестным сельским пейзажем. Зато она чудесно дополняла никелированный, мощный мотоцикл. Это были плотно облегающие штаны из тонкой черной кожи, короткая куртка с металлическими заклепками, широкий кожаный пояс с привешенным к нему хвостом лисицы.

— Ну и пусть себе едут,— сказала Рита.— Нам же вместе с ними не отдыхать, у них свои заботы, у нас свои. Да и ты сам, Шелли, не подарок, если взглянуть на тебя со стороны.

— Я, конечно, не подарок,— вздохнул парень,— но мои шутки куда безобиднее такого вихляния на мотоциклах по дорогам. Из-за таких вот металлистов и случаются аварии.

Когда Рита и Шелли подъехали к придорожному магазину, возле крыльца уже стояли два запыленных, но все-таки блестящих мощных мотоцикла. Металлистов возле них не было видно. Скорее всего, они уже зашли в магазин.

Темнокожая продавщица скептически посмотрела на протянутый Ритой талон.

— Знаете, девушка, а мы не принимаем здесь продовольственные карточки.

— Шелли,— окликнула своего друга Рита.

Тот стоял возле одной из полок, уткнувшись в красочный детский комикс.

— Шелли, мне нужны наличные деньги!

Толстяк лихорадочно стал шарить по карманам и,

наконец, извлек на свет толстый бумажник. Он неловко подбросил его в воздух, явно изображая из себя ковбоя. Как Рита

ни старалась словить бумажник, тот упал на пол.

— Восемнадцать долларов,— невозмутимо сказала продавщица.

Шелли, казалось, не хотел исправлять своей ошибки. И Рите пришлось нагибаться за бумажником. Но только ее рука дотянулась до него, как на бумажник опустился

черный сапог с высоким каблуком и обитым блестящей сталью носом.

— Извините,— встрепенулся Шелли,— но мне кажется, что это мой бумажник.— Он сделал шаг к чернокожей девушке, которая вертела в руке, увешенной металлическими браслетами, бумажник Шелли.

Он хотел еще что-то сказать и вырвать бумажник из рук чернокожей металлистки. Но в этот момент к нему с двух сторон устремились два молодых человека, заломили ему руки за спину и с трудом приподняли от земли. Тяжелые кованые цепи на груди ребят глухо зазвенели.

— Ты что-то хотел сказать, толстяк? Ну, говори! — прошипел ему прямо в лицо бритый наголо негр, которого звали Али.

— Нет, нет. Все нормально, все нормально, ребята. Спокойно.

Второй металлист ловко залез в нагрудный карман рубашки Шелли:

— А больше у тебя наличных нет, толстяк? Они бы нам очень и очень пригодились.

— Нет, что вы, ребята, все деньги в бумажнике. Можете их забрать.

— Мы что, похожи на грабителей, Локо? — спросил бритоголовый негр Али у своего дружка.

— Да нет. Мы совсем не похожи на грабителей. Этот парень ошибается,— ответил его низкорослый друг.

— Ребята, может тогда вам пивка купить? — поинтересовался Шелли.

— Да нет, пива мы не пьем. Только за свои деньги.

— Может я все-таки возьму свой бумажник? — твердо сказала Рита, обращаясь к надменной темнокожей металлистке.

Та небрежно раскрыла бумажник, пошарила в нем и, скривившись, вытащила полупрозрачную розовую пачку с презервативом.

— А этот презерватив ты для кого приготовила? — спросила металлистка, кивнув в сторону Шелли.

— Извини, девочка,— сказал Али,— моя подружка Лиса ошибается. Этот презерватив приготовил для тебя толстяк. Это ж его бумажник. Он хотя бы сказал тебе о своих планах? — негр громко расхохотался.

Не отвечая, Рита попробовала схватить и вырвать бумажник из рук металлистки, но реакция у той была быстрее. Она спрятала бумажник за спину и зло проговорила, растягивая слова:

— Видимо, мать не научила тебя вежливости, детка.

Рита все еще зло молчала.

— Надо попросить, вежливо попросить,— проговорила Лиса.

— Рита,— попробовал вставить слово Шелли,— может и в самом деле, попроси. Ты же вежливая девочка.

Рита злостно сверкнула на него глазами и продолжала молчать.

— Ну, я жду,— говорила Лиса, заглядывая в глаза Риты.

— Ну, хорошо,— наконец, проговорила девушка. Ее слова отдавали холодом.— Можно я возьму свой бумажник?

— А где — пожалуйста? — возразила негритянка,— так не пойдет.

— Можно, я возьму свой бумажник. Дайте его мне, пожалуйста,— проговорила Рита.

— Уже лучше,— металлистка вынула из-за спины бумажник. — Но нужно еще добавить, мэм. Или тебе не нравится цвет моей кожи? Если ты непонятливая, то я проговорю все вместе. Ты мне скажешь: «Можно, я возьму свой бумажник, мэм».

Делая ударение на каждом слове, Рита повторила:

— Можно я возьму свой бумажник, мэм?

Слово «мэм» прозвучало в ее устах, как самое страшное ругательство.

— Очень хорошо,— удовлетворенно сказала негритянка и отдала бумажник Рите.

Торопливо отсчитав ровно восемнадцать долларов, Рита схватила пакеты с провизией, отобранные ей и Шелли, и устремилась к выходу. Шелли еле поспевал за ней.

Бритоголовый негр Али плюнул вслед молодым людям. Его дружок Локо подмигнул Лисе и выстрелил вслед Шилли окурком, попав тому прямо в спину. Но Шелли не оборачивался. Он только испуганно смотрел на Риту и шепотом повторял:

— Рита, они случайно не идут за нами? Оглянись.

— Сядь за руль,— проговорила Рита, протягивая Шелли ключи.— А то от злости у меня руки трясутся, я могу разбить машину.

Воодушевленный таким доверием, Шелли взбодрился:

— В следующий раз я покажу этим подонкам. А сейчас мы с тобой спешим, ведь правда? — говорил он, садясь в старый фольксваген.

— Я надеюсь, в следующий раз мы в самом деле не будем так спешить уехать отсюда,— ехидно сказала Рита, захлопывая

дверцу.

За перепуганным Шелли следили с крыльца трое металлистов. Али почесывал черную лысину и попинал пиво из блестящей банки. Лиса похлопывала себя по затянутой в черную кожу ляжке. А Локо звенел цепями.

Перепуганный Шелли не знал, за какую рукоятку схватиться раньше. Наконец Рита помогла ему повернуть ключ в замке зажигания. Шелли рванул рукоятку переключения скоростей и отпустил педаль сцепления. Машина рванулась назад, повалив блестящие мотоциклы рокеров прямо в лужу. Шелли от ужаса не знал что делать.

Бритоголовый Али разъяренно бросил в фольксваген банку с пивом и, с искаженным от злобы лицом, кинулся наперерез машине.

— О черт,— шептал Шелли,— я же не хотел этого, о черт.

— Ладно, поехали,— крикнула ему Рита.

Шелли немного пришел в себя и что есть силы надавил на педаль акселератора.

Елозя шинами по песку, автомобиль набирал скорость. Но дорогу ему преградил Али. Он растягивал в руках длинную кованую цепь, и казалось, не собирался отскакивать в сторону. Шелли испуганно закрыл глаза и сказал Рите:

— Держись, сейчас мы его собьем!

Но нервы у толстяка не выдержали, и его левая нога до отказа нажала на педаль тормоза. Фольксваген остановился буквально в нескольких миллиметрах от Али, который занес для удара тяжелую никелированную цепь.

Темнокожий рокер пригнулся и посмотрел на испуганное лицо Шелли. На толстых губах негра зазмеилась ехидная улыбка. Шелли облегченно вздохнул, он думал, что опасность миновала. Но в это время рука с цепью взлетела вверх, на Шелли и Риту посыпалось разбитое ветровое стекло.

Парень и девушка истошно вскрикнули и закрыли лица руками. Али все также ехидно улыбался.

С другой стороны в боковое стекло ударил кулак Локо, обернутый такой же толстой никелированной цепью.

Шелли хоть и был до смерти испуган, но сообразив, нажал на педаль газа, и машина, поднимая клубы пыли, рванула с места. Али бросился к своему черному мотоциклу. Взревел мотор. Шелли в это время круто развернулся и помчался навстречу рокеру.

— Что ты задумал? — закричала Рита.

— Я ему, гаду проклятому, сейчас покажу.

Фольксваген, набирая скорость, несся на черный

мотоцикл, за рулем которого сидел Али.

Нервы у Али не выдержали. Он бросил мотоцикл.

С победным криком, хохоча и улюлюкая, Шелли направил фольксваген отца Риты на черный сверкающий мотоцикл. Затем резко развернулся и, набирая скорость, помчался в сторону загородного дома.

— Как, как я его, здорово! А, Рита, тебе понравилось?

— Здорово! Ну ты герой! Я и не думала, что ты такой смелый парень.

Шелли удовлетворенно хлопал ладонями по баранке.

— Да, ты еще не знаешь, какой я смельчак. Я еще и не такое могу сделать.

— Ну ты молодец. Я всем расскажу, какой ты герой,— не унималась Рита, охваченная радостью внезапной победы.

А разъяренный чернокожий Али стоял посреди дороги и размахивал кулаками вслед удаляющемуся фольксвагену.

— Сукин сын! Ублюдок! Иди сюда! Вернись! Я тебе покажу! — кричал Али, потрясая кулаками.

Но машина уже свернула за поворот и пропала из виду.

Рокеры вернулись к своим мотоциклам, осмотрели их: техника была сделана очень хорошо, и фольксваген не смог сильно повредить отменный мотоцикл Али. Мотор работал, руль поворачивался, и Али, удовлетворенно похлопав по мягкому сиденью, обтянутому черной кожей, вновь грязно выругался, глядя в ту сторону, куда умчался белый добитый фольксваген.

— Я еще им покажу, я этого так не оставлю.

— Да, да,— сказал Локо,— этим мерзавцам нельзя спускать, — мы им устроим красивую жизнь. Мы им покажем.

Лиса зло усмехнулась:

— Надо будет сделать им такую гадость, чтобы они нас запомнили на всю оставшуюся жизнь. Правда, ребята?

— Конечно, мы им устроим,— Али потер свой бритый затылок, позвенел цепями и завел мотоцикл.

Ожидая своих друзей, на берегу озера развлекались, как могли, Энди, Дэби, Чили и Чак.

Дэби лежала на траве, подставив свое тело ласковым лучам солнца. Энди склонился над ней и, держа в двух пальцах резинку, на конце которой был привязан голубой пластиковый шарик, помахивал им над лицом своей подруги. Шарик то подскакивал к самой руке Энди, то опускался к губам Дэби.

— Может, нам заняться какой-нибудь гимнастикой? — предложила девушка.

— Это вся гимнастика, которая мне нужна. Тебе эти движения ничего не напоминают? — сказал Энди.

— Осторожней,— проговорила Дэби, пытаясь словить губами голубой шарик.

Энди немного перевел руку, и в следующий раз шарик опустился прямо на грудь девушки.

— Энди, я тебя предупреждаю,— смеялась Дэби,— в следующий раз я порву эту гадкую резинку.

Дэби изловчилась и схватила шарик руками, но угрозы своей не выполнила. Они так и держались за растянутую резинку с двух сторон — Дэби и Энди, ожидая, кто же первый разожмет пальцы.

В этот момент за домом послышалось стрекотание двигателя фольксвагена, и машина с разбитым ветровым стеклом выехала прямо на лужайку.

Первыми подхватились Чак и Чили. Парень бросился к машине и изумленно рассматривал разбитое стекло.

— Что с вами случилось, ребята?

— Да так, произошло небольшое недоразумение с одной бандой мотоциклистов,— гордо возвестил Шелли, выходя из машины.— Их было человек двадцать. Но мы с Ритой вдвоем справились.

Чили присвистнула.

— А Шелли молодец. Он им всем показал,— сказала Рита, доставая из машины большие бумажные пакеты с провизией.

— Господи. Что вы сделали с машиной? — изумился Рик.

— Да ладно. Рита уже все мне простила. Просто нужно было проучить одних нахалов.— Шелли, не обращая внимания на Рика, обнял Веру и провел ее в дом.

— Ну ладно. Мне уже здесь начинает надоедать,— возмущался Рик, обращаясь к Рите.— Я собрался здесь весело провести несколько дней с тобой. А тут какие-то непонятные разборки с мотоциклистами. Разбили машину твоего отца.

— Не надо, Рик, мы же все-таки вместе.

— Это все начинает выводить меня из себя,— парень сбросил руку девушки со своего плеча.— Я, наверное, уеду,— говорил Рик.

— Погоди, погоди, не суетись, не нервничай,— пробовала успокоить его Рита.

— Нет, я уеду, мне все это начинает изрядно надоедать. Твои непонятные отношения с Шелли, они меня выводят из себя.

— Ну что ты. Шелли хороший парень. Он хоть иногда и зло шутит, но в принципе, как выяснилось, он хороший парень.

— Ладно, посмотрим,— сказал Рик.

— Я же с тобой,— улыбнулась Рита.— Мы будем вместе, не волнуйся.

— Хорошо.

Парень и девушка обнялись у разбитой машины.

Ни Рита, ни Рик, занятые выяснением отношений, не видели, как за ними из приоткрытых дверей амбара наблюдал мрачный убийца, сверкая налитыми кровью глазами.

— Ты не веришь, что я ехал сюда только ради тебя,— говорил Рик.

— Почему, я тебе верю,— не очень уверенно возражала Рита.

— Я даже работал ради тебя, таскал это дурацкое сено. Так что ты должна меня отблагодарить. Давай сядем сейчас в машину и уедем отсюда, побудем вечер вдвоем.

— А ребята? — недоуменно спросила девушка.

— Ребята найдут чем заняться. Шелли их развлечет.

Рик распахнул дверцу машины, приглашая Риту садиться. Та колебалась недолго и, в конце концов, согласилась. Рик неторопливо завел двигатель, и машина покатилась по проселочной лесной дороге, удаляясь от дома, удаляясь от озера, от амбара, в котором пряталась смерть.

— Смотри,— сказал Энди, обращаясь к Дэби,— Рик и Рита бросили нас, поехали развлекаться одни. Что мы будем делать дома?

— А зачем сидеть дома? — изумилась девушка,— мы можем найти укромное место.

— Ив самом деле,— Энди почесал затылок,— давай пойдем купаться!

Дэби поправила тонкие брительки своего купальника посмотрела на парня и согласно кивнула головой.

— Купаться, так купаться, вода должна быть теплой, и мы сможем развлекаться в ней.

— Ты любишь купаться? — спросил Энди.

— Мне вода нравится другим, под водой ничего не видно. Наши головы будут сверху, а внизу мы сможем заниматься чем захочем.

— Отвратительное предложение,— сказал Энди.

— Ладно, не прикидывайся, что ты еще такой девственник,— Дэби похлопала его по щеке.— Подожди, я сейчас принесу полотенце, и мы пойдем, у нас будет чудное развлечение.

Пока девушка брала в машине полотенце, пока она искала одежду, в которую переоденется после купания, невдалеке от дома, за поворотом, остановилось два мотоцикла. Али первым соскочил на землю и приложил указательный палец к своим пухлым губам. Блеснули белоснежные зубы.

— Тихо, ребята! Теперь будем красться, нас не должны заметить.

Локо и Лиса соскочили на землю, отвязали от багажников своих мотоциклов вместительные красные канистры и короткими

перебежками стали пробираться к дому. Они видели, как Энди и Дэби, обнявшись, пошли к озеру.

Чак и Чили, накурившись марихуаны, спали на мягком диване в кабинете отца Риты. Они не слышали и, естественно, не видели, как к яркому новенькому микроавтобусу подкрались трое металлистов.

На шее Али, рядом с цепями, висел толстый резиновый шланг. В руках у ребят были пустые гремящие канистры. Они обошли микроавтобус и принялись сливать бензин в своих канистры.

— А может быть, не стоит, Али? — вырывала из рук яркий шланг Лиса.— Может, не надо... Понимаешь, мне их немножко жалко.

— Тебе жалко? А этому толстому меня не было жалко! И он мог сбить меня, и я мог бы уже лежать на носилках, с головы до ног накрытый черным целлофановым пакетом. Тебе не жалко меня?!

— Заткнись, Лиса! — сказал Локо.— Сейчас мы с ними разберемся. Нельзя прощать таким сволочам! Нельзя прощать этим богатеньким соплякам их проказы.

— Ладно, ладно, ребята, делайте что хотите, но я ни
при чем.— Лиса развернулась и спряталась в кустах.

— Только обещайте мне, что ни с кем ничего не случится.— Обратилась к ним из кустов девушка.

— Не бойся, не бойся, ни с кем ничего не случится,— проговорил Али, вырывая у Л око из губ сигарету и подальше отбрасывая ее.

— Эй, Лиса, не сиди в кустах, ты же не настоящее животное, сходи к амбару и проверь, вдруг там кто-нибудь есть.

Девушка нехотя перелезла через невысокий забор и подалась к огромному амбару. Она в нерешительности остановилась перед дверью, но, увидев, что ее друзья вопросительно смотрят ей вслед, вошла внутрь амбара.

Тяжелая дверь истошно скрипнула, когда девушка затворила ее за собой. В амбаре было полутемно. Она постояла несколько секунд, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте, и осмотрелась. Тюки с сеном, седло лошади, старые детские санки, вилы, грабли и еще какие-то неизвестные ей инструменты висели по стенам и лежали на земле. Она зло толкнула тюк с сеном, и он мягко упал набок. Напильники, топоры, куски рельсов, куски металлических кронштейнов, цепи висели на стенах амбара.

Цепи привлекли внимание Лисы. Она подошла к ним, взяла с полки старый ржавый напильник и ударила по цепям, потом ударила в старый таз, затем по ржавому ведру, по какой-то

пустой канистре. Все предметы ответили на ее удары своими металлическими голосами, а Лиса удовлетворенно усмехнулась. Ей нравились звонкие ритмы, она даже сделала несколько резких танцевальных движений, истошно выламываясь и изгибаясь. Каблуки ее кожаных сапог отбили на глиняном полу сложный ритм. Она прищелкивала пальцами и продолжала ударять напильником в гулко грохочущий медный таз. Это занятие ее явно развеселило. Отбросив напильник, она продолжала исследовать обширный амбар.

Внимание девушки привлекла биклажка, обтянутая вытертой, лоснящейся кожей. Рядом с биклажкой висело старое потертое седло со стременами. Девушка попробовала сунуть ногу в стремя и у нее появилось желание вскочить в это старое ковбойское седло.

Но что-то ее остановило. Что-то привлекало ее внимание. Возможно, она почувствовала на себе какой-то тяжелый взгляд или услышала легкий шорох или хруст соломы под чьими-то шагами.

— А, ветер, никого здесь не может быть. Сквозняк и ветер, надо было плотно притворить дверь,— сама себе прошептала девушка, обходя полки с банками краски, ведрами, старыми лейками, дотрагиваясь до острых зубьев старой бороны.

Заглядевшись на косые лучи солнца, пробивающиеся сквозь крышу амбара, она споткнулась и упала на солому. Прямо перед ее глазами торчали острые зубья вил.

— О, черт! — недовольно выругалась девушка, глядя на сверкающий металл.— Так и помереть недолго! Споткнешься ненароком, а здесь какая-нибудь гадость уже и поджидает, чтобы впиться в тело. Набросали, сволочи, всего! Правильно ребята решили им отомстить. Абсолютно правильно!

И она зло отбросила ногой блестящие вилы. Когда она вновь подняла голову и взглянула на люк, отделяющий чердак амбара от нижнего помещения, оттуда просыпалась горсть золотистой соломы.

— О, черт, кто здесь? Кто здесь? — крикнула девушка.

Но тишина была полной.

— Наверно, голуби, надо посмотреть.

И она начала подниматься по приставной лестнице на чердак. На чердаке царило полное спокойствие, пахло свежим сеном, и девушка, увидев крюк лебедки, приблизилась к нему, зацепилась руками и начала раскачиваться.

А тем временем Али и Локо уже кончили сливать бензин. Тяжелые канистры стояли на пыльной земле.

— Я пойду,— шептал Али,— ты слишком мягкотелый, Локо.

Ты не сможешь поджечь амбар.

— Это я мягкотелый? — возмущался, гремя цепями, его друг. — Я сделаю так, что тут и головешки целой не останется. Дай сюда канистру!

Какое-то время они возились, вырывая один у другого из рук тяжелую красную канистру.

— Ладно, если ты уже так хочешь,— смилостивился Али,— то иди к амбару. Только хорошенько облей все стены, ничего не пропусти, чтобы пламя занялось сильно, а я пойду вон к тому сараю.

Али взял вторую тяжелую канистру и, пригибаясь, перебежками между кустами, двинулся к своей цели.

Локо схватил свою канистру и, грозя кулаком беспечной Лисе, раскачивающейся на петле блока, побежал к амбару.

— Идиотка, ты что там делаешь?! — кричал Локо своей подруге, но та беспечно визжала и раскачивалась все сильнее.

Локо нагнулся, поднял камень и бросил его в Лису. Та выругалась и, зацепившись сапогом за косяк дверей* влетела на чердак. Локо крикнул:

— Оставайся там, поможешь мне разобраться на чердаке.

Но Лиса не отвечала. У открытых дверей чердака раскачивалась пустая петля. Мерно скрипел блок лебедки.

— Хорошо, что Али не видит,— пробормотал себе под нос Локо,— а то бы он ей голову оторвал.

Локо вошел в амбар, прикрыв за собою двери, и удовлетворенно присвистнул. Столько всякой рухляди, соломы, сена... Все это должно было запылать мгновенно. Можно было даже не обливать бензином. Но, прежде чем устроить пожар, нужно было найти Лису. А та все не отзывалась.

— Эй, Лиса! — крикнул Локо,— какого черта молчишь?

Но девушка не отвечала.

Локо достал сигарету и закурил.

— Эй, Лиса! — выпуская дым, кричал он.— Куда ты подевалась?! Иди сюда, ко мне!

Скрипел блок лебедки. С чердака сыпалась солома.

— Лиса, ты что, ногу свернула? Чего не отзываешься?! Через пять минут от этого амбара и головешки не останется! Давай скорей слезай, мне нужно начинать...

Он громко щелкнул крышкой канистры и плюхнул бензин на тюк соломы. Потом на мгновение задумался, вытащил изо рта сигарету, отбросил ее в сторону и растоптал. Он тоже боялся, что бензин может вспыхнуть в тот момент, когда он будет в амбаре.

— Кончай дурака валять, девчонка! Ты все испортишь нам.

Он стоял, задрав голову, и смотрел на чердак.

Но там царила полная тишина. И это навело его на не очень хорошие мысли. Он решил подняться по лестнице и посмотреть, куда же подевалась его подруга.

— Ну тебе конец сейчас! — сверкая сережками в ушах и поскрипывая тяжелыми кованными башмаками, Локо принялся подниматься на чердак.

Парень внимательно осматривал чердак. Первое, что ему бросилось в глаза, были остроносые сапоги Лисы. Он медленно начал поднимать глаза. Девушка, прибитая

вилами к поперечной балке крыши, висела на ней.

На лице девушки застыли мучение и ужас. Неподвижные глаза смотрели прямо на Локо.

Парень отступал шаг за шагом. Его сердце сковал страх. Локо беспомощно озирался по сторонам. Ведь только что он видел Лису веселой и беспечной, когда она раскачивалась на петле лебедки. Он не мог оторвать взгляда от висящих в воздухе сапог Лисы.

Вдруг за его спиной скрипнули половицы.

Локо резко обернулся. И тут ему прямо в живот вонзились остро заточенные вилы. Локо согнулся, опираясь черенком вил в пол. Острия, разрывая внутренние органы, пробили кожаную куртку с белым пауком и вышли наружу. На них сверкнула кровь. Локо конвульсивно дернулся. Из перекошенного от боли и ужаса рта вырвался страшный хрип и полилась кровь. Он опрокинулся на спину. Черенок вил мерно качнулся.

Над трупом Локо неподвижно висела убитая девушка.

Обеспокоенный долгим отсутствием Лисы и Локо, Али с полупустой канистрой побежал к амбару.

— Что они там?! Неужели развлекаются?! Нашли время, придурки! — шептал он себе под нос, грязно ругался и сплевывал на землю густую вязкую слюну.

Ему тоже было страшно. И все задуманное, уже начинало ему не нравиться. Он остановился у дверей амбара и крикнул:

— Лиса! Локо! Вы что, очумели?! Давайте быстрей!

Но ему никто не ответил.

Али пнул ногой дверь амбара. Дверь тревожно скрипнула, и с канистрой в руке Али вошел в амбар. Он также как и Локо начал прислушиваться и оглядываться по сторонам. Он увидел все то, что видели Лиса и Локо: сельскохозяйственные инструменты, тюки с сеном, старое седло, флягу, затянутую в вытертую лоснящуюся кожу и оранжевую канистру, полную бензина, с которой вошел в амбар его друг Локо.

— Что вы там делаете, гады? Я же с вами разговариваю! — кричал разгневанный Али, задрав бритую голову к проему,

ведущему на чердак.

Наверху слышался шорох. И взбесившиися Али кричал:

— Ну гад, Локо! Делом заниматься нужно, поджигать и уходить! Я тебе сейчас покажу!

Он только занес ногу, чтобы поставить ее на перекладину приставной лестницы, как тут же на него сверху, из проема, обрушился окровавленный труп Локо.

Али упал, придавленный сверху мертвецом. Он округлившимися от ужаса глазами смотрел на мертвого друга. Но замешательство было недолгим. Али выпрямился во весь свой двухметровый рост, сжал сильные кулаки и истошно закричал:

— Лиса! Лиса!

Но как ни храбрился Али, лезть безоружным на чердак не решился. Он лихорадочно пошарил взглядом по стенам и остановил свой выбор на большом двуручном тесаке для рубки соломы. Схватив в руки оружие, он заметался по амбару.

— Выходи, гад, кто бы ты ни был! Я тебе сейчас покажу! Я прикончу тебя, ублюдок!

Он рассекал тесаком веревки, свисающие с балок, пинал ногами тюки с сеном, ломал и разбрасывал в стороны стеллажи. Он крушил все, что попадалось ему под руки, но одна из перегородок остановила его.

Али со злостью разогнался и проломил ее ногой. Перегородка зашаталась и рухнула.

Перед ним стоял безжалостный убийца, сжимая в левой руке такой же тесак, как и у Али. Негр в изумлении смотрел на безобразную голову убийцы, увешанную лохмотьями гнойных струпьев.

Убийца Роджер немигающим взглядом налитых кровью глаз смотрел на противника.

Дико заверещав, Али бросился на убийцу. Но Роджер оказался сильнее. Он вытянул руку и встретил прыжок Али сильным ударом. Негр, ослепленный ударом в голову, рухнул на солому. Роджер неспеша приблизился к нему и тяжелым ударом отрубил ему руку, сжимавшую тесак. Негр вздрогнул и замер.

Безжалостный убийца склонился над своей жертвой и удовлетворенно хрюкнул.

И снова тишина охватила загородную усадьбу на берегу лесного озера.

Энди и Дэби, раздевшись догола, резвились в воде. Девушка, как и обещала, обучала своего друга тайнам подводного секса. Пару раз Энди так увлекся, что набрал полный рот воды и потом долго откашливался и отплевывался. А девушка весело хохотала и пыталась схватить его за ноги и утянуть в глубину озера.

Парень, недовольный, тащил свою подругу поближе к берегу. Чувствуя твердую опору, он действовал куда решительнее, чем на плаву.

Вдоволь нарезвившись и наигравшись в прогретой солнечными лучами воде, Дэби и Энди выбрались на берег. Они отряхнулись.

Правда, все то время, когда резвились в воде, они чувствовали, что за ними кто-то наблюдает, кто-то подсматривает. Энди сказал:

— Это, наверное, завидуют Чак и Чили. Они боятся воды и, скорее всего, сейчас припали к пыльным окнам дома и занимаются онанизмом, глядя на нас.

Девушка в ответ хохотала и принимала самые невероятные позы. Она говорила:

— Ну, как, ты не против, если я буду русалкой? А, Энди?

— Нет, я не против. Я согласен, чтобы ты была русалкой. А я буду толстым угрем, который вернулся из Саргассова моря и через ручей заплыл в это небольшое море. Тебе нравится трахаться с угрями?

— Ты дурак, Энди. И шутки твои совершенно тупые. Давай, выходим. Хватит. Я не люблю секс с угрями. Угрей лучше есть копчеными.

Энди засмеялся в ответ и вылез вслед за девушкой на берег.

— За это время, что я провел с тобой в озере,— говорил Энди,— я совершенно перепутал, где верх, а где низ. Так ты меня крутила.

— И что ты теперь собираешься делать? — поинтересовалась Дэби, глядя на то, как парня водит из стороны в сторону.

— А сделаю вот что, я продолжу наим дурачества.

Энди разогнался и встал на руки. Так они и шли к дому: Дэби, обкрутившись махровым полотенцем, не спеша, переставляла уставшие ноги, а Энди гордо шествовал на руках. Глядя снизу вверх на свою подругу парень предложил:

— Знаешь что, Дэби. А мы с тобой еще не были в амбаре.

— Я не люблю заниматься сексом на сене,— ответила Дэби.— Оно очень колкое, и потом его целый день нужно вычесывать из волос.

— А мне нравится его запах,— говорил Энди.

— К тому же, в амбаре холодно после купания, возражала девушка.

И Энди смилостивился над своей подругой.

— Ладно, пошли в дом. Там в самом деле теплее. Посмотрим, чем занимались Чак и Чили. Может они все-таки научились делать что-то другое, кроме как курить марихуану.

Недовольным взглядом провожал удаляющиеся фигуры парня и девушки зловещий убийца, затаившийся в амбаре. В руке он сжимал окровавленный тесак.

Яркий солнечный день постепенно тускнел. Исчезали один за другим пестрые цвета лета. Все становилось безжизненным. Прохлада заливала лес. Темнели ели. Придорожные валуны становились похожими на притаившихся диких животных. Вечерний ветер шумел в кронах деревьев.

Рита и Рик сидели у угасающего костра на поляне и вели неторопливый разговор.

— Я замерзла,— пожала плечами Рита.

— В самом деле, становится холодно,— Рик сбросил свою куртку и бережно накрыл ею плечи совсем замерзшей девушки.

Он взял длинную палку и пошевелил ею угли в костре. Пламя на какое-то мгновение весело вспыхнуло, но снова быстро погасло. Под черной паутиной пепла призрачно мерцали тлеющие угли.

— Ты знаешь,— сказал Рик,— я, наверное, нигде не смогу чувствовать себя хорошо, кроме как в этих местах. Я привык жить здесь.

— Ты же говорил, что тебе не нравится деревенская жизнь,— возразила Рита, кутаясь в куртку своего парня.

— Нет, я привык жить здесь за тот день, который провел тут вместе с тобой. Я полюбил эту жизнь, мне нравится шум ветра в кронах деревьев, это спокойное озеро, эта размеренность сельской жизни. Не нужно никуда спешить, не нужно ждать телефонных звонков. Мне нравится тут. И я хотел бы остаться жить здесь вместе с тобой.

— Ты думаешь, здесь все тихо и спокойно? — недоверчиво спросила Рита.

— Конечно. Прислушайся: тут такая тишина, такое безмятежное спокойствие,— задумчиво говорил Рик, оглядывая пейзаж, утопавший в сгустившихся сумерках.

— Эта тишина и спокойствие обманчивы,— абсолютно серьезно проговорила Рита.— В них таится опасность.

— О чем ты? — недоуменно спросил Рик.

— Меня уже однажды обманул этот покой. Я доверилась ему, и случилось страшное.— Рита сжалась от холода.

Рик приблизился к ней, обнял за плечи и заглянул в глаза.

— С тобой когда-то случилось тут страшное происшествие. Я слышал об этом, но не знаю подробностей.

Девушка отрицательно качнула головой:

— Я не хочу говорить об этом, не хочу вспоминать.

— Тогда зачем ты вернулась сюда? — удивился Рик.— Ты,

наверное, все-таки хотела вспомнить, потому что приехала.

— Нет. Это не было желанием вспомнить,— возразила Рита.— Я просто хотела доказать себе самой, что я сильнее своего страха, что я превозмогу его и смогу спокойно насладиться жизнью в этом страшном месте.

— Я чувствую,— говорил Рик,— нечто вечно стоит между нами, мешает мне приблизиться к тебе, не дает нам обняться, поцеловаться. Тебя мучают воспоминания.

— Это в самом деле так,— призналась Рита.— Но я должна пройти через это. Должна превозмочь саму себя. Я хочу быть с тобой, и ты должен помочь мне преодолеть этот барьер.

— Это нечестная игра,— сказал Рик.— Ты сама воздвигла этот барьер между мной и собой. Ты сама не хочешь преодолеть его. Ты ждешь, пока я уничтожу барьер и приближусь к тебе.

— Думай, как хочешь,— сказала Рита.— Ты же все-таки мужчина.

— Конечно,— согласился Рик.— Я сильнее тебя, я помогу тебе вырваться из этих страшных воспоминаний, но прежде, ты должна рассказать мне, в чем дело. Я должен знать то, с чем должен бороться.

Рита какое-то время думала, смотря в глаза своему

— Хорошо,— наконец, устало сказала она.— Я расскажу тебе.

Девушка зябко передернула плечами и протянула ладонь к угасающим углям.

— Ну ладно, ладно, Рик, не обижайся,— сказала девушка.

Рик приблизился к ней и присел рядом на камень.

— Я давно уже должна была тебе все рассказать.

Давно хотела, но все как-то не было времени и не было желания. А теперь слушай.

— Если не хочешь, то можешь сейчас не рассказывать,— доверчиво сказал Рик.

— Нет, я хочу, хочу. Я расскажу тебе сейчас, сию же минуту. И, может быть, мне станет легче.

— Хорошо, хорошо,— соглашался с ней Рик, видя, как от волнения начало дергаться лицо девушки.

— Я все это так хорошо помню, как будто оно происходит именно сейчас, именно в данную минуту.— Рита отвела взгляд от угасающих углей и посмотрела в темное ночное небо, на котором высыпали первые крупные звезды.

В нескольких метрах от ребят стояла машина с разбитым стеклом, с включенными фарами ближнего света.

Шумели деревья, поскрипывали сучья, шелестел ветер, раскачивая огромные мохнатые ветви елей. Изредка вскрикивала в ночной глуши птица, и ее крик разносился по лесу протяжным и жутковатым эхом.

Природа казалась мрачной и нелюдимой.

— Я не знаю, помнишь ли ты тот вечер. Помнишь, ты тогда отвез меня домой, а было уже очень поздно, ну, может, еще позже, чем сейчас. Была такая же сырая холодная ночь. Также шумели деревья, также сверкали редкие крупные звезды. Помнишь?

— Да. Да. Что-то такое припоминаю,— сказал Рик и осмотрелся вокруг.

— Я знала, что родители меня ждут. Я знала, что они не лягут спать, пока я не вернусь. Но как всегда, я не думала о них. Мне было с тобой очень хорошо, и я вообще забыла об их существовании. Я думала о нас, я вспоминала тебя и вспоминала то, как нам было хорошо. Я была уверена, дальше нам будет еще лучше. Что мы обретем друг друга навсегда.

Рик удивленно слушал свою подругу и смотрел на ее красивое молодое лицо, по которому пробегали резкие судороги. Он понимал, что Рите неприятно все это вспоминать, но он также

знал, что если она не сможет все до конца рассказать ему, то она никогда не избавится от страха, который сковывал ее вот уже два года.

Он вспомнил тот вечер, когда они расстались у ее дома. Он вспомнил мельчайшие подробности, он даже вспомнил их еще детские разговоры, жаркие объятия, долгие, неумелые поцелуи. Он вспомнил, как дрожали руки Риты в его ладонях. Как она нежно и трепетно прижималась к его груди и заглядывала с таким доверием в его глаза.

— Когда я вошла в дом, родители нервно ходили по гостиной. Мама отругала меня, отец ее поддержал. Я пыталась оправдываться, но, сообразив, что лучший способ защиты нападение, тоже начала ругаться на родителей. Мама не выдержала — я ее теперь понимаю — и ударила меня, ударила первый раз в жизни. До этого, никто никогда даже голос на меня не повышал. А здесь...— голос Риты осекся.— Понимаешь, Рик она меня ударила, меня, свою любимую и единственную дочь. Ты представляешь, что со мной произошло.

— Да, да,— тихо проговорил парень.— Я понимаю тебя, прости, скорее всего это я был виноват, что так долго задерживал тебя.

— Нет, ты не при чем, все получилось помимо нашей воли. Я очень сильно перепугалась и расстроилась. Я вся дрожала и тряслась от охватившего меня гнева: ведь никогда до этого ко мне никто не прикасался, никто не смел меня ударить. Я хлопнула дверью, выскочила на крыльцо и побежала, решив спрятаться в лесу. Мне хотелось, чтобы они хватились меня, забеспокоились и бросились искать. А когда нашли, чтобы начали просить прощения и жалеть. Это было такое детское желание! Понимаешь, насколько сильна была моя обида на родителей, если я бросилась в лес прятаться от них,— сбивчиво и торопливо рассказывала Рита свою страшную историю.— В лесу было очень холодно, мокро и сыро, но я умудрилась найти сухое место под старым дубом. Мои нервы были напряжены. Я прижалась к шершавому огромному стволу спиной, поджала ноги, обхватила колени и, наверное, уснула. Или, может, это мне только кажется, что я уснула,— говорила Рита.

Рик не отводил от нее взгляда. Он ловил каждое слово своей подруги. Он вспоминал тот вечер, вспоминал, какой он довольный и счастливый вернулся домой и, сразу же приняв горячий душ, забрался в постель. И сейчас, сидя у этого небольшого угасающего костра, он вспоминал те дни, вспоминал свою юность, вспоминал Риту и с изумлением понимал, что девушка за два последних года сильно изменилась и стала совсем

другой.

До него, наконец-то, дошло, что он должен относиться к ней совсем по-другому, совершенно не так, как оыло два года назад во время их такой короткой, но яркой деревенской любви, их детских нежных, трепетных отношений.

— Я помню, что проснулась от какого-то звука: то ли от треска сучьев, то ли от шороха влажных опавших листьев. Но мне показалось, кто-то рядом ходит. В тот момент я была полностью уверена, что это отец. И поэтому сидела тихо, не подавая голоса и не шевелясь. Я затаилась, еще не решив, что предпринять в ответ.

Шаги замерли совершенно рядом, а потом хрустнула ветка. Когда я повернулась, то увидела: передо мной стоял страшный, ужасный человек, в его руке сверкал огромный нож.— Сказав это, Рита прикрыла лицо руками, как бы отгораживаясь, закрываясь от ужасных воспоминаний, которые нахлынули на нее в этот момент.

Рик попытался обнять ее за плечи, но она отстранилась, вскинула голову, взглянула в глаза парня и продолжала свой жуткий рассказ:

— Он был такой чудовищный, ужасный. Он даже не был похож на человека: вместо лица — какая-то жуткая маска, что-то страшное, мерзкое и кошмарное. Я даже сейчас не могу без содрогания вспоминать то, что тогда увидела. И понимаешь, что самое ужасное, это была не маска: она состояла, насколько я понимаю, из плоти, из мяса, из полусгнивших и разложившихся мышц, кусков, или точнее сказать, лоскутов полуистлевшей кожи. Она шевелилась. Ты представляешь, Рик, что это было? Что я тогда пережила?

— Тише, тише, успокойся. Если не хочешь, не рассказывай. Остановись.

— Нет. Я расскажу, я хочу избавиться от этого кошмара. Не перебивай и не останавливай меня. Слушай дальше.— Рита опустила бессильно руки и крепко сжала их коленями.

Парень, не отрываясь, смотрел на ее побелевшее от страха лицо и ловил каждое слово.

— И он, эта мерзость, это животное напал на меня. Я билась в истерике, я кричала, я визжала не своим голосом. Я и сейчас не понимаю, как мне удалось, как я смогла выбить у него нож. Я этого не могу представить и вспомнить. Со мной случилось что-то страшное. Я бросилась что было мочи убегать. Я мчалась, сучья рвали на мне одежду, ветви хлестали по щекам. Я, не переставая, кричала и чувствовала его тяжелые шаги у себя за спиной и смрадное дыхание. Я споткнулась о корень и покатилась в какую-то лощину. И он нагнал меня. Бросился на меня, я не помню что

делала, видимо я ползла, кусалась, кричала, потому что потом мои руки были изодраны, а под ногтями было полусгнившее мясо и кровь. Ты себе этого даже не можешь представить Он схватил меня и сжал в своих звериных объятиях.

Как я не кричала, как не сопротивлялась, все было бесполезно: он был ужасно сильный. Он схватил и поволок меня по земле. Я билась о землю, хваталась руками за стволы деревьев, за корни, за траву, но ничто не помогало, я не могла удержаться. И скорее всего от ужаса, сможет от сильного удара я потеряла сознание.

— А что было после этого? — как бы испуганно спросил Рик. — Неужели ты ничего больше не помнишь? Ну постарайся, постарайся! — упрашивал он девушку.

Рита склонила голову, ее плечи судорожно вздрагивали. Она прикрыла лицо ладонями и всхлипывала.

— Ну успокойся, успокойся, дальше можешь ничего не рассказывать.

— Когда я пришла в себя, когда вернулось сознание, я уже лежала дома в постели. Мои родители, видимо, испугались больше, чем я. И никогда они со мной не говорили о том, как нашли меня, о том, как я выглядела, о том, что со мной произошло. Они как бы вычеркнули ту ночь из моей памяти. Даже одним словом никто из них не обмолвился о той ужасной ночи. И в наших отношениях образовалась какая-то страшная непонятная пустота. Сколько я не пыталась у них расспросить, они упорно отказывались отвечать, как будто бы ничего не было.

— Странно, странно,— сказал Рик.

— Да, понимаешь, это странно, но я полностью уверена, что все это было не во сне, что мне ничего не померещилось, я уверена, это было на самом деле, это все правда. Ты веришь, Рик?

— Да, я тебе верю.. Успокойся, успокойся.

Рита облегченно вздохнула. Больше рассказывать было не о чем.

— Я хочу только одного. Моя самая большая мечта — навсегда забыть то, что произошло со мной. Но я знаю, что никогда не смогу забыть это ужасное лицо, даже не лицо, эту страшную живую маску из сгнившей плоти и лоскутов истлевшей кожи. Никогда! — Она сказала эти слова, и ее плечи вновь начали вздрагивать.

В этот момент погасли фары ближнего света Рита испуганно взглянула на Рика.

— О черт! — сказал парень и поднялся со своего места.— Кажется, аккумулятор сел.

Рита и Рик прошли к маленькому фольксвагену с выбитыми

стеклами.

— Не волнуйся, не волнуйся, Рита. Я попробую его завести. Может и получится.

Рик уселся на сиденье, повернул ключ и начал нажимать педали. Мотор два раза фыркнул и окончательно замолк.

— Черт! Вот невезуха, придется тащиться пешком._

Рик пошарил в бардачке, нашел фонарик, вытащил его и выскочил из машины.— Ну что, пойдем?

— Слушай, как-то это все очень странно,— промолвила Рита.

— Да ну, ничего странного, так часто бывает,— аккумулятор очень старый, поэтому быстро сдох. Не волнуйся, я знаю короткую дорогу.

— Я не очень и волнуюсь,— попробовала подавить в себе неожиданный страх девушка.

— Ничего, ничего, не бойся. Со мной не пропадешь.— Рик расправил свои широкие плечи, счелкнул кнопкой фонарика, и золотой круг заскользил по росистой высокой траве, по шершавым стволам старых елей, по мохнатым ветвям.

Где-то в глубине леса глухо закричал филин. На его голос отозвался второй филин в другой стороне. И хищные птицы начали перекрикиваться друг с другом.

Девушка зябко повела плечами, поправила куртку и теснее прижалась к Рику. Он обнял ее за плечи, и, ступая по влажной траве, они направились через лес к дому.

Тишину загородного дома нарушало только шлепанье тяжелых апельсинов, которыми Шелли и Энди, став друг против друга, жонглировали. Парни решили провести соревнование, кто дольше сможет подбрасывать в воздух, не сбившись, три апельсина.

Яркие фрукты мелькали в воздухе. Зрителями были Вера и Дэби, а Чили и Чак, откинувшись на мягком диване, прибывали в глубоком трансе. Они успели выкурить по целой сигарете. И сейчас эти детские забавы не представляли для них никакого интереса — их души летали очень далеко от этого загородного дома, от этого озера, от густого елового леса. Они блуждали в голубом эфире под самыми звездами, и это было видно по блаженным улыбкам, которые не сходили ни с бородатого лица Чака, ни с миловидных пухлых губ его подруги Чили.

Это соревнование могло быть бесконечным. И один, и другой парень поражали невероятной ловкостью и умением.

— Ну что, ты сдаешься? — шептал толстый Шелли.

— Никогда, никогда я тебе не сдамся, толстяк. Я буду бороться до победы. И скоро, облившись потом, т**1 упадешь на колени.

— Я, я? Да ты еще не знаешь, сколько я могу подкидывать этих три проклятых апельсина? — шептал Шелли, но на его лбу уже заблестели первые тяжелые капли пота.

Он покрутил своей крупной головой, пытаясь стряхнуть их, потому что они начали заливать глаза.

— Я не сдамся, не сдамся. Я тебя одолею на этот раз.

— Нет, толстяк. На этот раз тебе меня не одолеть.

— Я сейчас это прекращу,— толкнула в плечо Веру Дэби.

Она вскочила с дивана, ловко обошла своего парня и обняла его за плечи.

— Энди, Энди,— зашептала она ему в ухо,— а не хочешь ли ты подняться на второй этаж?

Апельсины шлепнулись на пол.

— Ты выиграл, толстяк. Тебе повезло,— и Энди заспешил за своей девушкой наверх в спальню Риты.

Шелли не было с кем соревноваться и он опустил уставшие руки. Вера тоже поднялась с дивана, подошла к камину, взяла тяжелую кочергу и начала шевелить дрова. Она изогнулась, и Шелли изумленно посмотрел на ее стройную фигуру, на джинсы, которые плотно обтягивали точеный зад девушки. Он причмокнул языком и облизал толстые пересохшие губы.

— Да, да,— прошептал он сам себе, потирая о колено апельсин.— Выходит, мы остались с тобой вдвоем,— тихо сказал он, обращаясь к Вере.

Вера скептично посмотрела на толстого Шелли, принявшегося вновь жонглировать апельсинами.

— Ты знаешь, Шелли, у тебя это очень здорово получается.— С нескрываемым ехидством и иронией проговорила Вера, глядя, как взлетают в воздух один за одним золотистые апельсины.

— Это ерунда,— ответил ей Шелли.— У меня и другое неплохо получается.— Сладкая улыбка раздвинула его полные губы.

Девушка отступила от него на шаг.

— Вера,— сказал Шелли, бросив свое бесконечное занятие,— мы сегодня с тобой только познакомились. Ты мне очень нравишься, и я подумал, что мы, может быть...— Улыбка на его губах была более красноречивой, чем слова. Она говорила о сокровенном желании Шелли ясно и открыто.

Вера потупила взор, приподняла руки и положила ладонь на губы Шелли — мол, молчи, и без того все понятно и не говори, я догадалась, о чем ты думаешь. Хотя по лицу было неясно, какой будет ее реакция, согласится ли она на предложение толстого Шелли провести эту ночь с ним в одной постели.

— Знаешь, Шелли, ты чудный парень. Я сейчас выйду на

несколько минут, а потом мы с тобой все обсудим, и, может быть...

Шелли улыбнулся:

— И может быть, договоримся. Неправда ли, Вера?

— Да, да, может быть, попытаемся договориться. Я думаю, что мы прийдем к какому-нибудь соглашению.

— Обязательно прийдем,— сказал Шелли,— я думаю, что оно будет приятным для всех.— Он постучал себе по колену.

Девушка, пройдя через всю гостиную, вышла на балкон. Шелли повертел своей крупной головой, как бы сбрасывая какую-то навязчивую мысль.

— Да, да, поговорим,— промолвил он себе под нос.— Сука.

Ярко-красный спортивный костюм Веры был хорошо виден из гостиной. Шелли уткнулся лбом в пыльное стекло и следил за девушкой. На его устах блуждала похотливая улыбка, которая вдруг сменилась какой-то резкой и непонятной гримасой. Он отпрянул от окна и окинул гостиную взглядом. Скептично улыбнулся, увидев спящих Чака и Чили, подошел к камину и длинной, остро заточенной кочергой, повернул толстые ярко горящие бревна. Он любил, чтобы в доме было тепло. Ведь в этой гостиной он и Вера должны были провести ночь.

— А Чака и Чили придется разбудить,— сам себе сказал он.— Пускай убираются в какую-нибудь холодную комнату. И там балдеют, там курят свою гнусную марихуану, если не могут придумать ничего более интересного.

Следя за яркими языками пламени, которые охватывали, лизали толстые сухие поленья, Шелли не видел, как с другой стороны из двери, ведущей на балкон, на него смотрел кровавым взглядом страшный убийца Роджер. Он не видел, как языки пламени сверкали в его кровавых глазах.

На втором этаже дома, в небольшой спальне Риты, Дэби и Энди готовились провести ночь. Парень сбросил уже рубашку и, подпрыгивая на одной ноге, стягивал джинсы. Девушка стояла перед ним, держась рукою за верхнюю пуговицу блузки.

— А как мы все это будем делать? — спросил парень.

— Как? Неужели ты такой глупый, вечно мне приходится тебя учить,— сказала девушка, и ее пальцы одну за другой расстегнули пуговицы.— Вначале я сяду на тебя, потом ты ляжешь на меня. Неужели ты такой глупый и недогадливый.

— Нет, я все это понимаю. Выхода ведь другого у нас не будет. Я просто знаешь о чем?

— Знаю, знаю о чем ты. Тебе всегда хочется чего-нибудь экзотического и странного. Ты, наверное, любишь читать эту дурацкую «Кама-сутру».

— Да нет, я вообще никогда в руки не брал эту гнусную книжку.

— А зря,— сказала девушка.— Ты бы многому мог научиться из этих книжонок.

Энди подошел к гамаку, проверил его на прочность, потом подпрыгнул и упал в сетку. Гамак закачался. Медные скобы, вбитые в стену, заскрипели, но не выпали.

— Ничего. Выдержат.

— Главное, не раскачиваться. Ты же знаешь, что все эти раскачивающие движения очень хорошо вырывают гвозди из стены.

— Да, да, знаю, что-то в колледже нам такое рассказывали на уроках физики,— сказал Энди.— Но мне больше нравятся поступательные движения в глубину. А тебе?

— Мне тоже нравятся в глубину. Но ведь иногда приятно и поскользить по поверхности. Неправда ли?

— Да, приятно по поверхности, но лучше в глубину,— сказал Энди.

Дэби и Энди улеглись в гамаке, натянули сверху лоскутное одеяло, крепко обнялись и для начала поцеловались.

Первой из голубого эфира вернулась в тело душа

Чака. Он открыл глаза, непонимающе огляделся вокруг потом до него дошло. Он вспомнил, где он находится и как сюда попал. Он поправил круглые очки, потеребил бороду, прислушался к тишине, заполнявшей дом.

Но тишина не казалась полной: где-то сверху равномерно что-то поскрипывало. Он лукаво улыбнулся сообразил, что там где-то, на втором этаже, развлекаются. А ему было не до развлечений — низ живота очень болел. Ему явно хотелось в сортир. Чак высвободился от объятий своей подруги Чили, которая беззаботно посапывала и видела странные разноцветные сны, и, слегка пошатываясь, еще не вернувшись по-настоящему в реальную жизнь, подался на улицу, к маленькому дощатому сортиру.

На свежем воздухе парню стало легче. Он глубоко вдохнул в себя смолистый лесной воздух, расправил грудь, но долго стоять на крыльце ему не довелось: очень сильно хотелось в туалет. Чак направился по узкой аллейке под большое развесистое дерево, где стоял маленький дощатый домик.

Он спешил к нему, на ходу расстегивая замок джинсов и возясь с пряжкой кожаного пояса, которая как всегда в самый неподходящий момент не хотела отщелкнуться. Чак зажег свет, и яркая лампочка осветила скромное убранство сортира: несколько рулончиков с бумагой, пачки салфеток, бутылку с какой-то

темной, гнусно пахнущей жидкостью.

Опасаясь какого-нибудь подвоха от своего приятеля Шелли, он осмотрелся по сторонам и прислушался, на всякий случай вскрикнул: «Шелли, Шелли, гад! Тебя нигде нет поблизости?» Но никто ему не ответил, и парень удовлетворенно закрыл за собой дверь с вырезанным полумесяцем.

Удобно устроившись на унитазе, он порылся в нагрудном кармане:

— Черт! — сам себе сказал он.— Забыл сигареты на камине.

Но тут же сообразил, что карман у него не один. И действительно, в другом кармане лежал окурок сигареты и зажигалка. Он щелкнул газовой зажигалкой, на которой они вместе с Чили подсмалили пластиковый член, удовлетворенно усмехнулся и сделал глубокую затяжку.

— Крепкая штука, вот повезло, что завалялась в кармане,— сказал Чак, вертя сигарету перед глазами.

Он и не заметил, что деревянное сооружение начало мерно раскачиваться и трястись. Наконец, почувствовав дрожание, Чак быстро натянул штаны, распахнул дверь и высунулся наружу.

— Шелли! Шелли! Мерзавец! Я тебе голову сейчас оторву. Иди сюда! — закричал он в темноту.

Но что-то показалось ему подозрительным и что-то навело его на мысль, что это не его приятель Шелли / развлекается таким образом. Чак застегнул молнию, заправил пояс, и, приседая, решил обойти сортир, разведать, в чем тут дело, что же такое приносит ему беспокойство и тревогу.

Единственное, что он увидел, был темный силуэт, который мелькнул, скрывшись в широко распахнутой двери амбара. Чаку подумалось, что это ему привиделось, что это результат новой порции марихуаны. Он задом попятился к сортиру.

Вдруг вскрикнул и отпрянул в сторону. Что-то твердое уперлось ему в спину. Чак замер, и, боясь оглянуться, выжидал.

— Ты что, в штаны напустил? — послышался голос Чили.

Она за плечи развернула своего приятеля к себе лицом и двумя пальцами вытащила из его губ окурок сигареты. Девушка жадно затянулась и весело улыбнулась своему приятелю.

— Ты знаешь, с тобой и с Шелли я все время чувствую угрозу инфаркта,— размахивая руками, сказал Чак.

Его очки блестели, а на губах блуждала довольная улыбка. Он радовался, что это не Шелли напугал его, а его подруга.

— А где Шелли, Чак? — спросила Чили.

— Не знаю, но мне кажется, что он зачем-то пошел в амбар. Может подумал, если сортир занят, там можно справить нужду. Вот мерзавец! А?

— Я не думаю, что он пошел туда для этого. С таким же успехом это можно сделать на дворе,— сказала Чили, вновь глубоко затягиваясь сигаретой.— Слушай, а может мы пойдем и напугаем его? — припав к уху Чака, прошептала девушка.

— Да ну его! — отмахнулся парень.— Не хочу я туда ходить, — сказал он и сам удивился своему испуганному голосу.

— Ты что, боишься что ли,— презрительно осмотрела его с головы до ног Чили.— Тогда я пойду одна. А ты можешь и дальше продолжать сидеть на горшке.

Но Чаку очень не хотелось показаться трусливым в глазах своей девушки. И поэтому, робко ступая, он потянулся вслед за ней.

Они подошли к амбару и широко распахнули высокие ворота. Чили держала в руках сигарету, прислушивалась и всматривалась в темноту.

— По-моему, его здесь нет,— неуверенно и суетливо проговорил Чак.

— Да подожди ты, давай проучим этого мерзавца, не все ж ему нас пугать.

— Ну ладно,— как бы согласился Чак,— только быстрей проучим и смоемся отсюда.

— Не бойся,— мотнула длинными волосами Чили и, крадучись, двинулась в глубь амбара.

Девушка открыла загон для скота, заскрипела калитка. По дороге Чили прихватила тяжелую кирку. Она сама не понимала, зачем взяла этот инструмент, но что-то и ее насторожило и сделало ее поступь нерешительной и вялой.

— А может это и не он был,— меланхолично сказал уже успокоившийся Чак.

— Не он, а кто же тогда?

— Ну знаешь...— промямлил парень.

— Ладно, ладно, пойдем отсюда,— сказала Чили, и они торопливо покинули помещение амбара.

Вслед им скрипнула калитка загона, щелкнул засов. Калитка вернулась на прежнее место. За ней стоял и смотрел им вслед убийца Роджер.

Чак облегченно и довольно вздохнул и вытащил из какого-то потайного кармана очередной чинарик марихуаны.

— Ты не бойся никого,— сказала ему Чили, обняв за плечи.— Не бойся, ведь ты со мной, а со мной бояться нечего. Я девушка смелая и решительная.

Она вновь вырвала чинарик у парня и глубоко затянулась, набрав полные легкие дыма.

Вера сидела на мостике, который свешивался над озером, и

размышляла. Ее мысли крутились только вокруг одного: отдаться или не отдаться этому толстому веселому Шелли, и с какими словами сделать это. Парень ей нравился и не нравился одновременно. Веру смущала его неуклюжая фигура, раздражала излишняя болтливость, вызывали отвращения некоторые глупые шуточки и замечания.

Но раз она решилась ехать на этот пикник, то и провести его надо было с толком и на всю катушку. Она хлопнула себя по колену: «Да, ничего со мной не случится от одного раза. Пересплю». На ее губах появилась улыбка, улыбка человека, который принял решение. Она посмотрела на окна дома, которые ярко светились, и подумала, что именно там, в теплой, жарко натопленной гостиной она будет сегодня принадлежать этому веселому толстяку Шелли. И от этих мыслей ей сделалось весело.

Вера заерзала, сидя на досках, и игриво потянулась носком своей кроссовки к воде. Она медленно болтала ногой, разбрызгивая темную воду. Ей сделалось легко и беззаботно.

Вера представляла себе, как изумилась бы ее мать, узнав в обществе какого парня ее дочь проводит уикэнд. Девушка еще ближе подвинулась к краю и теперь сильнее замахала ногой, пытаясь подцепить желтый листок кувшинки.

Но тут возле самого мостика взлетел большой фонтан брызг. В лицо ей полетели холодные капли остывшей за вечер воды. Вера вскрикнула, но не успела отдернуть ногу. Рука, высунувшаяся из-под мостика, крепко ухватилась за ее щиколотку и потянула в воду. Девушка кричала, упираясь руками в настил, но рука неумолимо тащила ее в воду.

Наконец, из последних сил, Вера рванулась, и пальцы, сжимавшие ее ногу, разжались. Не успела она пробежать и пару метров к берегу, как из воды, перед самым ее лицом, возникла ужасная пластиковая маска хоккейного вратаря. Перед ней стоял обвешенный озерными водорослями и тиной, в черном гидрокостюме Шелли. В руках он сжимал подводное ружье со вставленным в него гарпуном.

Вера мгновенно узнала его по голосу, когда он проговорил, срывая с лица маску.

— Это тебе урок. Таким красивым девушкам нельзя ночью гулять в одиночестве,— с Шелли стекала вода, и плюхались на подмостки комья тины.

Несколько секунд Вера не могла прийти в себя. Но потом, дико разозлившись, пихнула парня в плечо:

— Ну почему ты такой идиот, Шелли? Почему ты всегда ведешь себя по-гадкому? Всех пугаешь? Не даешь спокойно жить?

— Подожди, подожди,— сказал Шелли.— Я тебе все

объясню. Ты меня снова не верно поняла. Я просто..

— Заткнись. Я не хочу слушать твоих объяснений! ~ возмущенно кричала Вера и топола ногой по доскам помоста.

— Вера! Успокойся, прости меня. Я просто хочу понравиться тебе,— Шелли потрясал подводным ружьем у самого лица девушки.

Та осторожно отвела острие гарпуна от своей шеи.

— Так ты ничего не достигнешь,— сказала она.

Шелли растерянно опустил руки. Вера хотела еще

добавить, что с таким жирным уродом, она уже ни за что не решится лезть в одну кровать. Но все-таки пожалела парня, такой жалкий был у него вид. Его кучерявые волосы слиплись от озерной тины и грязи, большая лужа воды натекла возле его ног.

— Уж лучше быть идиотом, чем никем,— резко бросил Шелли и, зло развернувшись, отошел к прибрежной террасе.

Там он уселся на цветные качели и, закинув ногу за ногу, принялся мерно раскачиваться.

Вере немного стало жаль его и она неспеша приблизилась к парню. Ей хотелось найти слова, чтобы немного успокоить его, обогреть, но не настолько ласковые, чтобы он снова начал приставать к ней со своими идиотскими предложениями.

— Ты ошибаешься, Шелли,— бросила она ему,— лучше быть простым парнем, чем идиотом.

Шелли зло посмотрел на Веру.

— Зря я согласился ехать сюда.

Тут Вера не выдержала. Все ее сочувствие к этому толстяку мгновенно улетучилось. Она раздраженно развернулась, и, скрипя подошвами, снова отошла от него. Когда она дошла до конца мостиков, то села на самый их край, но уже не свешивала вниз ноги, а поджала их под себя и смотрела на черную гладь воды.

— Надо придумать очередную гадость,— сказал себе под нос Шелли и, криво усмехнувшись, подхватил подводное ружье и неспеша направился к амбару, оставляя за собой грязные мокрые следы.

Он долго ходил возле дощатых стен, пытался заглянуть в окна, но через них ничего не было видно. Густая чернота пугающе зияла внутри. Нерешительный и боязливый Шелли направился к дому, там он ходил под стенами, колотил в них ногами, стучал кулаком в закрытые окна, и кричал:

— Чак! Чили! Где вы? Отзовитесь! Ну, гады, не хотите со мной разговаривать?! Ну и не надо! — зло кричал Шелли, выхаживая возле дома.

Ружье он повесил на плече, а в другой руке сжимал

пластиковую маску хоккейного вратаря.

Нет, наверное, все-таки они в амбаре. Завалились где-нибудь на сене и дымят своей марихуаной.

Шелли подумал, что, наверное, зря он пинал стены дома. Чак и Чили точно спрятались в амбаре. Чтобы проверить свою догадку, он пересек двор, распахнул высокие ворота амбара и щелкнул выключателем.

— Вы что, делаете тут что-то такое недозволенное, на что мне нельзя смотреть! — крикнул он.

Яркий свет залил помещение.

Вера, обрадованная тем, что Шелли наконец-то бросил свои глупые ухаживания и пошел в дом, как она думала, переодеться в нормальную сухую одежду. Вдруг она злопамятно припомнила, что в кармане ее джинсов до сих пор лежит бумажник Шелли, который попросила ее вернуть толстяку Рита. Тогда она ей и посоветовала: «У вас будет хоть какая-то тема для разговора, чтобы сойтись поближе».

Теперь Вера с удивлением рассматривала вставленную под прозрачный пластик цветную фотографию. Там, широко улыбающийся Шелли, обнимался со своей матерью. Мать Шелли была еще толще сына и на две головы ниже, так, что ее подбородок обрезал нижний край фотоснимка.

Вера крутила в руках бумажник, пытаясь заглянуть вовнутрь и, не вытаскивая, сосчитать, сколько же там осталось денег. Скользкий бумажник выпал из ее рук и плюхнулся в воду.

— О, черт, этого еще не хватало, потерять чужую вещь! — воскликнула Вера и, став на четвереньки, попробовала дотянуться до бумажника рукой.

Но легкие волны сносили бумажник в сторону от мостиков. Вера не рискнула потянуться за бумажником ногой, чтобы подогнать его поближе к берегу. Она оббежала мостики и пошла по самой кромке воды, подыскивая подходящую палку, которой могла бы дотянуться до бумажника, но ничего подходящего под руку не попалось.

И тогда Вера сбросила кроссовки, подтянула под самые колени джинсы и вошла в воду, скривившись от ночной прохлады.

Тут из-за ближайшего дерева появилась мужская фигура, сжимающая в руке подводное ружье. Фонарь освещал мужчину сзади, и Вера, близоруко прищурившись, подумала, что это вышел Шелли.

— Извини,— говорила она, стоя по колени в воде,— я уронила твой бумажник.

Вера замолчала, ожидая, что скажет на это Шелли. Но

человек, стоящий впереди фонаря, молчал.

— Извини, Шелли, я не специально. Там фотография твоей матери... Мне было интересно и я заглянула туда. Шелли, почему ты молчишь?

Но уже через несколько мгновений девушка поняла, что на мостиках стоит не Шелли, а кто-то совершенно ей незнакомый. Но она, как ни напрягала глаза, так и не смогла рассмотреть и узнать человека.

— Кто вы? Что вам надо? — заискивающе обратилась она к незнакомцу.

Сверкающее никелированной сталью подводное ружье начало медленно и неуклонно подниматься.

— Прекратите, прекратите свои дурацкие шуточки! — крикнула Вера.

Но в это мгновение незнакомец нажал на курок, толстый резиновый жгут стремительно бросил сверкающий гарпун. И стальное железо впилось прямо в левый глаз Веры. Девушка вскинула руки, бумажник вновь плюхнулся в воду, и она упала в озеро.

Убийца Роджер, а это был он, бросил уже ненужное ему разряженное ружье на мостики, повернулся и, даже не взглянув на свою очередную жертву, лежащую в воде, широко шагая, направился в сторону дома. Туда, где светились окна, за которыми еще были люди.

В призрачном свете фонаря на его лице поблескивала пластиком маска хоккейного вратаря.

А за освещенными окнами все также покачивался гамак, правда, уже не так решительно и сильно, как раньше. Уставшие, Дэби и Энди меланхолично целовались.

— Мне никогда так хорошо не было,— шептала Дэби.

— И мне, наверное, тоже,— сказал Энди, всматриваясь в довольное лицо своей подруги.

— Подумай, Энди, чья это заслуга?

— Конечно, моя,— сказал парень.

— А я здесь ни при чем?! — возмутилась Дэби.

— Ну тогда, это не твоя и не моя заслуга! — парень приподнялся над девушкой.— Это заслуга гамака!

Энди утомленно откинулся в сторону, и стал рассматривать доски потолка. Дэби посмотрела на своего парня и, поняв, что ничего уже больше от него не добьется, встала.

— Куда ты? — удивился Энди.— Может, еще немного развлечемся?

— С тобой? — удивилась Дэби,— разве что, немного погодя. А сейчас я пойду.

— Ты что, решила поискать кого-нибудь другого? — изумился парень.

— Да нет, просто пойду в душ. Когда отдохнешь, приходи, попробуем и там. Может, тебе понравится!

Девушка какое-то время колебалась: закрывать или не закрывать двери в душ. Потом она все же оставила ее немного приоткрытой, ступила в низкую ванную и задернула прозрачную полиэтиленовую занавеску.

Из пластикового раструба душа полилась теплая вода. Она обтекала плечи Дэби, стекала по бедрам и смывала всю накопившуюся усталость. Дэби счастливо проводила руками по мокрым волосам и, зажмурившись, подставляла свое лицо под теплые упругие струи.

— Дэби, ты слышишь меня? — долетел до нее сквозь шум воды голос Энди.

— Еле-еле,— прокричала девушка,— но все-таки слышу.

— Пива хочешь? — продолжал кричать издалека Энди.— Так хочешь ты пива или нет? — снова прозвучал голос Энди, но на этот раз совсем рядом, прямо из-за занавески.

Дэби отдернула ее и с удивлением увидела задранные кверху ноги парня. Энди стоял на руках и вопросительно смотрел на обнаженную девушку, поеживающуюся от прохладного сквозняка.

— Так ты хочешь пива или нет? — повторил Энди, не меняя своей позиции.

— Давай, принеси.

Дэби смотрела, как ее парень вышагивал на руках по ванной.

— Кажется, здесь ничего нет,— говорил он,— придется посмотреть на кухне. Ты меня подожди, и смотри не простудись!

Но за разговором и шумом льющейся воды ни Энди, ни Дэби не услышали, как скрипнула входная дверь дома, как тяжело прозвучали в темной гостиной шаги мрачного убийцы.

Он неспеша, сжимая в руке двуручный окровавленный тесак, поднимался по винтовой лестнице на второй этаж. В коридоре, не задумываясь, он встал в самый темный угол и принялся ждать. Ему все равно было кто выйдет в эту минуту в коридор. Первый же попавшийся человек должен был стать его очередной жертвой.

— Энди, Энди! Так где же твое пиво? — кричала Дэби.

Парень слышал ее голос, но не отзывался. Он на руках шел по ковровой дорожке. Потом он свернув за угол в коридоре и его взгляд уперся в тяжелые черные башмаки на толстой рифленой подошве. Он медленно поднял взор и снизу вверх посмотрел на того, кто стоял в углу.

Высоко над ним в темноте сверкнула пластиковая маска. Ее ужасный оскал на долю секунды успел удивить парня. Огромный

двуручный тесак взлетел вверх и, рассекая воздух, обрушился на парня. Лезвие разрубило Энди почти до грудной клетки. Кровь хлынула на красную ковровую дорожку густым вязким ручьем.

Дэби слышала как что-то тяжелое упало в коридоре, но она подумала, что это ее парень встал на ноги, приняв нормальную позу. И она вновь, натираясь душистым мылом, прокричала:

— Энди, Энди! Хорош выдуриваться! Не хочу я уже твоего пива. Я хочу, чтобы ты поскорей пришел ко мне. Ну, скорей, иди сюда!

На ее зов никто не ответил.

Никто не ответил, но ее голос услышали.

Дэби выключила воду, отодвинула прозрачную штору и вышла из низкой ванны. Она быстро вытерлась огромным махровым полотенцем, накинула на плечи халат, затянула потуже пояс и вышла в коридор.

— Энди, Энди! Ну ты же знаешь, что я очень не люблю, когда ты мне не отвечаешь! Куда ты запропастился?!

Гнетущая тишина переполняла дом. И холодок испуга, впервые за этот день, пробежал по спине девушки. Она поежилась, прислушалась и попыталась всмотреться в темноту. Зябко поведя плечами от сквозняка, гуляющего по дому, девушка решила вернуться в спальню и залезть под стеганное лоскутное одеяло. Туда, где еще несколько минут назад было так хорошо и тепло со своим возлюбленным. Она прихватила с комода пару иллюстрированных журналов, впрыгнула в гамак и раскрыла глянцевую обложку.

Гамак все еще сохранял тепло ее друга.

Вдруг на белую глянцевую страницу упала тяжелая красная капля, упала и ручейком побежала. За первой каплей упала вторая, третья, четвертая. Красный дождь полился на раскрытые страницы.

— Что это?! — испуганно проговорила девушка, прикасаясь пальцем к липким каплям.— Боже, это кровь!

Она подняла глаза к потолку. В это же мгновение чья-то рука зажала ей рот. И в тело мягко вошло острое лезвие кинжала.

Удар был нанесен со спины, и лезвие вышло из живота Дэби. Девушка судорожно вздрогнула, гамак закачался и замер...

Дэби, неподвижная, с мертвым взглядом смотрела в белый потолок из щели которого тонкой струйкой лилась прямо ей на грудь алая кровь Энди.

Чак и Чили суетились в кухне. Они изрядно проголодались и решили подкрепиться. На огромной тефлоновой сковороде Чак пытался подсушить земляные орешки.

— Я слышала какой-то крик. Это не ты? — обратилась к нему

Чили.

— Что? Крик? Какой крик? Зачем мне кричать? Орешки очень вкусные, на, попробуй.

Чили взяла несколько горячих орешков и начала перебрасывать их с ладони на ладонь, пытаясь побыстрее остудить. А Чак тем временем подбрасывал один за другим орешки в воздухе и ловил их широко открытым ртом. Ему явно нравились такие фокусы.

— Так это не ты кричал? — вновь спросила Чили.

— Да нет, я же тебе говорил. Это, наверное, оргазм у Дэби. Она всегда так орет, не то что ты.

— Неужели тебе хотелось бы, чтобы я орала как сумасшедшая?!

— А почему бы и нет, можно и поорать. Давай поорем.

— Давай,— сказала Чили и протяжно взвизгнула.

Крик оргазма у нее явно не получался. Чак перехватил инициативу и заверещал не своим голосом. Его крик был похож на брачную песню бизона, которые

заселяли необъятные просторы Америки.

Но тут погас свет. Чили встрепенулась.

— Ну и идиот же ты! Видишь, от твоего крика даже свет пропал!

— Пробки повылетали! — довольный, сказал Чак.

— Ну тогда бери фонарь и иди в подвал, проверь электрощиток.

— Ас чем я пойду? — возмутился Чак,— все электрические фонари растащили эти сексуальные маньяки, которые теперь кричат в кустах и спальнях.

— Ладно, я присмотрела тут одну вещь,— Чили пошарила руками по подоконнику и, нащупав холодное стекло керосиновой лампы, подала ее Чаку.— Достань свою знаменитую зажигалку.

Чак ни минуты не раздумывая щелкнул затвором газовой зажигалки, и голубой огонек перебросился на фитиль лампы.

— Ну так-то лучше,— сказал Чак,— так даже очень романтично. Можно теперь спускаться в преисподнюю. А ты оставайся здесь, смотри, чтобы не сгорели вконец наши земляные орешки. Потому что в этом доме больше жрать нечего!

По гулкой металлической лестнице Чак спустился в подвал.

— Мне нечего бояться,— уговаривал он себя,— это просто темнота, и нет разницы: день это или ночь! В подвале всегда так темно.

Со стен мерно капала вода, под ногами у Чака хлюпала лужа. Он приподнял вверх лампу и осветил обширный подвал. Все помещение полнилось редкими гулкими звуками. То срывалась с

потолка и падала в лужу одинокая капля, то потрескивали рассохшиеся балки перекрытий, то звонко отдавалась водопроводная труба. Чак прижался поближе к стене и, освещая пространство перед собой лампой, крался вдоль надежного бетона.

Вдруг его плечо уткнулось во что-то мягкое.

Чак отпрянул и вскрикнул.

Прямо на него, выхваченные из темноты огнем лампы, смотрели два громадных глаза, скалились страшные зубы. Чак на какое-то время онемел от ужаса, но потом облегченно вздохнул. На стене, прикрепленная к большой резной панели, висела голова бизона, поблескивая стеклянными глазами.

Чак похлопал голову по черному носу.

— Ну, друг, не надо меня так пугать. Ты уже свое отвоевал!

Следующая встреча оказалась более приятной.

Свет лампы выхватил из темноты повешенную на стену литаграфию, вырезанную из старого журнала. На ней обнаженная белокурая красотка зажимала между ног большое красное сердце.

— Ну и картинки здесь держит отец нашей Риты...— нравоучительно сказал Чак.— Даже я таких не держу.

Он еще выше поднял лампу и стал искать глазами электрощиток, который оказался в самом конце подвала. Ржавая жестяная коробка, из которой торчали неприкрытые изоляцией контакты. Чак скептически осмотрел приспособление, опасаясь как бы не попасть рукой на оголенный контакт.

Но вдруг Чак замер.

За его спиной явственно что-то плюхнулось в лужу. Он затаился. Только лампа нервно поворачивалась в его руке, освещая влажную стену подвала.

Чили продолжала на кухне поджаривать орешки, мешая их длинной деревянной палочкой. За дверями послышались шаркающие шаги. Кто-то тяжело привалился к двери.

— Чак, ты уже вернулся? — изумленно спросила Чили.— Почему ты не сделал свет?!

Но из-за дверей ей никто не ответил. Тогда Чили зажгла от комфорки огарок свечи и подошла к двери.

— Чак, почему ты не отвечаешь?!

Она рванула дверь на себя. Прямо перед ней, стоя на коленях, корчился в судорогах Шелли. Его голова была запрокинута далеко назад. На шее зияла огромная кровоточащая рана.

— Да иди ты, идиот, со своими дурными шуточками! — зло бросила Чили.— Лучше иди, помоги Чаку наладить свет.

Шелли тянул к ней руки и что-то хрипел, закатывая глаза.

— Я же сказала тебе: хватит! Прекрати!

Чили принялась переворачивать и мешать орешки.

Шелли тяжело осел на пол, его воздетая и протянутая в мольбе рука опустилась. Глаза закатились и замерли, остановившись на невидимой точке. Из глубокой рваной раны густым липким ручьем полилась кровь. Последний вздох замер на его окровавленных губах. Что-то глубоко в нем булькнуло, и Шелли испустил

— Хватит дурачиться! — сказала Чили.— Всем и так насмерть надоели твои идиотские забавы.

Она мерно поворачивала уже подсоленные орешки.

Никого не заметив, Чак вернулся к электрощитку, но его внимание вновь отвлекло непонятное хлюпанье воды. Он оглянулся, высоко поднял свой фонарь и начал шарить его лучом по обширному влажному подвалу. Желтый луч выхватил силуэт человека в пластиковой маске хоккейного вратаря.

Чак замер.

— Шелли, Шелли,— тихо, как бы извиняясь произнес Чак,— хорош дурачиться, надоело это все до чертиков!

Но тот, кого он назвал Шелли, сделал к нему шаг, схватил за горло и сильно бросил на электрический щиток. Рука Чака попала в контакты. Его начало трясти.

На кухне вспыхнул и погас свет.

— Неужели он никак не может эти пробки сделать! Вроде такой сообразительный.— Проговорила Чили.

Свет то вспыхивал, то вновь гас.

— Шелли, хорош дурачиться, иди помоги Чаку.

Чили приблизилась к Шелли и прикоснулась к его

плечу. Тело Шелли с грохотом упало на гулкий деревянный пол.

— Да хорош тебе!

Чили наклонилась и попыталась потрясти парня за плечо. Но ее рука попала во что-то липкое и теплое. Она поднесла руку к лицу. В этот момент вспыхнул свет. И она истошно закричала. На руке была самая настоящая кровь.

— Боже! Боже! — закричала девушка,— Энди! Дэби! Чак!

Чили заметалась по дому. Она осматривала комнаты, не находя никого из своих друзей. Она подбежала к винтовой лестнице и устремилась наверх. Туда, где в спальне должны были быть Энди и Дэби.

— Его убили! Его убили! — кричала Чили.— Его убили!

Она вбежала в гостиную. Убедившись, что на втором этаже никого нет, она нервно оглянулась по сторонам.

Потом устремилась к входной двери, но прямо перед носом дверь с шумом распахнулась, и сквозняк бросил ей в лицо охапку

листьев. Еще раз истошно закричав, Чили отпрянула.

Прямо перед ней стоял мрачный убийца Роджер. Он сжимал раскаленную докрасна каминную кочергу.

Крик застыл на губах Чили. Кочерга медленно вошла в ее тело. Металл, соприкоснувшись с кровью, зашипел, и острый верх кочерги вышел рядом с позвоночником. Девушка рухнула на пол гостиной.

Убийца довольно хрюкнул. Гостиную заполнил запах паленого мяса. Убийца Роджер склонился над телом убитой девушки, взял его на руки и бережно понес.

Рита и Рик с фонариком в руке пробирались по узкой лесной тропинке к дому.

— Ничего себе, короткая дорога,— возмущалась Рита,— бредем уже, наверное, полночи, а все никак не можем выйти.

— Ничего, ничего, уже осталось пару сотен метров.

Вдруг ребята услышали истошный крик издалека.

— Что это? — спросила Рита.

— Не знаю, но кажется, что кто-то крикнул.

— Кто бы это мог быть? — спросила Рита.

— Да, скорее всего, Шелли выдуривается. Пугает всех. Вечно ему не спится.

— Может, просто Вера не захотела с ним спать, и он бесится. Он забавный этот толстяк, правда?

— Да, да,— ответил Рик, явно подозревая и чувствуя совсем другое, навеянное ему страшным рассказом Риты.

Он заторопился, схватил подругу за руку и они бегом бросились к дому. У самого крыльца они остановились.

— Как тихо здесь! — обрадованная и удовлетворенная, сказала Рита.

— Да, действительно здесь тихо, если только не обращать внимание на шум деревьев и на скрип их ветвей.

— Трудно поверить,— продолжала Рита,— что они все уже улеглись спать,— глядя на освещенные окна, промолвила она и теснее прижалась к Рику.

— Ну что ж, пойдем их **разбудим,—**пошутил Рик.— Я думаю, они обрадуются нашему приходу.

— А я вот этого не думаю. Я думаю, что они принадлежат друг другу и занимаются известным делом.

Они несколько секунд повозились, открывая входную дверь. Запах чего-то паленого насторожил Рика.

— По-моему, что-то горит,— сказал он.

И, открыв дверь, Рита и Рик бросились в кухню.

— Вот черт, это здорово,— сказала Рита, снимая с плиты сковороду со сгоревшими орешками.

Со сковороды валил густой белый дым.

— И свет как-то странно горит, то потухнет, то вспыхнет,— проговорил Рик.

— Что-то, наверное, с проводкой,— вставила девушка.— Надо будет сходить проверить, ты знаешь, где это?!

— Да, я знаю, это в подвале. Там есть щиток. Я сейчас спущусь.

— Ну и друзья у тебя, свиньи. Оставили сковороду прямо на плите.

— Ладно, я спущусь в подвал, посмотрю, что там с пробками.

Рик с фонариком в руке бросился через гостиную в подвал. По дороге, остановившись посередине гостиной, он громко закричал:

— Эй! Здесь кто-нибудь есть?! Вы что, все уснули?!

Он пощелкал выключателем, но лампочка, высоко

под потолком, не вспыхнула.

— О, черт! Придется все-таки идти в этот грязный и мокрый подвал.

Рик открыл входную дверь и направился к подвалу.

— Рик, Рик! Подожди,— закричала ему из кухни Рита,— я пойду с тобой, мне что-то все это очень не нравится! Никого не слышно и не видно! Что-то странное происходит в доме.

Рита с фонариком в руке остановилась посередине гостиной. Рика уже не было, и она сама решила удостовериться, все ли на месте в доме. Но уже ступив на винтовую лестницу, она замерла. Дом был безжизненным — нигде ни звука, ни шороха.

Девушка испугалась. Она повернулась спиной к лестнице и вышла на входное крыльцо. Ветер трепал ее волосы, и страшное предчувствие переполнило ее душу.

— Рик! Рик! — звала она срывающимся голосом.

Рита вглядывалась в темноту, стараясь увидеть

светлую рубашку своего парня. Но вокруг дома было

темно. Лампочки то мигали, то не на долгое время загорались зловеще ярким светом.

— Рик! — еще раз позвала Рита.

Она ведь не могла догадаться, что Рик совсем рядом, и что он очень хочет ей ответить. Но его рот закрывала огромная ладонь зловещего убийцы Роджера.

Рик вырывался, силясь высвободиться из цепких пальцев, но убийца был сильнее его. Он сжимал рот Рика, не давая вырваться ни слову, ни стону.

Рита еще немного постояла на крыльце, поежилась от холода и, запахнув полы куртки, вернулась в дом.

Тогда, уже не боясь, что кто-то услышит крик парня, убийца

отнял руку от его рта и сдавил ему ладонями голову. Парень дергался, извивался, но убийца неспеша поднимал его за голову над землей. Мощные руки убийцы сдавили голову. С хрустом, как переспевший арбуз, треснула кость. Не выдержав давления, вывалился и повис на шнурке нервов глаз. Изо рта хлынула кровь.

Отбросив мертвое тело в сторону, Роджер удовлетворенно хмыкнул.

Как ни напугана была Рита, но все-таки она решилась осмотреть дом одна. Ее внимание привлекли звуки капель, падающих на пол. Она подставила под них руки. Вода была теплой.

— Это что еще за вода?! — спросила вполголоса Рита,— наверное, кто-то из ребят забыл закрутить кран в душе.

Немного успокоенная, она начала подниматься по винтовой лестнице. На верхних ступеньках тек настоящий ручей. В раскрытых дверях ванны шумел и в самом деле не закрытый душ.

— Мне все это очень не нравится,— шептала Рита,— ребята, вы здесь?! — громче позвала она.— Дзби! Энди!

Но никто ей не отвечал. Рита хлюпала кроссовками по залитому водой ковру. У приоткрытой двери душа она остановилась и предусмотрительно постучала:

— Эй, ребята, что вы делаете?!

Ее. все еще не покидала надежда, кто-то просто, занятый любовной игрой в душе, не замечает, что на пол льется вода.

— Что вы делаете?! Так же от сырости дом развалится!

Рита толкнула дверь и вошла в душ. Из переполненной ванны, задернутой полупрозрачной полиэтиленовой занавеской, лилась на кафельный пол вода. Рита какое-то время собираясь с духом, стояла перед занавеской, но потом резким движением отвела ее в сторону и вскрикнула.

В ванне, до краев наполненной водой, лежала окровавленная одежда Дэби. Кровь растворялась в теплой воде и придавала ей зловещий розовый оттенок.

Рита истерично вскрикнула и опрометью бросилась вниз по лестнице. Спотыкаясь на ступеньках, она бежала, но ей казалось, что бежит она слишком медленно, что кто-то, притаившийся за поворотом, поджидает ее, чтобы нанести смертельный удар.

— Рик! — закричала девушка, выбежав на улицу.

Но ее слова подхватил ураганный ветер. Он нес

опавшие и еще зеленые листья, взъерошивал траву, поднимал столбы пыли. Рита, прикрываясь от секущих ей лицо песчинок, бежала к амбару. Под большим развесистым деревом она на минуту остановилась, чтобы перевести дыхание и еще раз позвать Рика.

Над ее головой захрустели ветки, посыпались обломки сухих сучьев, и с ужасным свистом прямо перед ней зависло, подвешенное за ноги веревкой, мертвое тело металлиста Локо, страшно зазвинели холодные цепи на его шее. Изо рта хлынула уже густая кровь. Прямо на кроссовки девушки.

Рита зажала рот, сдерживая позывы рвоты и, шатаясь, побрела прочь от дерева, на котором, раскачиваясь, висел обезображенный труп.

Добравшись до дома, Рита сообразила только одно, что нужно как можно скорее запереть все входы и выходы. Только в доме, где провела детство, считала Рита, она сможет укрыться от невидимой опасности, подстерегающей ее на каждом шагу. Но двери и окна не поддавались слабым рукам девушки. Ветер налетал на них, бил ставнями, хлопал дверями. Сдирая в кровь руки, Рита закрывала неподатливые створки на шпингалеты, щелкала замками. Ломая ногти о оконный переплет, Рита, наконец, смогла закрыть последнее окно.

Привалившись к стене, она истерически засмеялась. Слезы текли из ее глаз.

— Рик! Рик! Помоги мне! — кричала девушка.

Но ноги уже не держали ее. Шатаясь, она держалась за подоконник и все кричала:

— Помоги, Рик, где ты?!

И как бы в ответ на ее слова вдруг раздался ужасный грохот и треск. Разлетелось большое плетеное окно гостиной. В него, как пушечное ядро, влетел обезображенный труп Рика и упал на ковер перед камином.

Рита вскрикнула, прикрыла рот рукой и опустилась перед неживым другом на колени. Она все еще не могла поверить, что Рик мертв. Она трясла его за плечо, пытаясь перевернуть. Но когда тело Рика легло на спину, Рита с ужасом увидела висящий на нерве голубоватый скользкий глаз. И ей вспомнилось, что такой же глаз она видела сегодня в руках сумасшедшего старика-бродяги. И он, этот старик, тряс глазом и говорил:

— Это Божее знамение! Это предупреждение вам, чтобы вы немедленно возвращались.

Захрустели осколки стекла.

Рита обернулась.

В разбитое окно залезал зловещий убийца Роджер. Он сжимал в руке тяжелый цельнокованный топор, с остро отточенным лезвием. Пластиковая маска хоккейного вратаря хищно скалилась на девушку прорезью рта. В глазницах сверкали кровавые пятна глаз.

Девушка истошно завопила и бросилась убегать по винтовой

лестнице. Неспеша убийца настигал ее. Он знал, жертве некуда спрятаться, некуда уйти от него. Взбежав на второй этаж, Рита что было силы ухватилась за стеллаж с книгами, стоящий рядом с лестницей. Неимоверным усилием она сумела наклонить его, и книги дождем посыпались на Роджера.

Тот, прикрываясь рукой, с топором, какое-то время еще держался на ногах под сыплющимися на него тяжелыми томами. Но рука его, сжимавшая перила, разжалась и Роджер полетел вниз, увлекаемый лавиной книг.

Рите некогда было оглядываться. Она побежала коридором, подыскивая место, где бы можно было спрятаться. В конце коридора спасительно чернела приоткрытая дверь кладовки. Рита, не задумываясь, бросилась туда, неслышно защелкнула за собой дверь на задвижку и припала к стене. Немного отдышавшись, она прислушалась.

Погони вроде бы пока еще не было. Осторожными шагами она приблизилась к висящим на металлической трубе плечикам с одеждой. Из-под старого отцовского плаща на нее неживым взглядом смотрела мертвая Дэби.

Рита, прикрывая рукою рот и сдерживая неудержимую рвоту, на коленях подползла к двери и прильнула к замочной кважине. В сумрачном свете она увидела, как на второй этаж поднялся убийца Роджер. Она слышала его шаги. Она видела, что он направляется прямо к двери кладовки. Она отпрянула к стене и замерла в ожидании.

Тяжелый топор взлетел в воздух, и толстые дверные доски захрустели. В разные стороны полетели щепки, крошащегося сухого дерева. Но замок не поддавался. Роджер колотил в дверь все сильней и сильней. Он наносил каждый новый удар с еще большим остервенением и злобой, нежели предыдущий.

Рита дрожала, прижавшись к стене.

От содрогания покачнулось и упало к ногам Риты мертвое тело Дэби. Из ее спины торчала тяжелая деревянная рукоять кинжала.

С содроганием и отвращением, зажмурив глаза, Рита вырвала смертоносное оружие из спины своей подруги и, зажав его в руке, стала ожидать убийцу Роджера.

Страшный убийца сообразил, что топором ему придется орудовать очень долго. Ведь дверь сделана из старого крепкого дерева. Тогда он просунул руку в образовавшуюся дыру у замка и попытался открыть его изнутри.

Рита рванулась вперед и вонзила кинжал в руку убийцы.

За дверью раздался страшный вопль.

Рита распахнула дверь и, размахивая кинжалом, бросилась на

убийцу Роджера. Но тот отступал и ловко уворачивался от ударов. Рита, изловчившись и сделав резкое движение, бросилась вперед и вонзила длинное стальное лезвие прямо в бедро Роджера.

Тот взвыл от боли, скорчился и, схватившись за ногу, рухнул на пол.

Рита несколько секунд в изумлении смотрела на скорчившееся тело страшного убийцы. Она видела, как он нащупал рукой рукоять кинжала и медленно, сантиметр за сантиметром, вытаскивает его из своей ноги. Она бросилась к двери. Но дверь не поддавалась.

Рита, что было силы, навалилась на нее. Убийца взмахнул рукой, кинжал, рассекая воздух, полетел в девушку. Но она уже успела выскользнуть за дверь.

Тяжелый кинжал, расколов дверной косяк, глубоко засел в нем. Рита подбежала к окошку, и попыталась открыть тяжелую раму. Но окно, которое не открывали вот уже два года, не поддавалось. Тогда девушка схватила стул и, ни секунды не раздумывая, высадила оконный переплет.

Сверкая, с шумом и треском, рама разлетелась, и на землю посыпались осколки стекла. Рита взобралась на подоконник. Но прыгать со второго этажа ей было страшно. Она немного помедлила и решила выбраться другим способом. Она сбросила вниз тело, уцепившись руками за подоконник.

Но в это время Роджер настиг ее. Он протянул вперед руку и схватил ее за шиворот. Толстая материя затрещала. Рита, судорожно вздрагивая, раскачиваясь, молотя кулаками по руке Роджера, пыталась высвободиться. С хрустом расползалась материя. Еще мгновение, и Роджер уже втащил бы девушку в комнату, но материя не выдержала. Огромный клок плащевки остался в окровавленной руке убийцы, а девушка упала на землю.

Лихорадочно стягивая с себя обрывки куртки, Рита припала к окну. Она понимала, что из освещенной гостиной ее невозможно будет увидеть. Она смотрела, как тяжело ступая и припадая на раненую ногу, Роджер спускается по лестнице.

Рита поняла, что нужно делать. Это был единственный шанс спастись. Она забралась на высокое крыльцо и притаилась у высоких дверей, сжимая в руках тяжелое полено.

Когда дверь отворилась, и в лунном свете блеснула пластиковая маска на лице убийцы, Рита обрушила на его голову удар, вложив в него всю свою силу и всю свою ненависть. Убийца как подкошенный рухнул на перила террасы. Раскололся толстый брус, и тело Роджера скатилось по ступенькам.

Рита, не помня себя от ужаса, переступила через него и бросилась дальше. Но Роджер изловчился и схватил ее за ногу.

Рита, не задумываясь, ударила его каблуком по запястью, пальцы разжались, и девушка в ужасе побежала к машине. Она вскочила в кабину и со страхом смотрела на пустой, без ключей, замок зажигания.

— Ключи! Ключи! Где же ключи?! — она хлопала себя по карманам, шарила по приборной панели.

Наконец, в кармане ее джинсов глухо звякнула связка ключей. Рита вытащила их, но никак не могла трясущейся рукой попасть в скважину. Наконец, ключ щелкнул. Машина вздрогнула. Но мотор никак не хотел заводиться. Визжал стартер. Рита начала молиться.

— Боже, помоги мне! Боже, сделай так, чтобы машина завелась, чтобы я могла убежать!

И, словно вняв мольбам девушки, загудел мотор.

Рита вывернула руль, и машина понеслась к воротам. Но тут из темноты в перекрестии света фар возник Роджер. Он стоял, широко расставив ноги, прямо на дороге. Машина неслась на него. Но в сердце Риты уже не было жалости или сомнений.

Она сжала зубы и до предела выжала скорость. В самый последний момент Роджер отскочил в сторону, и Рита понеслась по проселочной дороге.

Мелькали деревья, кусты. Впереди замаячил мост. Тускло высветилась самодельная надпись: «Аварийный мост». Но Рите не было времени на раздумья. Она только немного сбавила скорость и въехала на мост.

Вдруг двигатель чихнул и начал глохнуть. Рита лихорадочно нажимала на педаль акселератора и причитала:

— Черт, что случилось?! Ну, давай, вывози меня отсюда! Ну, милый мой автобус, вывези! Спаси меня!

Машина еще несколько раз дернулась и, как вкопанная остановилась на середине моста. Под задними колесами захрустела доска.

— Что такое? — Рита шарила взглядом по приборной доске. — Нет, нет! — она крутила ключ и пыталась внось завести машину.

В зеркальце заднего вида она увидела как, припадающий на раненую ногу Роджер, ковыляет к машине.

— Нет! — кричала Рита.

И тут взгляд остановился на датчике топлива. Его стрелка замерла на нуле.

— Бензин, бензин... В машине нет бензина,— озарила догадка затуманенный страхом разум девушки.

Она несколько секунд соображала, что ей делать, но тут вспомнила, есть ведь резервный бак. Протянув руку под сиденье,

она переключила рычаг баков и снова повернула ключ. Мотор завелся. Рита радостно переключила передачу и только хотела тронуться с места, как задние колеса машины провалились под настил.

— Нет! — закричала Рита.

И в этот момент в приоткрытое стекло кабины просунулись руки страшного убийцы. Он схватил девушку за волосы. Рита вырывалась. Перед ее лицом, за стеклом, мелькало, смазываясь в окровавленное пятно, пластиковая маска со смертельным оскалом. Рита дотянулась рукой до ручки стеклоподъемника и что есть силы закрутила ее. Стекло медленно поползло вверх и прижало руки убийцы. Рита изо всех сил надавила на ручку, и пальцы страшных рук разжались.

Она выскочила во вторую дверь и с неимоверной скоростью побежала к дому.

Несколько мгновений убийца Роджер пытался вырвать руки, плотно прижатые толстым стеклом. Но он сообразил, что это ему не удастся. Тогда он слегка отклонился от двери, и пластиковой маской ударил в стекло.

Брызнули осколки.

Он вытащил руки и удовлетворенно хрюкнул. Еще секунду раздумывая, он огляделся. А потом бросился вслед убегающей девушки.

До дома было не добежать. Самым близким укрытием был огромный амбар. С истошным криком, вопя и не останавливаясь, Рита подбежала к высокой двери, распахнула ее и вскочила в полутемный амбар.

Тяжелый засов никак не хотел становиться в пазы. Тогда она схватила лопату с длинным черенком и воспользовалась ею, заложив дверь.

Убийца попытался открыть дверь. Но она выгибаясь, не поддавалась. Тогда он просунул окровавленную руку в щель, напрягся и вытащил черенок лопаты. Дверь распахнулась.

Дорога к очередной жертве была свободна.

Убийца Роджер, сверкая пластиковой маской, ступил под своды амбара. Он несколько мгновений постоял на пороге, поднял огромную балку и ею заложил амбарную дверь. Он не хотел, чтобы девушка выскочила на улицу. Ведь в амбаре ему было легче расправиться с ней.

Он разбрасывал всякую старую рухлядь, разыскивая затаившуюся Риту. Он переворачивал тюки с сеном, поднимал крышки тяжелых сундуков, заглядывая вовнутрь. Он пинал ногами бочки, и они с глухим стуком и грохотом катались по полу.

Рита притаилась на балке, под самой крышей. И сверху смотрела, как страшный убийца мечется, не находя ее, по амбару. Ее тело сотрясали беззвучные рыдания. Она все плотней и плотней сжимала балку, но чувствовала, что долго она не сможет провисеть и удержаться на ней. Пальцы начинали ослабевать, ноги разжимались.

А убийца в это время швырял в стену старые стулья, упряжь, разбрасывал пустые ведра и крушил старые сундуки.

Но руки Риты все-таки разжались. Она еще какую-то долю секунды повисела на одной руке и рухнула вниз. Ей повезло. Она упала прямо на убийцу. Он упал на землю, и это спасло девушку. Она успела подскочить и рвануться к двери.

Но недаром Роджер завалил ее тяжелой балкой. Рита сколько не пыталась, так и не смогла сдвинуть ее с места.

Придя в себя, мрачный убийца схватил двуручный тесак, медленно приподнялся и двинулся к девушке. Ее глаза заполнил смертельный ужас. Казалось, еще мгновение, и она лишится чувств и упадет к ногам убийцы. Но Рита смогла собрать волю в кулак и рвануться в сторону.

Удар тесака пришелся в толстую балку. Пока мрачный убийца пытался вырвать глубоко застрявшее в дерево лезвие своего смертельного орудия, Рита успела вскарабкаться по приставной лестнице на второй ярус амбара, куда днем они с Риком поднимали тюки с сеном. Одним из этих тюков она и завалила люк. Как будто тюк сена мог остановить страшного убийцу.

Рита заметалась по чердаку, нашла лопату и, притаившись, стала, приготовившись к своему последнему бою. Ребром лопаты Рита нанесла, как она думала, смертельный удар по шее мрачного убийцы.

Тот как подкошенный рухнул на пол.

Стремительная догадка осенила девушку. Она сорвала крюк лебедки со стены и, содрагаясь от омерзения и ужаса, набросила веревочную петлю на шею Роджера. Давя приступы рвоты, из последних сил, она натянула веревку и принялась сталкивать тяжелое тело убийцы в открытые двери чердака. Туда, на улицу. Последнее усилие, тело перевалилось через порог и рухнуло вниз.

Не долетев метр до земли, оно дернулось на натянутой веревке и принялось раскачиваться как тяжелый маятник. Веревочная петля туго обхватила шею Роджера.

«Это победа!» — подумала Рита.

И, содрагаясь, давя приступы рвоты, бросилась вниз, чтобы выйти из амбара.

После криков, стремительных схваток, погони, наконец-то

вокруг установилась звенящая тишина. Скрипел блок лебедки, шумели высокие деревья. Где-то в глубине леса вскрикивали дикие птицы. Рита, привалившись к калитке для загона животных, отдыхала. Она переводила дыхание, вытирала слезы, которые непристанно ручьями текли по ее щекам.

Наконец, успокоившись, и вновь собравшись с силами, она подошла к двери. Тяжелая балка закрывала вход.

Рита снова попыталась поднять ее, но все усилия оказались напрасными. Тогда она тяжелой кувалдой, валявшейся прямо у порога, несколько раз ударила по балке, и та выскочила из пазов. Выход из амабара был свободен.

Девушка распахнула дверь и остолбенела.

Прямо перед ней, не касаясь земли ногами, висел убийца Роджер, загораживая выход на улицу. Она отступила на шаг в амбар. Казавшиеся безжизненными руки убийцы резко взметнулись к веревке. Он ухватился цепкими пальцами за толстый канат, подтянулся. И окровавленная рука начала стаскивать петлю с шеи. Вместе с петлей сползала и страшная пластиковая маска, прикрывавшая лицо.

— Ты не можешь быть жив! Ты не можешь быть жив! — в исступлении шептала Рита,— ты мертв! — с ужасом говорила она, отступая в глубину амбара.

Но как ни страшна была пластиковая маска, то, что скрывалось под ней, во много раз превосходило ее своим безобразием. Из-под изъеденных язвами губ торчали редкие желтые зубы. Налитые кровью глаза, зло смотрели на девушку. Убийца легко спрыгнул на засыпанную соломой землю и снова опустил свою маску на страшное лицо.

Рита поняла, что пришел ее последний час. Она уже не пробовала сопротивляться. Только медленно пятилась, глядя на зловещего убийцу, согнувшегося и поднимающего с земли смертоносный тесак.

Когда до смерти оставалось одно единственное мгновение, Рита, прижавшись к дверному косяку, уже опускалась на колени, с мольбой глядя на безжалостного убийцу, заносящего над ее склоненной головой острое как бритва лезвие.

— Стоять, сука! — раздался из-за перегородки твердый голос, и рядом с убийцей возник бритоголовый металлист Али.

Он прижимал к животу обрубок правой руки, перетянутой как жгутом, обрывком проволоки. В другой руке негр сжимал тяжелый стальной секач. Но и на этот раз Роджер оказался проворнее и сильнее.

Он развернулся и удар, предназначенный Рите, пришелся по занесенной руке Али.

Кисть, все еще сжимавшая секач, отлетела в сторону. Из обрубка правой руки брызнула кровь. Негр в бессильной злобе воздел обрубленные руки над головой, намереваясь ими нанести удар по голове убийцы.

Но тесак описал молниеносную дугу и снес голову негра с плеч. Огромное тело осунулось на пол. Увлеченный кровавой расправой, Роджер наносил удар за ударом, расчленяя тело на куски.

Воспользовавшись этим, Рита на коленях пробралась к лежащему под стеною цельнокованному стальному топору. Сжимая в руках свое оружие, она подкралась к убийце. И когда тот, что-то мыча, в азарте развернулся к ней, Рита опустила лезвие прямо на его безобразный череп.

Хрустнули кости, топор глубоко вошел в голову убийцы. Он еще несколько шагов проделал по направлению к Рите, протягивая к ней свои длинные окровавленные пальцы.

Рита отступала.

Она пятилась, пока спиной не уперлась в стену. Дальше пути не было. Она с замиранием в сердце смотрела, как все замедляющимися шагами к ней приближается убийца, протягивая свои омерзительные и скрюченные пальцы к ее горлу, но когда их разделяло всего лишь три шага, Роджер покачнулся и медленно опустился на солому.

Он еще полз к девушке, не переставая надеяться настичь жертву. Но силы покидали его. Из-под маски текла густая липкая кровь. Роджер судорожно греб ногтями по соломе, смешивая ее с пылью. Еще несколько конвульсивных движений, и смертельно раненый убийца затих. Лишь только топор, глубоко всаженный в его череп, мерно подрагивал.

Рита с омерзением пнула ногой пластиковую маску. Голова бессильно повернулась в сторону. Затаив дыхание, Рита переступила через тело Роджера и вышла на улицу.

Все было кончено, как казалось ей. Но куда сейчас идти, куда деваться этой ночью?! Везде, и в доме, и в амбаре, были обезображенные и расчлененные трупы. Девушка добрела до берега озера и остановилась возле вытянутого на берег каноэ.

Превозмогая усталость, она столкнула его в воду и бросилась на дно. Каноэ под легкими порывами уже немного стихшего к этому времени ветра, медленно отплывал на середину озера. Над Ритой простиралось звездное небо. Легкий туман клубился над бортами каноэ и прятал от нее очертания берегов. Девушке показалось, что она одна осталась в этом мире, что вокруг больше нет людей. Но больше не было и угрозы. Она, обессиленная, лежала на дне и смотрела на крупные, как жемчуг, звезды.

Она никак не могла успокоиться. Воспоминания и кошмары преследовали ее. Слышались крики, удары, хруст расчлененной плоти, запах гниющего и горелого мяса. Девушка корчилась на дне лодки, поджимала к самой груди колени, но, наконец, обессиленная, провалилась в тяжелое беспамятство.

Рита очнулась от резкого толчка. Она мгновенно открыла глаза и села на дне лодки.

Ярко светило утреннее солнце. Каноэ уткнулся в корягу. Рита не могла понять, почудилась ли ей прошедшая кровавая ночь, или все это было на самом деле. А, может быть, это сейчас чудится ей, что исчезла темнота и наступило утро.

Послышалось резкое хлопанье и всплеск воды. Рита вздрогнула. Мимо нее пронеслась дикая утка. Девушка откинула со лба волосы и посмотрела на свой дом: окно, выбитое ею ночью, было целым. И вдруг занавески на нем раздвинулись, и за стеклом показалась залитая кровью пластиковая маска хоккейного вратаря. Из глазниц на нее смотрели налитые кровью и злобой глаза.

Девушка вскрикнула и лихорадочно стала отталкивать каноэ от берега, но оно зацепилось за корягу и никак не хотело сдвинуться с места. Под мощным ударом Роджера слетела с петель и рухнула входная дверь. Роджер бежал к воде. На какое-то мгновение его тело исчезло за кустами. Рита, сдирая в кровь руки, сдвинула каноэ с места. Когда же она вновь подняла взгляд на дом, двери были на своем месте. Она облегченно вздохнула:

— Нет, почудилось, все это мне почудилось,— шептала она.— Я просто, наверное, схожу с ума. А ребята спят в доме.

Но тут ее взгляд остановился на поломанных перилах террасы перед домом. Она вновь насторожилась.

Вдруг волна всколыхнула озерную гладь и раскачала каноэ. Рита только успела обернуться, как рядом с сортом лодки, из-под воды вынырнуло омерзительное, обвешенное тиной и водорослями, тело Веселого Роджера. Он протягивал к ней склизкие холодные руки.

_ Нет! — закричала Рита и закрыла глаза.

Она почувствовала, как холодные пальцы сдавили ее шею и увлекли в озеро.

Темнота снова залила ее сознание.

Рита очнулась на берегу. Над ней склонился офицер полиции. Его лицо было задумчиво, он щупал пульс на шее девушки.

— Я понимаю, у вас шок, все ваши друзья убиты. Но успокойтесь, успокойтесь.— Седовласый полицейский погладил девушку по голове.— Пройдемте в машину, пройдемте со мной.

Девушка истерично захохотала.

Полицейский попытался ее удержать. Она дико закричала, насмерть перепуганная этим простым движением пожилого человека.

Мигалка машины включилась, заработала сирена, и белый офицерский форд сорвался с места и помчался по проселку на автостраду, а дальше в больницу Детройта, унося с собой все страшные воспоминания, весь кошмар, пережитый Ритой на берегу озера, в загородном доме.

ЧАСТЬ II

НОВОЕ НАЧАЛО

Вот уже шесть лет Томми Чарлиза перевозили из одной клиники в другую. Где он только не побывал, разные психиатры, разные профессора и ученые опробовали на нем всевозможные способы лечения. Но все это было бесполезно. Томми преследовал ужасный кошмар.

А началось все это шесть лет тому назад, когда в один дождливый вечер Томми возвращался из школы домой. На темной улице его перехватил маньяк-убийца, который вот уже месяц терроризировал весь город Детройт. Но на счастье у Томми нашелся подаренный ему одноклассником перочинный нож. И незаметно выхватив его, Томми, еще не сообразив, что он делает, вонзил лезвие маньяку в горло. Тот, захлебываясь кровью, все еще пытался дотянуться до мальчика, и в последний момент содрал со своего лица натянутый на голову чулок. Этот оскал смерти навсегда запомнился мальчику Томми: выпученные глаза, налитые кровью, застывший не то оскал, не то улыбка. И теперь, чтобы не происходило, где бы он ни был, но всегда только стоило ему вздремнуть, как снова возвращался тот ужасный вечер. Мальчик видел маньяка-убийцу, тот снова тянул к нему свои длинные желтые пальцы. И снова Томми выхватывал нож и, как в замедленном кино, всаживал лезвие в горло убийцы. И опять тот падал на залитый дождем асфальт.

Но последнее время видение странно изменилось: оно приобрело новые формы, сделалось еще более ярким и угрожающим. Во сне приходил уже к Томми не тот убийца-маньяк в черном чулке, натянутом на голову, а какой-то новый, страшный человек, скорее даже не человек, а существо. На лице этого существа была маска хоккейного вратаря.

Скорее всего, что это просто очень чувствительная психика ребенка восприняла рассказы о страшном убий-це-маньяке Веселом Роджере. Этими рассказами полнились все бульварные газеты, программы телевидения, об этом только и говорили пациенты всех лечебниц, где за шесть лет побывал мальчик.

И, как ни странно, именно этого убийцы Томми и боялся. Именно он начал преследовать его последние несколько месяцев. Томми даже сам не мог себе ответить, откуда это взялось и

почему. Просто он содрагался, хватался за нож, который всегда возил с собой. Но нож был здесь бесполезен — видение исчезало, оставляя только озноб и ужас в сердце юноши.

Страх за свою жизнь заполнил душу Томми, и все свое свободное время, уже не надеясь на небольшой нож, он отдавал освоению приемов рукопашного боя, боксу, он часами пропадал в спортивном зале, колотя увесистую кожаную боксерскую грушу.

Он добился неплохих результатов. Тренер всегда хвалил его, но с опаской смотрел на то, как душевнобольной парень с остервенением бьет спортивный снаряд, представляя на его месте какого-нибудь человека. Ведь на парня могло найти затмение разума, и тогда бы он уже не понимал, что делает.

Как-то лечащий врач Томми, когда тот признался ему в своих кошмарных видениях и рассказал, что теперь он видит не того убитого им маньяка, а Веселого Роджера, чтобы успокоить юношу, рассказал ему все, что знал о страшном убийце. Он рассказал ему, и даже показал ксерокопию из полицейского дела, что после вскрытия тела Веселого Роджера, при котором он сам присутствовал, убийцу-маньяка похоронили на городском кладбище.

Томми какое-то время сомневался, верить врачу или нет. Но тот говорил настолько убедительно, настолько красочно описывал саму процедуру вскрытия, что, в конце концов, поверил, и на своей карте окрестностей Детройта, которую тоже всегда держал в своей сумке, обозначил красным крестиком то кладбище, где был похоронен маньяк-убийца.

Одним солнечным, прекрасным летним утром в палату к Томми зашел его лечащий врач.

— Знаешь что, парень,— сказал он ему.— Я подумал что все твои видения и кошмары исчезнут, если ты на лето переедешь в загородную лечебницу. Мой друг — ее директор, Тэм Робинсон, дала согласие принять тебя. Хам лечатся такие же ребята, как ты, твои сверстники. В свободное время они занимаются работой, сами колют дрова, косят газоны, готовят еду. Там есть парни и девушки. Я думаю, в обществе сверстников тебе будет лучше, и ты найдешь выход из своей сложившейся ситуации.

— Не знаю,— сказал Томми.— Может быть, в самом деле стоит попробовать.

Седовласый профессор, поблескивая очками, потрепал парня по плечу:

— Томми, понимаешь, тут еще такое дело. В общем-то, я не специализируюсь по таким болезням, у меня несколько иной профиль, я сделал все что мог. Я испробовал на тебе все свои методы, и, как видишь, результат почти нулевой. Поэтому, я и

думаю, что в клинике Тэмы Робинсон, тебе могут серьезно помочь. Я даже в этом убежден, потому что Тэм уже помогла многим, с очень похожими симптомами. Правда, она немножко странный человек, но я думаю, тебе с ней будет легко. С ней работает хороший молодой специалист. Его специальность — кошмары. Он талантливый, о нем последнее время пишут почти во всех журналах по психиатрии, он часто ездит на всевозможные международные симпозиумы, к его методам и его замечаниям начинают прислушиваться. Правда, у него несколько не стандартные методы лечения, но и думаю, что именно такими методами и можно поднять тебя и избавить от твоих навязчивых видений. Так что давай попробуем, если ты не против.

Томми как-то замялся. Ему, честно говоря, уже надоело переезжать из клиники в клинику и лечиться. Ему уже хотелось успокоиться. Но видение преследовало, и юноша согласно кивнул головой.

— Хорошо, док, я согласен. Давайте попробуем и это.

— Ну вот, я знал, что ты согласишься. Внизу уже стоит машина, на которой тебя и завезут к моему приятелю, а я ему позвоню и тебя встретят. Так что не волнуйся, все будет очень хорошо.

— Надеюсь,— как-то неуверенно ответил Томми и начал складывать в сумку свои немногочисленные вещи.

За долгие годы мытарств по разным клиникам и лечебницам Томми приспособился к тому, что ему часто приходится переезжать. И поэтому вещей у него оыло

немного, все они легко вместились в одну большую, защитного цвета сумку. Томми легко поднял ее, забросил на плечо и в сопровождении седовласого профессора вышел на крыльцо, где уже стояла машина. Томми устроился на заднем сиденье, водитель завел мотор и машина помчалась по красивой проселочной дороге.

Санитар какое-то время обеспокоенно смотрел на Томми. Он уже привык ездить с душевнобольными и был готов ко всяким неожиданным выходкам. Но, увидев, что парень ведет себя смирно, он успокоился и, отвернувшись, стал смотреть на дорогу.

Томми какое-то время бодрствовал, оглядываясь по сторонам на проносившиеся мимо вековые ели, на густой кустарник, на ранние цветы, разбросанные по откосам дороги. Но вскоре качка и встряхивание утомили его. Он откинул голову на спинку сидения и задремал.

Санитар обратился к водителю.

— Слушай, везет же этим психам,— негромко сказал он.— В таких местах отдыхают. Я бы и сам не против с хорошей какой-

нибудь подружкой провести здесь пару месяцев, а ты?

Водитель закурил, посмотрел по сторонам и сказал:

— Ну так а я что, и я бы с удовольствием провел с какой-нибудь привлекательной молодкой.

На этом их разговор и кончился. Машина свернула с проселка и помчалась по узкой дороге к ферме, переоборудованной под психиатрическую лечебницу. Машина въехала во двор, где стояло несколько молодый людей. Один из них, обратившись к другому, сказал:

— А вот и новенького привезли. Ты рад?

Тот заулыбался и сказал:

— Я очень рад. Я всегда рад новеньким. Он, наверное, такой же, как и мы.

— Да, конечно, такой же, как и мы. Каким же ему еще быть? Сюда же нормальных не привозят.

— Хм... Ты что, считаешь, что мы ненормальные?

— Да нет, я считаю, что мы нормальные. Все вокруг просто ненормальные.

— А, ну да. Да, да.

Машина остановилась, санитар выскочил из нее и открыл дверь.

— Ну что, Томми, конечная остановка, выходи.

Томми, проснувшись, внимательно огляделся по сторонам. Он прижимал к себе сумку и сидел, сжавшись, на заднем сиденье. Он как-будто пытался стряхнуть с

себя только что виденное, но никак не мог припомнить, что именно привиделось ему только что. Он чувствовал — это было ужасным видением, страшным, от которого все еще вздрагивали его руки и спина покрывалась холодным потом.

— Подождите,— сказал он.— Я должен сосредоточиться.

Он снова откинулся на спинку сединья и прикрыл глаза. И тут на него снова снизошло озарение: он моментально вспомнил то, что приснилось ему по дороге, в мельчайших подробностях.

Санитар выжидающе смотрел на парня, не решаясь поторопить его. А Томми вспоминал.

Он видел себя двенадцатилетним, бредущим по лесу. Лил страшный дождь, в темноте сверкали молнии, и лишь только робкий луч карманного фонарика разрывал темноту между сполохами молний. На Томми была толстая прорезиненная рыбацкая куртка. Он куда-то спешил, сам не понимая куда и зачем. И вот блеснул свет очередной вспышки, озарившей небольшую поляну на берегу незнакомого ему лесного озера.

Мальчик остановился в нерешительности и спрятался за кустами, потому что посередине этой поляны высился

деревянный крест, с прибитой табличкой, на которой масляной краской было написано неровными буквами «Веселый Роджер». Двое мужчин, вконец промокших под дождем, но не обращавших на это внимания, раскапывали могилу. Один торопил другого:

— Он где-то здесь, где-то здесь. Давай быстрее, быстрее.

И двое мужчин тяжелыми заступами, как на перегонки, раскапывали могилу, углубляясь все дальше и дальше в землю.

Один светил большим фонарем в яму, второй выбрасывал наверх тяжелую слипшуюся землю. Наконец, лезвие заступа глухо ударилось в доски гроба.

— Давай, давай, выкопаем этого ублюдка и посмотрим на маньяка! — весело и задорно кричал тот, что уже наполовину скрывался в яме.

Мужчины гоготали и улюлюкали. Мальчик, спрятавшись за кустами, с удивлением смотрел на этих двух сумасшедших, которые непонятно зачем пытались раскопать могилу.

Пенился в лужах дождь, казалось, что наступил страшный суд, и на землю обрушилась огромная масса воды.

Мальчик не успевал слизывать со своих губ дождевые капли. Его лицо горело, дождь заливал очки. Томми, прячась за стволом дерева, наблюдал, как все быстрее и быстрее работают мужчины, как все веселее и веселее они гогочут.

Затрещали тяжелые дубовые доски. Мужчины подсунули лезвие лопат под крышку и начали ее отрывать. Они наваливались на черенки лопат всей своей тяжестью, заскрипели гвозди, и крышка с хрустом приподнялась. Мужчины напряглись из последних сил и отодвинули тяжелую крышку. Вспыхнула молния, и двое эксгуматоров замерли, пораженные ужасной картиной, которую увидели в яме.

Они начали дрожать. Тот, который был повыше, в черном резиновом плаще, подавив первый приступ страха, пригнулся к могиле, чтобы повнимательней рассмотреть убийцу-маньяка.

В это время в могиле произошло еле заметное движение. Через мгновение рука с тяжелым острым тесаком поднялась из могилы, и лезвие тесака вонзилось в живот мужчине в черном плаще. Его глаза выпучились, изо рта вырвался страшный нечленораздельный крик, и он рухнул на край ямы.

Второй, в нерешительности, замер, перализованный ужасом.

Убийца-маньяк вырвал окровавленный тесак из живота жертвы и вонзил его в горло второму мужчине. Тот, с недоумением на лице, рухнул в яму.

Томми, не в состоянии сдвинуться с места, смотрел, как из ямы поднялся убийца Роджер. Он видел, как сверкают капли дождя на кровавой, присыпанной землей, маске хоккейного

вратаря. Он смотрел, как тяжело ступая, с огромным тесакохМ в руке, убийца Роджер приближается к нему.

Губы Томми шептали молитву. Он хотел кричать, но язык его не слушался, и только какое-то бульканье и всхлипы вырывались из его горла.

Убийца-маньяк приблизился, сверкающее лезвие тесака, уже вымытое дождем, поднялось над его головой, рука застыла на какое-то мгновение и, разрезая воздух, устремилась к голове мальчика.

В это мгновение Томми встрепенулся. Санитар участливо посмотрел на него и покивал головой.

— Да, тяжелая работенка предстоит доктору Тэм Робинсон,— сказал он водителю.

— Ничего, ничего, я думаю, это не первый и не последний такой у нее.

— Ну что, парень, выходи, долго ты еще будешь дремать в нашей машине. Нам за другими пациентами надо ехать.

Но Томми сидел неподвижно.

Не хочешь выходить, сиди там, мне, в принципе, насрать,— санитар похлопал в ладоши и направился к крыльцу лечебницы.

Дверь уже распахнулась, и навстречу вышла молодая привлекательная женщина-врач. Она держала в руке тоненькую папку бумаг и спешила к машине.

— Я Тэм Робинсон,— представилась женщина.— И очень рада, что ты, Томми, приехал именно к нам.

Она облокотилась на открытую дверь и с вниманием посмотрела на юношу. Томми в нерешительности замер.

— Если ты сейчас возьмешь вещи, то я тебя отведу и познакомлю с врачом. Так что давай.

Она улыбнулась очень доброй приятной улыбкой. Эта улыбка как бы разрушила барьер отчуждения, который уже начал возникать в душе юноши. Он неторопливо выбрался из машины, забросил на плечо свою большую, защитного цвета сумку и пошел следом за этой молодой привлекательной женщиной. Она ему понравилась с первого взгляда. Он с удивлением рассматривал ее белокурые длинные волосы, которые рассыпались по стройным плечам.

Они вошли в дом, прошли большую гостиную, очень удобную и обставленную хорошей мебелью, остановились у двери. Тэм постучала, из-за двери послышался приятный мужской голос:

— Входите, входите, я давно вас жду.

Женщина и Томми вошли в кабинет доктора Эмишли Лютера.

— Привет, привет,— сказал он, поднимаясь из вертящегося

кресла.

— Как дела, сынок? Я Эмишли Лютер. Твои врач. Присаживайся.

Томми и доктор уселись друг против друга. Женщина примостилась на краю стола. Врач изучающе смотрел на юношу.

— Я тебе немного расскажу о порядках, которые существуют в нашем заведении, а потом ты поселишься б своей комнате. Так вот слушай.

Но лицо Томми было отсутствующим. И Эмишли Лютер повторил:

— Ты меня слушаешь?

Томми не отвечал.

— Ты не против, если я тебе расскажу о порядках?

Томми в ответ лишь нервно расстегивал молнию на своей большой спортивной сумке.

— Ты не против? — переспросил Эмишли.

— Хорошо, я слушаю,— вполголоса проговорил парень.

— Ну так вот. Во-первых, наша лечебница очень сильно отличается от всех других. Ты думаешь, мы просто так вынесли ее за город. У нас нет охранников, и тут никто тебе не будет говорить, чем ты должен заниматься, а чем не должен.

Томми рассеянно рассматривал кабинет. Слова Эмишли Лютера доходили до него, как из тумана. Ему нравилось находиться в этом кабинете. Тут ничего не напоминало об обыкновенной психиатрической клинике, разве что немного официальный компьютер на столе доктора. И сам доктор, и Тэм Робинсон вели себя расковано. Женщина сидела на краю стола, закинув ногу за ногу. Доктор вальяжно расположился в кресле на колесиках и барабанил пальцами по подлокотникам. На стенах висели какие-то дипломы с красивыми золочеными печатями и ленточками, скрепленные сургучом, портреты светил мировой психиатрии в тонких багетовых рамках. На полках громоздились специальные медицинские книжки в твердых блестящих обложках.

— Ты, наверное, не слушаешь нас? — спросила Тэм.

— Нет, нет,— Томми приподнял голову. Я слушаю, просто мне интересно осмотреться на новом месте.

— Ну так вот,— продолжал Эмишли Лютер.— Тут ты сам Томми будешь себе начальник. Ты будешь решать, что делать, а чего не делать. Готовься вступить в общество таких же, как ты, и начать новую жизнь.— Эмишли посмотрел в лицо Тэм Робинсон.

Они понимающе улыбнулись друг другу, и Томми, заметив добродушные, веселые улыбки врачей, тоже улыбнулся, но правда ненадолго.

— Так вот, Тэм,— сказал Эмишли,— проведи парня в его комнату. Пусть располагается. Чем скорее он привыкнет, тем быстрее пойдет лечение.

— Хорошо,— кивнула головой женщина, и они с Томми вышли в коридор.

Перед лестницей женщина остановилась.

— Тонни, твоя — первая дверь налево. Поднимайся,

там открыто. Замков у нас тоже нет.

Томми благодарно кивнул женщине и пошел в свою комнату. А Тэм вернулась к доктору.

Ну как, Эмишли? Какое твое первое впечатление.

— Да, по-моему, спокойный парень.

— Мне тоже так показалось.

Тэм вновь уселась на стол, а доктор Лютер принялся листать историю болезни нового пациента.

— По-моему, парень ничего, и ему здесь должно понравиться.

— Я тоже так думаю,— Тэм кивнула Лютеру.— Никаких проблем у нас с ним не должно возникнуть.

— Ты ошибаешься, Тэм, диагноз у него довольно серьезный.

— Ну и какой диагноз? — поинтересовалась Тэм.

— А вот,— доктор раскрыл папку.— В двенадцать лет парень убил психопата-маньяка и после этого с ним начало происходить что-то странное. Его преследуют кошмарные видения. Очень сильная неврастения. Вот смотри,— и он водил пальцем по различенному листу,— смотри, какие только терапии к нему не применяли, какие только лекарства в него не вводили, какими только способами его не пробовали лечить и все бесполезно. Теперь он оказался у нас.

Доктор закрыл историю болезни.

Томми вошел в свою комнату и осмотрелся. Он бросил сумку на край постели, сел рядом, расстегнул молнию и вытащил небольшую фотографию в золоченой рамке. На фотографии были его мать и сестра. Он долго и внимательно рассматривал ее, потом снял очки и положил их на фотографию, которая уже лежала на тумбочке. Из кармана джинсов Томми вытащил охотничий нож с тяжелой роговой рукояткой, с широким сверкающим лезвием. Он пару раз щелкнул пружиной, посмотрел на свое отражение в лезвии, закрыл нож и спрятал под край матраса.

Томми угнетала стерильная белизна стен и какая-то холодность и отчужденность комнаты, которая еще не успела принять его, и к которой он еще не успел привыкнуть и обжиться.

Немного подумав, Томми все-таки решил начать распаковываться. Он вытащил из сумки чистое, отутюженное

белье, взял его и пошел к стенному шкафу, куда решил его положить.

Открыв дверь, он замер. Прямо на уровне его глаз болтался большой черный паук, величиной с кулак. Паук подрагивал. Томми отшатнулся в сторону. Послышался хохот. 7

Из второй половинки шкафа вышел двенадцатилетний чернокожий подросток, держа в руках на нитке этого черного резинового паука.

— Ты боишься черных пауков? — улыбаясь во весь рот, спросил негритенок.— Боишься, боишься? Скажи мне.

Томми замешкался.

— Неужели ты боишься резиновых пауков? Так скажи, боишься резиновых пауков на веревке? Боишься? Или не боишься?

Томми молчал.

— Ну, парень, какой же ты трусливый! — с удивлением проговорил негритенок.— Да, ты очень труслив.

Томми отвернулся от него и положил свою одежду на тумбочку.

— В той местности, откуда я родом, учат никого и ничего не бояться. А зовут меня Реджи Крыса.— И негритенок вновь широко улыбнулся, показав сверкающие белые зубы в обрамлении толстых, сочных красных губ.

Томми в это время возился со своей сумкой. Он стоял, отвернувшись к мальчику спиной. Вдруг Томми резко повернулся к негритенку.

— Меня пауком не испугаешь,— услышал негритенок.

Он тут же отпрянул прямо в глубину шкафа.

Перед ним стоял не Томми, а какое-то страшное существо. Вместо головы была маска невероятного космического чудовища. Из-под маски доносилось хрипение и рычание.

Негритенок сжался в платяном шкафу. Томми стащил маску с лица и улыбнулся.

Одну за другой из своей большой сумки Томми вытащил штук пять разных ужасных резиновых масок. Он выставлял их на кровать в ряд. Негритенок подошел ближе, присел и хотел взять одну в руки.

— Не трогай! — остановил его Томми.

- Чего ты такой? — не удержался от вопроса негритенок.— Как будто ты сам их сделал.

— Не трогай,— повторил Томми,— это моя коллекция. Я действительно сам их сделал.

— Классно! — проговорил Реджи и вновь улыбнулся. По его лицу было видно, что он вообще жизнерадостный и веселый

парнишка.

Томми продолжал возиться в сумке.

— Значит, ты новенький? Новый псих ? — улыбнулся Реджи.

Но когда он встретился взглядом с Томми, то улыбка исчезла с его лица.

— Извини, извини,— проговорил Реджи,— просто вас так называют.

— Нас? — переспросил Томми.

— Ну я не такой парень, как вы. Я... Я здесь просто, я пришел сюда. Здесь работает мой дедушка. И я к нему прихожу.

За окном послышался пронзительный звук полицейской сирены. Реджи встрепенулся.

— Ну ладно, ладно, мне надо валить отсюда. Попозже встретимся.

Томми подошел к окну и увидел, как во двор с включенными мигалками и сиреной неспеша въезжает машина шерифа. За ней бежали несколько пациентов. Два парня и девушка. Они весело хохотали, сопровождая полицейский автомобиль.

У калитки, у самого входа в дом, стоял старик негр. Томми догадался, что это и есть дедушка Реджи.

Маленький негритенок попытался подбежать к машине, но дедушка схватил его за плечи.

— Подожди, парень, подожди, не ходи туда.

— Ну ладно, дед, чего ты? — возмутился Реджи, но остался стоять рядом со своим дедушкой.

На крыльцо вышел доктор Эмишли Лютер и Тэм Робинсон. Все с удивлением смотрели на полицейскую машину.

Полицейский вышел из автомобиля и лениво направился к доктору. Он остановился и поприветствовал врача. Эмишли приветливо улыбнулся и кивнул головой полицейскому.

— Знаешь, я понимаю, Эмишли, что ты занимаешься тут серьезным делом, но здесь в окрестностях живут люди, и многим не очень нравится то, чем ты занимаешься. Ну, понимаешь, тут психи вокруг... Как-то к ним отношение такое... Ну ты понимаешь, о чем я говорю.

Доктор пожал плечами.

— Эмишли, я, конечно, понимаю, что ты делаешь уважаемую работу, но тут опять вот у Хебертов нашли пару твоих ребят. Они там на участке занимались... Ну догадываешься, чем они занимались...

Второй полицейский в форменной фуражке открыл заднюю дверцу форда и вытащил двух ребят: парня и девушку. Ребята весело смеялись и прижимались друг к другу. Парень все еще пытался обнять девушку за талию.

— Шагайте, шагайте, умники,— сказал полицейский в форменной фуражке.

Парень и девушка направились к своим.

— Мы их нашли в лесу у Хебертов. И знаешь, док, они трахались, как сумасшедшие.— Полицейский улыбнулся.

Доктор улыбнулся ему в ответ.

— Нам повезло в этот раз,— продолжал полицейский.

— Почему это? — удивился доктор.

— Да, знаешь, док, они на этот раз трахались друг с другом, не как-то там по-другому.

Не успел полицейский переговорить с доктором, как затрещал мотор и прямо к дому подкатил добитый черный мотоцикл. За рулем сидел толстый мужчина с плаксивым лицом в кожаном шлеме на голове, а за ним сидела немолодая женщина. Она спрыгнула с мотоцикла и сказала:

— Ты сиди тут, сиди и ни с места. Я буду говорить, а ты молчи.

И она побежала к полицейскому и доктору. Женщина закричала и остановилась буквально в одном шаге от шерифа. Шериф попытался улыбнуться неряшливо одетой женщине. Он смотрел на ее растрепанные волосы, на искаженное гримасой негодования лицо, но чтобы как-то скрасить ситуацию, он сделал ей комплимент:

— Ты очень хорошо сегодня выглядишь.

Женщина возмутилась еще больше. Она вспыхнула.

Ее как будто бы прорвало. Она замахала руками, и истошным голосом завопила:

— Заткнись, шериф! Ты — дерьмо! Заткнись! — она еще больше замахала руками.— Шериф, ты эту психушку закрой немедленно! — верещала миссис Хеберт.— От этих сумасшедших одни только неприятности. Они не уважают чужую частную собственность. Они все сумасшедшие!

Как бы в подтверждение ее слов закричал мужчина на мотоцикле и замахал рукой в черной перчатке без пальцев.

— Правильно, мама, правильно! Дай ему, дай! Покажи им гадам, покажи!

А ты заткнись,— обратилась женщина к своему сыну, заткнись! Я сказала, молчать, ублюдок! Молчи когда я разговариваю. ’

Мужчина схватился за руль мотоцикла и попытался завести мотор.

— Но ведь эти дети никому ничего не делали,_

попробовал успокоить женщину шериф.

— Да, да? Ты так думаешь?! Ничего не делали! Ничего не

делали!

Мужчина, сидящий на мотоцикле, вновь замахал руками:

— Делали, делали! — кричал он,— делали, я сам видел! Делали! И будут делать! Пока не прикроют эту проклятую больницу. Психи все кругом!

По лицу мужчины пробегала судорога. Она искажала и без того некрасивое лицо. Она делала его очень похожим на лицо самого настоящего психически больного человека. Глаза закатывались, на губах появлялась пена.

— Они делали все это в моем саду!

— Правильно, мама, делали! Все им скажи!

— Заткнись ты, такую твою мать! — обратилась миссис Хеберт к своему сыну,— заткнись! А то я тебе голову оторву, ублюдок!

Мужчина вновь положил тяжелые руки на руль мотоцикла и замолчал.

Через секунду он вскрикнул:

— Ну скорее же, мама, скорее! Я жрать хочу. Скорее давай.

— Я вам в последний раз всем говорю,— женщина обвела безумным взглядом пациентов клиники, доктора и полицейского, — если кто-нибудь из вас еще раз подойдет к моей ферме, то я вам всем головы оторву! Ясно?! Не трогай меня, шериф,— закричала она на полицейского, который пытался ее утешить, взяв за плечи.

— Не трогай, не прикасайся ко мне! Ты знаешь, шериф, у меня в кармане — бомба!

Лицо женщины исказила гримаса ненависти к полицейским и вообще ко всему миру.

Парни и девушки начали смеяться и улюлюкать.

Женщина вскочила на мотоцикл, обняла своего толстого сына. Мотор затрещал, и мотоцикл, вздымая клубы пыли, помчался со двора лечебницы.

Ребята продолжали хохотать и весело хлопать в ладоши.

Томми все это видел в окно. Он в недоумении пожимал плечами, пытаясь сообразить, что же здесь собственно произошло, и как он здесь будет жить дальше. И еще он так и не смог сообразить: кто же тут сумасшедший, кто же тут больной. Ему сразу же бросилось в глаза, что Хеберты, только что бывшие во дворе лечебницы, больше похожи на сумасшедших, чем веселые и счастливо улыбающиеся ребята, которые смотрели вслед удаляющемуся мотоциклу, увозящему со двора двух препротивных психов, как они считали, миссис Хеберт и ее толстого неряшливого, вонючего сына.

— Ну хорошо, хорошо, детишки,— сказала Тэм, оглядывая

своих подопечных,— пошли, пошли по местам, веселье окончено.

И все двинулись в дом.

— Слушай, док, ты, пожалуйста, поосторожнее,— обратился шериф к доктору Лютеру,— ты предупреди ребят, чтобы они к ней не подходили. Ты же видишь, что она — сумасшедшая. Она еще может им что-нибудь сделать мерзкое.

— Да, да, я скажу. Я все устрою. Не волнуйся, шериф.

— Ну ладно, счастливо!

Шериф подал руку, доктор пожал ее, и они расстались. Но, садясь в машину, шериф приоткрыл дверь:

— Слушай, док, мне сказали, что к вам прибыл новенький. Томми Чарлиз. Это правда?

— Да. Только что.— Ответил доктор.

— Ну и какой он? — поинтересовался шериф.

— Ну как, какой? — доктор пожал плечами,— обычный, как все дети. Просто он очень много пережил,— продолжал доктор.

— Ну что ж, удачи тебе, приятель!

Шериф помахал рукой и захлопнул дверь своей машины.

Во дворе лечебницы, которую обступал лес, кипела работа.

Мускулистый парень Вик в короткой безрукавке и сильно потертых джинсах рубил дрова. С тупым упрям-

ством и остервенением он вонзал лезвие обоюдоострого топора в толстое полено, которое никак не хотело перерубаться. Его давно нужно было перепилить простой пилой, но парень явно не соображал этого. Он все бил и бил топором в одно место.

Понемногу топор углублялся в древесину. Вику явно не было куда спешить. Он просто нашел себе занятие и чтобы ни о чем не думать, сек дерево.

Недалеко от него две девушки, блондинка Лари и шатенка Роби снимали с веревок уже просохшее белье. Они исподтишка наблюдали за Виком, как тот рубит бревно, и смеялись, хихикая и подтрунивая над парнем.

Но Вик не обращал на них внимания. Он весь был занят работой.

На крыльцо лечебницы вышел восемнадцатилетний толстяк Джой. С ним никто из пациентов не хотел дружить. Настолько он был занудным и неряшливым. В обеих руках он сжимал по шоколадке. Все его губы были испачканы растаявшим шоколадом, но он не обращал на это внимания, понемногу откусывая от шоколадки кусочки и громко чавкая. Он не долго выбирал, к кому подойти, к Вику, занятому работой, или к жизнерадостным девушкам. Он засеменил к бельевым веревкам.

— Привет, красавицы,— Джой остановился и осмотрел

сначала Роби, потом Лари.

Его взгляд задержался на стройных бедрах блондинки. Девушки хихикнули.

— Привет, Джой,— сказали они в один голос.

— Что-что,— переспросила Лари, стягивая с ушей наушники плейера.

— Что делаете? — повторил Джой и захрустел шоколадной оберткой в руке.

— Да ты что, придурок, не видишь, стиркой занимаемся.

— А...— протянул Джой, глядя как Роби складывает большую синюю простыню.

— А могу я помочь? — поинтересовался толстяк.

— А что ты умеешь делать? — изумилась Роби. Посмотри, Лари, Джой собирается заняться делом.

— Да что вы, красавицы,— Джой скорчил смешную физиономию, явно сам не подозревая об этом.

Я очень хорошо умею заниматься стиркой. Только меня никто не назначает на эту работу.

— И правильно делают,— зло бросила Роби.

— Девушки, я же хочу помочь вам,— Джой рукавом попытался вытереть шоколад с губ, но еще больше размазал его и к тому же испачкал рукав.— Вы можете на меня рассчитывать. Я надежный парень, хороший друг.

Но девушки не обращали на него внимания. Они занялись бельем, а Лари снова натянула наушники плейера. Поняв, что так девушек не заинтересуешь, Джой предложил им:

— Послушайте, красавицы, может, вы шоколадку хотите. Я могу вам дать. У меня две.

Он протянул девушкам надкусанную и обслюнявленную шоколадку.

— Если вы хотите, я могу вам дать половину,— как бы отрывая от себя последний кусок лакомства, сказал Джой.

— Иди ты к черту! — начала прогонять его, махая полотенцем, Роби.

Но Джой не унимался. Не выпуская из руки шоколадку, он нагнулся к корзине и схватил грязными руками простыню, оставляя на ней следы шоколада. Девушки заверещали, выдирая из рук парня простыню.

— Что ты наделал?! Идиот! Видишь, снова придется стирать. Уходи отсюда!

— Ну извините, девушки. Я хотел как лучше. Я же очень хорошо занимаюсь стиркой.— Растерянно говорил толстяк.— Но если вы ко мне так плохо относитесь,— раздосадованно повертел головой на толстой короткой шее Джой,— я тогда пойду помогу

кому-нибудь другому. Мне это несложно.

Он развернулся, и смешно вихляя жирными бедрами, на ходу кусая шоколадку, направился в сторону Вика. Но на полпути он остановился и вновь обернулся к девушкам.

— Красавицы, красавицы! — закричал он,— если вы передумаете, то я обязательно вернусь. Обязательно. Так что...

— Да пошел ты! Да пошел ты! — закричали девчонки, бросив белье.

Джой и в самом деле развернулся и неторопливо двинулся к Вику, который исступленно пытался перерубить все то же толстенное полено.

— Привет, Вик,— промямлил Джой, кусая шоколадку.

— Да пошел ты отсюда! — махая топором, проговорил Вик.

— Давай, помогу тебе дрова рубить.

Но Вик не отвечал. Тогда Джой вытащил из кармана полурастаявшую мягкую шоколадку.

А у меня есть шоколадка. Хочешь, я тебе дам ее укусить? Хочешь? Только девушкам не говори, а то они обидятся, что я им не дал.

Вик с тем же исступлением продолжал поднимать и опускать тяжелый обоюдоострый топор на толстое полено.

— Ты знаешь, Вик,— смешно шепелявя, говорил Джой,— до того, как я сюда попал, я ничего и никогда не делал.

Вику, занятому тяжелой работой, показалось, что полено никак не может перерубиться только из-за того, что ему мешает этот толстый Джой, который стоит у него над душой и смотрит на лезвие топора и полено.

— Ты знаешь, я был сиротой, и все надо мной смеялись. Называли меня толстой свиньей.— Чавкая шоколадкой, говорил Джой.— А здесь, в этой лечебнице, я почувствовал себя совсем по-другому. Мне кажется, что я очень нужный человек. Что я могу всем помогать, что-то могу делать.

Обломки древесины вылетали из-под лезвия топора, и Джой время от времени смахивал их со своих толстых плечей.

— Мне здесь очень нравится,— растягивая слова, говорил Джой.

— А я ненавижу это место! — сквозь зубы процедил Вик, занося тяжеленный топор и обрушивая его на неподатливое полено.

— Ты знаешь, Вик, если быть абсолютно честным, то раньше я никогда дров не рубил, но мне кажется, что если я попробую, то у меня это может неплохо получиться. И я смогу хорошо заниматься рубкой дров.

— Оставь меня в покое! — с остервенением проговорил Вик.

Девушки, стоя у бельевых шнуров, наблюдали за этой сценой. Они посмеивались над толстяком и любовались сильным мускулистым Виком, который с легкостью поднимал тяжеленный обоюдоострый топор. Им нравилось смотреть на этого атлетически сложенного парня.

— Ну ладно, Вик, ладно. Я вот тебе даю свою шоко

ладку.— Проговорил Джой.— Если вот захочешь укусить, то можешь это сделать. Я вот ее кладу здесь. Джой сделал шаг к толстому полену и положил шоколадку именно на то место, куда Вик опускал лезвие топора. ...

Лицо Вика исказила гримаса ненависти. Он размахнулся, и тяжелый топор обрушился на шоколадку.

— Ну ладно, ладно, Вик,— растерянно проговорил Джой,— если ты так ко мне относишься, то я... я... я вообще думаю, что ты просто сумасшедший.

Джой развернулся и сделал шаг от Вика. Тот с искаженным от злобы лицом, со страшным криком взмахнул топором, и тяжелое лезвие обрушилось на спину толстяка Джоя.

Тот, раскинув руки, рухнул на землю.

А Вик выдернул топор и нанес еще один удар, потом еще один и еще. Он исступленно вопил, разрубая тело Джоя на куски.

Роби и Лари дико закричали, увидев всю эту картину. Задрожав от страха, они бросились к дому.

На крыльцо уже выбегал доктор Лютер и Тэм Робинсон.

И вновь во двор лечебницы вернулась полицейская машина и машина скорой помощи из Детройта. Полицейский говорил по рации.

— Да, да. Произошло убийство. Убит один из пациентов клиники. Да, убийство. Есть труп. Ты посмотри на компьютере. У нас есть что-нибудь на Вика Тэда. Посмотри, пожалуйста, повнимательнее, есть ли что-нибудь на него. Да, досье посмотри. — Говорил полицейский, обращаясь в центральное управление.

А Вик в это время в наручниках сидел в полицейской машине на заднем сиденье. Его лицо было непроницаемо. И только изредка самодовольная улыбка искажала его гримасой ненависти ко всем окружающим.

Шериф стоял рядом с доктором Лютером. Рядом с ними на траве лежал прикрытый белой простыней труп Джоя. На простыне уже проступило несколько крупных кровавых пятен.

— Мы можем кого-нибудь известить? — поинтересовался шериф.

— Насколько я знаю, близких родственников у него нет. Он сирота.— Ответил доктор Лютер, бросив короткий взгляд на простыню с пятнами крови.

— У каждого человека должны быть отец, или по крайней мере, мать,— возразил шериф.

— Я смотрел его историю болезни,— сказал доктор

Лютер,— мать у него была, но она умерла несколько лет назад.

— А отец? — спросил шериф.

Отец у него когда-то был, но с матерью они разошлись уже давно, когда Джой был еще ребенком. А потом отца лишили родительских прав. Так что, ни адреса отца Джоя, ни каких других координат у меня нет. Я даже не знаю его имени.

Шериф пожал плечами.

— Ну ладно, и в самом деле, будем считать его круглым сиротой. Так что о теле позаботятся сами ребята.

— Так, что у нас здесь,— к телу, накрытому простыней, подошли двое полицейских в белых форменных рубашках с короткими рукавами.

Один из полицейских присел на корточки возле тела. Его тупое, побитое оспой лицо, ничего не выражало. Он, не колеблясь, откинул простыню, и страшное зрелище парализовало всех окружающих.

На носилках лежало не тело. Это были наспех собранные вместе куски рук, ног, отрезанная голова, изуродованный торс.

Полицейский молча надул шар из жевательной резинки, и тот громко лопнул. Его напарник, Рой, изумленно смотрел на изуродованные останки. На его лице читался ужас. Рой схватился за живот, и опустился на колени возле окровавленных носилок.

— Ну что, Рой,— сказал ему напарник,— не медли, ручки боишься испачкать?! Не нужно было тогда в полицию идти.

Рой, борясь со своими чувствами, медленно приблизился к останкам, еще какое-то время смотрел на них, а потом медленно, как бы прощаясь с Джоем, натянул на него окровавленную простыню.

Девушки из числа пациенток молча стояли в метрах десяти от носилок. Белокурая Лари опустилась на колени и, нервно перебирая пальцами, читала молитву.

Наконец, снова отозвалась рация в машине шерифа.

Мэт подошел к ней и начал слушать сообщение из центрального управления полиции.

— Знаешь что, Мэт,— говорил ему полицейский-диспетчер, на этого Вика в нашей картотеке ничего нет. Я запрашивал центральное управление, но там тоже ничего нет. Это явно обыкновенный псих, никакого криминального прошлого. Это не наше дело связываться с ним. Передай его санитарам из Детройта, и пусть они завезут его в закрытую психушку. Тюрьма

не для этого парня. Не хватало нам еще заниматься сумасшедшими.

Шериф подтолкнул Вика в спину.

— Иди, парень, в ту машину.— Он показал ему на длинный пикап скорой помощи.

Мощные санитары подхватили закованного в наручники Вика и посадили в свою машину.

На ночной дороге, невдалеке от лечебницы доктора Лютера, сломался голубой форд, в котором ехало двое ребят. Они, бранясь и ругаясь друг на друга, пытались завести машину, но двигатель не включался, чихал и мгновенно замолкал.

— Ну, Пит,— сказал парень, сидящий за рулем,— давай выбирайся и чини машину. Мы же не можем здесь всю ночь торчать.

Пит обошел машину и поднял капот.

— Мать твою! Ничего не видно! Да я еще в этом ничего не понимаю. Ты, скотина, вечно все ломаешь, так что, оторви свою задницу от мягкого сиденья и чини сам.

Парень, сидящий в кабине, самодовольно улыбнулся. Пит взял в руки гаечный ключ и попытался починить мотор. Посыпались искры. Пит бросил ключ и отскочил от открытого капота.

— У черт! Сам сломал, сам и делай! Я ничего в этом дерьме не понимаю! Ты понял?!

Джими в это время включил сирену. Испуганный Пит отпрянул еще дальше от автомобиля. Джими начал истошно хохотать, довольный своей шуткой.

— Ты что, Пит, боишься темноты? У тебя что, мурашки бегают по спине от рассказа про этого психа из лечебницы? Да, парень? Так ты что, совсем струхнул?

Пит замахал руками.

— Да пошли вы к черту со своими рассказами! Выбирайся из машины и чини, а то мы здесь всю ночь проторчим!

Джими выбрался из машины. И Пит думал, что его друг займется мотором, и может быть даже сумеет отремонтировать машину, и им не придется торчать на этой лесной дороге всю ночь. Но Джими похлопал своего друга по плечу и сказал:

— Ну что, занимайся мотором, а я пойду.

— Куда ты? — изумился Пит.— Ты что, собираешься выбраться пешком?

— Да нет, что я буду ошиваться возле тебя, пока ты будешь копаться в моторе, пачкаясь в масло и грязь Мне нужно посрать.

Джими зашагал в лес. Пит выругался и попробовал заняться мотором. Он сбросил куртку и процедил сквозь зубы:

— Вот падла!

Его руки вновь коснулись мотора. И он снова задел провода, откуда сразу же посыпались искры.

А Джими тем временем, насвистывая веселый мотивчик, шел по лесу, выбирая куст, под которым можно было присесть. Его фонарик выхватывал то ствол дерева, то заросли крапивы.

— Нет, здесь лучше не садиться,— ворчал Джими.

Он перестал свистеть, поскольку услышал какой-то

легкий подозрительный хруст и замер. Ветки кустов зашевелились, и из-под них выскочил кролик.

— О, черт,— сказал Джими, хватаясь за сердце.— Я уже думал, что это тот псих сбежал из лечебницы. Ну ладно, сяду здесь, а то еще чего доброго, в штаны наложу. А ты, кролик, подойди ко мне поближе, я твоей мягкой шерстью задницу подотру. Ха-ха.

Длсими, довольный своей шуткой, захохотал.

Пит в это время зло ругаясь и чертыхаясь, ковырялся в моторе. Его руки были уже по локоть в мазуте. А причины поломки он так и не нашел. Он злился на своего друга Джими и зарекался, что больше никогда с ним никуда не поедет. Пусть теперь он сам ездит по девчонкам один. А он найдет себе лучшего приятеля. Пит услышал шаги где-то совсем рядом за своей спиной.

— Эй, Джими, мне тут совсем темно, ничего не видно. Ты бы полез в багажник, достал переносную лампу. Тогда я, может, и найду причину поломки.

Но никто ему не отвечал. Шаги приближались.

— Эй, Джими, ты слышишь, что я тебе сказал?

За спиной у Пита послышалось чиркание спички. И вдруг яркий сполох огня осветил деревья. Пит в изумлении обернулся. В двух метрах от него, рассыпая искры, ярко горел сигнальный полицейский факел. Из его узкой металлической трубки вырывался синеющий язык пламени, совсем как из ацетиленовой горелки.

Легкий дым поднимался среди деревьев.

— Ты что, Джими! Откуда ты взял этот факел? — изумился Пит. Я же просил лампочку. Какого черта?! Тут же бензин! Ты что, машина загорится!

Из-за пламени он не мог разглядеть лица своего Друга.

— Джими! — крикнул он, широко раскрыв рот.

И в это мгновение сигнальный факел, описав дугу, воткнулся прямо в открытый рот. Пламя осветило горло Пита и разорвало щеки. Сердце остановилось мгновенно от одного болевого шока. И парень рухнул на капот.

Безжалостный убийца повернул в его голове сигнальный факел и затушил его как сигарету. Шипело обугленное мясо. В последних сполохах огня блестнула пластиковая маска хоккейного вратаря.

Джими, застегивая молнию джинсов и поправляя ремень, выходил из кустов.

— Эх, черт, кролик убежал,— цедил он сквозь зубы,— хорошее жаркое было бы. Эй, Пит, если ты, свинья, машину не починил, то ты мертвец.

Джими посмотрел на уткнувшегося головой во внутренности машины своего приятеля. Он подумал, что Пит усердно занят делом и сел в кабину. Он поворачивал ключ в замке зажигания, стартер несколько раз провернулся, а двигатель никак не заводился.

— Ну давай, давай,— приговаривал Джими,— эй ты, падла, чего ты там копаешься?! Уже давно можно было все починить!

От нетерпения Джими подпрыгивал на сиденьи.

— Эй ты, свинья, что ты там возишься! — кричал Джими и вновь пытался завести мотор.— Ничего не получается, ничего не получается...— начал он припевать в такт вхолостую крутившемуся стартеру.

Мотор чихнул и, наконец, завелся.

— Эй ты, Пит, молодец, наконец-то сделал! Закрой копот и возвращайся в машину.

Но приятель не поднимал головы от машины и, чтобы лучше разглядеть его, Джими привстал на сиденьи.

В этот момент его за волосы схватила сильная рука, а к горлу приложилось лезвие огромного тесака. Джими даже не успел вскрикнуть. Лезвие до позвоночника разрезало горло, густая кровь хлынула на футболку Джими. Рука, державшая его волосы, разжалась, и парень упал головой на руль, включив сигнал автомобиля.

Так и остался стоять в ночном лесу этот автомобиль, разрывая тишину ночи пронзительной сиреной.

А безжалостный убийца все дальше уходил в лес в поисках очередной жертвы.

Через полчаса аккумулятор сел, сирена смолкла, и молчаливая машина с двумя трупами стояла на обочине лесной дороги.

— Томми, Томми! Умри, умри! — звучал истошный крик в голове юноши.

Томми весь в поту подхватился с постели. Он смотрел в белый потолок, не понимая, что с ним происходит. Нго руки сжимали виски. Хрустели пальцы. Томми, широко открыв глаза

пытался прийти в себя.

— Томми! Томми! — звучал женский голос.

Парень вскочил с постели, подбежал к тумбочке, вытащил шуфлядку и высыпал на столешницу горсть снотворных таблеток. Он схватил несколько штук и судорожно проглотил. Голос исчез.

Но в зеркале, в которое вглядывался Томми, стоял безжалостный убийца Роджер, занося для удара тяжелый обоюдоострый топор. Пластиковая маска поблескивала на его голове. Томми закрыл глаза и через мгновение вновь их открыл. В зеркале никого не было.

В столовой лечебницы шло приготовление к завтраку. Девушки расставляли тарелки. Маленький негритенок Реджи помогал им. Его дедушка был рядом. Он большим ножом резал хлеб.

— Дедушка, дедушка, а можно я схожу к брату? — обратился к нему негритенок.

— Посмотрим,— сказал старик.

— Ну, дед, ты же знаешь, как я к нему отношусь. Ты же знаешь, я очень хочу сходить.

— Я тебе уже сказал — посмотрим. А теперь иди помогай. И маленький мальчик в спортивной футболке с цифрой пять на спине бросился к столу, чтобы быстрее помочь девушкам приготовить завтрак.

— Эй, иди сюда,— улыбаясь, проговорил старик.— Ну иди сюда, ладно.

Мальчик радостно побежал назад к дедушке. Старик обнял внука и поцеловал его в лоб. Мальчик сокрушенно завертел головой.

— Дедушка, дедушка, сделай одолжение, обратился он к старику,— сделай одолжение, никогда при посторонних не целуй меня, особенно при девчонках.

И парнишка принялся вытирать лоб, куда секунду назад поцеловал его дедушка.

— Ладно, давай, зови всех на завтрак.

Мальчишка подбежал к открытой двери, выглянул во

двор и громко закричал:

— Пожалуйста, все на завтрак. Пожалуйста, жрать идите. Жрать идите! — все громче и громче выкрикивал парнишка.

— Как он разговаривает! Как он разговаривает! — сам себе возмущался старик,— жрать, говорит, идите, да еще «пожалуйста»! Вот чертенок! Вот чертенок! И что с ним делать?! Меня не слушается! Вообще никого не слушается! Но парнишка хороший, очень хороший! — сказал старик и понес большое блюдо, полное жаркого на стол.

Первыми пришли на зов Джейк и его подружка Роби. Они вошли в столовую, оглянулись и сели на свои места. Джейк был довольно привлекательным, но очень нерешительным парнем. Он боялся всего. Боялся показаться смешным, если нужно было в дверях пропустить вперед свою подружку Роби. А потом, передумав, боялся показаться смешным, пройдя вперед сам.

Но Роби, зная его нерешительность и то, что она нравится парню, тряхнула своими белыми волосами и прошла к столу.

— Ты знаешь, Джейк,— сказала девушка,— Я уже начинаю скучать по Джою.

— Я тоже,— ответил Джейк.— Раньше мне казалось, что он только раздражает, а теперь я понимаю — это был хороший парень.

— Да,— согласилась Роби, нам всем теперь будет его не хватать.

— Я надеюсь, Виктор получит то, что он заслужил, за убийство.— Сказал Джейк.

— Я тоже надеюсь,— сказала Роби и придвинула к себе тарелку с молоком, в котором плавали еще сухие кукурузные хлопья.

— Лари, послушай,— возмутилась одна из девушек, сдергивая наушники с головы своей подружки.— Ты же поставила слишком много тарелок.

— А, что, я не поняла,— изумилась Лари.

— Я говорю, ты тарелок много поставила.

— Как всегда,— сказала Лари.

Негр-старик, услышав, что за столом возник спор, поспешил вмешаться.

— Виктор и Джой навряд ли будут сегодня с нами завтракать.

Да, и я так думаю,— поддакнул дедушке Реджи по прозвищу Крыса.

Ну хорошо, извините,— манерно произнесла Лари.— Я могу убрать эти две тарелки.

Она поднялась из-за стола и принялась убирать лишние приборы.

Джейк зло ударил кулаком по столу. Его нерешительность как ветром сдуло.

— Зачем Лари нужно было ставить мертвецу прибор!? — возмушался он.

— Я же сказала: «извините»,— процедила сквозь зубы Лари.

На шум в столовой спустился доктор Лютер.

— Простите, ребята, у вас что-то происходит? Недоразумение? — поинтересовался он.

Лари, ни слова ни говоря, поставила тарелки Вика и Джоя в

буфет. Доктор Лютер неторопливо занял место во главе стола, прямо перед большим, сложенным из дикого камня, камином.

— Ребята,— начал он,— я знаю, вам всем будет трудно привыкнуть. Нам всем нелегко. Так что давайте не ругаться и не вспоминать. А просто начнем завтракать. Так, как мы завтракали каждый день.

Все развернули салфетки и молча принялись за еду. За столом еще пустовало несколько стульев. Открылась дверь и пошел Томми. Он задумчиво почесал себя за ухом и остановился в нерешительности, выбирая, на какой из двух пустующих стульев ему сесть.

Лютер позвал парня.

— Томми, если тебе не тяжело, сходи наверх, позови к завтраку Эди. Может, у него остановились часы? И он не знает, что нужно идти в столовую.

Томми стоял в задумчивости.

— Томми, ну я прошу тебя,— ласково говорил Лютер, стараясь вывести парня из молчания.— Сходи и позови Эди.

— Хорошо,— как бы к самому себе обращаясь, проговорил Томми.— Я сейчас позову его.

Но не успел Томми подойти к двери, как та открылась и из-за нее выскочила с диким рычанием лохматая, с зеленым лицом, горилла. В клетчатой ковбойской рубашке.

Томми отпрянул, узнав одну их своих самодельных масок.

— Что, испугались?! — хрипел из-под резиновой маски голос.

Все в столовой захохотали. Только лишь Томми, затаив злобу, смотрел на вошедшего. Эди стащил маску, вытер пот и тоже весело расхохотался.

— На, держи своего урода.— Бросил он Томми в руки маску гориллы.— Расслабься, вождь, у тебя что, чувства юмора нет?

Но тут Томми не выдержал, он даже сам не понял, как это получилось. Он нагнулся, схватил Эди за ногу и, подбросив его в воздухе, обрушил на сервировочный столик, заставленный вазами с фруктами. Тонкие ножки стола хрустнули, и Эди беспомощно покатился по полу. А Томми бил его сверху, бил кулаком в лицо.

Несколько секунд никто не мог понять, что, собственно, случилось. Но, наконец, доктор Лютер, выпрыгнув из-за стола, навалился на Томми.

— Все, хватит! — проговорил доктор, прижимая Томми к стене,— успокойся, расслабься! Тебе померещилось! Слышишь, парень?

Томми невидящим взглядом смотрел сквозь доктора Лютера. И тот никак не мог понять, что же такое видит парень. Что вывело его из равновесия.

— Все в порядке,— повторил доктор,— все будет хорошо. Закрой глаза.

Томми зажмурился и расслабился. Доктор Лютер осторожно отпустил его. Казалось, Томми больше ничего не интересует, он устало сел на пол возле стены и стал перебирать в руках осколки вазы.

Миссис Хеберт тяжелым секачом отрубила голову еще трепыхающейся индейке. Она истерично хохотала, радуясь своей ловкости. Ее сын в восторге смотрел на конвульсивные движения птицы. Женщина с вожделением отводила лапы, крылья еще теплой, содрагающейся птице и шептала:

— Сейчас, дорогая, я разрублю тебя на такие вкусные, хорошие кусочки, сейчас я тебя так хорошо разрублю.

Миссис Хеберт в радостном возбуждении осмотрела обширную кухню своей фермы. По ее взгляду было видно, что все здесь ей очень нравится, и все здесь ей очень дорого. И что кухня для нее самое главное в жизни. Что у нее в семье существует только один культ, это культ вкусной еды.

— Я тебя, птичка, сейчас разрублю так, как разрубили ту жирную свинью в психушке,—восторженная улыбка заблуждала на лице женщины.

Секач взлетел в воздух и опустился на тушку птицы. Ее сын, сидевший за столом, ударил ложкой по столу и заверещал от восторга:

— Да, мама, да! Так ее, так! Руби! Руби!

Женщина оглянулась на своего великовозрастного

сына. Он большой деревянной ложкой ковырялся в большой деревянной миске, выбирая наиболее лакомые кусочки. На его руках были все те же кожаные перчатки с обрезанными пальцами. Мотоциклистский шлем висел на спинке стула.

— Ну ты, болван,— ласково обратилась женщина к своему сыну,— не будь таким переборчивым, не выбирай себе лучшие кусочки, ешь все подряд. Разве я не готовлю самое вкусное рагу в окрестностях?! — Она играла тяжелым секачом, постукивая им по колодке, на которой лежала уже безжизненная птица.

— Да, да, мамочка, это самое вкусное рагу во всем мире!

И ее сын, набрав полную ложку мяса, чуть всунул ее в свой огромный рот.

Заслышав во дворе какой-то подозрительный шорох, женщина схватила двухстволку, вытаращила глаза и шепотом обратилась к сыну:

— Ух, этот чертов кайот, он убил мою любимую индюшку. Он убил мою любимую птичку! Ух, этот чертов кайот! Сейчас я его укокошу!

И она направилась к двери, выходившей во двор.

— Убей, убей, мамочка,— тяжело шевеля мощными челюстями, поддержал ее идею сын.

Женщина, присев, пробралась к двери и ткнула во что-то стволом. Ствол уперся в живот Вика, который в этот момент стоял на крыльце.

Женщина смотрела на грязного парня в порванной майке, в разорванных джинсах.

— Ты кто такой? Черт подери твою мать! Кто такой? Отвечай! — она взвела курок двухстволки.

Парень спокойно смотрел на вороненные стволы, потом перевел взгляд на лицо миссис Хеоерт и ответил.

— Я понимаете, два дня ничего не ел... Яˆ хотел... Может быть, вам нужно что-нибудь сделать? Я оы поработал и заработал себе на обед. А? вопросительно смотрел парень в лицо женщине.

— А что ты умеешь делать? — спросила миссис

Хеберт.

— Я? Все умею делать.

— Ну что ж, хорошо. Иди в птичник, там огромная куча дерьма, ты ее всю разгреби и занеси вон туда под навес,— женщина стволом ружья показала, куда следует занести птичье дерьмо,— а потом приходи, я тебя чем-нибудь накормлю. Понял? — грозно сказала она.

— Да, да... Я понял.

И парень удалился в сторону птичника.

Женщина нервно забегала по кухне.

— Ну мать твою, и урод!

— Да, мама, урод! — проговорил ее сын с набитым ртом.

— Да и ты не красавец! Ты такой же урод,— сказала зло она своему сыну.

— Да, мама, я, конечно, не самый симпатичный в мире, но я ж ничего парень?

— Ты, ты, ты — уродина!

— Ну ладно, мама, не мешай мне есть,— и парень вновь зачерпнул полную ложку еще дымящегося рагу.

А миссис Хеберт, истошно завопив, схватила в руки тяжелый секач и принялась разрубать на мелкие кусочки тушу индейки. Перья и кровь забрызгивали кухню. Падали на ее грязный передник, на руки, лицо. Женщина только визжала от удовольствия. И было видно, что это занятие приносит ей настоящее удовлетворение.

Ее сын, громко чавкая, с восторгом смотрел на мать, которая взмахивала тяжеленным секачом. Ему тоже нравились пятна крови на ее рубашке и грязном переднике.

Шериф и несколько полицейских возились на лесной дороге возле черного автомобиля с поднятым капотом. Два трупа уже лежали на носилках, накрытые черным полиэтиленом. Шериф понял, что у него в округе началась серия убийств. Что тут снова орудует какой-то страшный маньяк-убийца.

Он осмотрел своих помощников с головы до ног. Ему не нравилось, как у полицейского Роя снова дрожат руки при виде трупов.

— Ребята, вы должны прочесать весь лес. Ищите.

— Что искать? — недоуменно уставился на шерифа Рой.

— Ну вы должны найти что-нибудь отличительное, подозрительное. Короче, несите все, что бросится вам в глаза.

Шериф посмотрел на искаженное страхом лицо Роя.

Что здесь, черт возьми, происходит?! — проговорил шериф.

— Вы меня спрашиваете? — изумился Рой.

Да нет, все в порядке. Продолжайте работать.

— Ну хорошо,— Рой шагнул в лес.

К шерифу подошел его помощник.

— Ну что, шеф, похоже, какой-то маньяк теперь на свободе.

— Да, похоже,— проговорил задумчиво шериф.

— Если бы я не знал, что Роджера уже нет, и что его похоронили, я бы сказал, что это его рук дело,— проговорил помощник.

— Да, по почерку очень похоже,— сказал шериф.— Но я же сам присутствовал при вскрытии и сам видел, как этого ублюдка закопали в землю на нашем кладбище.

— Возможно, шеф, кто-то имитирует его почерк. Хочет воспользоваться громкой славой безжалостного убийцы.

— Вполне возможно,— сказал шериф.— А теперь, иди ищи,— и шериф остался один на дороге возле машин и двух трупов, накрытых черной полиэтиленовой пленкой.

Он вытащил из кармана носовой платок и вытер вспотевший лоб.

По ночной лесной дороге на бешеной скорости летела добитая легковая машина, которой уже было лет десять, наверное, а то и больше. На ее грязных боках темнели пятна облупившейся краски. Если бы кто-то увидел эту машину, он бы сказал, что за рулем едет сумасшедший, и был бы недалек от правды: так, не боясь за свою жизнь, шофер срезал повороты, прокатываясь по лесным кустам, так вихляла машина, так ее заносило на поворотах. Наконец блеснули освещенные окна небольшого придорожного магазинчика. Шофер круто развернул машину, так что та завертелась волчком, выравнял руль и подъехал, чуть не уткнувшись бампером в стену магазина. Он

дико заулюлюкал и начал беспрерывно сигналить.

Из отворенной двери выглянула улыбающаяся белокурая женщина.

— Мы уже закрыты,— сказала она, улыбаясь.

Из открытого окна машины высунулось усатое лицо лысеющего мужчины.

— А я хочу кое-что прихватить из вашего магазина,— так же широко улыбнулся он.

— И что это интересно вы хотели бы прихватить?_

проговорила женщина.

— Да тебя, Лиана,— наконец, бросил игру в неузна-вание усатый шофер.

— Ну, Билли, я знала, что ты и сегодня за мной приедешь,— улыбнуась Лиана.— А кто вы такой? — вновь приняла правила игры женщина.

— Я только что освободился. Я,— шофер на мгновение задумался,— бывший пациент психиатрической больницы. Меня недавно выпустили. Я страшный людоед, и хочу съесть тебя без всякой приправы.

Девушка поджала губы и какое-то мгновение думала.

— Эй, Лиана,— девушка сделала вид, что обращается к кому-то в доме.— Ты хочешь поехать с Билли поразвлечься? Конечно, хочу,— другим голосом ответила , она себе. Только мне нужно переодеться. Билли, Лиана говорит, что ей нужно одеться получше, ведь с таким парнем, как ты, стыдно ехать в простом платье. Сейчас она наведет марафет, переоденется и выйдет. Через несколько минут.

Билли, прикрывая улыбку рукой, вновь спрятал свою лысеющую голову в машину. Он радостно застучал ладонями по рулю. А Лиана уже суетилась в доме. Она лихорадочно собирала бутылочки с косметикой, выбирала в шкафу подходящее платье. Наконец, собрав все необходимое, она заскочила в ванную и остановилась у большого овального зеркала. Она быстренько сняла лифчик, который ей явно не понадобится, осмотрела свою большую грудь и довольно причмокнула языком.

— Ну что ж, Лиана, веселье начинается.

А у Билли в это время было свое занятие. Чтобы не терять зря времени, он распаковал пакетик какоина и высыпал небольшой конус порошка себе на ладонь. Достал серебряную трубочку, вставил ее в ноздрю и с возде-лением втянул белый порошок через нос.

— Это то, что доктор прописал,— удовлетворенно прикрыл глаза Билли.— Теперь я буду видеть солнце в небесах. Я попаду в рай вместе с моей Лианой.— Он причмокивал языком и радостно

вертел одурманенной головой.

Лиана, стоя перед зеркалом, накрасила ярко-красной помадой губы и провела по ним языком. Потом обильно опрыскала себя дезодорантом, не забыв про самые интимные места.

— Девочка, ну ты такая горячая,— сказала Лиана сама себе, еще раз подводя губы помадой.

Но тут ее рука застыла. Она услышала шаги в доме Насторожившись, Лиана выглянула в торговый зал магазина. нигде никого не было, но какой-то шум слышался из-за стеллажей.

Девушка сделала несколько робких шагов, и оттуда, из-за стеллалсеи, стремительно вылетел чем-то перепуганный большой серый кот. Лиана облегченно вздохнула и сказала:

— А, это ты, шалунишка. Ничего, придется тебе посидеть здесь одному. Я уезжаю с Билли.

Она провела рукой по шее и спохватилась: вспомнила, что не так давно купила большие бусы из искусственного янтаря, и решила, что это будет то самое, что так нужно Билли. Она одела тяжелые бусы и еще раз внимательно осмотрела торговый зал — все ли на месте? Вроде бы все было на своих местах.

Билли уже заждался. Он нервно стучал по баранке автомобиля и, высунув голову в окошко, кричал:

— Лиана, Лиана, сколько можно ждать? Я уже весь исхожу любовным соком. Давай быстрее, подружка! Ну где она там? — он было открыл дверцу, уже собираясь пойти.— Лиана! Черт тебя подери! Где ты?

Его голос оборвался — тяжелый топор расколол его череп. Билли вывалился из автомобиля.

А Лиана решила все же не оставлять кошку в магазине. Мало ли чего еще она может утворить? Она взяла кошку на руки, вышла вместе с ней на улицу, замкнула дверь.

— Ну что, маленький, беги.

И она бросила тяжело шмякнувшегося толстого кота на дорогу. Кот завилял хвостом и побежал в темноту придорожных кустов.

— Билли, Билли! — изумленно закричала Лиана, увидев пустой автомобиль.— Билли, где ты?

Она открыла дверь и села на сиденье радом с водителем.

— Билли! Ну что ты там делаешь? — выкрикнула в темноту, высунув голову из окошка, Лиана. Ну что ты там делаешь? Сколько можно возиться? Холодно же ведь.

Но на ее голос никто не пришел.

Чтобы как-то скоротать время, она принялась поправлять

свою прическу, разглядывала свое отражение в маленьком зеркале. Наконец, она увидела на сиденье водителя надорванный целлофановый пакет и маленькую серебряную трубку. Она наклонилась, лизнула кокаин и изумленно произнесла:

— Ну, Билли, ты столько денег на эту гадость выбрасываешь, так что и мне ничего не останется.— Ее взгляд упал на приоткрытую дверь.

Она увидела тяжелые башмаки-бахилы, большущую лужу крови и страшное, окровавленное лезвие обоюдоострого топора.

— О боже, Билли, о боже,— нервно запричитала Лиана, пытаясь выбраться из машины.

Она судорожно открыла дверь, выскочила, и здесь ее настиг удар страшного обоюдоострого топора. Лезвие вошло в живот. Внутренности выпали на асфальт. Лиана, прижимая руки к животу, осунулась вначале на колени, а потом упала лицом в лужу своей же крови.

Безжалостный убийца еще раз взмахнул тяжелым топором и развалил грудную клетку девушки. Лиана лежала на спине на асфальте, топор торчал из ее груди.

Томми проснулся поздно. Он был рад, что этой ночью его не преследовали никакие кошмарные видения. Он вылез из постели и подошел к окну. Во дворе ходили куры, бегали индюшки. Стояло спокойное сельское утро. Покосившийся забор, разъезженная машинами проселочная дорога. Все дышало спокойствием.

Томми облегченно вздохнул. Уже давно ему не было так покойно и мирно. Никогда еще до этого он не проводил такой спокойной ночи. Он потянулся и на мгновение прикрыл глаза. Когда же он вновь открыл их, то содрогнулся от ужаса: на этом мирном пейзаже стоял безжалостный убийца в пластиковой маске хоккейного вратаря, с огромным окровавленным, обоюдоострым топором в руке.

Томми сжал виски руками — видение не уходило. Все так же неподвижно стоял безжалостный убийца. Кровь застучала в висках у Томми, и он услышал удар собственного сердца: «Томми, умри, умри»,— звучал в его голове голос. Он до боли сдавил свою голову руками и зажмурил глаза.

— Это все мне кажется, кажется. Этого не может быть,— шептал Томми все сильнее сжимая виски.— Я сейчас открою глаза, открою глаза и пойму, что это только видение.

Но ему не хватало силы воли, чтобы выполнить свое желание. Он боялся глянуть во двор. Но все-таки, пересиливая себя, он чуть-чуть приоткрыл веки — все так же мирно ходили куры, бегали индейки, никакого безжалостного убийцы и впомине не

было.

— Это только рецидив,— вздохнул Томми.— Мое видение иногда будет навещать меня, но все реже и реже. Доктор Лютер хороший специалист. Он поможет выбраться. Да и сельский воздух, работа помогут мне. Я избавлюсь от этого страшного видения и стану вновь нормальным человеком.

Томми утешал сам себя.

Мэр городка, в официальном черном костюме и красном галстуке, расхаживал перед сотрудниками полиции. Шериф недоверчиво смотрел на этого, неприятного ему, человека. Он всегда считал мэра бездельником и бездарным пронырой, который обманул своих избирателей, чтобы на четыре года завладеть ответственным постом и делать все что угодно. А мэр все не унимался:

— Ты, Мэтью, хоть мать свою за решетку посади, если не найдешь кого другого. Мне нужен этот маньяк, который убивает людей. Ты должен его найти обязательно. У нас маленький городок,— тряс кулаками мэр.— А в маленьком городке все должно быть тихо. Ты понимаешь, шериф?

Мэт зло скривил губы. Он уже третью ночь не спал и делал все возможное, чтобы найти убийцу, но нище не оставалось свидетелей, никто не мог сказать, как выглядит этот маньяк. И шериф терялся в догадках, где он может скрываться. А то, что он бродит по окрестности и прячется где-то недалеко было очевидно.

Шериф набрал полную грудь воздуха и растяжно проговорил.

— Я знаю, мэр, кто это.

— Кто? — изумился мэр.— Он рупором приложил руку к уху шерифа.— Я слушаю. Неужели ты такой догадливый, что знаешь, кто это сделал? И не можешь поймать его,— ехидно говорил мэр. — Так я слушаю, Мэт,

кто убийца?

— Это Веселый Роджер,— проговорил шериф.

— Веселый Роджер,— засмеялся мэр.— Да ты же шериф сам присутствовал на его вскрытии, и сам мне рассказывал, как трепонировали его череп. Да ты спятил, мать твою! Тебя нужно посадить к психам. В этот сумасшедший дом. Пусть тебя опекает Тэм Робинсон и доктор Эмишли Лютер. Роджер мертв,— не унимался мэр.

— А сам ты видел его когда-нибудь? — поинтересовался шериф.— Ты сталкивался с этим убийцей лицом к лицу? Знаешь — Роджер не победим! Сколько раз говорили, что он мертв, а он снова поднимался из могилы.

— Я не могу в это поверить,— проговорил мэр. А потом, зло

усмехнувшись, взял со стола пепельницу, полную окурков и высыпал прямо на стол шерифу.— Вот твой Роджер! Он давно превратился в прах.

Мэр всунул в руки шерифу пустую пепельницу.

— Твоя задница поставлена на карту,— зло бросил он,— так что подавай мне не мертвецов, а живых подозреваемых. Иначе, тебе не усидеть в кресле шерифа!

Мэр вышел из полицейского участка. Мэт, не долго думая, бросил ему вдогонку стеклянную пепельницу, но та ударилась в закрытую дверь и разлетелась на мелкие осколки.

— Черт! — выругался шериф.

Подчиненные с недоумением смотрели на своего начальника. Никогда раньше они не видели его таким злым и беспомощным.

Тина, жизнерадостная брюнетка с пышной грудью и такими же соблазнительными бедрами, развешивала белье во дворе лечебницы. Она улыбалась, вспоминая, как несколько дней назад они с Эди убежали из лечебницы и занимались любовью на участке Хебертов. Ей всегда нравилось, когда за ними кто-нибудь подсматривал. Тогда у нее просыпалась фантазия, и она принимала самые невероятные позы. Да и Эди это заводило.

Тина аккуратно складывала белье, и только одна мысль у нее возникала при виде простынь: что на этом белье можно трахаться и трахаться очень изобретательно.

Вдруг кто-то схватил девушку сзади за плечи.

— Это ты, Эди? — весело вскрикнула Тина.

И не ошиблась, в самом деле, Эди стоял сзади.

— Ну, дурак, ты меня и испугал.

— Еще хочешь,— без долгих предисловий сказал Эди.

— Нельзя. Шериф нас убьет, если еще раз попадемся в руки этих Хебертов.

— Да ну его к черту, шерифа. Иди сюда,- подмиг-нул ей Эди. — Мы далеко отходить не будем.

Ну знаешь,— задумалась Тина.

Конечно, знаю, ты же мне никогда не отказывала.

А, может быть, откажу,— лукаво улыбнулась девушка.

— Ну неужели можно отказать такому парню, как я?

Эди отступил в сторону кустов и манил за собой пальцем девушку. Та, делая вид, что раздумывает, переминалась с ноги на ногу. Но Эди смотрел таким полным желания взглядом, что Тина, словно кролик за удавом, подалась следом. А Эди все отступал, все дальше и дальше манил Тину.

Наконец, Тина радостно вскрикнула, выхватила из корзины большую простыню и с радостным криком бросилась за парнем. Тот бежал от нее, возбужденно крича. Тина, хохоча, неслась за

ним. Она уже догнала Эди и хотела прыгнуть ему на спину, но парень увернулся, и девушка, смеясь, покатилась по траве.

Эди остановился.

— Ну что, наверное, ты не очень хочешь меня? — подзадоривал он Тину.

— Сейчас догоню тебя и все тебе поотрываю,— Тина вновь побежала за Эди.

— Подожди,— остановился парень.— Вот здесь, на берегу речки. Потом будет где помыться.

Он показал на небольшую полянку, окруженную кустами. За ними звенел ручей.

Тина, без долгих разговоров, принялась рассталась простынь. Она расправила даже самые мельчайшие складки. Закончив эту работу, она бросилась на шею Эди. Тот словил своим ртом ее губы и принялся бешено целовать девушку. Та извивалась, смеясь, и пыталась стянуть с него рубашку.

Парень и девушка, опустившись на колени, принялись раздевать друг друга. Они хохотали и смеялись, разглядывая свои обнаженные тела. Наконец, со стоном і и-на легла на спину, и Эди провел рукой по ее обнаженному животу. Его рука нежно скользила по ее телу, то сжимая грудь, то останавливаясь на бедре. Тина, изгиоаясь, стонала и притягивала к себе Эди. Тот. наконец, освооодив-шись от джинсов, улегся на девушку. Тина прижала его к себе ногами.

Они ничего не замечали вокруг, занятые люооовью.

Они даже не слышали, как на ветке над ними уселся большой, черный, немного седеющий, ворон и, скосив желтый глаз, смотрел на их странное занятие. Но потом ворон испуганно дернул головой и перелетел на другую ветку, потому что под ним зашелестели кусты, и из-за раздвинутых ветвей на обнаженных парня и девушку, облизывая пересохшие губы с вожделением смотрел Вик. Его кулаки сжимались, он чувствовал дикую зависть и ненависть к Эди за то, что он в этот момент обладает Тиной, что не ему, Вику, а этому идиоту Эди досталась такая красивая девушка. Он морщился при каждом вздохе и стоне Тины, но все же не решался броситься на Эди. Он все выжидал.

Вдруг Вик услышал, как у него за спиной хрустнула ветка. Он оглянулся, и в это мгновение широкое лезвие садового ножа вошло ему в живот, разрывая внутренности и выпуская их наружу. Вик вскинул руки, но не смог даже вскрикнуть. Он рухнул на опавшие листья, на зеленую траву. Кровь просочилась сквозь майку, и грязная майка мгновенно сделалась ярко-красной.

Безжалостный убийца, удовлетворенный содеянным,

отступил на несколько шагов в сторону и спрятался за толстый ствол старого дерева, не упуская из виду парня и девушку, занимающихся любовью.

Наконец, в любви наступила развязка. Эди удовлетворенно откинулся от Тины.

— Я кончил,— сказал он.

— А я еще нет, я еще хочу.

— Ну подожди, я схожу помоюсь,— Эди принялся натягивать джинсы.

Тина улеглась на простыне и прикрыла от солнца глаза. Она лежала и постанывала, ожидая своего приятеля. Она вслушивалась в пение птиц, в шелестение листвы. Ей было так хорошо и спокойно. Тина знала, что ничего страшного с ней случиться не может, что, в крайнем случае, здесь может появиться шериф, который просто посоветует убраться на территорию лечебницы. Это самое страшное, что могло с ними произойти.

Тина удовлетворенно вздохнула и провела руками по своей большой груди. Она всегда гордилась своей грудью, да и Эди ей всегда говорил, что она самая красивая девушка в мире.

Но тут тревожно каркнул ворон, зашелестели большие крылья прямо над самой головой Тины. Она испуганно приоткрыла глаза. То, что она увидела, парализовало ее волю: над ней, немного наклонившись, стоял безжа-лостныи убиица. Вместо лица у него было страшно оска лившаяся пластиковая маска. Он занес над ней разве-денные садовые ножницы для подрезки кустов

Тина только и успела что вскрикнуть, когда острые концы ножниц вошли ей в широко открытые глаза Убийца свел концы ножниц. Послышался жуткий хруст дробящихся костей. Выдернув ножницы из уже безжизненного тела девушки, убийца отступил в зеленые кусты.

Эди в это время развлекался у лесного ручья. Он бросал камешки и весело улыбался каждому ловкому удару. По пути к Тине он радостно сбивал длинной палкой головки цветов, ссекал листву с кустарника. Потом, отбросив палку в сторону, заспешил к девушке. Он уже увидел ее сквозь листву — она лежала на простыне, на боку, подвернув под себя ноги. Она показалась ему еще более желанной, вожделенной, чем пять минут тому назад.

— Тина! Тина! А вот и я! — закричал Эди.— А вот я и вернулся, ты что так и будешь лежать ко мне спиной? — Эди склонился к девушке и поцеловал ее в еще теплую шею.

Но когда он повернул ее к себе, чтобы поцеловать в губы, то ужас парализовал его — пустыми окровавленными глазницами смотрела на него голова Тины. Жуткие вспоротые края раны уже

успели облепить лесные муравьи. Они ползали в крови, оставляя на щеках маленькие кровавые следы.

Эди подскочил на ноги, потом отпрыгнул к дереву. Он кричал:

— Тина! Тина! Спасите!

И в это время толстый кожаный пояс обвил его голову, прижав к дереву. Безжалостный убийца просунул длинную палку в петли на концах ремня и стал его закручивать. Ремень все сильнее стягивал голову Эди. Тот кричал:

— Помогите! Спасите кто-нибудь!

Но безжалостный убийца все сильнее закручивал ремень. Эди уже не звал на помощь, он просто кричал от боли. А ремень все сильней и сильней вдавливал ему глаза, прижимал голову к шершавому стволу старого дерева. Еще несколько поворотов, и под натянутымрем-нем захрустели кости черепа. Эди вздрогнул и оомяк. Кровь полилась из раздавленного черепа на грудь парня.

Убийца еще раз зло крутанул палку, и кожаный ремень, не выдержав, лопнул. Тревожно каркнул и взмахнул крыльями седеющий ворон. Убийца поправил пластиковую маску на своей голове и обернулся к Тине. Ворон уже сидел на ее холодеющем плече и клевал кровоточащую рану.

В лечебнице не очень-то беспокоились об исчезновении Тины и Эди. Они частенько убегали куда-нибудь, чтобы заняться любовью. И обычно с наступлением темноты возвращались назад в клинику. Хотя сейчас и был уже поздний вечер, но никто не пошел их искать. А их тела лежали совсем недалеко,, в нескольких сотнях ярдов от ограды, на берегу лесного ручья.

На освещенном крыльце лечебницы стояли доктор Лютер и Тэм Робинсон. В кабине грузовой машины уже сидел, одетый в спортивный красный костюм, двенадцатилетний негритенок Реджи. Дедушка стоял возле него и смотрел на внука.

— Ну что вы там возитесь! — кричал Реджи Лютеру и Тэм.— Нужно уже ехать. Брат, наверное, ждет меня.

— Подожди,— ответила ему Тэм.

— Ну сколько можно ждать,— возмущался мальчик.

— Реджи,— обратился к нему старик,— веди себя, пожалуйста, прилично. Не вмешивайся в разговоры взрослых.

Реджи изумленно поднял глаза на дедушку. Ему казалось, что сейчас главное в мире — это поехать в гости к брату. И было непонятно, как кто-то еще может интересоваться другими проблемами.

— Реджи, веди себя, пожалуйста, хорошо,— сказал старик.— Понимаешь, Тэм делает нам большое одолжение, согласившись поехать вместе с тобой, и не нужно ее отвлекать, пусть закончит

дела.

— Ну как же, делает она нам одолжение! — возмутился мальчик.

— Реджи, если ты будешь плохо себя вести, то останешься тут и никуда не поедешь.

Негритенок испуганно заморгал глазами и немного затих. Но все-таки неуверенно позвал:

— Тэм, ну хватит уже разговаривать. Нужно ехать.

Старик цыкнул на него и мальчик решил больше никого не провоцировать. Ему очень хотелось попасть в гости к брату.

— Я все-таки не понимаю,— говорил доктор Лютер, обращаясь к Тэм,— куда же они подевались? Уже ночь скоро.

Да не беспокойся,— отвечала женщина.— Эди и Тина найдутся. Проголодаются и придут назад. Ведь сколько раз уже так бывало.

Я бы не беспокоился,— возразил доктор,— но я уже весь по уши в дерьме, как ты понимаешь.

— Ничего, успокойся. Все забудется, и ты снопа будешь спокойно работать.

Но тут доктор Лютер заметил Томми Чарлиза, который бесцельно ходил по двору, не зная чем заняться. Ему явно не спалось.

— Послушай, Тэм,— сказал доктор,— а почему бы тебе не прихватить с собой этого парня?

— Кого? — удивилась Тэм.

— Да этого парня. Томми. Пусть развлечется. Думаю, это пойдет ему на пользу. Томми! — окликнул доктор Лютер Чарлиза.— Ре жди собирается поехать навестить брата, почему бы тебе не поехать вместе? Развлечешься.

Томми вздрогнул, услышав свое имя, и обернулся. Реджи обрадованно вскрикнул:

— Поехали, поехали! Знаешь, как там будет весело. Мой брат такой весельчак.

— Пойди, поговори с ним,— доктор подтолкнул Тэм.

— Хорошо, хорошо, сейчас я с ним поговорю.

— Да поговори, у тебя это лучше получается, чем у любого из нас.

Молодая женщина, в накинутом на плечи свитере, подошла к Томми.

— Томми, Томми.

Парень обернулся.

— Что? — спросил он.

— Томми, поехали с нами. Я думаю, будет интересно.

— Что интересно,— неуверенно проговорил Томми.

— Ну вообще, поездка, хоть как-то развеешься, отвлечешься от своих мыслей. Поехали с нами.

Томми нерешительно переминался с ноги на ногу. Но он не мог отказать этой молодой привлекательной женщине, которая ему очень нравилась.

— Поехали, поехали,— проговорила она, и Томми послушно пошел за ней и сел в машину.

Доктор и дедушка Реджи взмахнули руками, машина завелась, поехала со двора лечебницы.

Всю дорогу двенадцатилетний Реджи все хвалился и рассказывал, какой у него замечательный брат. Он описывал его, как мог. Он приписывал своему брату такие качества, которых у того никогда не было. И Тэм, и Томми представляли себе огромного, атлетически сложенного парня, заводилу и лидера во всяких делах.

У светящейся рекламы, укрепленной на большом фургоне, «Платная стоянка, закуска и выпивка» автомобиль Тэм остановился. Реджи первым выскочил из машины и бросился к огромному фургону. Молодая женщина обратилась к Томми.

— Пойдем с нами.

— Нет, мне что-то не хочется. Я лучше подожду вас здесь,— сказал парень, прислонясь к кабине машины.

— Ну пойдем.

— Нет. Я подожду вас.

Женщина немного задумалась.

— Ну как хочешь, как хочешь. Мы пойдем. Мы не долго, не беспокойся.

— Хорошо,— ответил парень, провожая взглядом привлекательную женщину, которая спешила вслед за Реджи к фургону.

Двенадцатилетний Реджи что было сил принялся колотить в дверь. Та отзывалась глухим металлическим звуком.

— Эй, открой, открой, эй, открой! — громко кричал Реджи.— Открывай немедленно, полиция!

— Кто там? — раздался голос из закрытого фургона.

— Открывай, полиция! — детским голосом кричал Реджи.

Наконец, дверь отворилась. В проеме двери стоял худосочный, вихлястый негр. Он был весь одет в черную кожу, на нем звенели цепочки, браслеты. Он улыбался во весь рот.

— О господи! Кого я вижу! Кто к нам приехал! Это ты, мой малыш. Как ты вырос, какой ты стал большой! — И братья радостно обнялись.— Ты хорошо выглядишь,— сказал старший брат.

— Знаю, знаю,— как само собой разумеющееся, подтвердил

Реджи.

— Черт! Ты только посмотри на себя.

— Знаю, знаю,— опять повторил Реджи.

— Ты ужинал, на возьми, это очень вкусно,— старший брат протянул Реджи коробку конфет.

Но тот отказался.

— Ты где это так хорошо прикинулся? — с изумлением оглядывая брата, сказал Реджи.

Ну, малыш, знаешь, если ты проживешь с мое то ты найдешь место, где можно одеться. Но знаешь, кля этого надо покрутиться.

Реджи изумленно водил головой из стороны в сторону, пытаясь заглянуть внутрь фургона.

— О, мать твою! А это кто такая? — изумился Реджи, увидев в глубине фургона молодую пышногрудую девушку, которая откинувшись на больших красных подушках курила длинную сигарету.

Ее бедра обтягивала соблазнительно короткая юбка. Девушка улыбалась Реджи.

— Это моя подружка. Познакомся, ее зовут Мэги,— представил. брат Реджи.

Малыш еще раз изумленно причмокнул и цокнул языком.

— Хороша, хороша.

— Здравствуй, здравствуй, братишка,— ответила девушка, стряхивая пепел с длинной сигареты.

Мальчишка на мгновение задумался.

— А вообще-то, и я не один. Я хочу, чтобы и вы познакомились с моей подружкой. Это Тэм.

Белокурая женщина появилась за спиной мальчика. Брат Реджи изумленно посмотрел на своего младшего брата, потом на женщину, которая его сопровождала. Он тоже прищелкнул языком и цокнул.

— А это моя подружка Тэм. Она моя девушка.

— Хорошая у тебя подружка,— удовлетворенно проговорил брат Реджи.— Хочешь пиццу, сосиски с сыром? Стакан вина?— предлагал брат Реджи Тэм.

Но та отказывалась, ссылаясь на то, что они уже в лечебнице поужинали и что время позднее для угощений и питья.

— А ты пивка хочешь, малыш?

— А пошел ты,— послал брата подальше Реджи и нахально уселся прямо на маленький столик.

— Я тебе вот что дам. Возьми вот это.

Старший брат потер о свитер большое яолоко и протянул Реджи.

— А это можно взять? — поинтересовался тот, остановив свой

взгляд на массивном золотом кольце, лежащем на водительском сиденье.

— А, братишка, бери здесь все, что тебе понравится, кроме моей подружки. Ведь у тебя уже одна есть.

Реджи, как завороженный, крутил в пальцах кольцо.

— Для моего братишки ничего не может быть слишком хорошим,— продолжал старший брат, довольный своей расточительностью.

Томми расхаживал по пустой стоянке, ему было явно не по себе. Его настораживал каждый лесной шорох, каждый крик ночной птицы. Он осмотрелся вокруг, и перекрестие белого столба ограды, выхваченное из темноты фонарем, вдруг показалось ему надмогильным крестом. Томми протер глаза. Навязчиво потрескивала неоновая реклама стоянки. Томми приложил к вискам руки и ощутил, как бьется на его голове жилка под напором крови.

Ночную тишину вспорол резкий звук двигателя мотоцикла. Яркий свет фары скользнул по придорожным кустам и ослепил Томми. Он прикрыл рукой глаза, но ничего не мог увидеть, кроме слепящего света. Двигатель еще несколько раз чихнул и заглох. Фара погасла. Из темноты послышался довольный смех. Он звучал нервно и нагло.

Томми, прищурившись, узнал младшего Хеберта, который приезжал ругаться на сексуальных маньяков Эди и Тину к ним в лечебницу несколько дней тому назад.

— Ну, испугал я тебя, парень? — идиотски хихикая, младший Хеберт подошел к Томми.

Он бы грязен и неопрятен. От него пахло потом и бензином. Его кожаный шлем лоснился от жирных пятен.

— Ну что, напугал я тебя? — не унимался Хеберт.

Томми неотрывно смотрел на кривляющегося мужчину и ничего не отвечал.

— Ты что, тронутый что ли? — возмутился младший Хеберт и покрутил пальцем у виска и еще идиотски хихикнул.— Ты что, может, и впрямь из этой психушки? — продолжал Хеберт.

Но Томми ничего ему не отвечал.

Тогда, немного походив по стоянке, Хеберт подошел и пнул ногой машину, на которой приехали Реджи, Тэм и Томми. Взгляд мужчины остановился на надписи, сделанной по трафарету на дверцы: «Психиатрическая лечебница».

Хеберт взвизгнул.

— Да ты точно псих, парень! — Он сжал кулаки и направился к Томми.— Да ты знаешь, что моя мать с такими идиотами, как ты, делает? Она возьмет и разрубит тебя на маленькие кусочки.

Хеберт ударил Томми кулаком в плечо.

На такие маленькие, маленькие кусочки, что потом тебя хрен кто назад соберет и слепит. Понял, идиот[9]

Хеберт дико хохотал.

Ты меня слышал? Проклятый.— Его страшно раздражало, что Томми ничего не отвечает ему.

А парень сжался, сдерживая в себе всю злобу. Ему страшно хотелось ударить наглого грязного фермера, который так издевается над ним. Но помня недавнее происшествие, когда он ни за что ударил пошутившего над ним Эди, Томми сдержался.

— Ну ты, идиот, боишься меня, а? — зло оскалился младший Хеберт и замахнулся на Томми.

Но и тут парень сдержался.

Совсем разъяренный таким неуважением к себе, Хеберт ударил Томми кулаком в лицо. Но тот успел увернуться.

— А гад! Так ты и приемчики знаешь? — оскалил гнилые зубы Хеберт.— Ну я тебе сейчас покажу, ублюдок!

Он опять замахнулся рукой, но тут уже Томми не выдержал. Он перехватил руку Хеберта и что есть силы саданул кулаком мужчине по печени. Тот скорчился, и тогда Томми нанес удар коленом ему в лицо. Хрустнул хрящ носа. Хеберт взвыл и с разгону боднул Томми головой в живот, явно понадеявшись на свой мотоциклетный шлем. Но Томми свел свои руки в замок и ударил Хеберта по жирной шее. Тот заверещал и, обливаясь слезами, упал на усыпаную острым щебнем площадку.

— Ублюдок! Я маме расскажу,— хныкал мужчина.

А Томми, уже не в силах сдержаться, пинал его ногами, бил кулаком по окровавленному, грязному лицу.

— Остановись, идиот! — визжал младший Хеберт.— Вот тебе моя мать покажет!

Но не дожидаясь что именно покажет ему миссис Хеберт, Томми ударил того в открытый рот, больно ободрав себе кулак о желтые гнилые зубы.

— Томми! Томми! Остановись! — Выскочила из фургона Тэм и бегом, размахивая руками, оросилась к дерущимся.

Томми застыл с занесенным для удара кулаком. Младший Хеберт, как мешок с дерьмом, рухнул на землю. Томми закричал и бросился в лес, подальше от этого места.

Мужчина тяжело поднялся, на четвереньках дополз до своего мотоцикла, включил мотор и с диким, истошным криком помчался домой жаловаться своей матушке на произвол, который учинили с ним психи из лечебницы доктора Лютера.

— Реджи! Реджи! Скорее! Нам пора ехать! Скорее! — кричала Тэм, садясь в машину.

Недовольный Реджи поцеловался со своим любимым братом, с его девушкой и заспешил к машине.

— Ну ладно, братишка, приезжай когда захочешь ко мне, я всегда тебе рад! — кричал ему вслед брат.— Я всегда буду тебе рад! И всегда оставайся таким же смелым и бесстрашным парнем. Всегда, понял меня?

— Понял, понял,— уже забрасывая ногу на ступеньку грузовика, отвечал старшему брату Реджи.

Еще несколько минут посигналив сиреной, Тэм включила мотор, и они с Реджи заспешили в лечебницу.

Нет, Тэм не была жестокосердной, просто она понимала, что Томми в таком возбуждении никогда не вернется к машине. И искать его в ночном лесу бесполезно. Она хорошо знала повадки душевнобольных и понимала, что парень, немного поостыв на прохладном воздухе, сам вернется в лечебницу.

— Да, Сэм,— сказала Мэги и немного одернула свою короткую юбку,— чудесный у тебя братишка. Из него вырастет парень не хуже тебя.

— Вот видишь, только пять минут, как он уехал,— отвечал Сэм, разглядывая свою подружку,— а я уже вновь начинаю по нем скучать.

— Скучать я тебе не дам, не для этого мы тут собрались,— Мэги немного раздвинула ноги, зажав между ними свои ладони. — Приятный парнишка,— она наклонилась и поцеловала Сэма.

Но тот недовольно скривился.

— Тебе что, уже надоели мои поцелуи? — поинтересовалась девушка.

— Да нет,— недовольно отвечал Сэм, корча еще более грусную физиономию.— От этой пиццы у меня живот скрутило. Подожди немножко.

— Зачем ты столько перца туда накидал? Да останься, сейчас пройдет,— пробовала Мэги притянуть к себе парня.

Но тот вырвался и, прижав руки к животу, побежал к белеющему под одиноким фонарем жестяному туалету. Он немного повозился с замком, все время отрывая руку, чтобы прижать ее к животу. Быстро, как только мог, Сэм вскочил в туалет, тут же стянул джинсы и, сев на

унитаз, почувствовал блаженное удовольствие.

Эх, сказал он, закатив глаза к потолку — как хорошо.

Но удовольствие было недолгим. Вскоре жестяная коробка туалета начала раскачиваться из стороны в сторону.

— Эй! — закричал Сэм, оглядываясь по сторонам, как будто что-то мог увидеть через листы рифленой обшивки.

Чтобы удержаться на унитазе, он схватился за рулончик

туалетной бумаги, но та раскрутилась, и Сэм, чертыхаясь, бросил на пол длинный кусок бумаги.

— Эй! Кто там? Прекратите, черть вас возьми!

Землетрясение прекратилось. И за жестяной обшивкой послышался игривый смех Мэги.

Кабинка вновь завибрировала.

— Ну ты получишь, сука! — немного успокоился Сэм.

— Извини, Сэм,— засмеялась темнокожая девушка.— Я просто хотела вытрясти из тебя побольше дерьма.

— Ну и доберусь я до тебя, когда поднимусь с унитаза,— не унимался Сэм, придерживая джинсы руками, чтобы те не сползли на грязный пол.

— Зря ты так успокоился,— не унималась Мэги, шепча в щель двери.— Берегись змей. Знаешь, одна такая могла заползти в унитаз и сейчас укусит тебя за задницу.

Сэму стало немножко не по себе. Он раздвинул ноги и заглянул в унитаз, но там ничего, кроме дерьма, не было.

— Эй, крошка,— крикнула ему Мэги,— послушай, с музыкой дела пойдут лучше.

Она начала напевать незамысловатую негритянскую песню. Сэм, сидя на унитазе, заерзал и подхватил мотив вторым голосом. Так, дуэтом, они и пели, перемежая куплеты смехом. Каждый из них старался взять ноту повыше, и наконец, когда они уже перешли границу второй октавы, первым сломался Сэм. Мэги еще пропела полкуплета и вдруг ее голос резко оборвался. Перестала вибрировать и кабинка туалета.

— Эй, подружка! Где ты там? — насторожился Сэм.— Ты что, в яму провалилась?

Но никто ему не отвечал. Сэм подхватился с унитаза, приоткрыл дверь и выглянул: никого не было. Сэм испуганно вновь закрылся в кабинке и принялся застегивать штаны.

Но тут туалет вновь вздрогнул и зашатался, но уже не так слабо, как раньше. Он ходил ходуном.

— Ну, сука, я тебе покажу! — кричал Сэм, никак не успевая застегнуть штаны. Ему все время приходилось держаться за стены, чтобы не упасть.— Я тебе покажу! Дай только мне выбраться отсюда!

Наконец, он откинул щеколду и приоткрыл дверь, но та сразу же во что-то уперлась. Навалившись на дверь всем телом, Сэм приоткрыл ее настолько, что смог высунуть голову наружу. Он увидел Мэги, которая лежала на земле, ее голова была почти полностью отделена от тела. Огромная рваная рана зияла на горле. Из раны текла густым ручьем кровь.

Он бешено вскрикнул и вскочил назад в туалет, закрыв за

собой дверь.

— Боже, боже! Господи! Спаси меня! — шептал Сэм.— Господи, спаси!

Он прижимался спиной к рифленому железу, пытаясь как можно дальше отсунуться от двери, как можно дальше отстраниться от трупа своей подружки, которая еще несколько секунд назад беспечно распевала песню о маленькой малышке, которая ждет своего возлюбленного, потирая грудь.

Вдруг, буквально в нескольких сантиметрах от его правого плеча, обшивка туалета разорвалась. Граненый стальной лом насквозь продырявил туалет.

Бешено вскрикнув, Сэм подхватился и принялся карабкаться к потолку, все время соскальзывая и падая на унитаз. Он дико кричал:

— Помогите! На помощь! Помогите! Спасите!

Карабкался, вновь обрывался, падая на грязный пол,

подхватывался и вновь принимался карабкаться по скользкому железу, думая, что только таким способом он сможет спастись от острия лома. Лом еще в нескольких местах продырявил обшивку туалета, так и не задев Сэма.

Отчаявшись добраться до потолка, Сэм вскочил с ногами на унитаз, но в этот момент острый лом, в очередной раз пробив обшивку туалета, вонзился ему в бедро. Сэм, закричав, изогнулся и рухнул на пол. Но тут же подхватился, прижимаясь к противоположной стене, с ужасом глядя туда, где только что было острие лома.

Наконец, орудие смерти безжалостного убийцы настигло жертву. Лом, пробив насквозь живот Сэма, сантиметров на восемьдесят вышел из него. Глаза парня безжизненно закатились и замерли, уставившись в потолок На животе ооразовалось огромное пятно липкой горячей крови.

Тэм, как могла, спешила вернуться в лечебницу. Нехорошие предчувствия после исчезновения Томми угнетали ее. Молчаливый Реджи сидел рядом с ней и, насупившись, смотрел на дорогу.

Тэм молча крутила руль. Наконец, в свете фар, ровным белым светом блеснула изгородь лечебницы. Не сбавляя скорости, Тэм въехала на территорию и остановилась у самого крыльца.

Сразу же из дверей, навстречу ей выбежал перепуганный Джейк.

— Послушай, Тэм,— сбивчиво начал говорить парень.

— А что случилось? — Тэм испуганно глянула на него.

— Знаете, Мэг и Джек пропали. А Тина и Эди так и не нашлись,

— Да мы везде искали,— вклинилась в разговор Роби,— мы не знаем, где они.

— Успокойтесь, ребята,— сама пробуя унять дрожь в руках, говорила Тэм,— все хорошо, успокойтесь. Давайте разберемся с самого начала. Может, ты, Лари, хотя бы знаешь, кто куда пошел? — спрашивала Тэм.

Блондинка Лари недоуменно смотрела на женщину.

— Да я тоже не знаю. Тина и Эди ничего нам не говорили. Просто исчезли, и все. Тина развешивала белье, а Энди сказал, что пойдет помочь ей. Больше их никто не видел.

— А где же тогда Мэг и Джек? — изумилась Тэм.

— Не знаю, они пошли искать их.

— А где дед? — спросил негритенок, выбегая из дома.— Я искал его, но нигде нет.

— Не знаю,— пожал плечами Джейк,— его здесь уже давно нет.

— Успокойтесь, ребята,— настаивала Тэм, хотя и сама никак не могла успокоиться.

Она понимала, что происходит, что-то не то, что-то разладилось в такой мирной жизни их лечеоницы. Что-то непонятное и гнетущее возникло в настроении всех пациентов после смерти толстяка Джоя. И теперь никогда уже снова не воцарятся здесь мир и порядок.

— Успокойтесь, ребята, идите все в дом, я во всем разберусь сама.

Выбирать Тэм не приходилось. Она обвела взглядом двух девушек и одного нерешительного парня.

— Ты, Джейк, остаешься здесь за старшего,— сказала она, — а ты, маленький бесстрашный Реджи, ложись спать. А я попробую найти ребят. И твоего деда. А когда я прийду, чтобы ты сладко спал. Ясно? Ведь все хорошо.

Реджи понимающе посмотрел на старшую подругу.

— Нет проблем, Тэм,— он кивнул ей головой.

Ведь он всегда помагал старшим в этой лечебнице.

— Ну хорошо, ребята, я поехала.

Тэм села в машину и задним ходом выехала за ворота. Ребята испуганно жались друг к другу и смотрели, как Тэм покидает их. На душе у ребят было неспокойно и очень тревожно: какие-то страшные предчувствия угнетали их и не давали расслабиться, сосредоточиться.

Но Реджи в самом деле был маленьким и бесстрашным. Он весело улыбнулся.

— Ну что, ребята, мы остались одни. Теперь нужно идти исполнять приказания. Ведь, правда?

Джейк, которого назначили старшим, немного возгордился. Он снисходительно посмотрел на перепуганную Лари, обнял за плечи Роби и повел всех в дом.

С истошным криком и таким же истошным воем мотора, мотоцикл Хеберта-младшего псдтелет к ферме. Он метался по двору, то сбрасывая, то вновь поддавая газу. Он взлетал на ступеньки террасы, съезжал с них и вновь кружил по двору.

Младший Хеберт истошно орал:

— Мама, мамочка! На помощь! Мамочка! На помощь!

Миссис Хеберт в это время крошила овощи в большую кастрюлю. Она готовила овощное рагу для своего любимого великовозрастного сына.

— Черт бы тебя побрал! Тупица! — ехидно улыбаясь, говорила женщина, быстро-быстро нарезая овощи.

Но если бы она видела в это время окровавленное лицо своего любимого сыночка, она бы говорила совсем другое. А у того кровь заливала глаза, губы были посечены, зубы выбиты. Он истошно вопил, не в состоянии остановиться, не в состоянии унять безудержную ярость и ненависть к Томми.

— Мамочка, мама, меня побили! Меня, твоего любимого сына! Побили! И кто побил! Эти психи? Этот сумасшедший из лечебницы. Псих, псих, псих меня побил. Истошно вопил Хеберт-младший, кружа по двору.

Я. пытаюсь тебе, ублюдок, ужин приготовить, а ты как псих недорезанный носишься по двору, все ломая и круша на своем пути. Псих! Псих!

И миссис Хеберт в сердцах зло плюнула в огромную кастрюлю. Туда, где кипели овощи в масле. Наконец, она не выдержала: двумя руками начала хватать недорезанные овощи и большими кусками сбрасывать в кастрюлю.

— Псих, псих! Ублюдок! Псих, ублюдок! — шептала она, прислушиваясь то к отдаляющемуся, то приближающемуся реву мотоцикла.

— Мамочка, мама! Психи меня побили! Их надо порезать на мелкие кусочки! И в рагу, в рагу! Мамочка, сделай из них рагу! В рагу! Хватай свой секач и иди поруби их на мелкие кусочки. Мамочка, они же побили твоего любимого, самого красивого сыночка! — орал безумный Хеберт-младший.

Наконец, он приостановился среди двора и громко завопил:

— Ты что, мамочка, оглохла? Не слышишь, что ли? Иди на помощь своему сыночку! Скорее, скорее!

— У, ублюдок! — прошептала женщина, забросив целую нечищенную свеклу в кастрюлю.— Вот, ублюдок, я ему тут ужин готовлю, а он орет под окнами!

Хеберт-младший вновь рванул с места. Он решил промчаться как можно ближе от окон кухни и все-таки заставить мать выйти на крыльцо, и обратить на себя внимания. Его мотоцикл на бешеной скорости мчался по двору.

Вдруг из-за угла дома высунулась рука с острым секачом. Голова Хеберта-младшего отделилась от туловища и покатилась по пожухлым листьям. На ней так и осталось выражение удивления и огорчения. И очки, и мотоциклетный шлем были на месте. А тело с мотоциклом еще промчалось с десяток метров, ударилось в поленницу дров. Поленница рухнула, засыпая обезглавленное тело и глохнущий мотоцикл.

— Наконец-то, успокоился и заткнулся, сказала любящая мать, заслышав шаги в коридоре.

Она обильно поперчила рагу и начала длинном деревянной ложкой перемешивать кипящие овощи.

— Ну что, малыш, ты идешь? Отвечай скорей! Ты что, оглох?!

Но в это мгновение окно, прямо перед плитой, разлетелось. Посыпались осколки стекла. Из окна высунулась рука, схватила миссис Хеберт за волосы и окунула ее голову в кастрюлю с кипящим рагу. Женщина еще несколько мгновений размахивала руками, цепляясь за раскаленную плиту, пытаясь освободиться. Но вскоре она замерла, рука убийцы отпустила ее волосы, и тело женщины так и застыло с головой, опущенной в кипящее масло.

Ребята, живущие в лечебнице, немного успокоились. Маленький Реджи, устроившись на диване, прикрыл глаза и, как и обещал Тэм, уснул. Он тихо посапывал, уткнувшись курносым носом в подушку.

Джейк и Роби сидели на мягком диване и смотрели телевизор, по которому шел старый сентиментальный, голливудовский фильм о любви. Героиня все время рассказывала герою о том, как она любит, какие она чувства испытывает к нему. А герой, типичная голливудов-ская звезда пятидесятых годов, мерно взмахивал тяжелыми веслами и гнал лодку по ночному озеру. Серебристая луна висела в небе над влюбленными. Ее призрачный свет освещал то героиню, то героя. Девушка безустали повторяла:

— Том, ты очень меня любишь?

Том отвечал:

— Да, я без тебя, дорогая, своей жизни не представляю.

— А как ты думаешь, у нас все хорошо сложится?

— Да, дорогая, я думаю, что у нас все сложится прекрасно.

И герой, напрягая могучие плечи, делал гребок за гребком. И лодка с влюбленными уходила от преследователей все дальше и дальше. Еще несколько кадров, длинный поцелуй, и фильм

окончился. На экране появилась всемирно известная заставка: «Колумбия Пикчерс представляет...»

— Роби,— обратился Джейк к девушке,— ты знаешь, мы ведь здесь уже восемь месяцев. Я посчитал. Как ты думаешь, это достаточный срок, чтобы узнать человека?

Парень внимательно посмотрел на девушку, кото-

рая не отрываясь смотрела в мерцающий экран. Ома весь фильм просидела в задумчивости, жуя воздушную кукурузу. Два пустых пакета уже лежало 7 ее ног. J

— Пожалуйста, Джейк, потише. Я обдумываю фильм,— сказала Роби.

— Хорошо, хорошо, хорошо. Я подожду.— Ответил парень.— Ты мне нравишься, Роби,— после долгой паузы сказал парень.

— Ты мне тоже,— механически ответила девушка.

— Правда, Роби? Я тебе сильно нравлюсь? — воодушевился Джейк.

Девушка, не отрываясь, смотрела на экран телевизора.

— О чем ты говоришь? — как бы не понимая, переспросила она парня.

Джейк опешил.

— Я... я, я...— заикаясь, лепетал парень,— я, Роби, хочу быть с тобой... Я хочу с тобой заняться этим... Ну,— парень задумался.

Но Роби его не слушала. Она смотрела новую серию фильма.

— Я хочу с тобой любовыо заняться. Понимаешь, как Эди с Тиной. Ну что, ты все молчишь, уставившись в свой телевизор.

Девушка повернула голову и изумленно посмотрела на парня. Она никак не ожидала от него таких речей этим тревожным вечером.

— Как, как ты хочешь заняться? Как Эди и Тина? Но ведь у меня нет такой большой груди, как у Тины. А у тебя, наверное, не такой...

Парень покраснел.

— Да нет, я не то имел в виду. Ты что, я совсем не то имел в виду!

Девушка захохотала и подхватилась с дивана.

— Я тебе повторяю, повторяю! Я ничего такого не хотел сказать.— Раздасадованный парень тоже вскочил с дивана и выбежал в соседнюю комнату.

Джейк поднялся на второй этаж лечебницы. В коридоре он несколько минут постоял, прислонившись к стене. Он тер кулаками глаза, пытаясь сосредоточиться и прийти в себя. Наконец, появилась спасительная мысль — пойти и поговорить обо всем с подружкой Роби, Лари, которая жила на втором этаже.

Он несмело подошел к ее двери и постучал. Оттуда

слышалась музыка. Лари слушала магнитофон и лениво покачивалась в такт музыке.

— Лари, Лари! — пытаясь перекричать звук, рвущийся из колонок, говорил Джейк,— Лари, я хочу поговорить с тобой.

— Что? Что? — продолжая все также лениво покачиваться, переспросила девушка.

— Я хочу поговорить с тобой!

— А,— она продолжала покачиваться.— Слушай, Джейк, ты что, подождать не можешь? Видишь, я делом занимаюсь! — вихляя бедрами, проговорила Лари и начала двигаться в глубину комнаты.

Джейк сплюнул и захлопнул двери.

— Нет, ждать я не могу,— уже за дверью сказал он.

Отвергнутый всеми, он двинулся в глубину коридора

к своей комнате. Дорогу ему преградил безжалостный убийца. Рука с тяжелым секачом взлетела вверх и опустилась на голову Джейка. Затрещали кости, и череп развалился на две части. Мозг Джейка вывалился на паркет, а кровь растеклась по светлым доскам, пачкая бледно-голубой ковер.

Наконец, кончилась очередная серия голливудов-ского фильма. Роби оторвалась от экрана, нажала кнопку, голубой экран погас. Она осмотрелась, и только сейчас заметила Реджи, который спал на диване в гостиной. Она позвала его:

— Реджи, Реджи, проснись.— Затормошила она за плечо негритенка.

Но тот недовольно засопел и сквозь сон пробормотал:

— Отцепись,— и повернулся на другой бок.

— Реджи, ты что, так и будешь тут спать?

— Отцепись,— шептал негритенок, вырываясь из ее рук.

— Ну ты хоть разденься и иди к себе в комнату,— настаивала Роби.

— Я буду ждать здесь возвращения Тэм,— пробормотал Реджи и снова заснул.

— Ну как хочешь!

Роби немного поколебалась, унимая свою злость на непослушного мальчика, но потом нежность взяла свое. Она склонилась над ним, укрыла теплым мохнатым пледом и погасила торшер.

В доме было тихо. И, стараясь особенно не шуметь,

Роби поднялась на второй этаж, к себе в комнату Она сбросила босоножки, подошла к окну, забранному до половины белыми занавесками и сбросила халат остав шись только в одних трусиках. Роби остановись у зеркала, критически осмотрела свой не такой уж и большой бюст, потрогала его руками.

Извини, Джейк,— грустно проговорила она,— ты в общем-то хороший парень, но иногда ты бываешь очень глупым. Слишком навязчивым. А самое главное, нерешительным.

Роби еще немного погладила свою грудь, потом сладко зевнув, опустила руки.

Тут за окном полыхнула молния, и Роби вздрогнула. В мертвенно-голубом свете молнии комната показалась ей угрожающе настороженной. И девушка еще несколько мгновений смотрела в черное потухшее окно. Смотрела на дождевые капли, которые бешено стучали в стекло и потоками текли по раме.

Шум дождя немного успокоил девушку, и она по приставной лестнице забралась на верхний ярус, где ее уже ждала разостланная постель. Так и оставшись в одних трусиках, она, не накрываясь, легла на холодную простынь. Дождь не давал ей уснуть, при каждом раскате грома она вздрагивала.

Девушка успокаивала себя, что не может заснуть не от страха, а потому, что ей неудобно лежать на левом боку. Но переворачиваться она не спешила. Подложив под щеку ладонь, она вспоминала нерешительность Джейка. Ей хотелось, чтобы парень был более настойчивым, и тогда, может быть, она не спала бы одна, а Джейк лежал рядом. Такой теплый и ласковый.

Еще раз полыхнула молния, и загремел гром. Девушка, испугавшись, решила больше не смотреть в окно, а отвернуться к стене. Она перевернулась на другой бок и, увиденное, парализовало ее сознание. Страшный крик застыл на ее губах.

Прямо под стеной, чуть прикрытый одеялом, лежал Джейк. Его голова была составлена из двух частей. Выпученные глаза изумленно смотрели на Роби. Девушка не успела даже вскрикнуть, даже спуститься с верхнего яруса кровати. Сильная рука зажала ей рот и вдавила голову в подушку. Роби пыталась вырваться, сучила ногами, кусала за пальцы, но рука все сильней вжимала ее в подушку.

И вдруг под ней захрустела фанера кровати.

Острый тесак распорол ее и пройдя матрас, вонзился в тело. Роби с недоумением глянула на острое лезвие, выходившее прямо из ее живота. На холодной стали блестели капли горячей крови. Темнота смерти обрушилась на сознание Роби.

Когда безжалостный убийца убрал свою большую ладонь с лица девушки, на нем еще какое-то время оставалась блаженная улыбка. Тесак медленно выходил из тела. Убийца вытер окровавленное лезвие о брошенный халат Роби, и, неслышно ступая, вышел в коридор.

Он направлялся к своей очередной жертве. К той комнате, откуда слышались звуки безумно быстрой музыки, под которые

танцевала белокурая Лари.

Ни шум дождя, ни сполохи молнии не беспокоили девушку. Она двигалась размеренно, как заведенная машина, вторя ритмам, она то вскидывала руки, то наклоняла голову набок. Приседая, она поднимала свои глаза к потолку, на котором метались световые пятна музыкальных прожекторов. Вся стена была заклеена портретами поп-звезд. Лари не слышала, как тихо открылась дверь, и в комнату шагнул безжалостный убийца, сжимая в руках свой остро отточенный тесак.

Убийца приближался к ничего не подозревающей, танцующей девушке. Он не спешил, понимая, что жертва не уйдет от него. Лари беспечно танцевала свой нехитрый танец, а убийца приближался.

Наконец, вторя звукам музыки, девушка сделала поворот и вскрикнула от ужаса: прямо перед ней сверкнула оскалом пластиковая маска. Убийца схватил девушку за горло и одной рукой прижал к стене. Крик застыл в сдавленном горле Лари. Она даже не попробовала сопротивляться, только умоляюще смотрела в черные глазницы пластиковой маски.

Убийца приподнял девушку над полом и со всего размаха пригвоздил ее к деревянной стене своим острым тесаком. Голова Лари безжизненно упала на грудь, тряхнув белой челкой. Убийца вырвал свой тесак и отступил на шаг, любуясь содеянным.

Очередная жертва лежала возле его ног. Из динамика все также неслась веселая беспечная музыка. Убийца неторопливо развернулся и стал спускаться на первый этаж, где его ждала очередная кровавая работа.

Эта ночь была ужасной. Хлестал ливень, гремел гром, 148

а Реджи спал на диване в гостиной, не подозревая о том что прямо над его головой происходят ужасные убий-ства.

Одна молния сверкнула прямо над лечебницей, попав в старое дерево, и расколола его. От страшного грохота Реджи проснулся и прислушался. Где-то наверху громко играла музыка. Мальчик недовольно протер глаза.

— Ну что там делают эти сумасшедшие поздно ночью?! Что они придумали? Нет, чтобы спать!

Реджи, как помощник своего деда, решил навести порядок.

— Ну, конечно, Тэм додумалась,— ворчал он себе под нос, оставить за старшего этого недоумка Джейка. Какой от него толк будет?

Мальчик поднимался на второй этаж.

— А может быть, это Томми вернулся? — остановился он возле дверей нового пациента.— Что ему по такому дождю по лесу бегать! Я бы на его месте — вернулся! Эй, Томми,—

нерешительно постучал мальчик в дверь.

Но никто ему не ответил. Тогда Реджи несильно толкнул дверь. Та скрипнула и приоткрылась. В комнате было темно. Но не настолько, чтобы Реджи не заметил, что на кровати кто-то лежит.

— Томми! — еще раз позвал он.— Ты что, спишь? Или ты не один? — всматривался Реджи.— Тогда извини, я ухожу.

Но еще немного подождав, Реджи все-таки решил зажечь свет. На мгновение зажмурившись от ярко вспыхнувшей лампочки, Реджи ничего не увидел. Но потом, отняв ладонь от глаз, он окаменел от ужаса: на постели Томми лежало три окровавленных тела. Это были Лари, Роби и Джейк. Их обнаженные тела лежали, смешавшись в беспорядке, друг с другом. Кровь ребят стекала на пол в одну большую лужу.

Реджи зажмурился от страха и отступил за дверь. Ему казалось, что вот-вот рука неведомого убийцы настигнет и его, такого маленького и беззащитного. Ему хотелось убежать куда-нибудь и забиться в угол, лишь только бы пересидеть там эту страшную ночь, дождаться утра. И тогда, казалось ему, в наступившем рассвете ему уже ничто не будет угрожать.

На какое-то мгновение Реджи удалось убедить сеоя. что все это — наваждение. Сон. Что просто, он так долго жил под одной крышей с психами, что и сам немного тронулся рассудком. Он повертел головой, стараясь сбросить оцепенение, и вновь открыл глаза.

Перед ним, на кровати, все также лежали три обнаженных окровавленных тела. Реджи, окончательно уверившись, что все это реальность, отступал. Его шатало.

Чья-то рука легла ему на плечо. Реджи окаменел. Он, ничего не понимая, смотрел на Тэм, которая трясла его за плечи. С ее мокрых волос стекали капли дождя.

— Реджи, это я.

— Тэм...

— Реджи, прийди в себя, очнись. Ты что, еще не проснулся?

Реджи недоуменно смотрел в глаза женщине.

— Там...— только и сумел выдавить он из себя.

— Что там?! — допытывалась Тэм.— Где, что случилось?

— Там,— повторял Реджи,— у Томми в комнате.

— Оставайся здесь, я сейчас вернусь.

Тэм оставила мальчика в коридоре и вошла в комнату. Страшный крик женщины нарушил оцепенение Реджи. Он зарыдал. Тэм опрометью выбежала из комнаты, схватила мальчика за руку и бросилась вместе с ним по лестнице вниз.

Вдруг дверь гостиной разлетелась на куски. В проеме, сверкая

тесаком, стоял безжалостный убийца в пластиковой маске хоккейного вратаря.

Вспышка молнии и оглушительный удар грома вывел из оцепенения Тэм и мальчика. Женщина подхватилась, еще крепче сжала руку мальчику и бросилась убегать из этого дома. Они, споткнувшись на пороге, открыли входную дверь и выскочили во двор. Все вокруг заливал страшный ливень.

Под дождем, через кусты, женщина, увлекая Реджи, бросилась к автодороге. Они бежали по мокрому лесу, цепляясь за корни деревьев, натыкаясь на кусты и стволы деревьев. Они спешили, они надеялись, что смогут уйти от настигающего их убийцы.

Вдруг впереди сверкнула мигалка санитарного автомобиля. Реджи закричал:

— Машина, машина! Огонь!

Тэм тоже заметила вспышки сигнальной лампочки. Они заспешили к автомобилю. Тэм схватилась за ручку двери и резко открыла ее. С сиденья, к ее ногам упала отрезанная голова одного из санитаров. Второй лежал на заднем сиденье с распоротым животом. Внутренности были разбросаны по всему салону автомобиля

Истошно закричав, женщина и ребенок застыли на месте. В нескольких шагах от них возникла фигура безжалостного убийцы — Веселого Роджера. Его те1'ак сверкал в свете вспышек молнии. Он поднял ногу и сделал шаг к своим жертвам.

Женщина и мальчик снова бросились бежать, спотыкаясь и падая, стараясь как можно скорее уйти, улизнуть, убежать от настигающей смерти. Но безжалостный убийца шел по пятам.

Не зная куда деться, женщина и ребенок вновь бросились к дому, как будто там могло быть спасение, как будто туда не мог прийти безжалостный убийца, Веселый Роджер.

— Скорее, скорее! Беги, малыш! Беги! — кричала женщина, падая, обдирая в кровь руки о кустарники.

— Тэм, Тэм, где ты? — кричал Реджи, потеряв из виду женщину.

— Реджи, Реджи! Где ты, где ты? — кричала женщина.

На одной из полян вспышка молнии выхватила тело доктора Лютера. Его горло было перерезано, а голову прибивал к стволу березы огромный железнодорожный костыль.

Насмерть перепуганная Тэм металась по гостиной. Она успела закрыть все двери. Единственное, что она могла говорить, это было имя ребенка:

— Реджи, Реджи, Реджи,— шептала женщина,— ну где же ты? Где же ты?

Вдруг с хрустом рассыпалось огромное стекло, отделяющее дом от веранды. В комнату влетел труп дедушки Реджи. Его голова едва болталась на перегибе позвоночника. Изо рта капала кровь.

Не в силах больше оставаться в доме, Тэм выскочила во двор, где бушевал безжалостный ливень. Она заметалась по двору, пытаясь найти мальчика, пытаясь хоть как-то, хоть на минуту, на секунду, собраться и прийти в

Безжалостный убийца шел по двору, приближаясь к женщине. Он понимал, что эти жертвы никуда от него не уйдут. Что скрыться им негде. Что сейчас он — хозяин. И что его сверкающий тесак сделает свою кровавую работу, расправившись с этими двумя, последними из живых в этой лечебнице.

— Реджи,— кричала Тэм, убегая от настигающей ее смерти,— Реджи, убегай! Он здесь!

Тэм споткнулась о камень и упала в лужу. Она попыталась встать, но ноги скользили по раскисшей грязи. Она принялась ползти, а убийца все настигал ее. Он спокойно приближался к ней, неторопливо помахивая острым тесаком. Тэм ползла, захватывая в пригоршни опавшие листья. Дождь хлестал по ней, но женщина не замечала ничего, кроме приближающейся смерти.

Наконец, поняв, что уже ничто не спасет ее, и преследователь совсем уже близко, Тэм замерла. Она не отрываясь смотрела на приближающуюся к ней маску, в которой не было ничего человеческого, ни сожаления, ни ненависти, ни злости. Это было воплощение самой смерти — оскал черепа.

Убийца остановился над своей жертвой. Он взял тесак в две руки и высоко вознес над головой сверкающее лезвие.

— Нет! — закричала Тэм, закрыв глаза.— Нет!

Она представляла себе, что тесак сейчас висит над ней

и вот-вот вонзится в ее горло. Но тут невдалеке взревел мощный дизель, и в щепки разлетелась дощатая стена сарая. Сноп света ударил в лицо безжалостному убийце. На него летел, разбрызгивая грязь и воду, мощный погрузчик. Его ковш хищно ощеривался зубьями. Убийца прикрылся от слепящего света рукой с тесаком и отступил на один шаг.

Тэм успела перевернуться набок и откатилась в сторону. Она увидела, что за рулем погрузчика сидит Реджи в своем красном спортивном костюме. Еще мгновение, и зубья погрузчика подцепили убийцу и отбросили его в сторону. Тело грузно плюхнулось в грязь и застыло.

Уверенный, что он навсегда покончил с убийцей, Реджи спрыгнул и помог Тэм подняться. Она, рыдая, обняла мальчика, осыпая поцелуями своего спасителя. Вместе они стояли,

обнявшись, под проливным дождем и не замечали ничего вокруг. Все звуки для них заглушал рокот мощного дизеля.

— Мальчик мой, дорогой Реджи,— шептала Тэм,— ты спас меня...

— Успокойся,— уговаривал ее Реджи, сам еле сдерживая рыдания.

Вдруг, как много раз уже было до этого, безжалостный убийца ожил. Он рванулся и схватил негритенка за ноги. Тэм, вскрикнув, уцепилась за Реджи и стала его

неистово вырывать из смертельных объятий убийцы

Мальчик кричал:

Тэм, помог и мне! Он утащит меня!

Держись, Реджи! кричала женщина и что есть силы тащила негритенка к себе.

Ее ноги скользили в грязи и она ничего не могла поделать против сильного убийцы. Наконец, изловчившись Тэм острым каблуком нанесла сильный удар прямо в глазницу маски. Убийца захрипел и разжал руки. Тэм, схватив мальчика, покатилась по грязи. Убийца приподнялся на локтях и стал слепо шарить вокруг, разыскивая смертоносное оружие, остро отточенный тесак.

Тэм вскочила и, увлекая мальчика за собой, бросилась убегать. Они бежали, не оборачиваясь, понимая, что убийца идет следом. Впереди маячил пролом в стене сарая. Тэм и Реджи вбежали внутрь него.

Убийца, корчась от боли, припадая на одну ногу, брел к сараю. Он с недоумением смотрел на свою окровавленную руку. Из его живота сочилась густая липкая кровь... Но ничто не могло остановить озверевшего, ненасытного убийцу. Он неумолимо настигал свои жертвы.

Безжалостный убийца несколько минут блуждал по огромному сараю, принюхиваясь и присматриваясь. Он осторожно озирался, поворачивая в разные стороны голову в пластиковой маске хоккейного вратаря. Его рука крепко сжимала огромный сверкающий тесак. Наконец, он уловил какой-то странный и непонятный шум в брошенной будке автофургона.

Убийца Роджер приблизился к двери будки, положил свою могучую руку на дверную ручку и рванул на себя. Дверь открылась. Убийца Роджер отпрянул в сторону, прямо перед ним с бензопилой в руках стояла Тэм. Зубья пилы сверкали. Мотор гудел.

Началась битва.

Роджер отмахивался острым тесаком от тяжелой бензопилы, с которой на него наступала Тэм. Мотор пронзительно звенел,

сыпались искры, когда бензопила соприкасалась с тесаком, крошился металл. Разъяренная женщина наступала. А Роджер отходил к стене. Казалось, еще мгновение, еще несколько секунд, и безжалостный убийца упрется спиной в стену, и бензопила разрежет

его тело на части.

Реджи, глядя с чердака на этот поединок, поддерживал криками Тэм.

— Давай, давай, Тэм! Убей его! Убей этого мерзавца! Убей эту сволочь! Убей, убей гада!

Пила, выщербливая тесак, натужно звенела. Роджер едва успевал отмахиваться от наседавшей на него разъяренной женщины. Наконец, Тэм изловчилась и, отведя пилу в сторону, ловко отбила удар тесака. А после этого мгновенно полоснула бензопилой по руке убийцы. Комбинезон безжалостного убийцы разорвался. Из раны брызнула кровь. Безжалостный убийца скорчился от боли, упал на колени, уронил свой тесак, а другой рукой попытался зажать огромную кровоточащую рану на предплечьи.

Тэм радостно занесла бензопилу над головой, чтобы опустить на тело безжалостного убийцы. Но пила взвизгнула и остановилась. Заглох мотор. Тэм недоуменно посмотрела на бензопилу, диски которой перестали вращаться. Она попыталась вновь ее завести, судорожно дернув шнур стартера, но это не помогло.

А убийца уже поднимался на ноги.

— Нет, нет, нет! Я не хочу умирать! — закричала Тэм,— Нет!

Убийца, ослабевший, но не потерявший желания убивать, поднимал руку с тесаком. Женщина бросила в него бензопилой. Веселый Роджер покачнулся и упал. Но этих секунд хватило Тэм, чтобы броситься прочь по приставной лестнице, на чердак. Туда, где прятался двенадцатилетний Реджи, который с замиранием сердца следил за сценой смертельной битвы.

Безжалостный убийца уже направился к приставной лестнице, чтобы взобраться на чердак и там прикончить мальчика и женщину. Но в это время из дождя, в свете молнии, в огромном щербатом проеме появилась фигура.

— Томми! Томми! — закричал негритенок,— Убегай! Убегай! Эта сволочь тебя сейчас убьет! Убегай!

Мокрый Томми смотрел на безжалостного убийцу, который уже оставил мысль, что надо сейчас и немедленно прикончить мальчишку и женщину. Роджер разворачивался к парню.

Томми с удивлением смотрел на ту самую пластиковую маску, которая не давала ему покоя в его видениях. Она была

теперь реальной, она материализовалась. Все кошмары стали явью, и вот ему предстояло схватиться и победить безжалостного убийцу. Победить или умереть — выбора не было.

— Томми, убегай! — отчаянно кричал Реджи.

Ему вторила Тэм:

— Он же убьет тебя! Томми, убегай! Прячься в лесу. Но Томми ничего не отвечал, он, не мигая и немного

растерянно, смотрел на приближавшегося Веселого Роджера.

— Это ты,— еле слышно сказал он, — я тебя узнал... Ты — убийца! И я должен покончить с тобой.

— Томми, не надо, не подходи! — в один голос кричали Тэм и Реджи.

— Ты должен умереть! — твердо сказал парень и сжал кулаки.

Убийца приближался к нему, как будто и не было на его теле зияющих и кровоточащих ран. Уверенно и неумолимо.

— Умри, Роджер! — проговорил Томми.

Но тут убийца взмахнул своим тесаком и бросил его в парня. Сталь полоснула по груди, и Томми навзничь упал на солому. Роджер наклонился, поднял свой тесак и занес его над головой. Но Томми незаметно засунул руку в карман джинсов и вытащил свой охотничий нож. Щелкнула пружина, и лезвие глубоко вошло в бедро убийцы. Тот покачнулся. Тесак, просвистев, опустился рядом с шеей Томми.

Роджер, схватившись за бедро, завалился набок. Томми что есть силы стал отползать в сторону.

— Томми, сюда! Беги к нам! Забирайся наверх! — кричала Тэм.

Томми, шатаясь побрел к приставной лестнице. Одной рукой, зажимая рану на груди, он карабкался вверх.

— Быстрей! Томми! — кричала Тэм.

— Я стараюсь как могу...— хрипел юноша, преодолевая одну ступеньку за другой.

А в это время убийца Роджер вновь оживал. Он вырвал нож из раны и отбросил его. Его рука вновь сжала рукоять тяжелого остро отточенного тесака, и он, шатаясь, побрел вслед ускользающей жертве.

Томми карабкался наверх.. Лестница скрипела. Навстречу ему тянула руки Тэм:

— Скорее! Ну скорее! Он настигнет тебя и убьет!

— Я...— хрипел Томми, карабкаясь вверх, успею,

он не догонит.

А Роджер уже заносил ногу на первую ступеньку

лестницы. „

— Ты можешь, Томми,— говорила Тэм,— ну давай, давай сюда руку!

Их пальцы встретились. Тэм крепко схватила протянутую руку Томми и, упираясь, что есть силы, принялась втягивать его наверх. Обессиленный юноша вполз на чердак.

По этой же лестнице забрался на чердак и Веселый Роджер. Прямо у его ног лежал потерявший сознание Томми. Убийца осмотрелся. Женщины и ребенка нигде не было видно. Оставив, истекающего кровью парня, лежать на соломе, убийца принялся рыскать по чердаку. Он раскидывал тюки соломы, но никого не находил. На какое-то мгновение он замер перед раскрытыми дверями чердака, за которыми хлестал чудовищной силы ливень. И тут боковым зрением он увидел, как за стойкой перекрытий мелькнула красная куртка Реджи.

Убийца хмыкнул и сделал шаг навстречу негритенку. Тяжелый тесак, описав стремительную дугу, сокрушил одну из балок перекрытия. Негритенок отпрянул за тюк соломы, судорожно пытаясь спрятаться. Убийца неумолимо надвигался.

Но в это время Тэм тяжелой палкой ударила убийцу по плечу. Тот обернулся — перед ним стояла женщина. Остро отточенный тесак сверкнул и описал дугу, но Тэм смогла парировать удар палкой. Еще удар, и тесак выбил оружие из рук женщины. Она, шатаясь и ища выход, начала отступать к проему. Когда она взглянула вниз, то увидела, что там, на улице, прямо под стеной, сложены огромные бороны, перевернутые зубьями вверх. Холод смерти прошел по ее телу. Она представила себя летящей вниз, и эти острые стальные зубья распарывают ее тело во многих местах. Она содрогнулась от страха и сжалась.

А убийца Роджер неспешно приближался к ней. Он знал, что теперь никто и ничто не спасет этих людей от смерти. Еще он знал, что первой из этих троих умрет белокурая женщина. Он это уже решил для себя твердо.

Еще он решил не использовать для убийства секач. Ему надоело кромсать тела. Он решил задушить женщину руками. Он сделал шаг к ней, раскинул руки в стороны и бросился на нее. Но Тэм увернулась, пригнувшись, прошла у него под рукой. И убийца Роджер, не успев остановиться, шатнулся и вывалился в открытый люк чердака. Тэм и двенадцатилетний Реджи облегченно вздохнули. Они поняли, что теперь убийце наконец-то смерть, что никто не сможет выжить, упав на острые зубья борон. Они несколько секунд обнимались, тесно прижавшись друг к другу. Слезы радости и облегчения текли по их лицам. И мальчик, и женщина дрожали, пытаясь перевести дыхание.

Наконец, они приблизились к краю, чтобы взглянуть на

убийцу, на его растерзанное тело. Тэм осторожно приближалась все ближе и ближе к краю. Реджи испуганно жался к ее ногам.

Но тут из темноты взметнулась вверх окровавленная рука убийцы, который висел, удерживаясь за доску на обшивке сарая. Рука намертво сжала ногу негритенка, и Тэм, упираясь изо всех сил, старалась удержать Реджи. Тэм кричала:

— Нет! Нет! Этого не может быть! На помощь! Помогите!

Она сама не знала кого зовет, поскольку давно считала Томми мертвым.

Негритенок верещал, брыкался, но убийца тянул его к себе. От криков Томми очнулся. Он какое-то время лежал, не понимая, где и почему он здесь находится. Но вскоре сообразил. Его рука потянулась к брошенному убийцей тесаку. Томми, превозмогая боль, придерживаясь за балки, пробрался к обессиленной Тэм, которая еле-еле еще удерживала в своих руках ребенка. Он вознес над головой тесак и тяжело его опустил прямо на руки убийцы, сжимавшего ноги ребенка. Раздался хруст костей, и Тэм сумела-таки вырвать мальчика. Они вместе, обнявшись с Реджи, покатились на солому.

Убийца взмахнул обрубками рук и исчез в темноте. Снизу раздались его страшный крик и звук удара, хруст костей, предсмертный булькающий хрип. Убийца давился собственной кровью, корчась на стальных зубьях перевернутой бороны.

— Он вновь придет! — в истерике кричала Тэм.

— Нет,— успокаивал ее Томми.— Этого не может быть. Он теперь мертв.

— Нет, он придет! Я знаю! — кричала Тэм.

Реджи корчился на полу, обхватив руками ногу, на которой болталась сжатая в смертельной хватке отсеченная рука Веселого Роджера.

— Тэм, успокойся,— шептал Томми,— посмотри, он
мертв.

Женщина, неуверенно ступая, подошла к дверям чердака, за которыми хлестал дождь. Она глянула вниз. Ярко освещенный прожектором, укрепленным на крыше сарая, лежал убийца. Из его тела торчали острые зуоья бороны. Пластиковая маска валялась рядом в грязной луже.

Тэм и Томми с удивлением смотрели на впервые открывшееся им лицо убийцы-маньяка. Это был полицейский Рой, так испугавшийся при виде крови убитого толстяка Джоя.

— Этого не может быть,— шепнула Тэм.

— Как видишь,— Томми устало опустился на солому.— Я тоже не могу в это поверить.

Только мальчишка Реджи улыбался, веря, что опасность

миновала навсегда.

Тэм и Реджи на коленях сидела в приемном покое больницы. Дежурная сестра полировала пилкой ногти. Она с удивлением смотрела на насмерть перепуганную молодую женщину, на чернокожего ребенка, который уснул у нее на коленях, и во сне вздрагивал и выкрикивал какие-то проклятья.

Белокурая женщина все время гладила его по голове и шептала:

— Реджи, Реджи, успокойся. Все окончилось, успокойся. Все будет хорошо.

Ребенок от звука ее голоса засыпал, но через несколько минут вновь подхватывался и выкрикивал ужасные проклятья в адрес какого-то ужасного, безжалостного убийцы.

Послышались шаги, дежурная сестра глянула вглубь коридора. Там, в окружении двух инспекторов, шел шериф.

Шериф Мэтью приблизился к Тэм.

— Ну как вы? Уже лучше?

— Да, шериф. Уже лучше.

Полицейский присел на край кушетки, прикоснулся к голове Реджи и сказал:

— Очень храбрый ребенок. Очень храбрый. Я никогда не думал, что в таком возрасте дети могут быть настолько отчаянными и смелыми.

Тэм ничего не отвечала, она смотрела в белую стену.

Инспектор расстегнул небольшое кожаное портмоне.

— Мы это нашли на теле Роя, который выдавал себя за воскресшего убийцу Веселого Роджера.

Он показал Тэм фотографию.

— Узнаете? Это тот мальчик, Джой, ваш пациент, которого убил Вик. Как выяснилось, это сын Роя, и он решил всем вам отомстить за смерть своего ребенка Он никогда никому ничего не рассказывал. Он был очень скрытным человеком. И никто из нас не мог заподозрить что полицейский может быть таким безжалостным убийцей. Мы также нашли и вот это.

Шериф развернул промокшие вырезки из разных газет. На пожелтевшей бумаге были фотографии убийцы Роджера.

— Он использовал маску этого убийцы.

Женщина согласно кивала головой, ей в общем-то

было все равно кем на самом деле был этот убийца: воскресшим Роджером или кем-то, кто только использовал его маску.

Шериф, поняв, что лучше всего будет оставить Тэм в покое, медленно поднялся и пошел по коридору. Он приблизился к палате и приоткрыл дверь. Через узкую щелочку он увидел, как

на большой с гидравлическим прессом кровати лежит под капельницей Томми, как мерно он дышит, погруженный в сон.

Сиделка, увидев шерифа, сказала, приложив указательный палец к губам:

— Я сейчас, шериф. Если вам что-нибудь нужно, поговорим на коридоре. Не нужно его беспокоить.

Сиделка осторожно встала и вышла в коридор, где сбивчиво рассказала о состоянии здоровья ее пациента.

— Он очень нервничает, этот парень.

— Конечно,— сказал шериф.— Я понимаю.

— У него была страшная ночь, даже со здоровыми нервами тяжело пережить такое,— говорила сиделка.— А тут еще расшатанная психика. Я боюсь, что когда парень придет в себя, ему станет еще хуже.

— Но ничего,— промолвил шериф.— Главное уже позади. Я чуть не тронулся рассудком, я понимаете, начал верить, что в самом деле воскрес этот ужасный убийца Роджер. А теперь все нашло свое объяснение, и теперь больше в округе никому ничего не угрожает.

Сиделка согласно закивала головой.

Томми лежал в палате. Он не спал, как думала сиделка, покидая его для разговора с шерифом. Он просто, прикрыв глаза, лежал, боясь, что его начнут о чем-ниоудь спрашивать. Томми, не отрываясь, смотрел в оелую стен\.

Наконец, устав от этого утомительного занятия, он прикрыл глаза и, как показалось ему, на какое-то время задремал.

Когда он очнулся, чувство неуверенности и тревоги вернулось к нему. Он вновь раскрыл глаза. Прямо над ним стоял, выпрямившись во весь свой огромный рост Веселый Роджер. На нем была расколотая пластиковая маска с ужасным оскалом.

— Нет, нет,— зашептал Томми.— Этого не может быть. Ты мертв. Умри, Роджер. Умри, Роджер.

Томми в неистовстве сбрасывал с себя датчики, выдернул иголку от капельницы и сжал виски ладонями.

— Ты мертв, Роджер. Этого не может быть.

Он все сильнее сжимал свою голову руками, пытаясь избавиться от навязчивого видения. Но оно не пропадало. Роджер неподвижно стоял, нависая над ним. Правая рука убийцы начала возносить над парнем остро отточенный клинок тесака.

— Нет,— напряг всю свою волю Томми.— Этого не может быть. Ты мертв.

Видение начало расплываться, и вновь перед Томми была ровно побеленная стена.

— Но я же видел его,— сказал сам себе парень.— Я знаю, что он жив. Он ушел ненадолго, он еще вернется. Вернется сеять смерть, и я должен остановить его.

ЧАСТЬ III

РОДЖЕР ЖИВ

Темной летней дождливой ночью, когда уже гремел раскатистый гром и сыпал дождь, Томми и его друг Джойс мчались в машине по лесной дороге к заброшенному пригородному кладбищу. Туда, где был похоронен, по сообщениям всех газет и телевидения, страшный убийца Веселый Роджер, который терроризировал несколько лет тому назад Детройт и его окрестности.

Парни внимательно следили за дорогой. Клубился туман, ветер гнал облетевшую листву по асфальту. Фары выхватили голодного волка, который лизал кровь из раздавленного зайца, неосторожно выскочившего на дорогу[7] и попавшего под колеса тяжелого трейлера.

Томми содрогнулся при виде того, как хищник, напуганный их машиной, бросился в кусты, *унося* в зубах кусок окровавленного зайца.

Призрачный лес шевелил мохнатыми ветвями вековых елей. Туман медленно вытекал из-за толстых стволов на ровно заасфальтированную дорогу. В промежутке между деревьями блеснула и погасла гладь Хрустального озера, покрытого, как клочьями ваты, рваным туманом.

— А здесь красиво,— сказал Джойс, толкая под бок Томми.— Ты никогда мне не рассказывал, что здесь такие чудесные места.

— Знаешь что, Джойс,— оборвал его приятель, мне некогда было смотреть на здешние красоты, я оыл занят другим.

— Ну, конечно,— забарабанил ладонями по приоор-ной панели Джойс.— Это только всем ты рассказываешь, что тут сражался со страшным убийцей, который на

поверку оказался сошедшим с ума полицейским. А на самом деле, ты тут трахался с этими придурковатыми девками из лечебницы. Признайся, как они тебе?

— Да иди ты,— Томми еще сильнее вцепился в руль машины.

Недобрые предчувствия охватили его душу.

— А как тебе эта гадость, волчара с поджатым хвостом? Представляешь, вот он бы мог кого-нибудь из нас поволочь в кусты и там растерзать, и наши кишки волок бы в зубах, а они болтались у него из вонючей пасти. А, Томми? Как тебе такое?

— Перестань молоть чепуху. Перестань, все будет нормально.

Но весельчак Джойс не унимался.

— А ты представляешь, если бы ты встретился с этим волком один на один. Небось бы в штаны наложил.

— Представляю. Навряд ли бы я наложил в штаны. Я бы так быстро убегал, что мне было бы не до этого.

— Нет, ну а если бы он тебя догнал?

— А, если бы догнал, я бы спрятался на дереве.

— Ну, а если бы он тебе не дал залезть на дерево? — не унимался весельчак Джойс.

— Ну знаешь, такой ночью лучше про это не думать. Давай сосредоточимся на том деле, которое нам надо сделать.

— И пришла же тебе в голову такая глупая мысль, вскрывать могилу, с этим идиотом. Зачем тебе это?

— Я хочу убедиться, что он действительно мертв. Что это правда.

— Неужели тебе недостаточно сообщений в газетах.

— Да я не верю никаким газетам.

— Ну может и правильно, газетам и я не очень доверяю. Они вечно напишут одно, а на самом деле происходит другое. Вот журналисты, до чего гнусные люди. Вечно врут.

— Да, журналисты врут, и я им не верю.

— Ну и правильно делаешь, и я им не верю. А мне ты веришь, Томми?

— Тебе,— Томми оторвал взгляд от дороги и посмотрел на своего приятеля.

Джойс весело ухмылялся.

— Хм. Набрали мы с тобой всяких железяк: лопат, ломик, гвоздодер. Зачем нам все это, зачем нам копаться в вонючей могиле.

— Это надо сделать.

Нет. Я понимаю, что надо. Ну а может, ну его. Развернемся, поедем, выпьем немного, отдохнем.

— Знаешь, Джойс, я уже наотдыхался в разных лечебницах. И сейчас хочу только одного — убедиться в том, что Роджер мертв, что его нет среди живых.

— Ну убедимся, а что потом?

— А вот потом поедем и отдохнем.

— Ну ладно, Томми, я еду только ради тебя. Я очень хочу, чтобы ты избавился от своих кошмаров, и если тебе это поможет, то тогда я буду просто счастлив, тогда мы с тобой поедем куда-нибудь отдыхать. Закатимся с хорошенькими девчонками. Ты каких любишь: блондинок или брюнеток?

— Знаешь, мне сейчас не до этого. Вообще, мне все равно.

— А я люблю толстых блондинок. Ну таких, чтоб было за что подержаться, чтоб там и груди были, как положено, и бедра. Ну и

чтоб веселые, самое главное. Не люблю зануд. А тебе нравятся зануды?

— Слушай, Джойс, ты сам превращаешься в зануду. Перестань разговаривать, сосредоточься.

— Ну ладно, ладно, я сосредоточился. Так над чем мы будем думать? Жив этот гад или не жив?

— Ну да, вот над этим и будем думать.

— О проклятье, еще туман. Сейчас дождь ввалит. Слушай, давай лучше поедем назад.

Томми не отвечал на замечания своего приятеля. Он, не сбавляя газа делал поворот за поворотом. И машина, петляя по лесной дороге, прорывалась сквозь туман к заброшенному кладбищу.

Наконец, Томми затормозил. Машина остановилась, и ребята, погрузив на плечи тяжелые заступы: лом, гвоздодер, прихватив с собой двадцатилитровую канистру с бензином, направились по узенькой аллее к заброшенному кладбищу.

В руках у них кроме заступов были карманные фонарики. Их неуверенный свет выхватывал то покосившийся крест, то ржавую ограду, то причудливый куст, похожий на мрачное хищное животное, изготовившееся к прыжку.

Джойс от холода и пронзительного ветра начал вздрагивать.

— Тьфу, черт, какая холодина. Хорошо, что ты одел меховую куртку. А я не додумался. Надо было еще и шапку теплую надеть. Такая холодина.

— Ладно, успокойся, скоро все закончится, и мы вернемся домой,— как-то неуверенно сказал Томми.

Наконец, они сориентировались на кладбище, и два слабых луча фонарика выхватили низенький надмогильный камень, на котором темнело слово: «Роджер». Ни фамилии, ни даты рождения, ни даты смерти не было на этом памятнике. Его поставил кладбищенский сторож. Просто для того, чтобы можно было приводить сюда любопытных туристов и показывать им знаменитую могилу убийцы-маньяка. За это сторож всегда получал хорошие чаевые и имел на что выпить.

— А это что за гадость ты с собой прихватил? — встрепенулся Джойс, показывая на пластиковую маску хоккейного вратаря, которую прятал за спиной Томми.

— Ты знаешь, я же собираю всякие страшные маски. Но эту я не делал сам. Она осталась мне в наследство от встречи с маньяком. Я хочу ему ее вернуть. Может потому, что эта маска всегда при мне, ко мне и приходят страшные ужасные видения.

— Да ну тебя, ты какой-то фаталист,— сказал Джойс.— Вот я бы никогда сам не додумался ехать ночью на кладбище копать

могилу. Да еще по такой погоде. Хоть бы день был, солнце.

— Да уймись ты.

Томми бросил недовольный взгляд на своего приятеля.

— Ты бы вообще сидел дома и ничего не делал. Все что ты делаешь существенного в жизни, это из-за меня. Я тебе подбрасываю идеи. А так, ты бы до конца жизни прятался за широкой спиной своего богатенького отца и транжирил его деньги на толстых блондинок. А так хоть будет тебе о чем вспомнить. Когда-нибудь расскажешь детям, как раскапывал могилу и взламывал гроб страшного маньяка-убийцы.

— Да нет,— сказал Джойс,— чтоб мне было страшно, я не скажу. И до детей своих доживу вряд ли. Вот какой-нибудь девчонке, когда останемся в темной комнате, я обязательно расскажу про эту историю. Вот она перепугается. Представляешь, Томми, как она ночью будет трястись и прижиматься ко мне своим пухлым животом и круглыми грудями? А? Представляешь, как она будет тереться и возбуждать меня от ужаса.

— Да, представляю. Действительно, она будет дрожать от ужаса. Да я вижу, что и ты дрожишь.

— Я? Я? — возмутился Джойс.— Да это я от холода.

Ты посмотри, какой мерзкий ветер, какой дождь! Сейчас как польет, так мы с тобой здесь потонем, не то что могилу откопаем.

— Не волнуйся, не утонем.

Нет, утонем. Выкопаем яму, пойдет дождь, и мы там утонем, как две серые жабы. И назавтра сторож найдет в этой могиле два трупа: твой и мой. Мы будем плавать, распластавшись в грязной вонючей луже. А все будут говорить, что это Роджер ожил и замочил двух ребят. Представляешь?

— Да, очень смешно,— сказал Томми,— очень смешно. Фантазия у тебя работает как надо. Вот это ты и расскажешь своей толстой потной блондинке, хорошо?

— Хорошо. Я бы сейчас с удовольствием прижался к какой-нибудь потной блондинке. Вместо того, чтобы шлепать по вонючим лужам, тем более раскапывать гнусную могилу этого ублюдка и мерзавца Роджера. Ну ладно, Томми, может, поехали? Видел ты его могилу. Видишь, никуда он не вылез, лежит себе спокойно под камнем. Поехали, ну его к черту!

Вся веселость Джойса сразу прошла, когда он увидел, с каким серьезным видом Томми воткнул лопату в мокрый надмогильный холм. Джойс, чтобы не смотреть на то, как его приятель, спеша раскапывает могилу, начал шарить фонариком вокруг. Луч выхватывал из темноты то одно надгробие, то другое. С мрачного черного гранита на парней смотрело одутловатое лицо херувима с крылышками. На следующем надгробии, залитая дождем, как

бы вся в слезах, стояла дева Мария. Она наставительно поднимала руку, будто советовала: «Ребята, остановитесь, уходите отсюда, пока не поздно, уходите!»

Джойс внял этому безмолвному приказу.

— Слушай, Томми, давай бросим все. Ну ты же видишь: стоит могила, стоит надгробие. Все нормально. Все в порядке. Брось вот в эту маленькую ямку пластиковую гадость, закопай и пошли отсюда. Пошли! Как-то мне не хорошо. У меня сердце в пятки уходит.

— Я тебя не звал с собой. Ты сам вызвался ехать.

Если хочешь, можешь вернуться и сидеть в машине. А я сделаю то, ради чего приехал. ˆ

— Ну ладно, ладно, успокойся. А то потом оудешь всем рассказывать, что я испугался и наделал * шганы.

Ладно, помогу тебе.

Джойс взял в руки тяжелую лопату и неуверенно ковырнул землю. Чем глубже проникал в кладоищенскую землю Томми, тем тревожнее становилось у него на душе. Он и впрямь готов был уже бросить в эту недокопанную яму пластиковую маску и скорее убраться с кладбища. Но он не мог себе этого позволить, как мог себе позволить беспечный Джойс. Иначе кошмарные видения никогда не отпустили бы его. Ему нужно было увериться, что Роджер мертв. Что он лежит, разложившийся, тут, в полуметре оставшейся невыкопанной земли. Что он гниет, изъеденный червями и плесенью.

Лил дождь, полыхали вспышки молний. Казалось, вся природа разъярилась на нарушителей кладбищенского спокойствия.

— Да что ты держишь эту дрянь! — возмутился Джойс, показывая на пластиковую маску, болтавшуюся на плече приятеля.— Брось ее, или ты собираешься передать ее из рук в руки своему Веселому Роджеру?

Томми, послушавшись приятеля, отбросил маску в сторону, на самый край разрытой могилы и продолжал неистово копать землю. Вскоре лезвие лопаты заскребло по доскам гроба.

Томми аккуратно счистил землю с крышки.

— Ну что, убедился?! — кричал ему Джойс, который на всякий случай выбрался из могилы.— Лежит себе гроб в полном порядке. Видишь, гвоздями заколочен. Давай, поехали отсюда скорее!

Но Томми стоял, широко расставив ноги на крышке гроба.

— Дай гвоздодер,— мрачно сказал Томми и протянул руку.

Джойс обхватил себя за мерзнущие плечи и сказал:

— Ты что, собираешься открывать крышку?! Смотреть на эту

гадость?!

— Дай гвоздодер,— твердо проговорил Томми.

И Джойс, поняв, что шутить с приятелем сейчас небезопасно, начал копаться в сумке, разыскивая инструмент. Не подходя близко к приятелю, он бросил ему тяжелый гвоздодер с рифленой резиновой ручкой.

Томми возился, пытаясь выдрать гвозди, сильно засевшие в мокрых досках. Наконец, поняв, что ему это не удастся сделать, Томми всадил острие лопаты под крышку и налег на нее всем телом. Глухо запищали гвозди, выходя из насыщенной влагой древесины.

— Мне очень не нравится все это,— неустанно шептал Джойс, оглядываясь по сторонам.

Он смотрел, как его приятель старается откинуть неподатливую крышку гроба.

— Да помоги же ты! — крикнул ему Томми.

И Джойс неохотно, не залезая в могилу, подсунул свою лопату с другой стороны.

Заскрежетал металл. И тогда, уцепившись двумя руками за крышку гроба, Томми отбросил ее.

Из гроба пахнуло тленом и тяжелый смрад ударил в нос Джойсу. Джойс поморщился и зашептал:

— Фу, фу, какая гадость, какая мерзость, какая зонь! Вылазь, скорее из этой могилы, а то мы провоняемся, и будем сами как мертвецы. Томми, вылезай, вылезай!

Джойс попытался вытащить своего приятеля из ямы. Но Томми стоял, рассматривая то, что покоилось в дубовом гробу.

— Посвети мне, посвети скорее, я хочу увидеть.

Джойс покорно взял фонарь и направил его луч в

глубину ямы. То, что они увидели, заставило их содрогнуться. Полуистлевший, разложившийся труп предстал перед их взором. По голове, которая потеряла все свои формы, ползали толстые белые черви. Они копошились, и лицо мертвеца казалось живым. Еще Джойсу показалось, это только маска, которая скрывает что-то твердое, что прячется там, под копошащимися червями, под этим гноем и истлевшим, разложившимся мясом. Он содрогнулся, едва удержав позыв к рвоте. Ему сделалось плохо. Он поднял голову к небу, которое распороло вспышка молнии. Капли дождя упали на лицо. И парню на какое-то мгновение сделалось легче. Холод остудил его разгоряченное воображение, он немного успокоился.

Томми выбрался из ямы, стал на край могилы и с удовлетворением заглянул внутрь. Его явно успокоило то, что он увидел. Роджер, действительно был мертв. И черви, копошащиеся

по истлевшему трупу, лучше всяких слов подтверждали его надежду. Серая, густая, как шерсть доисторического животного, паутина опутывала труп. И по этой паутине, и под ней шевелились толстые черви. Казалось, что вся эта серая масса жива, что она дышит, содрогается и шевелится.

— Томми, Томми, бежим отсюда! Ну его к чертям собачьим! Бежим скорее, мне страшно! Мне очень страшно, у меня сердце ушло в пятки. Канючил Джойс.

Но Томми его не слушал. Он отошел на несколько шагов от края могилы, нашел пластиковую маску, вернулся на прежнее место, снова посмотрел в могилу и небрежно швырнул туда кусок пластика, маску хоккейного вратаря.

А потом, отбежав на десяток метров, остановился у высокой ржавой ограды. Он начал раскачивать руками один из прутьев, и тот с хрустом оторвался.

— Томми, Томми, что ты творишь? Что ты делаешь? Одумайся! — кричал Джойс, пытаясь остановить приятеля.

Но Томми завелся. Он снова встал на край могилы, взмахнул тяжелым граненым стальным прутом и глубоко вонзил его в истлевшее тело убийцы Роджера. Еще сильнее пахнуло смрадом. Полетела сухая, непонятная пыль. Томми несколько раз выдернул и вновь вонзил в тело Веселого Роджера свое страшное оружие.

Тело от ударов содрогнулось. Наконец, оставив это занятие, Томми побежал к канистре с бензином.

— Получай, получай, сволочь! Получай то, что заслужил! Получай, я рассчитаюсь за всех и за все с тобой! Мерзость, мерзость ходячая! Я тебе никогда не прощу того, что ты сотворил со мной, не прощу! — неистово шептал Томми, срывая крышку с канистры.

— Томми, Томми, ну давай уйдем отсюда, скорее уйдем! Скорее!

А черное грозовое небо все чаще и чаще вспарывали сполохи молний. Сверкающий синий свет заливал кладбище. И все вокруг казалось мертвенно страшным и до ужаса пугающим.

— Ну давай уйдем, я прошу тебя, уйдем!

— Подожди, подожди, дай я закончу дело, и мы уйдем,— упрямо говорил Томми.

От ударов тяжелого железного прута, выдранного из ограды, черви осыпались с истлевшей головы убийцы Роджера.

— Уймись, Томми! — кричал Джойс.

— Нет, я должен с ним рассчитаться до конца! Я должен быть уверен, что он больше не поднимется из могилы и не пойдет сеять смерть,— говорил Томми, никак не справляясь с туго насаженной крышкой канистры.

В этот момент небо, казалось, разорвалось пополам. Огненный росчерк молнии обрушился совсем рядом от них, прямо в развороченную могилу Роджера.

Парни от яркого света и грохота упали на землю. Из-под руки Томми увидел, как раскалился добела прут ограды, всаженный в мертвеца. Посыпались искры, пахнуло паленой плотью, повалил пар от мокрого песка выброшенного из могилы.

— О, черт! — прохрипел Джойс.— О, черт, ну и представление!

Но не успели ребята подняться на ноги, как еще одна молния снова попала в то же самое место. Казалось, ужасный мертвец-убийца притягивает к себе небесные силы. Снова вспыхнул белым светом металлический прут. Вновь полетели искры, и с грохотом обрушились огромные сухие ветви близлежащих деревьев.

Оправившись от испуга, Томми подхватился и подбежал к еще дымящемуся металлическому пруту. Он пе решался схватиться за раскаленный металл голыми руками. Покопавшись в карманах, он вытащил пару замшевых перчаток и, натянув их на руки, схватился за железо. Перчатки дымились, но не обращая на это внимания, Томми вырывал из мертвеца глубоко засевший прут.

Он не заметил, как среди копошащихся червей вдруг вздрогнуло и приоткрылось гнойное веко мергвеца-убийцы. И прямо на него глянул разъяренный, налитый кровью, безжалостный глаз.

— Томми, оставь мертвеца в покое! Пожалуйста, я прошу тебя! Давай уедем отсюда! Бросим так, и уедем. Что тебе еще нужно?! После этой молнии он точно не поднимется! — кричал Джойс, бегая вокруг разрытой могилы.

Но Томми не слушал его.

— Пожалуйста, не надо! Вылезай оттуда! У меня сейчас сердце разорвется.— Джойс склонился над самой могилой.

Он смотрел на приятеля, который, размахивая раскаленным прутом, стоял, широко расставив ноги на бортах гроба.

— Ну все! — крикнул Томми,— теперь можем ехать!

Он кинул перчатки прямо **в** открытый гроб и выбрался на край могилы. Но тут вслед ему потянулись огромные руки **мертвеца-убийцы.** Они были синие **и** еще дымились.

Томми вскрикнул и, цепляясь руками за осыпающийся песок, рухнул в, самим же им раскопанную, могилу. Джойс в ужасе закричал. Его лицо до неузнаваемости исказил ужас. Томми удалось на какое-то мгновение вырваться, и он на четвереньках пополз прочь от могилы. Но оттуда уже вылезал страшный мертвец-уоиица.

Томми схватил канистру с бензином и начал плескать, отступая, горючее на мертвеца. Тот неумолимо приближался к нему. В его движениях сквозило спокойствие и уверенность.

Ощутив, что канистра опустела, Томми отбросил ее в сторону и начал лихорадочно чиркать спичками, но под дождем они одна за другой гасли. И Томми с ужасом наблюдал, как из порванной и истлевшей куртки Роджера сыплются на землю жирные черви.

Но Джойс все-таки был другом Томми и он не мог позволить ему погибнуть такой ужасной смертью. С диким криком Джойс, сжимая в руках лопату, разбежался и ударил лезвием по голове Роджера.

Хрустнул черенок, и обломки лопаты отлетели в сторону. Роджер с усилием обернулся. Джойс недоуменно смотрел на короткий обломок черенка в своих руках. Мертвец-убийца взмахнул рукой, и страшной силы удар пришелся на грудь парня. Рука проломила ребра и вышла со спины Джойса. Парень, закинув голову назад, стал захлебываться кровью. Сжимая в руке окровавленное сердце, Роджер вытянул руку из своей жертвы и удовлетворенно посмотрел на нее, обагренную кровью. Там пульсировало еще трепещущее сердце. Другой рукой он толкнул безжизненное тело Джойса в разрытую могилу.

Джойс упал как раз туда, где еще несколько секунд назад неподвижно покоился Веселый Роджер. Крышка гроба глухо ударилась и закрыла парня.

Томми, истошно закричав, бросился убегать. Он мчался по лужам, старался перепрыгивать через корни деревьев и все-таки цеплялся за них. Он вскочил в машину и судорожно повернул ключ. Машина взревела и помчалась по проселочной дороге как можно дальше от этого страшного кладбища.

Убийца Роджер поднял с земли пластиковую маску хоккейного вратаря, удовлетворенно осмотрел ее и надел на голову, скрывая истлевшую плоть и копошащихся в глазницах червей. Теперь его налитые кровью глаза смотрели на мир сквозь узкие прорези маски. Он осмотрелся по сторонам и неторопливо, уверенно и мерно пошел через кладбище искать свою очередную жертву.

Ведь не для того его выкопали, чтобы он спокойно ходил по земле. Его делом было убивать и сеять смерть. Убийство — это было то, что он умел делать, это было его единственным предназначением на грешной земле.

Томми мчался на своей машине с включенными фарами, на полной скорости. Он выжимал из мотора все, что только можно. Он стремился как можно скорее уйти от этого проклятого кладбища. Убежать от убийцы Роджера, который неотвратимо,

одному ему известными дорогами, сокращая путь, преследовал Томми.

Машину с незаглушенным двигателем он бросил прямо у входа в полицейский участок. Широко распахнув одну из дверей, ударившись о другую, он влетел в кабинет шерифа, который, удобно устроившись в мягком вращающемся кресле, положив ноги в начищенных ботинках прямо на стол, чистил свой тяжелый полицейский кольт.

— Спасите, помогите мне! — врываясь в кабинет, кричал Томми.

Шериф мгновенно среагировал. Он вскочил и, зажав двумя руками свой кольт, направил его на парня.

— Стоять и ни с места! Руки вверх!

— Я... я... я,— Томми поднял руки вверх,— знаете, что случилось?! Страшный убийца Роджер жив! Он только что убил моего друга Джойса. Буквально несколько минут назад он убил моего друга! Спасите! Помогите! Его надо остановить! Он гонится за мной!

— Сумасшедший, угомонись! А то я сейчас твоими мозгами загажу весь кабинет, если ты не заткнешься! Какой убийца? Какой Роджер? Ты что, сумасшедший?! Парень, успокойся! Иначе, я тебя сам сейчас убью.

— Нет, нет, я говорю вам правду! Шериф, шериф, вслушайтесь в мои слова.

— Слушай, заткнись и успокойся! Давай разбираться спокойно.

— Ну слушайте же, шериф, сделайте что-нибудь!

Шериф поднял с пола тяжелый винчестер, который
лежал возле его ног и поставил в стенной шкаф.

— Шериф, поймите, мы с моим другом только что откопали его тело. Мы вскрыли могилу. И Роджер убил моего друга. Убил! Он вырвал его сердце! Я сам это видел! Я это помню!

— Слушай, парень, ты успокоишься в конце концов или нет? Или я, как и обещал, твоими мозгами забрызгаю весь свой кабинет! А мне этого не хочется делать, потому что буквально неделю назад здесь делали ремонт. Ви-дишь, какие хорошенькие и чистенькие обои. Видишь этот белый пластик?! Мне жаль его портить. Так что замолчи! Для начала скажи, кто ты?

Заикаясь и сбиваясь, Томми представился:

— Я Томми Чарлиз, я Томми Чарлиз, я Томми Чар-лиз...— как заведенный повторял парень.

Ну я понял, ты — Томми Чарлиз. Теперь заткнись, как я тебя и просил. Будем разбираться. Слушай, так это ты тот парень, который единственный из всех психов остался жив? В местной

психлечебнице? Да? Ты? Отвечай! Два года назад? Ты?

Томми задумался.

— Да, это я.

— А, ну тогда понятно. Тогда понятно! Сядь и успокойся. Почему это Роджер ожил? Я сам присутствовал на его торжественных похоронах.

И шериф хохотнул.

— Сделайте что-нибудь, шериф! Я вас прошу, я вас умоляю! Я вам приказываю!

— Слушай, ты кто такой, чтобы мне приказывать! Я вот сейчас сниму трубку, позвоню куда надо, и тебя снова упекут в психлечебницу. Ты этого от меня добиваешься, Томми Чарлиз? Этого? Такое мы можем быстро организовать.

В это время широко распахнулась дверь кабинета, и вошел один из полицейских. Он принес ужин.

— Ничего, Рик, заходи. Не надо извиняться. Этот парень утверждает, что Роджер жив. Что он воскрес и убил его приятеля. Представляешь?!

Рик, изумленно присвистнул, не понимая что ответить. Или посмеяться над словами своего шефа или посмеяться над парнем, который исступленно размахивал руками, исчерпав весь свой запас слов, убеждая шерифа предпринять хоть какие-то действия.

— Да это не вранье, не вранье! — как будто его прорвало, закричал Томми и бросился к стенному шкафу, выхватывая оттуда винчестер.

Шериф подбежал к Томми и вырвал винчестер. Тут на помощь подоспел и Рик. Он заломил руки Томми за спину и вопросительно посмотрел на своего шефа.

— Выслушайте меня, пожалуйста! Роджер убьет меня, убьет!

Но Рик уже затолкал Томми за ограждение для подследственных. Тяжелые железные решетки отгораживали угол кабинета шерифа. Там стояла деревянная лавка и узкий топчан. Томми колотился в запертую решетчатую дверь:

— Послушайте, шериф! Роджер обязательно причет сюда. Он найдет меня и убьет! Выпустите меня и пт,-мите хоть какие-нибудь меры.

Но Рик, навалившись плечом на двери, запирал замок еще на один оборот. Такая неистовая энергия исходила от Томми.

— Этот парень и впрямь сумасшедший...— шептал Рик.— Хорошо, шеф, что я подоспел, а то ны один могли и не справиться.

— Его нужно убить! — кричал Томми.

— Ха! — усмехнулся Рик.— Если, как ты утверждаешь, он мертвец и поднялся из могилы, то как можно убить мертвеца?

— Он ожил! — кричал Томми.— Его нужно убить!

Шериф Джексон посерьезнел и подошел к самой

решетке.

— Послушай, парень, мне в самом деле жаль, что два года назад погибли все твои друзья. И я рад, что ты остался жив. Но зачем ты создаешь себе и нам проблемы?! Согласись, с твоей головой не все в порядке.

— Да нет, я говорю вам правду,— настаивал Томми и бил кулаком в зарешеченную дверь.

— Все,— отрезал шериф,— люди должны забыть об этом Роджере, и не нужно им об этом напоминать. Ясно тебе или нет?!

Томми, устав бить кулаком о двери, затих.

— Ну вот, парень, теперь уже лучше. Ты полежи здесь, отдохни и успокойся. Может, придешь в норму. Я пока никуда сообщать не буду. Посмотрим, как ты будешь себя вести. Понял? — шериф погрозил Томми кулаком,— и постарайся успокоиться, парень.

— Ну пожалуйста, послушайте,— изменив свой прежний тон, заговорил Томми более спокойным тоном.

— Я не хочу слушать тебя! — сказал шериф,— иначе мне прийдется звонить в клинику. А я этого не хочу. Мне не нужны лишние проблемы. Поверь мне, парень, так будет лучше всем: тебе, мне и Рику.

_ Да, да, шеф,— закивал головой полный курчавый

Рик.

Он подбирал с пола, разбросанные во время короткой схватки, запакованные продукты.

— Ну ладно, заткнись, парень,— Рик сквозь решетку толкнул пятерней в грудь Томми, полежи, успокойся.

Томми неуверенно остановился на середине камеры.

— Вы пожалеете, еще пожалеете,— крикнул вдогонку полицейским Томми,— я вас предупредил. А теперь это ваше дело, на вашей совести будут следующие убийства.

Но шериф и Рик уже не слышали его. Они перешли в другой кабинет и занялись ужином. Крики задержанного не долетали до них через закрытые двери.

Томми устало покачнулся, опустился на топчан и обхватил голову руками.

По одной из дорог, которая пролегала невдалеке от пригородного кладбища с развороченной могилой убийцы Роджера, этой же ночью мчался автомобиль. За рулем сидела симпатичная Кэт. Она ехала со своим дружком по имени Боб.

Парень рассматривал карту округа, он водил пальцем по пересекающимся дорогам и никак не мог сообразить, где они

находятся в данный момент. Указатели, как всегда водится ночью, не совпадали с тем, что показывал спидометр автомобиля.

Девушка, довольная тем, что хоть сейчас она сможет поруководить своим дружком, крутила баранку. Впереди была еще длинная ночь. И Кэт ждала от этой ночи только хорошее.

Боб неудовлетворенно переворачивал карту в руках и так и эдак, силясь сообразить, в какую сторону ему лучше свернуть, чтобы как можно быстрее добраться до какого-нибудь кемпинга, где можно будет снять теплый, уютный домик и провести остаток этой ночи и утро с любимой девушкой.

— Слушай, Кэт, тебе не кажется, что нам лучше вернуться в лагерь. Что-то мы с тобой окончательно запутались,— говорил Боб.— Признай это, ведь запутались?

— Я никогда и ничего не признаю,— весело отмахнулась девушка.— Мы будем ехать дальше. Я могу признать что-либо,— снова засмеялась девушка,— только в присутствии моего адвоката, а его сейчас, как ты видишь с нами нет. Так что, будем продолжать путь.

— Ой, перестань, перестань. Давай лучше вернемся в лагерь. Там хоть как-то спокойнее. Потому что ни до какого кемпинга мы так и не доедем. Слушай, Кэт, мне кажется, что надо остановить машину, выйти на улицу и поднять истошный крик, чтобы хоть кто-нибудь пришел к нам на помощь.

Кэт резко нажала на педаль тормоза. Машина остановилась.

— Послушай, Кэт, послушай, я же пошутил. Не надо было останавливаться. Надо было ехать и дальше Я по-шутил.

— Подожди, Боб, подожди. Мне показалось что кто-то стоит на дороге в тумане.— И девушка припав к забрызганному дождем ветровому стеклу, начала внимательно всматриваться в темноту. — Слушай, Боб, я вижу на дороге странного парня в маске. И на вид он совершенно недружелюбный. Смотри.

Боб тоже припал к ветровому стеклу. Метрах в двадцати, по середине дороги, прямо на осевой линии стоял убийца Веселый Роджер. Двумя руками он сжимал длинный граненый штырь, вырванный из кладбищенского ограждения. Пластиковая маска отливала мертвенным блеском. По ней стекали капли дождя. Обрывки одежды болтались на его теле.

Кэт нажала на педаль газа, и машина дала задний ход. Но, проехав метров пятнадцать, она соскочила с откоса и зависла задним колесом над кюветом.

— Послушай, послушай, Кэт, если ты сделаешь еще хоть одно движение, то мы сорвемся вниз и никогда уже не выберемся отсюда,— проговорил Боб.— Слушай, Кэт, мы должны напугать его.

— Как, напугать его? А как мы сможем это сделать? — изумленно проговорила девушка.

— Сейчас увидишь.

Боб порылся в бордачке и вытащил короткий револьвер.

— Подожди со своим пистолетом, подожди. Мы это все сейчас переиграем.— Кэт снова до отказа нажала на педаль га?а.

Машина судорожно дернулась и выехала на дорогу. Набирая скорость, она понеслась на Веселого Роджера, который как будто окаменел на осевой линии дороги.

— Боб, ведь никто не хочет умирать. Ты это хоть понимаешь?

— Да, это я понимаю. Действительно, умирать ои, как не хочется, и я думаю, что этому парню тоже.

Но когда до Веселого Роджера оставались считанные метры, Кэт не выдержала. Она до отказа вжала в пол педаль тормоза. Машина остановилась в полуметре от безжалостного убийцы.

— Слушай, Боб, мне кажется, что напутать его нелегко,— прошептала Кэт.

_ Ладно, сейчас посмотрим.— Боб взялся за ручку

Но в этот момент мертвец-убийца поднял свой металлический штырь, вырванный из ограждения на кладбище, и острие штыря, пробив крыло машины, вонзилось в колесо. С шипением вышел воздух из баллона, и машина завалилась на один бок.

— Так слушай, Боб, нам теперь придется задним ходом до самого города чесать.

— Нет, подожди, сейчас пригодится мой револьвер,— Боб взвел курок и вышел из машины.— Ну ты, самое главное, успокойся. Успокойся и сиди тихо.— Проговорил парень, закрывая дверь машины.— Слушай-ка, парень, а ну давай с дороги,— неуверенно сказал Боб, подняв сжатый в двух руках револьвер.— Давай с дороги, иначе я буду стрелять.

Мертвец-убийца взмахнул своим тяжелым штырем и разбил фару автомобиля. Сразу стало темно.

— Боб, Боб! Не связывайся с ним, он явно сумасшедший,— пролепетала Кэт, высунувшись из окошка.

— Не волнуйся, Кэт, я убью его первым,— одновременно с последним словом прогремел выстрел короткоствольного револьвера.

Но в это же мгновение мертвецом-убийцей был нанесен смертельный удар штырем. Он вонзился прямо в живот Боба. Густая кровь и кишки брызнули на ветровое стекло. Кэт отчаянно завизжала. Мертвец-убийца подбросил тело Боба над собой, поймал и далеко откинул на проезжую часть дороги. Девушка продолжала иступ-ленно визжать, зажмурив от ужаса и страха

глаза.

Когда она открыла их, то сквозь кровавую пелену, застилавшую ветровое стекло, она увидела нацеленное прямо ей в грудь острие железного штыря.

— Нет, нет! — закричала она и упала на сиденье.

Разлетелось ветровое стекло, и штырь пробил спинку

сиденья в нескольких сантиметрах от головы девушки. Кэт открыла дверь и буквально вывалилась в грязь. Сразу же подхватившись, она на четвереньках попыталась отползти от машины. Но убийца настиг ее.

— Пожалуйста, пожалуйста, не надо! — лежа на спине в глубокой луже и извиваясь, кричала Кэт.— Вот, вот, возьмите, это деньги. Здесь много денег. Здесь семьсот долларов. Возьмите, возьмите, возьмите,— и она судорожно перебирая пальцами, попыталась расстегнуть портмоне.

Наконец, ей удалось. Кнопка щелкнула, портмоне раскрылось. И, сжимая доллары в трясущейся руке, девушка с мольбой посмотрела на безжалостного мсптвс-ца-уоийцу, но ни одно из ее слов не подействовал,, на него. Он также неумолимо занес свое смертоносное орудие над ней. Безжалостный мертвец-убийца тяжело шагнул к девушке и застыл.

Девушка откинулась в лужу, и вода начала медленно заливать ее лицо. И в этот момент тяжелый штырь вонзился ей в грудь, навсегда пригвоздив к земле. Из ее легких вырвался воздух. Вода забулькала и через несколько мгновений стихла. На ржавой поверхности лужи плавали не нужные мертвецу доллары.

Убийца мерно и неторопливо ушел в лес в поисках новой жертвы.

Томми очнулся, лежа на жестком топчане в полицейском участке. Ему показалось, что вновь в его голове возникли странные голоса. Они непонятно о чем говорили и заполняли все его сознание. Он поднялся и потер виски, но голоса не исчезли, как бывало всегда после сна. Голоса доносились из-за закрытых дверей кабинета.

Эти голоса не были страшными. Только сейчас Томми понял это. Доносился веселый девичий смех. Дверь открылась и в кабинет вошел шериф Джексон, ведя за руку молодую привлекательную блондинку, так похожую на него. Томми сразу понял, что это дочь, или по крайней мере, племянница шерифа.

— Ну, папа,— окончательно развеяла сомнения Томми девушка,— отпусти, пожалуйста, с нами в скаутский лагерь Рика. Он нам поможет.

— Послушай, Мэги,— возразил шериф Джексон,— ты думаешь, что у меня в участке очень много полицейских.

— Ну, папа,— погладила Мэги отца по плечу,— он нам очень и очень нужен.

— Хорошо,— вроде бы смягчился шериф,— но я все равно erOv не отпущу. Думаешь, у моих подчиненных нет никаких обязанностей? И у них только и забот, что няньчить ваших детей в лагере?

— Если, папа, я не могу тебя убедить, то хотя Ьы послушай моих друзей. Ребята, заходите.— Широким жестом Мэги пригласила в кабинет к отцу трех молодых людей. Двух девушек и одного парня.— Познакомьтесь, мой отец, шериф Джексон. А это, папа, мои подруги. Сиси, та, что с черными волосами и очень привлекательная, а вторая — шатенка — Пола, а вот этот стеснительный парень с большими дырками на джинсах — Чарли. Это очень хороший парень.

— Я и смотрю, он, наверное, очень работящий,— сказал шериф,— у тебя что, Чарли, швейная машинка сломалась?

Мэги недовольно посмотрела на отца. А Чарли хохотнул, он привык к таким вопросам и никогда не считал полицейских очень уж умными людьми.

— Шериф, может, тогда вы подскажите, как нам быть? Чем может помочь полиция? Ведь нам доверили этот лагерь, и мы должны как-то охранять детей. По-моему дело полиции — как раз охранять людей, а не сидеть в участке,— парень нагло уселся на один из письменных столов в кабинете шерифа.

Джексон укоризненно покачал головой и лукаво сощурил глаза.

— Эй, парень, слезь со стола.

— Да, вы правы,— признался Чарли,— у меня в самом деле сломалась швейная машинка, и я не то чтобы очень работящий парень, я больше поговорить люблю.

Он легко соскочил со стола и незло улыбнулся.

— Мы не справимся сами,— заговорила молчаливая до этого Сиси.

— Нам нужно обязательно, чтобы кто-нибудь помог,— поддержала подругу Пола.

— Вот видишь, папа,— сказала Мэги,— сколько людей тебя просит сделать небольшое одолжение. К тому же работать придется не тебе, а Рику. А ему не помешает сбросить лишний вес.

— Я прекрасно понимаю вас, ребята,— проговорил шериф, усмехаясь в густые пшеничные усы,— но самое большое, что я могу для вас сделать, это позвонить в соседний полицейский участок и пересказать им то, что вы говорили мне. А в ответ услышу то же, что я говорил вам.

Шериф уже снял трубку с телефона, но тут в разговор вмешался Томми.

— Шериф, вы, конечно, не волнуетесь за ребят, но я знаю, что произойдет. К ним придет страшный убийца Роджер. И снова будет кровавое месиво, потому что вы не послушались меня.

Мэги только сейчас заметила, что в кабинете отца за решеткой находится симпатичный молодой парень. Она отстранила Полу и подошла вплотную к решетке, разглядывая незнакомого ей молодого человека в меховой джинсовой куртке.

— Какой еще такой убийца Роджер? — недоуменно пожала плечами Мэги.

— Не подходи к нему, не подходи, дочка. Он псих! — закричал шериф и поднялся со своего места.

Но Мэги уже успела подойти и взяться руками за прутья решетки.

— Я не опасен, шериф,— возразил Томми.

Да нет, он опасен, он псих,— убеждал дочку шериф.

— Нет, не верь ему, я не опасен,— повторял Томми,— а Роджер в самом деле, если твой отец будет продолжать сидеть в кабинете, придет к вам в детский лагерь.

— Ты имеешь в виду того самого Роджера, про которого столько писали два года назад в газетах? — удивилась Сиси.

— Да, это именно тот маньяк-убийца,— проговорил Томми, сдерживая волнение.

— Но его же, по-моему, убили? — вспомнила Пола.

— Да, убили,— задумчиво проговорил Томми,— но он ожил. Я со своим другом Джойсом вскрыл могилу, убедиться, что он мертв. И тогда убийца Роджер уничтожил моего лучшего друга. И сейчас он на свободе, он охотится за мной. Он меня ищет, чтобы прикончить. Так что, берегитесь.

Девушка с удивлением рассматривала парня. Она хотела ему верить. Но слова отца о том, что парень душевнобольной, сдерживали ее. Она попыталась улыбнуться Томми, но улыбка получилась вялой и ненастоящей. А вот Томми улыбнулся ей по-настоящему, широко и искренне. И девушка, в ответ на его улыбку, улыбнулась уже искренне. Их взгляды встретились. И какая-то искра пробежала между парнем и девушкой.

— Вот что, ребята, давайте уходите отсюда и не отвлекайте меня от работы. А этого парня не слушайте, он несет полную околесицу. Он вам сейчас задурит голову, и вы будете бояться каждого встречного и поперечного. Так что, уходите, уходите, не мешайте работать.

И шериф, взяв за плечи дочь, повернул ее к ребятам и оттолкнул от ограждения, за которым стоял Томми, уцепившись

руками в толстые железные прутья.

— Почему мне нельзя говорить с кем я хочу?! возмутилась Мэги.

— Дочка, я тебе сказал — этот парень опасен. И лучше бы ты со своими приятелями шла отсюда.

— А я не хочу,— Мэги остановилась на полдороге к двери.— Ты говоришь, этот парень опасен, а мне так он очень нравится. Он не столько опасен, сколько привлекателен.

Она довольно нахально посмотрела в глаза отцу. Но тот уже привык к тому, что дочь часто не слушается его, став достаточно взрослой.

Ребята так же шумно, как и вошли, вышли из кабинета. На прощание Мэги остановилась и помахала Томми рукой. Тот в ответ послал ей воздушный поцелуй. Шериф, увидев этот жест, разъяренно подбежал к ограждению. Но ограждение не только не давало Томми выйти в кабинет, но и не позволяло шерифу войти внутрь. Джексон прижался лицом к ограждению и зло прошипел:

— Послушай, парень, я сдержал свое слово, я не позвонил в психиатрическую клинику, чтобы они приехали и забрали тебя отсюда. Но я не хочу, чтобы какой-то проходимец пугал мою дочь страшными рассказами.

— Я не пугаю,— спокойно проговорил Томми,— и вы, шериф, еще пожалеете, что не послушались меня. Я предупредил вас. А теперь очередь за вами. Поступайте, как знаете. Но только помните — тут рядом детский лагерь. И если прольется детская кровь, то она будет на вашей совести.

Шериф повернулся к окну, и из-за спины показал ему большой сжатый кулак.

— Парень, сегодня мы вывезем тебя на машине за пределы нашего участка и там выпустим. Иди куда хочешь, рассказывай кому хочешь какие угодно страшные истории. Про маньяков-убийц, про оживших мертвецов, про раскопанные могилы. И меня это больше не будет касаться.— Шериф вынул из стенного шкафа уже знакомый Томми винчестер.

— А, черт,— зло выругался Томми и ударил кулаком в прутья решетки.

Томми нервно заходил по камере, а шериф с винчестером наперевес вышел из своего кабинета. Он все-таки подумал, что неплохо бы подъехать на кладбище и посмотреть: а вдруг в самом деле хоть какая-то доля правды в словах этого парня да есть.

Утром, едва первые лучи солнца осветили вершины деревьев, старый могильщик продрал глаза. Ему было не по себе. Его мутило от вчерашнего виски. Он прикинул и посчитал в уме, сколько стаканчиков успел опорожнить и где-то на девятом

сбился.

Да, черт, изрядно мы вчера набрались, изрядно_

старик тяжело поднялся, пошарил у кровати и нашел бутылку, в которой еще плескалась янтарная жидкость

Он отвинтил пробку и жадно прильнул к горлышку’ Несколько хороших глотков, и старик-могильщик снова был в норме. Он одернул подтяжки, поправил воротник полинялой ковбойской рубашки, сунул ноги в сапоги и пошел обходить кладбище. Кроме того, что он рыл ямы, он еще присматривал за могилами. Это он, стареющий Сэм, водил экскурсантов к могиле убийцы-маньяка Роджера. Это он брал с них небольшую мзду за такую достопримечательность. Он гордился тем, что именно на его кладбище покоится тело страшного маньяка.

— Хоть что-то, да приносит доход,— сам себе приговаривал старик, смешно семеня по извилистым дорожкам, среди замшелых каменных плит.

Он, как со старыми знакомыми, разговаривал с херувимами, с Божьей Матерью, с памятником сенатора, которого уже все забыли, с памятником конгрессмена, местного уроженца, принимавшего активное участие в отмене сухого закона. Старик с ужасом вспоминал те времена, когда невозможно было во всем округе достать хотя бы одну бутылочку виски. А ведь он с детства пристрастился к этому нехитрому напитку, и без него не мог представить свою жизнь. Без виски все вокруг казалось серым и неинтересным. Но стоило ему только хорошенько отхлебнуть из плоской фляжки, как весь мир расцветал яркими красками, как все вокруг начинало казаться праздничным и радостным. И старику хотелось жить, бродить по этому кладбищу, разговаривать, общаться с молчаливыми каменными плитами, с грустными памятниками.

Иногда, изрядно нахлебавшись, он пританцовывал у могильных плит и рассказывал серым каменным изваяниям всю историю своей жизни. Рассказывал случаи из жизни местных жителей или из его собственной. Жаловался на то, как туго ему приходится жить, и что только янтарный нагшток, что только виски, приносит ему настоящую радость и удовольствие. ˆ

Пройдясь по кладбищу, он как бы ненароком наорел на то место, где еще вчера стояла могила уоиицы-мань-яка. То, что увидел старый могильщик, привело его в замешательство и вызвало испуг. Он посмотрел в разры тую яму, где стоял закрытый гроб, на две большие кучи мокрого песка и испуганно оглянулся по сторонам

Броде бы никого поблизости не было. Еще он увидел обугленное дерево, в которое ночью ударила молния. Самой

молнии старик не видел, потому что к тому времени был уже мертвецки пьян и лежал на полу в своей маленькой сторожке, зажав в руке пустую плоскую бутылку.

— Ну, гады, вы мне за это заплатите! — не известно кому, озираясь во все стороны, прошептал старик и принялся откручивать пробку от плоской бутылки.

После двух-трех глотков его глаза увлажнились, и лицо приняло благостное выражение. Он взялся за тяжелый заступ и принялся закапывать могилу.

— И угораздило меня стать могильщиком,— по привычке, сам с собой, разговаривал старик, бросая землю в яму,— надо было лучше в школе учиться, тогда не занимался бы таким тяжелым трудом,— снова сам себе ответил старик.

Он не смотрел в яму, он спешил как можно быстрее закопать могилу, чтобы никто ничего не увидел. И чтобы о его кладбище не пошли дурные слухи по окрестностям. Не дай бог, начнут говорить, что на его кладбище что-то не так. Значит, уменьшится количество заказчиков. А уменьшится количество заказчиков, будут меньше привозить мертвецов. А если будет меньше мертвецов, то значит, будет меньше и виски. И тогда его жизнь станет ему совсем в тягость. Старик старался как можно быстрее закопать огромную разрытую яму.

— Черт бы вас побрал, собаки! — бросал землю в яму старик.

Он так и не заметил, что из-под тяжелой крышки гроба торчит нога Джойса, обутая в голубую современную кроссовку.

— Что, гады, Роджера хотели выкопать! Ну и существуют же в этом свете ублюдки! Ну да ладно, закопаю сейчас,— успокоил себя старик, вытирая вспотевший лоб.— И будет могила как новенькая! Никто не докопается, не узнает, и снова я буду сюда водить экскурсантов.

И на самом деле, не прошло и получаса, **как** снова посреди кладбища высился аккуратный могильный холмик, обложенный свежим дерном. И снова стояла надмогильная плита с короткой надписью, сделанной неверной

рукой старого могильщика: «Роджер».

Но старик и не подозревал, что страшный убийца-мертвец ожил и в это время, широко вышагивая, идет по лесу. И что пластиковая маска хоккейного вратаря сверкает в лучах утреннего солнца.

Но не один убийца-мертвец блуждал **в** это **время в** окрестных лесах, выискивая жертвы. Тут **резвилась весе**лая компания любителей военных забав. Компания была не такой уж и большой. Одна очень экзальтированная дамочка в пятнистой защитной форме, с манерно подогнутыми полями брезентовой шляпы, из-

под которой выбивались длинные белые волосы, и трое мужчин. Один неимоверно толстый, едва вместивший себя в военную форму, другой, был настолько же высоким и худым, насколько его друг толстым, третий, вроде бы совсем нормальный, но очень уж нерешительный и пугливый.

Дамочка открыла дорожную сумку и раздала всем специально припасенные для игры пистолеты, заряженные баллончиками с красной краской, которая должна была имитировать раны. Потом она раздала каждому несколько черных повязок с серебряными надписями: «убит». Затем они разделились и разошлись в разные стороны.

Приподняв с груди свисток, дамочка свистнула. Этот сигнал означал, что игра началась. Теперь каждый должен был найти в лесу свою жертву, подстеречь ее и выстрелить баллончиком с красной краской. Победитель получал в награду ящик пива и жирную индейку. Вся эта награда все равно потом должна была быть выпита и съедена всей компанией вместе. Но получалось бы так, что победитель угощает остальных. И поэтому награда оставалась престижной и желанной.

Толстый и пугливый решили перехитрить остальных. Они объединили свои силы и вдвоем, смотря в разные стороны, двигались среди деревьев, испуганно оглядываясь.

— Этот высокий должен быть где-то здесь. Я его нюхом чую, — говорил пугливый.

— Конечно, такой долговязый не спрячется в низкорослом кустарнике,— поддакивал толстый. Думает, надел на себя защитную форму, и мы его не заметим. Правильно говоришь, он где-то здесь неподалеку. Слушай,- продолжал **толстый,-** принюхайся, может, ты его действительно почуешь. У тебя такой нос, что только ищейка может сравниться с тобой в этом вопросе.

Пугливый действительно припал к земле и начал втягивать в себя воздух.

— Слушай, я не ощущаю его запаха, он же такой вонючий, он же так ваксит свои сапоги, что я всегда слышу этот противный запах гуталина. А сейчас я не слышу этого гадкого запаха.

— А, у тебя нюх пропал,— сказал толстый,— а мне вот везде мерещится запах копченой колбасы и бутерброда. С каким бы я удовольствием съел бы сейчас хоть один, хоть маленький бутербродик,— лепетал толстый, облизывая пересохшие губы.

— Что, ты сюда приехал есть? Вот перестреляем всех этих гадов, потом сожрем индюка, они нас угощают. И на следующий раз, если мы их победим, они проставят нам еще одного индюка и еще ящик пива. Так что, смотри внимательно по сторонам, а я буду принюхиваться.

И пугливый вновь начал водить своим длинным носом из стороны в сторону, как будто и в самом деле он мог услышать запах худого.

— Слушай, мне кажется, что у тебя инстинкт жрать преобладает над инстинктом побеждать,— сказал пугливый, когда ему надоело втягивать в себя лесной воздух, в котором был только один запах, запах прелой листвы.

— Да ты осел, осел, пугливый. Я хочу жрать. Мне надоело шататься по этому лесу,— сказал толстый, внимательно прислушиваясь к шуму листвы.

— Слушай, ты опять затянул свою песню надоедливую: игра тебе нечестная, игра тебе нечестная, есть ты хочешь,— заворчал пугливый.

— Да надоела мне в самом деле вся эта игра, вся эта стрелянина и бегание по лесу. Лучше бы лежал я где-нибудь в шезлонге на берегу озера, кушал бутерброды и запивал их пивом. А то ходим, ходим по этому лесу бестолку.

Мужчины, переговариваясь, поругиваясь, устало брели среди деревьев. Они не видели, как за ними наблюдает еще один участник игры.

— Неужели ты не можешь понять, что мне хочется хотя бы один, хотя бы маленький бутербродик,— говорил толстый.

— Да ладно тебе, успокойся, ноешь, ноешь, как беременная женщина. Вот убьем кого-нибудь, зажарим и

наедимся,— пошутил пугливый, припадая к земле, иря-часть за толстыми, увешанными мхом стволами пеконых елей.

— Слушай, мне кажется, мы занимаемся какой-то ерундой,— продолжал толстый.— Ходим по мокрому лесу...

— Да нет. Мы нормальным делом занимаемся. Это настоящая мужская игра,— говорил пугливый.

Но тут, как из-под земли, из-за куста возникла фигура дамочки с белыми волосами. Она вскинула свой пистолет, мужчины тоже вскинули оружие, но женщина нажала на курок раньше. На груди пугливого и толстого ярко заалели пятна краски.

— Вы убиты! Убиты! — закричала визгливым голосом женщина.

— Да мы тоже в тебя попали!

— Да нет, вы не попали! — завизжала женщина. -Ваши пули пролетели мимо!

И она большим пальцем левой руки показала, как пролетели пули у ее головы.

— Простите, ребята, простите, я стреляю несколько получше вас.

Толстый вновь бросился спорить:

— Но я же нажал на курок первым.

Женщина, не обращая внимания на возмущенные

слова своих соперников-мужчин, повернулась вокруг оси, показав, что на ее комбинезоне нет следа от их выстрелов.

— А теперь, мальчики, завяжите повязки, что вы убиты, что вы трупы, и ступайте за мной.

Толстый обиженным голосом сказал пугливому:

— Я ж тебе говорил, не надо ее вообще допускать до этой игры. Она все испортила, убила нас, и теперь нам придется проставлять ящик пива и жареную индейку. А это хоть и небольшие, но деньги. Да и чувствовать себя побежденным как-то неудобно.

— Да, неудобно,— раздосадовано повторил пугливый.— Особенно, если победила баба. Вот беда, связались с ней, взяли бы лучше Мэтыо — он ничего не видит, и мы бы укокошили его в два счета, и он проставлял бы нам и пиво, и индейку.

— Да, давай на следующий уик-энд возьмем Мэтью. Мы его с тобой в два счета отловим в лесу и укокошим. Нажремся до отвала, а сейчас давай быстрее к лагерю. Хоть наедимся, а то кишки марш играют. Спешим, спешим.

И мужчины, **в** сопровождении женщины с **визгли**вым голосом, заспешили по лесным ухабам к своему лагерю. *у*

Еще один участник военных забав, долговязый, худой Бил с огромным мачете в руках, блуждал среди густых зарослей. Он прислушивался и приглядывался к окрестным кустам. Он знал, что его место очень надежное укрытие, и что другой дороги, чтобы попасть в лагерь у его соперников нет, и ему осталось только одно: удобно устроиться, подкараулить и пристрелить всех троих. И тогда вся радость победы, вся награда будет его, и тогда три уик-энда подряд остальные будут проставлять ему угощение.

Долговязый, размахивая мачете, рубил кустарник, чтобы создать себе идеальное укрытие.

— И кто тебя выпустил с кухни, никак ты мне не попадешься на глаза, будь ты проклята, я тебе попаду прямо в лоб, прямо в наглые твои глаза,— шептал он, вспоминая о своей жене, которая где-то, с таким же, как и у него пистолетом, блуждала по лесу, ища мужа и двух его приятелей-сослуживцев.

Долговязый вновь поднял над головой сверкающее мачете, чтобы срубить последний ивовый куст, закрывавший обзор. Но когда он хотел взмахнуть, рука его не сдвинулась ни на сантиметр. Он изумленно повернул голову и увидел оскал пластиковой маски.

Убийца Роджер стоял над ним.

— Ты кто такой, ты кто такой, а ну отпусти мою руку! — закричал долговязый.

И это был последний крик вояки на этой земле.

Рождер сильно рванул на себя мужчину с мачете, и тот, описав большую дугу в воздухе, ударился головой о дерево, окрасив зеленый мох ярко-красной кровью. Рука со сверкающим мачете осталась зажатой в пальцах мертвеца-убийцы. Он осмотрел сверкающее мачете и удовлетворенно хрюкнул. Под маской еще что-то заурчало и глухо булькнуло.

Томми сидел за рулем своего грузовика. Следом за ним ехала машина шерифа со включенной мигалкой.

Рик, которого шериф так и не отпустил, сидел рядом со своим шефом. Они сопровождали Томми, выпроваживая его за пределы округа.

— Послушай, Рик, этот парень действительно пому-

тился из-за своего Роджера. Как ты думаешь, это у него надолго?

Рик взглянул на своего шефа и, как бы угадав чего от него ждет начальник, сказал:

— Конечно, шеф, я думаю, что это у него на всю жизнь. Скорее всего, это у него навсегда.

— Ты только посмотри, Рик, как он гонит.

Рик только хмыкнул. Ему было страшно ехать на такой скорости, и он невольно ухватился руками за сиденье.

— Ты посмотри, как гонит,— повторил шериф,— настоящий сумасшедший. Так же и разбиться можно. Но мы должны его проследить, чтобы он покинул пределы нашего округа, иначе потом хлопот с ним не оберешься.

— Да,— согласился Рик.— Я не хочу, чтобы этот парень ошивался на нашей территории. Пусть им займутся другие полицейские. Пусть у них теперь голова болит.

Шериф смотрел на стремительно мчащуюся машину Томми и старался не отставать от нее.

— Так можно спешить только на кладбище,— невесело пошутил Рик.

— Ты, смотрю, Рик, совсем перепуган. Может и ты поверил, что Роджер воскрес? — поинтересовался шериф.

— Ну,— замялся полицейский,— не совсем чтобы верю, но что-то все-таки вывело этого парня из равновесия. Ведь последние годы, говорят, он был совсем нормальным.

— Но ладно, Рик, мне кажется, вывезем этого парня и придется тебя сдавать в психиатрическую лечебницу.

Шериф похлопал оторопевшего полицейского по плечу.

— Да нет же, что вы, я в полном порядке,— сбросил q себя испуг Рик.— Я еще вам очень пригожусь. Мы еще послужим вместе.

— Слушай, Рик, а тебе не приходила в голову такая мысль,— шериф уверенно гнал машину следом за Томми.— Знаешь о чем я подумал, как бы этот парень не захотел нам доказать то, что действительно Роджер жив. А?

Рик не нашелся что ответить шефу. Он только пошевелил губами, как бы пытаясь сказать какую-то сокровенную мысль. Но она не облеклась в слова, а так и застыла на его полных губах.

Дорога стремительно неслась под колеса машины Томми. Тот все время рассуждал: может и в самом деле стоит покинуть пределы этого округа и навсегда забыть о том, что страшный убийца бродит где-то здесь, ища своих жертв. Но тут взгляд Томми упал на дорожный указатель: «Кладбище 1 миля». Может быть, он проехал бы мимо, если бы не прочитал эти слова. Но он вспомнил своего убитого друга Джойса и понял, что, не отомстив убийце-мертвецу, он не сможет покинуть это место, что только расправившись с ним, он вновь обретет спокойствие.

Резко выкрутив руль, Томми свернул на кладбище: он хотел, чтобы и полицейские убедились, могила действительно вскрыта и на дне могилы лежит не убийца Роджер, а его друг Джойс.

Шериф, увидев маневр Томми, сказал:

— Ну, я же тебе говорил, Рик, он сумасшедший, видишь, он свернул на кладбище. Включай сирену.

Одновременно заработали мигалка и сирена, и полицейская машина, сделав такой же стремительный и резкий поворот, помчалась по проселку к пригородному кладбищу.

Томми петлял, не давая полицейской машине обогнать его и преградить дорогу. Сквозь полуразрушенные ворота его автомобиль влетел на территорию кладбища и по узкой аллейке помчался к тому месту, где была могила убийцы Роджера и где сейчас лежало тело его друга Джойса.

Дальше ехать было нельзя — дорогу преграждало большое мраморное надгробье. Томми, бросив машину, кинулся, петляя между могил, к центру кладбища. Полицейские бежали за ним, уже выхватывая наручники.

Томми, петляя между оград, пытался уйти от погони. Он все время оглядывался, прикидывая, хватит ли ему времени добежать до могилы Роджера. Но полицейские, разделившись, все-таки окружили его и с двух сторон бросились на парня. Шериф, тяжело дыша в самое ухо Томми, прижал его к земле и заломил руки за спину. Рик защелкнул наручники, больно сжав запястья парня.

— Шериф, подождите, выслушайте меня! — кричал Томми.

— Я уже достаточно наслушался твоих сказок, зло кричал шериф, пытаясь поднять парня с земли.

Рик, довольный, стоял рядом и улыбался. Ему было приятно, что он так ловко смог помочь своему начальнику словить парня.

Шериф, вы должны посмотреть его могилу'

— Вставай,— тряс Томми шериф Джексон. ‘ ’

Ну послушайте! Вы должны посмотреть и вы в самом деле увидите, что я вас не обманываю. Мы раскопами с моим другом могилу, вы увидите ее раскопанной!

— Подними голову, парень,— сказал шериф — и посмотри.

Он показал рукой на конец аллеи, которую замыкано аккуратно поставленное надгробие убийцы'. Около надгробия зеленел надмогильный холм, обложенный дерном.

— Ну как? Теперь ты не будешь больше рассказывать сказки? — проговорил сквозь зубы шериф.— Мне это уже знаешь как надоело? У меня есть более важные дела.

— Ее кто-то закопал, шериф! Ее кто-то закопал,— повторял Томми, пытаясь вырваться.— Там лежит мой друг. Нужно раскопать могилу и достать его тело, тогда вы мне поверите, шериф!

Джексон, уже не слушая парня, встряхнул его за плечи.

— Опомнись, еще одно слово, и я упеку тебя в психиатрическую больницу.

Но Рик уже понял, что уговаривать Томми бесполезно. Он отступил на шаг и выхватил из кобуры свой, неделю тому назад полученный новый пистолет с лазерным прицелом. Красное пятнышко вспыхнуло на лбу у парня.

— Смотри, моему приятелю не терпится испытать новое оружие. Он из него еще никого не застрелил,— проговорил шериф, пытаясь привести в чувство Томми.

Парень испуганно глянул на грозно наставленное на него оружие.

— Послушай, парень,— проговорил Рик,— мне не терпится испытать мой новый лазерный прицел. Запомни, где точка, там и дырка. А точка у тебя прямо между глаз. Так что и дырка будет у тебя во лбу. Понял?

Томми немного опешил. Ему казалось, что полицейские все-таки должны понять его, понять его испуг и послушаться. Он все еще не терял надежды.

Заслышав крики и суету на кладбище, из своей сторожки вылез уже изрядно подвыпивший кладбищенскии сторож. Увидев полицейских, он насторожился. ожет быть, они пронюхали про раскопанную могилу, нужно разузнать, решил старик Сэм и, крадучись, приблизился к шерифу.

— Что-нибудь случилось? — поинтересовался старик у шерифа.

— Да нет, просто забежал сюда на кладбище один сумасшедший парень. Так мы его отсюда сейчас увезем. Не беспокойтесь.

Так что, это просто так, это не связано с моей работой? — старик радостно заморгал.

— Это вы закопали могилу Роджера! — закричал Томми, указывая пальцем прямо на старика.— Это вы закопали ее!

— Какую могилу?! — изумился старик, притворяясь очень искусно.

— Да не слушайте вы его! — кричал шериф, сдерживая рвущегося из рук Томми.— Это просто сумасшедший. Вообразил себе, что Роджер поднялся из могилы.

— Послушайте, я умоляю вас! — кричал Томми, вырываясь из рук полицейских.— Ну, признайтесь, это вы закопали могилу! Это очень важно! Роджер жив! И он снова несет смерть!

— Да он и впрямь сумасшедший,— сказал старик.— Вон могила, в полном порядке.— Он начал ощупывать карманы в поисках плоской бутылки с остатками виски.

— Да не переживайте так,— бросил ему шериф.

— Роджер жив! Раскопайте могилу! — кричал Томми, когда полицейские уже вытаскивали его за ворота кладбища.

— Раскопать,— усмехнулся старик, достав, наконец, бутылку с виски и открутив трясущимися пальцами блестящую крышечку. — Придумал еще. Я ее только что закопал, а он — раскопай. Что мне, другой работы нету?

Старик блаженно приложился к горлышку и сделал два глубоких глотка. Он хотел глотнуть и третий раз, но подумал, что виски может больше не остаться, и ему придется тащиться в город, чтобы раздобыть себе спиртного.

Шериф и Рик затолкали лягающегося Томми в ма-: шину. Рик сел на парня сверху, а шериф, зло ругаясь, вел машину.

— Но может наконец-то ты заткнешься,— сказал Рик.

— Ну я вас прошу, последний раз, выслушайте меня,— твердил Томми.

— Да мы наслушались достаточно. Хватит нам голову дурить. Вот сейчас довезем тебя до границ округа,

выкинем и рассказывай кому-нибудь другому свои сказки. J

Томми, наконец, затих. Он понял, что ничего не докажет этим двум самоуверенным мужчинам. А спорить с ними бесполезно и бессмысленно.

Ну вот и приехали, сказал шериф, останавливая машину у указателя границы округа.

Он вытащил Томми из машины и отомкнул наручники. Томми только начал растирать затекшие запястья, как шериф, грубо схватив его за ворот рубашки, прижал к дверце машины.

— Видишь указатель,— шипел шериф в самое ухо парню,— так вот, считай, что тебе повезло, иди подальше и не делай ни одного шага за вот эту вот черту. Если ты еще раз появишься на моем участке, то так легко не отделаешься. Психлечебница или тюрьма тебе гарантированы. Понял! — шипел шериф.

Томми испуганно глядел на озверевшего мужчину, смотрел на то, как нервно подергивается его верхняя губа, прикрытая пшеничными усами.

Шериф грубо встряхнул Томми, дал ему пинка под зад и, оставив на проезжей части, сел в машину.

— Ну все. Оставайся здесь. Счастливой тебе дороги,— бросил Рик, садясь на сиденье рядом с шефом.

— Ты с этой сволочью еще разговариваешь? — сказал шериф полицейскому.

— Если б я был в штатском, знаешь, как бы я ему врезал,— сказал Рик.— А так все-таки нужно быть немного повежливее.

— Повежливее с этим гадом? Ты видел, как он смотрел на мою дочь? Такой сперва поулыбается, а потом натянет пластиковую маску и будет душить ее где-нибудь в кустах.

— Но ладно, шеф, что вы уже так мрачно. Мне этот парень даже немного понравился.

_ да ну тебя. Все вы вокруг какие-то мягкотелые.

Из-за таких вот гадов и происходят убийства. Настоящего преступника сразу видно, а тут по выпускали из психушек разных идиотов, и потом возись с ними.

— Да шеф. Я с вами согласен. Психов развелось, хоть отбавляй. Нужно всех их собрать и запереть в одну здоровую клинику, чтобы не разоежались, и поставить там полицейских с автоматами и собаками.

— Да ладно,— махнул рукой шериф.— Хватит думать об этом ублюдке. Выкинули его и слава богу. А ма-

шину его перегонишь в соседний участок. Пусть ему там отдадут. у

А в лесу военная игра шла своим чередом. Увлекшись дамочка засмотрелась, и, улучив момент, толстый вывернулся и убежал в кусты, крича оттуда, что очень скоро вернется, только справит нужду по-маленькому.

Женщина, держа под прицелом пугливого, повела его к лагерю. Толстый сорвал повязку «убит» и радостно прошептал:

— Я жив, жив, жив.

Он выхватил пистолет, заряженный баллончиками краски, и

стал красться следом за удаляющейся парой. Он решил улучить момент, напугать их и пострелять. Он был уверен, что они не будут ожидать нападения с его стороны, и что он сможет убить и получить хотя бы мнимую, но победу.

Женщина и пугливый продолжали торжественно, как настоящие коммандос, шествовать по летнему влажному лесу. Но тут захрустели ветви, и из-за дерева, прямо перед ними появился убийца-мертвец. Пластиковая маска скрывала его лицо. На ней поблескивали капли росы. Трупный запах исходил от этого существа.

Женщина вскинула свой пистолет и по привычке нажала на курок. Красное пятно появилось на сером обтрепанном комбинезоне зловещего убийцы.

Но убийца даже не прореагировал на этот выстрел. Он вытащил из-за пояса сверкающее мачете и одним взмахом снес сразу две головы. Трупы тяжело упали к его ногам.

Обезумевший толстяк, видевший всю эту сцену, дико закричал и, спотыкаясь, бросился наутек. Мрачный убийца Роджер неторопливо шел за ним, с каждым шагом настигая уходящую жертву. Он знал, что здесь, в лесу, он хозяин, и никто от него не уйдет. Окровавленное мачете сверкало в его руке.

— Ребята, ребята, помогите, спасите! Он убил моих друзей! — не своим голосом орал толстяк, спотыкаясь о корни деревьев, поскальзываясь на замшелых камнях.— Он убийца! Он убийца! Он хочет меня прикончить! Помогите, помогите, хоть кто-нибудь помогите! Помогите мне!

Толстый позабыл о своем желании перекусить и съесть хотя бы маленький бутерброд. Он истошно вопил,

сотрясаясь всем своим жирным телом, и пытался уйти от настигающей его смерти. Но это ему так и не удалось.

Толстый мужчина поскользнулся на гнилом пне, смешно перекувыркнулся через голову и замер, с ужасом глядя на приближающегося к нему убийцу Роджера.

Тот подошел, три раза взмахнул мачете — голова и руки остались лежать отдельно от толстого тела. Роджер сунул мечете за пояс, но перед этим вытер широкое лезвие о зеленый мох. Он вновь хрюкнул н удалился в глубину леса, выискивая очередную жертву.

Сиси, Пола, Мэги и Чарли переносили провизию из открытого кузова грузовика в дом. Они переговаривались между собой.

— Эй, по-моему, ты слишком много говоришь об этом Роджере. По-моему, все это полная чепуха,— говорила Сиси.

— Ну, подруга, не скажи, это действительно очень страшно. Я читала газеты двухлетней давности и очень тогда испугалась.

— Ну знаешь, это было два года тому, и я думаю, что все это уже забылось. А вот сейчас будет действительно страшно. Это пострашней любого убийцы Роджера.

Мэги, широко открыв глаза, смотрела на большой желтый автобус, который въезжал на территорию скаутского лагеря. Из окон смотрели, весело крича и размахивая руками, дети. Они верещали от радости. Наконец-то, они прибыли на место, предвкушая все радости лагерной жизни.

— А, по-моему,— сказала Сиси,— наша Мэги не столько думает о страшном убийце и о детях, как об этом парне, который сидит в клетке, в кабинете ее отца.

Пола засмеялась и похлопала Мэги по плечу.

— Ну, конечно, тебя больше интересует этот узник любви,— уточнила она.

— Отцепись ты! — Мэги подхватила один из пакетов и направилась в дом.

— Мэги,— обратилась вдогонку ей Пола.— Слушай, а ты хоть помнишь, как зовут того симпатичного паренька?

— Нет, не помню. А как?

— Так вот я тебе подскажу, чтобы ты знала, как к нему обращаться. Зовут его Томми. Запомнила?

— Томми,— проговорила Мэги.— По-моему, очень

хорошее имя. ^

7 Бетси Палмер

— А парень так вообще очень привлекательный,— Пола засмеялась.

По глазам девушки она поняла, что парень ей очень понравился.

— Но ты Мэги запомни и еще одно,— сказала темнокожая Сиси,— что этот парень сумасшедший. Он сидел в местной психушке, пока окончательно не свихнулся на этом убийце Роджере. И тогда поняв, что его уже невозможно вылечить, наверное, его выпустили на свободу. И теперь он ходит и всем рассказывает какие-то дикие сказки про страшного убийцу, восставшего из могилы и убивающего людей в окрестных лесах.

— Слушай, Мэги, а тебе не кажется, что все эти его страшные и жуткие истории про безжалостного убийцу Роджера — только повод, чтобы знакомиться с девушками? И может, ты уже не первая в его списке. А? Мэги?

Мэги удивленно посмотрела на Полу.

— Что ты городишь. Остановись.

— Да нет, я просто так. Мне показалось, что моя версия действительно похожа на правду.

— Хм, похоже на правду,— изумилась Мэги.

Но тут подошла Сиси.

— Девчонки, девчонки, не ссорьтесь. Парень действительно симпатичный, а мало ли что может рассказывать симпатичный парень. Таким можно простить все, даже самые глупые истории. Правда, Мэги?

— Конечно можно. Тем более, что история про этого страшного убийцу такая романтичная. Она как-то сближает людей. Прямо толкает в объятия друг друга.

— Смотри, смотри, подруга, как бы эта страшная история не толкнула тебя в объятия к безумцу, и тогда тебе крышка.

Девушки весело захохотали и двинулись к дому, неся с собой пакеты, свертки и ящики с напитками. Они вошли в кухню, где уже возился со своей подружкой Чарли, распаковывая ящики и рассовывая по холодильникам напитки и скоропортящуюся провизию, раскладывая в вазу экзотические фрукты.

— Слушай, Мэги, неужели тебе действительно так нравится эта история про безжалостного убийцу? спросил Чарли.

— А что, история, как история, что вы все прицепились к этому Роджеру.

— Нет, мы не прицепились,— ответил Чарли. Мне просто интересно, как это ты легко клюнула на глупости рассказанные тем парнем.

— Почему клюнула, я еще ми на что не клюнула.

Клюнула, клюнула, я вижу по твоим глазам. В них

появился какой-то сумасшедший блеск. Правда девчонки? ’

Пола и Сиси посмотрели в глаза **своей** подруги. **Все** это время молчавшая Берта тоже приблизилась к Моги и заглянула в глаза.

— Действительно, девчонки, действительно, Моги влюбилась. Влюбилась. Это видно по ее глазам. Смотрите, как блестят. Смотрите!

Чарли повертел головой:

— Жаль, что я не додумался рассказывать таки*1 байки Мэги. Может быть, тогда и у меня был шанс на взаимные чувства.

— Нет, Чарли, у тебя такого шанса не было бы, потому что здесь Берта, а переходить ей доро!^ я не собираюсь. Ведь она моя подруга, правда, Берта?

— Молодец, Мэги. Так его, так его. А то эти ребята совсем обнаглели и уж думают, что достаточно рассказать какую-нибудь байку, как мы побежим за ними, виляя хвостами.

— А может быть, то, что говорят нам наши родители — это ерунда,— внезапно изумилась Берта.— И они нам врут, что никакого Роджера не существует. **А этот** страшный убийца и в самом деле поднялся из могилы. И только один, как его там,

Мэги?

— Томми,— сказала девушка.

— Да, вот именно, этот парень Томми, сумасшедший знает об этом?

— Может быть, может быть,— задумалась Мэги.— Но если это правда, то Роджер обязательно вернется сюда.— Лицо девушки стало очень серьезным, и она добавила.— И он начнет убивать тех, из-за кого пострадал и погиб. И будет искать того, кто обезглавил его несчастную мать.

— Ну ты и даешь,— развела руками Пола. Такого не бывает, чтобы мертвецы разгуливали.

— Да ладно тебе,— вставил Чарли.— Вот придет ночь, и я посмотрю, как ты будешь колотиться от страха. Как вы все прибежите ко мне и будете упрашивать, что ы я лег к каждой из вас в кровать, чтобы успокоить.

— А вы знаете, какой сегодня день? — Мэги подошла к отрывному календарю, висящему возле плиты.

— Ну и что, пятница,— недоуменно сказала Сиси.

— Пятница — это было бы еще полбеды. Но сегодня пятница тринадцатое.

Девушки замолчали, и только Чарли старался казаться невозмутимым, но и тут было видно, как немного дрожат его руки. Столько уже всякого было рассказано в округе про этот страшный день — пятницу тринадцатого, когда появлялся безжалостный убийца Роджер.

Наконец-то, сопровождающая ребят девушка дала им наставления и радостная, что теперь уже она свободна, выглянула из дверей автобуса. Дети напирали на нее, стараясь скорей выбраться на свободу.

— Ну ладно, ребята,— крикнула она,— теперь лагерь в вашем распоряжении, а я умываю руки.

Девушка отскочила в сторону, и лавина ребят понеслась к дому.

Водитель автобуса радостный, что на обратной дороге в его ушах не будет стоять этот ужасный гам и шум, захлопнул двери, вытер вспотевшие руки, и желтый школьный автобус, развернувшись на пятачке между кухней и озером, выехал на дорогу.

— Вот это будет пострашнее Роджера! — воскликнула Мэги. — Смотрите, сколько ребят и какие они буйные.

— В самом деле,— согласилась Пола.— Знаешь, Мэги, лучше бы пришел Роджер. С ним бы одним мы как-нибудь справились. А эта толпа головорезов уничтожит нас живьем, съест на корню и растащит наши кусочки по окрестным кустам.

— А ты, Чарли, бери быстрей толстые нитки и зашивай свои штаны. А не то эти головорезы оторвут колошины и рукава твоей футболки. Так что быстрей, быстрей, парень. Иначе, смерть тебе, могила будет. Понял?

Чарли сокрушенно кивнул головой.

— Да, да, понял.

Чтобы не слышать детского гама, который доносился со двора, он водрузил на голову наушники плейера и до отказа повернул черный рычажок звука.

— Ну что, кто из нас самый смелый? — поинтересовалась Мэги.— Кто все-таки осмелится выйти к этим детям.

— Ну, Мэги, мой отец не шериф,— съязвила Сиси. Ты же у нас самая смелая. Это ж у тебя есть сумасшедший друг. А я лучше посижу тут, пока ты их немного приручишь и прикормишь.

Подружка вытолкнула Мэги на улицу, плотно закрыв за ней двери и замкнув замок на два оборота.

Девушки и Чарли с интересом смотрели через окно, приплющив к стеклу носы, как толпа детей обступила Мэги и каждый лезет к ней со своими идиотскими вопросами.

Но Мэги довольно быстро сориентировалась. Она приняла грозный вид, такой, как принимал ее отец в кабинете, сидя в вертящемся кресле, перед самыми с трашными преступниками, и громовым голосом крикнула:

— А ну молчать, тихо. Говорить буду я.

Казалось, что если бы в это время у нее был в руках

грозный винчестер, то она передернула бы затвор и выстрелила в воздух. Дети не унимались. Они продолжали галдеть, наседая на Мэги. Тут Мэги закричала еще более страшным и грозным голосом:

— Я вас всех оставлю без прогулки, без еды и без сна. Вы все будете стоять с подушками на голове три часа подряд. Ясно?

Дети дружно закричали:

— Ясно! Ясно! Мы согласны!

— Ну и хорошо, если согласны. Тогда внимательно меня выслушайте.

Дети замолкли, порализованные громовым голосом этой милой и привлекательной девчонки.

Мэги вспомнила фильмы об армии Соединенных Штатов, и как заправский сержант, построив детей в шеренгу, начала громко выкрикивать, требуя ответов хором.

— Мы самые непослушные!

Дети на двадцать голосов орали:

— Мы самые непослушные!!!

Мэги удовлетворенно размахивала руками.

— Мы будем ходить на рыбалку!
— Да. Мы будем ходить на рыбалку! — скандиоовали дети.

— Мы будем ходить на прогулки!

— Да. Мы будем ходить на прогулки:

— Мы будем послушными?

Но тут дети смолкли. Они не ответили на этот провокационный вопрос девушки. 1ГМП гп-

— Итак, я последний раз спрашиваю,- повысив го лос закричала Мэги.- Мы будем послушными?

— Да! — во все горло заорали ребята.— Мы будем послушными! 197

— Ну вот. Молодцы. Наконец-то, мы договорились.

С изумлением Пола, Сиси и Берта смотрели и удивлялись, как эта хрупкая Мэги смогла навести порядок как она смогла утихомирить орущую ораву ребятишек!

— А где же Чарли? — огляделась Сиси.

— Скорее всего убежал подальше в лес.

— Да нет, девчонки,— вмешалась Берта.— Он уже облегчил нам работу, утащил с собой самых отъявленных головорезов из мальчишек, и, наверное, где-то в лесу учит их разводить костры. Хочет сделать из них настоящих индейцев, которые потом придут к нам ночью и снимут нам скальпы.

— Ну и гад,— возмутилась Пола.

А Чарли и в самом деле сидел в это время за сараем, сложив небольшой костер из обломков сухих веток. Его плотно обступило кольцо двенадцатилетних ребят, которые с недоумением смотрели на то, что делал Чарли.

— Я, конечно, не учился у настоящих индейцев,— вещал парень ребятам, с интересом смотревшим на его действия,— но кое-что у меня может получиться. Один Великий Змей, так звали вождя племени Инчучунов, показывал мне, как это делается.

Чарли достал из кармана газовую зажигалку, произнес длинное заклинание и щелкнул затвором. Скомканная газета, подложенная под сучья, вспыхнула, и дрова, облитые бензином, занялись ярким огнем.

Дети вскинули руки и принялись танцевать возле костра, а Чарли удовлетворенно вздыхал, глядя на своих подопечных.

Но костер, сложенный из тонких веток, быстро сгорел, и дети снова уставились на Чарли. Они хотели услышать от него что-нибудь интересное. Тот лихорадочно придумывал очередную историю из жизни индейцев.

— Ладно, ребята, садитесь в круг, сейчас я вам расскажу захватывающую историю.

— Ну вот, история. Значит, жил один индейский вождь, и у него была жена. Он уже много с ней жил, у него дети были. И он решил жениться на другой, более молодой и сказал поэтому ей,

что он уезжает куда-то в другое племя и оставил ее с сыном в своем вигмаме. Он поехал со своим другом, скажем адъютантом, а кому-то там приказал убить жену и сына.

Один мальчик в толстых очках скептично посмотрел на воспитателя, такого молодого и такого несерьезного. Он толкнул локтем под бок стоявшего рядом с ним друга.

— Послушай, этот парень, по-моему, немного не в себе, и его истории какие-то дурацкие. Я чувствую, ничему хорошему он нас не научит. С ним будут только одни неприятности.

Чарли, услышав, что кто-то говорит о нем, грозно посмотрел на ребят. Мальчик в очках испуганно затих и спрятался за спину своего приятеля.

— Ну так вот, ребята, если вы не будете меня слушаться, так с вами произойдет то, что произошло с женой вождя и его сыном. Их просто-напросто убили. А скальпы сняли и высушили. И вся эта история, кстати, произошла именно в этом лесу, на берегу именно этого Хрустального озера. Так что где-то здесь поблизости ходят их души и ловят непослушных ребят, которые разговаривают, когда им рассказывают интересные истории.

Старый могильщик хоть и экономил содержимое плоской бутылки, но, как он и рассчитывал, виски скоро кончились. И ему довелось идти в город, чтобы пополнить запас. Из города он возвращался уже навеселе. По темной ночной дороге он шел, спотыкаясь о корни деревьев, о камни, и громко распевал похабные частушки о девушке негритянке, которая ждет белого ковбоя и сохнет по нему от любви, а ковбой на своей гнедой кобыле все никак не едет к ее дому, и девушка, уж совсем извевшись, решила отдаться первому встречному, даже если это будет жирный негр Сэм.

Старик время от времени останавливался, оглядывался по сторонам и отхлебывал из узкого горла плоской бутылки очередную порцию крепкого напитка. Старый Сэм был настолько пьян, что не мог уже направлять свои ноги куда нужно. Он уперся в капот стоящей на обочине машины, и все никак не мог решить с какой стороны ее лучше обойти: слева или справа. Наконец, не придумав ничего, старик поставил бутылку с виски на капот машины и начал громко кричать:

— Эй, какой идиот тут загородил дорогу? Какой идиот оставил здесь машину? Вот я сейчас возьму и сброшу ее в кювет, если мне невозможно пройти.

Никто ему не отвечал. Тогда старик обратился к единственному другу, который у него был в эту ночь, к плоской бутылочке:

— Ну знаешь, дорогая, ты и завела меня. Никак не выбраться.

Бросают тут разные идиоты машины, а ты тут

думай, куда теперь податься. Может лучше вернуться в город? А? Скажи мне дорогая.

Но бутылка естественно молчала. И только ветер свистел в ее открытом горлышке.

Тогда старик сказал ей:

— Можно я тебя поцелую? — Поднес к губам и жадно припал к узкому горлышку.

— Но тут что-то зашуршало наверху на откосе, и, ломая кусты, к ногам старика выкатился большой, почти круглый камень.

— Это что еще такое? — изумился старый могильщик, глядя на большой серый валун.— Ты-то откуда взялся, а? Тоже выпить захотел?

Старик попробовал откатить ногой камень, но тот был ужасно тяжелый.

— А впрочем,— немного протрезвел старик,— если камень скатился, значит тут кто-то ходит. Значит, будет мне компания дойти до кладбища.

Он стал всматриваться в темноту. Но кусты, раскачанные камнем, немного успокоились, и нигде никого не было видно.

— Ну ладно,— вздохнул старик.— Ты меня завела сюда бутылочка, ты меня отсюда и выведешь. А ну-ка показывай, в какую сторону мне идти?

Он взмахнул рукой и бросил через плечо пустую бутылку. Зажмурившись, старик ждал, когда раздастся звон разбитого стекла, но бутылка беззвучно исчезла в ночи.

— Ничего себе,— изумился старик,— куда это ты, подружка, подевалась? — Он открыл глаза и обернулся.

В пяти метрах позади него стоял, широко расставив ноги, убийца-мертвец в пластиковой маске хоккейного вратаря. В высоко поднятой руке он сжимал пустую бутылку, брошенную стариком. Он легко раздавил бутылку толстого стекла в руке и бросил осколки прямо в лицо старику.

Старик, зажмурившись, дико закричал. Убийца, не спеша, вытянул из-за пояса сверкающее в лунном свете мачете и одним взмахом разрубил тело старика на две половины.

Удар был настолько стремительным, что даже не хРУ' стнули позвонки. Крик старика мгновенно затих, оборвавшись в ночи.

Парень и девушка, чья машина стояла на ооочине, конечно же, слышали зов старика, который ругался и просил убрать машину с обочины, но им было лень подниматься, потому что они сидели на разостланной на траве постилке, пили шампанское и разговаривали вполголоса.

— Ой, Стив, какая прелесть! — говорила Мэри, рассматривая кольцо подаренное ей парнем.

— Бывают, конечно, и лучшие, но мне понравилось именно это,— сказал Стив.

— Ну все, я теперь твоя должница.

— Я на это и рассчитывал,— Стив отпил глоток шампанского из большого фужера.— Придется тебе, Мэри, отработать. Что там кричит этот идиот возле машины, что он ее, обойти не может.

Но тут раздался звон стекла и душераздирающий крик старого могильщика.

Стив отставил фужер на траву и прислушался. Мэри тоже насторожилась.

— Стив, а чего это вдруг так резко замолк старик? Может ему стало плохо?

— Посиди здесь. Я пойду посмотрю.

Стив поднялся, осторожно раздвинул кусты, выходя к обочине дороги, и сразу же отпрянул, увидев страшное зрелище: убийца-мертвец расчленял тело старика точными короткими ударами. Кровь брызгала во все стороны, и ее капли были очень четко видны на белой пластиковой маске.

Не удержавшись, Стив вскрикнул. Убийца прервал свое занятие и повернул в его сторону голову. Мачете застыло, занесенное для удара. Стив попятился.

— Стив, что происходит? — закричала Мэри, увидев изменившееся лицо ее парня.

Но Стив схватил ее за руку и потащил за собой.

— Мэри, убегаем, скорее убегаем.

— Что случилось? — спрашивала Мэри.

— Сейчас не время. Нужно ехать к шерифу.

Стив уже слышал, как осыпаются камни по откосу под тяжелой поступью убийцы.

— Стив, объясни!

Но парень все тянул девушку вниз по откосу. Они подбежали к машине, Стив начал трясущимися руками открывать дверцу. Но замок заклинило, и Мэри испуганная прижалась к спине своего парня.

В это время хрустнула толстая ветка, и возле машины в двух шагах от парня и девушки появился зловещий мертвец-убийца. С его мачете капала кровь. Девушка закричала и спряталась за своего парня. Стив широко расставил руки, прикрывая свою подругу. Убийца отвел руку с мачете в сторону, и широкое сверкающее лезвие мгновенно пронзило их обоих. Твердая сталь прошла сквозь их тела и выбила стекло **в** дверце автомобиля. Парень и девушка осунулись к колесам и **мгновенно** умерли.

А ночь опустилась на скаутский лагерь. Воспитатели, у которых в голове было много мыслей о том, как позабавнее провести ночь, забыли про детей. Но те, утомленные долгим днем, проведенным в лагере, и долгой тряской дорогой в автобусе, почти мгновенно заснули, даже предоставленные сами себе.

В большом длинном доме, имевшем только одну комнату, очень похожую на танцевальный зал, стояли ряды кроватей. В торце ярко горел камин. Слева спали мальчики, справа — девочки. Казалось ничто не нарушит их спокойного мирного сна. Все также будут потрескивать дрова в камине, подброшенные заботливой рукой Сиси. Все также будет крутиться в барабане хомячок, которого дети привезли с собой. Но эта тишина была обманчивой. Спящие дети и не подозревали, что в окрестностях их лагеря орудует убийца-мертвец, и что их жизням угрожает смертельная опасность.

Не догадывались об этом и воспитатели, проводившие время в небольшом домике, стоящем возле кухни. У них тоже горел камин. Они сидела возле него за круглым столом и неторопливо разговаривали.

Две девушки, не зная чем заняться, достали колоду карт.

— Я знаю обалденную игру,— сказала чернокожая Сиси.

— Какую. Мне за этот день уже надоели все игры,— Пола подошла к камину.

— А у нее очень интересное название,— Сиси посмотрела на свою подружку.— Эта игра называется «Кровавый кемпинг». Правда, классное название?

— Ну знаешь,— сказала Пола,— ты не очень-то пугай меня ночью. Я потом буду бояться спать.

— Вот, смотри,— говорила Сиси, вытягивая из колоды пикового валета.— Вот эта карта будет кровавый Роджер. А вот теперь смотри. Трефовая дама — это я. Правда похожа? — Сиси показала карту подруге.— А вот червеная дама,- она положила одну карту на другую Теперь найдем остальных. Бубновая будет Мэги

— А кем будет Чарли? - поинтересовалась Пола

— Что-то я не могу найти никого похожего на этого придурка.—Сиси перебирала карты.—Для короля он слишком молод, а вот, пусть он будет трефовым валетом

— Ладно,— согласилась Пола,— мне все равно.

Теперь я кладу Роджера в колоду и перемешаю ее.

Пола, подбоченясь, смотрела за манипуляциями своей подруги.

Смотри, смотри, запоминай, будет чем заняться по вечерам.—

Сиси ловко раскладывала карты на три кучки.— Теперь разделим их на три,— говорила темнокожая девушка.— Самое главное, определить, в которой кучке оказался Роджер. Кучки — это домики. Теперь смотри, на кого легла карта Роджера, тот и мертвец. Правда, интересно?

— Послушай, а что мы сидим здесь одни,— Полу явно не занимали карточные игры ее подруги.— Почему остальных нету. Где хотя бы Мэги?

— Да ты что, Мэги не знаешь,— рассмеялась Сиси,— разве она когда-нибудь докладывает куда идет. Научилась у своего отца-шерифа считать себя главной в округе. Если хочешь, можешь ей позвонить, если только она сидит дома.

Пола подошла к телефону и набрала номер. Но поговорить по телефону она не успела — на улице раздался пронзительный детский крик. Сиси, которая в это время держала в руках пикового валета, вздрогнула. Карта выпала у нее из рук. Девушки, не сказав друг другу ни

слова, бросились на улицу.

Еще раз раздался пронзительный детский крик. Кричали в домике, где спали дети. Подруги вбежали туда и зажгли свет. Кучерявая девчонка стояла на пороге в длинной ночной рубашке и перепуганно показывала на самую маленькую девочку, которая сидела на кровати, отбросив одеяло.

— Это она, Ненси, Ненси кричала.

Сиси и Пола подбежали к постели девочки, присели на корточки и внимательно посмотрели в глаза маленькой

Ненси. т¥ о

— Все в порядке. Мы здесь. Что случилось? -

говорила Сиси, поглаживая девочку по руке.

Ненси сбивчиво принялась объяснять. Ее длинные белокурые волосы были растрепаны, в глазах застыли слезы. от

— Оно гналось за мной, хотело убить:

— Кто? — переспросила Сиси.

— Оно гналось, хотело убить!

— А где оно было? — нашлась Пола.

— Да везде. Оно было везде и хотело меня убить,_

шептала Ненси.

— У тебя был плохой сон? — облегченно вздохнула Сиси.

— Да нет, оно было настоящее,— серьезно говорила девочка. — Такое настоящее, как бывает по телевизору.

— Не беспокойся, Ненси. Я и Пола здесь, мы не дадим тебя в обиду. Если кто-нибудь придет, мы его прогоним. Хорошо? Договорились, маленькая?

Девочка потерла глаза кулаком и закивала головой. Но ей не

верилось, что две хрупкие девушки смогут противостоять тому чудовищу, которого она видела, даже сама не поняв, сон это был или явь.

— Мы будем здесь,— повторила Пола.— И ничего с тобой не случится. А теперь ложись спать, и чтоб больше никаких дурных снов.

Ненси неуверенно кивнула головой и натянула одеяло под самый нос.

Дождавшись пока девочка уснет, Пола и Сиси погасили свет и тихо вышли на улицу, не сдержав своего обещания остаться с детьми на всю ночь.

— Тише, тише,— говорила Пола,— а то разбудишь, и нам придется сидеть здесь. А так можно будет заняться чем-нибудь другим.

— А чем ты сейчас займешься?

— Ну как, пойдем поиграем с ребятами в карты.

— А что, разве здесь кто-нибудь остался? — Сиси посмотрела удивлено на свою подругу.

— Ну как же,— сказала та.— Чарли и Берта, они же здесь.

— Ну да, будут они сидеть здесь, сторожить детей. Чего же они не прибежали на крик Ненси? Они уже смотались, часа два тому назад, в фургон к Берте.

— Да,— присвистнула Пола,— классный у нее фургон. Там все есть: и душ, и кухня, и большая кровать.

— Ну да,— сказала Сиси,— они отъехали, наверное, куда-нибудь в лес и развлекаются.

— Да никуда они не уехали,— сказала Пола, заметив возле кухни большой фургон Берты. Смотри, видишь их силуэты за шторами, видишь, как фургон раскачивается. Сейчас колеса поотваливаются.

— Ну ладно тем более не будем им мешать-сказала Сиси.— А то и они когда-нибудь нам устроят ка-кую-нибудь гадость, когда мы будем с парнями. Пусть себе занимаются, а мы пойдем по своим делам.

Фургон Берты действительно бешено раскачивался из стороны в сторону. Он дрожал, как-будто под ним вздра-гивала земля. В нем оглушительно гремела музыка.

Чарли лежал на спине, Берта сидела на нем верхом, закинув руки за голову. Чарли изгибался, как мог. Берта подскакивала и выкрикивала:

— Чарли, Чарли, ну давай же, темпераментней, еще быстрее.

Невыносимо гремела музыка, заглушая стоны и выкрики девушки.

— Слушай, а что это за такая темпераментная песня? —

придыхая, спросила Берта.

— Кажется, Мик Джагер поет.

— Хорошая песня,— ответила девушка.— Давай еще, хоть две минуточки подергаемся. Еще хоть две минуточки,— не унималась девушка.

Крупные капли пота текли по измученному лицу Чарли. Он смахивал его, но пот снова и снова выступал. Чарли явно начал уставать.

— А как называется эта песня? — поинтересовалась Берта, прикусив губу.

— Да кажется, «Рубиновый вторник»,— Чарли еле дышал от усталости.

— А разве есть такая песня, я только знаю про пятницу тринадцатое,— шептала Берта.

— Да ну тебя, нашла о чем вспоминать. Лучше давай немного помедленнее, а то я уже совсем замучился,— шептал еле живой Чарли.

— Помедленнее делают только покойники на кладбище,— сказала Берта,— а я люблю скорость.

— Как хорошо я придумал,— шептал Чарли Берте,— так бы мы тут зашлись от холода. А видишь, подогнали фургон к кухне, подключили кабель, и теперь калориферы жарят во всю катушку. И мы, как папуасы на песчаном пляже возле океана.

— Да, только вентилятор забыли включить, смахивая пот с лица, говорила Берта, не переставая подпрыгивать.

Туман окутывал фургон со всех сторон. Его рваные клочья выплывали из лесу, и уже трудно оыло разглядеть, что делается у самой земли.

Из лесу вышел мрачный убийца-мертвец. Его черные прорезиненные бахилы давили сучья, сбивали грибы сдирали влажный мох. Он неторопливо подошел к фургону и прислушался к доносящейся оттуда музыке и к сдавленным стонам. Он повертел своей головой в блестящей пластиковой маске хоккейного вратаря, как бы соображая, как приступить к очередному кровавому делу. Его взгляд упал на тяжелый кабель, который был подключен к щитку на рубильнике кухни. Он смело подошел, взялся рукой за кабель и вырвал его. Рассыпались ослепительно синие искры. Фургон погрузился во мрак и перестал вздрагивать. Из него послышался удовлетворенный голос Чарли:

— О, наконец-то, нам повезло, можно передохнуть.

— Слушай, но ведь теперь нам станет холодно, а я еще не успела кончить. Сделай, пожалуйста, свет. Я хочу при свете. Мне нравится смотреть на твое лицо. А тебе ведь тоже нравится

смотреть на меня?

— Да, да, нравится,— ответил Чарли, переворачиваясь на бок.

— Но я же не успела, я еще не была готова,— за-перечила Берта, стараясь его удержать.

— Берта, но ведь песня уже кончилась, мы же договаривались с тобой, что три песни и все. А потом отдыхаем. Вот песня и кончилась.

— Слушай, Чарли,— Берта подошла к приборному щитку и пощелкала кнопками.— Да здесь, вообще, ничего не работает. Наверное, это какая-нибудь лошадь оборвала кабель.

— Да ну тебя к черту, какая здесь еще может быть лошадь?

— Слушай, Чарли, может тебе опять подсоединить этот проклятый кабель, я уже видишь, вся дрожу от холода. Я не могу так, мне нравится, когда жарко, когда работают калориферы. Не ленись. Сходи, пожалуйста, подсоедини кабель.

— Вот залезай под одеяло, здесь тепло.

— Я не люблю под этими тряпками. Мне нравится обнаженной. Сходи все-таки, подключи.

— Черт подери! Придется идти,— сказал Чарли, натягивая джинсы.

Парень спрыгнул на землю, и, заподозрив что-то неладное, пригнулся. Не спеша, осторожными шагами он двинулся вокруг фургона. Чарли подошел к тому месту, где каОель Ыыл присоединен к машине — соединение было на месте. Он вытащил его и, держась за шнур, попытался вглядеться в темноту, попытался определить, где находится обрыв.

В это время из-за угла фургона выскочила Берта и бросилась к нему. Чарли вздрогнул и прижался к холодной обшивке.

— Ты с ума сошла, я чуть в штаны не напустил от страха! Могла бы предупредить.

Берта засмеялась.

— Так ты нашел, где обрыв?

— Вроде бы все в порядке.

— Да ты просто боишься,— сказала Берта.

— Ну если такая умная, то сама иди туда в темноту. Посмотри, что там случилось. Может, тебя еще и током долбанет.

Берта осторожно начала подтягивать кабель. Он тащился легко, его ничто не сдерживало с другой стороны. Наконец, в руках девушки сверкнули оборванные провода.

— О черт! — выругался Чарли.— Видишь, вырвало провода из штекера. Теперь уже ничего не сделаешь, не буду же я в темноте прикручивать их.

— А что же делать? — спросила Берта.

— Да ну его,— Чарли напустил на себя храбрый вид.— Запустим двигатель и включим печку. Хоть так погреемся.

Но тут что-то хрустнуло невдалеке от них в темноте.

— Я боюсь,— сказала Берта.— Там, кажется, кто-то есть.

Чарли, не дожидаясь продолжения, подбежал к открытой двери фургона. Берта бросилась за ним.

— А кто тут может ходить в такое время? — спросил Чарли.

— Наверное, это Роджер,— прошептала Берта, сама не веря своим словам.

— Да ну его к черту,— сказал Чарли,— давай лучше уедем отсюда и займемся развлечениями в другом месте.

Они вскочили в фургон, захлопнули двери. Чарли уселся за руль. Повернул ключ, но стартер молчал.

— Что-то не заводится,— удивился Чарли.

— Ну все, приехали. Не заводится? — ехидно переспросила Берта.— Да ты и в технике не разбираешься.— Она включила массу.

Загорелись лампочки на приборной панели. Лицо Чарли осветила блаженная улыбка. Ему явно хотелось поскорее выбраться с этого страшного места.

— Ну ты молодец,— сказал он и запустил двигатель.

Он включил скорость и отпустил педаль сцепления.

Фургон рванулся с места. Не удержавшись, Берта полетела через весь фургон на большую кровать в самом конце салона. Чарли, еще не привыкнув к управлению такой большой машины — до этого он водил только легковые — радостно крикнул:

— Ну все, получается.

Но тут фургон вскочил колесом в канаву. Машину снова дернуло, и Берта, слетев с кровати, покатилась по полу.

— Чарли! Чарли! — пыталась остановить она парня.— Давай я сяду за руль.

— Да ну тебя! Я же прекрасно вожу машину, неужели не видишь? — И Чарли вновь переключил скорости.

На этот раз фургон поехал задним ходом. Берта снова упала на постель, высоко вскинув ноги. А Чарли, смеясь, переключал скорости и дергал машину. Берта никак не могла подняться.

— Ну я сейчас до тебя доберусь, проклятый ты гад! — кричала она.

А Чарли, смеясь, уже выводил фургон за ворота лагеря.

— Ой, никогда не думал, что так приятно водить грузовик! — кричал Чарли.

— Дай мне, я поведу.

— Да нет,— Чарли включил радиоприемник, из которого полилась громкая музыка.— Я хочу потащиться, я буду вести

машину.

Фургон мчался по дороге со включенными фарами.

Берта, наконец, добралась до кабины водителя, но тут распахнулись двери туалета, и липкая рука убийцы-мертвеца схватила девушку за горло. Она даже не могла вскрикнуть, только хрипела. Ей в нос сразу же ударил запах разложившейся плоти. Смрад был ужасный.

Рука втянула девушку в туалет.

Чарли, удивленный тем, что его подружка затихла, обернулся: ее нигде не было, лишь только хлопала дверь туалета.

— А,— сказал Чарли,— ты туда забралась. И что ты там делаешь? Здорово, мне нравится такая машина, здесь даже можно на ходу в туалет сходить. Я бы

пришел к тебе, только боюсь вот руль бросить

А Берта в это время пыталась вырваться из смертельных объятии безжалостного убийцы. Он, зажимая ей рот рукой, навалился на нее своим прогнившим телом

Наконец, убиица схватил девушку за волосы, оторвал от пола и со всего размаху ударил головой о зеркало Посыпалось разбитое стекло и окровавленный труп сполз на пол. Безжалостный убийца перешагнул через бездыханное тело и вышел в салон.

Чарли в это время громко распевал и крутил баранку.

— Берта! Берта, посмотри как красиво! — кричал он.— Какой кайф. Иди садись рядом со мной, мне же скучно. Будем балдеть вместе. Смотри на спидометре сто миль, и твоя машина, как будто летит.

Веселый Роджер остановился за самой спиной Чарли и положил на спинку сиденья руку с длинным острым ножом. Чарли, не подозревая, кто стоит у него за спиной, радостно продолжал:

— А вот послушай другую песню,— он покрутил ручку настройки приемника.— Это шлягер прошлого года, но вещь чудесная.

Убийца неторопливо отвел нож в сторону и глубоко, по самую рукоятку, вогнал его в ухо парня. Чарли отпустил баранку, и автомобиль, лишенный управления, кувыркаясь и грохоча металлом, полетел с высокого откоса. Сдирались листья обшивки, металл, скользя по камням, высекал искры. Наконец, машина затихла, казалось, уже ничего живого не может остаться в ней. Но тут от ужасного удара в перевернутом фургоне сорвалась с петель дверь, и из нее выбрался убийца-мертвец.

Он выпрямился во весь свой ужасный рост и огляделся.

В это время в полицейском участке Мэги сидела на

вертящемся кресле напротив своего отца. Хотя шериф уже привык к частым спорам со своей дочерью, его все же раздражала ее настойчивость и своеволие. Но он ее очень любил. Она была единственным реоенком в его семье, и поэтому шериф прощал ей самые отчаянные поступки и самые бессмысленные споры, в которые она его втягивала. Вот и сейчас они ссорились

между собой.

— Папа, ну когда ты, в конце концов, перестанешь относиться ко мне как к ребенку,— Мэги стучала по столу кулаком.

— Тогда, дочка, когда ты перестанешь себя вести как самый настоящий ребенок. Когда ты, наконец, станешь взрослой и самостоятельной девушкой.

— Ну, папа, пойми, ты не прав.

— Мэги, неужели ты не понимаешь, что это больной парень!

— Слушай, папа, ты что, температуру у него измерял? — попыталась пошутить девушка.

Но это еще больше разозлило шерифа и вывело из состояния равновесия.

— Послушай, молодая леди,— шериф нервно заходил по кабинету,— если бы была жива твоя мать, она бы тебе такую трепку задала! И я бы ее поддержал! Слушай, уходи отсюда, возвращайся в лагерь, там тебя, наверное, уже ищут. А то расселась в моем кабинете и пытаешься командовать тут... Прямо вся в свою мать! Надо же было уродиться такой!

— Папа, прекрати так говорить о маме, она была очень хорошим человеком.

— А я и не говорю, что была плохим. Я просто говорю, ты, как две капли воды, похожа на нее, особенно своим невыносимым характером.

Зазвонил телефон. Девушка сняла трубку.

— Контора шерифа вас слушает. Ах, простите, он не может сейчас подойти, он очень занят.— Веселым голосом говорила Мэги.— Может, ему что-нибудь передать? Ой, извините, вот он идет.

Шериф недовольно выхватил трубку из рук дочери и плотно прижал к уху.

— Шериф слушает.— Сказал он.

На другом конце провода, по полицейской рации, говорил помощник шерифа Рик.

— Слушай, шеф, что ты там сейчас делаешь? Опять ссоришься со своей дочерью?

— А какое тебе дело, Рик?

— Послушай, бросай свою контору и немедленно приезжай сюда. Ты увидишь то, что осталось от этих придурков, которые

днем играли в лесу. Ну, помнишь, этих, в пятнистых костюмах?

— Но ты можешь хотя бы сказать, что там такое произошло?

— Да, шеф. С ними кто-то ужасно расправился. По стилю очень похоже на Роджера.

— Что ты говоришь? - изумился шериф, и его рука сжалась в кулак,- Где ты, Р„к? Назови точное место **Да, понял тебя. Немедленно выезжаю.**

Шериф бросился к вешалке, накинул теплую меховую куртку, выхватил из стенного шкафа тяжелый вин-честер.

— Папа, папочка! Ты куда? - подхватилась с вертя-щегося кресла Мэги.

— Слушай, дочка, по-моему твой парень очень хочет, чтобы все поверили, что Роджер жив. По-моему он действительно самый настоящий сумасшедший. И температуру ему измерять не. прийдется, на него нужно, как можно скорее, надеть наручники и отправить в тюрьму.

Послушай, папа, а разве этот проклятый Роджер — не легенда?

— Да, это легенда. А вот твой душевнобольной пытается, видимо, доказать, что это самая настоящая кровавая правда. Знаешь что, Мэги?

— Что, папа?

— Никуда не ходи. Не покидай участок. Сиди здесь, пока я не вернусь. Ясно?

— Да, папа.— Уже совершенно другим, испуганным и робким голосом проговорила Мэги.

Отец круто развернулся и выбежал на улицу. Во дворе включилась мигалка, ее ослепительный свет забегал по белой стене полицейского участка. Взревела сирена, и машина, набирая скорость, помчалась по автостраде в ночь.

Мэги, оставшись одна, сидела в задумчивости. Но тут зазвонил телефон. Не поднимая трубки, Мэги дотянулась до тумблера и переключила связь на селектор.

— Контора шерифа слушает,— проговорила она приятным голосом исполнительной секретарши.— Если вам нужен шериф, то, извините, его сейчас нет. Он выехал на происшествие.

Она вслушивалась в голос, звучащий из динамика. Голос показался ей очень знакомым. Наконец, она узнала, что на другом конце провода — Томми.

— А, это ты, парень. Я тебя узнала. С тобой говорит Мэги, дочь шерифа. Помнишь, мы с тобой утром встречались.

— Конечно, помню, Мэги.

Но девушка не дала ему **договорить.**

— Ты тогда сидел в клетке, и я тебя рассматри

вала, как дикое животное. А мой отец говорил, что ты сумасшедший. ^

— Мэги, не время сейчас говорить об этом. Я должен увидеться с твоим отцом и поговорить с ним. У меня есть свежая информация. О воскресшем убийце Роджере. Но, прежде чем с ним увидеться, мне нужно кое чем запастись.

— Послушай, Томми, тебе не стоит встречаться с отцом. Сегодня ночью случилось что-то ужасное. И мой отец уверен, что это ты убиваешь людей. Что ты хочешь доказать всем, Роджер — жив. Он думает, что ты надел его маску и действуешь от его имени.

— Ну ты хоть веришь, что я не виновен?

— Конечно, верю,— поспешила ответить Мэги.

— Так вот слушай, Роджер — жив и он на свободе. Он убивает людей. И он ищет меня, он хочет прикончить меня. Ты слышишь, Мэги?

— Конечно, слышу,— отвечала девушка.— Где ты сейчас находишься, Томми?

— Я тут недалеко. Я сейчас приеду за тобой.

— Послушай, Томми, не нужно. Если мой отец вернется и увидит твою машину, то сразу арестует тебя. Ясно? Ведь он думает, что это ты Роджер. Так где ты, Томми?

— Я на Восьмом шоссе, за пару миль отсюда.

— Никуда не уходи, Томми! Я сейчас сяду в свою машину и приеду за тобой, мы поедем вместе.

— Мэги! — кричал Томми в трубку.

Но девушка уже не слушала его. Она, отстранив трубку, сидела за столом в задумчивости. Ей не хотелось верить в предположение своего отца. В то, что этот приятный парень может оказаться убийцей. Ей хотелось доказать всем и себе в первую очередь, что это неправда. Что Томми — приличный молодой человек, и что он — в полном рассудке. Девушка повесила трубку и вышла на улицу. Ее красная спортивная машина завелась с полуоборота, и понеслась по направлению к Восьмому шоссе.

А в это время шериф Джексон прибыл на место происшествия. Его встретил Рик.

— Послушайте, шеф,— полицейский выглядел ужасно напуганным и взволнованным.— Это страшное убийство, я уже давно не видел такого. В наших краях не происходило ничего такого со времени смерти мрачного убийцы Роджера.

На обочине шоссе стоял большой медицинский фургон. Шериф поморщился, ему самому становилось не по себе. Он сам не мог поверить, что тот парень, которого он вывез за границу

своего округа, может совершать такие жестокие убийства.

— Сколько трупов? — спросил шериф.

— Трудно сказать,— промолвил Рик,— если бы они были целые, а так... Посмотрите.

Рик нагнулся и приоткрыл простыню, под которой скрывались обрубки человеческих тел: руки, ноги, головы — все валялось отдельно. От этого зрелища шерифа передернуло. Волосы зашевелились на голове.

— Боже,— промолвил он,— неужели этот парень таким ужасным способом пытается нам доказать, что Роджер жив?! Неужели такой ценой?!

— Нет, похоже, это не парень... Он не может обладать такой колоссальной силой... Это кто-то другой. Представляешь, шеф, чтобы так разрубать человеческие тела, какая нужна сила! — Рик крутил в руках круглые очки-велосипед с одним выбитым стеклом. Второе стекло было залито густой, уже почерневшей кровью.

— Да,— веско сказал шериф,— Майкл, Майкл,— вдруг как сорвавшись с цепи, закричал он,— быстро закажи пакеты, все это нужно убрать, пока не увидели люди, иначе нам с тобой не сдобровать. Майкл, Ник, Рик! Нужно приложить все усилия, чтобы этой же ночью поймать мерзкого ублюдка!

Но полицейские и так суетились. Они рыскали по кустам, собирая останки человеческих тел, облаченных в военную пятнистую форму. Дрожащими руками один из полицейских нес женскую голову в широкополой шляпе с лихо загнутыми краями. От этого зрелища, шерифу, привыкшему ко всему, сделалось не по себе. Он то и дело сжимал свои могучие кулаки.

— Ну, я этого ублюдка достану! Он у меня не захочет жить на этом свете!

— Да, шеф, мы его должны поймать! Иначе он доберется до детишек, отдыхающих в лагере.

От этих слов шерифу сделалось совсем плохо. Он нервно забегал.

— Дети! Дети! Не дай бог этот ублюдок доберется до них, тогда... тогда...— он даже боялся проговорить вслух то, о чем подумал. Он завертел головой, как бы отмахиваясь от жутких мыслей и предчувствий.

— Знаете, шеф,— задумчиво произнес Рик,_что

мне больше всего не нравится в этой истории?

Шериф насторожился. Он и сам уже успел подумать про это.

— Знаете, какой сегодня день?

— Пятница тринадцатое.

— Правильно,— сказал Рик,— и вот это мне больше всего не

нравится во всей этой истории.

Предчувствия не обманули шерифа.

Убийца-мертвец, тяжело ступая, вошел на территорию скаутского лагеря. Он знал, что делает, его никогда не подводила интуиция. Оглядевшись, он нашел распределительную коробку телефонной связи и одним взмахом мачете обрубил толстый кабель. Потом, настороженно прислушавшись, он направился к дому, где горел свет.

Из взрослых в лагере оставались только Сиси и Пола. Сиси давно уже спала, закутавшись в теплое одеяло, поставив телефон возле самого изголовья. А Пола никак не могла уснуть. Она сидела за ломберным столом в плетеном кресле и раскладывала под настольной лампой пасьянс. Но пасьянс никак не раскладывался до конца. Пола сгребла колоду, перетасовала ее и наугад из середины вытащила одну карту. Это был пиковый валет.

— Роджер,— мрачно проговорила девушка.— Ей стало не по себе. Ее насторожила гнетущая тишина, царившая в лагере, ей казалось, что станет намного легче, если кто-нибудь из испуганных детей прибежит на свет в их домик. И попросит хотя бы даже рассказать сказку.

Пола подошла к окошку и выглянула во двор. Рваные клочья густого тумана, как вата, лежали среди деревьев. Во дворе было тихо. Но девушке показалось, что в этом тумане промелькнула чья-то тень.

— Кто там? Эй, здесь кто-то есть? — испуганно прокричала Пола в густую темноту.

Она на всякий случай отошла от окна. Шаги прозвучали совсем близко, и кто-то, как показалось девушке, притаился под окном.

Сиси оторвала голову от мягкой подушки и, прищурив глаза от слепящего света настольной лампы, попыталась разглядеть свою подругу.

— Чего ты орешь? Что происходит? — сквозь сон пробормотала девушка.

Но Пола ничего ей не ответила. Она вглядывалась в окно.

— Мне кажется, что там в темноте кто-то слоняется по территории нашего лагеря,— наконец, проговорила она.

Сиси уронила голову на подушку и улыбнулась.

— Мне кажется, это сумасшедший Чарли пытается нас испугать. Ты же знаешь, что ему не спится, его мучает бессонница. Ладно, не отвлекай меня, я хочу спать.

— Ладно, спи,— успокоила подругу Пола.

Но Сиси не смогла уснуть. Ей в голову пришла блестящая

идея.

— Слушай, а устрой ему шутку. Напугай его. Пусть сам узнает, что это такое,— радостная улыбка озарила ее лицо.

Пола взяла открытую банку колы, осторожно подкралась к окну, высунула руку и начала лить напиток, как она считала, на голову Чарли, который копошился прямо под окном. Но никто не отреагировал на ее выходку. Она отошла от окна и несколько секунд прислушивалась к тишине, царившей на территории лагеря. Потом, окончательно осмелев, она решила выглянуть в окно. Подошла к подоконнику, уперлась руками в раму и выглянула во двор.

Тотчас же перед ней выросла ужасная фигура убийцы-мертвеца. Девушка только успела коротко вскрикнуть. Веселый Роджер схватил ее за голову и буквально вышвырнул на улицу, прижал к земле коленом и, с хрустом ломая позвоночник, крутанул голову девушке на два оборота. Изо рта бедной Полы хлынула кровь, а глаза выскочили из орбит.

Сиси так и не смогла сообразить, что же происходит. Она подумала, что это Чарли вытащил девушку во двор, и сейчас они занимаются любовью прямо под окнами их домика.

— Эй, ребята,— крикнула в открытое окно,— вы всех детей разбудите- Потом их будет очень тяжело снова уложить в постели. Ну и черт с вами,— она вновь заснула.

На красной двухместной спортивной машине Мэги подлетела к заправочной станции на Восьмом шоссе. Опустив боковое стекло, она высунула голову. К. машине сразу же подбежал Томми.

— Послушай, Мэги, послушай меня внимательно.

Ты не можешь со мной ехать, это очень опасно. Ты даже не представляешь, насколько это опасно!

— Слушай, Томми, не говори мне об опасности. Я лучше тебе посоветую для начала спрятать свой грузовичок. Вот это действительно опасно. Если мой отец увидит твою машину, он обязательно догадается, что ты опять вернулся на его участок. И он сделает все, чтобы поймать тебя, заковать в наручники и отправить в псих-лечебницу. А еще хуже — в тюрьму.

— Мэги, пойми, то, что происходит — не игра! Ты со мной не поедешь! Я не хочу подвергать тебя опасности.

— Слушай, ты только что говорил по телефону, что тебе нужно чем-то запастись. Поэтому, не болтай лишнего и садись в машину. Я помогу тебе найти то, что ты ищешь. Давай быстрей, Томми!

— Ну смотри, Мэги. Я тебя предупредил.

— Томми, садись быстрей, ведь кроме меня, тебе здесь никто

не поможет.

Томми вскочил в машину и сел рядом с ней. Автомобиль на бешеной скорости помчался по автостраде. Томми увидел знак, предупреждающий водителей в том, что на этом участке нужно ограничить скорость.

— В последнее время мне не хотелось бы конфликтовать с законом. Мэги, сбавь, пожалуйста, скорость.

Мэги крутила руль.

— А ты что, такой законопослушный?!

Парень замялся.

— Да и ты сам этого не хочешь,— продолжала девушка,— тебе же нужно скорее попасть в скаутский лагерь. А дорога ночью все равно пустая, никого на ней нет, затормозить мы всегда успеем.

Но тут парень и девушка увидели, что впереди на дороге мелькали мигалки полицейских машин и скорой помощи. Мэги что есть силы надавила на тормоз. Машину занесло и с диким визгом она остановилась поперек дороги. Почти рядом от полицейских.

— Пригнись,— закричала Мэги.

Она заметила, что от полицейской машины отделились двое людей и направились в их сторону. Она узнала помощника своего отца Рика и его напарника Майкла. Томми упал головой на ее колени, уткнувшись носом прямо в замок джинсов. О приличиях думать было не время. Мэги лихорадочно переключала скорости. Наконец, найдя задний ход, она, так и не разворачивая машины, понеслась задом наперед. Прочь от полицейских машин.

Но Рик, заметив этот маневр, бросился к своей полицейской машине и погнался следом. Одной рукой крутя баранку, Рик взял в другую руку микрофон полицейской рации и заговорил:

— 045, 045 вызывает шерифа. Ответьте.

Шериф, услышав сигнал, подбежал к своей машине
и взял в руки микрофон.

— Шериф Джексон слушает.

— Послушайте, шеф, мы только что заметили красную машину. Она как-то странно остановилась перед нами, потом дала задний ход и начала удирать.

— Какая машина?

— Красная,— проговорил Рик.

— Какой номер?

Полицейский продиктовал номер спортивной машины.

— И что вы делаете?

— Мы преследуем ее, шериф.

— Это же машина моей дочери,— проговорил Джексон.

— Она не одна в машине, я заметил, что на переднем сиденье кто-то пригнулся. Как прикажете действовать, шеф?

— Догоняйте, но действуйте осторожно. Этот парень сумасшедший.

— Конечно, шеф.— Сказал Рик.— Я с самого начала понял, что это машина вашей дочери. Но откуда, думаю я, взяться ей среди ночи на дороге? К тому же не одной.

— Преследуйте,— повторил шериф,— только, пожалуйста, действуйте осторожнее.

— Ну конечно же, не нужно мне этого объяснять,— сказал Рик и отключил рацию.

Мэги, поняв, что, двигаясь задним ходом, она не оторвется от преследователей, затормозила, развернула машину и лихо помчалась по шоссе.

Но уже навстречу ей несся в своем полицейском форде шериф Джексон. Он догадался, что рядом с дочерью сидит этот сумасшедший Томми. Ему было страшно. Ведь он думал, что Томми убийца. Что он изображает из себя страшного маньяка. И лучшим доказательством существования Роджера была бы смерть его дочери. Тогда все бы в округе заговорили о том, что дочь шерифа мертва. И что полиция ничего не может поделать с ужасным маньяком-убийцей.

— Только не поднимайся, доверься мне. Я знаю, что

делаю. Нам нужно от них уйти. И я думаю, что нам это удастся.— Взволнованно говорила Мэги.— Держись впереди крутой поворот! ’

Мэги приготовилась вывернуть руль и свернуть на проселочную дорогу. Но ей это не удалось — впереди сверкнули мигалки полицейского кордона. Мэги испуганно отпустила руль. Она увидела, что у дверцы машины стоит ее отец. Его карабин бы направлен прямо на ее машину.

— О, черт,— сказала Мэги, останавливая автомобиль.

— Что там такое? — прошептал Томми.

— Мэги, вылезай из машины,— закричал шериф.

— Ну все, приехали,— сказала Мэги Томми,— теперь можешь подниматься. Нас окружили. Нам не уйти.

Томми приподнял голову и увидел сквозь стекло нацеленный прямо на него винчестер.

Маленькая Нэнси, хоть и обещала взрослым заснуть, но только делала вид, что спит. Она лежала и слушала, как трещат дрова в камине. Сон не шел к ней. Тогда девочка глянула в окно. Туда, откуда послышались чьи-то осторожные шаги. Она в испуге увидела, как за большим окном медленно проходит убийца-мертвец, тяжело сгибаясь под своей страшной ношей. На его

плече лежал труп Полы с перекрученной головой. Девочка тихо взвизгнула и забралась под одеяло с головой. Она лежала и молилась, чтобы страшный убийца не вошел в дом.

Но скрипнула дверь, и на пороге показался мертвец. В комнате пахнуло могильной плесенью, разложившейся плотью. Девочка с замиранием в сердце смотрела, как неторопливо идет между рядов кроватей убийца со своей ужасной ношей. В руке его сверкало окровавленное мачете.

— Боже, сделай так, чтобы он не заметил меня,— молилась Ненси,— Боже, пронеси его мимо, не дай ему убить меня.

Мертвец приближался к ее кровати. Но он не смотрел на девочку, он смотрел прямо перед собой на горящие поленья камина.

— Боже,— молилась девочка,— не дай ему оглянуться, не дай ему заметить меня.

Но мертвец остановился и медленно повернул к Нен-си свою страшную маску-череп.

— Боже,— взвизгнула девочка и закрыла глаза.

Некоторое время мрачный убийца-мертвец стоял, глядя на Ненси, но потом он неторопливо положил окровавленное мачете на тумбочку рядом с ее кроватью...

Разметавшись на широкой постели в доме воспитателей, неспокойно спала Сиси. Она то и дело вздрагивала.

— Сиси,— негромко позвала Ненси.

Молодая воспитательница приподнялась.

— Что случилось, Ненси? Почему ты здесь?

Но тут ее взгляд упал на окровавленное мачете в руках девочки. Сиси испуганно вскрикнула.

— Где ты это взяла? — воспитательница забрала из рук девочки страшное орудие убийства.

— Кто-то в маске ходил по нашей комнате и оставил это на моей тумбочке.

Сиси брезгливо рассматривала запекшуюся кровь на лезвии мачете. Потом она поднялась с постели и сказала:

— Не волнуйся, маленькая, сейчас мы кого-нибудь найдем.

Вместе они вышли на улицу. Сиси принялась успокаивать девочку:

— Это не настоящая кровь. Берта и Чарли так забавляются, они решили всех попугать.

— А зачем? — поинтересовалась Ненси.

— Это Чарли не тебя хотел напугать, а меня, он хороший парень. А если хочешь, то мы сами его напугаем.

— Хочу, хочу,— обрадовалась Ненси.

Шериф привез свою дочь и Томми в полицейский участок.

— Папа,— уговаривала своего отца Мэги,— он ни в чем не виновен.

— Не лезь во взрослые дела, дочь.

— Я не вру — Роджер жив!

— Заткнись, парень! Иначе, я снова запру тебя в клетку.

_ Послушайте, шериф,— изменившимся голосом сказал Томми,— попробуйте позвонить в скаутский лагерь. Может, там уже что-то произошло.— Он тряс скованными руками,— Позвоните!

Рик в это время уже накручивал телефонный номер скаутского лагеря. На другом конце никто не отвечал.

— Шериф, там никто не отвечает.

— Наверное, что-нибудь со связью, положи трубку.

Но не успел Рик отпустить руку от телефонной трубки, как телефон зазвонил снова.

— Вас, шеф,— подал Рик трубку.

— Да, слушаю,— шериф выругался в сторону.— Не может быть! Когда это произошло? — бросал он короткие фразы.— Во сколько? — он удивленно посмотрел на Томми.— Я сейчас выезжаю.— Он положил трубку.— А ты, парень, сиди здесь и не двигайся. Рик, пока меня не будет, ты глаз не спускай с этого психа.

— Папа,— Мэги подскочила к отцу,— скажи, что случилось!

— Слушай, Мэги,— дрожащим голосом сказал шериф,— твоя подружка Берта и ее парень Чарли... Их только что нашли с раскроенными черепами.

Лицо девушки сделалось землисто-серым.

— Послушай, дочка, Томми Чарлиз — убийца-маньяк,— шериф отвел Мэги подальше от сидящего в кресле парня.— Не подходи к нему, не приближайся.

— Шериф, скажите, во сколько это произошло? — иступленно произнес Томми.

— В 8.30—9.00.— Как автомат отчеканил он цифры.

— Папа, Томми все это время был со мной. Я тебе клянусь!

Шериф оставил без внимания реплику дочери.

— Рик, все остается в силе. Я тебе оттуда позвоню. А парня посади в клетку.— И шериф покинул участок.

Выполнив приказание и заперев в клетку Томми, Рик уселся за стол своего шефа.

Мэги же сидела и все думала: как бы ей разубедить отца, как бы вызволить Томми.

Рик довольно посмеивался, наблюдая за тем, как Томми, сидя на топчане, раскачивается, обхватив голову руками. Он недолюбливал Мэги за то, что она всегда торчит на службе у

отца. Он вообще не любил женщин и всегда ожидал от них какой-нибудь пакости.

И тут он не ошибался — Мэги взяла со стола большую тетрадь и принялась в ней рисовать. Убедившись, что Рик успокоился и потерял бдительность, Мэги написала на листе большими буквами: «Томми, я сейчас тебе помогу» и наклонила тетрадь так, чтобы парень смог прочитать.

Томми поднялся, подошел к стальным прутьям пе-шетки и взялся за них руками.

А ну, Чарлиз, сядь, приказным голосом крикнул Рик, он уже окончательно вошел в роль шерифа.

— А что такое?

— Заткнись и сядь! — зло проговорил Рик.

— Так что ты там, Мэги, рисуешь? — проигнорировал полицейского Томми.

Рик вскочил из-за стола.

— Да ладно, успокойся, Рик,— сказала Мэги,— пусть посмотрит.

— Ну и гадости ты рисуешь,— нарочито вызывающе крикнул Томми,— ничего ты не умеешь делать — даже рисовать!

— Идиот! — состроила гримасу смертельной обиды Мэги и швырнула в парня тетрадь, Томми поймал ее и спрятал за спину.

— А ну отдавай,— Мэги топала ногой, стараясь завести Рика.

— Не нужно было бросаться. Не отдам!

— Отдавай сейчас же мои рисунки,— Мэги вплотную подошла к решетке.

Томми схватил Мэги за плечи, притянул к прутьям решетки и принялся целовать. Мэги сначала вроде бы вырывалась, но потом сама пропустила руки сквозь прутья и обняла парня. Этого Рик уже не мог выдержать.

— А ну отпусти девушку,— вспомнил он наказ шерифа.

На его слова никто не обратил внимания. Тогда он оттащил девушку, схватил Томми за руки и начал трясти.

— Ах ты, животное, ты чего руки распускаешь? Зачем облапал девушку? — толстые губы Рика тряслись от злости.

Мэги осторожно подкралась сзади и выдернула прямо из кобуры такой любимый и еще ни разу не опробованный Риком пистолет с лазерным прицелом. Луч пронзил кабинет шерифа, и на затылке у Рика появилась красная пульсирующая точка.

— Рик, обернись, пожалуйста,— позвала его Мэги.

Рик недоуменно оглянулся и застыл в изумлении.

Прямо ему на лоб падал луч лазерного прицела.

— Помнишь, Рик,— проговорил за спинои полицейского Томми,— где точка, там и дырка.

— Выпусти парня,— приказала Мэги.

Не разыгрывай из себя клоуна, девочка. Отец тебе уши отдерет.— Рик слегка повернул голову.

— Клоун тот, у кого нос красный,— Мэги немного опустила пистолет, и пятнышко прицела съехало Рику на нос.

Рик, зло выругавшись, достал из кармана ключи и распахнул клетку. Томми вышел и пригласил полицейского:

— Ну что, заходи, посидишь вместо меня.

Рик послушно зашел в клетку. Мэги прокрутила ключ на два оборота в замке. Томми взял ее за руку и повел к двери.

— Ребята, пошутили и хватит! Выпустите меня!

Мэги позвенела ключами и положила их на стол

своего отца:

— Посиди — поостынь, Рик. Побыл в роли шерифа — побудь и арестованным.

Во дворе Мэги села за руль своей машины.

— Это очень опасно,— предостерег ее Томми,— я должен ехать один, а ты оставайся.

Девушка отрицательно покрутила головой.

— Я себе никогда не прощу, если с тобой что-нибудь случится. Сделаем так,— сказала Мэги и отодвинулась на соседнее сиденье,— ты будешь водителем, а я штурманом. На меньшее не согласна. Идет?

— Черт с тобой, поехали.

И они понеслись к скаутскому лагерю.

— До этого я слышала только версию своего отца, хотелось бы услышать и твою,— Мэги немного боязливо вжималась в сиденье — машина неслась сквозь ночной туман по мокрому асфальту.

— Я сам ни в чем до конца не уверен...

— Может, лучше его взорвать?

— Лучший способ — вернуть его на место.— Томми не мигая смотрел на желтую осевую линию.

— В могилу? — изумилась Мэги.

— Ты же видишь, даже земля не принимает этого выродка. Остановить его может только вода. Еще в 57-ом году этот маньяк утонул в озере.

— Где?

— Да здесь, в Хрустальном озере. Возле скаутского лагеря, там его место. Только вода может принести ему смерть...

— Мне трудно в это поверить,— помолчав, ответила

Мне тоже, но всю мою жизнь искалечил маньяк Я лучше понимаю его. Доверься мне.

Хорошо. Но я должна убедить своего отца, что это не ты

изображаешь Веселого Роджеоэ

К скаутскому лагерю с разных сторон двигались: полицейские машины с включенными мигалками и красная спортивная машина Мэги.

Лагерь, казалось, безвозвратно погрузился в зловещую тишину. Неумолимый мертвец-убийца бродил по двору. Он вновь открыл дверь большого дома, где спали детишки.

И Ненси, уже уложенная в постель Сиси, но не успевшая уснуть, вновь увидела белую пластиковую маску. Она как и в прошлый раз накрылась с головой и принялась молиться. Убийца вздрогнул — во дворе послышались звуки мотора, и по потолку комнаты поползли красные и синие отблески полицейских мигалок.

— Боже, сделай так, чтобы его тут не было,— Ненси выглянула из-под одеяла. Убийца исчез.

Шериф руководил операцией. Он приказал полицейским:

— Ребята, нас только трое. Не задавайте мне лишних вопросов, тут может случиться всякое. Разделимся и прочешем территорию. Оружие держите наготове. Запомните, здесь дети. И от вас зависит их жизнь.

Полицейские пошли каждый в свою сторону. Внимательно осматриваясь, шериф говорил сам с собою: «Неужели я ошибался? Неужели это не Томми Чарлиз? Неужели возможно — убийца-мертвец? Надо пойти и разбудить детей, собрать их всех в одно место».

Но его насторожил свет настольной лампы в окне домика воспитателей.

— Девочки, мальчики, можно войти? — он легко

толкнул дверь.

То, что увидел шериф, потрясло его: все стены в комнате были забрызганы кровью. На диване валялись обрубки человеческих тел. Только со стола смотрела на него стеклянными глазами отрезанная голова Сиси. Он содрогнулся от этой картины и бросился к детскому корпусу.

Единственная мысль утешала его в этой кровавострашной ночи: «Его единственная дочь Мэги сидит сен-

час в полицейском участке под охраной Рика».

Широкоплечий полицейский Майкл с карманным фонариком в руке осматривал причал. Вроде бы, ничего подозрительного не было. Несколько лодок легко покачивались на воде, привязанные к сваям цепями. Вдруг в прибрежных кустах раздался хруст.

— Стой! — Майкл вскинул пистолет и направил луч фонарика на кусты.

В электрическом свете вспыхнул белый пластик маски.

Убийца-мертвец метнул в полицейского тяжелый граненый напильник. Острие вонзилось прямо между глаз, и Майкл, взмахнув руками, рухнул на дно одной из лодок. Веселый Роджер вновь исчез в темноте.

Шериф осторожно приблизился к дому, где спали дети и заглянул в окно. Все было спокойно. И он шагнул к двери.

Ненси, увидев в окне тень, замерла. И лишь только силуэт исчез, она сорвалась с кровати и выбежала на улицу черным ходом.

Шериф, войдя в дом, провел лучом фонарика по кроватям — на них безмятежно спали дети. И только одна была пуста — сбитое в попыхах одеяло, скомканная простынь...

— О черт,— прошептал он,— наверное, убийца добрался и сюда, унес с собой ребенка.

Луч фонарика скользнул по полу, к черному выходу тянулась цепочка кровавых следов. Шериф побежал, но след оборвался на песчаной дорожке. Тогда он остановился, приподнял пистолет и начал водить им в разные стороны. В ветвях шумел ветер, качались верхушки деревьев.

— Не стреляйте, шеф,— из кустов вышел полицейский Ник,— я тут все осмотрел, вроде бы никого нет.

— Подожди здесь. В доме воспитателей... Это страшно описать... Кровь... Разрубленные тела... А в детском корпусе исчез ребенок, но, может, мне это кажется. Стой здесь и внимательно следи. А я отыщу Майкла.

Оставшись один, Ник поежился — ему не нравилось место. Он стоял, освещенный фонарем, и на него можно было напасть с любой стороны. Ник чуть не выстрелил от неожиданности, когда из кустов к нему выбежала Ненси.

— Дядя, я боюсь!

Полицейский присел и обнял девочку.

— Успокойся, маленькая. Что ты тут делаешь ночью/ Иди спать.

— Нет, нет,— кричала Ненси,— гам ходит страшилище.

Занятые разговором, они не заметили, как в конус яркого светла вступил безжалостный убийца-мертвец.

— Нет!!! — закричала Ненси, увидев белую маску-череп.

Полицейский обернулся и вскинул пистолет, заслонив собой девочку. Убийца медленно приближался. Мик стрелял, но от выстрелов Веселый Роджер только вздрагивал. Он схватил полицейского за голову и сдавил своими могучими руками. Страшный крик пронзил ночь. Хрустнула черепная коробка, и убийца-мертвец бросил безжизненное тело о стену сарая.

— Нет!!! — завопила Ненси и бросилась в темноту, она

теперь казалось спасительной.

Крик Ника и выстрелы застали шерифа у полицейской машины, он рванул дверцу и схватив тяжелый винчестер, бросился к тому месту, откуда доносились ужасные звуки. Из темноты к его ногам выкатилась в легкой ночной рубашке перепуганная Ненси.

— Дядя, спасите, помогите! — кричала девочка.

— Тише, успокойся! Сейчас я наведу порядок.

— Там,— Ненси показала в сторону сарая,— страшилище в маске,— оно убивает.

Шериф увидел, как из корпуса на крыльцо выбежали дети, разбуженные криками и выстрелами. Шериф подхватил Ненси на руки и бросился к ним.

— Дети! Быстрее все назад в дом! — кричал он.

Шериф уже понял, что если крик Ника стих, то

тот мертв. Убийца действовал наверняка, из его рук никто не уходил живым.

— Ребята, прячьтесь под кровати, лежите тихо и ничего не бойтесь. Я — шериф, я защищу вас. Выполняйте мои указания.

Ребята послушно ложились на пол, хватали с собой любимых кукол, игрушечные пистолеты, а одна девочка взяла с собой аквариум с рыбками.

_ Мне кажется, мы все здесь смертники,— прошептал один смышленный мальчик своему соседу на ухо, и они еще глубже забились под кровать.

Шериф, передергивая затвор винчестера, обходил дом. Но там никого не оказалось. И тогда шериф дви-нулся к сараю, он подумал, что убийца должен поджидать его на том самом месте, где прикончил Ника. В темноте он споткнулся о что-то мягкое и упал прямо на

тело своего подчиненного. Шериф вскрикнул. Прижался спиной к стене сарая и впился пальцами в приклад винчестера. Прямо перед ним, в одном метре, стоял безжалостный убийца, сжимая в руках орудие смерти — сверкающее мачете. Прогремел выстрел, пуля шестнадцатого калибра ударила в грудь мертвеца. Его тело отлетело в сторону. Убийца рухнул на землю, раскинув руки. Шериф приблизился к поверженному врагу, и в этот момент мертвец ожил — тело его вздрогнуло, руки потянулись к ногам полицейского. Шериф стрелял, каждый выстрел отбрасывал мертвеца, но он вновь оживал. Брызгала кровь, разлетались куски гнилого мяса, обнажая кости. Но всему приходит конец. Кончились и патроны в магазине винчестера.

Шериф выругался, отбросил ненужное оружие в сторону и выхватил полицейский револьвер, шесть пуль ровно легли в цель,

но что они могли сделать — ничего. Шериф бросился прочь, а убийца не спеша настигал его. Ветви хрустели под тяжелыми бахилами маньяка. Шериф, спотыкаясь, пытался уйти от настигавшей его смерти, но разве можно уйти от смерти. Она всегда нагонит и нагонит в самый неподходящий момент.

Шериф петлял среди кустов, исчезал в клочьях рваного тумана, прятался где-то за стволами поросших мохом вековых елей. Но вновь и вновь его настигали тяжелые шаги убийцы. От этого чавкающего, грязного звука, волосы шевелились на голове полицейского, а по позвоночнику пробегал сковывающий и парализующий тело холод. Шериф, превозмогая страх, бежал дальше. Но вновь перед ним возникал из темноты убийца-мертвец. И шериф понял, что настал его смертный час. Лучи ночного светила падали на примятый седой мох, на блестящие глянцевые листья кустов, падали на венчик дикого укропа.

Лишь только машина с Мэги и Томми остановилась на дворе скаутского лагеря, как Мэги не выдержав, бросилась к дому, где должны были находиться ее подруги и Чарли.

— Ты куда? — крикнул ей Томми.— Осторожней, Роджер может быть здесь!

Он вытаскивал из машины тяжелый мешок с цепью, которую оторвал по дороге от ворот старого колодца. Цепь зловеще зазвенела.

— Беги к детям, я справлюсь здесь сам, Томми достал замок и сделал на конце цепи затяжную петлю, попробовал ее — затягивалась она легко.

— Я должна найти отца.

— Тогда хотя бы предупреди соседний полицейский участок по рации, пусть приезжают.

Мэги подбежала к машине своего отца, рванула на себя дверцу — прямо к ее ногам выкатилась отрезанная голова Полы. Девушка громко вскрикнула.

— Отец! Отец!

Ее крик подхватил ветер. Как ни далеко был мертвец-убийца, но он услышал этот крик, услышал и остановился. Шериф в ужасе замер — его дочь была здесь. Веселый Роджер двинулся к лагерю, оставив шерифа в покое, но тот, безоружный, бросился убийце на спину и даже сумел свалить его. Полицейский, схватив камень, наносил один за одним удары по голове маньяка. Но Роджер только крутил головой, он сбросил с себя шерифа и наступил ему ногой на горло, хрустнули позвонки — теперь уже никто не мог остановить его.

Томми притащил в лодку большой камень, обкрутил его цепью и надежно закрепил ее замком. Мэги подбежала к нему:

— Там ужасно! Он убил Полу! В домике воспитателей все в крови... Изувеченные трупы...

Многоголосый детский крик разорвал ночь — это мертвец-убийца ступил в детский корпус. Мэги сорвалась с места и побежала к детям.

— Стой! — кричал ей вдогонку Томми,— так ты ничего не сделаешь!

Но девушка не слушала его. Роджер обернулся ей навстречу, и дети испуганно затихли. Страшные руки потянулись к горлу девушки и сдавили его.

— Ублюдок! — кричал ему с берега Томми,— ты же пришел за мной, это меня ты искал! Иди сюда!

Убийца-мертвец выпустил еле живую Мэги и двинулся к озеру.

— Гнусная падаль! Иди ко мне! Или ты боишься/! — кричал Томми, уже садясь в лодку и отталкиваясь от берега.

Роджер, широко ступая, вошел в воду, он погружался, приближаясь к лодке, глубже и глубже. И вот уже его пластиковая маска исчезла под водой. Томми с петлею в руках оглядывался по сторонам - откуда может вынырнуть страшный убийца. Он отвернул крышку с канистры и разлил бензин **вокруг** лодки, чиркнул спичкои-поджег его. Вокруг лодки заполыхал огонь. И вот из этого огня вынырнул мертвец — его истерзанная выстрелами куртка горела. От тяжелого удара лодка раскололась пополам. Но Томми успел набросить ему на шею петлю. Увлекаемый тяжелым камнем Роджер опускался в толщу воды, увлекая за собой Томми.

Мэги и дети с ужасом смотрели на разыгравшуюся на воде трагедию. Вода в кольце огня бурлила. Но вот она стихла, и на поверхности показалось безжизненное тело парня. Мэги бросилась к озеру, и как ни удерживали ее дети, поплыла к обломкам лодки — лишь только корма возвышалась над водой и винт мотора рассекал воздух.

Мэги обхватила Томми за шею, но тут убийца-мертвец дотянулся до ее ноги и сжал мертвой хваткой щиколотку, увлекая девушку под воду. Мэги била второй ногой по слизкой руке убийцы.

На какое-то мгновение ей удалось вырваться, и когда рука снова схватила ее за ногу, девушка уже держалась за лодочный мотор — корма еще оставалась на плаву. Она опустила бешено вращающийся винт в воду, корма закрутилась на месте, и острые лопасти винта ударили Роджера в грудь. Вода окрасилась кровью, убийца дергался, а лопасти отрывали от его тела куски гнилого мяса, крошили кости.

Наконец, Роджер затих и выпустил девушку. Мэги подтащила Томми к берегу. На прибрежном песке их обступили дети. Они с интересом смотрели, что делает их воспитательница. А Мэги, припав губами ко рту Томми, делала ему искусственное дыхание. Веки парня вздрогнули и глаза открылись.

— Ура! — закричали дети.— Он жив! Ты спасла его!

Томми закашлялся и приподнялся на локтях, сел,

Мэги, зарыдав, припала к его груди- Парень, напрягая память, смотрел на полыхающие обломки лодки, на догорающий на воде бензин. Мотор лодки еще работал, и корма крутилась среди пламени.

— Наконец-то, все кончено, Мэги, слышишь, все кончено,— прошептал парень.

— Да, слышу. Но не могу поверить, что это конец.

— Мы остановили его. Роджер мертв. Он успокоился навсегда, и он больше никогда не будет сеять смерть, никогда больше не будет убивать...

Дети принялись радостно хлопать в ладоши и бегать вокруг сидящих на песке Мэги и Томми. Парень и девушка со слезами на глазах смотрели на детей, которых им удалось спасти, вырвать из рук безжалостного мертвеца-убийцы.

Невероятно раздутое тело мертвеца-убийцы Роджера, обвитое длинными водорослями, обвешенное рачками и водяными червями, облепленное пиявками, медленно колыхалось в глубине Хрустального озера, прикопанное мощной цепью к тяжелому камню. Только пластиковая маска выглядела, как новая. Ее не брала ни плесень, ни гниль, ее не мог уничтожить ни огонь, ни вода. Роджер в оцепенении ожидал того времени, когда снова сможет подняться из глубин озера, когда какой-нибудь безумец снова призовет его, и он восстанет из мертвых, неся с собой смерть, убивая всех на своем пути.

ЧАСТЬ IV

НОВАЯ КРОВЬ

Только неисправимый романтик мог назвать это озеро Хрустальным. Вековые ели обступили со всех сторон небольшое, акров на сто, озеро. Его вода никогда не была кристально прозрачной. Настоенная на опавших листьях и отмерших камышах, она пахла осенью и тоской.

В темной, как чай, воде изредка проносились стайки серебристых мальков, проплывал медлительный угорь. В прибрежных норах затаились темно-зеленые раки — любители падали.

Длинные водоросли извивались в подводных течениях, как волосы русалок. Невысказанная угроза исходила из этого лесного спокойствия.

Казалось, если кто-нибудь утонет в этом озере, то его никогда не вернет вода — его заберет и сольется с ним спокойствие. Вечное нерушимое спокойствие... Если только кто-нибудь не нарушит его.

...В самой глубокой впадине, по середине озера, таилась опасность, про которую и не подозревали его обитатели. Там, куда с трудом даже в самые солнечные дни проникал свет, неподвижно покачивался утопленник-убийца. Его тело, казалось, окаменело, застыло навсегда. Но эта безжизненность была обманчива — просто он ждал своего времени. Ждал когда позовут его, и он снова начнет убивать, не потому что он зол или жесток, просто всему в мире есть свое назначение: кто-то работает, кто-то помогает, кто-то развлекает других, а он должен убивать — не задумываясь, не вслушиваясь в мольбы...

Но это после, после того, как его позовут, а сейчас

его полуразложившееся тело, еле прикрытое лохмотьями истлевшей куртки, мерно покачивалось в теплой летней воде, зловеще сверкал оскал пластиковой маски хоккейного вратаря, под которой скрывался местами прикрытый згнившим мясом череп чудовища — Веселый Роджер, так знакомый по пиратскому флагу...

Дорога, ведущая от Детройта к лесным озерам, разворачивала пейзаж за пейзажем:

Небольшой еловый лес. Заброшенная крестьянская усадьба.

Заросшее сорняками поле.

Тина смотрела в окно машины, проносящейся сквозь уже позолоченный предчувствием осени, но все еще летний пейзаж. Ее мать вела машину и молчала.

Тине надоело смотреть на сменяющиеся за окном виды, и она закрыла глаза. Она разговаривала сама с собой:

«Мне восемнадцать лет. Ну и что? — отвечала она сама себе. И что ты за них достигла? — Ничего. Твои сверстники уже знают кое-что о жизни, они собираются компаниями, весело проводят время. Ну и что, мне не интересны их забавы. Ясно, ты же чуть ли не полжизни провела в психиатрической клинике, ты же никогда не разговаривала с парнем твоих лет. Ну и что, доктор Круз многому научил меня, необязательно что-то пережить наяву, можно про это узнать из книг, из разговоров, я знаю больше, чем мои сверстники. Конечно, этот доктор сказал тебе, что ты особенная, что у тебя необыкновенный дар, но он никогда не избавит тебя от назойливых воспоминаний... Не надо! — кричала сама себе Тина.— Не напоминай) Нет, ты не убежишь от себя. Ты обречена вспоминать тот давний вечер множество раз, эти воспоминания не уйдут от тебя, не покинут. Так что смирись и вспомни».

Тина сжалась, но поняла, что от самой себя, от своих воспоминаний и в самом деле не спрятаться. Они не уйдут от нее, как тот чудесный дар, про который столько раз говорил доктор Круз.

Тина постаралась еще раз вспомнить, в самых точных подробностях, восстанавливая, прокручивая, как снятый на кинопленку, тот вечер, когда от нее навсегда ушел отец.

Она не совсем чтобы вспоминала. Это было, как видение. Оно снова посетило ее...

На берегу глубокого лесного озера, которое носило романтическое название Хрустальное, стояло несколько загородных домов.

Был летний вечер, горячий и душный. Во всем пейзаже царили спокойствие и тишина. Ни одна волна не нарушала зеркальной поверхности озера. Гладь воды отражала темное ночное небо, усыпанное мериадами звезд; огромные старые деревья, которые росли по берегам; причалы, мостики, беседки и фонари, горевшие у входов в дома.

Возле причалов замерли лодки. На перилах, обкрученных электрическими проводами, легко покачивались маленькие фонарики, освещавшие некрашенные доски настила.

Вокруг была тишина и спокойствие.

Все дома в это время были пусты. Отдыхающие еще не

приехали. И только в одном, старом деревянном доме, горел свет. Огромные окна светились, и оттуда слышались голоса. Голоса звучали все громче и громче, они переходили в нервные злые крики. С первого мгновения можно было понять, что в доме происходит ссора, и что эти ссоры бывают чуть ли не каждый день, настолько слова были обычными, заученными, а голоса и интонации, как бы заранее отрепетированными. Ссорились мужчина и женщина.

Если бы кто-нибудь заглянул в это время в большое окно гостиной, то он бы увидел мужчину около сорока лет в клетчатой ковбойской рубашке, и женщину немного моложе его, с растрепанными волосами и невыспанным лицом. Ее глаза покраснели от слез, руки дрожали. Она металась по комнате, временами останавливалась и с сожалением смотрела на свою дочь, тринадцатилетнюю девочку Тину, которая испуганно прижалась к стене, вслушиваясь в голоса взрослых.

— Убирайся отсюда, Тина! — кричала мать дочери.— Не связывайся с ним! Ты же видишь, он пьян. Джон, Джон, ну сколько можно пить? Ты портишь жизнь не только мне, ты портишь жизнь нашей дочери. Ты видишь, какой наш ребенок нервный. Она всего боится, шарахается от каждого звука. Прекрати пить!

— Это мое дело!

— Сколько раз ты обещал мне...

— Я не пьян,— упорствовал Джон.

— Если ты не бросишь пить, я уйду от тебя, угрожала ему миссис Шеферд.

Может еще скажешь, что дочь заберешь с собой7

Джон наливался яростью.

— Я не оставлю ее с пьяницей.

Женщина прикрыла собой Тину.

— Убирайся! — рычал в ответ мужчина.— Убирайся! — Он рванул рубашку, пуговицы полетели в разные стороны, обнажив крепкую грудь.— Вы мне все надоели, надоели! Я уже в который раз вам повторяю, надоели' убирайтесь все. Это мой дом, я вас не желаю видеть.

— Джон, ты завтра все будешь видеть по-другому.

— Ты же знаешь, я люблю *тебя* и Тину, а вы сейчас только злите меня.

— Папа, я не верю, что ты любишь меня такой. Ты в самом деле пьян...

— И ты с ней заодно, дочка... Это она научила тебя ненавидеть отца?

От этих слов у девочки расширились от ужаса глаза. Она

посмотрела на отца, потом перевела взгляд на мать. Но когда Тина увидела, как отец замахнулся и ударил мать по щеке, она резко бросилась защищать ее. Мать как бы отстранила девочку и подталкнула к выходу. Тина, не долго думая, выскочила в коридор и прижалась к деревянной панели.

— Убирайтесь все! Убирайтесь! — уже в который раз кричал мужчина.— Вы не даете мне жить.

— Мы, мы тебя любим! — пробовала успокоить его женщина. — Джон, ты понимаешь, мы тебя любим. У тебя же есть дочь, хороший ребенок, послушный. Что ты делаешь, зачем ты доводишь нас до такого состояния?

— Аманда, я знаю, что ты мне изменяешь, я знаю.

— Джон, ты сошел с ума! Ты просто пьян! Успокойся. Ляг отдохни, поговорим об этом завтра.

— Ты мне изменяешь, я тебя убью.— Джон снова размахнулся и ударил женщину по щеке.

Глаза Аманды наполнились слезами. Она недоуменно смотрела на мужа и прикрывала лицо руками.

Но как всегда бывает у пьяных, внезапно настроение Джона изменилось. Он притянул жену к себе и стал грубо стягивать с ее плеча кофту.

— Что ты делаешь! — возмутилась Аманда.— Тут

же ребенок!

— Я хочу развлекаться. Ты развлекаешься с другими, а со мной не хочешь? Да? - он встряхнул жену,- Мне говорили об этом. Все соседи знают и говорят.

— Это сплетни.

— Я знаю, что говорю.

— Зачем ты веришь другим, а мне не веришь?

— Мне хочется тебя именно сейчас, именно здесь,— Джон грубо пытался раздеть жену.

— Нас видит Тина...

— А мне плевать, ей можно смотреть, как ты развлекаешься с другими...

Аманда пробовала унять мужа, но тот все больше и больше распалялся.

— Я хочу развлекаться именно сейчас и именно здесь!

Если до этого Тина просто испуганно смотрела на отца, то теперь ее захлестнула волна ненависти.

— Я ненавижу тебя, папа, слышишь, ненавижу! — закричала Тина и выбежала из дома.

Спохватившись, Джон и Аманда Шеферды увидели закрытую дверь. Немного подумав, Джон бросился вдогонку за дочерью.

— Джон, останься, она немного походит, прийдет в себя и

вернется,— сказала Аманда.

— Не учи меня, что делать и чего не делать,— Джон зло хлопнул дверью и выбежал на террасу.

Он осмотрелся, куда могла скрыться девочка.

Слезы заполняли глаза Тины, когда она выскочила на крыльцо дома. Она попыталась сосредоточиться, но это у нее не получилось. И тогда она стремглав бросилась по темной аллее к озеру. Она бежала среди низких кустов, ветви хлестали ее по лицу, она пробовала прикрыться руками, ноги сами несли ее к гулкому деревянному помосту, который метров на двадцать уходил в озеро. Вдогонку летел крик отца:

— Тина! Тина! Дочка, вернись. Тина! Я тебя люблю, вернись!

Джон, казалось, протрезвел.

Но Тина знала, что это ненадолго. Стоит помириться с ним, как он вновь начнет ссору.

— Я не верю тебе.

— Тина, я люблю и тебя и маму, вернись!

— Ты злой...

— Я больше не буду пить, я помирюсь с мамой, с тобой, мы будем жить вместе.

— Ненавижу, ненавижу,— шептала девочка, продолжая бежать.

Ее шаги гулким эхом отзывались в глухом ночном

лесу. Изредка слышались вскрики ночных птиц, которые еще более усугубляли ее настроение, пугали и приводили в смятение детскую душу. Она знала, что мать никогда не изменяла отцу, что мать любит его, и она, тринадцатилетняя Тина тоже любит, но только тогда, когда он трезв и ласков с нею, когда он спокоен и мирен. А волны ненависти набегают на нее только в то время, когда он пьян и груб. Когда он бросает в стену стаканы с недопитым виски, переворачивает столы и ломает стулья. Тина боялась этих припадков ярости, она вся содрогалась, лишь только увидев отца со стаканом в руке.

Девочка в растерянности остановилась на конце причала, внизу плескалась черная как ночь вода. Отец уже бежал по гулкому причалу. Поняв, что деваться ей некуда, Тина вскочила в лодку, привязанную к свае, и лихорадочно принялась распутывать веревку. Пальцы ее не слушались, кожу царапал шершавый трос. Наконец, узел поддался, конец веревки плюхнулся в воду, и девочка, зло оттолкнувшись от сваи, отплыла метров на пять от причала.

— Тина! Куда ты, вернись! Я больше не буду пить! — кричал отец, стоя на самом конце причала, растеряно опустив руки, он не знал, что делать, что предпринять. Лодка без весел, и девочку

может унести на середину озера.

Широкая прогулочная шлюпка медленно, как во сне, отдалялась от свай. Тина видела причал, видела фигуру отца, слышала его голос, но она не отвечала ни на его мольбы, ни на просьбы, ни на вопросы. Она сидела на носу лодки, закрыв лицо руками. Девочка плакала, слезы уже не душили ее, а тихо лились из глаз и капали на ладони.

— Тина, не надо, не надо. Дорогая, прошу тебя, вернись! — мгновенно отрезвев кричал Джон, но он ничего не мог поделать — больше лодок поблизости не было. Ему оставалось только смотреть на белую шлюпку, которая, покачиваясь на черной глади, тихо скользила в ночь.

Через несколько минут из дому выскочила на крыльцо ее мать. Она осмотрелась, услышала голос Джона и бросилась к дощатому причалу. Она бежала, на ходу вытирая слезы и поправляя растрепанные волосы.

— Тина! Тина! Дочка, где ты! — испуганно кричала женщина.

Девочка молчала. Волна ненависти захлестнула ее.

Она не могла говорить. Но услышав крики матери у Тины вновь появился голос. ’

— Я ненавижу тебя, ненавижу! Убирайся! — вскрикнула она. — Ты снова будешь пить! Я не верю тебе! Не верю! Ты слышишь, я тебе не верю. Я ненавижу тебя! — кричала девочка, вцепившись руками в борт лодки.

— Крошка! Тина! Дочка! Вернись! Извини меня, поверь, я больше не буду. Поверь! — беспомощно разводя руками, умолял девочку отец.

От злых слов мать застыла. Она еще никогда не слышала, чтобы их тринадцатилетняя дочь так кричала на отца. Она испугалась. Больше всего Аманда испугалась, конечно же, за девочку, потому что к ссорам с мужем она уже давно привыкла. За последний год это повторялось очень часто. Чуть ли не каждый день. И женщина не обращала на них внимания. Она уже давно начала подумывать о разводе, о том, чтобы вместе с дочкой уехать, расставшись с мужем, и жить вдвоем. Она была еще молода и хороша собой и верила, что еще сможет найти себе верного и надежного друга. А если и не найдет, то ничего, главное, что они будут с дочкой, что они будут вместе, будут любить друг друга.

— Лучше бы ты умер! — Тина сама не знала, как вырвались у нее эти слова. Она сама испугалась, почувствовав, как отец замер, услышав их.

Он раньше никогда такого не слышал ни от жены, ни от дочери. Джон сам верил, что сможет бросить пить, если только

захочет.

Мужчина от этих слов буквально окаменел. Он опустил голову и весь сжался. Его взгляд упал на черную блестящую воду, которая отражала бездонное ночное небо. И тут Джона охватил неподдельный ужас. Вода буквально в нескольких метрах от лодки вдруг начала бурлить. Мериады белых пузырьков стали подниматься из глубины, превращая ровную черную поверхность в кипящую и бурлящую густую массу.

Тина, как и каждый ребенок верила в силу слов. Она, испугавшись того, что пожелала отцу умереть, с ужасом смотрела на бурлящую воду. Девочка чувствовала, что это ее ненависть разбудила неизвестные, но подвластные ей силы. Вода все больше и больше бурлила, и вздыбившийся гребень приближался к причалу. Густые серебристые клубы зловонного пара поднимались над водой. Сваи, на которых держался высокий причал, стали тонуть в густом едком паре.

Деревянный причал с белой крашенной баллюстрадой зашатался. Сваи начали трещать, доски расходиться под ногами у Джона. Он зашатался, пытаясь сохранить равновесие, пытался одной рукой ухватиться за столб, поддерживающий навес над причалом, но столб вырвался из рук, хрустнул легко, как спичка, и рухнул в воду. Зловонный пар поднимался все выше и выше, окутывая белый, только что такой надежный и красивый причал.

Тина, сидя в лодке, смотрела и не верила своим глазам. Она не понимала, что происходит.

Крушение причала продолжалось несколько минут.

Отец метался как загнанный зверь по помосту, пытаясь вернуться на берег. Но доски настила, который вел к берегу, рухнули. И там, где еще недавно, еще мгновение назад, был безопасный проход, зияла черная кипящая бездна. Мужчина смотрел на нее, смотрел на дочку и не понимал, что происходит. Подняв глаза к небу, на яркие мерцающие звезды, он успел вскрикнуть: «Боже, боже, помоги мне!» Его слова гулким эхом разлетелись по берегу. Мать Тины, услышав этот страшный хруст дерева, услышав последнюю мольбу своего мужа и его обращение к Богу, изо всех сил бросилась к берегу.

— Дочка! Джон! Джон! Тина! Что случилось?! Что случилось? — кричала она в темноте, не видя и не понимая, что происходит.

Но от хруста дерева и от слов Джона ее сердце сжалось, похолодело, и ноги сковал холодный леденящий ужас. Аманда замерла, не имея силы сделать хотя бы один шаг вперед или назад. Она окаменела. И только глаза, расширившись от ужаса, всматривались в ночь, пытаясь рассмотреть, что же происходит там, там где поднимается густой пар, где вздымается белый

кипящий гребень, где клубятся теплые клубы зловонного тумана.

Фонарь, который раньше таким приятным, теплым и домашним светом освещал причал, начал бешено раскачиваться. И его ненадежный свет выхватывал то растерянное лицо отца, то его руку сжавшуюся в кулак, поднятую к небу, то доски помоста, то черные гребни кипящих волн.

Вдруг сваи, подверженные неведомой силе, разошлись в разные стороны и причал рухнул в воду.

Мужчина взмахнул руками, что-то вскрикнул, но его голос потонул з хрусте рассыпающегося и крошащегося дерева. С плеском Джон упал в кипящую зоду.

На какое-то мгновение тринадцати летней девочке, смотрящей на то, что происходит у причала, показалось что это ее взгляд, ее слова привели к трагедии, оживив непонятные ей могущественные силы зла.

Ей показалось, что если сейчас, вдруг, попросит у отца прощения и попробует остановить разрушение, она сможет спасти его, вернуть из черной бездны. Но язык не шевелился, он как бы примерз к небу, а мысли сделались неподвижными. И только ужас наполнял все существо девочки. Она начала дрожать, охваченная внезапным страшным ознобом. Ее глаза закатились, и Тина, теряя сознание, успела вскрикнуть*

— Отец! Папа, папа!

Но Джон не услышал слов своей дочери. Сверху на него рухнула крыша причала.

Последнее, что услышала Тина, это был страшный крик ее матери:

— Джон! Джон! Джон! — кричала женщина.

— Дочка, с тобой все в порядке,— кто-то потряс Тину за плечо.

Она очнулась. Светило яркое солнце. Девушка сидела в машине. Ровно работал двигатель. Рядом с ней за рулем сидела ее мать, постаревшая, но все еще привлекательная.

Тина поняла, что это снова вернулось к ней страшное воспоминание, которое не покидало ее вот уже все прошедшие пять лет. Настолько реальными были воспоминания, настолько страшно она вновь пережила потерю отца, которого любила по-настоящему, но только трезвого. До сих пор она не могла избавиться от чувства, что это ее слова, ее непроизвольно слетевшие с языка слова проклятия, разрушили причал и увлекли отца в черную бездну.

После трагической гибели отца Тина чувствовала свою вину, и это чувство не давало ей жить. Не давало быть спокойной и уверенной, похожей на всех своих ровесников.

Большую часть из этих пяти лет Тина провела в самых разных клиниках. Многие врачи пытались ее лечить, но все их усилия были тщетными.

Тине надоели клиники, уколы, сеансы психоаналитиков, прослушивание своих воспоминаний на магнитофонной ленте, ей надоело видеть себя на экране монитора и слышать свой голос. Она не могла избавиться от ужасного воспоминания, связанного с трагической гибелью отца. Менялись врачи, менялись клиники. Разные профессора, разными способами и разными методиками пробовали вернуть ее к жизни, пробовали сделать нормальной обыкновенной девушкой, такой, как миллионы девушек вокруг. Но как ни старались врачи, как не желала этого мать, все усилия оказывались тщетными.

Тина была уверена, что именно ее слова, именно ее чувства привели к гибели отца. Мать пыталать ее разуверить, убеждала, ласкала, но ничто не помогало. Уверенность Тины с каждым годом, с каждым днем росла.

— Тина, с тобой все в порядке? — повторила мать, когда машина медленно катилась с горы к синеющему впереди лесу.

— Я не думаю, что это отличная мысль,— сказала Тина, продолжая прерванный разговор.

— Но ты пойми, так будет лучше для всех нас. Давай попробуем и этот способ лечения. Дочь, давай попытаемся еще раз. По-моему, с помощью доктора Круза это будет не так и сложно. Он очень хороший специалист. Очень. О нем писали во многих медицинских журналах. И очень многих людей он спас, избавив их от психических недугов, от всевозможных навязчивых идей.

— Мама, мама, но ты пойми, это никакая не навязчивая идея. Это совсем не то, что-то другое. Я просто пока не могу объяснить, как это произошло и что это было, но я верю, у меня не навязчивая идея.

Женщина, встряхнув головой, как бы сбрасывая с себя некое наваждение, притормозила, повернула голову и внимательно посмотрела в глаза дочери. Их взгляды не встретились, потому что Тина смотрела на дорогу, которая вела к тому проклятому месту, где пять лет тому назад трагически оборвалась жизнь ее отца. Как бы отвечая на ее взгляд, мать сказала:

— Да, Тина, ты права. До озера действительно ровно пять миль.

Машина быстро преодолела это расстояние. Попетляв по лесной дороге, выехала к берегу озера.

Днем озеро выглядело совсем по-иному.

Голубоватая вода искрилась под лучами солнца.

Доктор Круз уже ожидал пациентку с матерью на крыльце загородного дома семьи Шефердов. Он стоял, прислонясь к дверному косяку, задорно улыбался и, увидев блестящий форд, который медленно подъезжал к дому, радостно взмахнул рукой.

Доктор Круз был последней надеждой матери Тины. Она ему верила и надеялась на то, что именно этот сорокалетний мужчина с умным взглядом глубоко посаженных карих глаз сможет помочь дочери избавиться от навязчивых галлюцинаций, от тяжелых мрачных мыслей, которые преследуют девушку, не давая ей жить полноценной жизнью.

— Здравствуйте,— опустив ветровое стекло, поприветствовала доктора мать Тины.— Я надеюсь, мы не заставили вас долго ждать?

Открылись дверцы машины, и Тина с матерью ступили на теплую, прогретую летним солнцем, землю, от которой веяло спокойствием и тишиной сельской жизни.

На берегу озера стояло еще несколько машин, у которых возились молодые люди, распаковывая багажник, вытаскивая огромные яркие рюкзаки, термосы, ящики с банками пепси-колы и пива.

— А здесь очень красиво,— сказал доктор Круз, подходя к девушке и протягивая крепкую руку.

Но Тина не подала своей руки. За последние пять лет ее отношение к медицине резко изменилось, и она уже не верила ни в каких психоаналитиков, психотерапевтов, гипнотезеров. Она знала, вернее даже не знала, а чувствовала, что избавиться от мрачных видений ей не под силу, и никакой доктор ей в этом не поможет.

Тина растерянно осматривалась по сторонам. Она не была в этом месте, на берегу Хрустального озера вот уже пять лет.

Здесь многое изменилось. Обветшал их дом. Был построен новый причал для лодок. В соседнем доме сменился хозяин, и она никого не узнавала из тех молодых людей, суетившихся возле машин.

В первое мгновение ей стало завидно при виде молодых парней и девушек, весело шутивших и перебрасывавшихся незатейливыми остротами, но потом, ощутив свою отчужденность от этого мира, Тина даже обрадовалась — она поняла, что не нашла бы темы разговора с их молодыми соседями, была бы в их компании лишней.

Ей не хотелось меняться, подстраиваясь под кого бы то ни было. Ей хотелось оставаться такой, как она есть, такой же неизменной, как этот лес, это озеро, это небо. Ее раздражало, что изменились дома, что уже не все здесь так, как при ее отце.

Только одна вещь оставалась здесь неизменна. К Тине снова вернулось чувство неизъяснимой тревоги. Чув-

ство — в этом месте прячется что-то страшное, то что ей не подвластно, что сломало ее жизнь.

Эта непонятная тревога исходила от озера, от его спокойной и безмятежной на взгляд воды.

Как прошла поездка? — поинтересовался доктор

Круз.

— Поездка была приятной,— ответила женщина.

Мать Тины — миссис Шеферд взяла доктора Круза

под руку и отвела от дочери, она говорила шепотом, боясь, чтобы их не услышали:

— Тина очень не хотела ехать сюда, вы же понимаете, ей тяжело вспоминать...

— Но это единственный способ помочь ей.

Доктору тоже явно не хотелось, чтобы их услышала Тина.

— Может, все-таки попробовать другой способ? — запоздало предложила миссис Шеферд.

— Мы же договорились с вами действовать заодно...

— Но сердце матери мне подсказывает — это навредит ей.

— Доверьтесь мне.

— Я пробую убедить себя, но ничего не получается, я боюсь за Тину.

Доктор Круз высвободился и подошел к машине:

— Как твои дела, Тина? — спросил доктор.

Но его вопрос остался без ответа. Тина сосредоточенно всматривалась в до боли знакомый пейзаж. Она смотрела на белую шлюпку, привязанную к причалу; на мостики, которые уходили в озеро; на отражение их деревянного двухэтажного дома, оно как в зеркале, только в перевернутом виде, лежало на глади воды.

Она смотрела на огромные темные деревья, которые за эти пять лет стали еще большими; на клочья мха, свисавшего с их серых густых и толстых ветвей. Потом она взглянула на небо: оно было чистое, голубое и безмятежно спокойное.

И на какое-то мгновение уверенность вернулась к девушке. Ее растерянность, как бы прошла. Но тревога все еще гнездилась в глубине души, все еще не давала сосредоточиться и стать спокойной.

На пестрых шезлонгах, буквально в пятнадцати метрах от машины Шефердов, загорали девушки. Молодые мускулистые парни, в шортах и высоких кроссовках, переносили нехитрую поклажу из машин в дом.

На причале стоял большой магнитофон, из которого лилась

легкая музыка.

Одна из девушек, приподняв темные очки, взглянула на кучерявого парня, который держал в руках ящик с пепси-колой, и бросила ему:

— Как дела, Ник?

— А что могло измениться, Мелиса?

Молодой парень подмигнул девушкегблондинке, сидевшей в шезлонге.

— Но у тебя такой взгляд...

— Какой?

— А вот такой.

— Уточни.

— Как у взбесившегося гиббона.

— Но мой взгляд сейчас предназначается не тебе.— Парень хотел поддразнить девушку.

— А мне и не интересно, на кого ты так смотришь, на цепь я тебя и не собиралась садить.

— Так я свободен?

— Так же, как и я.

Ник же в это время смотрел на Тину. Бывает так, что с первого же взгляда, вроде бы случайно брошенного, зарождается какое-то чувство.

Тина почувствовала на себе взгляд парня, подняла голову, открывая багажник. Их взгляды встретились, и Тина робко улыбнулась. Эта улыбка на какое-то мгновение преобразила ее лицо. Оно стало спокойным и красивым.

— А вот и наши соседи,— сказала миссис Шеферд.— Наши новые соседи.

— Я надеялся, что нам никто не помешает,— скривился в гримасе доктор Круз.

— А чем могут помешать веселые ребята. Скорее мы будем мешать им своими угрюмыми лицами.

Доктор Круз в ответ на ее слова бросил недовольный взгляд на молодых людей. Потупив глаза, слегка сжался. Ему явно не хотелось, чтобы в этом загородном доме **на** берегу Хрустального озера присутствовали посто**ронние** люди, потому что у него были совершенно иные **планы.**

Одна из девушек, блондинка в черных очках, смотрела, как доктор Круз и миссис Шеферд вносят в дом чемоданы.

— А мамочка у нее будет посимпатичнее,— сказала она, провожая взглядом доктора и миссис Шеферд.

Она явно перехватила взгляд Тины и Ника. Она явно почувствовала, что Нику с первого взгляда очень

понр-авилась Тина.

Здесь все это и началось? — поинтересовался доктор у миссис Шеферд, когда они вошли в дом и прикрыли входную дверь.

Несколько минут доктор рассматривал гостиную, потом поднял тяжелый чемодан с рукописями, кофар с видеокамерой и хотел уже пойти распаковывать поклажу, как его остановила мать Тины.

— Погодите, я хочу поговорить с вами.

— У нас еще будет много времени на разговоры, я же психоаналитик. Только разговорами и занимаюсь.

— Меня все не покидает тревога,— женщина говорила осторожно, боясь задеть профессиональные чувства доктора.

— Запомните, мы договорились действовать заодно, вы не должны перечить мне, особенно при дочери. Она вернулась туда, где произошла трагедия, и ее душа сейчас особенно ранима, но другого способа нет.

— Доктор Круз, как вы думаете, это поможет ей? — заискивающе заглядывая в глаза доктора, спросила миссис Шеферд.

— Я конечно понимаю, что в клинике прогресс был не очень значительным, еще я понимаю, миссис Шеферд, что вам очень тяжело находиться здесь, но поймите и меня, то, что я задумал, требует именно таких методов. Именно такого лечения.

Миссис Шеферд в ответ на убедительные слова доктора попробовала улыбнуться. В ней еще теплилась надежда, что ее дочери можно помочь.

— Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь своей дочери и вам, доктор Круз. А теперь поднимайтесь в комнату на втором этаже. Это раньше был кабинет Джона. Так что не удивляйтесь.

Пока доктор Круз и миссис Шеферд устраивались в большом деревянном доме, Тина доставала из багажника машины свои вещи. Она подняла тяжелый чемодан, и, когда пыталась поставить его на землю, замки открылись и из чемодана на землю хлынуло все содержимое: одежда, книги, кремы, косметика.

Ник, который рассматривал мотор машины, увидев, что у девушки случились неприятности, мгновенно бросился ей на помощь.

Две девушки, лажавшие в шезлонгах, вновь приподняли очки и недовольно посмотрели на суету своего парня. Им явно не понравилось то внимание, которое Ник оказывает незнакомой белокурой девушке.

— Ну как она тебе? — спросила брюнетка у своей подруги.

— А, знаешь, я ее даже не заметила, какая-то она вся

бесцветная и невзрачная.

— Хм,— в ответ на замечание сказала брюнетка.— Для тебя она может и невзрачная, может даже и бесцветная, для тебя ее может и не существует, а вот твоему Нику она явно повкусу. Посмотри, как стремглав он бросился ей на помощь. Думаю, что ни к тебе, ни ко мне он бы так не бежал.

Брюнетка ехидно улыбнулась, довольная своей шуточкой и уставилась в яркий журнал мод.

Блондинка вновь прикрыла глаза темными очками. И по выражению ее миловидного лица было трудно понять, какую реакцию вызвали слова подруги в ее душе.

— Давайте я помогу вам,— сказал подбежавший парень, поднимая белье и бросая его обратно в чемодан.

Тина слегка засмущалась. Она не хотела, чтобы кто-то посторонний прикасался к ее вещам.

— Не надо, я сама справлюсь.

— Ну что вы, что вы, я вам помогу.

Парень, как бы играя, слегка небрежно хватал блузки, юбки, шорты и складывал в большой блестящий чемодан.

— Простите, простите, извините, пожалуйста, извините, ничего страшного, простите,— говорил парень, двумя пальцами подхватывая то кружевной бюстик, то майку с очень узкими брительками, то шотры или колготки.

Тина смущенно улыбалась в ответ.

Парень, увидев ее улыбку, начал улыбаться еще шире. И смущение девушки понемногу улетучилось.

— Что бы я без вас делала,— шутливо, но с благодарностью сказала Тина и, подхватив огромный блестящий чемодан, из которого торчали края разнообразной пестрой одежды, весело побежала к дому.

Парень смотрел ей вслед. По его взгляду несложно было понять, что ему очень понравилась эта девушка. Ник приподнялся с колен, захлопнул багажник машины Шефердов и сам себе сказал: «Отлично. Урод. Тебе повезло, ты снова встретил красивую девушку. Да, да..., как бы мгновение еще размышлял вслух Ник,— и зачем я только тянул с собой на день рождение кузена эту белую крысу, эту Мелису, ведь она же стерва, натуральная стерва,— он еще на мгновение задумался, а потом сам себе сказал,— но ведь мне нравятся стервы. Правда, не

После короткого ленча Тина поднялась по скрипящей лестнице на мансадру дома, в бывший кабинет отца. Сейчас там хозяйничал доктор Круз. Он разложил на большом столе видеокассеты, установил на штатив видеокамеру и, сидя за столом, что-то уверенно, размашистым почерком записывал в

большую толстую тетрадь.

Когда Тина вошла, он приподнял голову от стола, взглянул на нее. Его взгляд, ранее доброжелательный, был в это мгновение каким-то чужим, он стал взглядом врача-профессионала, который внимательно вглядывается в свою пациентку. Его взгляд чем-то напоминал взгляд палача, который рассматривает свою потенциальную жертву. Но через несколько секунд легким усилием воли доктор изменил выражение глаз. Он заискивающе улыбнулся и решительно промолвил:

— Ну что, Тина, прямо сейчас и начнем.

— Как сейчас? Почему так сразу?

Доктор несколько минут ходил из угла в угол по огромному кабинету, скрипя рассохшимися половицами, полистал кожаную папку с историей болезни, подошел к видеокамере, навел ее на Тину, усевшуюся на жесткий стул за небольшой деревянный стол и сказал:

— Да, да, Тина, прямо сейчас и начнем. Зачем откладывать?

— Хорошо, доктор Круз, если вы считаете, что необходимо начать прямо сейчас, то давайте, но сначала ответьте,— сказала настороженно Тина, оглядывая стены отцовского кабинета,— почему меня не отпускают эти видения, почему я это вижу?

Доктор на секунду оторвался от видеокамеры.

— Ты не видишь этих вещей, Тина. Успокойся. Ты их не видишь,— сказал он и повернул диафрагму.

— А это что, совершенно необходимо? — недоверчиво взглянув на видеокамеру, спросила Тина.

— Ты имеешь в виду камеру? — не поняв, спросил доктор Круз.— Понимаешь ли, Тина, видеокамера нам будет очень нужна, она будет просто необходима для того, чтобы следить за прогрессом, а я надеюсь, прогресс у нас будет. И причем, очень значительный.

На мониторе сперва шелестел сухой электронный снег, но доктор Круз пощелкал тумблерами, покрутил ручки настройки и на экране возникла голова Тины. Девушка с любопытством смотрела на свое изооражение. Она и раньше любила разглядывать себя в зеркале. Но тут все было по-другому. Это было, как подглядывание.

Не за кем-то другим, а за самой собой. На какое-то мгновение Тине показалось, что на экране не просто взятое в рамку кадра ее изображение, а ее отрезанная голова, что больше ничего нет, только ее голова, а все остальное исчезло — нет ни рук, ни ног, ни туловища. Она испугалась своих мыслей и постаралась сосредоточиться на другом.

Девушка недоверчиво смотрела на доктора, нервно

похрустывая тонкими пальцами. Наверное, камера казалась ей каким-то ненужным свидетелем, свидетелем ее болезни, свидетелем ее беспомощности и унижения.

— Тина, посмотри на меня внимательно,— решительным голосом сказал доктор Круз.— Ты видишь этот коробок спичек?

Доктор вытащил из кармана серых вельветовых брюк плоский и легкий спичечный коробок. Зажав его между большим и указательным пальцами правой руки, встряхнул и повертел перед глазами девушки.

— Так ты видишь этот коробок?

— Да, я вижу этот коробок.

— Очень хорошо. Теперь смотри дальше. **Я** кладу коробок на середину стола.

Доктор Круз сделал шал от видеокамеры в сторону стола и положил синий коробок на желтую лакированную столешницу.

Тина, как бы не понимая, взглянула сначала на доктора, потом на спичечный коробок. За долгие дни и месяцы, проведенные в самых разнообразных медицинских учреждениях, Тина насмотрелась всякого. И в этот момент она все видела, но так и не могла понять, чего же от нее хочет доктор Круз.

— Я хочу только одного, чтобы ты, Тина, в данный момент сосредоточилась, подумала о своих чувствах,— опираясь о столешницу, доктор Круз заглядывал в глаза девушки.

Тине не нравилось, когда ей так внимательно и долго смотрят прямо в глаза. Она слегка повернула голову и взглянула на портрет улыбающегося отца, висящий в тонкой блестящей рамке над черным комодом.

— Я готова,— ответила девушка.

— Сосредоточь свои чувства на этом коробке.

— Не поняла. ˆ

— Сосредоточь свои чувства на этом корооке и попытайся сдвинуть его. Тебе ясно? — уточнил свой вопрос доктор Круз.

Зачем это вам? — Тина уставилась на коробок и сложила руки на коленях.

— Мне лучше знать,— сказал доктор Кру$_{3>}$— я же твой доктор, я твой психоаналитик. VI твою психику знаю лучше, чем ты. Делай, что говорят.

В его голосе появились железные нотки, и Тина, нехотя, но подчинилась. Но сколько она не смотрела на коробок, как не морщила лоб, гот неподвижно лежал на столе.

— Ты не пытаешься, Тина, ты не пытаешься этого сделать,— нервничал доктор Круз.

— Нет, я пытаюсь,— возразила Тина, и еще сильнее наморщила лоб.

В ее глазах блестела злость, но коробок все равно лежал неподвижно.

— Вспомни притчу о Фоме неверном. Ты представь себе, что этот коробок движется, и тогда он в самом деле сдвинется,— говорил доктор Круз.

— У меня ничего не получится,— возражала Тина, но все-таки продолжала смотреть,— я же говорила, я не могу...

В глазах Тины появились слезы.

— Я сама не понимаю, как это у меня получается. Иногда получается, а иногда нет. А когда и почему, я не могу вам этого сказать. Я просто не знаю. Это все происходит помимо моей воли.

— Ты обманываешь меня! — закричал доктор Круз,— ты обманываешь, потому что это случается, случается часто. Тогда, когда твои эмоции достигают своего пика. Ты должна это сделать! Ты можешь!

Он оперся на стол и навис над Тиной. Та растерялась и еще глубже вжалась в кресло. Она почувствовала, что и в самом деле со словами доктора в ее тело входит непонятная сила. Она ощутила не только саму себя, но и все предметы в комнате. Она почувствовала себя ими.

— Сосредоточься, Тина! — резко выкрикнул доктор.

Жесткие складки вокруг тонкого рта доктора как бы окаменели, настолько зло и нервно он смотрел на девушку.

И вдруг в этот момент темно-синий коробок судорожно дернулся на плоскости стола. Доктор от неожиданности отпрянул в сторону и замер.

— Ну а теперь расскажи, что ты сделала/ — уже совсем другим голосом сказал доктор.

_ Я думала о вас,— мгновенно ответила девушка.

— Что ты думала? Что ты думала обо мне? — доктоп заволновался. *v*

Тина почувствовала ненависть, подымавшуюся в ее душе к этому ухоженному и холеному человеку, но она не решилась сказать про это и солгала, уже в который раз, глядя в глаза доктору, она солгала:

— Я не уверена, что это мне может помочь...— медленно рассуждала Тина, глядя на доктора.

— Ты опять мне лжешь! — сказал доктор Круз._

Тобой движет ненависть, ты ненавидишь меня, ненавидишь себя и именно в те моменты, когда ненависть овладевает тобой, становится сильнее тебя, ты можешь двигать вещи. Ты приказываешь им, и они движутся. Ты можешь сделать с ними что хочешь. И в этом я хочу разобраться. В этом загадка твоей болезни.

Тина, раздосадованная, вскочила из-за стола.

— Вам, доктор, только того и нужно, чтобы я двигала всякие предметы, как какой-то фокусник. Вы же должны меня вылечить, а не просто исследовать!

— Тина, ты ошибаешься,— уверял ее доктор Круз,— ты ошибаешься. Я хочу разобраться во всем и помочь тебе.

— Не это вам нужно! — вспылила Тина.

— Ты не можешь избавиться от комплекса вины за смерть своего отца и поэтому злишься, злишься на всех: на себя, на меня, на весь мир.

Тина зло ударила кулаком по столу, и коробок, лежащий на другом конце столешницы, вдруг дернулся и вспыхнул ярким пламенем. Доктор от испуга подскочил, и в его горле застряли последние слова фразы:

— Все это чушь, чушь собачья...

Но он осекся. Он смотрел, как медленно поднимается дым над горящим коробком. В комнате запахло серой.

Не зная, что сказать, доктор Круз растерянно вышел из комнаты в коридор. Оставшись одна, Тина только сейчас заметила, что на улице сгущаются сумерки. За окном расстилалась зеркальная поверхность Хрустального озера. Ни одна волна не нарушала спокойствия.

Это небольшое лесное озеро в обрамлении темного густого леса напоминало глаз дикого животного. Оно было такое же блестящее и бездонное. И когда Тина смотрела на воду, она сама пугалась той глубины, той страшной манящей глубины, которую она видела.

Усилием воли она заставила себя отвернуться от окна, и тут ее взгляд упал на большой цветной, фотографический портрет ее отца, который висел в тонкой дубовой рамке на противоположной стене. Отец на нем был в такой же самой рубашке, что и в день своей гибели. Кепка с большим козырьком отбрасывала тень на его глаза, и поэтому Тина не могла попять, куда он смотрит. Его глаза оставались для нее загадкой.

Тина всхлипнула и вытерла глаза рукой.

— Я люблю тебя, отец! — прошептала она, — ото неправда, что я убила тебя! Это неправда!

В этот момент в комнату вбежала миссис Шеферд. Она бросилась к дочери, схватила ее за плечи и повернула к себе.

— Тина, с тобой все в порядке?

За этой сценой из-за распахнутой двери, скрестив руки на груди, наблюдал доктор Круз. Он скептически усмехался.

— Мама, я так скучаю без пего, я так скучаю! — плакала Тина.

— Я знаю, дочка, знаю... Я тоже скучаю без него,— утешала ее мать.

Тина прильнула к плечу матери и обняла ее, но в э го время она увидела доктора Круза, его ироническую улыбку. Нервы у нее не выдержали, девушка оттолкнула мать и решительно выбежала из дома.

— Тина! Тина! — кричала вслед ей миссис Шеферд,— Тина, дочка, ты куда?!

Но Тина не остановилась. Хлопнула входная дверь, и дом погрузился в тишину.

Какое-то непонятное подсознательное чувство влекло Тину к озеру. Она бежала по тем же мостикам, что и пять лет назад. К тому месту, где раньше был причал с остроконечной крышей, а вдоль помоста, гулко вибрирующего от ее шагов, вспыхивали и дрожали фонари.

Тина добежала до конца причала и остановилась перед немой гладью озера. Душная ночь была наполнена странными звуками: вскрикивали хищные птицы, и их голоса щемящим эхом разносились над гладью озера, скрипели старые деревья, чуть слышно плескалась вода о сваи.

И вновь страшное видение, которое преследовало ее пять последних лет, вернулось. Она услышала свой голос:

— Я ненавижу тебя! Ненавижу!

И голос отца:

_ Тина! Тина! Прости меня! Вернись!

Она видела это настолько отчетливо, что могла вое-произвести мельчайшие подробности уничтоженного причала и ночного неба. Она даже помнила созвездия и знала, какое и где находилось в ту трагическую ночь В ночь гибели отца.

Тина смотрела на озеро. Ее взгляд как бы проникал сквозь толщу воды. Проникал и почти достигал дна.

— Папа, мне очень жаль, что так случилось... Прости! Прости! Я не хотела! — шептала девушка, не в силах оторвать взгляд от черного зеркала озера.

И вновь к Тине вернулось то далекое детское чувство — стоит ей только пожелать, очень сильно захотеть, и она сможет одним усилием воли вернуть все, как было... Вернуть отца... Она сама не замечала, как губы ее шептали вслух:

— Отец, я хочу вернуть тебя... Выйди, вернись ко мне! Я простила тебя... Прости и ты меня!

Тина чувствовала, как ее сознание проникает в глубины озера. Она чувствовала, что в этом озере что-то таится. Но тут из-за туч выглянула луна. Поверхность озера, до этого темная, блеснула серебром, в нем отразились вековые ели, окрашенные

луной, прибрежные кустарники, похожие на мохнатых животных, узкая полоска песчаного пляжа, прибрежные камыши. Все, казалось, ждет появления чего-то неизбежного. Все затаилось, замерло в этом призрачном свете.

И Тина заплакала, испугавшись своих мыслей. Умом она понимала, что отца невозможно вернуть, что однажды, уйдя за черту, отделяющую жизнь от смерти, человек не может возникнуть вновь, в том же самом виде, каким он был при жизни. Но душа Тины, все еще остававшейся ребенком, твердила: «Стоит тебе только захотеть, очень захотеть, и он вернется!»

От собственного бессилия Тина сжала кулаки и зажмурила глаза. Снова подкатывала к горлу ненависть, подкатывала высокой сильной волной, ненависть к самой себе, к тому, что она совершила пять лет назад. Ведь умом Тина понимала, это она виновата в гибели отца. Это она использовала свой чудесный да*р природы и подломила сваи причала.

Ненависть, заполнявшая Тину, стала настолько огромной, что уже не могла вместиться в ее душе. Она заполнила **1**зесь окрестный пейзаж, заполнила весь мир. Ее ненависть материализовалась. И Тине в какой-то момент показалось, что ее чувство хлынуло в небольшую зеркальную чашу озера и всколыхнуло ее до самых

Вода, как и тогда, пять лет назад, задрожала, по зеркальной глади побежали серебристые волны, и маленькое озеро забурлило изнутри. Тяжелый едкий пар начал подниматься от воды. В глубине, в самой страшной впадине, вздрогнула огромная каменная глыба, обвитая толстой кованой цепью. Звенья цепи натянулись, глухо звякнули друг о друга. Вся вода в озере пришла в движение.

Колыхались длинные водоросли, поднимался донный ил. Вздрогнуло и неподвижное до этого тело, прикованное длинной цепью к каменной глыбе. Веселый Роджер конвульсивно взмаьхнул руками и дернул головой. Из-под пластиковой маски хоккейного вратаря появились пузырьки воздуха. Утопленнйк-убийца оживал... На нем колыхались обрывки одежды, сквозь прогнившую плоть белели.ребра и позвонки, но он двигался. Он вновь ожидал, чтобы идти и сеять смерть... Он понял, что его час пришел. Цепь, приковавшая его к глыбе, разорвалась... Одно за другим звенья с глухим подводным звоном падали на камень. Веселый Роджер всплывал к поверхности...

— Вернись, вернись...— шептала Тина, чувствуя, что в озере что-то происходит.

Она приоткрыла глаза и увидела, что пенится уже вся поверхность. Огромный искрящийся фонтан взлетел к небу у

самого причала. Вокруг закипели и забурлили волны. И в воронке, образовавшейся после того, когда фонтан обрушился в озеро, появилось чудовище с ужасной и омерзительной маской...

Увидев пластиковый оскал маски Веселого Роджера, Тина, потеряв сознание, рухнула на доски причала.

Веселый Роджер выходил из воды. Он поднялся во весь свой двухметровый рост и неспеша проследовал возле потерявшей сознание девушки. Он даже не обернулся на нее. Он уходил в лес. С него стекал озерный ил, падали лохмотья прогнившей одежды, но поступь его была уверена и тверда. Качнулись лапы прибрежных елей, и Веселый Роджер исчез в темноте.

Обеспокоенная долгим отсутствием дочери, миссис Шеферд выбежала на улицу. Она знала где искать дочь, она и сама бы в таком состоянии пошла на причал. За матерью Тины бежал доктор Круз.

— Я ничего такого не делал, миссис Шеферд $_{я}$ не напоминал ей ни о чем. Мы просто проводили сеанс ле чения.

— Да подождите вы! — кричала миссис Шеферд — Я вижу, Тина вон там!

Она бросилась по настилу к распростертому на досках телу дочери.

— Тина, очнись! Что с тобой?! — мать несильно хлестала Тину по щекам.

Та приоткрыла глаза, в которых застыл ужас. Она еще не понимала, что произошло.

— Где он? — только и вымолвила Тина и вновь погрузилась в беспамятство.

— Кто, он? — удивленно спросила не то у себя, не то у дочери, Аманда Шеферд.

Доктор Круз пожал плечами.

— Наверное, она об отце. Снова эта навязчивая идея,— сказал он.

— Это у вас навязчивая идея,— истерически выкрикнула Тина,— это не был отец.

— Успокойся, дочка.

— Просто ты снова попала на это место,— пробовал успокоить Тину доктор.

— Я знаю, это страшный убийца, я вызвала его, стараясь вернуть отца...— обессиленная девушка снова потеряла сознание.

Вместе с матерью доктор занес Тину в дом. Они положили потерявшую сознание девушку на кушетку в гостиной и укрыли теплым одеялом. Доктор Круз сбегал в кабинет и принес оттуда пузырек с нашатырным спиртом. Когда он поднес ватку к носу девушки, та вздрогнула и открыла глаза.

Уже через полчаса Тина полностью пришла в себя. Ее напоили крепким чаем и попросили рассказать о том, что с ней случилось. Сбивчиво, путанно и неуверенно Тина попыталась восстановить то, что прошло перед ее глазами.

- Я видела его... Эго человек...— пыталась ооъяс-нить свое гзидение Тина,— он реален... настоящий человек. Правда, я не успела рассмотреть его лицо.

Доктор, опираясь на к а мод, скептически посматривал на свою пациентку, как бы соглашаясь кивал головой, но в то же время искал удобный момент, чтооы разубедить девушку и вновь сказать ей, что это была очередная навязчивая галлюцинация.

Миссис Шеферд не знала, кому верить. То ли дочери, то ли доктору Крузу. Единственное, что пришло ей в голову — это еще плотнее укутать Тину теплым одеялом и попытаться утешить, погладив ее по голове.

— Он вышел из воды! — убежденно говорила Тина.— Но я знаю, о чем вы думаете? И поверьте, к моему отцу он не имел никакого отношения! — С болью в голосе говорила девушка и вздрагивала после каждого своего слова. Потому что за словом вставали видения.

— Тина, надо убегать от этого. Чувство вины по поводу смерти твоего отца преследует тебя! — уверенный и убежденный в правоте своих слов, говорил доктор, неторопливо прохаживаясь по гостиной.

— Но ведь это не был мой отец! Я с полной уверенностью могу сказать — это не был мой отец! — упорно продолжала настаивать Тина.

— Это была галлюцинация,— как бы утешал девушку доктор.

— Нет! Нет! Это не была галлюцинация! — Тина начинала злиться и нервничать.

— Но послушай, Тина, допустим, это был не твой отец, но что это меняет? Ты хочешь мены уверить, что усилием воли ты подняла со дна озера утопленника, и он ушел в лес. Ты же должна согласиться со мной, такое невозможно!

— Я не знаю, что возможно, а что невозможно! — возражала Тина.— Но я видела его! Да, я сейчас припоминаю, у него не было лица, какая-то странная маска. Она блестела в лунном свете. Я видела его всего какое-то мгновение, а потом потеряла сознание от одного вида страшной маски.

— Ну хорошо,— махнул рукой доктор Круз,— пусть будет утопленник в пластиковой маске. Но все равно это ничего не меняет. Это все равно то же самое проявление твоего комплекса вины.

_ Можете не верить мне,— говорила Тина, но я вас

предупредила. Я чувствую, что начнется что-то ужасное. Вы же сами, господин доктор, говорили, что у меня необыкновенные способности, что я могу двигать предметы и предвидеть будущее.

Доктор Круз кивал головой, миссис Шеферд соглашалась с дочерью, но по их глазам было видно, что они не верят ей. А зря!

Если дом Шефердов был погружен в настороженную тишину, то в соседнем большом, двухэтажном деревянном доме вовсю гремела музыка, из колонок магнитофона рвались аккорды. Веселая компания молодых людей готовилась к торжеству. Они суетились в кухне, носили посуду в гостиную, накрывая большой стол.

Парни и девушки, охваченные приготовлением к празднику, подкалывали друг друга, смеялись, пробовали танцевать, изредка прикладывались к банкам с пивом и пепси-колой. Они озабоченно прислушивались, не послы-шется ли шум приближающегося автомобиля сына хозяина этого дома, чей день рождения они и собрались отметить на природе.

Майклу, который должен был появиться с минуты на минуту, в этот день исполнялось двадцать лет. Но разве могли эти молодые люди услышать звук приближающейся машины, если так гремел магнитофон, если так весело хохотали девушки и парни.

Вначале девушки нерешительно брали посуду из серванта, но племянник хозяина, Ник, успокоил их.

— Дядя разрешает делать мне в этом доме все что угодно, а если мы что-нибудь и разобьем или испортим, то все свалим на Майкла, это его любимый сын.

Ник пододвинул обитое плюшем кресло, вскочил на него с ногами и стал привязывать к люстре большие воздушные шары.

— Послушай, Мелиса,— крикнул он блондинке с длинными волосами, которая сегодня утром так скептически смотрела на Тину,— вы же обещали привезти жратву с собой, что вы тягаете из холодильника запасы моего дяди? Он же мне потом голову открутит!

— Да ты сам говорил,— возразила Мелиса,— что все свалим на Майкла, ему и отвечать.

— А, черт с ним! Тогда неси и выпивку.

А пока девушки хлопотали у праздничного стола, Эди и Бен прохаживались по огромному дому, они прикидывали, уже сейчас, пока были еще трезвы, кто и с кем, и в какой комнате, и на какой постели ляжет спать. Ночь предстояла долгая, и провести ее хотели вместе с любимыми девушками. Собственно, зачем они и тянулись в эту даль, ведь можно было отметить день рождения в ресторане. Но куда пойдешь после ресторана? Только по домам. А здесь можно было развернуться. И парни решили

развернуться во всю силу.

Все было бы очень просто, если бы ребята с самого

начала решили точно, кто и с кем будет, но такой большой компанией они собрались в первый раз. В самый последний момент одна девушка не смогла приехать, и на замену ей прихватили первую попавшуюся подружку. Но выбор оказался не очень удачным, это была занудливая отличница Медью, толстушка, с дурноватым лицом, на котором красовались несоразмерно большие очки с толстыми линзами. Чего еще можно было ожидать — очки примета всех занудливых отличниц.

Все уже было расставлено: тарелки и вилки, рюмки, бутылки и вазы. Можно было садиться за стол. Первым не выдержал Боб. Он смешно округлил свои глаза, закатил их к потолку и хрипло прокричал:

— Где эта скотина? Где эта скотина? Он срывает такое шикарное мероприятие! Мы уже давно должны были распить первую бутылку и подбираться ко второй!

Его девушка Керл захохотала, подмигнула своему приятелю и сказала:

— Мы можем кончить и без него, не так ли, Боб?

— Да, да, я и чувствую, что кончать мы будем без него, но все вместе, правда ребята?

Комната наполнилась дружным хохотом. Не смеялась только отличница Медью. Она смешно заморгала глазами, которые казались огромными за толстыми увеличительными стеклами, как бы вся сжалась и отвернулась к окну.

— Ну нет, подлецы! Я вам не позволю начать без моего любимого кузена Майкла. Не для этого мы с ним крали у дядюшки ключи от загородного дома. Не для этого я вам позволил тягать его выпивку и закуску,— кричал Ник,— мы обязательно дождемся его! И своего не упустим!

Мелиса подкралась к Нику сзади и обхватила его за плечи.

— Вот я уже точно своего не упущу! Но только вместе с тобой, Ник!

— Но где же черти носят этого Майкла? — возмущался Бен, темнокожий парень лет двадцати, обнимая свою подружку Салли, такую же кучерявую, как и он сам.— Я уже заждался, да и девочка моя замерзает. Может быть, начнем со второй части, а, ребята?!

— Ну, нет,— сказал Ник,— мы все же дождемся его. Имейте терпение.

Длинноволосая шатенка Лора, удобно усевшись в кресле, прикрыла глаза. Ее приятель, такой же длинно-

волосый Клод, забросив ноги на спинку мягкого соседнего кресла, сидел откинувшись и углубившись в свои мысли. И он, и

его подруга уже успели принять по небольшой порции марихуаны, и им было хорошо. Они не замечали суеты, не слышали шуток и криков, им вообще все было до лампочки.

Мелиса, повернув свое красивое лицо к Нику, сказала:

— А может твой кузен со своей подругой остановились где-нибудь в лесу и развлекаются? А мы тут сходим с ума, ждем, сгораем от нетерпения. Как ты считаешь, может такое быть?

— Да, это в духе моего кузена, будь он проклят, но я его люблю и за это тоже, что он так может остановить машину среди дороги и развлечься со своей подружкой.

И Ник, как оказалось, как в воду глядел.

Его кузен Майкл и его подружка Джейн не очень-то спешили на праздник. Их больше привлекала возможность развлечься вдвоем в темном лесу, а не сидеть за праздничным столом и выслушивать дежурные глупые поздравления и шутки.

Майкл, как только доехал до дорожного указателя на проселочной лесной дороге, указывающего, что до Хрустального озера оставалось пять миль, остановил свой старый пикап, в котором задние сиденья были сняты. И вместо них, прямо на полу машины, лежал большой мягкий надувной матрас.

— Чего мы остановились? — спросила Джейн, якобы не понимая причины.

— Ты лучше бы стекла подняла,— сказал Майкл,— а то в это время года может налететь всякой гадости, и искусают всю твою задницу.

— А твою что, они обойдут стороной? — сказала Джейн.

Правая рука Майкла, которая всю дорогу лежала на круглом колене Джейн, медленно, как бы лениво и нехотя начала ползти вверх и расстегивать молнию шортов.

_ Ну что ты так сразу, Майкл? В любви должна
быть прелюдия,— немного недоуменно и раздраженно
сказала Джейн.

— Какая прелюдия? Мы тряслись с тобой в этом зашарпанном пикапе сорок миль, и я всю доро1у гладил ге бя по колену, тебе что, этого мало? Это плохая пре люди я?

— Неужели у тебя нет фантазии на большее? Неужели ты не можешь придумать что-нибудь пооригинальнее? Так делает любой шофер, но ты же, Майкл, ты же сын богатых и состоятельных родителей, у тебя такой отец я всегда думала, что ты способен на большее.

— Конечно, способен,— сказал Майкл и резко опустил спинку сиденья.

Джейн запрокинулась, смешно взмахнув длинными загорелыми ногами. Следом за ней на дно пикапа свалился и

Майкл.

— Ну как тебе? Как ты считаешь, хватает у меня фантазии?

— Уловка удалась,— хохоча от щекотки, ответила Джейн.

Фантазии у Майкла хватило ровно на пятнадцать минут, в течение которых машина бешено раскачивалась на рессорах. Удовлетворенный, Майкл отвалился в сторону и затих. Затихла и машина. Первой пришла в себя Джейн, она толкнула острым худым локтем в бок своего дружка и сказала:

— Ну что, сколько нам еще так лежать?

— Сейчас поедем.

Майкл наспех натянул шорты и сел за руль. Но машина, как назло, не заводилась. Разъяренный, он нажал на сигнал, и минут десять машина вспарывала ночной воздух пронзительным воем. Окончательно посадив аккумулятор, Майкл, наконец, догадался заглянуть под капот.

Джейн, ничего не понимая, смотрела на внутренности автомобиля из-за его плеча. Майкл раздосадованно сгреб в горсть прогнившие провода старого пикапа.

— О, черт! — сказал он,— нужно было хотя бы заглянуть туда перед отъездом, а теперь что нам делать?

— Ну, это уже тебе решать,— пожала плечами Джейн.

— Придется идти все пять миль пешком с этими тяжелыми сумками, набитыми жратвой и выпивкой.

Майкл открыл заднюю дверь пикапа, накинул на плечи куртку, и зло ругаясь, пошел по дороге. Джейн засеменила за ним, сгибаясь под тяжестью увесистой спортивной сумки.

_ Мой дядя, конечно, хороший человек, но и сволочь редкостная. Он всегда, когда задумает мне что-нибудь подарить, и сделает это, то потом с его подарками я вожусь и не знаю, как от них избавиться. И этот пикап он подарил мне на девятнадцатилетие.

Но у Майкла не хватало не только фантазии но и энергии. Пройдя около мили он бросил сумки на обочину и сказал:

— Остановимся здесь, отдохнем.

— Но мы же уже почти пришли! — возмутилась Джейн,— еще немного, и мы будем в тепле. Вместе с ребятами.

— Тебе мало меня одного?

— А ты тешил себя мыслью, что ты у меня один?_

Джейн прикусила губу.

— Я сужу по себе.

— И сколько тогда у меня было парней?

— Я учета не веду и тебе не советую.

— И вообще, почему мы поехали не со всеми, пересели бы в машину к Нику, его белобрысая подружка Мелиса могла бы и

потесниться.

— Это все Ник придумал, он и гостей приглашал, а я заговаривал зубы отцу, чтобы не заметил, как я краду ключ. Представляю, кого наприглашал мой кузен. Бен и Салли — вот его друзья.

— Ну что же, родственников не выбирают. Слава богу, хоть эти полукровки не из твоей родни. Правда сейчас, мне кажется, что лучше было бы с ними, чем тащиться по лесу в такую темень. — Джейн устало разминала затекшие ноги.

— А я знаю, как здесь срезать дорогу. Вместо оставшихся четырех миль мы пройдем всего полторы.— Пробовал затянуть в темный густой лес девушку Майкл.

Но той явно не улыбалась перспектива тянуться по темноте, обдираясь о колючки, ночным лесом.

— Я боюсь,— сказала Джейн,— я никуда не пойду, мне не нравится этот лес.

— Со мной можешь ничего не боятся ничего с нами не случится.

Майкл схватил за руку Джейн и потащил подальше от дороги. Та сопротивлялась недолго. Показавшийся ей вначале мрачным, лес, с его поросшими мхом и лишайником елями, с глубоким мягким ковром мха и прошлогодней травой, принял их в свои объятия.

— Черт, ну и день рождения у меня в этом году!

сетовал Майкл.

— Поверь, все будет хорошо, прийдем, отогреешься, выпьешь, — убеждала его в лучшем исходе Джейн.

На небольшой поляне Майкл остановился и опустил

сумки на траву.

— Что такое? — удивилась Джейн.

— Подожди меня две минуточки, я сейчас вернусь. Майклу не совсем удобно было говорить девушке,

зачем ему нужно отойти. Но та и не настаивала.

Джейн осталась на поляне, вглядываясь в высокое звездное небо.

Буквально через несколько минут, когда Майкл и Джейн покинули свой пикап на обочине дороги, из лесу вышел Веселый Роджер. Он, тяжело ступая в своих раскисших кожаных бохилах, подошел к машине, заглянул вовнутрь. Недолго раздумывая, он схватился за ручку задней дверцы и вырвал ее с мясом. Что-то рыча из-под пластиковой маски, он стал разбрасывать оставшийся в машине багаж.

Разбивались пустые бутылки, упал на землю мешок с палаткой, и в нем со звоном звякнули металлические колья.

Веселый Роджер прислушался. Он одним рывком разорвал мешок с палаткой и разгреб ногой связку кольев. Выбрав из них самый длинный и острый, он удовлетворенно замычал и направился в лес, следом за Майклом и Джейн.

Веселый Роджер тяжело ступал своими раскисшими бохилами по мягкому мху. Изредка под его тяжелой поступью ломались ветви кустарника, хрустели корни. Редкий лунный луч, пробиваясь сквозь темную листву деревьев, попадал на его голову. Пластиковая маска напоминала череп мертвеца.

В огромной, тронутой трупной плесенью руке, сверкал сталью кол от палатки. Веселый Роджер, ломая низкий кустарник, настигал Майкла и Джейн.

Но ни парень, ни девушка, нагруженные тяжелой поклажей, не слышали его шагов.

Отходя от Джейн, Майкл несколько раз оборачивался, но в залитом лунным призрачным светом лесу, было видно довольно далеко. И он стал углубляться в кустарник. Наконец, остановился и расстегнул молнию шортов.

Джейн топталась на поляне, не зная, что ей делать.

— Майкл, ты скоро? — крикнула она.

— Ой, ты знаешь, как ему холодно?! — прокричал

в ответ Майкл.

— Смотри, не отморозь.

Джейн обхватила себя руками за плечи и, зябко поеживаясь,, почувствовала прохладу этой ночи. Ей становилось не по себе. Лес наполнялся шорохами, криками птиц, которых они раньше не слышали с Майклом за разговором. Джейн напряженно всматривалась в кусты за которыми исчез Майкл. Ей хотелось, чтобы парень вернулся как можно скорее, потому что ее начал охватывать панический ужас.

— Майкл! — крикнула она.— Скорее!

— Иду,— ответил парень, застегивая шорты.

— Ну где же...— хотела крикнуть Джейн.

Но ее голос оборвала гигантская ладонь. Вонь озерной тины, запах гнили и трупного смрада ударили ей в нос. На губах она ощутила противную трупную слизь. Мощная рука прижала ее к дереву, и Джейн увидела страшный оскал пластиковой маски Веселого Роджера.

Стальной, остро заточенный кол от палатки сверкнул в лунном свете и, просвистев в воздухе, ударил ее между глаз. Джейн так и осталась стоять возле дерева, пригвожденная к нему металлическим штырем.

Утопленник-убийца отступил шаг назад и спрятался за большой, покрытой серебристым мхом, елью.

Когда Майкл вышел на поляну, залитую лунным призрачным светом, ему сразу же бросилось в глаза неподвижное тело Джейн. Ее глаза, выпученные от боли и ужаса остекленело смотрели на него. Майкл окаменел.

Через несколько секунд исполинская фигура Веселого Роджера вышла из-за дерева. Маска уставилась на Майкла. Веселый Роджер протянул правую руку к стальному штырю и без видимого усилия вырвал его из тела девушки, которое после этого вяло осунулось на землю.

Майкл, опешивший от ужаса, пришел в себя. Он начал пятиться, цепляясь и спотыкаясь о корни деревьев. Веселый Роджер неумолимо, тяжело ступая и что-то хрипя, двигался на него. Майкл развернулся и бросился бежать. Но лес был ему незнаком, и ужас сковывал ноги. Они, казалось, налились тяжелым свинцом.

Но как Майкл ни старался бежать все быстрей и быстрей, он позвоночником чувствовал приближение страшного существа к нему. Веселый Роджер широко взмахнул правой рукой, и острый стальной штырь, сверкнув в лунном свете, глубоко вошел в спину Майкла.

Удар был настолько сильным, что парень упал на землю, но еще несколько метров судорожно хватаясь за сухие опавшие листья, пытался ползти, чтобы как можно дальше уйти от этого ужасного убийцы. Веселый Роджер приблизился, схватил Майкла за куртку, приподнял и стукнул о дерево.

Длинный штырь, с которого стекали капли густой темной крови, вновь тускло сверкнул в лунном свете.

В списке жертв утопленника-убийцы заполнились первые строки.

Гнетущую тишину, охватившую дом Шефердов, нарушил стук во входную дверь.

Тина сбросила одеяло, подхватилась с дивана и кинулась к двери. На пороге стоял Ник.

— Привет,— весело улыбнувшись, сказал парень, протягивая девушке одну из блузок, забытую ею на земле, когда она паковала в спешке свой чемодан.

— Привет,— ответила недоуменно Тина и обрадованно улыбнулась.

— Я даже постирал и отутюжил ее для тебя. Я хороший парень,— сказал Ник.

Тина смущенно приняла свою блузку. В это время подошла миссис Шеферд.

— Добрый вечер,— поприветствовала она парня.— Я рада с вами познакомиться,— с нескрываемой радостью проговорила

мать Тины, потому что и ее уже угнетала тишина, царившая в доме.— Ну, как, веселитесь?

— Да нет, как-то веселье не идет. Мы собрались здесь, чтобы устроить день рождения моего кузена Майкла, а его все нет, и непонятно, что с ним случилось,— попытался объяснить ситуацию Ник.

— Не волнуйтесь, я думаю, что ваш кузен не заставит себя долго ждать,— сказала миссис Шеферд, рассматривая красивого молодого человека.

— А знаете, я хочу пригласить вашу дочь на наш праздник. Конечно, если она не против,— вновь весело улыбнулся Ник.

_ Это лучше, чем провести вечер с доктором Крузом,— пошутила Тина, выходя за дверь.

_ Приятно вам повеселиться! — бросила вдогонку
миссис Шеферд.

_ Кто это такой? — поинтересовался доктор Круз,
появившись в гостиной.

_ **Да** это так. Наш сосед. Там веселая компания, и
Тина решила немножко развлечься,— ответила миссис Шеферд. 261

— Вы знаете, я бы не хотел, чтобы она отвлекалась

И мне очень не хотелось бы вновь отправиться с ней в клинику,— листая пухлую папку с историей болезни сказал доктор Круз. ’

— Но ей надо дать шанс вновь стать нормальной, не так ли? Вы ведь этого тоже хотите?

— Не знаю, не знаю, к худшему это или к лучшему,— пробормотал доктор Круз, захлопнул папку и не спеша стал подниматься по лестнице.

Яркий свет и праздничная раскраска воздушных шариков сразу резанули по глазам Тину. Она давно не бывала в больших компаниях, отвыкла видеть сразу так много молодых, веселых парней и девчонок.

Один из парней, даже не попробовав познакомиться, сразу схватил ее за руку и потянул на середину гостиной.

— Послушай, мне нужно узнать твое мнение,— он говорил, захлебываясь словами, выхватил из-за пазухи пачку исписанных мелким почерком листов и стал читать театральным голосом.— Что ты скажешь на это: Прошло тридцать тысяч лет, и теперь вся Галактика населена высокоэволюционированной протоплазмой.

Тина опешила и сделала шаг назад. Она удивленно смотрела на любителя фантастической литературы, который уверенно читал ей отрывок из только что написанной повести.

— И теперь среди всех звезд нет ни одной женщины,—

продолжал фантаст Эди.

Ник, улыбаясь подошел и осторожно взял Тину за плечи.

— Да не слушай ты этого идиота. Он всегда нагородит какой-нибудь чуши. Не слушай его, лучше посмотри по сторонам. Какие тут собрались хорошие ребята. Это только он один у нас идиот, а все в полном порядке, так что ты их не бойся.

Тина немного пришла в себя, улыбнулась и часто закивала головой. От неожиданного сочувствия и ласки ее, до этого скованное страхом лицо, преобразилось. Оно стало удивительно привлекательным, и Ник заметил это.

Но заметил не только Ник, заметила и Мелиса. Она криво улыбнулась и, пробормотав ругательства по адресу предателя Ника, на которого у нее были свои вида, подошла к фантасту Эди и обняла его за плечи. Эти объятия были настолько демонстративны, нарочиты, что голоса в

гостиной на какое-то время смолкли.

Бен даже скинул ноги со стола и присвистнул, но Тине эта внезапная тишина в гостиной показалась очень суетливой после нескольких лет, проведенных в клинике. Она услышала, как на кухне звенят посудой и переговариваются очкастая отличница Медью и длинноволосая красавица Лора.

Лора объясняла доверчивой Медью как надо знакомиться с парнями. Она рассказывала о хитростях легких флиртов с такой откровенностью, что простоватое лицо отличницы Медью через каждую секунду покрывалось все новыми и новыми пунцовыми пятнами, пока, наконец, не стало таким же бордовым, как легкий шарик, который раскачивался над ее головой.

Красавица Лора глубоко вздохнула и, набрав полную грудь воздуха, невозмутимо продолжала:

— Понимаешь, самое главное — обольстить в первое же мгновение. Вот, например, подходит он ко мне и говорит: «Девушка, ваши права». И что ты думаешь, я делаю?

— Не знаю, что можно делать,— прикрывая лицо ладонями, ответила отличница Медью.

— А делать нужно вот что. Я резко открываю машину, приподнимаю и без того короткую юбку и выбрасываю свои длинные ноги. «Извините, офицер, вы знаете, я забыла свои права дома, а живу я здесь совсем рядом. Давайте вместе заскочим ко мне домой. И я вам покажу свои права». '

— И что?

— Как что! Полицейский садится в машину, мы едем ко мне', и я знакомлюсь с отличным парнем. С лейтенантом полиции.

— Ну, а что дальше?

— А как, что дальше! Я затаскиваю его в свою постель. И ты

знаешь, полицейские звери. Такое удовольствие не испытаешь ни с кем больше. Не надо теое ни мазохисты, которые звенят цепями и хлещут кнутом. Ты ведь знаешь, что полицейские всегда носят наручники.

— Да, знаю.

_ д еще у них есть такая большая резиновая палка.

И вот с наручниками и палкой мы развлекаемся.

Лора продолжала вводить в краску отличницу.

— Это мне не подойдет,— пробормотала Медью.

— Это еще почему? — изумилась Лора.— Мне подходит, а тебе нет.

Ты знаешь, смущенно призналась отличница протирая запотевшие очки,—у меня ведь даже и прав на машину нет.

— Ну тогда я тебе расскажу другой прием.

Лора ловко резала хлеб.

Понимающе подмигнув Лоре, в кухню вбежал Боб, он тащил за собой упирающуюся Керл.

— Нет, ты посмотри, вечеринка еще не началась, а наша Лора уже кончает,— говорил он своей подружке,_

бардак такой развели, никакого порядка.

— Мы же не для себя стараемся,— возмутилась Лора,— если так переживаешь за Майкла и Ника, то к приезду богатого дядюшки мы наведем здесь идеальный порядок.

Наконец, Ник догадался представить Тину обществу. Они подруку зашли на кухню, и Ник скромно сказал:

— Это Тина. Наша соседка.

Лора, Керл и Медью уставились на новоприбывшую и дружно принялись разглядывать девушку.

Засмущавшись, Ник проговорил:

— Ну я же сказал вам, это — Тина. Наша соседка.

Тут из-за спины Ника вынырнула белокурая Мелиса.

— А, теперь я догадываюсь, из-за кого устраивался этот праздник. День рождения Майкла — просто отговорка. А Майкл выманил ключи от загородного дома у своего отца, чтобы устроить праздник ради этой девчонки. Ник просто чутье какое-то имеет на смазливых, глуповатых девушек. Вот он и почувствовал, что тут завелась подходящая соседка... Только одного не пойму — зачем меня было сюда тащить.

— А по-моему, очень нормальная соседка,— сказал Бен, потягиваясь,— мне на таких далеко не всегда везет.

— Мелиса, не стоит начинать скандал,— увещевали свою красавицу-подружку девушки.

— А мне плевать на остальных,— стала в позу Мелиса,— пусть думают, что хотят. Ты обещал быть на празднике со мной, а

я не люблю обманщиков. Прогони ее, слышишь, прогони.

— Мелиса, что это на тебя нашло? — укоризненно проговорила Медью.

Но та и не думала смущаться. Она легким движением руки поправила на шее ожерелье из крупных жемчужин. Неизвестно, чем бы кончилось это противостояние Мелисы и Тины, если бы в кухню не ввалился Боб. Он держался рукой за ушибленный лоб и ворчал:

— Какой идиот додумался поставить перед самым входом фонарь?!

— Почему никто не восхищается! — возмутилась Мелиса, поглаживая ожерелье.— Эти жемчужины подарил мне мой папочка на день рождения и сказал: «В них, Мелиса, каждый парень будет теперь твоим!»

— Да пропустите же меня к холодильнику,— пор-чал Боб.— Мне нужно приложить ко лбу что-нибудь холодное.

Он распахнул дверцу большого, как платяной шкаф, холодильника и выхватил банку с пивом. Но та недолго была у его ушибленного лба. Скривившись, Боб сорвал кольцо и, запрокинув голову, стал лить пенящееся пиво в широко открытый рот.

Все захохотали, глядя, как он давится пеной. В горле булькало и Боб, подавившись, закашлялся. Изо рта у него пошла пена, и он растирал ее руками по всему лицу.

Тина вдруг напряглась, ей показалось, что это не Боб, а какой-то незнакомый ей парень. И изо рта у него идет не белое пенное пиво, а густая вязкая кровь. Это продолжалось буквально несколько мгновений, но Тина внутренним взглядом увидела всего парня. Он корчился, широко расставив ноги, хватался руками за окровавленную грудь, кровь стекала по рубашке, пачкая короткие джинсовые шорты и капала на серый, искрящийся в лунном свете, мох.

Тина внезапно резко вскрикнула. Перед ее глазами была пластиковая маска со страшным, как у черепа, оскалом. Тело парня в джинсовых шортах закачалось, осунулось и рухнуло на землю. В это же мгновение на пол кухни упала большая литровая бутылка пепси-колы, с шумом разбилась, и осколки усеяли мраморный пол кухни. Но Тина успела заметить в исчезающем видении, как в руке Веселого Роджера сверкнул длинный стальной штырь. Со штыря медленно стекала и падала на землю густая, багряная кровь.

Вся веселая компания в замешательстве смотрела на внезапно побледневшую Тину. Девушка встрепенулась, пришла в себя, испуганно огляделась и бросилась к двери.

— Тина, Тина! Постой! Ты куда? — прокричал ей вслед растерянный Ник.

Но дорогу Нику, который поспешил было за Тиной, преградила Мелиса. Она положила свои ладони ему на грудь, прильнула к нему, заискивающе взглянула в глаза и сладким голосом прошептала:

— Слушай, Ник, давай я расскажу тебе о **женщинах** такое, чего ты еще не знаешь.

У входной двери своего дома Тина на мгновение остановилась. Она сама не сразу поняла, что же приковало ее взгляд. Перед ней из дверного косяка торчал тот самый, только что виденный ею, блестящий стальной штырь. Боясь прикоснуться к холодному металлу, Тина несколько мгновений оглядывалась по сторонам, как бы собираясь с силами. Потом резко рванула на себя дверь и вбежала в гостиную.

Доктор Круз сидел в мягком удобном кресле и лениво листал журнал. Мать Тины сидела на диване с чашкой горячего кофе.

— Мама, мама! — кричала Тина, бросившись к матери,— я видела его снова! Мама, я видела его!

— Кого, кого, дочка, кого ты видела?

— Того человека, того самого человека.

Мгновенно сбросив с себя маску оцепенения, поднялся из кресла доктор Круз. Он подбежал к Тине и миссис Шеферд и попытался стать между ними, внимательно вглядываясь в испуганные глаза Тины.

— Он убил парня, металлическим наконечником! — выкрикивала Тина, сдерживаемая доктором Крузом.

— Опять галлюцинации,— доктор Круз не хотел верить девушке.

— Я видела своими глазами.

— Успокойся, успокойся, ты хочешь сказать, ты видела что... Сосредоточься. Что ты видела? — спрашивал, удерживая девушку в руках, доктор Круз.

— Я его не совсем что бы видела наяву, но я знаю, знаю, это он убил парня!

— А что же ты делала перед этим? — заинтересованно расспрашивал доктор Круз, нарисовав рукою в воздухе большой круг перед лицом Тины,— у тебя, Тина, вновь иллюзии.

— Какие *иллюзии*? Я это видела!

— Послушай, Тина, у тебя вновь иллюзия, что ты виновата в смерти своего отца. Успокойся!

Тина отпрянула от доктора и зло выкрикнула:

— Тогда посмотрите, это что, тоже иллюзия торчит из дверного косяка перед входом?! Там металлический штырь,

которым этот человек в маске убил парня!

— Хорошо, я так сделаю, пойду посмотрю на эту иллюзию, и не очень удивлюсь, если ее не будет на своем месте. Спокойно проговорил доктор Круз и направился к выходу.

Миссис Шеферд принялась успокаивать дочку.

Не надо, пусти меня, со мной все в порядке, пусти меня, мама!

Но миссис Шеферд крепко держала Тину за руки. В гостиную вновь зашел доктор Круз. Он безмятежно держал руки в карманах брюк.

— Миссис Шеферд, Тина,— бесцветным голосом сказал он,— пройдемте на улицу, и пусть ваша дочь покажет, где она это видела. Может, я просто не нашел.

Тина шарила руками по дверному косяку, ища место, куда был воткнут штырь.

— Он был здесь! Он был вбит вот в этот столб,— говорила девушка.

Но даже мать не верила ей. А доктор Круз вообще откровенно улыбался.

— Он был на этом месте,— уверенно проговорила Тина, ощупывая дверной косяк.

— Послушай,— сказал доктор Круз,— но тоща от него должна была остаться хотя бы дырка, ведь правда?

Тина не могла на это ничего возразить. Она уже и сама не верила себе, не верила в свои страшные видения. Она растерянно отошла в сторону и плачущим голосом промолвила:

— Что со мной происходит? Доктор, помогите мне! Помогите!

— Хорошо, я помогу тебе, но прежде ты должна помочь мне.

Доктор еще оставался на крыльце, когда миссис Шеферд, боясь за дочь, повела ее в гостиную. Тина шепотом проговорила на ухо матери:

— Но эта штука в самом деле была там, я видела ее...

— Все в порядке,— обеспокоенно сказала мать,— все в порядке, Тина, тебе померещилось.

Доктор Круз остался в одиночестве, его терзали сомнения. Он верил в сверхъестественные способности Тины. Ведь он своими глазами видел, как двигался коробок, как загорались спички. И это было не самое удивительное, что ему доводилось видеть.

В нем теперь боролись два человека: психоаналитик-профессионал — холодный исследователь и доктор кото рый давал клятву Гиппократа.

С Тиной происходило что-то новое, раньше ей только виделась смерть отца и какие-то невнятные галлюцинации,

немного связанные с будущим. А теперь она говорила о вполне реальных вещах: о стальном стержне и смерти незнакомого парня.

Исследователь-Круз был за то, чтобы исследовать этот феномен, ничего не предпринимая, оставаясь в стороне от событий — и неважно, что произойдет с девушкой, в конце концов, важнее результат, а не подопытное существо. Зато потом его исследования помогут многим.

Круз-человек понимал, что должен вмешаться. Помочь девушке. Ведь, может, за ее видением скрывается реальное убийство.

К тому же, миссис Шеферд платит ему деньги за лечение дочери...

Но все-таки в нем победил исследователь, жажда научного признания среди коллег возобладала.

Доктор Круз решил ни во что не вмешиваться, проводить свои эксперименты и исследования дальше. Судьба Тины его мало волновала.

Лишь только упоминание об убийце в пластиковой маске оставило неприятный след в его душе, вселило тревогу.

А в эту ночь на другом берегу Хрустального озера разбила палатку молодая пара туристов. Девушку звали Сильвия, а ее парня Марк.

Парень и девушка сидели у угасающего костра и перекидывались нехитрыми туристическими шуточками. В большой палатке горел дорожный фонарь. Его мягкий свет создавал уют и теплоту. Но Сильвия понимала, что, когда пламя погаснет, будет прохладно, потому что эта ночь, в отличие от предыдущих, была сырой и холодной.

Она смотрела на туман, поднимавшийся над озером, и поеживалась, грея руки над угасающим костром. Ни парень, ни девушка, не думали ни о чем плохом. Они даже не подозревали, что где-то рядом в это время неслышно ступал по опавшим листьям Веселый Роджер. Этот страшный утопленник-убийца.

— Мне холодно, понимаешь, Марк, прохладно, поеживаясь, сказала Сильвия.

— Ну что ж,— попробовал улыбнуться Марк,_

может заползем вовнутрь? И я тебя согрею?

Но эта шутка никак не обрадовала Сильвию.

— Согреть меня может только огонь. А где же дрова?

Марк поднялся с камня, на котором сидел, приблизился к Сильвии, обнял ее за шею, притянул к себе и попытался поцеловать, но девушка недовольно попела плечами и вырвалась. Марк хмыкнул.

— Да дрова вокруг, полный лес дров, ты что, не понимаешь этого?

— Понимаю. Тогда пойди и принеси дров. Сегодня будет очень холодная ночь,— пыталась убедить своего парня Сильвия.

Марк неохотно поднялся, его совершенно не грела перспектива шляться по сырому лесу, на ветвях которого уже блестела роса. Но он был вынужден взять блестящий стальной тесак, заменяющий им топор, и двинуться в глубину леса.

А в глубину леса ему пришлось идти потому, что вокруг палатки он уже вырубил все сухие деревья. Сильвия тоже поднялась от угасающего костра, вошла в палатку и опустила полог. Она сбросила рубашку, удобно уселась на надувной матрас и принялась стягивать кроссовки. Раскрытый спальный мешок лежал рядом, как бы ожидая девушку.

Чертыхаясь и проклиная свою назойливую подругу, Марк углублялся в лес. Он срубал сухие сучья, но он понимал, что этими сучьями они согреться не смогут. Он искал какое-нибудь высохшее дерево, чтобы повалить его, и тогда на целую ночь они будут обеспечены дровами, костер будет весело пылать, а они могут заниматься всем, чем угодно.

А чем заниматься, он знал. Увлекшись добыванием дров, Марк не заметил, как раздвинулись густые смолистые кусты, и на поляну ступил в своих тяжелых бахилах Веселый Роджер.

С тяжелой охапкой толстых смолистых сучьев, переступая корни деревьев, Марк возвращался к палатке. Он не слышал, как следом за ним, шаг за шагом, тяжело ступал утопленник-убийца. Сильнейший удар в спину опрокинул Марка на землю. Он даже не успел вскрикнуть. На его спине зияла огромная кровоточащая дыра. Она была величиной с кулак убийцы-утопленника.

Когда бездыханный Марк лежал на земле, Веселый Роджер наклонился и поднял блестящий тесак, которым

парень еще несколько секунд назад рубил сухие смо листые сучья. На мгновение Роджер задумался, а потом направился к палатке.

По дороге убийца-утопленник взмахнул рукой. С кулака текла кровь и свисали внутренности только что убитого парня.

Заслышав тяжелые шаги, Сильвия, **закутанная** в спальный мешок, встрепенулась.

— Ну давай же, давай, заходи, я уже давно жду тебя, заходи.

Шаги слышались все ближе и ближе.

В прорехе под пологом палатки девушка увидела огромные черные бахилы.

— Марк, Марк, ну что за шутки, ты почему не отвечаешь?! — недовольно говорила Сильвия.

Но в ответ она только слышала похрустывание маленьких сучьев под тяжелыми шагами. В какое-то мгновение она испугалась, пытаясь сообразить, что же происходит, и почему ее Марк никак не реагирует на ее слова.

Шаги слышались то справа, то слева.

— Что ты там делаешь? — недовольно кричала Сильвия.

Но в это мгновение прямо у нее над головой плотный брезент пробило сверкающее лезвие тесака. С треском и шумом тесак распорол палатку. В образовавшемся проеме девушка увидела пластиковую маску Веселого Роджера.

Она издала дикий крик, а ее глаза закатились от ужаса. От ужаса и тошнотворного трупного смрада, который мгновенно проник в палатку. Сильвия задернула изнутри замок спального мешка, пытаясь хоть таким способом защититься и спастись.

Убийца-утопленник наклонился, схватил мешок за горловину, легко оторвал от земли, взвалил на плечо и, мерно покачиваясь, пошел к толстому дереву.

Девушка визжала и извивалась. Но, не обращая внимания на сопротивление, Веселый Роджер тащил мешок к дереву. Широко размахнувшись, он наотмашь ударил мешком по толстому стволу.

Хрустнули кости, и по мешку расплылось красное пятно.

Утопленник-убийца расстегнул молнию и тряхнул мешком. Из него выпало изуродованное тело обнаженной девушки.

К списку жертв этой ночи прибавилось еще двое...

Гладь Хрустального озера уже отражала не звездное небо, а бледнорозовый рассвет. Теперь в солнечном свете все казалось не таким мрачным и безысходным, как ночью. Ребята так и не дождавшись Майкла и его девушки Джейн, утомленные и злые после бессонной ночи, наводили относительный порядок в доме.

Девушки мыли посуду, а фантаст Эди забавлял их разговорами.

— Вы знаете, что конец света наступит через двести лет,— вещал Эди,— и к этому времени во всем мире не останется ни одной женщины.

Отличница Медью удивленно вскинула брови.

— Так-то уже и ни одной? — промолвила она.

— Ну разве что, ты,— съязвил Эди,— если доживешь, конечно. Можешь у Бена спросить, он в этих делах рубит.

Бен, ничего не понимая, стряхивая сонное оцепенение, вертел головой.

— Конечно, я подтвержу,— чисто из мужской солидарности согласился он поддержать Эди.

— Как ни напрягаюсь, не могу поверить, что Майкл не смог приехать,— улыбаясь говорила Мелиса, поправляя свою прическу.

— Да, может его задержала полиция за управление машиной в нетрезвом виде? — попробовал придумать очередную версию Бен.

— Могла, конечно, задержать его полиция, но человек, который любит вечеринки, уже наверняка был бы здесь,— вставила своих пару слов Лора.

Мелиса вдруг спохватилась.

— Послушайте, а вы Ника не видели?

Лицо Лоры приняло немного скептическое выражение.

— Мне кажется, он на улице, с этой Тиной развлекается.

— Ведь только что был здесь. Вот и отведи взгляд от этих мужчин! Сразу же убегут куда-нибудь на сторону.

Лора не ошиблась. Ник и Тина в самом деле стояли на берегу озера и неторопливо разговаривали.

Ник, не зная чем занять руки, бросал в воду камни.

— Твои друзья, наверное, думают, что я совершенная дурочка,— говорила Тина.

— Меня это не интересует,— искренне признался

Ник.— Это не мои друзья, их всех пригласил мой кузен Майкл, а я приехал сюда ради него.

— Кстати,— поинтересовалась Тина,— а ты сам-то откуда родом?

— Ну ладно, так и быть, я расскажу о себе. Я вырос в Детройте, встречался с плохими парнями. Моему дядюшке это в конце концов надоело, он выдрал мне задницу, и теперь я хожу в вечернюю школу. Вот и вся моя история. А теперь расскажи ты.

Тина неохотно начала рассказывать:

— Мы часто приезжали сюда, пока здесь не погиб мой отец.

Беспечность Ника как ветром сдуло. Он сразу сделался серьезным. И как бы угадав мысли Тины, посмотрел на свежесколоченный причал.

— Это произошло здесь? — спросил он.

— Да, именно здесь. И мне кажется, это произошло из-за меня.

Настороженность повисла в воздухе. И Ник услышал, как за его спиной зашуршали кусты и хрустнула ветка. Он резко обернулся и увидел как что-то белое мелькнуло в ветвях.

Побоявшись показаться пугливым, Ник сделал вид, что ничего не заметил, а может быть, он просто не хотел пугать Тину.

Та склонила голову набок и промолвила:

— Ник, ты хороший парень, но мне кажется, тебе не стоит встречаться со мной. Я видела, как погиб мой отец, и это очень мне повредило в жизни.

— Но теперь-то с тобой все в порядке? — спросил Ник.— А

что это за парень, который живет у вас в доме,— осторожно поинтересовался он.

— Это как раз и связано с моей болезнью,— призналась Тина. — Это — психоаналитик, доктор Круз. Он приехал сюда, чтобы помочь мне избавиться от навязчивых идей.

Не выдержав, Ник все же обернулся на шум в кустах. Тина напряглась и проследила за его взглядом. Увидев испуг на лице девушки, Ник взял себя в руки.

— Что это было? — спросила Тина.

Ник неестественно улыбнулся и как можно более ласково сказал:

— Я видел это. Это был, знаешь кто? Большой розовый слон.

Тина, облегченно вздохнув, заулыбалась.

Ты знаешь, сказала Тина,— я хочу, чтобы 1>tot большой розовый слон превратился в еще одну мою навязчивую идею — в мое видение, которое будет являться ко мне очень часто.

Тина закрыла глаза и приблизила свое лицо к Нику. Ник наклонился и поцеловал ее в губы.

Они целовались, уже не обращая внимания на шум в кустах, из которых выбиралась раздосадованная Мелиса. Она затаила в себе злость на предателя Ника, изменившего ей с Тиной.

Веселая и возбужденная Тина вбежала в дом. Ее лицо светилось радостью. Миссис Шеферд удивленно посмотрела на дочь.

— Доброе утро, мама,— крикнула еще с порога Тина и поцеловала мать в щеку.

— А это еще за что? — весело поинтересовалась миссис Шеферд.

— Да так, знаешь, просто день сегодня очень хороший! — снова улыбнулась Тина.

— Тебе нравится этот парень? — расспрашивала миссис Шеферд.— Мне так он понравился.

— Ник просто чудо, но у него уже есть девушка, мне не хочется никому портить жизнь,— угрюмо призналась матери Тина.

— Ты говоришь о Мелисе?

— Да.

— Мне не кажется, что они долго будут вместе.

— Да. Но я не хочу портить жизнь ни Нику, ни ей, достаточно, что испортила жизнь сама себе.

— Не думай об этом, ты ни в чем не виновата. А Ник все решит сам.

Идиллию разрушило появление доктора Круза. Он как обычно держал в руках папку с историей болезни Тины.

— Привет,— коротко бросил он девушке.

Тина словно окаменела. Ей не хотелось находиться в гостиной рядом с доктором Крузом. Ей не хотелось отвечать на его вопросы, не хотелось его видеть. Она развернулась, схватила свою куртку и пошла к соседнему дому, у которого на открытом воздухе, за большим, сколоченным из грубых досок со столом, девушки готовили нехитрый завтрак.

— А теперь ты поучи нашу отличницу Медью, после

вчерашних разговоров у меня язык болит,—шепотом подговаривала Салли длинноволосая Лора.

Салли напустила на себя серьезный вид и **подошла** к столу:

— Давай помогу.

— А у тебя получится.

— У меня все получается,— Салли взяла нож.

— Перед нужно резать очень мелко,— Медью из-под очков посмотрела на подругу,— меня так мама учила.

— А чему она учила тебя еще?

— Что мужчинам очень нравится поесть,— смущенно проговорила отличница.

— А мне кажется, им нравится что-то другое.

— И что же...

— Им нравятся женщины.

— Но больше они любят поесть.

— Давай проверим. Ты пойдешь соблазнять кого-нибудь из парней миской салата, а я разденусь догола. Посмотрим, чья возьмет.

Медью, наконец, поняла, что над ней издеваются, и зло фыркнула.

Неподалеку от девушек, занимающихся стряпней, ребята неторопливо перекидывались бейсбольным мячом.

Тина, кивнув головой девушкам, вошла в дом.

— Ника не видели? — поинтересовалась она у Мелисы.

Белокурая красавица встрепенулась, зло взглянула на Тину и сделала к ней несколько шагов.

— Его нет, он гуляет,— небрежно бросила Мелиса.

Но тут в дверях появилась отличница Медью, которая

слышала этот короткий диалог девушек.

— А, не обращай на нее внимания. Она ко всем так относится. Кроме парней.— Медью попробовала успокоить Тину.

Отличница приблизилась к Лоре.

— Послушай, ты видела, как на меня посмотрел Эди?

Лора хмыкнула.

— Знаешь, подруга, ты, по-моему, совершенно не в его вкусе. Тебе надо очень сильно поработать над собой.

И она скептически и придирчиво с ног до головы осмотрела неуклюжую Медью.

В это время раздосадованная Мелиса устроила нехитрый маскарад. Она попросила Эди, предварительно несколько раз ему улыбнувшись, одеть пиджак задом наперед. Длинные рукава Мелиса завязала на узел на

животе Эди. Она вывела парня на середину гостиной, картинно отошла в сторону и, подбоченившись, спросила*: Ну,

Тина, так тебя одевали в сумасшедшем доме? Правда?

Тину как будто ударило током. Ее лицо исказила злоба, ненависть засветилась в ее глазах. Она напряглась и впилась глазами в Мелису. Та, почуяв недоброе, затаилась. Жемчужное ожерелье на шее Мелисы вдруг вздрогнуло и стало стягиваться на ее шее.

Не выдержав напряжения, леска, повинуясь взгляду Тины, лопнула, и крупные жемчужные бусы, сверкнув, рассыпались по полу.

— Ничего себе,— только и смог выдавить из себя Эди, глядя как испуганная Мелиса ползает на коленях, собирая бусины.

Удовлетворенная мелкой местью, Тина выбежала из дома. На крыльце ее попытался остановить Ник. Но ома вырвалась из его рук.

Ник, ничего не понимая, вбежал в гостиную.

— Вы что тут, все с ума посходили?! Зачем вы обидели девушку?

Мелиса злобно глянула на него и процедила сквозь зубы:

— Такую обидишь...

И вновь наступил вечер. Вновь солнечный свет сменился сумрачной ночью.

Тина металась по кабинету своего отца.

— Я все здесь ненавижу! — кричала она доктору Крузу.— Я ненавижу все вокруг! Меня снова посещают страшные видения. Объясните мне, как это происходит! Почему я могу воздействовать на вещи?

Доктор Круз нервно протер очки, и, стараясь выглядеть спокойным, начал объяснять.

— Пойми, когда ты находишься в состоянии эмоционального возбуждения, ты можешь силой своей воли воздействовать на предметы. Помнишь, когда ты была соответственно эмоционально настроена, ты смогла одним взглядом переместить коробок со спичками и даже поджечь его.

— Хорошо,— возмущалась Тина,— если вы верите в то, что я могу двигать вещи взглядом, почему вы не верите в то, что я вижу человека, который убивает людей?! Телекинез и телепатия связаны между собой, почему вы не слушаете меня?

Тина бросалась то к доктору, то к матери, но каза лось, никто не настроен понять ее. Все только хотели чтобы она успокоилась.
’

— Вы не хотите помочь мне! Ни вы, доктор, ни ты мама! Послушай, он хочет использовать мои способности в своих интересах. Я для него подопытное животное!

— Успокойся,— говорила мать.

Доктор, наконец, не выдержал:

— Хорошо, тогда мы возвращаемся в клинику. Если и произошел какой-то прогресс, так это только благодаря тому, что я привез тебя сюда.

— Может быть, Тина права,— робко вставила миссис Шеферд.

— Мы сейчас находимся на критическом уровне,— закричал доктор Круз,— и если вы хотите повредить своей дочери, то хорошо, мы сейчас уедем в клинику.

От одного упоминания о клинике, злость наполнила душу Тины. Она зажмурилась и напрягла всю свою волю.

И вдруг телевизор сорвался с тумбочки и полетел прямо в доктора Круза. Тот успел пригнуться, и тяжелый аппарат с грохотом разбился о стену.

— Вы посмотрите, что вы с ней делаете! — кричал доктор Круз из-под стола миссис Шеферд.

— Я не хочу больше вас видеть! — закричала Тина и бросилась из дома.

Но в коридоре ее остановил Ник.

— Ты куда? — спросил он, схватив девушку за руки.

Он думал, что Тина все еще раздосадована поведением

Мелисы.

— Да ты не слушай Мелису, она просто стерва! — уговаривал он Тину.— Из-за нее не стоит расстраиваться.

— Да пошла она к черту! — зло крикнула девушка.— Я знаю, что здесь происходит что-то страшное, но мне никто не верит,— говорила Тина.

— Ну что страшного может происходить в этом захолустье? — спросил Ник.

— Нет, ты послушай меня, я серьезно,— настаивала Тина.— Майкл ведь не приехал, ведь так?

— Да,— растерянно сказал Ник.

— Послушай, а как он выглядит, твой кузен? Может, у тебя есть его фотография?

Ник вытащил из заднего кармана джинсов бумажник и достал из него цветную фотографию. Ведь Майкл и в самом деле был его любимым кузеном.

— Боже мой! — изменилась в лице Тина, увидев на

фотографии улыбающегося парня, того самого, который привиделся ей в кухне с окровавленной пеной на губах.

К тому же на фотографии у Майкла были все те же джинсовые шорты.

Но Ник так и не смог толком поговорить с девушкой за ней спустилась по лестнице миссис Шеферд, которая твердым

голосом говорила:

— Тина, собирайся, завтра утром мы уезжаем!

В двух больших домах на берегу Хрустального озера светились все окна.

Боб и Керл вышли на крыльцо, полюбовались звездами и, обнявшись, пошли к озеру.'

— Скажи мне,— спрашивал Боб,— а когда ты влюбилась в меня?

Девушка прильнула к нему, заглянула в глаза и веселым голосом ответила:

— Когда увидела твой такой огромный, огромный, большой... — она сделала довольно длинную паузу и сказала,— бумажник.

В ответ Боб заулыбался.

— Мне казалось, что ты прямо стонал, произнося мое имя вслух.

Керл высвободилась из объятий Боба и побежала по белому пляжу к темной глади Хрустального озера. На самом берегу она начала сбрасывать кроссовки и стягивать короткую майку через голову.

— Ты идешь со мной купаться?

— Да ты просто сумасшедшая! — ответил Боб,— сейчас не очень жарко.

— Ах, ты просто боишься! Ты трус, Боб!

Керл расстегнула молнию на джинсовых шортах, и они упали у ее ног. Она оказалась совершенно голой.

— Ну, давай же, давай! Чего ты встал?

Боб зачарованно смотрел на обнаженную Керл. Он не выдержал, предчувствуя, что в воде получит не меньшее наслаждение, чем на берегу.

— Ну что ж, о'кей! — бросил он и начал *сбрасывать* свитер, рубашку, брюки.

— Может, тебе письменное приглашение прислать? — плескаясь в озере, выкрикивала Керл.

Боб робко и несмело подошел к воде и потрогал ее рукой. Он раздумывал, что лучше, или заниматься любовью в воде, или на берегу, под деревом. На берегу

под деревом хоть не придется мочить ноги.

Керл махнула на него рукой, отплыла от берега и нырнула.

Поэтому девушка и не видела, что произошло дальше

Боб тем временем повернулся спиной к озеру и тут ему в нос ударил тяжелый трупный смрад. Он, не понимая, покрутил головой, зажмурился, но когда открыл глаза, перед ним стоял Веселый Роджер с огромным топором в правой

руке.

Боб присел на сырой песок и начал пятиться, испуганно тараща глаза на утопленника-убийцу.

Веселый Роджер сделал несколько тяжелых шагов, его топор взлетел в воздух и со свистом отделил голову Боба от туловища. Голова покатилась по белому песку.

Керл вынырнула. Открыв глаза, она увидела на белом песке обезглавленное тело Боба. Она завизжала и снова погрузилась в воду. В ту же секунду с откоса в воду прыгнул утопленник-убийца, Веселый Роджер.

Шагая по дну, Веселый Роджер смотрел вверх, где над ним в отчаяньи барахталась Керл. Она старалась как можно быстрей доплыть до берега. И когда, ей уже казалось, что желанный берег так близко, за ногу ее схватила холодная слизкая рука.

Девушка закричала, но в раскрытый рот хлынула вода. Утопленник-убийца резко потянул ее на дно.

На какое-то время успокоившаяся вода, снова забурлила. Первой на поверхности показалась разъеденная водой голова Веселого Роджера. Он вышел на песок, тяжело волоча за собой бездыханное тело девушки. Нагнувшись и прихватив обезглавленное тело Боба, скрылся с двумя трупами в лесу.

Еще двое погибли страшной смертью в эту ночь.

А в доме соседей Шефердов продолжалась веселая суета. Фантаст-самоучка Эди разыгрывал спектакль. Накинув на плечи плед, он скакал по журнальному столу и изображал из себя тень отца Гамлета.

Дав ему пинка под зад, Клод освободил столик. К нему подошла Лора.

— Послушай, если Майкл не приедет к полуночи,
я сама уеду отсюда.

Клод, ни слова не говоря, взял свою подружку за руку, и они закружились в меланхолическом танце.

— Может, уколемся? — предложила Лора.

Услышав такие слова, отличница Медью гневно встряхнула головой и поднявшись на мансарду, уселась за туалетный столик с большим выпуклым зеркалом. Она принялась разглядывать расставленную косметику. Чего тут только не было! И пудра десяти тонов, и батареи бутылочек с лаком для ногтей, всевозможные фиксажи, разнообразные кисточки и апликаторы. Она решила внять вчерашним советам Лоры: стать неотразимой *и* убийственно привлекательной.

И, изрядно попотев, через полчаса она достигла желаемого, как ей казалось, результата. Последний штрих и Медью сняла

очки. На нее из зеркала смотрела, казалось, совсем незнакомая девушка. Такая, каких она привыкла видеть в кино.

Мелиса пыталась помириться с Ником. Но собственная надменность не давала ей подходящих слов. И лучшее, что она придумала, это подтрунить над своим парнем.

— Послушай, Ник, твой Майкл скотина, он не приехал. И поэтому уеду я. Ты отпустишь меня одну?

— А почему бы и нет? — развел руками Ник.

— Любовь, это как война,— сказала Мелиса.

— Послушай, зачем ты так поступила с Тиной? — возмутился Ник.— Она же тебе ничего не сделала!

— Зато сделал ты!

Мелиса гневно развернулась и, виляя бедрами, направилась к выдуривающемуся фантасту Эди, который успел обкрутиться серпантином, приготовленным дядюшкой к новому году.

— Ты настоящий Санта Клаус,— сказала Мелиса,— и мы должны познакомиться с тобой поближе.

Она картинно обняла Эди и прильнула к нему краем глаза, поглядывая на Ника.

— Пошли вы к черту, придурки! — зло бросил Ник.

Эди и Мелиса как бы послушав злой совет Ника,

обнялись и неторопливо начали подниматься по лестнице на мансарду.

Раздумывая над тем, что происходит в этом странном доме и вокруг него, раздумывая над рассказами Тины, доктор Круз сидел за письменным столом.

Помимо его воли правая рука открыла письменный

стол и вытянула ящик. Он оцепенел. Сверху на тетрадях, лежал острый стальной стержень. Точно **такой** какой описывала в своих видениях Тина. ’

Ужас **на** какой-то момент парализовал доктора **Круза** Чтобы как-то развеяться и избавиться от непонятных и навязчивых Мыслей, он набросил на плечи пиджак и вышел из дома.

На крыльце доктор Круз заметил то, что ускользнуло от его внимания при первом осмотре. На плитках дорожки виднелись грязные следы. Доктор Круз нагнулся, чтобы внимательней разглядеть их. От следов исходил удушливый запах озерного ила и разлагающегося мяса.

Морщась и прикрывая нос рукой, доктор Круз пошел по следам. Они привели его к калитке. Следы тянулись вглубь леса. Доктор Круз почти побежал по ним. Он смотрел на глубокие провалы по форме напоминающие человеческую ступню, которые четко отпечатались на мягком мху.

Через сотню метров он увидел на земле кровь. А когда

поднял голову, то увидел в метрах трех над собой зажатое между сросшимися стволами дерева мертвое тело парня в джинсовых шортах.

Сверкнула молния, и в ее призрачном свете доктор Круз увидел под ногами блестящий стальной стержень, точно такой же, какой он держал десять минут назад, сидя в кабинете за столом. И точно такой же, какой описывала в своих видениях Тина.

Доктор склонился к земле, поднял окровавленный стержень.

И еще раз сверкнула молния. Он увидел запекшуюся кровь, побледнел, с отвращением отбросив стержень от себя, развернулся и бросился прочь из леса.

Вбежав в кабинет, он увидел миссис Шеферд, просматривающую видеокассету. Звучал голос Тины:

— Я не понимаю, как это происходит! Чего вы от меня добиваетесь? Я не понимаю, как у меня получается двигать предметы! Не понимаю, как я управляю своей волей.

На письменном столе лежал стальной блестящий стержень.

С экрана на доктора Круза смотрело его же лицо. И звучал его же голос, уверенный и ровный. Доктор Круз выступал перед своими коллегами.

— Информация, полученная мною о телекинезе, значительно превосходит все то, что нам было известно до этого раньше. Я подхожу к тому, что скоро смогу открыть механизм управления телекинезом.

Миссис Шеферд, почувствовав присутствие доктора, оторвала свой взгляд от экрана.

— Вы никогда, никогда не хотели ей помочь! — истерично вскрикнула миссис Шеферд.— Вы только хотели использовать мою дочь в своих грязных и корыстных целях, вы хотели вытянуть из нее информацию! Вас совершенно не интересовало ее здоровье. Вы не хотели ее спасти!

— Я... я... Вы ничего не понимаете! — пытался оправдаться доктор Круз.

— Что вы делали с моей дочерью? Что вы с ней делали? — настаивала миссис Шеферд.

— Я пытался ей помочь. Я пытался ей помочь! — как бы внушая, обращался к женщине доктор Круз.

— Вот этим? — миссис Шеферд схватила с письменного стола стальной штырь, который ярко сверкнул в ее руках.— Вот этим?1 — вновь повторила она.

— Успокойтесь, успокойтесь...— как можно более ровным и уверенным голосом сказал доктор Круз.

— Вы всегда прятали от нее вот эти вещи. Тина же о них

рассказывала. А вы внушали мне, что это неправда. Вы же сами во все это верили, верили!..

— Успокойтесь,— снова повторил доктор Круз, потирая руку, в которой еще несколько минут назад он держал стальной штырь, найденный рядом с холодным трупом Майкла.

— Вы лжец! Вы лжец! Вы специально превратили мою дочь в психопатку! — выкрикивала миссис Шеферд.

— Спокойно, наука — это очень непростое дело, нужна информация.— Наклонившись над женщиной, пытался успокоить и убедить ее в своей правоте доктор Круз.— Вы видите сейчас побочный эффект лечения.

Но женщина не унималась.

— Вы ублюдок! — убежденно сказала она.— Вы привезли мою дочь сюда, чтобы наблюдать за ней! Вы ничего не собирались для нее сделать!

Ни миссис Шеферд, ни доктор Круз, занятые ссорой, не слышали, как по коридору шла с чемоданом в руке Тина. Насторожившись от громких возгласов, она прислушалась.

— Психотропное воздействие на вашу дочь начнется не здесь, а в клинике,— говорил доктор Круз.

— И вы, ублюдок, думаете, что я вам позволю уви-

детьее?! Никогда! Никогда! — закричала миссис Шеферд и вскочила из-за стола.

— Она очень опасна, она очень опасна...— начал зло говорить доктор Круз,— она пыталась убить своего отца. И поэтому мы вновь будем вынуждены поместить ее в психиатрическую клинику. И мне все равно, согласны вы или нет! Это будет сделано помимо вашей воли.

Доктор Круз защелкнул свой кожаный квадратный чемодан, в который он успел бросить свои записи.

— Миссис Шеферд, вы будете вынуждены сдать свою дочь в психиатрическую лечебницу. Даже, если вы не дадите на это согласия.

Услышав последние слова доктора Круза, Тина сорвалась с места, она опустилась в холл, схватила ключи от машины и выскочила на улицу.

Когда на улице заработал двигатель, миссис Шеферд бросилась к окну.

— Тина! Тина! Стой! Не надо! — кричала она.

Но Тина не слышала.

Машина отъехала от дома и, набирая скорость, понеслась по лесной дороге. Фары машины, которую вела Тина, вырвали на мгновение из темноты пикап, в котором Майкл и Джейн ехали на день рождения. Тина успела обратить внимание, что дверь

богажника оторвана.

Она, не останавливаясь и даже не притормозив, промчалась дальше, но через несколько минут она увидела на дороге Веселого Роджера, держащего в руках проткнутое тело молодой девушки.

Тина зажмурилась и со словами: «Мама! Мама! Мама! Помоги!» — ее машина слетела в кювет и, ломая кусты, уткнулась в толстое дерево.

Тина попыталась завести машину, но все ее старания были тщетными. Мотор не заводился. Тогда девушка, открыв дверцу, выскочила из машины и, испуганно озираясь по сторонам, замерла. Предчувствуя недоброе, она побежала через лес назад к дому.

— Значит, говоришь, в порядок надо себя привести? — сказала сама себе отличница Медью, вставая из-за туалетного столика.

На ней было голубое, очень короткое платье, а на ногах, на удивление стройных, были белые, на высоких каблуках, туфли.

Но хотя на таких каблуках и было неудобно идти по

лесу, Медью все же отправилась туда. Ей хотелось найти парня, который понравился ей и который, как ей казалось, бросил на нее один мимолетный благосклонный взгляд.

Боб, негромко звала Медью, шагая среди обросших лишайником камней.

Но никто не отвечал из темноты.

— Где ты, Боб?! — раздвигая кусты, всматривалась в темноту Медью.

Порыв ветра зашевелил крону дерева. Медью подняла голову на шум. И тут из густых ветвей, прямо к ее ногам рухнуло обезглавленное тело парня. Медью заверещала — к ней из кустов выкатилась голова Боба. Не разбирая дороги Медью бросилась бежать, но тут ей дорогу загородил утопленник-убийца. Он не спешил убить свою очередную жертву, он просто стоял и выжидал. Медью заверещала еще громче и бросилась туда, где между стволов деревьев светился белой краской сарай.

Лихорадочно распутывая проволоку, которая связывала дверь, Медью все время оборачивалась. Веселый Роджер неумолимо приближался к ней. Наконец, дверь поддалась, и Медью вскочила в сарай. Она прижалась спиной к деревянной перегородке посередине строения. Ее сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот выскочит из груди. Медью с замиранием смотрела на стены. На них были развешаны такие обычные для каждого сарая инструменты: топоры, косы, вилы, ручная бензокосилка. Все эти такие мирные в обычном обиходе

вещи представлялись сейчас в воспаленном мозгу девушки орудиями ужасных убийств и страшных пыток.

Пока утопленник-убийца выбирал между огромными ножницами для стрижки кустов и косой, Медью улучила момент и выскочила в открытую дверь.

Веселый Роджер дернулся на звук шагов. Медью припала к дощатой стене лицом и смотрела в щель. Она видела, что утомленник-убийца как слепой ходит по сараю и руками касается стен. На сухой древесине оставались слизкие отпечатки его больших рук.

Вдруг на какое-то время Веселый Роджер исчез из ее поля зрения. Медью еще сильней прижалась к стене, стараясь разглядеть, куда он делся. И вдруг прямо возле ее головы от страшного удара проломилась дощатая обшивка сарая, и слизкая зловоная рука обхватила ее за шею. Девушка завизжала и, извиваясь, пыталась вырваться. Стена проломилась и с другой стороны — вторая рука занесла остро отточенный серп. Один взмах и голова Медью отделилась от туловища. Утопленник-убийца взмахнул ею, держа за волосы, и отбросил в kv~ сты. Окровавленное тело Медью осунулось на траву.

Еще одна жертва пополнила список убийцы.

Сверкали ослепительные молнии, гремел гром, но дождь не начинался. На мгновение сумрачный лес озарялся вспышками. Тина бежала, не разбирая дороги. Она спешила к дому. Спешила к матери, спешила к Нику!

Буквально за сотню шагов от дома, в густом кустарнике, перед ней возник парень. Тина взвизгнула от испуга, но мгновенно узнала его. Это был Ник.

— Тина, я тебя ищу повсюду, куда ты пропала?

— Надо скорее бежать к дому! — закричала девушка.— Там моя мать и этот страшный доктор Круз. Надо спасти маму! Он ходит здесь, где-то совсем рядом. Человек в маске убивает всех, кто находится в домах у Хрустального озера. Надо спешить!

Ник удивленно смотрел на Тину.

Миссис Шеферд, несмотря на всю свою антипатию к доктору Крузу, все же взяла его в свою машину, и они мчались по дороге, догоняя автомобиль Тины. Яркий свет фар выхватывал темные замшелые стволы деревьев, и наконец, миссис Шеферд увидела на обочине брошеный автомобиль дочери. Она выскочила из кабины, подбежала к раскрытой двери и испуганно вскрикнула — машина была пуста. Холодный ужас охватил женщину.

— Тина, Тина! — кричала она.— Куда она могла пойти? — ее голос глухим эхом разносился по лесу.— По дороге она нам не попадалась, куда же она могла пойти?

Из машины вышел доктор Круз и приблизился к миссис Шеферд. Но женщина не выдержала этого ужасного оцепенения и бросилась искать свою дочь в лес.

— Подождите, подождите, не уходите без меня! — кричал доктор Круз, догоняя миссис Шеферд.

Женской интуицией миссис Шеферд чувствовала, что где-то рядом, буквально в нескольких сотнях шагов, в лесу происходит что-то страшное. Но она не могла видеть, как Веселый Рождер развешивал трупы своих жертв на деревья. Она не видела, как он насаживал

головы на сухие сучья старых деревьев.

Доктор Круз тоже чувствовал себя очень неспокойно. За долгие годы работы психологом у него появилось обостренное и точное шестое чувство, которое всегда предупреждало о надвигающейся опасности. Сейчас это чувство подсказывало ему, что нужно как можно скорее уходить от этого дома, от озера с таким романтичным названием Хрустальное и как можно дальше.Только этот уход поможет спасти ему свою жизнь.

Где-то вдалеке прозвучал грохот, прозвучал и стих.

— Что это? — испуганно спросила миссис Шеферд.

— По-моему, мотор бензокосилки,— сказал доктор Круз.— И кому это в голову может прийти, ночью косить газон.

Но даже темная ночь, прорезанная сверканием молний, не могла остановить развлечения в доме соседей Шефердов. Сколько ребята и девушки не говорили, что если Майкл не приедет, то они вернутся в город, никто не исполнил своего обещания. Один только Ник в сопровождении Тины блуждал в окрестностях загородных домов. Шестеро же остальных, разбившись на пары, уединились, кто где.

Наиболее стеснительными оказались мулат Бен и его темнокожая подружка Салли. Они осторожно, чтобы не скрипнула дверь, выбрались на улицу и устроились в микроавтобусе Бена, разостлав на полу прихваченный из дома матрас. Казалось, Салли больше занята не любовью, а прислушивается к тому, что происходит вокруг: не подкрался ли кто-нибудь из ребят к автобусу и не подглядывает ли за ними из окна.

— Что это? — остановила она разгоряченного Бена.— Послушай, кто-то ходит рядом.

— Ерунда,— говорил Бен.— Ну и что, от тебя не убудет, если тебя кто увидит.

— А может это Майкл приехал,— сказала Салли.

— Черт! — произнес Бен, теперь он уже услышал шаги.— Это в самом деле, наверное, Майкл. Нашел время приехать. На самом интересном месте остановил.

— О господи! — воскликнула Салли.— Я же и забыла. У него день рождения сегодня.— Она села, прикрыв обнаженную грудь одеялом.— Скорее надувай шарик! Давай поздравим.

— Давай устроим ему сюрприз,— предложил Бен.

— Надувай скорей шарик!

Они, прикрывшись одним одеялом на двоих, вместе распахнули задние двери микроавтобуса.

Да где он? спросил Бен, всматриваясь в тем

ноту.

— Да спрятался, наверное, где-то,— сказала Салли.

Давай поймаем его,— Бен набросил рубашку.

— Зачем это нам,—девушка в нерешительности остановилась.

Нет, Салли, я должен его поймать. Этот ублюдок испортил нам вечер, давай испортим его ему и мы. Сейчас вернусь,— бросил Бен, захлопывая двери микроавтобуса.

Салли осталась одна.

— Ну где ты, Майкл, выходи! — Бен громко свистнул.— Хватит прятаться.

Но темнота молчала. Бен еще раз крикнул:

— Майкл, выходи!

Никто ему не ответил. Только из микроавтобуса крикнула уже изрядно напуганная Салли:

— Бен, ну где ты? Что ты там ходишь? Возвращайся скорей! Мне страшно.

Бен насторожился, услышав за собой шаги, но подумав, что это Майкл, решил не подавать виду. Он хотел резко обернуться в последний момент и испугать своего друга. Но обернуться он не успел: две огромные слизкие лапы схватили Бена за голову. Правая рука оторвала нижнюю челюсть — Бен упал на землю.

Услышав какой-то подозрительный шум, полуголая Салли опустила ветровое стекло и высунулась в окошко микроавтобуса.

— Бен, Бен! Ну где ты ходишь? Иди скорее, я вся замерзла!

Тишина стояла на берегу Хрустального озера.

— Бен! Бен! — еще громче закричала Салли.— Майкл! Майкл! Я же с вами разговариваю! Хватит шутить, выходите, мне уже все это изрядно надоело! —-кричала темнокожая Салли, но ее крик оборвал сильный удар больших садовых ножниц, которые с хрустом разрывая кожу и ломая позвонки вошли ей между ключиц. Кровавая пена выступила на губах темнокожей девушки и ее тело выпало из машины на песок.

Еще две жертвы появились на счету **убийцы-утоп** ленника.

Злопамятная красотка Мелиса все же решила отомстить Нику. Она заманила в спальню фантаста-само-учку Эди, затащила

его на большую кровать отца Майкла, и они попытались развлечься. *

Но как ни ласкал ее фантаст Эди, как не усердствовал, Мелиса оставалась холодна. Все ласки молодого человека проходили мимо нее, они совершенно не возбуждали изощренную Мелису и она никак не отзывалась на все старания своего партнера.

— Это не сработает, Эди,— приподнялась на локтях Мелиса.

Ее глаза зло сверкали.

— Как это не сработает? Почему не сработает? — не унимался Эди, запуская свою руку под рубашку Мелисы.

— Перестань, перестань, меня это совершенно не заводит. Ты совсем не тот парень, который может меня возбудить. Видишь, я холодна, холодна, как ледяная рыба.

— Но почему, почему, Мелиса, ты не отвечаешь на мои ласки?

— Понимаешь, Эди, ты просто меня не заводишь, но я все же дала тебе шанс, чтобы ты смог проверить себя. Понимаешь, парень, у тебя ничего не получается. А я надеялась совсем на другое, я ожидала, что в эту комнату войдет Ник и застанет тебя со мной.

— Ты заманила меня для того, чтобы Ник ревновал? — сокрушенно покачал головой Эди.— Я опять отверженный, вновь отверженный. Ничего, ничего, красотка, я с этим справлюсь. Меня не печатают ни во Франции, ни в Америке, ни в Канаде. Но мне плевать, мое время придет. Очень скоро придет мое время, и вы все будете бегать за мной и лизать мои ноги! — зло сказал Эди, поднимаясь с огромной, как стадион, кровати отца Майкла.

Так, полуобнаженный, без штанов, Эди вышел в гостиную. Вдогонку он услышал слова Мелисы:

— Куда, куда ты, сумасшедший фантаст!

— Я пойду приму холодный душ, чтобы снять возбуждение,— скрипя половицами Эди бросился вниз. В просторный душ.

Но лучше всех развлекались наркоманы Клод и Лора во второй спальне.

Слегка одурманенные марихуаной Лора и Клод изош рялись при полном освещении. Они уже перепробовали все известные им позы и пытались придумать что-нибудь новенькое, хотя Клод уже явно был больше неспособен ни на что путное. Во всю скрипела старомодная, с резными спинками, кровать, потрескивали пружины матраса.

Лора иступленно стонала и пробовала выбраться из-под Клода.

Вдруг за окном полыхнули электрические искры. Свет погас.

— Что случилось? — удивился Клод.— Мне не нравится в темноте.

— А черт с ним! — сказала Лора, садясь на него.— Я все равно все делаю с закрытыми глазами.

— Иди сюда. Давай попробуем вот так,— звучал из темноты голос Клода.

Но как ни старались, как ни усердствовала Лора, Клод не мог больше кончить. Он не мог даже по-настоящему начать.

— Слушай, Лора, надоело, я устал. У меня кончились силы. Надо пойти что-нибудь съесть, а то я сейчас умру,— вяло сказал Клод, поднимаясь с огромной скрипучей кровати.

— Не надо было тебе курить столько много, мы бы еще могли поразвлекаться полчаса.

— Тоже скажешь, не надо было. Если бы я не покурил, мы бы вообще с тобой не развлеклись ни одного раза.

Сидя на краю кровати, Клод натягивал джинсы. Обессиленный молодой любовник споткнулся о толстый персидский ковер и рухнул на пол.

— Явно, придется мне как первобытному человеку идти и раздобыть пропитание, иначе и ты скоро не сможешь двигаться.

— Ну да, я еще могу двигаться и двигаться. Главное, чтобы ты был в форме. А то мне не будет на чем двигаться.

— Ладно, ладно, хватит подкалывать меня,— сказал Клод, шаря в стенном шкафу и ища фонарик. Это тебе, — щелкнул выключателем длинного фонарика Клод.

Лора, радостно поглаживая никелированную поверхность фонарика, завертела его в руках, как бы вспоминая недавние приятные развлечения. Она направила луч на дверь. Клод открыл дверь и начал спускаться по скрипучей лестнице на кухню.

Они не могли знать, занятые своими любовными играми, что свет обрубил Веселый Роджер. Они также не знали, что буквально за несколько минут до того, как Клод покинул спальню, Веселый Роджер вошел в дом и начал, шаря в темноте липкими и слизкими руками, искать свою очередную жертву.

— О черт! — вновь поскользнулся обессиленный Клод на чем-то скользком и липком.

Луч его большого фонарика осветил на мраморных плитах пола большую темную лужу.

— О черт! Насвинячили здесь, мерзавцы! К холодильнику не пробраться!

Парень за два дня, проведенных в доме дядюшки Ника, уже прекрасно ориентировался и мог с закрытыми глазами найти любую дверь и любой предмет.

Он подошел к холодильнику, распахнул его и стал выбирать,

чем бы таким вкусненьким им подкрепиться с Лорой, чтобы продолжить свои развлечения, ведь до утра еще было очень и очень много времени.

— И что это за дрянь тут разлили! — возмущался Клод.— Воняет, как в морге. Вот джем, вот колбаса, вот шоколадный крем, а вот маринованная кукуруза,— твердил Клод перебирая упаковки и банки.— А где же хлеб? — думал Клод.— Нужно поискать.— И не успел он выпрямиться, как его голова оказалась зажатой между корпусом и дверцей холодильника.

Над ним склонился утопленник-убийца. Он занес над парнем длинный широкий тесак для разделывания свинных туш и вонзил его в спину. Потом коленом надавил на дверь холодильника, и голова Клода хрустнула.

Еще один человек стал жертвой ненасытного убийцы.

Единственный человек, который мог услышать этот ужасный хруст, был фантаст Эди, но он не слышал его из-за громко включенного телевизора. Эди сидел в гостиной на диване и просматривал видеокассету, вытащенную из большого блестящего пакета, в который Мелиса упаковала свои подарки Майклу.

На экране в кресле сидела обнаженная Мелиса и поздравляла Майкла с днем рождения.

— Майкл,— говорила с экрана Мелиса,— я подарю тебе на день рождения вот это.— Она взяла зажатую между ног большую линзу.— Это будет твой личный

удлинитель **члена. Поздравляю тебя с праздником!**

Занятый просмотром видеокассеты, которая была явно покруче его фантастических книг, Эди не заметил как неторопливо к нему приблизился утопленник-убийиа’ Тот же тесак для разделывания свинных туш рассек воздух, и голова Эди, отделанная от туловища откати лась в сторону.

Это страшное убийство заняло несколько мгновений.

Веселый Роджер подхватил голову за волосы и водрузил в большой керамической вазон рядом с пальмой.

— Вот тебе мой подарок,— проговорила с экрана Мелиса.

Зазвучали тяжелые шаги, заскрипели половицы. Веселый Рождер неспешно поднимался к хозяйской спальне, где ожидала своего парня Лора. Она глотала слюнки в предвкушении позднего ужина.

С удивлением Лора услышала, что тяжелые шаги миновали ее дверь и начали удаляться в глубину коридора. Она не боялась, что Клод может изменить с Мелисой или с Салли. Она боялась, что Мелиса или Бен съедят деликатесы, прихваченные Клодом в кухне для нее.

Она набросила голубую рубашку и, освещая фонариком путь,

двинулась искать Клода.

Спальня, в которой должны были находиться Салли и Бен, оказалась пуста. Лора не догадалась, что чернокожий парень и его подруга решили уйти из дома, чтобы не скрипеть старой кроватью и не действовать на нервы своим друзьям.

Поблуждав по пустой мансарде, Лора решила спуститься в гостиную. В коридоре ее внимание привлек большой темно-серый кот, которого Салли привезла в подарок Майклу. Кот слизывал кровь со ступенек лестницы. Но в темноте Лора не сообразила, что именно лижет кот. Она подхватила кота на руки и начала его поглаживать. Ей нравилась пушистое тепло, исходившее от животного.

— Ты красивый, котик. Ты что, чего-то боишься? поглаживала Лора кота.— Чего ты боишься? Я же тебя люблю. Ты мне нравишься. Побудь со мной, киска.

Но кот нервно задергался на руках у девушки, как бы предчувствуя какую-то угрозу, стремительно спрыгнул с рук Лоры и забился под тяжелый дубовый комод. Девушка заметила на своих пальцах липкую кровь, на вскрикнула от испуга, повела взглядом и увидела раздав ленную, разможженнуго голову Клода, которую утопленник-убийца забросил на комод.

Сдерживая тошноту, подкатившую к горлу, Лора медленно пятилась к дверям. Но единственный выход ей уже преграждал Веселый Роджер. Девушка онемела от ужаса, увидев страшный оскал смерти. Сдавленный крик вырвался из ее горла. Мощные пальцы Веселого Роджера сдавили горло девушки, легко оторвали ее от пола и бросили в окно. На тысячи кусочков разлетелась плетеная рама мансарды и тело девушки глухо упало на бетонированную дорожку у дома.

Список жертв удлинялся...

Наконец, из темного леса Тина и Ник выбрались к берегу озера.

Ник посмотрел на темные окна дома своего дядюшки и подумал, хорошо, что ребята сейчас спят и чувствуют себя спокойно.

В доме Шефердов ярко горели все окна. Тина дернула входную дверь и быстро побежала в кабинет своего отца.

Ник спешил за ней и по дороге спрашивал:

— Тина, что ты хочешь там найти?

— Не время объяснять, бежим...

— Но все же,— Ник еле поспевал за Тиной.

— Это связано со смертью моего отца, я думаю, и Майкла уже нет в живых.

Тина бросилась к письменному столу, выдернула шуфлядку и

ее содержимое рассыпалось по полу. Глухо зазвенел тяжелый острый стальной штырь.

— О черт! — воскликнула Тина.— Это же тот самый штырь, которым человек в маске убивал людей.

Ник внимательно рассматривал штырь, не находя на нем ни малейших следов крови. Сталь блестела ровно и чисто. А Тина тем временем перебирала содержимое других шуфлядок.

Наконец, в самой нижней из них, под папкой с бумагами, она нашла тяжелый армейский кольт.

Ник сразу же забрал оружие себе, опасаясь, что Тина во время эмоционального возбуждения случайно нажмет на курок. Он вытащил обойму и убедился, что все восемь патронов на месте.

Внимание Тины остановила прозрачная пластиковая папка, заполненная вырезками из газет. Заглавия всех

были похожими: «Убийца на Хрустальном озере» «Утоп ленник-убийца», «Страшный человек в маске», «Жертвы маньяка». На снимках под заглавиями были обезглав ленные трупы, разорванные тела — и все это на таком знакомом Тине пейзаже.

— Это отец прятал от меня,— промолвила Тина

— Что это?

Ник недоуменно рассматривал вырезки.

— Оказывается, этот убийца действовал здесь и раньше»— задумалась Тина,— посмотри, сколько жертв.

— Но почему он пять лет бездействовал?

— Наверное, я вызволила его.

Тина сама содрогнулась от страшной мысли.

— Как это могло произойти?

— Я тебе еще не говорила...

— О чем?

— У меня сверхъестественные способности, я могу двигать предметы...

Тина сжимала кулаки в бессильной злобе.

— Так убийца ходит где-то рядом?

— Я чувствую его...

— Мы должны скорее разбудить остальных, предупредить их, — воскликнул Ник.— Им угрожает смертельная опасность!

— Серия убийств в скаутском лагере,— прочитала Тина еще одно заглавие.

Она откинула папку, как что-то страшное и омерзительное.

— Это был он, человек из моих видений, человек в маске. Он вышел из озера. Это я своей волей подняла его из глубин и оживила, и я же обязана загнать его обратно.

— О чем ты говоришь? — недоуменно спрашивал Ник.

Ужас уже вновь наполнял душу девушки. Она затравленно

оглядывалась по сторонам. Под ее взглядом начали вибрировать предметы в комнате: звенело стекло в портрете ее отца, дрожали на стеллаже книги, позвякивал телефон и медленно полз к краю стола.

— Что ты делаешь? Что происходит? Успокойся! причитал Ник.

Все происходящее напоминало начало землетрясения. Одна за одной начали срываться со стен фотографии в застекленных рамах, сыпались на пол книги. Упал, брызнув электрическими искрами, торшер.

Ник схватил девушку за плечи, пытаясь ее остановить и вернуть в прежнее состояние, но Тина уже была не властна над своим телом, над своей волей.

Предметы в комнате падали, разбивались, сыпались и буквально через минуту кабинет начал напоминать свалку на чердаке.

Наваждение исчезло также внезапно, как и наступило.

Взяв себя в руки, Тина посмотрела в глаза Нику.

— 51 должна найти ее, ей угрожает смертельная опасность, я должна спасти мать!

— Мы должны спасти не только ее, мы должны предупредить всех остальных,— убеждал девушку Ник.

— Я не могу идти с тобой,— говорила Тина.— А вдруг мать вернется, а меня здесь нет. За ней прийдет этот страшный убийца. Иди один, Ник, я останусь здесь. Предупреди остальных,— Тина устало опустилась на груду книг.

— Тина, ты понимаешь, что у меня нет другого выхода? Я должен идти.

— Хорошо,— сказала девушка.— Я понимаю, у тебя нет другого выхода. Иди, только возвращайся скорей. Я подожду.

— Оставайся на месте! Никуда не двигайся, чтобы не случилось! — бросил Ник и выбежал на улицу.

Задыхаясь, он побежал к дому своего дядюшки.

— Бен, Салли, Мелиса, Лора, Клод! Где вы! Отзовитесь, хоть кто-нибудь! — кричал Ник, метаясь по пустому дому.

Но никто ему не отвечал. А в темноте Ник не мог различить пятна крови, густо покрывавшие пол.

Почуяв неладное, Ник вытащил из кармана тяжелый пистолет. Тут вспышка молнии осветила гостиную, и в призрачном свете тускло замерцала лужа крови прямо под ногами у Ника. Он нагнулся и заглянул под журнальный столик. Оттуда, прямо на него, остекленевшим взглядом смотрела отрубленная голова фантаста Эди.

Ник испуганно отпрянул и передернул затвор пистолета.

Пятясь к двери, Ник не смог сдержать приступ рвоты. Он корчился несколько мгновений, его тело вздрагивало. Но, наконец, ему стало легче. Он выскочил на крыльцо, глотнул свежего воздуха и помчался к дому Шефердов.

Но Тины в условленном месте не оказалось. Ник, водя пистолетом в разные стороны, начал приглядываться и прислушиваться.

Охваченный нервным возбуждением, Ник чуть было не спустил курок и не выстрелил **в** Мелису, которая вь. шла из-за портьеры.

— Где Тина? Где Тина? — бросил он ей.

— Да, ты знаешь, пошла погулять. Ей захотелось подышать свежим воздухом,— ни о чем не догадываясь и ни о чем не подозревая, проговорила Мелиса и заискивающе улыбнулась Нику.

— Эди мертв и Лора мертва,—глядя в глаза Мелисы, проговорил Ник.

Но девушка изумленно улыбнулась еще шире.

— Ты сошел с ума, Ник. Эта психически ненормальная девушка довела тебя до такого состояния.

— Не ходи назад в дом, Мелиса! — попытался удержать девушку Ник.

Миссис Шеферд в отчаянии металась по лесу и кричала:

— Тина! Тина! Отзовись!

Доктор Круз пытался ее остановить, но женщина отталкивала доктора и все время повторяла:

— Я должна ее найти, я должна найти свою дочь! Тина! Тина! Отзовись!

— Мы теряем время,— уговаривал доктор Круз, тряся за плечи миссис Шеферд.

— Тина! Тина! — продолжала истошно вопить она.

— Замолчите! — тряс насмерть перепуганную женщину доктор.— Вы что не понимаете, миссис Шеферд, что на крик может прийти убийца. Что это,— вдруг насторожился доктор Круз, услышав хруст веток.— Надо убегать,— он испуганно оглядывался по сторонам, выбирая куда бы броситься.

— **Вы** просто трус, трус чертов! — озлобленно, глядя в глаза доктору шептала миссис Шеферд.

Но эти слова не действовали на доктора. Он испуганно водил глазами по сторонам и прислушивался.

Шаги звучали все ближе и ближе.

Вдруг кусты зашелестели и из них появился Веселый Роджер. Он держал в руках огромный сверкающий тесак, прикрученный проволокой к длинному черенку лопаты.

Доктор Круз первым увидел убийцу. Он оттолкнул миссис Шеферд и бросился наутек. Женщина, краем глаза заметив сверкающую сталь, бросилась вслед за доктором.

Спотыкаясь о толстые корни деревьев, мужчина и женщина убегали от преследователя. Но доктору Крузу не повезло, он споткнулся и подвернул ногу. Миссис Шеферд упала рядом с ним.

— Тина пыталась нас предупредить об этом убийце, она хотела нам сказать...— доктор не успел договорить.

Рядом с ними оказался Веселый Роджер с огромным тесаком в руках.

Доктор Круз понял, что ему не спастись. Он прикрылся миссис Шеферд и, изумленно мигая глазами, смотрел на приближающегося убийцу-утопленника.

— О боже мой! Что вы делаете! Что вы делаете! — не понимая, шептала миссис Шеферд, но в это время блестящее лезвие тесака, ломая ребра, вошло ей прямо в сердце.

Доктор Круз оттолкнул женщину, и она повисла на тесаке убийцы.

Пока Веселый Роджер вспарывал ножом живот миссис Шеферд, доктор Круз убегал.

Доктор сам уже не понимал, сколько времени он бежит, куда попал. Места казались ему незнакомыми. Но тут его взгляд привлекла фигура девушки. Он мгновенно догадался, что это Тина, которая ищет свою мать. И буквально в нескольких шагах от себя он услышал голос:

— Мама! Мамочка! Где ты! Где ты? Отзовись! — кричала девушка на весь лес.

— Тсс... Тсс...— прошептал доктор, прижимая палец к губам. — Тина, Тина, тише. Иди сюда. Успокойся.

Тина испуганно оглянулась и увидела доктора Круза, который прятался за большим толстым стволом дерева.

— Тебе, девочка, прийдется вернуться со мной,— сказал доктор Круз.

— Что? Что вы здесь делаете? Где моя мать?

— Тина, успокойся. Она вернулась домой. И мы сейчас вернемся туда.

_ Вы лжете, лжете! — как бы догадываясь и предчувствуя недоброе, закричала Тина.— *Я* только что из дому, ее там нет.

Доктор схватил девушку за руки, боясь выпустить.

Тина вырвалась. Как раз в это мгновение полыхнула молния, и она увидела кровавое пятно на светлом

свитере доктора.

Сам Круз тоже с удивлением уставился на багряное пятно, оно, казалось, жгло ему грудь. Но справившись

с замешательством, он снова приобрел свой обычный благопристойный вид: вкрадчивый взгляд, мягкие жесты.

— Успокойся.

— Я не хочу.

— Я только что видел твою мать.

— И что с ней?

— Она в порядке.

— Откуда кровь на вашей одежде? — Тина спрашивала, хотя знала ответ.

— Что вы сделали с ней?! — закричала Тина.

Доктор Круз старался говорить как можно более спокойно, но руки его тряслись, и зубы стучали друг о друга от страха.

— Мы отсюда сейчас уйдем, сядем в машину и поедем.

— Где моя мать? — настаивала Тина.

— Ее нет,— наконец, признался доктор.

— Как нет,— ужаснулась Тина.

— Ее убил тот человек... то существо из твоих видений, Тина.

— Я не верю вам, вы трус.

Доктор Круз пробовал остановить девушку.

— Ты не должна идти.

— Я не поверю, пока не увижу сама.

— Это произошло на моих глазах.

— Я должна идти.

— Она мертва, это точно.

— Может, ей еще можно помочь,— девушка кинулась в чащу.

— Тина, не ходи туда! — истошно кричал доктор Круз.

Прихрамывая на подвернутую ногу, доктор собрался было догнать Тину, но через несколько шагов, утомленный и парализованный острой болью, обхватив ближайшее дерево, он остановился. Рядом с ним в десятке метров завизжал мотор бензокосилки. Он повернулся и увидел сверкающий диск.

Медленно, тяжело и неторопливо к нему приближался Веселый Роджер. Сверкали острые зубья фрезы. Доктор Круз, собрав последние силы и, взяв свою волю в кулак, попытался бежать. Он сорвался с места и рванулся в непролазную чащу, спотыкаясь, падая, где ползком, где перебегая на четвереньках, он старался уйти от убийцы.

Но зловещий гул бензокосилки все время был где-то

рядом. Буквально в десяти шагах. Веселый Роджер настигал свою очередную жертву.

Поняв, что ему не уйти от смерти, доктор Круз истерично захохотал и остановился. Его расширенные от ужаса глаза смотрели в темноту. И через мгновение перед ним возник убийца-утопленник.

Бешено вращался диск бензокосилки. Веселый Роджер добавил оборотов, и доктор Круз уже не видел острых сверкающих зубьев. Диск превратился в одно слепящее пятно, которое с гудением приближалось к его шее. Он пытался рвануться, но Веселый Роджер схватил его за плечо, тряхнул и ударил о дерево.

Доктор Круз упал, перевернулся через голову и на четвереньках попытался спрятаться за ствол толстой ели. Он пронзительно закричал, когда сверкающий диск разрезал его тело на две части. Кровь залила опавшие и истлевшие листья.

В списке Веселого Роджера прибавилась еще одна кровавая жертва.

А Тина все кричала и звала мать. Она в конце концов набрела на ту поляну, где произошло страшное убийство. Внутренности ее матери были развешены на окрестных кустах, а тело, до неузнаваемости искареженное острым тесаком, валялось у огромного пня старой ели.

— Мама, мамочка! Что с тобой?!

Но и без слов было ясно, что женщина уже ничего и никогда не ответит. И что никакая сила не сможет ее оживить.

Захлебываясь слезами, Тина оторвалась от созерцания ужасного зрелища. Она выпрямилась во весь рост и со злостью сжала кулаки.

Вдалеке, между стволов, мелькнула белая пластиковая маска. Через пару минут бесцельного блуждания по лесу, Тина набрела на то место, куда утопленник-убийца стянул почти все тела своих жертв.

Девушка, остолбенев, смотрела на прибитые к стволам длинными гвоздями тела. На обезображенные лица, на испачканные озерным илом обнаженные тела. И тут, как бы в довершение всего, на нее из ветвей вывалился труп Майкла. Не долетев до земли, он повис, привязанный веревкой за ноги.

Тина истошно закричала и побежала к дороге.

Но путь ей преградил страшный утопленник-убийца.

Его пластиковая маска мерцала в свете луны. Он стоял широко расставив ноги в глубокой грязной луже.

— Роджер,—только и смогла вымолвить Тина.

Злость к убийце, уничтожившему ее мать, уничтожившему ее знакомых, переполнила душу девушки. Она напряглась и почувствовала, как усилием ее воли начинают дрожать деревья в лесу. Вздыбилась земля, и раздирая мох, поднялись в воздух длинные корни елей.

Утопленник-убийца затравленно озирался. Корни со всех сторон тянулись к нему, и, как огромные змеи, обвивали его

руки, ноги.

Тина еще сильней сконцентрировала свою волю, и корни потянули убийцу за ноги. Тот с размаху плюхнулся в грязную глубокую лужу.

Но победа была недолгой.

Одним сильным движением Роджер потянул за корни повалившихся деревьев и освободился, вновь поднявшись во весь свой ужасный рост. Тогда Тина перевела свой взгляд на высоковольтные провода, которые тянулись вдоль дороги.

Разлетелся вдребезги фарфоровый изолятор, и толстая алюминиевая проволока упала на влажную землю. Под ней в сполохах искр загорелась опавшая листва. Извиваясь как уж, провод полз к убийце. И когда его искрящийся конец опустился в лужу, конвульсивные движения начали сотрясать тело Веселого Роджера. Полетели в стороны клочья сгнившей плоти. Молнии окутали и обвили его фигуру.

Какое-то время утопленник-убийца сотрясался, пытаясь сдвинуться с места, но огромное напряжение электрического тока не позволяло ему это сделать. Из разложившегося тела вместе с трупным смрадом подымался пар. Наконец, Веселый Роджер покачнулся и грузно рухнул в грязь, подняв фонтан брызг.

Тина, окаменев в ожидании, стояла неподвижно. Ветер доносил до нее запах сгоревшего мяса и обугленных костей. Сама не веря в свою победу, Тина с удивлением смотрела на распластавшееся в грязной луже тело убийцы. Она осторожно, боком, небольшими шагами приблизилась к луже.

В лунном свете она увидела как под обрывками одежды и клочьями мяса белеют кости.

— «Неужели это все?! — подумала Тина, неужели я отомстила ему?»

Но тут тело утопленника-убийцы вздрогнуло, и, ра^-брызгивая вонючую грязь, он снова восстал из мертвых.

Тина бросилась убегать, увидев какая энергия появилась в движениях ее преследователя. Но как бы она быстро не бежала, за ней неотступно, не удаляясь, звучали хлюпающие и чавкающие шаги убийцы. Толстая цепь на шее Веселого Роджера звякала при каждом шаге. Этот зловещий звук все время настигал Тину.

Вбежав в дом отца Майкла, Тина закрыла дверь и привалилась к стене. Она с трудом переводила дыхание. Страх парализовал ее тело. Ноги казались ватными и не слушались приказаний. Дикими и неуместными казались яркие воздушные шарики, украшавшие гостиную дома.

Вспыхнула молния, и вслед за ней раздался оглушительный треск большой решетчатой рамы. Стекло разле-лось вдребезги, и

в гостиную впрыгнул Веселый Роджер. Запах гниющего мяса и горелой плоти наполнил комнату.

Тина дико закричала и начала пятиться к противоположной стене, цепляясь за стулья, спотыкаясь о ковер и скользя в лужах крови, оставленных предыдущими жертвами убийцы-утопленника.

Пластиковая маска с оскалом смерти приближалась к Тине. Девушка отступала. В какое-то мгновение к ней вернулся разум победивший страх. Она вновь сконцентрировала свою волю, сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

Двери прямо перед лицом Веселого Роджера сомкнулись, и огромный старинный комод, послушный движению воли Тины, сдвинулся со своего места и привалился к двери.

Но Веселый Роджер не был бы Веселым Роджером, если бы такие преграды могли его остановить. Он отбросил тяжелый комод одной рукой и рванул дверь. Она поддалась, послушная его невиданной силе. Тина вновь вскрикнула, но, собрав всю свою волю, она смогла приподнять с земли тяжелый круглый стол, и он полетел в Роджера, повалив его на пол.

Но убийца-утопленник, как всегда, поднялся на нога. Кадка с пальмой взлетела в воздух и, описав дугу, ударилась в Роджера, вновь повалив его на пол. Из кадки выпала отрезанная голова Эди.

Не помня себя от ужаса и не дожидаясь, пока убийца вновь поднимется на ноги, Тина бросилась к своему дому. Но не успела она отбежать и на десяток шагов, как Веселый Роджер появился на крыльце.

Тина снова сконцентрировала свою волю.

Охваченный нервным возбуждением, Ник чуть было не спустил курок и не выстрелил в Мелису, которая вышла из-за портьеры.

Где Тина? Где Тина? — бросил он ей.

— Да, ты знаешь, пошла погулять. Ей захотелось подышать свежим воздухом,— ни о чем не догадываясь и ни о чем не подозревая, проговорила Мелиса и заискивающе улыбнулась Нику.

— Эди мертв и Лора мертва,— глядя в глаза Мелисы, проговорил Ник.

Но девушка изумленно улыбнулась еще шире.

— Ты сошел с ума, Ник. Эта психически ненормальная девушка довела тебя до такого состояния.

— Не ходи назад в дом, Мелиса! — попытался удержать девушку Ник.

Миссис Шеферд в отчаянии металась по лесу и кричала:

— Тина! Тина! Отзовись!

Доктор Круз пытался ее остановить, но женщина отталкивала доктора и все время повторяла:

— Я должна ее найти, я должна найти свою дочь! Тина! Тина! Отзовись!

— Мы теряем время,— уговаривал доктор Круз, тряся за плечи миссис Шеферд.

— Тина! Тина! — продолжала истошно вопить она.

— Замолчите! — тряс насмерть перепуганную женщину доктор.— Вы что не понимаете, миссис Шеферд, что на крик может прийти убийца. Что это,— вдруг насторожился доктор Круз, услышав хруст веток.— Надо убегать,— он испуганно оглядывался по сторонам, выбирая куда бы броситься.

— Вы просто трус, трус чертов! — озлобленно, глядя в глаза доктору шептала миссис Шеферд.

Но эти слова не действовали на доктора. Он испуганно водил глазами по сторонам и прислушивался.

Шаги звучали все ближе и ближе.

Вдруг кусты зашелестели и из них появился Веселый Роджер. Он держал в руках огромный сверкающий тесак, прикрученный проволокой к длинному черенку лопаты.

Доктор Круз первым увидел убийцу. Он оттолкнул миссис Шеферд и бросился наутек. Женщина, краем глаза заметив сверкающую сталь, бросилась вслед за доктором.

Спотыкаясь о толстые корни деревьев, мужчина и женщина убегали от преследователя. Но доктору Крупу не повезло, он споткнулся и подвернул ногу. Миссис Шеферд упала рядом с ним.

— Тина пыталась нас предупредить об этом убийце, она хотела нам сказать...— доктор не успел договорить!

Рядом с ними оказался Веселый Роджер с огромным тесаком в руках.

Доктор Круз понял, что ему не спастись. Он прикрылся миссис Шеферд и, изумленно мигая глазами, смотрел на приближающегося убийцу-утопленника.

— О боже мой! Что вы делаете! Что вы делаете! — не понимая, шептала миссис Шеферд, но в это время блестящее лезвие тесака, ломая ребра, вошло ей прямо в сердце.

Доктор Круз оттолкнул женщину, и она повисла на тесаке убийцы.

Пока Веселый Роджер вспарывал ножом живот миссис Шеферд, доктор Круз убегал.

Доктор сам уже не понимал, сколько времени он бежит, куда попал. Места казались ему незнакомыми. Но тут его взгляд привлекла фигура девушки. Он мгновенно догадался, что это

Тина, которая ищет свою мать. И буквально в нескольких шагах от себя он услышал голос:

— Мама! Мамочка! Где ты! Где ты? Отзовись! — кричала девушка на весь лес.

— Тсс... Тсс...— прошептал доктор, прижимая палец к губам. — Тина, Тина, тише. Иди сюда. Успокойся.

Тина испуганно оглянулась и увидела доктора Круза, который прятался за большим толстым стволом дерева.

— Тебе, девочка, прийдется вернуться со мной,— сказал доктор Круз.

— Что? Что вы здесь делаете? Где моя мать?

— Тина, успокойся. Она вернулась домой. И мы сейчас вернемся туда.

— Вы лжете, лжете! — как бы догадываясь и предчувствуя недоброе, закричала Тина.— Я только что из дому, ее там нет.

Доктор схватил девушку за руки, боясь выпустить.

Тина вырвалась. Как раз в это мгновение полыхнула молния, и она увидела кровавое пятно на светлом свитере доктора.

Сам Круз тоже с удивлением уставился на багряное пятно, оно, казалось, жгло ему грудь. Но справившись

с замешательством, он снова приобрел свой обычный благопристойный вид: вкрадчивый взгляд, мягкие жесты

— Успокойся.

— Я не хочу.

— Я только что видел твою мать.

— И что с ней?

— Она в порядке.

Откуда кровь на вашей одежде? — Тина спрашивала, хотя знала ответ.

— Что вы сделали с ней?! — закричала Тина.

Доктор Круз старался говорить как можно более спокойно, но руки его тряслись, и зубы стучали друг о друга от страха.

— Мы отсюда сейчас уйдем, сядем в машину и поедем.

— Где моя мать? — настаивала Тина.

— Ее нет,— наконец, признался доктор.

— Как нет,— ужаснулась Тина.

— Ее убил тот человек... то существо из твоих видений, Тина.

— Я не верю вам, вы трус.

Доктор Круз пробовал остановить девушку.

— Ты не должна идти.

— Я не поверю, пока не увижу сама.

— Это произошло на моих глазах.

— Я должна идти.

— Она мертва, это точно.

— Может, ей еще можно помочь,— девушка кинулась в чащу.

— Тина, не ходи туда! — истошно кричал доктор Круз.

Прихрамывая на подвернутую ногу, доктор собрался было догнать Тину, но через несколько шагов, утомленный и парализованный острой болью, обхватив ближайшее дерево, он остановился. Рядом с ним в десятке метров завизжал мотор бензокосилки. Он повернулся и увидел сверкающий диск.

Медленно, тяжело и неторопливо к нему приближался Веселый Роджер. Сверкали острые зубья фрезы. Доктор Круз, собрав последние силы и, взяв свою волю в кулак, попытался бежать. Он сорвался с места и рванулся в непролазную чащу, спотыкаясь, падая, где ползком,^ где перебегая на четвереньках, он старался уйти от убийцы.

Но зловещий гул бензокосилки все время был где-то

рядом. Буквально в десяти шагах. Веселый Роджер настигал свою очередную жертву.

Поняв, что ему не уйти от смерти, доктор Круз истерично захохотал и остановился. Его расширенные от ужаса глаза смотрели в темноту. И через мгновение перед ним возник убийца-утопленник.

Бешено вращался диск бензокосилки. Веселый Роджер добавил оборотов, и доктор Круз уже не видел острых сверкающих зубьев. Диск превратился в одно слепящее пятно, которое с гудением приближалось к его шее. Он пытался рвануться, но Веселый Роджер схватил его за плечо, тряхнул и ударил о дерево.

Доктор Круз упал, перевернулся через голову и на четвереньках попытался спрятаться за ствол толстой ели. Он пронзительно закричал, когда сверкающий диск разрезал его тело на две части. Кровь залила опавшие и истлевшие листья.

В списке Веселого Роджера прибавилась еще одна кровавая жертва.

А Тина все кричала и звала мать. Она в конце концов набрела на ту поляну, где произошло страшное убийство. Внутренности ее матери были развешены на окрестных кустах, а тело, до неузнаваемости искареженное острым тесаком, валялось у огромного пня старой ели.

— Мама, мамочка! Что с тобой?!

Но и без слов было ясно, что женщина уже ничего и никогда не ответит. И что никакая сила не сможет ее оживить.

Захлебываясь слезами, Тина оторвалась от созерцания ужасного зрелища. Она выпрямилась во весь рост и со злостью сжала кулаки.

Вдалеке, между стволов, мелькнула белая пластиковая маска.

Через пару минут бесцельного блуждания по лесу, Тина набрела на то место, куда утопленник-убийца стянул почти все тела своих жертв.

Девушка, остолбенев, смотрела на прибитые к стволам длинными гвоздями тела. На обезображенные лица, на испачканные озерным илом обнаженные тела. И тут, как бы в довершение всего, на нее из ветвей вывалился труп Майкла. Не долетев до земли, он повис, пр**вязан-ный веревкой за ноги.

Тина истошно закричала и побежала к дороге.

Но путь ей преградил страшный утопленник-убийца.

Его пластиковая маска мерцала в свете луны. Он стоял широко расставив ноги в глубокой грязной луже.

Роджер,— только и смогла вымолвить Тина.

Злость к убийце, уничтожившему ее мать, уничтожившему ее знакомых, переполнила душу девушки. Она напряглась и почувствовала, как усилием ее воли начинают дрожать деревья в лесу. Вздыбилась земля, и раздирая мох, поднялись в воздух длинные корни елей.

Утопленник-убийца затравленно озирался. Корни со всех сторон тянулись к нему, и, как огромные змеи, обвивали его руки, ноги.

Тина еще сильней сконцентрировала свою волю, и корни потянули убийцу за ноги. Тот с размаху плюхнулся в грязную глубокую лужу.

Но победа была недолгой.

Одним сильным движением Роджер потянул за корни повалившихся деревьев и освободился, вновь поднявшись во весь свой ужасный рост. Тогда Тина перевела свой взгляд на высоковольтные провода, которые тянулись вдоль дороги.

Разлетелся вдребезги фарфоровый изолятор, и толстая алюминиевая проволока упала на влажную землю. Под ней в сполохах искр загорелась опавшая листва. Извиваясь как уж, провод полз к убийце. И когда его искрящийся конец опустился в лужу, конвульсивные движения начали сотрясать тело Веселого Роджера. Полетели в стороны клочья сгнившей плоти. Молнии окутали и обвили его фигуру.

Какое-то время утопленник-убийца сотрясался, пытаясь сдвинуться с места, но огромное напряжение электрического тока не позволяло ему это сделать. Из разложившегося тела вместе с трупным смрадом подымался пар. Наконец, Веселый Роджер покачнулся и грузно рухнул в грязь, подняв фонтан брызг.

Тина, окаменев в ожидании, стояла неподвижно. Ветер доносил до нее запах сгоревшего мяса и обугленных костей. Сама не веря в свою победу, Тина с удивлением смотрела на

распластавшееся в грязной луже тело убийцы. Она осторожно, боком, небольшими шагами приблизилась к луже.

В лунном свете она увидела как под обрывками одежды и клочьями мяса белеют кости.

— «Неужели это все?! — подумала Тина, неужели я отомстила ему?»

Но тут тело утопленника-убийцы вздрогнуло, и, раˆ-брызгивая вонючую грязь, он снова восстал из мертвых.

Тина бросилась убегать, увидев какая энергия появилась в движениях ее преследователя. Но как бы она быстро не бежала, за ней неотступно, не удаляясь, звучали хлюпающие и чавкающие шаги убийцы. Толстая цепь на шее Веселого Роджера звякала при каждом шаге. Этот зловещий звук все время настигал Тину.

Вбежав в дом отца Майкла, Тина закрыла дверь и привалилась к стене. Она с трудом переводила дыхание. Страх парализовал ее тело. Ноги казались ватными и не слушались приказаний. Дикими и неуместными казались яркие воздушные шарики, украшавшие гостиную дома.

Вспыхнула молния, и вслед за ней раздался оглушительный треск большой решетчатой рамы. Стекло разле-лось вдребезги, и в гостиную впрыгнул Веселый Роджер. Запах гниющего мяса и горелой плоти наполнил комнату.

Тина дико закричала и начала пятиться к противоположной стене, цепляясь за стулья, спотыкаясь о ковер и скользя в лужах крови, оставленных предыдущими жертвами убийцы-утопленника.

Пластиковая маска с оскалом смерти приближалась к Тине. Девушка отступала. В какое-то мгновение к ней вернулся разум победивший страх. Она вновь сконцентрировала свою волю, сжала кулаки так сильно, что ногти впились в ладони.

Двери прямо перед лицом Веселого Роджера сомкнулись, и огромный старинный комод, послушный движению воли Тины, сдвинулся со своего места и привалился к двери.

Но Веселый Роджер не был бы Веселым Роджером, если бы такие преграды могли его остановить. Он отбросил тяжелый комод одной рукой и рванул дверь. Она поддалась, послушная его невиданной силе. Тина вновь вскрикнула, но, собрав всю свою волю, она смогла приподнять с земли тяжелый круглый стол, и он полетел в Роджера, повалив его на пол.

Но убийца-утопленник, как всегда, поднялся на ноги. Кадка с пальмой взлетела в воздух и, описав дугу, ударилась в Роджера, вновь повалив его на пол. Из кадки выпала отрезанная голова Эди. „

Не помня себя от ужаса и не дожидаясь, пока убиица вновь

поднимется на ноги, Тина бросилась к своему дому. Но не успела она отбежать и на десяток шагов, как Веселый Роджер появился на крыльце.

Тина снова сконцентрировала свою волю.

Зашатались столбы террасы, и тяжелая черепичная крыша, зашатавшись, обрушилась на голову Веселого Роджера, погребая его под обломками.

Совершенно обессиленная, Тина ввалилась в гостиную своего дома, где ее ожидали Ник и Мелиса.

— Он убил ее... Он убил мою маму...— только и смогла выговорить 'девушка.

Ник не знал что сказать.

— А я убила его,— продолжала Тина,— Роджеру конец!

Она припала к груди Ника и зарыдала. Парень обнял ее, стараясь успокоить и облегчить страдания.

Испуганная Мелиса стояла радом и не знала что ей делать. Она вроде бы верила Тине, и в то же время ее разум отказывался поверить в существование страшного утопленника-убийцы.

— Да вы, наверное, с ума сошли?! — в конце концов пересилила себя Мелиса.

— Да заткнись ты,— зло крикнул ей Ник.

— Мне противно даже смотреть на вас,— Мелиса развернулась и направилась к входной двери.

— Остановись! — крикнул ей Ник.— Куда ты?!

— Я обратно, в постель. Может быть, ты пойдешь со мной? — криво улыбнулась блондинка.

— Оставайся здесь с нами,— пытался остановить ее Ник.

— Это не мой стиль. Я не люблю групповой секс.— Мелиса взялась за ручку двери.

— Останься,— умоляюще повторил Ник.

— Да пошли вы... оба.— Мелиса рванула дверь на себя и остолбенела.

Прямо на пороге перед ней стоял утопленник-убийца. В его руке был тяжелый топор для колки дров. Топор, описав дугу, просвистел и вонзился в голову Мелисы. Ее тело медленно осело на пол. Веселый Роджер откинул его ногой в угол и двинулся дальше.

Ник, прикрывая собой Тину, заманивал Веселого Роджера вглубь комнаты. Улучив момент, он оттолкнул от себя девушку и крикнул:

— Беги! Убегай быстрей!

Тина бросилась вверх по лестнице на мансарду. Ник отступал за ней. Но дверь в конце коридора оказалась запертой. Ник бешено колотил в нее кулаками. Двери не поддавались. Тогда

Тина снова вспомнила о своем сверхъестественном даре.

Она подошла к началу лестницы и молча смотрела, как, тяжело ступая, по ней поднимается убийца-утопленник.

— Тина! Куда ты! — кричал Ник.

— Помоги мне выломать дверь.

— Тина, что ты делаешь?! Он же убьет тебя!

Толстые дубовые доски, из которых была сколочена

лестницы, никак не поддавались усилиям Тины. Тогда она перевела свой взгляд на большой матовый светильник на длинном шнуре, свисавший над лестницей. Сверкающий шар начал раскачиваться под взглядом девушки. И когда утопленник-убийца приблизился к нему, шар, качнувшись, сильно ударил его прямо в пластиковую маску.

Взмахнув руками, Веселый Роджер опрокинулся на спину. Его тяжелое тело проломило доски ступенек, и он полетел под лестницу.

У Тины и Ника не было другого пути. Они с трудом преодолели черную зияющую яму, куда рухнул убийца-утопленник. Они каждое мгновение опасались, что оттуда может показаться омерзительная рука и схватить их за ноги, утащив в черную глубину. Но они ошиблись.

Когда они опустились с лестницы, успешно перебравшись сквозь черную дыру, рухнула стена, и из обломков, в пыли штукатурки, появился Веселый Роджер. Он схватил Ника и далеко отшвырнул к стене. Потом стал на него своим тяжелым бахилом, пытаясь сломать позвоночник.

— Нет, нет! — закричала Тина и до боли сжала кулаки.

Она смотрела прямо на широкую омерзительную спину убийцы-утопленника. От взгляда Тины тело Веселого Роджера начало конвульсивно сотрясаться. Он, судорожно пошатываясь, развернулся к девушке, оставив Ника лежащим в углу комнаты. Он вздрагивал, пальцы его рук сжимались.

Пластиковая маска не выдержала и разлетелась на куски. Из-под нее на девушку смотрел страшный череп в кусках полусгнившей, полуистлевшей плоти. В глазницах поблескивали капли желтого гноя. Из ощерившегося рта торчала несколько огромных, изъеденных зубов. Оскал Веселого Роджера был страшен. Он взмахнул руками, и хотел сделать шаг по направлению к девушке.

Неимоверным усилием воли Тина заставила качнуться тяжелый фонарь над головой убийцы. Лампа ударила Роджера по голове, а толстый изоляционный кабель обмотал его шею и вздернул к потолку. Роджер, размахивая руками, на какое-то мгновение затих.

Тина перевела взгляд на пол. Она смотрела прямо под ноги висящему тяжелому телу Веселого Роджера. Доски захрустели, гвозди начали вылезать из своих отверстий, пол вздыбился и разлетелся на куски.

Огромная черная дыра зияла под ногами Веселого Роджера.

Еще одно усилие, и толстый кабель не выдержав, лопнул. Тело Роджера оборвалось и рухнуло в зияющую чернотой яму.

— Ник, Ник...— испуганно зашептала девушка, приближаясь к лежащему неподвижно парню.

В яме на цементном полу подвала распласталось неподвижное тело убийцы-утопленника.

Из подвала густыми клубами поднималось зловоние.

Пока Тина пыталась привести в чувства Ника, гнойные веки Веселого Роджера вздрогнули, и из глазниц безжизненно взглянули желтые омерзительные глаза. Он резко подхватился, выпрыгнул из ямы и, схватив Тину, исчез в провале пола.

В подвале, откинув девушку от себя, Веселый Роджер истерично срывал с шеи обрывки толстого кабеля. Звенья тяжелой цепи глухо звенели. Он скрежетал останками огромных зубов, страшно вращал глазами, конвульсивно сжимая истлевшие огромные пальцы.

Тина искала пути отступления, но единственный выход из подвала был только над ее головой. Утопленник-убийца уже приближался к ней. Тогда Тина, заметив на полке банки с длинными большими гвоздями, усилием воли опрокинула их, и стая гвоздей понеслась по направлению к убийце. Они с размаху впивались в его тело. Несколько гвоздей, пробив череп Веселого Роджера, застряли в его голове.

Хрипя, убийца-утопленник вытаскивал гвозди из своего тела, скрипели кости, вздрагивала гнилая плоть. Тина прижалась к стеллажу, и тут ее взгляд^ упал на канистру с бензином. Даже не прикасаясь к ней руками, одним усилием воли, Тина откинула крышку, и из узкой горловины полетела струя горючего, заливая Веселого Роджера.

Прикрываясь руками, утопленник-убийца все приближался. Бензин стекал по его телу, заливал стопки старых газет, картонные ящики, сложенные дрова возле топки отопительного котла.

Тина, напрягшись, распахнула дверцу топки, и пламя ударило в убийцу. Бензин мгновенно вспыхнул. Веселый Роджер метался в огне.

И тут Тина поняла, что совершила ошибку, не оставив себе путе к отступлению. Ей предстояло сгореть вместе с ним. Она посмотрела вверх, в проломленный потолок и мысленно начала

звать Ника.

Парень, который до этого лежал без сознания, встрепенулся.

— Тина! — воскликнул он, глядя на удушливые клубы смердящего дыма, поднимающиеся из провала.

Он подполз к самому краю и протянул руку девушке.

Охваченный огнем, Веселый Роджер как подкошенный рухнул на пол.

— Там баллоны с газом! — крикнула Тина Нику,— быстрей, а то взорвемся!

Они выбежали на улицу и заметались по двору, не зная, куда деваться.

— Быстрей, на причал! — крикнул Ник и потянул девушку за собой.

Они бежали как сумасшедшие по гулким доскам настила и, добежав до самого конца, упали на причал, прикрывая головы руками.

За их спинами раздался оглушительный взрыв. Дом Шефердов буквально разлетелся на куски. Ночь озарилась адскими всполохами огня. Огромный огненный шар поднялся над лесом, освещая своим неимоверно ярким светом окрестности. *л*

— Ты в порядке? С тобой все хорошо?

— О'кей,— отвечала Тина, усаживаясь на корточки,— все нормально. Все нормально.

— Мне кажется, мы спасены,— промолвил Ник, прижимая к себе девушку.

Но разве могло даже самое сильное пламя уничтожить убийцу-утопленника. Его могла победить только вода.

Истлевшая вонючая рука легла на плечо девушки и далеко отшвырнула ее на гулкий настил. Ник, испуганно вращая глазами, схватился за пистолет. Веселый Роджер приближался к нему. Он уже навис над парнем, и Ник видел, что плоть почти уже вся обгорела, он видел внутренности, видел ребра грудной клетки, видел тол-

стый, мощный хребет убийцы, чуть прикрытый развевающимися обгоревшими лохмотьями кожи.

Ник стрелял в убийцу, но пули не приносили никакого вреда Веселому Роджеру — он только вздрагивал от каждого выстрела, как от укуса комара. Убийца повернул рукой, и пистолет выпал из рук Ника. Он ударил парня ногой в грудь, и тот полетел с причала в лодку, которая стояла привязанная к свае. Трос не выдержал' и лодка заскользила по черной немой глади озера.

Расправившись с одним, Веселый Роджер повернулся к своему самому сильному сопернику. Он, неспешно скаля останки зубов, приближался к Тине.

Превозмогая боль в разбитом колене, в ушибленном плече, Тина сжалась в дрожащий комок. Ее глаза неотступно следили за каждым движением убийцы-утопленника. И вновь, уже в который раз, она собрала в один кулак остатки воли, остатки своей силы и призвала на помощь отца.

Озерная гладь закипела, мериады сверкающих пузырей поднялись со дна, настил разлетелся на мелкие куски и, высоко подпрыгнув, из воды на причал вскочил отец Тины, держа в руках толстый обрывок цепи. Он толкнул убийцу-утопленника в спину и успел накинуть ему на шею цепь.

Роджер взмахнул руками, пытаясь освободиться от объятий стальной цепи, но отец Тины рухнул с причала в озеро, увлекая за собой огромное тело Веселого Роджера.

— Отец! Спасибо. Ты помог мне,— прошептала Тина, и сознание покинуло ее. Она неподвижно осталась лежать на причале.

Над убийцей-утопленником сомкнулась черная, как густое, расплавленное стекло, озерная вода.

На рассвете, на берег Хрустального озера прибыли пожарные и полиция. Прибыли, как всегда, с опозданием.

А в это время Тину на носилках вкатывали в машину скорой помощи.

— Ник, Ник,— шептала она в бреду.

Рядом с Тиной лежал Ник. Он приподнялся и посмотрел на девушку. Их взгляды встретились.

_ А где Роджер? — спросил испуганно парень.

— Не волнуйся. Мы позаботились о нем. Мои отец помог нам выжить и избавиться от этого чудовища.

СЕМ РАЙМЕ АЙВЕН РАЙМЕ

ЗЛОН

МЕРШИМ

ЧАСТЬ I

Резкий удар хлыста привел меня в чувство.

Вставай, падаль,— услышал я грубый, гортанный

голос.

— Нет, это не сон,— остро застучало в висках и я медленно поднял веки.

На фоне голубого неба красным пятном расплывалась лоснящаяся морда, самодовольно ухмыляясь и блестя голубоватыми, глубоко посаженными глазками.

О, эта голубизна неба! Эта бездонность и пустота — ты будешь отныне мне сниться в кошмарах. Кошмарах... Кошмарах?!

Дрожь побежала по всему моему телу.

Какие еще могут быть кошмары? Вот он, реальный кошмар передо мною.

Говор, хохот, ржание коней, окончательно вернули мне рассудок. Я стал медленно подниматься.

— Быстрее,— подстегнул меня еще один удар.

— Ну, погоди, дрянь, пробормотал я про себя,— никто не знает свою судьбу, своего будущего! И когда-нибудь может наступить день перемены. Перемены твоей судьбы.

Я встал на ноги. Что за диковинный мир веселился вокруг! Беснующиеся всадники, ряженые, как на карнавале, окружали меня со всех сторон! Щиты — ярко-алые и лазурные, флаги и знамена всех цветов, шлемы, латы, шпаги — все это блестело, переливаясь солнечными бликами, создавая неописуемое зрелище.

— Сгинь, видение, сгинь,— опять пронеслась в голове запоздалая мысль. Но я уже начинал приходить в себя и воспринимать окружающее. Надо начинать жить

в этой реальности, какая бы она ни была. Только, черт побери, откуда она взялась?!

...Острая боль возникла сразу, как будто повернули некий выключатель. Рука! Окровавленное запястье, с висящими ошметками мяса вернуло мне память. Я вспомнил! Я все

вспомнил!!! Я вспомнил этот дикий вихрь, который начал засасывать меня, когда я раскрыл ту книгу...

Я не успел додумать свою мысль,— какие-то волны пошли по толпе этих людей...

— Тревога! Противник на горизонте! Приготовиться!!!

Обо мне будто забыли. Я был уже не нужен. Воины, наспех захлопывали забрала, выставляли вперед щиты, лихорадочно и сумбурно рвали уздечки, пришпоривали коней. За несколько минут здесь образовался настоящий кавардак.

— Вот дикари,— пробормотал я и потихоньку начал продвигаться к своей машине, которую заметил еще раньше. Это просто фантастическое везение, что она оказалась тут.

Рука ныла остро, до ломоты в зубах. Да еще правая, проклятье! Левая же, все еще сжимала бензопилу, которой я сам, — сам! — пытался отпилить запястье, сдуру решив, что вихрь этим удовлетворится. Видно, набрался я в тот вечер изрядно!

Медленно продвигаясь, я приблизился к машине. Эврика! Мой любимый рейнгтон, ненужной железкой валялся на сидении. Ненужная железка! Эти дикари поголовно вооружены стрелами.

Я еще успел схватить оружие и закинуть его за плечи, когда началось нечто невообразимое.

— Да, это похоже на репетицию конца света,— успел подумать я, уклоняясь от удара дубиной,— так можно и настоящий конец приблизить.

— Машина! Какой болван! — обругал я себя и тут же нырнул под колеса.

Ржание лошадей, воинствующие вопли, крики — «На помощь!», предсмертные возгласы — все это было уже там, наверху. Если бы не рука! Боль все больше разливалась огнем. Она пожирала всю мою волю, делала беспомощным и слабым.

— Когда же этому придет конец? Когда, когда... Все кончается, все в жизни когда-либо кончается,— уговаривал я себя, — это тоже пройдет. Но когда?! —

рычал я, по-прежнему сжимая левой рукой бензопилу не в силах разжать кисть. Мне казалось, выпусти я ее и моя последняя связь с миром — с тем моим миром цивилизованных людей, пьющих по утрам горячий кофе, потеряется навсегда. ...Я не знаю, сколько прошло времени. Но характер шума стал постепенно меняться Ржание коней чуть поутихло. Вместо этого какие-то жалобные стоны и проклятия, вперемешку с ругательствами, наполнили пространство.

— Может, обо мне забыли,— подумал я. Но нет, тут же, с диким криком чьи-то руки вцепились в меня!

Меня вытащили наружу. Что за жалкое зрелище предстало

передо мною! Воины, еще недавно полные сил и веселья, повсюду валялись убитые, с торчащими в боку обломками копий с флажками. Раненых хладнокровно добивали. Да, не слабые мужики собрались вокруг! А мой недавний красномордый противник со своими поплечниками стоял, закованный в кандалы с деревянным ошейником вокруг шеи. Быстро же сбылось мое пророчество!

С заискивающими улыбками небольшая группка пленных, перебивая друг друга, рассказывала обо мне. Будто бы я и вот эта штука,— это мой-то шикарный «линкольн»! — свалились к ним прямо с неба, вот с этого голубого неба — прямо ниоткуда, из голубизны, из пустоты. Лишь только какой-то вихрь кружился вокруг, а потом, когда я упал, столбом поднялся надо мною и улетел, растворяясь на глазах.

— Стоит только посмотреть на него,— захлебывались они словами,— он не похож ни на одного из нас! К какому роду он принадлежит? Что за диковинная одежда? А рост — он выше любого из самых высоких!

Они старались и кривлялись, эти несколько человек, пытаясь заслужить похвалу победителей. Лишь мой недавний истязатель молчал и явно с презрением смотрел на этих ублюдков. Да, такие слабовольные людишки всегда вызывают омерзение. Но кто возьмется их судить? Судьба забросила их на гребень крутых событий, а они — они простые, травоядные, как им уберечься, как устоять в потоке жизни? Надо приспосабливаться. И они приспосабливаются. Тихо, незаметно ходят они по улицам наших городов, мелко интригуя, сплетничая, разнося заразу недоверия, обмана, зависти. Но вот случаются экстремальные события — судьба закручивает их в водоворот — поле боя, землетрясение, пожар, да просто мес-

то, где нужно устоять, где важно твое я, твоя суть И все: душонки сгибаются, ломаются, хрустят... И жи' вые мертвецы, бездушные, охваченные лишь одной страстью еще немного попастись под синевой неба лгут, предают, выслуживаются. ’

Ну дайте, дайте нам еще немного этой жизни! А мы уж, мы уж постараемся, в лепешку разобьемся!

Впрочем, все это философия...

Они продолжали еще что-то гнусное рассказывать про меня, но я уже не слушал, предпочитая наблюдать за красномордым.

— А все-таки, мужик, ты крепкий орешек,— подумал я и подмигнул своему поверженному врагу.

Он недоуменно уставился на меня. Потом ухмыльнулся.

— Эй, держись,— прорычал он,— смерть, она одна, другой не бывает!

— Молчать! — властный голос остановил наше только начинавшееся братание. Человек, произнесший эти слова, был великолепен. Вождь. Да, истинный вождь. Но как молод! Красивое, с резкими чертами лицо затянутой в кольчугу головы, резко выделялось на фоне толпы. Крепкий корпус, широкие плечи и грудь и грациозная шея были наполнены силой и уверенностью, которую дает только власть. Бледность и сурово сжатые брови на мгновение обманывали взгляд, он казался старше, но, через минуту-две, молодость, неуловимой мимикой движений выдавала его.

Некий старец, которого я сразу не заметил, подошел к этому юному полководцу и страстно зашептал что-то на ухо. Седые, абсолютно белые космы старикана, его хищное, волевое лицо, желтая, дубленая кожа, несли в себе некую необъяснимую силу. Простой, черный балахон из тонкого сукна подчеркивал его, отнюдь не плебейское происхождение.

— Заковать его! — приказал вождь, выслушав старикана. И, не успел я и глазом моргнуть, как на меня набросилась целая свора добровольцев и вырвала из рук бензопилу. Левой рукой я еще успел отпустить несколько ударов, да таких, что сшиб с ног пару-тройку человек, но правая... Бог мой, один из них вцепился в мою правую руку и все было кончено в одно мгновение. От боли я чуть было не потерял сознание, лишь пара крепких слов, которые я отпустил по адресу своих мучителей, удержаˆ ли меня на ногах. Громкий хохот заглушил лязг цепей вокруг меня. Ишь ты, нравится! Я добавил еще несколько слов. И лишь после этого, старик подошел взглянуть на мою руку. Потом, поморщившись, что-то тихо сказал своему подручному.

Через минуту, мне смазали руку чем-то вюнючим, противного помоечного цвета. Я не сопротивлялся, уже не хватило сил. Легкое жжение этой мази даже внесло некое разнообразие в мои болевые ощущения. Но прошло несколько мгновений, всего несколько мгновений — Н боль стала стихать! Боль стала стихать! Я готов был плясать от радости и даже кандалы и этот нелепый деревянный ошейник на шее — больше не смущали меня. Жизнь продолжается! Все в жизни проходит! И эта минута настала, и я готов, готов ко всему, что пошлет мне судьба!

— Ну, что там у нас на горизонте?

А на горизонте было пусто. Какая-то неказистая степь простиралась вокруг. Желтые проплешины среди жухлой травы, напоминали то ли о конце лета, то ли о начале осени.

Нас выстроили гуськом, по два-три человека в ряд и мы, подгоняемые кнутами ленивых надсмотрщиков, уныло побрели вперед.

Я попал в пару к красномордому. Видно, мы были столь важные птицы, что нас поставили рядом, да еще в первом ряду. Хорошенькое соседство, если припомнить щедрые удары, которыми он совсем недавно осыпал меня.

— Ну что, приятель, жизнь все же штука веселая,— по-прежнему не унывал он.

— Слушай, куда я попал? На какой край земли? Все вокруг говорят по-английски, но видит Бог, если я понимаю, где я.

— Ты, видно, приятель, падая, все же повредил малость головку, если не узнаешь родной Британи. Правда, акцент у тебя какой-то странноватый.

— У меня странноватый?! Это вы все так выворачиваете слова, как будто заявились из 17 века.

— 17 века! Опомнись, дурья твоя башка! На дворе 1358 год, август, 23 число от Рождества Христова, чтоб мне пусто было!

— Что?! — поперхнулся я. Сердце подскочило к горлу и упало в никуда. Так вот куда затащил меня этот проклятый вихрь! Невозможное стало возможным! Я

зи

...Мы брели где-то полтора дня. Рука моя потихоньку заживала, благодаря стараниям старикана. Правда что то все же не нравилось ему в моей ране. Рассматривая ее, он угрюмо качал головой, но пока ничего не говорил. Какая-то краснота потихоньку расползалась вокруг. Но боли не было, вероятно эта мазь обладала каким-то наркотическим действием и я ничего не ощущал. Наоборот, легкое онемение руки даже успокаивало меня. Как показало будущее, я напрасно был так спокоен. Да, кстати, имя этого старца было Велюнд. Он числился у них спецом по белой магии, ну, что-то вроде колдуна, астронома, предсказателя.

Много я передумал за это время. Подружился и с Генри Рыжим, своим напарником по цепям. О чем только мы не переговорили с ним! Как много он мне рассказал о своем времени! И я вспоминал теперь уже кажущееся далекое прошлое...

...Да, когда-то я жил в 20 веке. В конце 20 века, если быть точным. Жил — не тужил, работал в магазине хозяйственных товаров — продавцом. Продавал порошки, пасты, кремы, аэрозоли... Немного увлекался восточной борьбой, скорее для поддержания формы, нежели всерьез. Приятно ведь ощущать себя этаким суперменом, с хорошо накачанными мускулами, когда рядом хорошенькая кукла, попивая легкий коктейль в баре, не спускает с тебя восхищенных глаз. Отсюда, из глубины веков, мой Лондон казался мне сказочным городом и все мелкие удобства, которыми была окружена моя жизнь и которых я не замечал, теперь вспоминались раем на земле. Так бы и текла моя жизнь,

легко и беззаботно, если бы в один, поистине несчастливый день, я не наткнулся в газете на объявление о продаже дома. За городом. Цена показалась мне смехотворной.

— Почему бы и нет? — подумал я. И, недолго думая, позвонил по указанному телефону. Откликнулся женский голос и в первое мгновение он показался мне настолько неприятным, что даже захотелось положить трубку, но мгновение прошло и я уже внимал с нетерпением. Какие заманчивые картины рисовала мне эта сука! Да, сука! Знал бы я тогда, к чему все это приведет! Ну почему я не прислушался к своему внутреннему голосу к своей интуиции, в то, первое мгновение нашего разговора! Почему не поверил себе? А, поздно печа литься о прошлом! Короче, в следующий уик-энд я уже катил по указанному адресу. Ключи я получил заранее.

Их мне вручила хозяйка голоса, старуха, с седыми волосами. Убей, не припомню ее лица! Лишь тогда взгляд тяжелый и недобрый, какой-то необъяснимой тяжестью наполнял душу.

Итак, я поехал. Добирался трудно, все время сверяясь со схемой, которую мне вручила старая ведьма. Наконец, свернул на узкую, заброшенную дорогу. Казалось, по ней никто не ездил веками. Ветки деревьев сплелись густой стеной по обе стороны. Они нависали низко, порой задевая машину. Листвы почти не было видно. Да и та, что проглядывала кое-где, была окрашена в темно-коричневые тона. Вечерело. А вот и дом. Мрачновато. Но я не отчаивался. Деньги ведь я еще не заплатил, а провести ночь в таком уединенном месте — все-таки в этом что-то есть. Тем более, о выпивке я позаботился как следует.

Дверь заскрипела, противно и резко. Я вошел. Ха, да тут есть чем поразвлечься. Такого количества странных и необычных предметов, да еще собранных вместе, я никогда не видел.

Все-таки, для начала я решил выпить. Притащил из машины все свои запасы — что-то я перестарался, многовато захватил, и уселся в кресло, громадное, обтянутое черным бархатом. Теперь можно и осмотреться. Напротив висело зеркало, какое-то уж больно темное, предметы почти не отражались в нем, скорее они выглядели как-то по иному. Причудливая рама из выточенных деревянных человеческих черепов обрамляла его. Ну и гнусная фантазия была у этого резчика! Хотя в мастерстве ему отказать было нельзя. Все тютелька в тютельку, все пропорции соблюдены, видно мастер хорошо знал то, над чем трудился! В углу, из-за шторы выглядывал скелет, весь в пыли — тоже, не слабо! Засушенные цветы стояли в глубоких вазах с отбитыми краями. В жизни не видывал таких цветов! Их головки излучали, струились непонятной злобой, в их распахнутых лепестках чудился

угрожающий оскал. Какие-то дряхлые, полусгнившие то ли тряпки, то ли драпировки висели вдоль стен. Они были блеклого мышиного цвета и тем более странно, что все это тряпье перевивали золотые нити, которые, казалось, не давали возможности рассыпаться этим лохмотьям.

Сумерки постепенно окутывали всеˆ окружающее и неясная тревога, возникшая, казалось бы ниоткуда, заставляла меня все чаще прикладываться к бутылке. Что это со мною? Я никогда не боялся ни одиночества ни темноты, ни тем более всякой ерунды, которой была застааленна эта комната. Что-то я становлюсь похож на некую неврастеничную дамочку, вздрагивающую от каждого пустяка. Но в этом домишке все же что-то такое было. Скорее всего эта дурацкая обстановочка так действовала на меня. Эх, завалиться бы сюда с какой-либо птичкой, уж я бы использовал этот домишко на все сто процентов!

Стало совсем темно. Я приподнялся и немного шатаясь дотянулся до выключателя. Щелк! Света не было. Но для меня это не было уже столь важно, так как мозги мои были изрядно отуманены алкоголем.

Плюхнувшись обратно в кресло, я заметил рядом, на столике, подсвечник в виде сложного многогранника с воткнутой свечой посередине.

— Полный сервис,— ухмыльнулся я и поднес зажигалку. Пламя вспыхнуло неожиданно ярко.

И тут же, тут же, мне бросилась в глаза эта книга. Она лежала на столе, обтянутая кожей, застегнутая тяжелыми металлическими застежками. Кожа была мягкой, какого-то немыслимого светло-зеленоватого оттенка. Наверно окрашена,— подумал я. Налет времени ощущался, вибрировал вокруг этого удивительного фолианта. Рука сама, непроизвольно, потянулась по направлению к книге. Я рванул обложку. Застежки разлетелись по сторонам.

Господи! Мрачная, бездонная пустота глядела на меня. В горле мгновенно пересохло. Что все это значит? Я, наверное, сильно пьян, или может быть уже сплю? Шорох над головой заставил меня поднять глаза. Темная гладь зеркала заволновалась, по ней пошли волны. Серебристые, черные, они накатывали друг на друга, сталкивались и разбивались, образовывая новые сочетания темных оттенков. Но вот, они стали пропадать и из глубины зеркала стало расти и шириться какое-то лицо. Великий Боже! Это было лицо старухи, передавшей мне ключи. Но как сильно оно изменилось! Злобно и торжествующе она глядела на меня и ее глаза постепенно наполнялись кровью! Кровь кипела в этих огненных зрачках, пульсировала и лопалась

брызгами по сторонам! Я рванул руку к себе. Она не отдиралась от книги! Она приросла к ней! Ужас, ужас, которого я не испытывал еще никогда в жизни, охватил меня. Я заглянул в пустоту. Но это уже не была пустота! Где-то в глубине, в бездонных гтросто-рах космоса, за миллиарды световых лет,— вот именно, за миллиарды, я это почему-то знал, зарождалось какое-то движение. И оно двигалось прямо на меня. Я видел и ощущал это всем своим существом! Оно неслось ко мне! Оно приближалось!

И вдруг я все понял. Я понял все сразу, в одно мгновение, как будто кто-то мне сказал об этом. Я понял, что приближалось ко мне. Это было Зло. Это был сгусток мирового Зла и я с ним встречусь через несколько мгновений. Это было то, во что не верили мы, люди цивилизованные, над чем смеялись и потешались со всем цинизмом нашего времени. Мы не верили и не замечали тех тайных знаков, которые повсюду, в нашей повседневности, встречались нам на пути. Зло и добро, в равной степени, пытались нам доказать о своем существовании. Но нам было не до этого. Работа, деньги, развлечения — весь этот нескончаемый поток якобы разных дел не оставлял нам времени на раздумья, одурманивал наши мозги и добрым становилось только то, что было выгодно нам для удовлетворения минутных страстей и желаний.

Старуха в зеркале молча скалила зубы, а я стоял, прикованный и беспомощный перед надвигающимся кошмаром. Резкий, свистящий звук, сначала потихоньку, потом все громче и громче заполнил воздух. Это вихрь! Это вихрь летел на меня! Серебристый, безумный, шальной — он приближался! Несколько томительных секунд... Глаза на стене росли вместе с зеркалом, заполняя собой всю стену. Черепа на раме ожили и скалились, охваченные диким восторгом.

Я резко захлопнул книгу. Бесполезно! Моя рука оказалась зажатой в тиски между обложками и через мгновение ее закружило и завертело дикой болью. Книга задергалась и рванула куда-то ввысь.— А-а-а...— заорал я от ужаса и боли, взвиваясь ввысь, прикованный к этому куску кожи. Меня носило и било о стены и потолок, я был весь мокрый, от пота и крови и постепенно превращался в отбивную. Ведьма не отрывала от меня глаз. Ее голова с развевающимися седыми космами заполнила всю стену. Окровавленные глазницы были уже размером с таз.

И вдруг, при ударе об угол, я увидел прислоненную к стене бензопилу. Решение пришло мгновенно. Отпилить руку!!! Пусть рука уносится ко всем чертям, лишь бы сохранить жизнь! Я успел ухватить ее за рукоятку и она, к моему удивлению, заработала,

включилась сама. Раздумывать было некогда. Я начал пилить. Красные пятна залили мои глаза. Эту боль я уже выдержать не мог. Последнее, что запомнилось, мой стремительный пролет по комнате, глухой удар в дверь на улицу, распахнутое небо с холодным, острым воздухом и глухое падение на машину...

Вот и вся история, невероятная, но тем не менее случившаяся со мною, о которой я рассказал Генри Рыжему.

Он внимательно слушал, не перебивая, сочувственно вздыхая и искренне сопереживая мне. Ни капли недоверия не промелькнуло на его лице. Да, они здесь верили во всевозможные чудеса и ничего у них не вызывало сомнения. Средние века, одним словом!

Я спохватился! Кто я такой теперь? Я — тоже человек средневековья, 1358 года, да еще пленный, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Даже рейнгтон у меня отобрали и он, как занимательная железка, теперь находился у Велюнда, этого старика-мага. Спасибо, хоть не выбросили! Кстати, бензопилу тоже прихватили, на всякий случай. Сердце грело, когда я бросал взгляд на эти дорогие мне предметы моего — увы! — далекого времени.

Ну что ж, хватит стенаний, пора начинать хоть какие-то действия, извлечь пользу из нашей длинной дороги, попробовать сориентироваться во времени, поизучать обстановочку.

— Генри, теперь твой рассказ. Кто эти люди, что захватили нас в плен и куда мы направляемся? Да и кто ты, черт побери?

— Я? Я — сеньор по прозвищу Генри Рыжий. Правда, рыжая у меня теперь только борода, да немного волос на затылке, но было время когда у меня была густая шевелюра! И никого не было сильней и веселей меня во всей округе. Я мог сутки скакать в седле, не уставая. Я люблю войну! Какая радость — битва! Ломать копья, протыкать щиты, разрубать вороненые шлемы, бить и получать удары! Ты знаешь, меня охватывает ликование, когда я вижу в походе вооруженных конных рыцарей, мне нравится, как они устремляются вперед! Нет войны без пожаров и крови! Однажды, при взятии одного города, я развлекался тем, что раскладывал на улицах трупы убитых в обнимку с мертвыми ослами и собаками. Мои вассалы верны мне и любят меня — тут он споткнулся,— а эти... эти несколько человек... таких уолюдков ведь везде хватает. И потом, это ведь не все мое войско!

Черт меня угораздил поехать таким малым количеством! Так, хотелось поскакать немножко, поразмять кости. Вот и поразмял.

— А нынешний наш хозяин? — спросил я.

— Артур, его имя — Артур. Наши кланы воюют не так давно. Правда, я запамятовал, как и почему это случилось. Да он, в

общем-то, неплохой малый, если бы... если бы не одно обстоятельство... Да вот, скоро мы придем на место, увидишь все сам,— вдруг скороговоркой заговорил он. Сеньориальная вендетта — суровая штука! Я попробую рассказать тебе все подробнее.

— Генри, ты говоришь, есть одно обстоятельство.

— Да,— он замолчал, внимательно глядя мне в глаза.

— Генри, говори, черт побери! — не выдержал я.

— Ладно. Тебе не помешает знать правду. Раньше Артур не брал в плен моих рыцарей, драка велась честно. А теперь... Понимаешь, там, в городе, случилась страшная беда... Есть там один колодец. Посреди площади. И там поселились мертвецы.

— Мертвецы?! — вскричал я.— Что за чушь ты несешь? Мертвецы мертвы, как они могут где-либо селиться?

— Там поселились мертвецы,— упрямо повторил Генри монотонным голосом.— И они требуют дань, им нужна кровь, человеческая кровь, кровь живого человека.

— Зачем?!

— Не знаю. Те, кто видел, говорят, это страшное зрелище.

— И?!

— И мы — будущие жертвы этого колодца.

— Ты шутишь?!

— Отнюдь,— Генри усмехнулся,— увидишь скоро все сам.— Ну, не стоит все так близко брать к сердцу,— начал было он успокаивать меня, увидя мое перекошенное лицо,— впереди еще есть время.

_ Время? Какое время? — меланхолично пробормотал я.

_ Ну, знаешь ли, я бы сам так поступал с пленными, случись в моих владениях такое, тьфу, не дай Бог!

Этого мне еще только не хватало! Мало мне было приключений! Будет что вспомнить с приятелями... Если, конечно, выживу в этой безумной, фантастической истории. И если, конечно, вернусь назад. Возможно ли это? Надо подумать. Надо крепко подумать. Но, если я прилетел сюда, пусть на этом фантастическом вихре, неужели не найдется способа, который отправит меня назад? Конечно, есть! Должен быть! Надо только более внимательно следить за тем, что происходит.

— А ты, Генри, циник, каких мало,— заметил я._

Своей жизни тоже не жалко?

А, брось. Каждый день прощаться с жизнью, времени на жизнь не останется. Держись, парень, авось что-либо придумаем! Кстати, звать-то тебя как?

— Эшли. Эш,— поправил я.

— О'кей!

Так мы переговаривались, бредя по равнине, пока на следующее утро, на рассвете, не показались вдали крепостные стены. Это был город, к которому лежал наш путь. Феодальный город не мог существовать без крепостных стен. Городские укрепления представляли сложную систему сооружений. Зубчатые стены этого города были воздвигнуты над рекой. Они были укреплены башнями, которые господствовали между ними.

По мере приближения к городу, я начал испытывать волнение. Сколько замков готического стиля я видел в своем, 20 веке! Это были музеи, мертвые, застывшие. Туристы равнодушно прохаживались по залам, еле прислушиваясь к словам экскурсовода, потом фотографировались на память и все — ехали дальше. Здесь же все дышало жизнью, каждая вещь имела свое предназначение. Воины, выглядывающие из башен, заметили нас, замахали флажками, отовсюду послышались звуки рожка. Нас ждали.

И вот, тяжелая литая решетка плавно поднялась над нами. Мы вступили под своды стен. Полумрак и сырость охватили меня кольцом. Сердце бешено застучало. Какая бы опасность ни таилась там, в этом городе, сейчас я увижу неизвестную мне, настоящую жизнь Средневековья. Пройдя широкий каменный коридор, мы, в сопровождении всадников, медленно вошли в город. Солнце светило по-прежнему ярко.

Мы шли по улицам, узким, шириной в семь — восемь метров, медленно продвигаясь среди толпы жителей к центральной площади. Особенно много было девушек и молодых женщин. Они жадно бросались навстречу всадникам, окружавшим нас, ища своих возлюбленных, мужей, отцов, братьев.

— Артур! Артур! — звонкий голос заглушил все остальные. Артур, где мой брат? Ведь он всегда был рядом с тобой! Я не вижу моего брата!

Девушка, юная и грациозная, с густыми, раскинутыми по плечам волосами, метнулась из толпы навстречу нашему сеньору.

Артур, что же ты молчишь? Что случилось, отвечай!

— Шейла, Шейла, дорогая Шейла, возьми себя в руки, попытайся понять...

— Нет, нет, это неправда. Артур, это не правда? Может быть, он замыкает отряд? Он задержался, да?

— Шейла, выслушай правду! Твой брат погиб. Погиб. Но тело его мы захватили с собой и оно действительно в конце колонны. Он будет погребен по христианскому обычаю...

— О, я знала, я знала что это случится! Я знала, он погиб! Вчера я видела во сне, будто держу на коленях голову кабана, которая пачкает мое платье кровью. И я поняла, что больше не

увижу своего брата живым! Проклятье! — она метнула взгляд на нас.— Проклятые псы!

Ее взгляд на мгновенье задержался на мне. Наши взгляды встретились.

— Это он! Он во всем виноват! — разъяренной тигрицей она метнулась ко мне.

Я был скован цепями, да еще с деревяшкой на шее, поэтому мне ничего не оставалось, как ждать, когда закончится нервный припадок этой девицы — Шейлы, как там ее кличут. Правда, можно было поднять руку и огреть ее хорошенько цепями, тем более, что к брату ее я отношения не имел никакого, но рука у меня не поднялась. Врезать хорошенько женщине до сих пор не было в моих правилах, да и красива она была — лицо дышало такой страстью, таким огнем, что невольно возбуждало. И несколько иные мысли проносились в моей голове.

Шейлу оттащили довольно быстро, и она пошла в стороне, что-то горячо доказывая Артуру. Они шли рядом, Артур держал под уздцы своего коня и хмурился, глядя на мостовую. Капли слез застыли в уголках глаз этой красотки, грация сквозила в каждом ее движении и ярко алое платье подчеркивало красоту черных волн ее волос и смуглую, тонкую кожу.

Между тем, нас осыпали проклятьями и насмешками, пока мы, наконец-то, не вышли на площадь.

Громадный собор возвышался в центре, как символ могущества церкви. Меня потрясли высота этих легких стен, стройность пилястров, на которые опирались стрельчатые дуги, башенки и шпили, огромные окна. Каменные фигуры украшали порталы этого храма. Цветные стекла витражей, причудливо преображали солнечный свет, создавали иллюзию, что все эти персонажи, изображенные на них, сейчас оживут.

Напротив, как я потом узнал, размещалась городская ратуша. Ратуша — это символ городской независимости. Нижний этаж ее занимал склад, или арсенал, если говорить точно. Над ним находился парадный зал и несколько помещений для заседаний. Над ратушей возвышалась башня — беффруа, как они ее называли. В ней висел набатный колокол, хранились городские хартии и казна.

Нас начали выстраивать полукругом и я сразу не понял принцип этого построения.

Толпа все прибывала, возбужденно шумела и волновалась. Я увидел множество глаз, с ужасом, состраданием, любопытством, злорадством, радостью, смотрящую на нас! Какое море чувств! Какие диковинные наряды, прически, украшения! Мужчины в дорогих, тонких суконных костюмах, отороченных мехами. На

некоторых были надеты безрукавки, с разрезами по бокам. Синие, красные, зеленые цвета преобладали в их нарядах, на тонких поясах были прикреплены необходимые им предметы — ключи и кошели. А женщины! Тонкие ткани обтягивали торс, а начиная от бедер, книзу, платья были сшиты из другого куска материи и представляли, по сути, зародыш юбки. Рукава, узкие сверху, начиная от локтя стремительно расширялись. Ворот и обшлага были украшены вышивкой. А кружева! Их было такое множество, что рябило в глазах. Одежда и подчеркивала фигуру и свободно развевалась. И лишь наряд Шейлы, своим благородством и простотой, подчеркивал подлинный аристократизм и знатное происхождение. Да и она не нуждалась во всей этой мишуре — ее красота затмевала всех.

— Куда ты смотришь,— подтолкнул меня Генри, звеня цепями,— смотри прямо перед собой!

И тут я увидел... Я увидел резко очерченный, невысокий, каменный цилиндр серого цвета. Колодец! Так значит, все это не байка, рассказанная для того, чтобы скоротать время!

Все это правда!

Ну что ж, посмотрим, что будет дальше! Какие-то изменения произошли все же во мне — я так много успел пережить, перетерпеть, что уже устал и удивляться и бояться. Словом, я готов был ко всему! И главное, готов был драться за свою жизнь, как дикий зверь, всеми способами, которые могут мне подвернуться.

— В колодец! В колодец1 — скандировала толпа, возбужденная сверх меры предстоящим зрелищем.

Я озирался, стараясь не упустить ни одного мгновения из происходящего. Генри же, напротив, был спокоен и лицо его выражало скуку и усталость.

Внезапно, мой взор остановился на некой старухе, стоящей чуть впереди толпы. Я успел уловить ее взгляд, устремленный на меня. Но она тут же отвернулась, сделала шаг назад и скрылась за спиной одного из зрителей. Я успел узнать ее!!! Это была она, старая ведьма, благодаря которой я попал сюда! Она была здесь, в этом городе, на этой площади. И она наблюдала за мной!

— Старая дрянь! Ты здесь, ты со мной! Но теперь я уже не боюсь тебя! Я стал другим! Перенесенные страдания не сломали меня, а сделали только сильнее!

И вдруг, меня озарила новая мысль! Ведь если она здесь, если все еще наблюдает за мною, если не оставила меня в покое, значит, боится чего-то! Боится каких-то моих поступков, которые могут повредить ей и Злу, которому она служит! А значит... Значит, я могу еще побороться, могу попытаться вернуться назад!

Я еще могу повредить ей!

И я максимально сосредоточился на происходящем. Казалось, весь город собрался у колодца. И тогда Артур вышел вперед.

— Вы знаете, в наших краж пробудилось Зло. И мой народ сражается с ним, не жалея жизней! А ты, Генри,— он раздраженно повернулся к нам,— восстал против нас! Обнажил свой меч!

— Нет, это ты поднял меч против моего народа,— холодным спокойствием повеяло от Генри. И это Зло, о котором ты говоришь, преследует и мой народ!

— Твой народ ничем не лучше, чем ты! Развратный и подлый тип! — Артуру явно не хватало выдержки.

Но тут Велюнд, отстранив рукой Артура, положил конец начавшейся было перебранке.

— Сегодня у нас тяжелый день! День жертвы! И мы отдаем эту дань, с болью в сердце! Ради жизни всех остальных, ради нашего города, ради спасения всех, мы жертвуем немногими. Да смилуется Господь над вашими душами!

Голос его дрогнул, он внимательно обвел глазами всех нас и взгляд его остановился на мне. Казалось он что-то хотел спросить у меня, слова готовы были сорваться из его губ... Но нет, он молчал, как будто чего-то выжидая...

Шум возобновился.

— Прикончить этих кровожадных подонков и разговор с концом!

— Быстрее! Быстрее!

— Бога ради!

И в этом шуме и визге загипнотизированной толпы, несколько человек выхватили какого-то несчастного стоящего с краю и потащили к страшной дыре колодца. Обреченный кричал, отчаянно сопротивляясь. Такая боль слышалась в его голосе, что я содрогнулся! Но всем было все равно. Лишь глаза горели огнем диких зверей и вопли, вой стояли кругом такие, как будто они хотели любой ценой заглушить страх, который гнездился в каждой душе. Бедняга затих, прощаясь с жизнью. И, уже обмякшее, сдавшееся тело подтащили к бордюру и швырнули вниз. Толпа стихла. Как будто некто, невидимый, подал знак и все подчинились ему. Томительная тишина повисла над площадью. Ожидание застыло на лицах, мертвыми масками уродуя даже самых красивых и привлекательных. Я поддался общему состоянию и тоже стоял, застыв, как столб, глядя в сторону раскрытой пасти колодца...

...Мощный, сильный, высотой метров в двадцать, фонтан крови рванул вверх!!!

Дикий вопль ужаса, раздавшийся в ответ, казалось, вылетел

из одной глотки! Это были уже не люди, это были некие фантомы, с безумными глазами, лишенные всех человеческих качеств, забывшие, кто они, где они, забывшие свое прошлое и не верящие в будущее. Кровь, кровь, кровь бушевала вокруг!!! Струя взлетала вверх и исчезала опять. И каждый взлет этой кровавой струи вытравлял все живые чувства людей! Зло торжествовало свою победу!!! Тень смерти блуждала на лицах горожан.

Старуха, моя тень, мое проклятье, уже не прячась, выскочила вперед и кривлялась, вакхически извиваясь в диких телодвижениях! Она праздновала победу!

Я столкнулся глазами с Шейлой. В них стоял такой ужас, что я невольно отвел глаза. Но было уже поздно! Ее взгляд зацепился за меня. Не думая, не понимая, что делает, она закричала: — Он! Теперь он! — кричала она в иступлении,— теперь его очередь!!!

Меня схватили тут же, сдернули цепи и поволокли.

— Пошел! Пошел!

Я упирался, как мог.

— Эй, эй, эй1 Подождите минутку! Подождите! Подо* ждите! Вы должны понять, вы должны понять. Я тут ни при чем!

— Генри, ты должен им сказать! Я ничего не сделал им плохого!

— Я не думаю, чтобы они меня выслушали, мой дорогой,— ответил мне он.

— Послушайте, я вам говорю! Я не тот, кто вам нужен! Да вы не того взяли! Я не тот, кто вам нужен!

Не помогало ничего. И тогда я приказал себе успокоиться.

— Береги силы,— сказал я сам себе и дождавшись, когда меня подтащили к самой дыре, несколькими ударами раскидал в разные стороны людишек, державших меня.

Я стоял на краю бездны и смотрел на эту толпу. Дорого я продам свою жизнь! — подумал я. И они, все как один, почувствовали это. Взгляд Генри, спокойный и внимательный поддерживал меня.

— Спасибо, старина! — мысленно поблагодарил я его.

Моя решимость, сила моего взгляда, волной ударила по людям.

— Кто? Кто посмеет подойти ко мне?! — крикнул я.

Желающих не находилось. Я заметил Велюнда. Душевное волнение, какие-то мысли, вероятно теснили его грудь. Он взволнованно, с болью, смотрел на меня. Еще мгновение — и он сделал по направлению ко мне один шаг. Какие-то слова уже готовы были вырваться у него, какие-то слова прозрения, несущие для меня что-то новое... Но нет, он на мгновение задержался, замялся... Это решило все. Мощный удар камнем в спину

разрушил настроение толпы. Я забалансировал на краю бездны. Моя неуязвимость была нарушена, растоптана и толпа радостно и возбужденно заголосила опять. Я еле удержал равновесие и оглянулся. Это была Шейла! Это она швырнула в меня камень! Чертова девка! Теперь она стояла, беспомощно глядя на меня, вдруг осознав, что она наделала. Но было уже поздно! Наши глаза встретились на фоне толпы и я не заметил, как сзади подкравшаяся

старуха нанесла мне ловкий удар, от которого я потерял равновесие и упал в бездну...

Со всего размаху я плюхнулся в воду, подняв со дна густую, тягучую слизь. Было не глубоко, чуть выше колена. Пар стоял такой, что в двух шагах невозможно было ничего различить.

Я сделал несколько шагов и взглянул вверх. Голубизна неба слепила глаза. Несколько человек осмелились подойти к яме и внимательно следили за мной. Среди них я заметил Велюнда.

— Ишь вы, сукины дети, а ну как сейчас взовьюсь фонтанчиком крови? Не боитесь замарать мордашки? — мелькнуло в голове.

Но что это? Со всех сторон, из глубины ила, стали появляться зеленые, полусгнившие руки с неестественно дтшннющими пальцами, вернее, когтистыми клешнями. Струпья выделяли гной, который сползал, сочился из вонючих отверстий. Руки тянулись ко мне, хищно загребая когтями. Потом пропадали, прятались и вырастали вновь, на новом месте. Я сшибал их ногами, так быстро, как успевал, ругаясь и отплевываясь, как сшибают гнилушки, проходя по лесу. Внезапно, с диким визгом, из глубины пара выскочил полусгнивший труп и сразу же набросился на меня. Его морда, изъеденная червями, была перекошена от ненависти и злобы. С размаху он вмазал мне в рожу кулаком, на удивление крепким, как железо. Я рухнул в вонючую жижу. Падаль тут же завизжала, как свинья, перед смертью! Но я уже успел вскочить на ноги. Слава Богу, мои мысли никогда не отставали от действия. Вот уж где я использовал мои уроки восточной борьбы! Я бил и бил его, забыв, что это гнилое мясо, не испытывая ни омерзения, ни каких либо других чувств! Мертвец кувыркался, как клоун, летал, как волейбольный мяч, пока, наконец, последним, точным ударом я не послал его назад, в потусторонний мир.

— Убил!!!

Эхо отозвалось наверху. Мои болельщики стонали и переживали за меня.

— Ничего, божьи твари, я еще выберусь к вам! Вы еще попляшете у меня!

Новая рожа, страшнее первой, появилась из тумана. Я орал, охваченный жаждой убийства и наносил удары, не задумываясь.

— Так!

— А теперь так!!

— А так не хочешьШ

Гниющая масса сопротивлялась, как могла. Я же про должал бороться за свою жизнь. Зеленая гниль, упругими струями рвалась из трупа, слепила мне глаза. Оскаленный череп страстно стучал зубами.

Но что это? Две решетки, с остро отточенными пиками, медленно стали надвигаться друг на друга. Они ползли из тумана, напоминая собой распахнутую пасть акулы, с рядами острых зубов. А мы посередине! Какой конец меня ждет?! Какая сволочь включила этот механизм?!

— Эй, пришелец, держи! — раздался сверху голос Велюнда. Бензопила! Старикан оказался не лыком шит, сообразил, что мне нужно сейчас! Метко брошенная бензопила точно попала в мою левую руку.

— Ну, теперь держитесь, суки!

Я резал и рвал гниющую плоть на мелкие куски и она разлеталась в разные стороны, взметалась вверх и плюхалась в воду! Охваченный жаждой убийства, я уже не мог остановиться! Кусок руки, отпиленной на лету, так высоко взвился вверх, что залепил морду моей старухи, тоже пристроившейся у колодца и глядящей вниз.

— Получай, старая падаль!

Я захохотал и пнул еще одну дрянь на пики, которые продолжали медленно сходиться.

— Пора заканчивать это веселое мероприятие,— подумал я, заметив цепи, по которым легко можно было выбраться наверх.

Я ухватился за них и стал медленно подниматься. Еще одна вонючка, вынырнувшая из воды, ухватила меня за ботинок. Падаль вцепилась мертвой хваткой, опутывала и тянула вниз. Казалось, еще мгновение и я упаду. Я уже начинал выдыхаться и держался из последних сил. Но решетки, с острыми пиками сошлись вовремя! Гнилушка попала ровно посередине и с воем размазалась о железо!

Все было кончено. Я стоял наверху. Дрожащие от ужаса люди расступались передо мною.

_ Артур! Сукин сын! Бизонье говно!

Артур стоял напротив меня, широко расставив ноги и не спускал с меня глаз.

— У тебя шнурки развязались! — рявкнул я ему, еще не отойдя от безумной драки.

— О'кей! — процедил Артур,—за эту наглость ты умрешь!

Его светлые, холодные глаза совсем побелели от гнева.

Резким рывком он выхватил свой меч из ножен. Я огляделся. Велюнд стоял совсем рядом. Моя винтовка висела у него за плечами. Рывок — и я сорвал ее в одно мгновение! Я действовал, как заведенный автомат, еще не успев остыть от колодезного побоища.

— Ну, теперь я покажу вам, примитивы, технику двадцатого века!

Прицелившись, я в одно мгновение сшиб острие шпаги Артура.

— А-а-х!!! — вопль удивления одним вздохом вырвался у толпы.

Еще несколько метких выстрелов окончательно все поставили на место. Я сшиб их флаги, украшавшие ратушу, пристрелил парочку собак и продырявил шляпы у нескольких ротозеев.

— Ну, кто хочет еще попробовать? Кто следующий? А?! Ну?! Может, ты? Кто хочет еще получить?! А? Кто?! Ты?! Хочешь? Хочешь немножко?

Люди в ужасе отступали, образовывая все больше пустого пространства вокруг меня.

А я уже зашелся. Бешенство продолжало накатывать волнами не стихая. Я еле сдерживался, чтобы не перестрелять всех вокруг! И вдруг мой взгляд остановился на Генри. Генри!!! Генри по-прежнему стоял в стороне, на том же месте, закованный в колодки и внимательно вглядывался в меня. За все это время он не двинулся с места, а теперь, в его взгляде я уловил недоумение. И тут я понял, еще один выстрел, и я превращусь в одного из тех слабонервных козлов, которых можно лишь презирать. И дело не в том, что я прочту в глазах Генри, дело во мне самом. Дело в том, как я буду ощущать себя потом, в этом мире.

— Эй, отпустить их,— заорал я.— Подать им лошадей!

Лошади были доставлены немедленно.

— Садитесь! Садитесь на лошадей и валите отсюда! Снять с них колодки!

Первым освободили Генри. Он подошел ко мне, врезал по плечу и, ничего не сказав, шагнул по направлению к лошади.

Пленные лихорадочно растирали затекшие руки и спешили к седлам.

Толпа молча наблюдала за нами.

— Открыть решетки! — приказал Артур

Его вассалы, вместе с освобожденными воинами устремились к воротам.

Генри, как будто желая еще немного подразнить публику, объехал круг по площади.

Стой! он на мгновение приостановил коня возле меня.— Спасибо тебе, великодушный хозяин,— раскатисто заржал он и рванул вон.

На площади установилась звенящая тишина.

— Ну, ладно, вы, примитивны и чудаки,— уже успокоившись, заговорил я.— Слушайте внимательно! Смотрите, видите вот это? Это — моя волшебная палка! Двенаддатазарядный рейнгтон, марка С-12, последняя модель, продается в отделе спортивных товаров. Совершенно верно, я вам говорю! Изготовлена в штате Мичиган, Соединенные Штаты Америки! Розничная цена примерно, 199! Приклад из орехового дерева, нержавейка! Отличный спусковой крючок! Если покупаете, то покупайте с умом! — я палил словами без остановки.

— Дошло!?

— Да! Да! Да! Дошло! — как гуси, вразнобой загоготали все вокруг.

— А теперь, клянусь вам, если кто-нибудь из вас, приматы, до меня дотронется, ему кранты!

Победа была полной и окончательной. Я взял верх. Даже Артур смирил свою гордыню. Только вот, старуха моя куда-то запропостилась. Нигде не видно. Скорее всего, в минуты моего торжества у нее начинаются колики и она исчезает, чтобы повыть от злобы в каком-либо заплесневшем местечке.

— Хочу ужинать! Женщина! — ткнул я пальцем на одну из красоток,— принеси мне поесть.— А ты,— бросил я другой,— выпить, да чтобы не какой-нибудь дряни! Надеюсь, у вас есть что-либо приличное! Пошевеливайтесь! А вы,— повернулся я к толпе, — расходитесь! Рты-то захлопнуть не забудьте!

...Конечно, мне выделили лучший дом и лучшие покои. У меня, скорее всего не хватит запаса слов, чтобы передать их великолепие. Лучше опишу одну из комнат, где я возлежал, подобно королю и вкушал различные яства. Потолок, в этой огромной комнате был расписан под небо с Млечным путем. Созвездия, знаки Зодиака, Солнце, Луна, планеты — чего там только не было! Мне ооль-ше всего нравился знак Льва, может быть, потому, что я родился в августе. Пол был вымощен мозаикой, изображавшей карту мира, в их понимании, конечно. Ведь Америка еще не была открыта! Да и все остальное представление о мире, вызывало лишь смех. Зато диковинные звери и чудовища, там и сям разбросанные по этой, якобы карте, были хороши! Приятно было потоптаться по их мордам и хвостам! Ковры закрывали стены, на них были изображены сцены

из Ветхого Завета. Громадную кровать с балдахином поддерживали восемь статуй. И на ней возлежал я, отдавая приказы юным красавицам.

Велюнд, было сунулся ко мне, но я приказал ему выйти. Успеется еще! Потом! Надо же немножко прийти в себя!

Господи, что я там ел! Я не знаю, что там ели простые жители, но я ел,— нет, я вкушал, объедался, накачивался какими-то фантастическими блюдами. Жаркое из ягненка, каплуны в горшке, копченые угри... А какая ветчина! А сыр! Но вино превосходило все! Оно было настоено на орехах со специями — корицей и имбирем! Еще мне подавали эль, так называлось ячменное пиво. Я пил его, опрокидывая кубок за кубком. Я обжирался и отлеживался. Я брал реванш за пережитое!

Не мешало бы еще сказать о процедуре еды. Перед каждым новым блюдом слуга трубил в трубу, пока я не выгнал его к чертовой матери. Руки мылись в серебряном тазу, украшенном узорной росписью тонкой ювелирной работы. Тазы были наполнены водой, с лепестками роз и благовонными травами. Больше всего насмешили меня их магические предметы. Это были — рог единорога, на самом деле нарвала, окованный золотом и так называемый лангье — подставка из драгоценных металлов. На ней были размещены так называемые «змеиные зубы» — я думаю, это были зубы акулы. Считалось, что при соприкосновении с отравой, рог единорога начнет кровоточить, как и змеиные зубы. Темнота, дремучесть, что говорить! Мрачное Средневековье!

Провалявшись пару дней, я позволил себе небольшое развлечение — разрешил Велюнду посетить меня. Честно говоря, мне уже прискучило так валяться.

— Ну, что скажешь старик? Говорят, ты маг и можешь все. Я хочу убраться отсюда, пока цел, в свое время. Ты должен знать, как это сделать! Ну, так что, можешь ты меня отправить обратно?

— Этой властью обладает только никрономика, Сатанинская книга, которая нужна и нам. Там есть страница, на которой сказано, как отправить тебя домой. Только ты, пришелец, ты можешь добыть эту книгу!

— Мне эта ваша книга не нужна. И вся эта лабуда тоже не нужна. Отошли меня назад, в мое время. Быстро' Понял?!

Это невозможно. Ты прислан небесными силами, чтобы помочь нам. И лишь выполнив эту миссию, ты сумеешь вернуться назад. Такова воля Всевышнего.'

— А если...?

— Если ты откажешься, мой народ погибнет от сил Зла. Но и ты конечно, вместе с нами.

— Ну, ну старик, не дури! Если я тот самый пришелец, который вам нужен, как ты позволил, чтобы меня забросили в тот колодец?

— Я хотел проверить, ты ли это тот посланец, о котором написано в священной книге.

— Хороша проверка! Меня ведь там могли разорвать, эти ваши мертвые хари!

— Но ведь не разорвали!

— Еще чего! Я свою жизнь так, за здорово живешь, не отдам!

— Твоя сила и страсть спасли тебя. Это и доказало, что ты — наш избранник.

— Черта с два! Вы что, хотите получить мой труп, а потом сотворить из него святые мощи и бить молитвы в своем Соборе? Скорее вы расшибете свои лбы и ваши мозги окажутся на паперти, чем я займусь поисками этой книжонки!

— Не богохульствуй! Подумай хорошенько. Ведь откажи ты нам, и тебе никогда не увидеть свой век. Лишь в той книге есть страница, где указан твой способ вернуться назад,— старик не спускал с меня глаз.

Знал, чем взять, старая развалина! Я уже давно перестал колебаться в душе. Я понял — мне придется отправляться в путь. Просто старался оттянуть немного время.

— Ладно. Хватит в бирюльки играть! Я согласен.

Безумный вой и грохот заглушили мои слова. Где-то

под потолком раздался страшный удар грома и буквально из пустоты, из ниоткуда возникла моя старушенция. Она взвилась под потолок и орала, безумно оскалив пасть и брызгая ядовитой слюной!

— Ты умрешь! Вы все умрете! Тебе никогда не достанется никрономика! Она нужна нам! Мы победим!!!

Я тут же запустил в нее тяжеленным кубком серебряного литья. Плясь! Точный удар, прямо в морду!

Старуха ляснулась, как подкошенная и затихла. Я направился к ней. Надо проверить, неужели расшибла мозги?

И мою, уже было протянутую руку, резко отбросил подоспевший Велюнд.

— Не трогай! Это ловушка!

Тварь тут же перевернулась и завыла.

— Возьми топор!

— Убить ведьму!

Пулей она взлетела вверх! Я тут же запустил в нее кинжалом, вылявшимся на столе.

— Попал! Ну что, старая стерва, довольна? А ну, иди сюда!

Заляпанная вонючими помоями, сочившимися из ее открытой

раны, ведьма с визгом испарилась.

— Теперь ты понял, что происходит? — спросил Велюцд.— Если никрономика останется в руках мертвых, все человечество погибнет, в мире победит великое Зло. Ты обязан отправиться на поиски книги!

— Я согласен. Сколько можно повторять! Согласен!

Но через пару дней что-то неладное стало твориться

с моей правой рукой. Хотя боли я почти не ощущал, рука напухала, начала сочиться кровь и красное пятно потихоньку поднималось все выше и выше.

Велюнд заволновался.

— Я знаю цветовую гемеопатию,— сказал он мне,— я соберу сочетание известных лишь мне красных камней и остановлю кровотечение и гангрену. Он так и сделал. Мы подождали день. Поздно! Гангрена медленно и верно ползла вверх!

— Я знаю, это ведьма наслала на тебя порчу! Она хочет помешать нам в нашем деле. Придется отрезать кисть! — резко и решительно сказал Велюнд.

Отрезать! Я и сам это понимал!

— Только как вы будете это делать? Вы, дикари, что вы знаете об анестезии, о хирургии, наконец?

Велюнд усмехнулся.

— Мы знаем то, что забыли вы. Я умею готовить разные зелья и напитки. Пожалуйста, на любой вкус! Любое возбуждающее средство к твоему удовольствию! А может нужен любовный напиток? Нет ничего легче! Но тебе я приготовлю зелье, от которого ты уснешь и не будешь ничего чувствовать. Лишь галлюцинации будут наполнять твой мозг. Они могут быть на любой вкус, можешь заказывать.

— Ну ладно, валяй! — согласился я. Все равно, **дру-**

гого выхода не было.— Но я хочу видеть Лондон, и мой двадцатый век, коней двадцатого века.

— Хорошо!

Меня уложили на кровать, дали глотнуть какую-то терпкую, красную жидкость и я провалился — провалился в свое прошлое. ...Я бродил по улицам Лондона, заглядывал в кафе, бары, но какая-то тоска мешала мне в этих снах, чего-то недоставало. Сгоп! Я понял, чего! Там почти не было людей. Город был пуст. Лишь изредка мелькали прохожие, но они были похожи на тени, на бесплотные существа. Безлико серой массой появлялись они из тумана и исчезали так же незаметно и молча. Да! Тишина, вот еще одна странность этих галлюцинаций.

...Я с трудом вырывался из этого бесконечного сна. Все еще бродя по Лондону, я начал слышать какие-то голоса. Вот ко мне

прорвался голос Велюнда, вот еще один знакомый голос его помощника... Некоторое время эта раздвоенность рвала меня на две половинки. Сердце рвалось в сон, в мою прошлую жизнь, действительность призывала меня в мое настоящее.

И мир осязаемый потихоньку возвращался.

Я открыл глаза и сразу же столкнулся взглядом с Велюндом. Он облегченно вздохнул.

— Наконец-то! Мы уже решили, что опять вмешались какие-то сатанинские силы и ты никогда не придешь в себя. Может, так оно и было, но видно, ты крепкий орешек! Молодец, выдержал!

— Сколько длилась операция?

— Дорогой, ты уже три дня лежишь без сознания. Еще немного, и ты бы не вернулся в мир живых.

— А рука?

— Рука в порядке. Посмотри!

Я посмотрел. В порядке. Да. Культя без кисти. Правда, рана начала затягиваться. Да. Это правда. В мастерстве им не откажешь.

...Мне пришлось проболтаться так пару недель. Я уже как свои пять пальцев знал этот город. Велюнд мужик мудрый, мы много беседовали с ним.

— ...Ты хочешь сказать, что знаешь будущее? — недоверчиво вопрошал я.

— Я вижу 'это будущее, как вижу тебя.

— И что же ты видишь?

— Все. Что тебе интересно?

— Многое! Например, когда на Земле наступит покой, гармония, закончатся войны?

— Счастливая эпоха для землян наступит не скоро. В 2025 году. На Землю придет новый Христос. Он и спасет мир.

— Когда же он родится?

— В 1994 году.

— Ха! И как он будет выглядеть?

— У него будут проникающие голубые глаза, буйная копна волос на голове и девять стоп росту.

— А эти разговоры о конце света, сказки для дураков?

— Если бы... Но ты можешь не волноваться. Конец света наступит в 11 991 году.

— А что еще плохого нам принесет двадцатый век?

— Вас поразит болезнь. Страшная болезнь. Через кровь и соки любви будет получена многомиллионная жатва смерти.

— О, это СПИД! Эта болезнь уже есть в моем времени! Но излечима ли она?

— Да. Лекарство от смертельной болезни можно найти от

африканского растения. Имя ему — «Птагос».

— Ну, уж, и загнул ты. Кто это знает и где это искать?

— Это должны сделать вы сами. Никто за вас не может ничего изменить в вашем времени.

— А я? Как я могу изменить что-либо в вашем времени? Имею ли я право?

— Да. Ты послан Богом. О тебе написано в священной книге. Правда, способ твоего перемещения во **Бремени** был **несколько** иной. Но **вмешались** силы Зла. И поскольку, **отменить** волю Божью никому не дано, они перебросили тебя своим способом, решив любой ценой нарушить ход истории. Вот почему я не узнал тебя сразу.

Но, если говорить начистоту, то кроме таких бесед, у меня были развлечения и иного порядка. Конечно, это, в первую очередь, трактиры. Вино там лилось рекой, но меня притягивало туда другое. Люди есть люди, они умели веселиться во все времена. И все-таки, это была другая эпоха! Нализавшись до упора, они начинали напевать свои средневековые песенки, рассказывать такие истории, так проходились по моим ушам, что я от удивления не мог опомниться. Любимая тема была — женщина и дьявол.

— Что такое женщина? Что такое женщина для мужчины? Это ненасытное животное, это постоянное беспокойство, это непрерывная борьба, это буря в доме!

— А как любят женщины бесов!

— Одна баба пришла к колдунье, хотела избавиться от бесплодия, и зачала с помощью бесов. Но когда новорожденного принесли крестить, из его тела вышел змей а младенца выбросили в канаву.

Знаете, я приехал из Вормса, там приключилась вот какая история. Жила одна парочка, муж да жена. И жена рожала одних только дочерей. При рождении третьей или четвертой девочки, муж в раздражении пожелал жене, чтобы она родила козу или собаку. И на следующий год она действительно родила собаку и козу! Их потом закопали в землю.

— А у нас один крестьянин захотел свою жену против ее воли, и в конце концов она вскричала: «Во имя дьявола, утоли свою похоть». Она зачала и в великих муках родила редкостное чудовище!

— А у нас с женой одного рыцаря переспал дьявол, принявший облик ее мужа, и она родила трех чудовищ, одного со свиными клыками, другого с длинной бородой, третьего — циклопа!

— А я вам расскажу про ведьм! Они вылетают из дома по

ночам, тайно собираются на свои сборища, держа в руках свечи и факелы. Потом с шумом являются черти. Хором, они призывают Дьявола! И является кот ужасного вида! Он ходит кругами, окропляя всех своим хвостом. А когда гасятся огни, начинается свальный грех!

Наслушавшись всего этого, я понял только одно,— если после таких фантазий не появится здесь Дьявол, или на худой конец, живые мертвецы, значит, в природе не все в порядке.

А потом начались танцы. Хороводы, до опупения. Я балдел, вместе со всеми.

Правда, у Велюнда на все эти хороводы было свое, особое мнение.

— Что такое танец? Что такое хоровод? Хоровод — это круг, центром которого является Дьявол. Все движутся в нем влево, по направлению к вечной погибели! Когда нога мужчины прижимается к ноге женщины или рука женщины касается руки мужчины, между ними вспыхивает дьявольский огонь! Женщина, которая пляшет в хороводе, носит колокольчик дьявола!

Признаюсь, этот дьявольский огонь, который вспыхивает между мужчиной и женщиной, как-то всегда приходился мне по душе! У девиц я не знал отказа! И даже, ко-

ззз

гда пришла Шейла, я даже ухитрился пренебречь ею.

Сначала она пришла тихо, скромно и заговорила мягким голосом:

— Прошу тебя, прости меня, милорд! Я приняла тебя за одного из людей Генри.

— Сначала хотела меня убить, теперь хочешь целоваться! Перебьешься! Вали отсюда!

Она вздрогнула и вышла. Легкое сожаление на мгновение кольнуло сердце. Что за чушь! Девок мне, что ли мало! Вон их сколько вокруг, ластятся и вьются, только позови, каждая почитает за честь услужить! Что мне Шейла! Шейла же, после этого разговора исчезла, испарилась, нигде не показывалась. Ну, и хрен с ней! Зато мне пришла в голову идея сделать себе протез. Да не какой-либо, а выковать из металла в кузнице. Я направился в кузнечный цех и с помощью надежных подмастерьев, выковал себе шикарную, подвижную кисть. Теперь, по крайней мере, я мог заехать этим, куском железа так, что очухаться после такого удара будет чрезвычайно трудно!

Я потихоньку готовился к походу.

— Куда же мне предстоит держать путь? В какую сторону? — однажды спросил я Велюнда.

— Твой путь лежит на кладбище.

— Где оно?

— Далеко за городом. Мы проводим тебя до места, до которого нам можно идти. Дальше ты все должен сделать сам.

— А как выглядит эта книга?

— Зеленоватой кожи, с застежками...

Я похолодел. Совсем как та, в моей хижине, откуда я так стремительно улетел в ту проклятую ночь.

— Я расскажу тебе немного о ней. Форма рукописи — пергамен. Но изготовлен он из человеческой кожи.

— Господи, разве это возможно?

— Я знаю, как это делается. Хотя, избари Бог, не занимался этим никогда. Когда снимается кожа с человека, понятное дело, она промывается, сушится, потом втирается мел. Мел — впитывает жир. Затем кожа шелушится с помощью острого ножа и выглаживается пемзой. Особенно тщательной отделке подлежит внутренняя часть, так называемая, мясная сторона...

— Б-р-р! Прямо мороз по коже!

— Согласен. Но это долговечно и поэтому силы Зла используют именно кожу человека.

— И эта книга такая же?

— Да. Кстати, чернила там приготовлены из крови
настоеннои на соке дубовых орешков. *

— Желудей?

— Да.

— Ну, что ж, не слабо!

Наконец, наступил последний вечер, перед моим отъездом.

Я решил провести его один. Тихо сидел в доме, развалясь на мягких подушках, попадая вино и предаваясь мечтаниям. Может быть, я даже останусь жив и когда-либо окажусь дома. И все это превратится в сон, в сказку, приснившуюся однажды... За окнами лаяли собаки. Огромная луна заглядывала в комнату. Горела лишь одна свеча и мягкие тени скользили вдоль стен. За окном пьяная компания распевала песню.

— Трубадуры! — усмехнулся я.

Ах, Донна милая, когда ж,
Найдет поклонник верный Ваш Приют, иль просто уголок,
Где б свидеться он с Вами мог.
Чтоб этот нежный стан обнять,
Чтоб Вас ласкать и миловать,
Чтоб целовать глаза и рот,
Теряя поцелуям счет.
Сливая все в одно лобзанье.
И радуясь, до бессознанья...

Дверь скрипнула. А вот и Донна. Шейла медленным шагом

приближалась ко мне. Все-таки пришла, смирила гордыню! Она подошла молча, держа в руках какое-то одеяние.

— В чем дело? А ну, закрой дверь с той стороны! Вместе с остальными примитивами сидела бы дома!

— Наш мудрейший сказал, что ты тот, кто нам обещан пророчеством. В пророчестве говорится, что пришелец отправится в поход за книгой, чтобы спасти наш народ. Он возглавит нашу борьбу против Зла.

— Я иду за этой книгой, только, чтобы домой вернуться!

— Как я понимаю, ты отправишься завтра утром,— она дотронулась до моей железной руки.

— Не трогай, пожалуйста. Не с твоим примитивным интеллектом, тебе не понять. Сплавы, химический состав, молекулярная структура. И вообще, что ты здесь делаешь?

— Я хотела сказать, что я возлагаю на тебя все мои надежды. Я молюсь за тебя! А вот это я сделала тоже для тебя!

И она протянула мне плащ, который до этого держала в руках. Это было тонкое сукно, темного цвета, богато вышитое золотом.

— Ничего! Попона моей лошади пригодится!

Резкая оплеуха была ответом мне на мои слова.

Швырнув в сторону плащ, она бросилась вон. Я оцепенел лишь на мгновение. Все то, что я прятал на дне своей души, о чем старался не думать, вспыхнуло и запылало в одно мгновение. Я бросился вслед.

— Подсласти мне губки, детка! — изрек я какую-то пошлость, хватая Шейлу за плечи.

Она повернулась ко мне. Наши глаза встретились. Где, когда и как происходит это? И что это за чувство, которое вдруг охватывает нас? Любовь? Я не знаю. Как много женщин, красивых и ярких проходит мимо; Но вот стоит передо мною она, Шейла, и весь мир летит куда-то к чертям!

Любовь — это так просто. Любовь — это так просто, когда двое любят друг друга. Время летит легко и незаметно. Слова, такие простые и незатейливые... Много на свете людей, с которыми есть о чем поговорить. Но вот, встречаешь женщину, с которой есть о чем помолчать, которой не нужно ничего рассказывать, хвастать своими подвигами, своей удачливостью. И мы вдвоем несемся по просторам нашего космоса имя которому — любовь.

И наступила ночь. Руки Шейлы, тонкие и нежные, легко скользили, лаская меня. Я оживал, загорался и пылал рядом с нею. Магия движения ее тела завораживала. Время остановило свой бег. Мы были единственными на Земле, как Адам и Ева и я

запомнил все. В том мире мы были сами собой, мы были свободны и все, что было в нас принималось и прощалось. «Сегодня я с тобой» — это магические слова. И прошлое отступает, забывается. Жизнь начинается сначала.

Я вдыхал запах ее кожи и сходил с ума. Сердце мое падало в пропасть и возвращалось назад. Какое счастье ощущать и волноваться, встречаться глазами и целовать, ласкать податливое тело, несущееся за твоим в одинаковом ритме...

Рассвет наступил внезапно. Лучи солнца скользнули по покрывалу. Пора! Лошади нетерпеливо перебирали копытами. Мои провожатые уже ждали меня. Я легко вскочил в седло.

— Эй! Эй! Вперед!

Мы летели, забыв обо всем на свете. Я вспомнил рассказы Генри. Да, что-то есть во всем этом! Часа через два одинокие деревья на нашем пути стали потихоньку превращаться в заросли леса. Вдруг лошади встали на дыбы.

— Ну, в чем дело? — заорал я, разгоряченный полетом.

— Дальше наши лошади не пойдут. Здесь начинается твоя тропа. Эта тропа приведет тебя в проклятое место, на кладбище. Там хранится никрономика. Когда ты снимешь книгу с пьедестала, нужно произнести слова: «Кла-ту. Верата. Никто».

— Повтори!

— Клату. Верата. Никто.

— Еще раз.

— Да, усвоил. Усвоил. Усек! Выучил я эти твои слова. А теперь, ты запомни, вы все запомните, если я добуду эту книгу, вы меня отошлете назад. После этого мы с вами не увидимся никогда!

Мы разъехались в разные стороны. Я пришпорил коня и рванул вперед. Но не успел я отъехать достаточно далеко, как невесть откуда взявшийся дым начал слепить глаза. Вскоре почти ничего не стало видно. Сзади раздался какой-то стук.

— Похоже на стук молотка по железу,— подумал я.

Внезапно лошадь взвилась на дыбы. По обе стороны

дороги завыл бешеный вихрь.

— Кажется, мой старый знакомый!

Быстро мчась, я старался не думать о том, что меня окружало. Деревья мертвели. *Сучья* их, покрытые белым налетом, хрустели и трещали, когда я проносился мимо. И тут, сзади, я услышал быстрый топот. Оглянулся никого!

— Боже, храни меня!

Топот приближался и вскоре я почувствовал, как на меня надвигается какая-то тяжесть. Оглянулся — опять никого! Лошадь в испуге заржала.

— Спокойно! Спокойно! Чего ты волнуешься/

Я летел уже ничего не ощущая, кроме надвигающейся сзади на меня беды. Зло!!! Вот что преследовало меня!

— Вперед! Вперед! — гнал я коня.

И тут же, с размаху, налетел на огромный старый сук, преградивший мне путь.

— Блин! — я кувырком скатился с седла.

Тут же, кто-то неизвестный врезал мне прямиком в морду! Я подскочил и бросился бежать. Небо затянуло темным покрывалом. Я спотыкался, падал, получал удары во все бока из пустого пространства. Кто-то неизвестный классно молотил по мне, а я даже не знал как ответить.

Мельница! Она выросла вдруг на небольшой поляне и медленно начала поворачивать своими четырьмя крылами.

Дверь! Бац! Я захлопнул ее изнутри. Что-то билось и ломилось ко мне.

— Ну, нет,— уперся я изо всех сил.— Нет!

Я уже почти надорвался. В горле стоял какой-то хрип, пот заливал глаза.

...Все. Все стихло сразу. Дверь успокоилась и вой прекратился. Я отвалил от двери и огляделся. Темная каморка, с низким потолком и грязным полом ничего особенного из себя не представляла. Только в углу топилась печь, как будто хозяева покинули помещение за секунду до моего прибытия.

А что это там, в глубине? Зеркало! Зеркало из моего времени, из того проклятого дома! Черепа вокруг, в раме, тут же ожили и дружно заржали, скаля пасти.

Я заглянул внутрь. Там был я! Но — какой!!! Я — полный злобы и ненависти, я — ублюдок и убийца, я — насильник и мародер, я — воплощение Зла! И я не выдержал! Хрясь! Врезал я в зеркало изо всех сил! Осколки зазвенели тонко и жалобно. И тут же раздался писк и визг! Маленькие человечки, размером с мой мизинец, выпрыгнули из каждого осколка и засуетились вокруг. И в каждом я узнал себя!

— Хи-хи-хи! — зазвенели тоненькие голоса.

— Уколем! Уколем! — визжали они.— Готовьсь! Цельсь! Пли!

Они бросали в меня какими-то горошинками, кололись иголками и скакали, как пинг-понговские мячи.

— Ах, вы маленькие гниды! — в отчаянии процедил я, протыкая одного из них вилкой.— Ах вы, гниды, паразиты, мелочь пузатая,— я схватил в горсть несколько маленьких попрыгунчиков и с размаху швырнул их на раскаленную плиту!

— Ш-ш-ш! — зашипело горящее мясо.

На моей руке вздулся пузырь, как от ожога.

Но тут я вошел в раж! Я гонялся за ними повсюду и топтал, топтал их, изо всех сил размазывая по полу.

В Лондоне разрушен мост, в Лондоне разрушен мост,— напевал я.— Кто не верит, тот прохвост! Кто не верит, тот прохвост! — подхватили тоненькие голоса!

Сукины щенки! Им все, как с гуся вода!

Мои ботинки скользили по мокрой жиже, которую оставляли после себя их фигурки, пока я не поскользнулся на ровном месте и повалился, прямиком на раскаленную печку!

Последнее, что я запомнил, это расплавленный жар печки, и огонь, полоснувший по моей щеке!

...Очнулся я лежащим на кровати.

— Какой жуткий был сон!

Я попробовал пошевелиться, но ничего не получалось. Лишь жутко заныло все тело.

— Одну минутку! Одну минутку! О, черт возьми, а? Я же двинуться не могу!

Я лежал, связанный, опутанный миллионами канатиков и на моей груди бесновались эти маленькие чертенята. Они по-прежнему корчили мне рожи и в каждом я узнавал себя.

— Так! Давай! Подавай! Ближе! — подавали они команды друг другу.

— Раскрывай ему рот! — запищало сразу несколько голосов.

Какие-то кусачки впились мне в губы, раздирая их и я невольно приоткрыл зубы.

— Запускай!!! — отчаянно завопил кто-то из них.— Пошел!

И не успел я опомниться, как в рот мне влетел один из этих маленьких паршивцев!

В желудке сразу же поднялась настоящая кутерьма.

— Развязать! — раздалась новая команда.

И сразу же, со всех сторон заработали крошечные пилочки, загудели и запели на разные голоса. Канатики лопались на мне, трещали и я вмиг освободился от пут. Маленькие прохвосты исчезли сразу же, как и не бывало

никогда. *g.*

Я вскочил! В желудке творилось что-то невообразимое.

Этот подлец хихикал и кувыркался там, пиная меня изо всех сил! Я скрючился от боли. Кипяток! На плите стоял чайник, полный кипятка!

— Ну, хорошо, малыш! А тебе не надо горячего шоколада?

Я схватил чайник и, уже мало чего соображая, залил в глотку.

— А-а-а!!! — раздался отчаянный вопль.

— Вот так! Попробуй! Попробуй еще!!!

Вой стих. Я устало уселся на табурет. Надо передохнуть и

обдумать происходящее.

Тишина, установившаяся в каморке, даже пугала. Я ведь знал, что в покое меня не оставят.

— Что такое? Что за зуд в плече?

Я рванул изо всей силы рубашку.

— Что за хреновина?!

Кожа на плече расползлась в разные стороны и огромный глаз в упор смотрел на меня из глубины моего тела!!!

— Что это!

Глаз вылезал, выпучивался, вот показались веки, вот — щеки.

— Господи! Что это еще за дела?!

Из меня перло что-то непонятное. Все тело вытягивалось, извивалось, что-то рвалось внутри, боль охватила все члены!

— Ха-ха-ха! — заржал показавшийся рот!

Из меня вылуплялся новый человек!!! И он, как две капли воды был похож на меня! Это был он, тот, из зеркала!

Лихой способ они придумали, чтобы оживить этого подонка! Теперь мы вопили разом. Он рвался наружу, что было сил!

— Куда ты меня тащишь?! — орал я.

Я распахнул дверь и выскочил. Мрак стоял непередаваемый! Огромная луна светила в пол неба. Черные сучья деревьев извивались в непонятном ритме.

Он медленно, но верно выползал из меня. Последние усилия... Еще немного... И вот мы лежим рядом, такие одинаковые и такие разные.

И вдруг я почувствовал, что со мною что-то произошло! Случилось что-то неожиданное, необъяснимое. Какая-то легкость и свобода захватили меня. Какое-то радостное ликование разлилось по телу. Ушел страх!

Я вскочил немедленно на ноги. Мой антипод встрепенулся и через мгновение мы стояли друг перед другом.

— Ты кто? Ты что — я? — задал я нелепый вопрос.

— Нет. Я плохой. А ты хороший! Ты хорошенький! Двуногий!

Двуногий, симпатичный, В туфельках отличных!

Он приплясывал на месте, размахивая кулаками.

Двуногий, симпатичный,

В туфельках отличных!

И тут мы сцепились! Мы катались по земле, рыча, кусаясь и молотя друг друга что было мочи! Но победить никто не мог. Ружье! У меня ведь ружье за плечами! Я мгновенно рванул приклад. Выстрел! Он падает!

— Хороший! Плохой! Главное, у кого ружье!

— Где моя бензопила? Ага, здесь!

Я решил разрезать его на куски, для верности. Но какое же

это противное чувство, резать самого себя!

— Это тебе будет уроком! Это тебе будет хорошим уроком! — проговаривал я, готовя яму для моего злодея.

Все. Яма готова. Я забрасывал туда куски мяса, уже не боясь запачкаться.

Последней полетела голова. Она внезапно открыла глаза, когда я уже занес над ней лопату с землей.

— Ты никогда не добудешь некрономику! Ты сдохнешь на кладбище! Ты никогда не доберешься до книги! — шипел мой двойник.

— Слушай! Что-то у тебя с лицом! — рассмеялся я и плюхнул ему землей прямо в его поганую морду!

— Я еще вернусь за тобой,— успел он произнести с набитым ртом.

Через несколько минут все было кончено.

— Надо бы было как-нибудь отметить это местечко! — решил я. Крест! Надо поставить крест над этим нехристем!

Мгновенно, я сшиб две длинных ветки, сбил из них крест и воткнул в землю!

Страшный удар грома раздался сей же миг наверху! Дикая молния на мгновение ослепила глаза! И это при полной луне! Я рассмеялся опять! Больше я уже ничего не боялся. Зло вышло из меня. Силы наполнили тело и я понял, 'что добуду эту никрономику, чего бы мне это

не стоило!

Ржание коня раздалось совсем недалеко.

— Эй! Сюда!

Я легко вскочил в седло и помчался.

Вскоре началось кладбище. Повсюду валялись черепа и кости. Грудные клетки своими ребрами напоминали

клетки для птиц. Я скакал по ним, круша все на ходу.

Но вот лошадь моя встала. Все. Дальше надо идти пешком.

— Спасибо, дружище! — я похлопал ее по крупу,_

жди меня тут.

Передо мною простиралась лестница. Она вилась куда-то к верху, исчезая за поворотом.

Я стал подниматься по ней. Тяжелые, каменные ступени были влажны и холодны. По обе стороны чернела зловещая бездна. В некоторых местах, из лестницы выпирали каменные шипы, они протыкали мне обувь и я очень скоро ободрал ноги в кровь. Но я упрямо шел, все вверх и вверх и уже пройдя больше тысячи ступенек, перестал различать разницу между раем и адом. Мне казалось, что я нахожусь в центре некого шара с лестницей посередине. Великое безмолвие и беспредельность охватывали

меня все сильнее.

Но вот и конец. Передо мною расстилалась ровная каменная площадка с большим круглым, таким же каменным столом в центре. И эта наглая луна! Она занимала уже пол-неба, внимательно следя за мною и пылая тревожным светом.

Я пошел ближе. Три книги!

— Одну минутку! Минутку! Минутку! Никто ничего не говорил, что будет три книги! Интересно, что мне делать? Открыть одну книгу, или все книги, или — что вообще? Что ж!

Я подошел и открыл первую попавшуюся.

— А-а-а! — заорал я. Книга распахнулась и мгновенно затянула меня вовнутрь. Я барахтался и кувыркался в чем-то непонятном, пытаясь определить, где обложка.

— Быстрее! Быстрее! Если не найду верх, провалюсь в преисподню! — я месил неизвестность руками, она упиралась и пыталась свернуть мне шею.

— Ура! — пальцы высунулись наружу!

Я продолжал карабкаться. Наконец, пролезла голова. Я ухватился за обложку мертвой хваткой.

— Теперь уж я не отпущу тебя, кусок кожи! Небось, содрана ты с какого-либо подонка! У-у-ух! — наконец, выбрался я. Книга захлопнулась!

Что это с моим лицом? Морда вытянулась, как у лошади! Я мял ее, стучал по черепу и по подбородку. Потом начал вертеть головой. К моему удивлению, голова завертелась, как пропеллер! Сотня оборотов — щелк! все встало на свои места.

— Не та книга, — вздохнул я.— Возьмемся за **дру**гую. Например, за эту.

Я дотронулся до пергамена.

Мгновенно раскрылась огромная пасть с двумя рядами мелких зубов! Хрясь! Кусок моей руки застрял в ее глотке! На мгновение раскрылись злобные глаза и тут же исчезли.

— Ах ты, дрянь! Я с тобой еще разберусь!

Она, конечно, хотела сожрать меня! Падаль!

Я шмата л ее как только мог. Наконец, с силон отбросил в сторону! Но она плавно поднялась и улеглась на свое место.

— Что ж! Теперь дело ясное! А, да! Да! Нужно еще эти слова сказать! Да, да. Сказать слова.

Я взял в руки третью книгу.

— Клато. Грато... Никто? Нектюрн? Никель? Нудя? Нет. Но точно начиналось с «н». Начинается оно с «н», это точно! Да, я уверен, что первая буква «н»!

— Итак: Клато! Грато!.. Н-ш-хм-хм... Ну что? Нормально! Значит, все так!

Грохот потряс все вокруг!

— Эй! Одну минуту! Все спокойно! Я слова сказал! Сказал же! Сказал! Что это? Молния!

Бежать! Бежать! Сейчас же бежать! Я покатился по ступеням, сжимая в руках книгу! Я летел, оббивая бока, а ожившие кости мертвецов рвали на мне одежду, пытаясь задержать мой полет!

— Ты чего? — вопил я.

— Кляц! Кляц! — раздавалось в ответ.

— у_у-уИ! — выли они.— Ха-ха-ха,— откликалось вдалеке.

— Ну, ничего! Я вас, кости вонючие, раскидаю!

— Уф! Наконец, выбрался. Конь! Где мой конь?! Ага, Здесь. На месте.

Я пулей взлетел наверх.

— Ну, все! Мне надоело у них быть мальчиком для битья! Я свое дело сделал! А теперь я должен вернуться домой! Все, как договаривались! Хватит с меня!

Но что это? Я раздваиваюсь снова? Нет, я просто слышу своего двои ника! Он оживает! Он выбирается из могилы!

Крест с грохотом рушится в пыль!

Я обладаю удивительным даром — я могу видеть и проследить за действиями своего двойника!

— Я живу! Я живу снова!!! О ’кей!

А я скакал. Скакал как угорелый. Что-то произошло. Я еще не понимал, что.

Город, показавшийся на горизонте, горел огнями факелов на черном небе. Я приближался. Молнии ходуном ходили над башнями.

— Ищите убежища! Укрывайтесь!

— Прячьте детей!

— Убирайте лошадей!

— Произошла какая-то ошибка!

— Что-то случилось!

Крики и шум стояли невыносимые. Я подлетел к воротам.

— Открывайте! Быстрее!

— Это он! Он! Пришелец! Избавитель вернулся!

— Открыть ворота!

Я вихрем влетел внутрь. Решетка ляснулась сзади меня. В городе смешалось все. Население высыпало из своих домов, в отчаянии ломали руки женщины, кричали дети, суетились, отдавая команды мужчины.

Я скакал к площади. Люди цеплялись за меня, за збрую, за одежду.

— Ну, ладно. Ладно. Хорошо! Спасибо!

На площади стоял Велюнд. Его лицо, тревожно

всматривалось в меня.

— Никрономику! Быстрее! Ты принес никрономику?

— Да. Просто...

— Что просто?

— Да ничего. Вот она.

— А теперь, отсылай меня назад, как договаривались!

Я нервничал. Я уже понял свою ошибку. Но как трудно в этом признаться!

— Когда ты снимал некрономику с пьедестала, ты произнес магические слова? — Венлюд испытывающе смотрел мне прямо в глаза.

— Д-да. В общих чертах.

— Ты точно их произнес?

— Ну, может быть, Ну, не буква в букву... Ну, в общем, в принципе, я их произнес.

— Не будь глупцом! Если ты ошибся, ты обрекаешь нас всех на несчастье! Если ты перепутал слова, то войско мертвых поднимается и движется на нас!

Войско поднимается. Я это видел и чувствовал так, как будто был среди них. Я и был среди них, мой двойник, мое второе я, мое зло, что когда-то гнездилось во

мне, выросло в моего двойника и теперь собиралось идти на меня, на нас всех.

Но упрямый характер не желал сдавать позиции.

— Ты сказал, что я должен принести книгу. Что ты во всем разберешься. Что там есть какой-то абзац, который говорит, как мне отправиться назад.

Шейла появилась из темноты и молча стала рядом. Еще чего не хватало! Чтобы она была свидетельницей моего унижения!

— Да, книга поможет отправить тебя назад,— вздохнул Велюнд, но для нас она уже бесполезна. Эта книга, если ты не верно произнес слова, пробудит войско тьмы — и нам конец!

— Уже пробудило,— мелькнуло у меня в голове.

Ох, уж, это мое упрямство!

— Мы с тобой договаривались,— долдонил я. Тебе была нужна эта книга. Я ее доставил. То, что от меня требовалось, выполнил, теперь ты держи свое слово!

— Мы всегда держим свое слово и посему мы выполним обещанное.— Из темноты вышел Артур.— Мудрец вернет тебя назад, в твое время.

— Да? Конечно, правильно,— забормотал я совсем неуверенно,— потому-что так договаривались...

Мы стояли молча, в замешательстве. Я чувствовал себя отвратительно, но ничего уже не мог предпринять. Не оставаться

же тут навечно, в этом замке, среди этих людей... Хочу домой! Баста!

— Ну, и когда мы можем начать это? Ну, все эти, как это, ритуалы, церемонии, когда мы можем начать это? Процесс возвращения? Церемонию? А?

Шейла не спускала с меня глаз.

— Почему ты молчишь, Шейла? — мысленно молил я ее! Ведь ты же знаешь, Шейла, наша любовь — это бред, сон, миф! Мы разошлись во времени, в веках, между нами пропасть. И ни тебе, ни мне, не переступить роковую черту. Имя этой черты — Время!

Она молчала.

Кричали другие. Толпа собиралась, злобно махая руками. Второй раз я стою, как будто приготовленный к распятию. И опять на этой площади!

— Жалкое подобие человека! — кричали они.

— Мудрейший сглупил, доверив тебе это задание.

— Ему нельзя доверять!

— Он трус!

— Он не избранный!

— Предатель!

Я молча повернулся и пошел к своему дому, к своему временному дому. Распахнув дверь нараспашку, я вошел и присел на какой-то оббитый бархатом стул.

Шейла вошла следом, медленно ступая по густому ворсистому ковру. Она присела передо мною на колени и обвила руками мои ноги.

— Эш, любимый, я все равно верю что ты нам поможешь!

Что-то дрогнуло во мне! Не сдаваться! Только не сдаваться!

— Ой, Шейла,— пошел я в наступление,— неужели до тебя не дошло? Да все уже кончилось.

Что я несу? Я рехнулся, я по-настоящему рехнулся!

— Я сделал для вас все, что мог. Конечно, наверное, требовался другой мужик на моем месте, я маленько ошюша!Л.~ § общем, будь., здорова!

— Да, но а как же то, что между нами было? Все эти ласковые слова, которые ты мне говорил с глазу на глаз?

— Ну, ты понимаешь, у нас это называется постельные разговоры,— я продолжал упорствовать,— вот и все.

— Нет, это было больше, чем разговоры в постели. Я по-прежнему верю, что ты останешься и спасешь нас!

— Уйди. Уйди, Шейла, ради Бога! Оставь меня. Оставь меня одного!

Шейла замолчала. Тишина, повисшая между нами, была уже

совсем невыносимой. Сейчас все сорвется! Сейчас я сдамся и все — прощай, мой век, мой город, моя жизнь!

Я встал и, отбросив ее руки, быстро вышел вон.

Улица по-прежнему в хаосе продвигалась куда-то. Женщины с детьми, нагруженные узлами с плачем тянулись мимо.

Я понял. Они покидали город!

Я стоял на пороге и смотрел на них.

— Трус!

— Смотрите!

— Это он!

— Вот, кто принес нам несчастье!

Ничего не оставалось, как стоять и слушать.

Шейла вышла из двери и не взглянув пошла по улице. Шейла! Шейла! Если бы только я мог взять тебя с собой!

Внезапно, над городом появился громадный ящур!

Его страшная черепашья голова хищно разглядывала бегущих людей. Нет, этот кошмар никогда не кончится!

— Шейла! Он взвметнулся вверх и Шейла билась и кричала в его когтистых лапах!!!

— Помогите! Спасите! — молила она с высоты.

Лучники лихорадочно натягивали тетиву.

— Не стрелять! Вы можете попасть **в девушку! —** голос Артура звучал властно, как набат.

Да, теперь он, вождь и хозяин, **занял свое место** в авангарде событий. А я, жалкий трус, **наблюдаю, как** уносят мою любовь, и ничего не предпринимаю...

...И тут мое второе «я» пробудилось во мне. Город уплыл куда-то в сторону...

Не успевший разложиться, гниющий заживо, он предстал передо мною. Вонючий, тухлый, смердящий, он стоял над своей могилой. На груди у него темнели четыре большущих гнойника, соединявшихся в одну рану. Из этой раны исходило зловонье, отравлявшее воздух, и выползали полчища вшей. На правой ноге, как след от шпаги, был еще один гнойник — самый паскудный, грязный и вонючий. Глаза еще были целы — в них можно было прочитать лютую злобу, жестокость, коварство, лицемерие, зависть.

Будьте вы прокляты! Просыпайтесь! — взывал он к могилам. — Просыпайтесь и побыстрее! Я беру под свои знамена всех бывших воинов! Давай! Откапывай! Помогай!

На кладбище пучилась земля. Скелеты выползали из своих ям. Некоторые состояли из одних костей, на других, еще не сгнивших до конца, висели лохмотья, слипшиеся гноем с кожей. Они помогали друг другу, и скаля черепами, строились в ряды.

— Подымайтесь, воины! — продолжал мой двойник.— С возвращением в мир живых!

— Бери лопату и работай!

— Не стой!

— Мы возьмем штурмом замок!

— Мы вернем мою книгу!

— Мы выдавим их глаза!

— Повесим их над костром!

— Привяжем их к муравейникам!

— Вырвем бороды калеными щипцами!

— Сдерем с них шкуру!

— Колесуем, подвесив за сухожилия!

— Смерть живым! Смерть живым!!!

Я наблюдал глазами своего двойника, как они бесновались. Ящур! Ящур опускался к ним с небес, неся в когтях Шейлу.

— Принеси сюда девку!

Шейла упала к ногам этой гнили.

— Подсласти мне губки, детка! О-о! Да ты просто ангел, ты прелестнейшая штучка!

— Не трогай меня! Не трогай меня! Отвратительный и мерзкий! Не трогай меня!

— Ну, нет. Нет. Вот так.

...Дымка заволокла видение, пригрезившееся мне.

Я вернулся в действительность, в город.

Стоя в стороне, я прислушивался к происходящему. Артур и Велюнд распоряжались, отдавали приказания, направляли людей к выходу из города.

— Разведчики возвращаются! — пронеслось в толпе.

— Возьми его лошадь!—приказал Артур.

Всадник легко спрыгнул с коня.

Милорд! Войско мертвых собирается в лесу. Они двигаются к замку.

— Далеко ли они отсюда?

Два дня езды!

— Значит, идти они будут дольше. Тогда нам скорее нужно спасать людей! Нужно покинуть замок немедленно,— слова Велюнда прозвучали, как приказ.

— Может, лучше принять бой? — засомневался Артур?

— Так написано в пророчестве, Артур. Там все предсказано. Мы должны спасаться!

Волна стыда и гнева охватила меня. До меня вдруг дошло, что происходит. Я стою тут, подонок и мразь, я — вызвавший такое страшное несчастье на этих людей. Я стою тут и ничего не предпринимаю. Да. Я собираюсь в путь. Домой. А мою Шейлу

пусть целует и ублажает тот полутруп! И эти несчастные, через несколько дней попадут в когти к мертвецам, и те будут издеваться над ними, как им захочется.

А я? Вернувшись назад, найду ли я свой Лондон таким, как оставил? Быть может лишь толпы скелетов будут гулять по его улицам?

Я бросился наверх, по ступенькам на крепостную стену. И вот я наверху. Черное небо надо мной раскрыло свои объятия. Факелы внизу дополняли эту красочную, яркую и жуткую картину.

— Эй! Слушайте меня! Тише! Слушайте меня внимательно! С меня хватит! Хва-тит! Довольно! Хотите — бегите! Драпайте, с криком «Мамочка»! А я — я устал бегать! Я предлагаю остаться здесь и принять бой!

Скажи, все люди будущего такие же хвастуны и болтуны? — откликнулся снизу Артур.

— Нет, только я малыш! Только я такой!

Артур смолк лишь на мгновение.

— Как, интересно, мы будем сражаться с войском мертвых? Нас не защитят стены замка!

— Да и чем мы будем сражаться? — откликнулся кто-то. Словами? Большая часть наших людей уже сбежала!

— У нас осталось всего шестьдесят бойцов!

— Тогда мы призовем на помощь Генри Рыжего! Он тоже страдает от Зла. И поэтому, он не откажет нам в помощи!

— Да! Он будет сражаться вместе с нами!

— Тогда, вперед! На коней! Ты, ты и ты — вы поедете за ним!

Всадники вихрем взвились на коней и поскакали вон.

— А теперь, говорите. Кто останется со мной?! — я стоял на фоне черного неба и они все, как один запрокинули свои головы кверху, глядя внимательно на меня.

Повисла гнетущая тишина.

Я ждал.

Пауза становилась нестерпимой!

— Я останусь с тобой! — выкрикнул, наконец, кто-то из толпы.

— Можешь рассчитывать и на мой клинок!

— И на мой лук!

— И я с тобой!

— Ия буду с тобой!

— Лучники останутся все с тобою!

— Благородный Сэр!

— Мы все остаемся!

— Ура! Ура! Ура! ˆ

Так и остался. Принял командование на сеоя. Артур ходил у меня в подручных. Команды выполнялись беспрекословно! Лишь воспоминание о Шейле грызло мне сердце! Болван! Какой ценой ты расплачиваешься! Какой ценой расстаешься со своим эгоизмом! Видимо, не все зло забрал из меня мой двойник! Видимо оставил каплю, которая погубила Шейлу.

Много потерь мы несем на своем жизненном пути. Много трагедий переживает человек за свою длинную

жизнь. Но какими мы выходим из них? Ожесточаются ли наши души? Становимся ли мы более мудрыми? Учимся ли мы на своих ошибках? Прощаем ли слабости другим? Я думаю, самое трудное, это научиться прощать. Я понял это недавно. Научиться прощать и беречь своих близких. Не сдаваться, не отдавать их во власть темноты. Я знал и понимал, что любил Шейлу. Но куда девались мои силы в тот критический момент? Ведь я знал, знал в глубине души, что не брошу ее, что останусь с этими людьми до конца. Но мне хотелось еще немного повыламываться, мне хотелось, чтобы она больше попросила меня, поплакала. И каков результат? Я ее потерял.

Ну, что ж! По крайней мере покажем этим тварям, что такое белый свет! Я думаю, они быстренько захотят обратно, в могилу!

Первым делом, я отправился за своей машиной. Она была целехонька. Стояла, никому не нужная.

Я ее пригнал в крепость. Присобачил к ней лопасти в виде молотилок. Класс! Теперь можно будет крушить и дробить сучье племя!

— А что там у нас завалялось в багажнике? Так. Учебник по химии. Второй курс колледжа. Хм. Взрывчатые вещества... Страница 156. Порох! Изготовление пороха! Класс!

Я оборудовал нечто вроде мастерской. Набрал подмастерьев.

— Осторожно! Свечи держите подальше! Берем это! А теперь это! Смешиваем!

Работа кипела. Мои подручные оказались отнюдь не дураки. Мы изготавливали своеобразные факелы, начиненные порохом. Чуть-чуть огня — и полный вперед. Взрыв обеспечен!

Наладив производство, я занялся сойм войском. Выстроил их рядами друг за другом и показал некоторые нехитрые приемы восточной борьбы. Ребята оказались крепкие, как дубы, смышленые, как хищные звери. Они на лету хватали у меня из рук науку, забавлялись тем, что так ухмело можно было валить друг друга. Я забавлялся, глядя на них! Они кувыркались и орали, как стадо чертей из преисподней!

— Мы должны сражаться, как братья от одного отца! — напутствовал я их.

Теперь займемся их амуницией. Я решил ничего не упускать из виду.

— Перво-наперво - кольчуга. Она была сплетена из стальных колец, в три слоя. [d]

— Хорошо!

Дальше. Кольчужные чулки и рукавицы закрывали все, кроме лица. Главное достоинство кольчуги_ее подвижность и прочность. У некоторых лучников были латы. Но не у всех. Жаль. Но что поделаешь!

На голове у каждого был капюшон, подбитый мягкой материей, поверх которого надевался шлем. Он был массивный, похожий на горшок, покрывал голову целиком и ложился на плечи. Вассалы Артура украсили их нашлемниками из дерева, с геральдическими фигурами. Шлем был конечно, остроконечный, это смягчало силу удара, заставляя оружие соскальзывать со шлема.

Щиты были треугольными и легкими, чтобы ими можно было манипулировать. И на каждом щите был герб. Так. С обмундированием было покончено. Теперь примемся за вооружение.

Я лично проверил состояние их копий. Они были длинными, до четырех с половиной метров. Под наконечником каждого копья прикреплялся флажок. Он имел практическое значение — мешал копью войти слишком глубоко в тело человека.

Я припомнил ту битву, в которую попал, едва прибыл сюда. На том поле боя трупы валялись и флажки, торчащие из них, вызывали во мне недоумение. Я никак не мог понять их значения. Теперь ясно! Помимо копья, у каждого был меч. Он был массивный и длинный, доходя до метра, заканчивался же набалдашником с прямой крестовиной. Меч с крестовиной напоминал крест — символ Христа. Итак, с вооружением покончено.

У меня было ружье, но Велюнд считал, что этого мало. В бою может случиться все, что угодно.

— Я подарю тебе один меч! — сказал он.

И он принес мне его. Хорошо отточенный, острый, с расширяющимся лезвием у чаши. Рукоять сделана из ливанского кедра и украшена золотым крестиком.

— Откуда это у тебя такая красота? — спросил я.

Велюнд усмехнулся:

— Я могу тебе рассказать, как я сделал его. У наших рыцарей — франкские мечи. Это самые знаменитые мечи в Европе. Эти **мечи —** изделия умелых кузнецов, их металлообработка очень сложна. Секрет изготовления этих мечей достался нам из

Центральной Азии.

_ Но **этот меч недостаточно хорош для теоя. Вот тебе другой.**

— Ив чем его отличие?

— Сейчас я тебе расскажу. Сначала я взял напильник и сточил меч в мелкую стружку. Все это смешал с мукой. Потом накормил этой смесью прирученных птиц, которых три дня держал без пищи. Затем, расплавил птичий помёт в горне, получил железо, очистил его от окалины и снова выковал меч, размером меньше первого. Посмотри, как он хорошо прилегает к руке!

Мой добрый маг захотел мне продемонстрировать достоинства этого меча. Мы спустились к реке. Велюнд достал клок шерсти толщиной в три пяди и такой же длины и бросил его в воду. Затем он спокойно погрузил в реку меч и лезвие рассекло шерсть так же легко, как оно рассекало само течение.

Да, это был самый острый и лучший меч из всех, которые я видел вокруг1

Между тем мой войны не теряли время даром. Они уже здорово наловчились в восточных приемах борьбы и расхрабрились не на шутку. По вечерам они заливали свои глотки вином и распевали воинственные песенки:

Вот, под немолчный стук мечей,

О, сталь щитов и шишаков!

Бег обезумевших коней По трупам, павших седоков!

А стычка удалая!

Вассалов! Любо их мечам Гулять по грудям, по плечам,

Удары раздавая!

Здесь гибель ходит по пятам!

Но лучше смерть, чем стыд и срам!

Они бодрились! Молодцы!

Я слушал их по вечерам, одиноко глотая свою кружку вина. Я не хотел думать, чем закончится битва. Я знал, чувствовал, видел, как мой проклятый соперник, мое второе «я» действует и уже начинает продвигаться вперед. Я был готов ко всему.

Боец и вождь, в провалы ям летят, траву хватая,

С шипеньем, кровь по головам Бежит, подобная ручьям.

Вот так. «Подобная ручьям». Все нормально. Все нормально.

Пойду-ка лучше еще раз осмотрю крепостные стены. И я, в полной темноте поднимаюсь по лестнице, кликнув по дороге одного из вассалов, чтобы посветил наверху факелом — надо еще раз осмотреть орудия, перед боем.

Одно из этих орудий — «требюше», здорово метало снаряды. Так. Ровными рядами оно было расставлено на площадках. Ядра

были заготовлены в большом количестве.

Другое орудие — «мангонно», метало свои ядра по сложной системе, ниже или дальше, в зависимости от поставленной задачи.

Во всех этих оружиях был заложен принцип пращи.

...Но вот прошло несколько дней.

И однажды, дневальный закричал с башни:

— Войска тьмы приближаются!

— Они приближаются!

— Они на горизонте!

Я видел их, не поднимаясь на стену. Ведь во главе этого войска стояло мое второе «я». Мое зло, вышедшее из меня.

Впереди выступал их, так называемый, оркестр. Гремели барабаны, свистели сопелки, ревели трубы, гудели волынки и они продвигались под этот вой стройными рядами вперед!

Они шли и дружно орали:

— Пыль и пески, где были города!

— Смерть, где была жизнь!

— Воронье, где жили люди!

— И на этой голой, каменистой, разоренной земле, на этом кладбище, будем царить мы!

— Смерть живым!

— Смерть живым!!

— Смерть живым!!!

Я поднялся на крепостные стены.

— Их тут чертова прорва! — испуганно вздрогнул стоящий рядом вассал.

— Может быть. Может быть мои ребята сумеют их остановить и не отдадут книгу!

— Да! С другой стороны, я может быть, просто камикадзе!

А вон и мой дружок, впереди. Откуда-то раздобыл скелет лошади и гарцует, подбоченясь.

— Все наверх!

— По местам!

— Подымайте камни!

— Готовьте катапульты!

Все замерли на своих местах.

Скелеты и полусгнившие трупы тоже остановились.

...И тут же, я услышал своего двойника. Вернее их разговор.

Примечательно, что я не слышал его постоянно. Он не мешал мне, не докучал до упора. Я слышал его только в самые ответственные моменты, наиболее важные для меня.

— Привести ко мне разведчиков! — прохрипел он.

— Ишь ты, у них, оказывается еще и разведчики есть! —

подумал я про себя.

— Милорд, мы расположились по обе стороны замка!

— Прекрасно! Прекрасно!

— Где они охраняют мою книгу?

— Вон там, милорд!

— За стенами!

— А я думаю, что вот в этом бастионе!

— Скорее всего там!

— Отлично!

Он усмехнулся во всю ширь своего гнилого рта:

— Ведите меня в этот замок!

— На шхурм!

— Вперед, псы войны!

— Берем замок!

— Берем замок! — накачивали они себя.

— Смерть смертным!

— Смерть смертным!

И они поперли, волнами накатывая на стены. Налетая друг на друга. Ломаясь и падая, крошась и разлетаясь вдребезги!

Но их было так много! До самого горизонта все было заполнено скелетами.

Нет! Не до самого! Горизонт все же был чист. Вот уж, поистину, у страха глаза велики!

Я сто ял и стремительно подавал команды. Рыцари слушались мгновенно. Реакция их была не слабой!

— Стрелы!

— Приготовиться!

— Пли!

— Факелы!

— Зажечь!

— Огонь!

— Отлично!

— Сэр! Второй отряд приближается с юга!

— Чертовы гнилушки! Приготовиться!

— Катапульты! Катапульты!

— Пошел!

— Огонь!

Катапульты полетели, начиненные порохом. Взрывы последовали сразу же.

— Да! Так! Горят!

Мы хохотали и обнимались в восторге!

И тут я опять услышал своего противника:

— Ах, вы, жалкие мешки с костями! Соберите себя по частям! И начинайте! Начинайте! Начинайте штурм крепости!

— Где бревна?!

— Готовьтесь пробить ворота!

— Вперед!

— Вперед!

Голос исчез. Я заорал:

— Охраняйте ворота!

Но было уже поздно. Ворота были распахнуты и в город вошла вся эта дрянь!

Завязалась дикая драка! Пыль от костей стояла такая, что мое горло было забито до отказа. Я хрипел и отплевывался!

— Ах ты, сучий потрох! Это будет больно!

Я их крушил, как мог!

— Стрелы! — стрелы были начинены порохом.

Скелеты вспыхивали и горели, как свечи! Тухлое

мясо плавилось, создавая невыносимую вонь!

Какой-то скелет, с веревкой на шее набросился на меня сзади. Вот где пригодился мой меч! Я сшиб его головешку, как шарик.

— Видно не зря на тебе была веревка, падаль,— сатанел я. Наверное был ты когда-то повешен за свои грехи!

Еще одна компания ринулась ко мне. Дудки! Разве может груда каких-то костяшек, какой-то трухи, испугать такого роскошного и сильного мужика, как я!

— Ох, и вычешу я вшей из ваших голов! — рявкнул я, раздавая удары направо и налево!

Особенно мне приглянулся один кусок мяса! Я рассекал его, с таким пылом, как будто от этого зависела моя судьба!

Пепел разносился по ветру! Ослепленный золой от сгоревших скелетов я на мгновение потерял ориентацию. И чуть было не поплатился за это!

Какой-то мудак, весь в струпьях и черном гное врезал по мне изо всех сил! Я пошатнулся и упал. Он навалился на меня всем своим трупом, смрадно дыша в лицо! Я задыхался! Но и здесь моя железная рука сработала на славу. Я нанес ему такой удар по шее, что его головешка взвилась вверх и исчезла за бордюром!

— Поди, поищи ее теперь!

— Отступайте назад! — орал в страхе кто-то.

И было уже не понять, все смешалось в смертельном побоище!

— Ближе к парапету! — раздавались где-то крики.

— Главное, сберечь книгу,— на ходу прокричал мне Артур.

— Господь, спаси нас всех!

Я рванул к своей машине! Влетел на сидение и поехал. Лопасти заработали, закрутились, от заведенного мотора.

— Познакомьтесь с 21 веком!

— На всех хватит!

— Подходите ближе!

— Будь здоров!

Я месил их, как будто в гигантской мясорубке и казалось, этому не будет конца...

Она стояла спиной ко мне, в своем красном платье, такая же стройная и прекрасная, как всегда.

Я замер. Руки опустились, и я тут же забыл обо всем.

— Шейла, любовь моя, откуда ты? Как ты вернулась сюда? Неужели это не сон?

В ту же минуту я полетел с сидения! Компания скелетов, подобравшись поближе, поддела меня палками и я, кувыркнувшись через голову, оказался на земле.

— Шейла! — крикнул я.

И вот она обернулась!

Безумная тварь с провалившимся носом глядела прямо в мои глаза!!!

— Шейла...— прохрипел я.— Так вот что они сделали с тобой! Теперь ты подружка злого злодея и служишь ему!

Она бросилась ко мне!

— А ну, убирайся, сука сумасшедшая!

— Когда-то ты считал, что я красива!

— Дорогая, с тех пор ты очень подурнела!

Тварюга, тем не менее, попыталась вцепиться мне

в горло. Я долго не раздумывал — подхватил ее и сбросил с парапета. Она шмякнулась, как мешок, и осталась лежать там, внизу.

— Мы **оцепили весь двор! — раздался рядом голос моего главного противника.**

— Прекрасно! — ответил я, сшибая по пути еще один

скелет. Его голова завертелась, как пропеллер и с воем покатилась с шеи.

— А ну, пошел! — расчищал я дорогу вперед.

— Привет! — бросил я ему.

— Книга — моя! — он завизжал и затрясся, распуская вонь вокруг себя.

Светало. Небо начало голубеть. Скоро рассвет.

— Генри Рыжий! Герцог Генри и его люди! — раздался крик с башни!

— Ура!!!

— Помощь!

— Генри — ура!

Люди Генри врывались в открытые проемы замка, на ходу доставая оружие.

Мечи зазвенели быстрее. Мои люди оживились. Генри как

будто вдохнул новое дыхание во всех нас!

— Теперь нам не страшно ничего!

— Мы победим!

Я повернулся к своему двойнику.

— Книга — моя! — опять прохрипел он.

— Ты куда подевался? Чего увиливаешь?

— Иди к папочке! — я возбуждался все больше.

Он, не обращая на меня внимания, рванул вверх, по

ступенькам. Я — следом. Почти одновременно мы выскочили на площадку. Книга лежала на столе, между нами.

— Сукины дети! — мелькнуло в голове,— увлеклись боем и забыли об охране самого главного.

— На кого тянешь? — почти ласково спросил я.

— Ты умрешь! Ты умрешь! — вопил он в ответ.

Мы орали, бешено глядя друг на друга.

А внизу завершалась битва. Рыцари доламывали последние кости у скелетов, уже с развлечением. Полусгнившие трупы валялись тут и там. Сколько же потом понадобится энергии, чтобы убрать всю эту смердящую гниль!

Но вернемся к нашим баранам.

Мой двойник нервничал, суетился, размахивая своим мечем.

— Ты мне действуешь на нервы, разложенец вскричал я.

— Уйди! Уйди с дороги! — отвечал, нет, рычал он.

— Я сейчас тебе мордашку-то попорчу! — продолжал я.

Мы скрестили наши мечи. Удар следовал за ударом, не принося победы никому из нас. Мы оыли одинаково сильны. На чьей же стороне окажется победа? Победа — баба капризная. Никогда не узнаешь к кому она повернется, кому улыбнется!

Пора начинать применять какую-либо хитрость.

Ведь я обязан держаться. Я буду держаться. Я должен спасти книгу!

— Мне есть о чем с тобой поговорить! — крикнул я.

— Хи-хи-хи! — раздалось у меня за спиной.

Старуха! Моя старушенция! Давненько же я не встречался с тобой!

Ну, вот, все мои хитрости летят ко всем чертям! На два фронта работать будет чрезвычайно тяжело. Пришлось отвлечь внимание на старуху. Отбиваясь мечом, от вонючего ублюдка, я следил за ней!

Она, как юла, крутилась и летала вокруг меня.

— Старая дрянь!

— Сейчас ты получишь сполна!

Волшебный меч все же пригодился!

Я изловчился и врезал ей что было сил!

Меч легко вошел в ее тело, разрубил пополам и куски разлетелись в разные стороны.

— Уф! Гора с плеч!

Но времени на ликование не было.

— Книга — у меня! — раздался победный клич.

— Теперь я владею некрономикой!

— И теперь я отомщу всем живым!!!

Гадина стоял, оскалившись, прижимая к себе книгу. Меч он выставил вперед.

Мы схватились. Не на жизнь, а на смерть. Удары сыпались за ударами. Звон и вой сопровождал каждый наш выпад.

— Шутишь, миленький! Не выйдет!

— Ты умрешь! Ты сейчас умрешь! — вопил он в ответ.

Осторожно! Осторожно! Главное, следить за книгой! Мы медленно подступали к парапету. Все силы, какие только были у меня, я отдавал сейчас. Я прекрасно понимал, что это мое последнее сражение. И не только мое. Если он победит меня, он победит всех. Для этого ему будет достаточно раскрыть книгу и найти нужную ему страницу. Он прочтет заклинание и все будет кончено! Все будет кончено для мира живых! Мертвецы поднимутся опять, скелеты оживут, расчлененные трупы соединятся, и силы Зла восторжествуют во Вселенной!

— Нет! Этого не будет никогда! Это не должно случиться!

Я уничтожу тебя! — рычал гноящийся ублюдок

— Я уничтожу тебя — завывал он.

Нет, миленький! Вначале тебе предстоит небольшая поездка! Я изловчился, мощным ударом выбил из его руки меч и он полетел — полетел прямо на груду пороха.

— Факел! Скорее подать сюда факел! — заорал я.

Кто-то протянул мне зажженную палку. Я швырнул

ее прямиком на гнилое мясо.

Взрыв! Мощный взрыв потряс все вокруг! Смердящая масса, объятая пламенем, взметнулась ввысь и понеслась по утреннему небу.

Каков фейерверк! Какое красивое завершение нашего сражения! Я стоял, завороженно глядя вверх.

— Победа!

— Победа!

— Мы победили!!!

Я оглянулся на своих друзей. Какие красивые лица! Какая чистая радость сияла на челе каждого!

Я вздохнул. Жаль, но это уйдет, как только остынет пыл. Люди забудут эти ощущения, которые они пережили все вместе, вернутся к своим делам, замкнутся, каждый со своим, и опять

недоверие и скука покажут им их путь.

Я медленно пошел вниз. Все радовались, кричали здравицы в мою честь! Что ж, мне пора убираться. Скоро в дорогу.

Люди, как и судьба, переменчивы. И если они кого-то любят и превозносят сегодня, это еще не значит, что завтра любовь их сохранится. Скорее им доставит удовольствие хорошенько повалять в грязи своих вчерашних кумиров. Человек слаб. И он не любит долго молиться одному божеству. Особенно, если это божество из плоти и крови...

Я уже стоял внизу, принимая поздравления.

Внезапно мой взгляд остановился на фигуре, лежащей недалеко от меня. Шейла! Моя бывшая Шейла с лицом ведьмы валялась у стены. Но что это?! Она шевелится!

— Убить тварь!

Она повернулась лицом ко мне. И на моих глазах стала происходить с ней метаморфоза — лицо менялось, исчезали все дикие черты и через минуту Шейла, моя настоящая Шейла медленно открыла глаза.

И это я уже не смог выдержать. Глаза заплыли каким-то туманом. Что это со мной? Неужели это слезы? Чушь! Глупости! Я, наверное, выжил из ума в конце концов.

Все еще не веря происходящему я медленно направился к ней. Голоса вокруг стихли. Или это мне только кажется? Я не слышал ничего. Все вокруг поблекло, даже рассвет с его ярким солнцем.

— Эш! — выдохнула она одно слово.

Я наклонился. Ее глаза тревожно и вопросительно смотрели на меня.

— Эш! Что это было? Что это было со мною? Скажи, это все правда? Я была кем-то другим? Я была ведьмой?

— Нет, милая, нет. Это был просто сон. Конечно, страшный сон. Мы тут немного подрались с мертвецами. А ты еще в самом начале драки вдруг потеряла сознание и пролежала тут все время. Прости! Я был немного занят. Я оставил тебя здесь лежать. Моя вина,— я говорил быстро, не давая ей вставить слова.

— О, какой сон мне приснился, Эш! Будто бы налетел ящур...

Я подхватил ее на руки.

— Ящур? Какой ящур? Что за чушь ты несешь, моя милая? Опомнись!

Я старался говорить резко, чуть грубовато. Надо опять становиться самим собой, иначе она что-либо заподозрит.

— Лучше подсласти губки, детка,— рассмеялся я.

— Ты все тот же! Значит, ничего не изменилось в мое отсутствие?

— Ничего! Кроме какой-то ерунды. Ну, например, у нас теперь некрономика...

— У нас? — Шейла заволновалась,— значит ты скоро уедешь?! Ты скоро улетишь в свое время?

Ну, уж эти женщины! То им подавай некрономику, спасай их народ от мертвецов, то теперь, наоборот, никрономика, оказывается, совсем не нужна!

— Тяжело!

— Как, детка, ты уже можешь стоять на ногах. Ну-ка, попробуй!

Я поставил ее осторожно, готовый подхватить в любую секунду. Все-таки я не забывал, откуда она свалилась.

— Все нормально, Эш. Только что-то ломит все кости!

— А это наверное кто-то прошелся по тебе, моя ласточка, пока ты тут валялась. Ну, например, какой-либо скелет или какой-либо трупик. Потоптался немного для интереса!

— Ну и шуточки у тебя! Просто уши вянут! Поздравляю! Ты потихоньку усваиваешь жаргон

20 века! [1]

Мы стояли и смеялись, глядя друг другу в глаза.

А вокруг собирались люди. Разные люди. Рыцари Рыцари Генри и Артура. Два клана, два враждующих клана потихоньку выстраивались друг против друга. Едва остыв от сражения, они уже начинали вспоминать, кто они такие. И у каждого были свои счеты друг с другом!

— Нужно мотать отсюда, к чертовой матери! — роптали люди Генри.

— Ура! — кричали в другом углу еще не пришедшие в себя воины.

— Осторожней, они напрашиваются на драку! — слышалось из стана Артура.

Все насторожились.

Как быстро оказывается, может меняться атмосфера! То светит яркое солнышко, то налетает буря! Нет, солнышко на небе светило по-прежнему ярко, но в душе каждого воина погода поменялась стремительно. Надвигалась буря. Все замерли.

Люди выстраивались по обе стороны площади и пустое пространство между ними, казалось уже непроходимой пропастью.

Да, трудно удержать мир в душе человеческой!

Каждый боится показаться слабым и каждый оказывается слабым в конце концов. Ведь сильный не бьет первым. Но до этой истины надо долго идти. Может, и за всю жизнь не дойдешь.

Мечи уже зазвенели, потихоньку их вытаскивали из ножен.

Но чудеса все же случаются иногда и на этой Земле. Пусть редко, пусть хотя бы раз в столетие. Но раз они случаются, значит человечество имеет шанс на жизнь.

Короче — Генри и Артур, одновременно, шагнули навстречу друг другу и обнялись на середине площади.

— Ура!!! — мощный звук нескольких сотен луженых глоток потряс стены домов. Зазвенели стекла.

— Ура! Ура! Ура!

— Это отлично!

— Прекрасно!

— Генри!

— Артур!

— Спасибо, друг!

— Какой замечательный день!

Все ликовали и обнимались.

— Вендетта закончена!

— Теперь мы братья!

— Будет создано новое единое королевство!

Все еще долго смеялись и поздравляли друг друга. А потом, все вместе, занялись расчисткой улиц. Нужно было убрать всю эту падаль. Надо было готовиться к празднику.

Страх ушел навсегда. Мертвецов больше нет. Они убрались к себе в преисподнюю.

— Клянусь моей шляпой, нам будет что порассказать в салонах наших дам! — не выдержал и расхвастался Генри.

— Ну, Генри, ты раскрываешься мне несколько с иной стороны,— засмеялся я.

— Еще много сторон есть у сэра Генри, которые тебе не известны, молокосос!

— Нуі ну, не. забывайся! Не забывай, кто избавил вас от мертвяков и добыл некрономику;

— Я бы и сам добыл, если бы обо мне было написано в священной книге!

— Ишь, расхвастался! Что-то легко вы хвастаетесь теперь!

Мы ржали, покусывая друг друга словами и толкаясь в разные бока. Настроение было отличное.

Но где это моя Шейла? Она куда-то ушла. Я скользил взглядом по толпе и не видел ее милого лица.

Ко мне же навстречу спешил Велюнд.

— Скоро я смогу отправить тебя в твое время! Надо лишь приготовить одну жидкость! На это потребуется всего несколько дней. Она должна настояться определенное время. Я не хочу сделать какой-либо ошибки, чтобы потом расплачиваться, как это случилось с тобой. Но тебе тоже придется потрудиться.

— Как это потрудиться? Я разве мало потрудился для вас?

— Тебе придется напрячь свои мозги, парень. Они у тебя не очень-то крепкие.

— У меня слабые мозги?!

— Конечно! Иначе бы ты не перепутал слова, которые надо было произносить, взяв в руки книгу.

— А, ну да, конечно, тут я виноват.

Итак, мне осталось провести здесь совсем немного времени. Я уже успел привыкнуть к этим людям. Пожив из жизнью, я многое понял. Здесь, в Средних веках, все как на ладони раскрыто. Добро и Зло — понятия цель-ные. Они не спутаны, не переплетаются, как у нас. У нас в нашем веке, все гораздо сложнее. Часто Добро трудновато отличить от Зла. И мы путаемся, **отдаваясь во** власть то одного, то другого, не замечая, что несут нам те или иные поступки.

На следующий день, после побоища, ко мне явилась делегация воинов во главе с Артуром и Генри.

— Мы хотим, прежде чем ты исчезнешь, улетишь от нас, посвятить тебя в рыцари. А то как-то неудобно. Наш повелитель, полководец, можно сказать, а выглядишь, как простой крестьянин,— ехидно заметил Генри.

— А что, обязательно устраивать эту комедию? Впрочем, я не совсем понимаю, как это будет выглядеть!

— А тебе и понимать не надо!

— Смотри и слушай, вот и все.

— Ну, уж нет. Сначала все-таки расскажите.

Велюнд согласился посвятить меня в таинство. В полдень я уже был готов.

Все собрались на площади. Пока я еще был «дамуазо», непосвященный, значит. Я стоял, в полном облачении рыцаря. Ну, там эти кольчуги, шлем, щит,— в общем, всякая лабуда.

— Вот бы, сфотографироваться,— подумал я.

Приматы, почему до сих пор не открыли фотографию!

Вспомнил! У меня в машине. На заднем сидении. Точно! Лежит.

— Эй, остановитесь. Одну минутку!

— Что ты еще хочешь? — недовольно спросил Генри.

— Сейчас!

Я бросился к машине, если это слово подходит к моим телодвижениям.

— Вот! Есть. Пожалуйста. Да. Заряжен!

— Малый! Поди сюда! Стань здесь и смотри на меня через это окошечко. Потом, когда я взгляну на теоя, нажмешь вот эту кнопочку. Усек? Понял?

— Понял. Понял.

Я быстро вернулся назад и стал посередине. На меня торжественно надели шпоры. Потом, самый старый воин, старейшина, должен был перепоясать меня мечом. Но я выбрал Велюнда. Я уперся и не хотел больше никого! Пришлось всем согласиться. Итак, Велюнд перепоясал меня мечом. И в конце концов посвящающий, то есть Велюнд, нанес мне удар ладонью по щеке.

Это единственная в жизни пощечина, которую рыцарь может получить, не возвращая.

Все было великолепно. Особенно пощечина. Велюнд, конечно, постарался. Видно хорошо въелся я ему в печенки.

А с фотографией, конечно, случился казус. Он не мог не случится! Дикари, они навсегда останутся дикарями. Как их не учи!

Потом, уже дома, в Лондоне, когда я проявил эту злосчастную пленку, я обнаружил, что малый нажал на спусковую кнопку в то время, когда Велюнд вмазывал мне по роже! Снимок действительно был хорош! Только кому его покажешь теперь? Если кто и поверит во все мои приключения, то сможет убедиться, как там меня избивали, да еще прилюдно!

Ну ладно! Это еще все будет потом.

И вот, через три дня ко мне пришел Велюнд.

— Завтра, на рассвете, ты должен выехать из города на своей машине. Доехать до того места, откуда ты свалился к нам. Вот тебе флакон. В нем эта жидкость. В книге говорится, что как только ты выпьешь эту жидкость и произнесешь слова,— слушай внимательно! — слова — «Клату», «Верата», «Никто» — ты очнешься в своем собственном времени. И помни,— добавил он,— ты должен обязательно произнести все три слова точно. Точно! Ты понял?

— Да понял, понял. Я их уже как-то произносил.

— Но ошибся! И каков результат!

— А тут тоже может быть какой-либо иной результат?

— Конечно! Силы Зла только этого и ждут! Они тогда смогут проникнуть в твое время! И там уж они не упустят возможности напакостить!

— Ладно. Постараюсь произнести эти твои слова.

— Повтори!

— Ладно, старик, отстань!

Велюнд вздохнул.

— Смотри, Эш! От твоего внимания теперь зависит — принесешь ли ты в свою жизнь, в свой век больше зла, чем там теперь есть.

— А там сейчас что-нибудь есть? Ведь будущего еще нет.

— Для тебя и для меня нет. Для каждого человека нет. Потому что мы существуем лишь в своем времени, мы погребены в нем. А для бесконечности мы существуем

всегда. Потому что века для нее лишь миг. И в этом миге мы живем все сразу, одновременно

— А когда закончится этот миг, что будет дальше?

— Дальше будет нечто противоположное тому что есть. И даже я не ведаю об этом. Мне не дано это видеть

— А до куда ты можешь видеть? *

— До конца света.

— Да. Молодец. Интересно.

— Итак, Эш, я еще раз повторю для тебя: — «Кла-ту», «Верата», «Никто».

— Хорошо, хорошо! Запомнил!

— Ну, а теперь, прощай!

Мы обнялись.

— Я не пойду провожать тебя за ворота. Долгие проводы, долгие слезы!

— Прощай, Велюнд! Мы ведь больше не увидимся!

— Кто знает!

— Ты о чем? Я не собираюсь больше впутываться ни в какую историю и не намерен возвращаться ни сюда, ни куда либо еще!

— Кто знает? Может статься, я навещу тебя!

— Ты?! Каким это образом?

— Не думай об этом. Такие, как я, существуют всегда, во все времена. Только зовутся они по-разному.

— Подожди Велюнд, не уходи! Кто эти люди?

— Где-то их зовут ясновидцы, где-то телепаты... Среди них много просто психически неуравновешенных людей, не представляющих собой ничего.

— А силы Зла? В чем они выражаются?

— Зла у вас, в вашем времени больше, чем в моем. Смерть собирает свою жатву миллионами... Конечно, другим способом, но тем не менее, все остается по-прежнему.

— ...Скелеты бродят по ночам...

— Не богохульствуй!

— Не смеши меня, Велюнд!

— Скелетов нет, а вот вампиров в вашем времени полно.

— Хо-хо! Ну уж и загнул ты!

— Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе об этом?

— Ну!

— Хорошо. Кто же такие вампиры? Это люди, ко

торые не могут использовать энергию из космоса. Они берут

ее от людей. Всякий, кто находится с вампиром слишком долго, вскоре начинает себя чувствовать истощенным. 365

— У меня такое бывало иногда с некоторыми людьми,— подумав, сказал я.

— Некоторые вампиры выкачивают энергию почти из каждого, кто вблизи. Иногда они используют голос. Многие вампиры — страстные болтуны. Они выкачивают энергию из жертвы, когда полностью завладевают ее вниманием.

— То-то я не люблю болтунов!

— А некоторые выкачивают энергию через глаза. Они смотрят на свою жертву спокойно, непрерывно и решительно. Вскоре жертва начинает бледнеть, уставать. А вампир, напротив, становится оживленным и деятельным.

— И все это в моем веке!

— Да. Но хватит об этом!

— Тогда все же простимся, Велюнд. И, надеюсь, до встречи!

— Надеюсь! Со мной или кем-либо подобным!

Мы в последний раз внимательно заглянули друг другу в глаза и Велюнд вышел.

Я остался один. Куда пойти? Где провести последний вечер?

Шейла исчезла, как я не искал ее. Никто толком ничего не мог мне сказать о ней. Неужели я так и не увижу ее? Так и исчезну, не попрощавшись? А, ладно. Пойду в кабак!

...В кабаке все было по-прежнему. Все веселились, как могли. Увидев меня, многие повскакали с мест.

— Ура! Эш!

— Привет!

— Иди сюда!

Последняя новость была уже известна всем. Люди старались как можно ближе подойти ко мне, затронуть, заговорить. Каждый зазывал за свой стол. Их столы — это длинные широкие доски на козлах. Они делались из дуба, как и табуретки. Кабак есть кабак — это не дворец для знати. Но мне было хорошо с этим простым народцем и довольно забавно.

— Выпей с нами, герой!

— Иди сюда!

— Вот вода, взятая из источника, текущего к востоку! Брызни ее себе на лицо! Сразу почувствуешь све-жесть!

— Эш! Подойди и попробуй — это ликер из Италии! Сегодня его привезли к нам в город купцы!

— Эй! Ты сегодня не забыл хорошо подкрепиться? Ты не голоден?

Я вспомнил, что за всеми этими хлопотами ел только утром. Я сказал им об этом.

— Ты прямо как ангел, Эш! Только ангелы нуждаются в пище один раз в день!

— А люди?

— А люди дважды!

— А звери?

— А звери трижды!

Ну, все, уже нализались!

— Иди сюда, я расскажу тебе про дочерей дьявола!

— Давайте, начинайте. Я думаю, пока эти разговоры будут продолжаться, дьявол не оставит этих мест.

— Слушай! У дьявола было восемь дочерей. И он выдал их замуж!!

— Лицемерие — за монаха!

— Разбой — за рыцарей!

— Святотатство — за крестьян!

— Притворство — за слуг!

— Обман — за купцов!

— Ростовщичество — за бюргеров!

— Разврат же он не пожелал ни за кого выдать! Но всем ее предлагает! Как публичную девку!

Громовой хохот потряс стены! Да, весело у них! Вскоре они затянули свои песенки:

Три радости на свете мне даны!

И я люблю их, преданно и верно!

Для счастья мне все три они нужны,

Зовут их женщина, игра, таверна...

Было уже поздно. Я устал. Пора и честь знать. Я медленно шел по ночному городу. Огней не было никаких. Какие могут быть огни в Средневековье! Если уж. только в кабаке. В остальных домишках уже давно спали. Собаки лаяли, коты тенями проносились в поисках ночной добычи. Лишь луна своим серебристым светом заливала все вокруг. Почему у них тут такая большая луна? У нас она гораздо меньше! Может, она в этом времени была ближе к Земле? А может, была большего размера?

Я переступил порог своего дома, прошел внутрь. Щелкнул зажигалкой.

Шейла! Шейла сидела передо мною! Шейла тихая и печальная, молчаливая и прекрасная. Лицо было светлое, как будто светящееся. Казалось, божественный свет струился от нее! А каков наряд! Такого я еще не

видывал на ней! Платье из прекрасного фландрского сукна цвета морской волны с искусно вышитым гербом своего рода, с оторочкой кипрского золотого шитья вокруг ворота и на подоле. Пояс из львиной кожи, с золотыми бляшками обвивал ее тонкую

талию. А поверх этого, на свои прекрасные плечи она накинула плащ из алого сукна, отороченный золотом, и плащ этот покрывал ее всю целиком, так как он был очень широк. Прекрасный венец из золотых пластинок украшал ее голову, из-под него спускались густым потоком ее волосы.

— Шейла! Я искал тебя повсюду! Зачем ты пряталась от меня?

— Я думала, тебе неприятно меня видеть.

— Что ты такое несешь? — я был возмущен до глубины души, — как такое могло прийти в твою голову?

— Я все знаю, Эш. Это был не сон. Все, что случилось со мною, было наяву. Я была ведьмой, ведьмой. И мне нравилось быть ею! Я летала по воздуху, наслаждаясь полетом! И я принадлежала твоему двойнику!!! Я знаю, ты не простишь меня никогда!

Шейла плакала уже без остановки. Еще немного и у нее начнется истерика!

— Шейла, любовь моя, поверь, ты не стала хуже. Я не могу разлюбить тебя из-за этого наваждения. Выброс из головы этот случай! Он не стоит нашего внимания! И потом, почему ты уверена, что это была ты? Дух смерти вселился в тебя и этому духу нравилось летать и бесноваться! А твоя душа спала. Спала. И я не ревную тебя к этому ублюдку! Смертные принадлежат смертным. А сейчас ты живая! Ты живая! — я обнимал ее, страсть уже заглушала во мне рассудок. Я целовал ее глаза, осушая последние слезы. Я уже опять потерял самого себя на просторах ее космоса...

— Шейла! Я не хочу ничего объяснять тебе. Не хочу ничего говорить! Я хочу просто смотреть на тебя. Хочу запомнить тебя всю!

И я осторожно снимал все эти одежды, разбрасывая их там и сям.

— Я хочу тебя! Тебя, настоящую, живую! Такую, какая ты есть!

И она улыбнулась мне. Она улыбнулась мне, уже забывая обо всем проклятом прошлом.

И мы улетели. Мы улетели с этой планеты, на свою, единственную.

Эта планета называлась — мир наших чувств, нашей любви, наших тел.

Я не считаю себя суперменом. Я обыкновенный мужик. Правда, врезать я могу всегда очень, ну очень круто! Я немного упрям. Я немного самолюбив. Я иногда взрываюсь по пустякам. Но я и законопослушен, потому что живу в цивилизованной

стране и пользуюсь всеми ее благами.

Чувство любви мне до сих пор было не знакомо. Я не знаю, почему. Нет, мне нравились разные там девицы, путанки некоторые. Ну, не так, чтобы очень. Как бы ото сказать поточнее... я просто любил неплохо проводить время. Существует одна хорошая формула: есть деньги — есть женщина. Есть хорошие деньги — есть хорошая женщина. Все зависит от дохода. И — никаких проблем!

Но здесь... Здесь я попался. И даже рад этому.

Отдавать и брать. Этот круговорот любви бесконечен, как бесконечно все живое.

И мы летели в это пламя, сгорая в нем и возрождаясь опять, только мы становились сильнее, добрее, лучше.

И мир уже не казался пустым. И даже в одиночестве мир уже никогда не будет пустым для нас. Наши объятия были нескончаемы. И даже когда, усталые, мы лежали в полумраке, стоило только встретиться нашим глазам, как какой-то заряд неизвестной нам энергии бросал нас друг к другу.

И я уже не понимал, где она и где я. Я ласкал эту нежную кожу, эти волнистые изгибы бедер. Мои руки запомнили все. Все ощущения и прикосновения теперь живут в них и будут жить всегда.

...Затуманенные полузакрытые глаза... Усталость зрачков и яркая вспышка страсти...

Плоть, любовь плоти, когда сбрасываются оковы ложной стыдливости, эта любовь прекрасна и чиста. Она чиста, как чиста сама природа. Она гармонична и поэтому вливает в нас новые силы — силы, соки жизни.

— Шейла! — думал я.— Почему я не ощущаю ни горечи, ни ужаса, ни страдания перед завтрашним днем? Ведь мы расстаемся навсегда!

Я понял, почему.

Я люблю тебя, Шейла. И эта любовь уже не может испариться, исчезнуть. Она жива, пока жив я.

Я не увижу больше твое милое лицо наяву. Но ты всегда будешь со мною. И моя любовь будет давать мне силы жить.

Я что-то говорил, нес какую-то чепуху...

Эш, это ведь все постельные разговоры, да? Помнишь, ты говорил мне так?

Я не желаю никаких постельных разговоров! Я не хочу ничего говорить тебе. Я хочу просто смотреть на тебя. Хочу запомнить тебя всю. Такую, какая ты есть. Шейла, я уже не знаю, какая ты, уже не понимаю! Ты красива или не очень? Хороша — или не очень? Я знаю, ты — это ты. И хоть мы разошлись в веках, чудо

существует. И, может быть, я прошел все эти мучения, лишь для того, чтобы свершилось это чудо — наша встреча. Я знаю, даром, просто так — ничего не дается. Надо много пережить, перестрадать, понять, чтобы однажды ощутить любовь.

— Ты знаешь, Эш, теперь мне не будет покоя. Пока я жива и не лягу в землю, мне не будет покоя. Я буду думать о тебе!

— Не грусти слишком сильно, Шейла. Нам и так судьба преподнесла роскошный подарок. О любви грезят миллионы людей, живших до нас, и миллионы — которые придут следом! Шейла! Я хочу, чтобы ты чаще смотрела на Солнце!

— Солнце?

— Да.

— Хорошо!

— Солнце! Вот что нас объединит! Солнце вечно. Оно вечно в нашей жизни! Оно светит тебе, оно будет светить и мне, в 20 веке! — Я замолчал, на мгновение.— Я часто буду смотреть на Солнце, Шейла! Я буду смотреть и думать о тебе! И пусть оно слепит мне глаза! Я давно уже ослеплен тобою! Я не знаю своего будущего. Может быть, со мною произойдет еще что-то более странное. Но ты останешься...

...Я говорил много и сбивчиво. Я говорил, сам не зная о чем. Я хотел, чтобы она поняла меня.

Но она и без слов понимала меня. Она тем больше понимала меня, чем больше я запутывался в словах.

И уже на рассвете она протянула мне что-то в руки.

— Я хочу подарить тебе на память обо мне вот этот перстень. Это бирманский рубин. Он привезен издалека. Из Азии. Его привезли купцы. Говорят, внутри камня есть центр, из которого излучаются наружу два вида энергии — исцеляющая и убивающая. Эти два вида энергии будут защищать тебя в твоей жизни. В этом руоине много жизни. Он живой!

И она надела мне рубин на палец.

Наступило утро.

Мы собрались совсем быстро. Я захватил флакон с жидкостью, вывел машину за ворота и распрощался с Шейлой.

— Прощай, моя голубка! Пусть Господь не оставит тебя!

Что-то я стал больно сентиментален.

Я вскочил в машину, как рыцарь. Дверка захлопнулась и я рванул, что было сил. Я мчался по полю, стремясь быстрее добраться до того злополучного места, куда когда-то упал, занесенный вихрем.

А! Вот оно. Спокойно. Внимание.

— Где жидкость!

— Да. Слова.

— Как там они?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...Я открыл глаза. Моя комната! Мой телефон! Моя электропечь! Холодильник!

— Ну-ка, что там у нас припасено!

— Ура!

Выпивки, сколько угодно. А это главное!

— Стакан!

— Лед!

— Полный порядок!

— А теперь душ!

— Боже, какое счастье!

— Да. Звонок! Телефон!

Я подошел.

— Слушаю!

— Да. Да, да. Сейчас выхожу!

И вот я иду по улице. Витрины магазинов кажутся родными. Вот бутылочки с газированным виноградным соком... А вот, пластмассовые корзиночки с израильской клубникой... Вот овальные коробочки французского сыра «Каприз Всевышнего»... А вот замороженный торт, который быстро дойдет в духовке...

Мой лондонский Гайд — парк, умытый, лужайки травинка к травинке, словно кто-то всю ночь чесал его гребнем!

Всматриваюсь в калейдоскоп мелькающих лиц. Вот китаянка в синих джинсах. А вот разносчик, торгующий какой-то мелочью! А это пуэрториканец, с пестрой тесемкой через лоб...

Сегодня я иду пешком. Сегодня я без **автомобиля.** Без своей «механической любовницы»! Я хочу надышаться городом. Я хочу надышаться смогом, дымом и толкотней. Я иду на работу. Я простой, обыкновенный парень! И работа у меня простая — магазин хозяйственных товаров! И я иду, в своем шикарном костюме, в своем пиджаке, в своей рубашке! И на мне нету ни кольчуги, ни шлема, ни какой-то другой хреновины. О, бляха! Как оказывается прекрасна жизнь! И я подхожу и вхожу в свой магазин.

Стоп!

И вот, я сижу с моими приятелями в баре, и они слушают мои байки.

— Тебе хватит, старик!

— Ты уже здорово нализался!

— Подождите! Слушайте дальше... Я подумал о том, что может быть, имеет смысл стать их предводителем, их королем, учить их. Но все-таки, мое место здесь! Поэтому, я выпил зелье,

произнес слова и вот я здесь!

— Ну, ты хоть на этот раз правильно слова-то произнес? — рассмеялся один из моих приятелей.

— Ну, может быть. Ну, там, знаешь, не все до последней буквы, но в принципе, я их произнес вроде бы верно.

— В принципе...

Я задумался...

— Ты знаешь, этот вариант, чтобы стать королем... По-моему, это было бы очень даже не плохо! — растягивая слова, произнесла одна из моих подружек.

Шейла! Они тебе и в подметки не годятся! Но не до жиру! Я рассмеялся. Все прекрасно!

Дым! Откуда взялся дым?

— Мы что, горим?

— Эй, вы там, что случилось? Откуда дым?

Да какой густой!

И что это еще за свист! Что это за вой?

— Кто это там, под потолком?

— Кто летит?

— Старуха!

— Моя старуха! Живая!!! Опять живая!

Но почему?! Почему она живая? Ведь я ее сам разрубил волшебным мечом Велюнда!

В мгновенье ока загрохотало все. Полки **посыпались** градом со стен. Люстры раскачивались под потолком

и гасли, срываясь вниз, стулья летали по воздуху как гранаты! Они обрушивались на сидящих людей ’и те в испуге орали и затевали маленькие побоища.

— Ошибка в словах!

Я тут же понял все. Но было поздно!

— Умри! — орала бешеная баба, занося надо мной топор.

— Где только она его взяла,— меланхолично подумал я.

Но отвертеться все-таки успел. Надо уходить. Пора сматывать удочки. Надо думать, как дальше с этим жить. Я постарался, согнулся и незаметно улизнул из бара.

— Нет уж, дудки! Теперь я ни за какие коврижки не расстанусь со своим ружьем!

На следующий день я направился в свой магазин. Теперь буду осторожней! Может, если не вспоминать о Средневековье, ведьма не будет докучать мне? А па удочку я больше не попадусь. Ну, всякие там дома, коттеджи... Ничего не хочу!

Я стоял в магазине, перебирая вновь прибывший товар. Опять! Вопли и дым мгновенно заполнили пространство. Опять моя старуха!

— Сегодня ты прекрасно выглядишь, моя милая дама! Какие красные глаза! — Какие шикарные лохмотья! — Ты, бабка, видать, не мылась с 14 века?! — Фу! Какая вонь!

— Ты умрешь!!! — затянула она старую песенку.

— Что ты там несешь, бляха?

— Ты умрешь! — вопила она, летая как чумная.

— Дама, к сожалению мне придется попросить вас покинуть магазин! — надоело мне в конце концов!

— Черт возьми! Какие прелестные когти! Сучка! Сучка, я здесь!

Пора доставать мой рейнгтон! Внимание! Внимание, старая ведьма!

— Ну посмотри, ну посмотри сюда! Сейчас вылетит птичка!

Бац! Попал.

Она падала, как в замедленном фильме. И долетев до пола, расстаяла, как дым.

Ну, что ж! Я исправил свою ошибку!

Надеюсь, старая ведьма, больше никогда не прилетит к нам!

В магазине стояла тишина. Конечно, полки с товаром были поломаны и валялись на полу, вперемешку с порошками, рассыпаными белой и цветной пылью, пасты налипли на мебель, дезодоранты взорвались.

Но все молчали. Все, наконец, поверили в мой рассказ. Ведь, фактически, я и не исчезал надолго из этой моей настоящей жизни. То, что там длилось месяцы, для меня здесь сложилось в одну ночь.

Да, конечно, я мог бы остаться в прошлом! А что было бы с этим миром?

— Сдвинулся ли бы ход истории?

Неизвестно.

— Да. Много чего неизвестно нам. В этом мире. Да и в том.

— Я мог бы даже стать королем! — провозгласил я в тот же вечер в баре.

Но мне, как лично кажется, я и так король!

— Да здравствует король!

— Да здравствует король!

Дождь, косыми струями лил, заливал город.

Я сидел у окна и странное, неведомое до сих пор чувство грусти захватило меня. Я сидел и думал — так что же такое Зло? Откуда оно и как проявляется в душе человека? Я думаю, в первую очередь, Зло — это страх. Страх перед жизнью, страх, таящийся в душе каждого, страх, перед неведомым, которое окружает нас. И мы даже не задумываемся об этом! Мы не поднимаем глаза к верху и не смотрим в бездонное небо!

Но мы ведь знаем о существовании этой бесконечности, ибо мы родились с этим знанием.

Так почему мы не задумываемся об этом! Но мы знаем о существовании такой же бесконечности в нас самих! Но конечно же, не признаемся себе в этом. Открыть себе самого себя — что может быть сложнее! Гораздо легче этот свой страх перед жизнью, вылить в окружающий мир. Итак, Дух разрушения торжествует победу!

Мы разряжаемся на других, освобождаемся от страха, таящегося в нас самих. И это — основа Зла. Зло — в нас самих!!! Кто же виноват в появлении злодея — Зла? Да мы все! Это значит, рядом с ним было мало или совсем не было любви! Это значит, он больше других наглотался •злобы и несправедливости, рассеянных в мире. Это значит, он более обостренно воспринимал, впитывал в себя Зло! И оно поселилось в нем! И мы все виноваты в этом! Я совсем поглупел от тоски.

Может быть я не до конца убил старуху?^ И она еще придет сюда, ко мне, еще сделает какую-либо пакость/

И я не сумею ей противостоять! Ну почему я такой бол-ван? Не мог хорошенько слова выучить»

Вот, еще новости! Теперь это будет мучить меня не хуже, чем все призраки, вместе взятые!

А может, стоит поехать в ту, маленькую хатку как-либо вечерком, заглянуть в то проклятое зеркало.'Если она жива, она ведь не применет показаться мне во всей свой красе!

Я лихорадочно стал искать схему. Куда же она запропастилась? Ее нигде не было. [1]

Вспомнил! Я оставил ее в машине, когда подъехал к той хижине. Надо пойти, поискать. Но искал я напрасно. Клочка бумаги нигде не находилось. А может, поехать по памяти? Неужели, не найду?!

Так прошло несколько дней. Я никак не находил себе места. По вечерам, закончив работу, сидел в каком-либо кафе, тянул коктейль, покрепче, конечно, и разглядывал людей. И везде, во всех лицах, мне чудились мои старые знакомые! Люди, лица, оказывается ничуть не изменились за века. Выражения их глаз, мимика, улыбки — все осталось по-прежнему. Лишь одежды приняли другие черты. Да так называемая цивилизация изменила облик городов. Техника! Техника господствовала в наш век. А душа ушла, спряталась далеко-далеко.

Кто-то вошел в кафе и быстро двинул к стойке бара. Старик! Но до чего он мне кого-то напоминает! Старик обернулся. Лицо Велюнда, в современной упаковке одежды смотрело на меня.

— Велюнд! — заорал я,— Велюнд! Вот и встретились! Да как

скоро! Я счастлив, Велюнд!

Мужчина в недоумении уставился на меня.

— Простите, вы видно обознались!

— Я?! — я оторопел лишь на мгновение.— Наверное.

Резко повернувшись, я вышел вон.

Нет, так нельзя. Надо успокоиться. Надо найти способ успокоиться. Иначе сойду с ума!

К врачу что ли сходить? К какому-либо психоаналитику! Ну, уж тогда, воистину век свободы не видать. После моих веселеньких рассказов!

В ночной тиши я возвращался домой На улицах горели фонари. Было чисто. Помню, помню, как валялись скелеты и вся эта труха, там, на тех улицах! Много тогда пришлось повозиться со всеми этими объедками!

Боялись чумы. Спешно все грузили на подводы и вывозили вон. Целое новое кладбище создали за городом.

Я подошел к дому. Осторожно поднялся на лийте достал ключ и открыл дверь. ’

Свет включать не хотелось. Я тихонько в темноте прошел к своему креслу и сел, закрыв на мгновение глаза.

А когда открыл их, на мгновение увидел темный силуэт, напротив.

— Что за чушь?

Я закрыл глаза опять.

— Эш! — знакомый голос позвал меня.

Галлюцинации! Дожил! Начинаются галлюцинации!

Я лихорадочно соображал, что же мне делать.

— Эш! — настойчиво позвал меня голос Велюнда.— Эш! Не волнуйся, это я.

Я открыл глаза и быстро щелкнул выключателем.

Велюнд сидел напротив! Велюнд в своем черном балахоне сидел напротив меня.

— Тебе, наверное легче воспринимать меня так, в этом одеянии.

— Велюнд, скажи, это ты был сегодня там, в кафе?

— Я.

— Почему же ты не признался мне там?

— Ты хотел, чтобы нас с тобой приняли за сумасшедших?

— Почему ты явился сюда, в этот мир?

— Я увидел, что тебе плохо. Что тебе нужна помощь. Ведь ты, когда-то помог нам.

— А ты умеешь перемещаться во времени?

— Но ты же переместился! — Велюнд рассмеялся.

— Я переместился не по собственному желанию.

— Ну, а я, как магистр Белой магии, могу и по собственному.

— Зачем же ты явился сюда?

— Я же уже объяснил тебе. Нет, с мозгами твоими все же что-то не в порядке.— Эш! — Велюнд встал в полный рост.— Я пришел сюда, к тебе, в первый и последний раз. Больше у меня не получится попасть в это время, в этот год, в этот день, в эту минуту — да еще в эту страну, прямиком к тебе!

— Много, я вижу усилий тебе пришлось приложить!

— Да уж, не мало.

— Спасибо, благородный рыцарь!

— Не валяй дурака! Я пришел помочь тебе. Я увидел, почувствовал, как ты мучаешься понапрасну. Ты забиваешь себе голову различными глупостями. Тебе это совсем ни к чему. Надо жить, как жил раньше.

— У меня не получается!

— Получится! Я тебе помогу. Ты должен стать прежним, Эш!

Велюнд вытащил откуда-то какой-то очередной флакончик с жидкостью. На сей раз она была изумрудноярκого цвета.

— Выпей! И все пройдет.

— Но я не хочу забывать прошлое. Я не хочу забывать ничего из того, что случилось со мной!

— Ты и не забудешь! Просто видения и кошмары никогда не будут мучить тебя. Ты станешь прежним.

Я взял в руки флакон.

— Велюнд! Я хочу задать тебе один вопрос! Как там Шейла?

— Прекрасно. Ты же знаешь, она любит тебя. Правда, вышла замуж, за Артура. Но ведь это случается в жизни каждой женщины. Да и семья будет крепче без этих безумств любви.

— Ты так считаешь?

— Нет. Я так не считаю. Я это знаю.

Я поднес ко рту флакон.

— Эш, я действительно прощаюсь с тобой навсегда! Будь здоров!

— Пока.

Велюнд вышел.

Я выпил жидкость.

Потянуло на сон. Я присел в кресло.

...Яркие лучи солнца разбудили меня. Что это со мной? Почему я в кресле? Почему не в постели? Опять перебрал вчера, что ли?!

И тут я вспомнил. Я вспомнил все. Но тяжести, такой, как

раньше уже не было. Мир воспринимался легко и ясно.

Но, все же, Велюнд, прежним я уже никогда не стану!

ЧАСТЬ II

Домик, затерявшийся на одном из перевалов Средних Скалистых гор, всегда пользовался в окрестностях недоброй славой. Жила в нем одна старуха, которую все считали колдуньей. Мало кто наведывался в этот домик, да особенной нужды в этом никто и не испытывал. К тому же, от всего остального мира старуху отгораживал каньон, по дну которого протекала быстрая горная речка. Мост через нее давно уже обветшал, и никто по нему не ездил, а своего автомобиля у старухи естественно не было. То ли она летала на помеле, то ли просто так носилась по воздуху — никто точно не знал. Единственная нить, связывающая ее с внешним миром, был племянник. Но и он хорошей славой не пользовался. Звали его Майкл, и был он пьяницей и бездельником.

Что именно происходило в этом нехорошем доме, никто с точностью сказать не мог. Но в городке рассказывали всякое. Как будто там по ночам собираются на шабаш ведьмы. Другие утверждали, будто в окрестностях дома бродят какие-то ожившие мертвецы. Но деталей никто не мог привести. На всякий случай, Майкла из-за его старой тетушки сторонились. Даже когда старая ведьма умерла, ситуация не очень-то изменилась. Ее похоронили без особых почестей невдалеке от дома, который теперь перешел во владения Майкла. Сам он туда больше и не наведывался. Его утешала мысль, что есть хоть какая-то собственность, которую можно было бы пропить, но никто не соглашался купить дом с такой нехорошей славой. И поэтому Майкл несказанно удивился и обрадовался, когда однажды в баре его разыскал представительный пожилой мужчина, назвавшийся профессором Веймаром Нойби. С ним была пожилая женщина, которую профессор называл Генрееттой и их дочка Эми лет двадцати пяти.

Профессор долго говорил Майклу о том, что устал от городской жизни, что в своем кабинете работать vie может. Майклу все это было до лампочки, он так и не смог понять, чего хочет от него старик. Но такое знакомство Майклу льстило, потому что все его дружки-собутыльники в баре с удивлением поглядывали на пожилую солидную чету.

Наконец Майкл, допив свой стакан виски н поняв, что в бутылке уже ничего не осталось, обратился к профессору:

— Извините, а что собственна вам от меня нужно,

доктор?

Для Майкла звание выше доктора не существовало, так он

называл и местного ветеринара, и директора школы. Так же для него не существовало суммы, большей за тысячу долларов. Все, что ее превышало, было для Майкла уже миллионом.

Профессор улыбнулся и сказал:

— Мне говорили в городке, вам принадлежит небольшой охотничий домик на перевале Скалистых гор*

Майкл, очень гордый, что к нему обращаются, как к собственнику, радостно закивал головой.

— Конечно, это мое наследство от любимой тетушки. Будь она проклята,— добавил он, покрутив в руках пустой стакан.

— Я надеюсь, это не будет кощунством,— замялся профессор если я попрошу вас сдать домик мне на полгода.

Майкл сразу же задумался, какую цену ему заломить. И на всякий случай сказал:

— Но, доктор, это обойдется вам не очень дешево.

Профессор достал чековую книжку и, не говоря ни

слова, выписал чек. Майкл поднес его к самым глазам и, увидев написанную четырехзначную цифру, обомлел таких денег он сроду не видел.

— Ладно, валяй, но только чтобы дом был в полном порядке.

Майкл на всякий случай все-таки поинтересовался, как обменять эту бумажку на деньги, потому что банк городка никогда дело с чеками не имел.

Когда же чек превратился в хрустящие зеленые банкноты, Майкл уже и думать забыл про то, что в доме его тетушки поселился чужой человек. Денег хватило ровно на неделю, и всю эту неделю весь захолустный городишко ходил на голове. Все были пьяны, довольны и сыты.

Вскоре Майкл протрезвел и с удивлением ощупывал пустые карманы. В них не оказалось даже поганого десятицентовика. Он пошел по приятелям, но те были настолько же пусты, как и он, а у кого что и было,не хотели поить Майкла задаром. Пару раз он порывался сходить на горный перевал и стрясти с профессора еще денег за аренду дома, но все-таки он был честным малым и всегда останавливался на полдороги. А, может быть, Майкл уже и не верил, что профессор дал ему за право пожить полгода в доме круглую сумму, и просто боялся подняться на перевал и найти свой дом пустым, потому что тогда пришлось бы признаться самому себе, что у него началась белая горячка и разные видения. Но в самом деле, откуда взяться профессору с женой, да еще и с дочерью, с большим сундуком, набитым аппаратурой, в этом захолустном городишке. И Майкл предпочитал выпивать свою маленькую рюмку виски, взятую в долг, и думать о том, что когда-нибудь профессор спустится с перевала и в знак

благодарности преподнесет Майклу еще один чек. Тогда снова весь городишко будет пьяный и сытый. И все будут хвалить и уважать Майкла.

В конце концов, пьяница смирился с мыслью, что новых денег ему не видать. Но его самолюбию льстила мысль, что в его доме живет знаменитый профессор. И он постоянно выхвалялся этим перед своими собутыльниками. Хотя уже давно прошло полгода, оплаченных профессором, и тот, скорее всего, уехал, просто не предупредив владельца.

Стены подвала охотничьего домика на перевале Скалистых гор были влажными от грунтовой воды. Грязь хлюпала под ногами.

Профессор Веймар Нойби лопатой забрасывал яму, вырытую им же самим в глинобитном полу подвала. Он страшно изменился за эти последние дни, проведенные в доме. Лицо его осунулось, под глазами появились мертвенно-синие круги. Руки его дрожали. Он бросил пару последних лопат земли и разравнял их острием. Ноги подгибались от усталости. Профессор вытер руки о полотенце и сел к столу.

Как хорошо, что Эми уехала раньше, чем случился весь этот ужас, прошептал он и поставил пепеч собой старый большой магнитофон.

Он отмотал белую ракорду, отладил микрофон и на какое-то время задумался. Рука никак не хотела ложиться на выключатель. Профессор рассеянно обвел взглядом подвал. Его взгляд остановился на старой книге в кожаном переплете. Переплет был тесненый, на нем — выдавленный череп, крустированный перламутровыми вставками.

Профессор с омерзением придвинул к себе эту книжку и стал всматриваться в обложку.

— Я сам пошел на это,— прошептал он.

Профессор отодвинул книгу, включил магнитофон и

стал диктовать:

— Я профессор Веймар Нойби диктую сегодня свою последнюю запись. Легенда гласит, что темные силы прошлого написали ужасную «Книгу мертвых». Книга служила им проходом в иные миры, лежащие за пределами нашего. В ней множество заклинаний и колдовских приемов, которые помогали темным силам преодолевать время и пространство.

Она написана очень давно, в те страшные времена, когда моря и океаны были еще красны от крови. Этой кровью и написана страшная «Книга мертвых». В тысяча пятьсотом году до нашей эры книга исчезла. И вот я, профессор Веймар Нойби, проводя раскопки в шумерских гробницах, отыскал ее фрагмент.

Я не сразу понял, что это такое, какой силой она обладает, и по неосторожности, прочитав одно из заклинаний, впустил темные силы в наш мир. Теперь я уже не в силах вернуть их. Это должен сделать кто-то другой.

Профессор еще долго диктовал, диктовал до того времени, пока не кончилась лента, и пустая ракорда не зашелестела по корпусу магнитофона. Тогда Веймар Нойби тяжело поднялся, выключил магнитофон и положил бабину на стопку магнитофонных лент, уже высившихся на краю письменного стола. Он прошелся по подвалу, старательно обходя то место, где только что засыпал яму. Наконец, собравшись духом, он стал подниматься по скрипучей деревянной лестнице наверх, в дом, туда, где произошли ужасные события последних дней.

— Прости меня, Генреетта,— шептал профессор.— Прости меня и ты, Эми. Я же не знал, какую страшную книгу держу в своих руках. И да простят меня все те, кому я принесу зло своим неудержимым стремлением к запретному знанию, которое лучше бы меня **миновало** Профессор, тяжело **и** утомленно ступая, обошел дом осмотрел фотографии, осмотрел все такие привычные и любимые вещи, но потом, как бы стряхнув с себя оцепенение, двинулся к входной двери. Он широко ее распахнул **и** ступил на старое скрипучее крыльцо, сложенное из огромных дубовых плах.

В небе, над самыми верхушками старых деревьев, висел кроваво-красный, мерцающий диск луны.

Профессор посмотрел на него, вскинул руки к небу и закричал:

— Вот он я, вот я! А теперь возьми меня в жертву, возьми только меня и оставь людей в покое!

Его страшному крику отозвалось только глухое эхо. Профессор в недоумении опустил руки. И в этот момент задрожала земля, зашатались деревья, бешено зашелестели листья. Темные тучи мгновенно скрыли кроваво-красную луну,- и вся земля потонула в темноте.

Неведомая сила подхватила профессора и повлекла его в ночь.

Старый добитый форд с тремя девушками и двумя парнями в кабине петлял, взбираясь все выше и выше по серпантину горной дороги, которая змеилась вдоль обрыва большого каньона горной речки.

Пассажиры и шофер весело распевали шуточную песню. Слов до конца никто из них не знал, но каждый знал хотя бы несколько строк, поэтому песня складывалась вполне удачно.

Молодой парень Скотти уверенно крутил руль, вписываясь во

все сложные повороты этой неширокой горной дороги. Ему нравилось, что они небольшой компанией вырвались из города и едут провести выходные в горы, что не будет больше городского шума, ему не будет надоедать телефон, и никто не заинтересуется его исчезновением.

— Так где мы находимся? — бросил через плечо Скотти парню, сидевшему сзади.

Тот, разложив на коленях карту штата, водил по ней пальцем.

— Мы только что пересекли границу графства, сказал Эшли, очертив ногтем на карте крестик. Мы где то здесь,— добавил он, ткнув пальцем в крестик.

И тут в это мгновение, как будто послушавшись голоса Эшли, руль в руках Скотти вдрогнул и стал выскальзывать из пальцев шофера.

Скотти судорожно пытался вернуть его на место, но руль самопроизвольно крутился, все ближе и ближе прижимая машину к обочине. Из-за поворота выскочил красный грузовик дорожной службы. Он несся прямо в лоб старому форду. Скотти делал все, что мог, но ни педали, ни руль не слушались его. Машина, подвластная какой-то чужой силе, неслась навстречу грузовику.

Девушки завизжали. Эшли схватился руками за спинку переднего сиденья, прищемив Скотти плечо. Тот из последних сил попробовал выровнять машину.

И вдруг, эта самая, неведомая, сила отпустила руль. Тот поддатливо повернулся в сторону, и перед самым носом красного грузовика форд вильнул, уходя от столкновения.

Скотти прерывисто вздохнул и вытер вспотевший лоб рукавом.

— Ты что, пытаешься нас убить, скотина! — обратился к нему Эшли.

— Да нет, ты что, просто понимаешь, что-то с машиной. Такая дрянная машина, и угораздило же меня взять именно ее в прокате. Сам не знаю, что с ней случилось.

— Да, гонщик из тебя некудышный. Еще мгновение — и лежали бы мы на дне каньона, на острых камнях. Девчонки, вам такая перспектива нравится?

— Что у тебя за злые шутки, Эшли? Ты что с ума сошел? Нам такая перспектива совершенно не нравится, мы же едем отдыхать, а не на собственные похороны,— вздохнула Линда.

— Да, конечно, отдыхать,— Скотти весело хохотнул и нажал на клаксон.

Резкий звук сирены заполнил окрестности. Девушки от неожиданности вздрогнули.

— Скотти, Скотти, мерзавец! — закричали они дружно.—

Зачем ты нас пугаешь, хватит с нас этого красного грузовика. Хватит, уймись!

Скотти самодовольно ухмыльнулся. Он поднял одну руку с руля и протер ей ветровое стекло, которое и так было чистым. Потом этой же рукой вытер вспотевший

лоб. ˆ

— О господи, пронесло,— сказал он сам сеое. Видимо гонщик из меня действительно некудышный. Да, вспотел. Надо будет по приезду сразу принять душ, иначе

от меня будет разить, как от дикого кабана.

Он попытался сосредоточиться. Одна из девушек, уже совсем успокоившись, хотела продолжить петь.

Но тут клаксон вновь засигналил. Скотти мог поклясться, что не притрагивался к нему рукой.

Шейла, кучерявая брюнетка, потянулась к плечу своего парня.

— Эй, Скотти, я только собралась петь, твоя музыка меня не устраивает.

— **Да** к черту эту машину. Вроде бы все смотрел,— парень зло постучал рукой по приборной панели.— А, такая гадость, все время что-то само включается, тормоза не работают. Но надеюсь, мы доберемся до этого домишка. Правда, Шейла?

Брюнетка поджала губы.

— Ты, кажется, собирался принять там душ? Но ты **ведь не поинтересовался у хозяина, есть ли там** такие **удобства. Может там и туалет во дворе.**

— Ну, это не самое страшное,— Скотти подмигнул своей девушке.— Если будешь бояться выходить одна на улицу, я тебя проведу.

— Места мне здесь не нравятся,— прошептала Линда, беря под руку Эшли, который аккуратно разглаживал карту, разложенную на коленях.— Места здесь не очень приятные,— продолжала она.— Все какое-то осклизлое, мрачное, поросшее мохом.

— Ну ты же этого и хотела,— сказал Эшли.— Ты же романтик. Тебе не нравятся полированный камень, бетон и зеркальные стекла.

— Конечно,— согласилась Линда,— с тобой, Эшли, мне везде будет хорошо.

Эшли взял в свои руки ладонь Линды и легонько погладил, девушка ответила несильным пожатием. Эшли резанул по глазам ярко-красный лак ее ногтей.

— Эш,— **Линда опустила ему голову на плечо.**

— Что, дорогая?

— Да нет. Я передумала говорить.

— Но все же.

— Не буду и все...

Эшли сдавил руку девушки. Та немного скривила губы.

— Заинтриговала и не хочешь говорить.

— Ты будешь смеяться и снова издеваться надо
мной.

— Так ты скажешь или нет/

Я не хочу ехать. У меня снова страшное пред чувствие, нечто ужасное случится с нами.

Эшли недоуменно смотрел на свою подругу.

По-моему, все страшное с нами уже случилось, и лимит на ближайшие дни несчастных проишест-вий мы уже исчерпали.

Неприятности только начались: машина не исправна, мы чуть не слетели в каньон, даже Шейла и та забыла слова песни.

— Знаешь, в городе ты просто не замечаешь неприятностей. На каждом перекрестке тебя может сбить машина, может обвалиться карниз здания, да мало ли еще что.

— Я сама сначала радовалась перспективе провести выходные за городом. Но эти гнетущие предчувствия возникли только что, когда мы пересекли границу графства.

Линда положила свою руку на карту, прикрыв ею крестик, очерченный Эшли.

— Я чувствую холод, исходящий от этого места,— девушка сжала руку в кулак.

— Тебе холодно? Я согрею.

Эшли стал растирать ладонь Линды и дуть на нее:

— Стало лучше?

— Конечно. Мне всегда спокойно с тобой, спокойно, когда ты держишь мою руку в своих.

— И так будет весь уик-энд, я не буду выпускать твою ладонь, и тебе не будет страшно.

Линда встряхнула головой:

— В самом деле, Эш, мне снова хорошо. Это была минутная слабость. Наверное, просто перепугалась того красного грузовика, не каждый день бываешь на краю гибели. Прости, я не хотела тебя волновать.

— И больше это не повторится?

— Я вновь прежняя Линда, я слушаюсь тебя во всем, мне хорошо, и я веселая.

Девушка потрепала Эшли по волосам и улыбнулась.

Лишь одна Алиса, худая, высокая блондинка с длинными, до середины спины, волосами, хранила молчание. Она сидела возле своей подруги Линды, нервно теребя в руках края папки для рисования. В ее сумке мелко вздрагивали карандаши и кисточки.

Она смотрела за окно и думала, что ей предстой! провести пару долгих одиноких дней, ведь ее парень не смог поехать вместе со всей компанией. Алиса, сама не зная для чего, согласилась ехать вместе с этими двумя почти незнакомыми ей парнями, которых она может и ви-дела-то пару раз в жизни на вечеринках у своих друзей.

Местный пейзаж привлекал ее, она уже представляла, как выйдет из дома утром, развернет свою папку и станет делать наброски этих серых, растрескавшихся, выветренных камней, замшелых елей, как на бумаге возникнет блеск горной реки, небольшого, засыпанного опавшей листвой болота.

Эшли, наконец, разгладил карту и чтобы хоть как-то развлечь компанию и завести интересный для всех разговор, обратился к своему приятелю.

— Слушай, Скотти, а что это за место, куда ты нас везешь?

Скотти оторвал свой взгляд от дороги, обернулся, машина вильнула.

— Эй, нет, ты говори, не оборачиваясь к нам. Говори, мы тебя услыший*.

— Ну, хорошо. Как хотите, Место это очень старое,— каким-то странным голосом сказал Скотти.— Можно даже сказать древнее. Там, конечно, может и нет всех удобств, о которых вы, господа, мечтаете, но в общем-то, я думаю, там неплохо. Есть домик, который стоит почти у самого каньона, в нем, как мне *сказал* его владелец, никто не живет, хотя, честно говоря, это странный какой-то мужик. Я с ним познакомился в баре, и он сам, после того, как я угостил его виски, предложил мне отдохнуть в его домике. А цену назвал ну просто смехотворную.

— Какую? — поинтересовалась Линда.

— В общем, смешная цена. Поэтому, мы туда и едем.

— А что там еще есть, кроме домика? — поинтересовалась молодая художница.

— Что, что? А ты думаешь, я там когда-нибудь был?

— Разве тебе не сказал его владелец, что там есть?

— Да он был такой пьяный, чуть языком ворочал. Единственное, о чем он сказал, что домик очень хороший, и нам там понравится,— уже изменившимся голосом продолжил Скотти.

— Ну и с подозрительными личностями ты знаешься,— сказал Эшли.

— Какие-такие подозрительные,— обиделся Скотти.— Самый подозрительный из моих знакомых это ты.

— Да нет, я же не какой-нибудь алкоголик. А ты без всяких рекомендаций решил снять дом.

j Ну как раз-то рекомендации у этого алкоголика Майкла и были. Он когда начал распивать вторую бутылку, все плел про какого-то профессора. Не помню уже точно, как звучало его имя, не то какой-то немец, не то австриец, Веймар, вроде бы его звали. Так вот, как будто этот профессор снимал у него домик целых полгода, вместе с семьей.

— Ну и что? — удивился Эшли.— Понравилось там этому профессору?

— А черт его знает,— пожал плечами Скотти._

Я же сам с профессором не говорил, а этому типу верить не очень-то и хочется.

Но тут в разговор встряла Линда.

— Пока ты там ходил по городу, я кое-что разузнала. Про этот домик рассказывают самые страшные вещи. Как будто бы там жила какая-то старая ведьма, тетка твоего пьяницы Майкла.

— Ведьма,— присвистнул Скотти.

— Да, да, настоящая ведьма,— Линда до боли сжала руку Эшли.— И как будто, после ее смерти, там на горе происходят страшные вещи.

— Да ну тебя,— Эшли положил руку на плечо своей подруги. — Не пугай хотя бы Алису. А то видишь, она уже и разговаривать не может. Ей совсем страшно.

Алиса натянуто улыбнулась и отложила в сторону папку для рисования.

— Да нет, ребята, не считайте, что я уже такая несчастная. Не обращайте на меня внимание. Вы-то хоть все и по парам, а я одна, но мне все равно хорошо. Именно этого я и хотела, иначе бы не поехала.

— Алиса, а ты со своим развитым воображением можешь представить ведьму? — поинтересовалась Линда.

— Ведьму. Ты знаешь, в принципе, могу, но очень смутно.

— Смутно, это как?

— Понимаешь, для меня ведьма — это что-то не

конкретное, нереальное. Я не могу представить, что она имеет какие-то четкие формы,— голосом искусствоведа вещала Алиса. ˆ

Но Линде только это и нужно было. Она хотела, чтоы ее подруга **разговорилась,** чтобы исчез барьер отчуждения между ними всеми, чтобы они **превратилисьˆ в** одну монолитную компанию, чтобы у mix оыло одно оощде **на** всех дело. И тогда, Линда была в этом уверена, им оудет зесело и хорошо, и тогда этот уик-энд удастся. Потом уже в городе, они будут с удовольствием вспоминать’ как провели два дня далеко в горах, на берегу каньона!

Эшли остановил разговор, ударив Скотти по плечу:

— Слушай, парень, карта показывает, что где-то здесь нам пора сворачивать. А ты несешься, как угорелый. Сейчас мы куда-нибудь вылетим и потом долго будем выбираться и долго будем искать дорогу назад. Карта четко показывает, что на следующем повороте нам нужно свернуть на проселок.

— Какая карта. Я и без нее представляю. Ведь Майкл мне сказал, что на тринадцатой миле будет поворот на проселок.

— На какой миле? — поинтересовалась Алиса.

— Да на тринадцатой. Я еще сам удивился, почему на тринадцатой? А он говорит, что его тетка сама вымерила расстояние от городка и именно на тринадцатой миле решила построить свой домик.

Действительно, Скотти притормозил и после первого поворота они увидели указатель, стоявший на обочине. Это был большой кусок фанеры с надписью, отбитой под трафарет: «Этот мост находится в аварийном состоянии, и вы переезжаете через него на свой страх и риск».

— О, это как раз то, что мне нужно. Ведь я классный гонщик! — крикнул Скотти.— Сейчас я вам продемонстрирую свое мастерство.

— Скотти, Скотти! Спокойнее! — закричала Линда.— Не спеши, ты что читать не умеешь? В аварийном состоянии. Риск.

— Да какой к черту риск.

Скотти смело свернул на мост. Шейла подбодрила его:

— Давай, Скотти, разгоняйся, и перелетим этот мост, как на крыльях.

Но Скотти, увидев хлипкие, прогнившие доски, немного сбавил скорость, и машина, осторожно и неуверенно, въехала на мост. Настил под ней заходил ходуном. Пара прогнивших досок сорвалась вниз и бухнулась в горный поток.

Алиса, высунувшись из окна, с ужасом смотрела на почти кипящую под ними, далекую воду.

Автомобиль двигался осторожно, как бы на ощупь. Казалось, что он ощупывает протекторами каждую доску. А доски, из которых было сложено покрытие моста, вздрагивали и напоминали клавиши разбитого пианино.

Они подскакивали при каждом прикосновении к ним Ржавые гвозди с визгом выскакивали из своих гнезд. Доски одна за одной обрывались.

Но пассажиры автомобиля этого не видели потоми что машина медленно двигалась по мосту, а доски обры' вались уже за ней. Хрустнула балка, и переднее колесо автомобиля зависло прямо над стремниной. Мотор мгно венно захлох.

Скотти, отпустив руль, вытер крупные капли пота на лбу.

— О черт! Действительно риск, действительно это серьезно. А мы так легкомысленно отнеслись к предупреждению. Сейчас нам всем будет конец.

— Да брось ты,— попытался его успокоить Эшли.

Алиса буквально вжалась в сиденье. Она уже приготовилась вскинуть руки, прикрыть голову так, как рекомендуют делать при авиакатастрофах.

Эшли осторожно распахнул заднюю дверцу и ступил на шатающийся настил.

— О господи! Действительно мы вляпались.

— Да ничего. Ничего,— справившись с испугом, закричал Скотти.— Этот мост, я скажу вам, как каменный. Он стоял миллион лет и еще миллион лет будет стоять. Так что, девчонки, не трусьте. Сейчас я газану, и мы помчимся.

Шейла, оторвав ладони от лица, глянула на Скотти.

— А мне кажется, что этот мост заговоренный. Может, старая ведьма, сумасшедшая тетка Майкла, про которого ты рассказывал, его заговорила, и ничего с нами не случится.

— Да, конечно, ничего не случится,— Скотти смело нажал на педаль газа.

Старый форд вздрогнул, посыпались доски, но машина уже успела выскочить передними колесами на противоположный берег. Все облегченно вздохнули. Они даже боялись оглядываться назад. ˆ

_ Ну все, теперь отлично, теперь выорались,—

радовалась Шейла.

— Вы такие веселые,— мрачно сказала ллиса. Как будто бы, назад нам отсюда не придется выоираться.

Все как-то немного поутихли, и в самом деле *поняли,* что дорога назад почти отрезана, ведь вряд ли машине удастся вновь преодолеть этот разболтанный и доломанный мост. *n*

— Ну и что,— не потерял присутствия духа Скотти,— машина ведь не наша, мы ее брали на прокат. Доедем от домика до моста — тут же недалеко — бросим ее и пройдем пешком. Пятерых людей ведь мост выдержит. А там пусть фирма, давшая нам на прокат машину и разбирается с ней. Это будут ее проблемы. А мы скажем, что машина просто сломалась. Да это будет и недалеко от истины. Я сам удивляюсь, как она сюда добралась.

Скотти вывел машину на можжевеловую аллею, в конце которой грязно белел старый охотничий домик. Машина ползла, как черепаха, подпрыгивая на толстых корнях, вздрагивая всеми внутренностями, пригибая к земле бампером высокую траву, которой успела зарасти дорога.

Казалось, что еще один-два толчка, один-два камня, и этот форд рассыпится на куски, развалится прямо на глазах.

Но ребята, охваченные радостью победы, успехом преодоления злополучного моста, не обращали на это внимания. Ведь машина была не их собственная, ее взяли на прокат — и поэтому, чтобы с ней не случилось, они особо не волновались. Ведь они ехали отдыхать, хотели провести два дня, как можно более интересно и насыщенно.

Скользили по ветровым стеклам автомобиля огромные мохнатые лапы елей, цеплялись за корпус автомобиля ветви деревьев, сыпались листья, но машина продиралась сквозь заросли по узкой аллее, стремясь как можно ближе подъехать к дому.

Скотти развернул машину на широкой аллее, засыпанной желтыми, вперемешку с красными, осенними листьями, и припарковал ее возле старой секвойи.

Компания, утомленная тряской дорогой, наконец-то вышла на твердую землю.

Нестерпимой голубизны небо простиралось над ними. Такое, как бывает только в северных широтах ранней весною или поздней осенью. Холодный ветер свистел в ушах. Здесь, на высоте, ему не было преград, и он всей своей силой наваливался на деревья, на людей, на одинокий охотничий домик.

Казалось, тут только что кто-то был. Кружились в танце подхваченные ветром листья, раскачивалась̂ со скрипом подвешенная на цепях парковая скамейка, вздрагивали оконные ставни.

Скотти критично осмотрел компанию: никто высказывать свое восхищение домом не спешил, и тогда он на чал первым.

— А дом ничего. Смотрите, ребята, теперь таких не строят, бревна-то какие, а? В локоть толщиной. Навека стоит. И ни ветер, ни ураган, ему не помеха. Думаете, мало тут ураганов было на его веку?

Скотти сделал несколько шагов по направлению к дому, но никто не двинулся вслед за ним.

Ну и что, ребята, что он маленький. Нам хватит.

— Мне этот дом явно не нравится,— вновь взялась за старое Линда.

— И ты, Эшли, такого же мнения?

— И мне дом напоминает мертвеца.

— Не надо меня пугать! — возмутилась Линда.— Мы же с тобой договорились, Эшли.

Скотти махнул рукой на остальных и решил сам заняться поисками ключей, ведь все-таки он сам договаривался с этим

пьянчугой Майклом, и дернул же черт не поинтересоваться насчет ключей.

Парень поднялся на скрипучее крыльцо и обернулся. Его друзья стояли возле машины, и почему-то небольшое расстояние между ними вдруг показалось Скотти огромным. Фигурки друзей казались маленькими, и ему подумалось, что даже добежать до них он не сможет. Но дом оказался незапертым.

Скотти легко толкнул дверь, и она открылась. Ключи торчали с обратной стороны двери. Связка легко зазвенела в руках парня.

— Тут, наверное, такие места, что посторонние здесь не ходят! — крикнул он своим друзьям.— Давайте быстрее в дом.

Он повертел на пальце массивное бронзовое кольцо, с интересом рассматривая старинные, какие уже многие десятилетия не делают, ключи. Подумав несколько мгновений, он положил их на дверной косяк сверху.

— Так, ну что, с новосельем,— Эшли взошел следом за другом на крыльцо.

За ними поднялась Линда. Она сразу же плюхнулась на раскачивающуюся скамью, взмахнула ногами, оттолкнулась от толстых духовых плах, из которых было сложено крыльцо и принялась раскачиваться, напевая веселую песенку.

Эта песенка как-то мгновенно разрядила то гнетущее настроение, которое охватило прибывших к дому ребят.

Скотти переступил порог охотничьего домика.

— Эй, Скотти,— послышалось ему вслед.— Слушай, подожди, не хоти туда,— говорила Алиса.

— Чего это, не ходи.

— Знаешь, а может твой профессор, с чудной автрий-скои фамилиеи, никуда и не уезжал, может он сидит в до ме, и мы будем *рдя* него незваными гостями.

— Да нет, посмотри, нигде не видно следов человека Все тихо.

Скотти, смело переступив порог, в темноте нащупал выключатель и зажег свет.

— О, так тут и свет есть! — радостно выкрикнула выглядывая из-за плеча своего парня Шейла,— ну и запустение! — воскликнула она, уже хорошо присмотревшись.

На полу толстым слоем лежала пыль. В камине гостиной чернели неприбранные уголья. Зеркала тоже покрывала пыль, и Шейла рассматривала себя сквозь серую вуаль.

Даже нахальность Скотти куда-то улетучилась, настолько нежилым казался дом. Он расхаживал по гостиной, и его шаги отдавались гулким эхом в нежилом доме. Лампочка, казалось, светила слишком тускло по сравнен нию с ярким вечерним

солнцем.

Но подбодренный криками приятелей, Скотти принялся осматривать дом дальше. Тяжело скрипели толстые дубовые половицы. Взгляд Скотти упал на старинные часы в черном лакированном корпусе. Парень долго их рассматривал. Он прекрасно понимал, что место этим часам никак ни в этом заброшенном доме, они должны висеть где-нибудь в антикварной лавке или в каком-нибудь шикарном замке. Настолько они были красивы и старинны. Он осторожно открыл дверцу часов, смахнул с циферблата пыль и толкнул маятник.

Неожиданно, даже для него, в механизме часов что-то хрустнуло, потом раздался щелчок, и тяжелый медный маятник качнулся. Скотти удивленно отпрянул. Он никак не ожидал, что часы пойдут от прикосновения его пальцев. Но маятник мерно и неспешно принялся раскачиваться. Витая минутная стрелка, дернувшись, переместилась на одну черточку.

Скотти приподнял рукав своей куртки и взглянул на часы. Потом также осторожно, указательным пальцем он перевел стрелки, установив точное время. Механизм старинных часов продолжал работать. Скрипели пружинки, вращались шестеренки. И только какой-то шелестящий звук, как будто сотня маленьких насекомых переползает внутри, паразил парня. Но он не придал этому звуку никакого значения. Он закрыл дверцу и принялся дальше осматривать дом. Казалось, что здесь уже несколько месяцев никто не жил и даже не заглядывал сюда.

Но в доме, к приятному удивлению Скотти, было все. На полках стояла посуда, целыми были стулья, столы. Огромные кровати застелены и убраны. Только пыль красноречиво говорила о том, что здесь уже давно не ступала нога человека. Что уже давно не прикасалась рука хозяйки к столам, стульям, посуде, ко всему, что заполняло этот странный дом.

На стенах висели головы убитых животных. Их стеклянные глаза, подернутые пылью, внимательно смотрели за Скотти, который неторопливо двигался по комнате.

Покачивались на цепях какие-то сельскохозяйственные приспособления, топоры и пилы стояли у стен, тяжелые кузнечные тиски были прикреплены намертво к. массивному верстаку.

— Ну что ж,— сам себе сказал Скотти.— Я думаю, нам здесь будет неплохо. Дрова есть, камин, видимо, работает, так что, если мы его разожжем, здесь будет очень тепло и приятно.

С этими мыслями он вышел на крыльцо. Его друзья, открыв багажник форда, выкладывали на ковер желтых листьев все то, что привезли с собой. Здесь было вино, пиво, банки с консервами,

компоты, хлеб, большие тяжелые дыни, скрученные и перетянутые кожаными ремешками спальные мешки.

— Ребята, а здесь и не так плохо, как я себе представлял,— сказал Скотти.

— Ты же расхваливал этот дом, как мог,— откликнулся Эшли.

— Ну знаешь, я даже не подозревал, что тут есть водопровод и ванна,— Скотти похлопал друга по плечу.— Так что, берите все шмотки и тащите в дом. Мы вмиг его обживем. Главное, развести огонь и вытереть пыль, тогда здесь можно будет жить.

Девушки принялись наводить порядок, а реоята взялись колоть дрова и разводить огонь в камине. Труоа давно отсырела, и дым никак не хотел идти в нее. Едкое удушье наполняло гостиную.

Но вскоре труба немного подсохла, и дым ровной струей потянулся вверх.

Скотти удовлетворенно вздохнул.

— Теперь полный порядок. Нужно только не заоы-вать время от времени подбрасывать дрова.

Эшли сложил возле камина высокий штабель дров прислонил к нему кочергу и, как завороженный, смотрел на огонь, покручивая в руках рукоять тяжелого топора, который он сам не знал зачем притащил в дом.

— Знаешь что, Линда,— обратился он к своей девушке,— когда я смотрю на огонь, мне всегда вспоминается закат. Как будто садится солнце.

Линда пожала плечами и глянула в окно.

— Ив самом деле уже закат. Солнце садится за соседний хребет. Мне всегда в детстве было так страшно, когда я смотрела на закат. Мне думалось, что солнце зайдет и больше никогда не вернется, что навсегда настанет ночь и ночь эта будет вечной.

— Да ладно вам философствовать,— подошла к ним Алиса.— Давайте лучше, будем собирать на стол, я уже ужасно проголодалась. Эта дорога, тряска вконец меня измотали.

Все воспрянули. Действительно, каждый в этот момент почувствовал, что ужасно голоден, и что сейчас самое время поужинать.

Девушки быстро нашли в старом комоде хрустящую накрахмаленную скатерть, заслали ею огромный дубовый стол и принялись выставлять на нее уже вымытую посуду и те продукты, которые привезли с собой из города. В центре стола поставили темные бутылки с красным вином. Разложили вилки, ножи, оказавшиеся, как ни странно, тут в достатке и даже в изобилии.

— Слушай, Линда,— спросила Шейла,— а куда пропала

Алиса? Ты ее не видела?

— А кто ее знает, может быть, пошла осматривать окрестности. Ведь она приехала сюда рисовать. А не заниматься тем, чем будем заниматься мы с тобой.

Девушки переглянулись. Алиса в это время сидела в комнате напротив старинных часов. У нее на коленях лежала папка для рисования, а в руке — остроотточенный карандаш.

Часы ее поразили, и она решила зарисовать их на память, ведь никогда прежде с такими часама сталкиваться ей не приходилось. И она, как художник, понимала, эти часы действительно произведение искусства, и их обязательно надо увековечить. Качался маятник, неторопливо передвигалась от черточки к черточке витая стрелка.

За окном уже сгустилась ночь, и электрическии свет, заливавший выбеленную комнату, казался безжизненным. В золоченом выпуклом маятнике отражалась вся комната, но не такой, какой была на самом деле, изображение было уменьшенным и перевернутым. При каждом взмахе маятника перед Алисой проплывала уменьшенная комната, в которой она сама сидела вниз головой и что-то рисовала в маленькой папке еще меньшим карандашиком.

Алиса и сама не могла ответить себе на вопрос, почему ей вдруг захотелось подойти поближе к этим странным часам и всмотреться в колышущийся маятник. Она отложила папку, подошла и взглянула на блестящий выпуклый металл. Там была она, там было ее лицо, но какое-то странное, непонятно искаженное. Оно напоминало не то видение, не то ужасный сон. Девушка несколько мгновений пристально вглядывалась в свое лицо, качающееся в сверкающем маятнике. Холодок озноба пробежал по ее спине. Она вздрогнула и отпрянула от часов, в которых шелестел невидимый механизм, как ей показалось, шелестело время, медленно просачиваясь в никуда. И тогда в ее голове мелькнула дикая мысль: «Я должна нарисовать их сейчас, и если я не успею нарисовать их до того времени, как минутная стрелка коснется цифры десять, все пропало, все будет кончено. Время уйдет безвозвратно. Я должна успеть нарисовать эти часы. Я должна их нарисовать, пока никто не вошел в комнату. Только я одна, и ни от кого это больше не зависит».

Девушка лихорадочно водила карандашом по бумаге, вслед за острием возникал четкий рисунок черного старинного корпуса часов. Но на рисунке часы получались безжизненными. Маятник неподвижно завис, коснувшись стенки.

И что не делала Алиса, как ни подрисовывала, не удавалось передать движение маятника. Часы были на рисунке мертвыми.

— О черт,— сказала девушка, когда сломался карандаш.

И в это же мгновение она подняла глаза и увидела, что маятник старинных часов застыл у одной из стен в таком положении, как будто чья-то невидимая рука его держала, не давая сдвинуться с места. Маятник завис на самой высокой точке своей амплитуды колебания. Витая минутная стрелка как будто бы прилипла к цифре десять. Было без десяти шесть.

Но, как ни странно, остановившиеся часы начали бить. Они били все громче и громче, все меньше времени оставалось между ударами. Они били больше двенадцати раз.

Оторопевшая Алиса сбилась со счета. За окном зашелестел сухой листвой ветер, ставни ударились в стены, и окно распахнулось. Подхваченные ветром занавески метнулись на улицу и распростерлись там двумя широкими белыми крыльями.

Алиса хотела броситься к окну и закрыть створки, как вдруг почувствовала, что не может подняться. В ее ушах звенел и звенел бой курантов. С преобразившимся от ужаса лицом Алиса что было сил сжала обломок сломанного карандаша. Альбом задрожал на ее коленях, и девушка с ужасом заметила, что лист с изображением часов затрепетал, с треском оторвался и закружил по комнате. А ее рука, помимо ее воли, обломком карандаша принялась водить на белом листе непонятные линии. Линии складывались в странный, ужасающий рисунок. Карандаш прорывал бумагу, оставляя черные глубокие полосы.

Алиса не сразу сообразила, что же нарисовала ее рука. Перед ее глазами из дрожащих неровных линий представало изображение странной книги, на обложке которой была искаженная ужасом рожа с выпученными страшными глазами.

Как наваждение неожиданно началось, так неожиданно и прекратилось. Пальцы расжались, карандаш со стуком упал на пол. Шторы перестали развеваться.

Алиса ошалело осмотрелась по сторонам, не видел ли кто того, что произошло с ней буквально мгновение назад. Но она в этой комнате была одна. Также висели на стене часы, также ровно светила лампочка. Также на ее коленях лежала папка для рисования.

Алиса с омерзением оторвала большой лист с рисунком странной книги, скомкала его и швырнула на пол.

В это мгновение вновь качнулся маятник, и витая стрелочка переместилась на одно деление. Но что-то все равно происходило странное. Дом, как показалось Алисе, начал вздрагивать и качаться. Но она видела на каком мощном фундаменте, из дикого камня, он построен. Значит, это не дом, а что-то другое. Ее взгляд скользил по дубовым доскам пола. Люк, ведущий в погреб,

приподнимался. Но он не мог открыться, потому что толстая стальная цепь удерживала его. Она проходила через массивное кольцо и была крепко закреплена большими коваными скобами к полу. Погреб был закрыт тяжелым старинным

Широкая дверь распахнулась.

— Алиса, долго тебя ждать, уже все в сборе

От этого голоса Алиса судорожно вздрогнула и стремительно повернула голову к вошедшей. Это была Линда

Девушка широко улыбалась.

Ну скорее, скорее, мы заждались, уже все на столе, все стынет. Скорее. Ребята хотят вылить.

Алиса отложила папку и нетвердой походкой направилась в гостиную, где за большим столом сидела вся компания.

Линда только хотела закрыть дверь, как Алиса остановила ее.

— Нет, не надо. Пусть двери будут открыты. Я хочу видеть свою комнату.

Линда недоуменно пожала плечами, но она уже привыкла к странностям своей подруги.

— Как хочешь,— сказала она.— Тебе в этой комнате спать, ты и выбирай. Если боишься, что кто-нибудь влезет в окно, то могу тебя разочаровать. От нам миль на десять ни одного живого человека.

Алиса хотела объяснить подруге, что с ней произошло нечто странное, но как-то не решилась, а может быть, и постеснялась.

— Мне сказали, что вы заждались меня,— сказала Алиса, глядя на громко чавкающего Скотти.

Тот улыбнулся:

— А я и не собираюсь кого-нибудь ждать. Что, тут особое приглашение нужно? Мы приехали отдыхать, так что садись за стол и отдыхай.

Алиса села так, чтобы видеть в открытых дверях своей комнаты люк, ведущий в погреб с лежащей на нем тяжелой цепью. Скотти дожевал кусок мяса и поднялся из-за стола.

— Я хочу поднять свой бокал за этот чудесный день, который так удачно кончился. Мы не упали в каньон, не разбились, добрались до этого уютного дома и сейчас отдыхаем. Я хочу выпить за этот чедесный, уютный дом. За этот вечер.

Эшли смотрел на своего друга и не понимал, чему тот так радуется. В доме царила промозглая сырость, которую не мог разогнать даже жарко растопленный камин.

Алиса пугливо поглядывала на крышку люка, ведущего в погреб.

Одна только Шейла с умилением смотрела на нахального Скотти, который сказав свой тост, ковырялся ногтем мизинца в

зубах.

— Ну так что, думаете вы пить или так и будете смотреть в свои бокалы?

Скотти запрокинул голову и уже успел влить в себя половину содержимого большого хрустального бокала как вдруг со страшным грохотом в комнате Алисы откинулась тяжелая крышка люка. Взвизгнула скоба, вырываясь из доски. И все затихло.

За столом царило молчание. Все испуганно смотрели в открытую дверь на зияющее чернотой отверстие в полу.

Скотти подхватился первым и бросился в соседнюю комнату. За ним к люку подбежали и все остальные. Некоторое время они молчали, вслушиваясь, что же творится внизу. Но там было тихо.

— Что это? — промолвил Эшли.

— Бог его знает,— пожала плечами Линда.

— Что бы это ни было,— сказала Алиса,— но оно там, в подвале сидит.

Она показывала пальцем в темноту, куда, как бы приглашающе, спускались стертые деревянные ступени крутой лестницы.

— Закроем и все,— окончила Алиса.

— Животное, наверное, какое-нибудь,— предположила Шейла.

— Животное,— рассмеялся Скотти, глядя на свою девушку.— Животное, говоришь, посмотрим, какое там животное.

Он сунул ногу в темноту и резко ее отдернул.

Все испуганно отскочили от люка. А Скотти довольно расхохотался.

— Ну вы, трусы. Никто не хочет сходить вниз, посмотреть на диковинное животное? — Он окинул взглядом друзей.

Эшли как-то неудобно отвел взгляд. Алиса испытующе посмотрела на Скотти.

— А тебе самому слабо слазить? Или только можешь вот так, кончик ноги туда опустить.

Скотти обиженно нахмурился.

— Ну ладно, если вы такие трусливые, то я спущусь сам.

— Что бы вы ни говорили, ребята, но что-то там есть, и Скотти прав, надо проверить что именно там прячется.

— Черт с вами, могу и один сходить,— бросил Скотти, взял с каминной полки электрический фонарик, проверил, работает ли он — фонарик работал и Скотти удовлетворенно хмыкнул.— Ну и черт с вами, трусы, схо-

И смело, как на прогулку, он начал спускаться в чеи-ный провал люка. и

Я скоро вернусь,— бросил он из темноты.— Ждите меня, не

выпейте все. Я скоро.

Все настороженно молчали. Всех охватило странное жуткое оцепенение. Скрипели истертые ступеньки, и этот душераздирающий звук действовал на нервы.

Прошло несколько минут гнетущей тишины. Скотти не появлялся. Эшли освободился от объятий своей подруги, присел на корточки у черного провала и, свесив туда голову, крикнул:

— Эй, Скотти, Скотти, ты меня слышишь!

Но ему никто не ответил.

— Ты что, нашел там что-нибудь интересное и не хочешь признаться?

В ответ была тишина.

— Послушай, Эшли, может он там нашел клад? Золотые монеты и не хочет с нами делиться? — Линда захохотала.— Слушай, Эшли, сходи, а то он все заберет себе. Он же ужасный жмот. Я его уже давно знаю. Сходи проверь,— шутила девушка.

Но по ее голосу было нетрудно предположить, что она просто хочет, чтобы Эшли пошел туда и узнал, что же там со Скотти.

— Скотти, Скотти,— вновь крикнул в черный провал Эшли.

— Скотти,— присев на колени, крикнула туда Шейла.— Скотти.

— Да он дурачит нас,— сказал Эшли.

— Точно, наверное, дурачится. Шутки, правда, у него не очень хорошие. У меня на душе кошки скребут.

— Может, он там кошку и ловит,— попытался пошутить Эшли.

Но его шутка не произвела на девушек должного впечатления. Они робко и испуганно жались друг к другу, оо-ясь подходить к черному зияющему провалу.

Эшли все это уже начало раздражать. Он уже несколько раз чертыхнулся про себя, не любил подобных шуток. Эшли ступил на скрипучие ступени, ведущие в подземелье.

— Дайте мне фонарь.

— Послушай, Эшли,— сказала Линда, но ведь у нас только один фонарь, и он у Скотти.

— Ну тогда дайте какую-нибудь лампу . ˆ

Шейла побежала и принесла из гостиной керосиновую лампу «летучая мышь», которая уютно горела в ком нате. Эшли взял ее и принялся спускаться в **погреб**

Но **тут** забеспокоилась Алиса: *

— Эшли, не ходи.

— Это еще почему?

Эшли замер с занесенной над ступенькой ногой

— А если ты не вернешься?

— Я не такой дурак, как Скотти.

— Я боюсь, ты не вернешься,— настаивала Алиса.

— Ты этого хочешь?

— Ты пропадешь, как Скотти,— вполне серьезно сказала девушка.

— Тогда следом пойдет Линда.

— И она тоже пропадет.

— На поиски пойдет Шейла.

— Я не хочу оставаться одна. Вы будете сидеть в подвале, а мне не хватит духу туда спуститься. Я умру от страха.

— Не глупи, Алиса, я обещаю, этого не будет.

— Я бы просто закрыла люк.

Эшли пожал плечами и исчез в темноте.

— Хоть ты не пропади! — крикнула ему вдогонку Линда.

Глубина и размеры подземелья неприятно поразили Эшли. Свет его фонаря не доставал до противоположной стены. Он скользил по заплесневелым огромным валунам, из которых были сложены стены погреба. Странные приспособления, не известные ему, болтались на тяжелых ржавых цепях. «Наверное, сыры»,— подумал Эшли и прикоснулся пальцем к одному из мешков. Тот при**нялся** раскачиваться, скрипя цепью. С ржавых водопро**водных** труб капала вода. Свет от лампы продолжал скользить по заплесневелым мрачным стенам.

Наконец, он уперся в низкую дверь с массивным кольцом вместо ручки. Под ногами чавкала и хлюпала вода.

Эшли несколько раз брезгливо поморщился. «Здесь, наверное, крысы водятся»,— подумал он, переступая **через** полусгнившие ящики и какие-то рваные тюки.

Эшли, **с трудом преодолевая страх и брезгливость,** толкнул низкую **дверь. Она противно заскрипела** и **откры**лась. **Следующее помещение было еще больше** и **просторнее.** Со **стен свисали цепи. На полу чернел прямоугольник недавно разрытой земли.**

Эшли зацепился за черенок лопаты и чуть не упал, несильно ударив лампу о стену. На удивление, в этом помещении было довольно сухо и чисто. Но темнота здесь казалась еще более густой, еще более непроницаемой.

Парень приподнял лампу как мог выше и только хотел оглядеться, как вдруг откуда-то снизу прямо к его лицу вынырнуло смеющееся лицо Скотти. Эшли отскочил от испуга.

— Ну ты и трус,— хохотал Скотти.

В призрачном свете лампы, страшным оскалом блестели его большие здоровые зубы.

— А ты козел,— сказал Эшли.

— Что, испугался,— не унимался Скотти.— Ну ладно, если ты уж набрался смелости спуститься в подземелье, я тебя кое-чем порадую.

Скотти взял Эшли за руку и подвел к большому письменному столу.

— Ты посмотри, чего здесь только нет,— и Скотти схватил в руку немного тронутое ржавчиной охотничье ружье-двустволку.— Немного почистить и полный порядок.

Увлекшись, Скотти навел ствол ружья прямо на Эшли. Тот испуганно отвел его рукой в сторону.

— Я же говорил, ты трус,— рассмеялся Скотти.— Тут и патроны где-то есть. Я уже два вставить успел.

Эшли, не обращая внимания на дурацкие шутки приятеля, осматривал стол. Его внимание привлекла явно старинная книга в немного истлевшем кожаном переплете. Он взял ее в руки. Странный холодок пробежал по спине. Прямо с обложки на него смотрел перламутровыми глазницами вытесненный на коже череп. Эшли поморщился и открыл первую страницу.

— Боже ты мой, ты посмотри только! — изумился он.

Но Скотти был так занят своей находкой, что не обратил на книгу внимания. Эшли листал страницы — это была очень странная книга, ни одной понятной буквы, какие-то закорючки, кабалистические знаки и рисунки. Самое страшное в этой книге были рисунки: черепа, отдельно нарисованные глаза с тянущимися от них нервами, какие-то крылатые твари с перепонками между пальцев, ужасные рожи. Кое-где в книге были закладки. Одна из них выпала на стол. «Книга мертвых», прочитал на ней Эшли.

Еще его поразила сама обложка. Она хоть и была полуистлевшей, но в то же время, казалась очень твердой и тяжелой. Эшли провел пальцами по ее бугристой поверхности. Его передернуло, как от прикосновения к страшной жабе. Ему было неприятно. Он пощупал листы, они тоже были сделаны из кожи, только более хорошо обработанной и выделанной. Они казались глянцевыми, и от прикосновения к ним, тот же леденящий ужас пробегал по телу парня.

Он захлопнул книгу и положил на стол.

— Смотри, смотри,— толкнул в плечо Эшли приятель.— Смотри, что я еще нашел.— Он держал в руках огромный полуметровый кинжал.

Его кривое волнистое лезвие матово сверкало, рукоять была сделана из цельного куска кости. Она изображала странное фантастическое существо — химеру. Пасть этого жизотного оскалилась, глаза смотрели на того, кто держал кинжал в своих

руках.

Скотти испуганно, преодолевая страх, сунул мизинец в открытую пасть химеры и мгновенно отдернул.

— Ты боишься, что она тебе откусит палец?

— Нет, я боюсь, он просто застрянет у него во рту и придется вырывать зубы. А это не очень приятно.

— Слушай, ну и мерзкая же она,— сказал Эшли, разглядывая голову химеры.

— Да, почти такая, как твоя предыдущая девчонка, та у тебя тоже была страшная. Но это еще не все,— похвалялся Скотти.— Среди этого хлама есть и полезные вещи.

Он вытащил на середину письменного стола большой тяжелый магнитофон, такой, каких уже давно не выпускали, с большими бабинами широкой магнитофонной ленты.

— А вот и еще записи,— Скотти подгреб к себе стопку бабин. — Может там музыка, сейчас дискотеку наладим. Девчонок полапать можно будет.

Скотти радостно грузил ленты на магнитофон, а Эшли никак не мог оторвать своего взгляда от лежащей на столе книги. Он вновь открыл ее на первой попавшейся странице. Прямо на него смотрел какой-то ужасный монстр, красная рожа его извивалась, как языки пламени. Что-то знакомое почувствовалось при прикосновении к тонким кожаным страницам. Но Эшли так и не мог сообразить что.

— Эй ты, парень! — крикнул ему Скотти.— Собираешься в этом подвале всю жизнь просидеть. А как же праздник? — И Скотти затопал, весело насвистывая, к лестнице, ведущей наверх, где их уже заждались девушки.

— Ну-ка, девушки, смотрите, какого мы зверя подстрелили,— Скотти, довольный, поставил на пол тяжелый магнитофон.

Шейла осторожно приблизилась к магнитофону и сдула с него пыль.

— Ну и древность же ты выкопал.

— Ничего, он нам послужит. Послушаем, что на этих лентах.

Все собрались в гостиной. Есть уже никому не хотелось, и поэтому все уселись на полу, подстелив подушки, у жарко растопленного камина.

Скотти вставил вилку в розетку и включил магнитофон. Из динамиков послышался хорошо поставленный мужской голос:

— Много лет тому назад я проводил раскопки,— слышалось из магнитофона.— Мы вместе с женой удалились в хижину на перевале Скалистых гор, и здесь я продолжаю свои исследования.

— А, черт, это не музыка, какой-то сумасшедший вел свой дневник,— щелкнул клавишей перемотки Скотти.

— Не надо,— остановил его Эшли и вернул переключатель на прежнее место.— Это, наверное, тот профессор, который жил в доме,— предположил он. Стоит послушать умного человека.

Звук вновь полился из динамиков:

— Тут ничто меня не отвлекает, ничто не действует на меня из современной цивилизации, тут я пытаюсь расшифровать руны в найденной мной книге. Я нашел ее при раскопках шумерских гробниц. Книга называется «Призыв к мертвым». Она сделана из человеческой кожи и написана человеческой кровью.

Алиса вздрогнула, а Линда вцепилась в руку Эшли. Но тот и не подумал выключить магнитофон.

— Эта книга имеет способность вызывать к жизни злых духов, которые ходят по лесу вокруг дома. Они мертвые, но никогда не бывают мертвы до конца. Эти духи, вызванные к жизни, хватают живых и обладают ими,— чеканил слова профессор.

Скотти широко *улыбнулся* и начал выть *волком. Алиса* зло передернула плечами и бросила ему:

— Заткнись, идиот!

Но Скотти еще сильнее завыл, закатив глаза к потолку. Шейла обняла его за плечи и уткнулась лицом парню в грудь. Скотти нагнулся и щелкнул ручку перемот-

ки. Засвистела пленка, закрутились бабины.

— Да ну его!

Я хочу послушать,— неожиданно для всех сказала

Алиса.

Скотти недоуменно посмотрел на нее.

— Ну ладно, если хочешь слушать эту дрянь, я включу.

Он включил запись на середине. Из динамиков послышался все тот же профессорский голос, но говорил он что-то непонятное, какие-то странные, леденящие душу слова, доносились из динамика. Какой-то страшный, забытый язык зазвучал в этом доме.

Слова звучали мрачно, гортанные звуки, придыхание — ничего этого не было в английском языке.

Скотти недоуменно смотрел на пленку. Бабины крутились медленно и неумолимо. И так же неумолимо звучал голос.

— Это, наверное, молитва из этой книги,— догадался Эшли.

— Выключи! — вдруг дико завизжала Алиса, заткнув руками уши.— Выключи! Я не могу этого слышать! — Она вскочила на ноги и принялась бегать по комнате.— Я же сказала, выключи!

Но все как будто онемели от ее крика.

От непонятных слов молитвы-заклинания, записанных на магнитофонной ленте, зашевелилась у дома листва, начала подрагивать земля, зашатались деревья. Из-под истлевших

листьев полилось странное свечение. Оно было горячим и холодным одновременно. Ветер срывал, как одежды, листья с земли. Земля дымилась, странный смрад исходил из ее недр.

Дрожащая рука, в останках плоти, поднялась из земли. Пальцы судорожно сокращались. Гигантские кривые ногти казались багровыми. Вихрь закружил у дома. Рухнуло старое высохшее дерево, оно упало на стену дома и выбило большое окно.

Все вскочили и испуганно забегали по гостиной. А магнитофон продолжал работать. Вертелись бабины. Мужской голос продолжал читать молитву-заклинание, мерно, однообразно и жутко.

У Алисы случилась истерика. Она, закрыв ладонями лицо, выбежала из гостиной. В большой комнате остались Скотти и Эшли. Они принялись бранить друг друга.

— Это ты ее довел! — говорил Скотти.

— Да нет, это ты притащил дурацкий магнитофон.

— Да, я его притащил, но я никого не заставлял слушать.

Что ты, не знаешь, она очень впечатлительная. ˆ — Дª какая, к черту, впечатлительная,— сказал Скотти.— Обыкновенная истеричка. Зачем мы ее только взяли с собой. Одни неприятности.

— Ладно, ускопойся, назад мы ее отправить не можем.

Эшли подошел к распахнутому, **выбитому окну и вы**бросил кривую сухут ветку на улицу. Потом **опустил вто**рую раму. В комнате стало тихо.

— Слушай, Эшли, она, наверное, психопатка. Ведет себя, как будто ей только три года.

Но в этот момент Эшли словил себя на том, что понял, какое ощущение преследовало его в глубоком мрачном подвале, когда его пальцы прикасались к листам книги. Да, это было ощущение прикосновения к человеческой коже, к такой же коже, как у его подруги или у его приятеля Скотти. И от этого он зябко передернул плечами и огляделся. Ему было не по себе. Какое-то гнетущее настроение охватило парня: полная безысходность. Эшли не знал, что предпринять и чем заняться. Он несколько минут бродил из угла в угол, смотрел на огонь, смотрел на вертящуюся бабину, на хвост магиитной ленты, который шелестел о корпус магнитофона.

Наконец, он сбросил с себя оцепенение и нажал кнопку. Бабины замерли.

Вечер явно не сложился. Все разбрелись по своим комнатам. Эшли сидел на диване вместе с Линдой.

— Слушай, как там наша Алиса? Я не понимаю, что с ней случилось.

— Не понимаешь, тогда сходи, посмотри.

Девушка легко вскочила с мягкого дивана, застучали каблуки по темному коридору. Она приоткрыла дверь в комнату своей подруги. Посмотрела и вернулась. К ее приходу Эшли уже вытащил из нагрудного кармана своей рубашки небольшую сувенирную коробочку. Он прикинулся спящим, отбросил голову на подушку дивана.

Линда вошла и, увидев своего парня, улыбнулась. Ее взгляд упал на коробочку. Линда понимала, что Эшли не спит, а только притворятеся. Но ей нравилась эта игра. Она присела рядом с парнем и начала осторожно подби**раться рукой** к коробочке на его колене. Эшли немного **приоткрыл** глаза. Линда метнула в его сторону взгляд, и парень быстро вновь закрыл их. Рука девушки все ближе и ближе подбиралась к коробочке. Эшли вновь попробовал приоткрыть глаза, но чуть не встретился со взглядом девушки. Наконец, Линда схватила коробочку но Эшли тут же стал тянуть ее назад.

А, ты не спишь! — закричала Линда.— Обманщик.

Эшли сказал:

— Это тебе.

Девушка открыла подарок. На дне, на мягком атласе, лежал медальон, отполированный горный хрусталь, оправленный в тонкую серебряную рамку, и длинная витая цепочка. Линда удивленно вскинула брови.

— Это в самом деле мне?

— Конечно,— сказал Эшли,— ведь я так люблю тебя.

— Как это мило с твоей стороны.— Линда повернулась к Эшли спиной и сказала: — Помоги мне надеть.

Парень расстегнул замочек и набросил цепочку на шею девушки.

— Я хотел подарить это тебе еще в городе,— говорил Эшли.— Но потом как-то не решился. Подумал, что тут мы останемся с тобой наедине, ведь так и получилось, правда?

— Конечно,— сказала Линда.— Очень милая штука. Мне нравится.

Она приподняла медальон и сквозь стекло посмотрела на Эшли.

— Ты в зеркало посмотри,—сказал Эшли.— По-моему, медальон тебе очень идет.

Девушка подошла к зеркалу в деревянной раме и поправила украшение.

— Эшли, я тоже люблю тебя,— сказала Линда.

Парень подошел к ней, обнял сзади за плечи. Девушка вывернулась и поцеловала его. Они стояли обнявшись, и

казалось, ничего не замечали. Они были счастливы.

Они даже не догадывались, что, сидя у камина, их видят в приоткрытую дверь Скотти и Шейла. Но тем было не до чужой любви. Они тоже обнимались и целовались. Шейла сбросила блузку, так горячо было сидеть у жарко растопленного камина. Скотти был более прогматичен, чем его друг Эшли. Он ничего не подарил девушке, а только предложил ей выпить. Но и Шейла была немного попроще Линды. Она спокойно взяла стакан и стала пить терпкое красное вино.

— Эту ночь мы проведем вместе? — спросил Скотти.

— Ну конечно, а зачем я сюда еще ехала, удивилась Шейла.

Единственным человеком, которому нечем было наняться в этом доме, была Алиса. Она сидела за туа четным столиком и у же в третий раз расчесывала **свои** длинные волосы. Ей было скучно. И в то же время ужасно тревожно.

У нее из головы не выходили слова профессора, услышанные в гостиной, когда ребята прослушивали магнитофонные записи. В ее ушах все еще продолжали звучать слова заклинания-молитвы. И как ни пыталась девушка отбросить неприятные мысли, они все равно не шли из ее головы.

Вдруг ей показалось, что за ней кто-то подсматривает, кто-то пристально наблюдает. Алиса запахнула поплотнее халат, затянула потуже пояс и подошла к большому окну. Но сколько она не пыталась взглядеться в густую темноту, в тот прямоугольник света, который лежал под самым окном, она так ничего и не увидела. Но ощущение, что за ней наблюдают не покидало ее. Тогда девушка решила выйти из дому. Она прошла по длинному коридору, распахнула дверь, которую сквозняк тут же захлопнул, и стала пристально вглядываться в темноту.

— Кто-нибудь тут есть? — крикнула она в ночь.— Есть кто-нибудь?

Клубился туман, он рваными клочьями полз между стволов деревьев. Свет лампочки, приделанной к фронтону дома, освещал замшелые стволы, качающиеся ветви. Линда сошла с крыльца на пожухлые облетевшие листья и, шелестя ими, двинулась дальше, продолжая взгляды-ваться и время от времени спрашивая у темноты:

— Здесь есть кто-нибудь? Здесь есть кто-нибудь?

Ощущение, что прямо рядом с ней, кто-то или что-то

находится не покидало ее. Но девушка не испытывала страха. Ее вело непонятное ей чувство любопытства: что же такое может быть, чего она не видит. Алиса вытягивала вперед руки, как бы пытаясь нащупать то невидимое, что наблюдает за ней.

Девушка сама не заметила, насколько далеко отошла от

дома. Когда она оглянулась, несколько робких точек света были перед ее глазами. «Это окна дома», подумала она, но страха не испытала.

Алиса никак не могла понять, что так неудержимо влечет ее в ночь, заманивает в глубину леса.

— Я знаю, что здесь кто-то есть, я знаю! — продолжала кричать девушка.

Но так же, как и прежде плыли рваные клочья тумана, за которыми ничего не было видно.

Не притворяйтесь! — сама не знала Алиса как вырвались у нее эти слова.— Я слышала вас! Вы были в погребе. Не прячьтесь! Я не боюсь вас! Это вы открыли крышку люка.

Она прислушалась. Ночь полнилась шорохами, скрипом деревьев. И вдруг, где-то совсем недалеко, с грохотом и треском рухнуло старое дерево. Алиса вздрогнула, но ноги ее как будто приросли к земле. Странные нечеловеческие звуки, хрипы заполнили все вокруг. Алиса затравленно озиралась. Она вдруг поняла, что не знает, в какой стороне дом, не знает, куда нужно бежать. Звуки, хрипы и стоны слышались со всех сторон. Они наплывали на нее вместе с туманом. Скрипели деревья, сыпалась листва. Вокруг девушки закрутился вихрь.

Лес вокруг Алисы зашевелился, ожил. Стали падать деревья, хрустели ветки, выворачивались пни. Казалось, сама земля заходила ходуном под ней. Алиса не могла понять, в какую сторону ей броситься. Туман спрятал от нее последние проблески света в окнах дома. Зашелестела под ногами листва, они начали разлетаться в разные стороны. Земля принялась вздыбливаться, из-под ее поверхности начали со скрипом выскакивать длинные извивающиеся корни. Они, как руки, потянулись к ней и принялись опутывать тело. Они цеплялись за ноги, обвивались, как змеи, ползли к ее лицу. Они опутали уже руки, торс, захлестнули шею и стягивались все туже и туже.

Девушка кричала, но ее крик тонул в ночи. Она судорожно дергалась, пытаясь освободиться, вырваться, броситься бежать, но не могла двинуться с места, прикованная этими страшными корнями к земле. Корни с острыми шипами принялись срывать с ее одежду. Они рвали ткань, халат разошелся на груди. Ночная рубашка клочьями висела вокруг ее бедер. Глаза девушки были полны ужаса и страдания. Она кричала, но не столько от боли, боль можно было терпеть, сколько от ужаса, который переполнял ее. На голове шевелились волосы. Они шевелились так же, как ветви деревьев. Даже маленькие травинки, тонкие стебли тянулись к ней, опутывая и связывая.

Алиса собрала всю свою волю, всю свою силу и с истеричным

криком судорожно рванулась. Корни, как гнилые веревки, начали рваться. Она освободила вначале одну ногу, потом другую. На острых шипах оставались куски ее одежды. Кровь текла по рукам и лицу. Она еще раз, собрав все силы, рванулась и почувствовала, что свободна.

Алиса бросилась бежать напролом, не зная куда У нее было только одно инстинктивное желание/желание спастись любой ценой, выжить, убежать, спрятаться. Она мчалась, не разбирая дороги. Ветви хлестали ее по лицу срывая остатки одежды. Девушка истерично кричала хватала воздух, которого ей не хватало. Задыхаясь, oim падала, вскакивала на ноги и вновь продолжала бежать. Она не понимала сама, как, каким способом, каким чувством смогла найти дорогу к дому. Алиса выскочила на аллею, по которой еще несколько часов тому они приехали к этому странному заброшенному жилищу. Она мчалась по аллее, туда, где впереди, сквозь клочья тумана, виднелся теплый свет, туда, где были люди, туда, где была дверь, за которой можно спрятаться.

Но что-то неведомое, невидимое и непонятное ей гналось следом. Шелестели листья, они закручивались вихрами, взлетали высоко в небе и сыпались тяжелым дождем.

Девушка падала, и то, что гналось за ней, казалось, вот-вот настигнет ее, схватит и убьет.

Но Алиса успела добежать до дома, припала к двери и принялась колотить кулаками. Ребята, занятые любовью, не слышали этих страшных стуков, не слышали ее крика. Стены дома были очень толстыми.

Когда девушка поняла, что ей осталось жить на этом свете совсем недолго, ее рука нашла на дверном косяке связку с ключами. Она судорожно принялась перебирать ключи в руках, пытаясь воткнуть в замочную скважину. Но то ключ не подходил, то кольцо выпадало из рук. А то, что гналось за ней, было уже совсем рядом, уже буквально в нескольких метрах шелестела листва.

Наконец, один из ключей вошел в замочную скважину, и Алиса зажмурив от ужаса глаза, повернула его. Щелкнула пружина замка. Дверь распахнулась. Алиса упала на порог дома и закричала. Сознание покидало ее. Она слышала еще, как на улице валятся деревья. Алиса вздохнула и почувствовала, что кто-то схватил ее за руку. Она вскрикнула. Над ней склонился Эшли.

— Скорей, скорей закрой дверь,— прошептала девушка. .

Эшли, недоуменно глядя на нее, быстро закрыл дверь.

_ Неужели ты не слышал? — прошептала Алиса.

— Что? — удивился парень.

— Деревья, там падают на улице деревья. Там кто-то ходит.

Эшли не поверил ей. Он прислушался: тишина, и только лишь ветер шелестит на улице листвою.

— Что такое? — Скотти выбежал в переднюю.— Что случилось? Почему ты в крови?

Алиса куталась в наброшенную ей на плечи куртку Эшли.

— Да, наверное, она лисы испугалась,— прошептал на ухо другу Эшли.

— Да какая лиса! — услышав реплику, возмутилась Алиса.— Нет никакой лисы. Неужели она могла бы меня покусать. Там что-то ужасное, я чувствую это. Оно гналось за мной, хватало меня, рвало с меня одежду.

Эшли смотрел на девушку и видел, как дрожат ее руки, как сочится кровь из неглубоких ран.

— Успокойся,— сказал он.

— Это деревья! — продолжала кричать Алиса.— Они набросились на меня, обкрутили корнями, хотели разорвать на части.

— Да ну ее, истеричка,— бросила Шейла,— Пусть

ляжет, проспится, отдохнет.

— Я не могу здесь больше оставаться! — кричала Алиса, топая босой ногой по ковру.— Я должна уехать отсюда немедленно!

Скотти устало вздохнул:

— Ну вот, началось. Я же говорил, не нужно было брать ее.

— Заткнись! — крикнула Алиса.— Я должна уехать отсюда немедленно! В город! Я не могу здесь больше оставаться!

Эшли внимательно посмотрел в глаза девушке. Там читался настоящий, неподдельный испуг. И он понял, если он сейчас же не исполнит просьбу Алисы, она сойдет с ума.

— Алиса, деревья не могут нападать на людей,— пыталась успокоить ее Линда.

— А это, это что! — восклицала Алиса, показывая на сочащуюся из ран кровь.

Эшли произнес:

— Это ты оцарапалась, когда, испугавшись, бежала через лес. Наверное, какой-нибудь зверь вспугнул тебя.

— Я уже сказала, я должна уехать. Мы все должны отсюда уехать, пока живы.

Скотти твердо сказал:

— Я никуда не поеду, я останусь здесь на все выходные. Ведь правда, Шейла? За дом заплачено.

Шейла пожала плечами:

— Мне тоже не хочется уезжать, но как-то жалко ее.

Одна только Линда обняла Алису за плечи.

Эшли, может, ты в самом деле отвезешь ее в город? К утру вернешься.

Эшли глянул на свою девушку, его взгляд остановился на хрустальном медальоне.

— Я должна уехать в город,— твердила Алиса.

— Ты только послушай, какие глупости говоришь,— пробовал успокоить Алису Эшли.

— А мне плевать, как я говорю, мне плевать, какое впечатление на вас произвожу, но я должна уехать!

— Ладно, ребята,— Эшли набросил на плечи плащ,— я ее завезу, пусть будет так, как хочет девушка.

Он пропустил Алису вперед, и та тотчас же бросилась к машине. Эшли сел за руль и попробовал завести мотор, но стартер никак не хотел справляться со своим предназначением. Он только **взвывал,** а мотор оставался **без** движения.

— Это они не дают завестись машине,— прошептала Алиса.— Понимаешь, Эшли, это они, их тут полный лес.

Парень недоуменно посмотрел на девушку и еще раз повернул ключ в замке зажигания. Мотор взревел.

— Ну вот видишь, это же глупости,— сказал Эшли и включил фары.

Скотти, Шейла и Линда стояли на крыльце, ослепленные светом фар автомобиля. Задним ходом Эшли вывел машину и, развернув, поехал по можжевеловой аллее.

— Их тут полный лес,— твердила Алиса.— Осторожно, смотри.

Но сколько Эшли не всматривался, он не мог увидеть ничего, кроме обступивших дорогу огромных можжевеловых кустов. Парень не спешил разгонять машину, он помнил, что впереди аварийный мост. И ему не хотелось в этой туманной темноте сбросить машину в каньон.

Аллея кончилась, и Эшли остановил машину.

— Ты зачем это сделал, ты почему стоишь? — изумилась Алиса.

— Подожди немного.

Эшли вышел из машины и пошел по дороге, освещенной фарами автомобиля. Алиса с испугом смотрела ему в спину. Наконец, Эшли остановился.

_ Ты что-нибудь увидел? — обеспокоенно выкрикнула Алиса. — Ты куда?

Но Эшли скрылся в тумане. Тогда, кутаясь в куртку Алиса двинулась за ним следом.

— Эшли, так что ты там видишь, куда ты исчез?_

Она пугливо косилась на качающиеся ветки деревьев.

Наконец, показался и Эшли. Он стоял на самом краю обрыва. Свешивались вниз проломанные балки моста валялась посреди дороги вывеска. Перед ними была пропасть, которую невозможно было преодолеть. Они были обречены оставаться на этом берегу.

Алиса закричала:

— Нет! Этого не может быть!

Эшли пытался оттащить ее от края обрыва, но девушка рвалась и кричала.

— Я не могу здесь оставаться, я должна выбраться!

Парень тащил ее к машине, а девушка истерично кричала, брыкалась и пробовала укусить его за руку.

— Пусти, пусти меня, я должна выбраться отсюда!

— Но куда же ты пойдешь, там пропасть. Мост рухнул.

Ему еле удалось затолкать Алису в машину, и он, с трудом развернувшись на узкой площадке, помчался к дому.

— Это они обрушили пост,— странно-доверительным тоном шептала Алиса.

— Кто они? — осторожно поинтересовалася Эшли, он уже начинал подозревать, что с Алисой не все в порядке.

— Мертвецы, я чувствую их, они прячутся в лесу, но скоро придут.

— Ты лучше успокойся, не думай об этом.

— Они придут и заберут всех нас.

Алиса внезапно замолчала, опустив голову.

Алисе дали большую дозу снотворного и уложили в постель. Она, казалось, уснула. Осторожно, чтобы не греметь, Эшли и Скотти вышли в гостиную. Немного успокоенные девушки разложили пасьянс. Скотти, чтобы хоть как-то успокоиться, принялся перекладывать дрова у камина. А Эшли не покидало какое-то беспокойство. И он уже понимал, оно связано с магнитофоном, который стоит в гостиной. Он взял его, приладил наушник, чтобы никто больше не слышал, и включил запись.

Уже знакомый ему голос профессора продолжал свою исповедь.

Теперь я знаю, что в мою жену вселился этот древний демон, — твердо говорил профессор.— Единственный способ, каким можно справиться с восставшими мертвецами, это расчленить их. Я видел темные тени в лесу, вокруг дома. Это я призвал к жизни злой дух.

Конечно, если бы Линда и Шейла слышали то, что говорит профессор, они бы не смогли так весело смеяться и играть. Девушки в то время показывали друг другу карточные фокусы. Линда брала из колоды каргу и, повернув ее обратной стороной к

подруге, просила отгадать что это за карта. И, как ни удивительно, у Шейлы получалось. Но только наполовину. Достоинство карты она угадывала по рубашке, а вот масть никак не совпадала. Вместо черной она называла красную.

— Это семерка,— напрягая все свои способности, говорила Шейла.— Подожди, подожди, семерка червей.

— Ну, почти что угадала. Семерка пик,— сказала Линда, поворачивая карту.— Ну как тебе? — обратилась она к Эшли.

Тот, не совсем понимая, в чем дело, закивал головой.

— Великолепно, мне нравится,— он дальше слушал профессора.

Линда подняла вторую карту, повернув ее рубашкой к подруге.

— А это что?

— Это — валет,— с уверенностью в голосе произнесла Шейла.— Только вот масть я никак не могу увидеть. По-моему, черная.

— А нет, вот тут-то ты и ошиблась,— захлопала в ладоши Линда.— Это бубна.

Линда подняла очередную карту и замолчала. Прямо на нее смотрела дама пик.

— Дама пик,— вдруг послышался у нее за спиной

голос.

Линда испуганно оглянулась. В дверях стояла Алиса. Она прикрывала лицо руками. Линда быстро отбросила карту и подняла другую. Не гляда на карту, Алиса правильно назвала ее.

— Четверка треф.

Линда еще раз сменила карту.

— А это тройка червей.

Алиса вдруг страшно закричала и отдернула руки от лица. Это было страшное зрелище: все увидели лицо Алисы но уже другое, такое, словно она месяц пролежала в гробу и успела изрядно разложиться. Ее голова самопроизвольно моталась на шее. Пальцы рук с длинными ногтями вздрагивали и судорожно сжимались. Кожа была мертвенно-синей.

— Теперь, теперь! — послышался страшный крик, но губы Алисы не открывались. Крик исходил откуда-то изнутри.— Зачем вы разбудили нас, зачем вы подняли нас из могилы? А теперь я пожру вас одного за другим.

Тело Алисы оторвалось от пола и зависло в воздухе. Ее руки неестественно сгибались, выворачиваясь из суставов. Она казалась раздувшейся, нереальной, сделанной будто из мягкой резины. Одежда колыхалась. На лбу девушки зияло страшное пятно гнили, сквозь которое проглядывали кости черепа. Глаза

были закрыты, мертвенносиние губы шевелились. Она усмехнулась дикой, кровожадной улыбкой.

Все испуганно отпрянули к камину.

— Что такое? — обернулся Скотти.

Тело Алисы лежало на полу. Казалось, она просто потеряла сознание и упала. Ее лицо выглядело таким же, как и прежде.

Линда и Эшли подошли к лежащей на спине девушке.

— Мне страшно, Эшли,— прошептала Линда.— Ты видел ее лицо?

Эшли рассматривал Алису. Она была прежней: исцарапанное перепуганное лицо, с каким она прибежала из лесу. Раны слегка подхосли и немного затянулись. Кровь не текла. Единственное, что поражало — это мертвенная бледность.

Эшли боязливо пригнулся к ней, пытаясь приподнять голову.

Никто не заметил, как из широкого рукава куртки вылезла рука, тронутая гнилью. Пальцы судорожно шевелились, что-то ища. Наконец, они нашли карандаш, валявшийся на полу. Рука сжала его, и тут Алиса резко вскочила, судорожно визжа. Она изогнулась и вонзила карандаш прямо в щиколотку Линде. Та дико заорала. Алиса, хохоча и кривляясь, заметалась по гостиной.

Эшли попытался остановить ее, но она легко отбросила его в сторону, нанося один за другим удары всем, кто попадался ей под руку. Полетел на пол Скотти. Удар — и Линда рухнула под стол. Шейла прикрыла лицо руками и сжалась. Алиса взлетела в воздух, ее голова моталась, лицо было жутким. На нем вновь проступили трупные пятна, разложившаяся кожа обвисла вокруг рта. Волосы развевались. Она истошно визжала не разжимая губ. Булькающий звук доносился изнутри

С ооломком карандаша, с которого капали густые капли крови, кривляясь и вереща, со страшным оскалом на синем лице, Алиса неторопливо приближалась к Эшли который пытался выбраться из-под рухнувшего на него стеллажа. Она размахивала рукой, готовясь всадить карандаш в тело парня.

Скотти хотел ее остановить. Он обхватил ее за плечи, но Алиса легко сбросила его руки, толкнула, и парень отлетел к камину. Ее зубы, когда она открывала рот, были страшными, желтыми, изъеденными.

Скотти схватил тяжелый топор, размахнулся и обухом нанес сильный удар в плечо Алисы. Та пошатнулась и упала на пол, но тут же попыталась подняться. Скотти ударил ее ногой в грудь. Она откинулась на спину. Он продолжал наносить один удар за другим, не давая этому страшному существу подняться на ноги и уничтожить их.

Наконец, Алиса смогла подняться на четвереньки. Но Скотти

уже распахнул тяжелый люк. Он поднял крышку и вновь нанес удар. Алиса упала в люк, тут же попытавшись из него выбраться. А Скотти отбивался ногами, размахивая топором, боясь использовать свое орудие для того, чтобы убить девушку. Он еще не понимал, что это уже не Алиса, что это уже зловещий мертвец.

Алиса уцепилась за его ногу и попыталась стянуть парня в сырой погреб. Скотти кричал, пробуя выдернуть ногу из цепких, гнилых пальцев зловещего мертвеца. Наконец, ему это удалось. Он привалил тяжелый люк, но зловещий мертвец успел просунуть руки на поверхность, не давая крышке захлопнуться. Тогда Скотти обухом принялся колотить по пальцам. Из погреба раздавался жуткий визг, клекотание, вопли и рев. Казалось, что там, под дубовыми досками, все шевелится и ходит ходуном. Казалось, что там не один зловещий мертвец, а целый полк, целый легион, и они, дикой стаей, орут и бьются в крышку, пытаясь вырваться из-под земли, пытаясь влететь в дом и уничтожить всех, разорвать все живое на части.

Но Скотти молотил и молотил своим топором, пока не услышал пронзительный вой: пальцы исчезли под люком. Парень лихорадочно начал продергивать цепь сквозь скобы, пытаясь закрепить крышку. Крышка колотилась под ним, но Скотти все же успел продеть цепь и защелкнуть на ней замок. Он пытался перевести дыхание, но люк под ним еще вздрагивал, и в щели то и дело мель кали страшно блестевшие глаза девушки-мертвеца.

Никто из молодых людей даже не знал что и сказать что и предположить. Линда корчилась от боли на полу' сжимая кровоточащую щиколотку. Эшли подхватил ее* занес в соседнюю комнату, положил на кровать.

Линда, что с тобой, тебе не очень больно?

Линда слегка улыбнулась в ответ.

— Я не понимаю, что происходит,— шептала она._

Что с нами происходит?

— Попытайся уснуть,— успокаивал ее Эшли.— С Алисой все будет в порядке, я разберусь.— Он погладил Линду по голове и протянул ей несколько таблеток снотворного.— Усни, тебе это поможет.

Линда послушно взяла таблетки и проглотила их. Вскоре она уже спала. Эшли бережно накрыл ее одеялом и вышел в гостиную.

Скотти и Шейла сидели на ковре возле камина. Из приоткрытого люка доносились жуткие звуки: завывания, стоны, то и дело в щели просовывались синие трупные пальцы с загнутыми ногтями. Они цеплялись за толстую цепь, пытаясь ее оторвать. Слышались щелканье челюстей и вой.

— Я не могу этого слушать! Что с ней? — причитала Шейла.

— Нам надо рвать отсюда когти,— проговорил Скотти.— Я не желаю тут больше оставаться.

Люк содрогался. Эшли с ужасом смотрел, как перебираются к краю отверстия синие пальцы с черными ногтями.

— Скотти, нужно подождать, покуда рассветет,— сказал Эшли.

— Я не могу столько ждать! — взвился Скотти.— Мы здесь сойдем с ума! Посмотри на это! — Скотти указал пальцем на приоткрытую крышку люка.

Оттуда на Эшли смотрели налитые злобой и кровью глаза чудовища.

— Давайте немедленно сядем в машину и поедем к мосту. А там как-нибудь выберемся! — кричал Скотти.

— Что *Yd* жуткий шум, что за жуткий шум,— повторяла, сжимая виски Шейла.

Она упала на колени и уставилась на приоткрытый люк. Оттуда показалась страшная рука, трясущая цепь. Пальцы пробегали по краю доски, они тянулись из погреба к девушке.

— Боже! Боже! - кричала Шейла— Я сойду с ума'

Я сейчас сойду с ума! *у*

Но в ответ на ее мольбу слышался дикий хохот скрежетание костей и клацанье зубов. Если бы девушка могла видеть то, что происходит в черноте погреба она бы умерла на месте. Там копошилось, извивалось, судорожно вздрагивало страшное полусгнившее существо, которое даже человеческим трупом было назвать тяжело. Остатки плоти колыхались на костях, свешиваясь, гной капал из глазниц. Черный язык облизывал растрескавшиеся губы.

Что с ней стало? Почему? Почему? Я не понимаю!

И вновь слышался дикий хохот.

— Все обойдется, все обойдется, моя маленькая девочка. Успокойся,— говорил Скотти, подбрасывая дрова в камин, но его рука не оставляла тяжелый топор.

— Скотти, послушай, мне кажется, что там кто-то есть,— девушка показала за окно, за которым мерно раскачивалась на железных цепях лавка.— Там кто-то есть.

— Нет, успокойся, успокойся и постарайся уснуть.

Скотти повел свою девушку в спальню. Но Шейла не

улеглась, она подошла к окну и принялась смотреть в темноту ночи.

Вдруг там поднялся странный вихрь. Оконная рама развалилась на несколько кусков, и стекло посыпалось к ногам девушки. Она дико закричала. От этого крика Скотти подхватился и бросился из гостиной в комнату. Шейла спала в постели. Окно

было выбито. Скотти осмотрел обломки рамы, но ему в этот момент показалось, что в комнате кто-то есть. Он боязливо отдернул полог, который завешивал проход в маленькую кладовку. Там никого не было. Он обернулся:

— Шейла! Шейла!

Но в постели уже никого не было.

— Шейла, Шейла,— повторял Скотти, бродя по дому, переходя из одной комнаты в другую, отворяя одну за другой двери.

Скотти зашел в ванную комнату, и ему показалось, что там, за целлофановой шторой, кто-то есть. Он отдернул ее, но там было пусто.

И в этот момент чья-то рука легла ему на плечо, ин обернулся. Вторая рука со страшными длинными ногтями впилась в лицо, нанося сразу четыре длинных кровоточащих разреза. Он закричал.

Подхватился с дивана и помчался на помощь другу

Эшли.

Шейла оохватила ногами своего парня, повисла на нем, скрежеча зубами. Ее глаза были сумасшедшими полными злобы. Она впилась в него ногтями, рвала одежду, пытаясь вцепиться в горло. Но Скотти вырвался, сбросив с себя девушку. Та несколько раз перевернулась на полу и упала головой в камин. Вспыхнули волосы. Скотти и Эшли смотрели, как горит голова Шейлы. Комнату заполнил удушливый смрад горелого мяса.

— Не подходи к ней! — кричал Эшли.— Она тоже мертвец! В нее вселился злой дух.

Но Скотти бросился и потянул Шейлу за ноги из камина. Он все еще верил, что это не мертвец, а его девушка. Шейла корчилась и шипела.

— Спасибо! — звучал неестественный скрипучий голос.— Спасибо, что вытащил меня! Потому что я не знаю, чтобы со мной стало, если бы я лежала головой в огне.

Руки Шейлы взметнулись и впились в горло Скотти. Крышка люка подпрыгивала, звенела цепь, там блестели глаза Алисы, раздавалось удовлетворенное хихиканье.

— Спасибо, спасибо,— хрипела Шейла, все сильнее сжимая горло Скотти.

Эшли бросился на выручку другу, но Шейла одним ударом руки отбросила его к шкафу. Дверца проломилась, и Эшли влетел вовнутрь. А Шейла, лицо которой все больше и больше менялось, покрываясь трупными пятнами и плесенью, сдавила двумя пальцами горло Скотти и нагибала его голову все ближе и ближе к ревущему в камине огню. Скотти хрипел, но никак не мог

оторвать руки Шейлы от своего горла.

Эшли, не зная что предпринять, сжал в руках топор. Он все еще не решался броситься на Шейлу. Скотти хрипел, а Шейла все ниже и ниже пригибала его к огню. Но парень уперся руками в жерло камина и никак не давал засунуть себя в огонь. Тогда одной рукой Шейла схватила лежащий на каминной полке кинжал с волнистым лезвием, найденный в подвале, схватила за рукоять-химеру и занесла его над Скотти.

Парень, изловчившись, сумел вытянуть из-за пояса охотничий нож и всадить его в руку с кинжалом. Шейла заверещала и отпрянула. Скотти так и не разжал своих пальцев на рукоятке ножа. Лезвие вывернулось и отхватило кисть Шейлы. Кисть болталась на обрывке кожи, все еще сжимая длинный кинжал. Из отрезанной руки хлестала густая черно-красная кровь. На полу образовалась горячая лужа. Зловещий мертвец-Шейла истерично хохотала, а ее тело сотрясали конвульсии и судороги Она корчилась, как будто у нее вырывали зубы.

Наконец, рука с тяжелым кинжалом оторвалась и упала на пол. Пальцы обрубленной руки еще продолжали сгибаться. Зловещий мертвец нагнулся и поднял волнистый кинжал, молниеносным движением вогнал себе в живот, еще сильнее хохоча и визжа, клацая зубами. Из открытой пасти химеры хлынула черно-красная кровь, смешанная с желтым гноем. Тело сотряслось и рухнуло на пол, вздрагивая, как гнилой холодец.

Скотти и Эшли с ужасом и содроганием смотрели на это разложившееся существо, которое еще подавало признаки жизни.

Скотти не выдержал первым, он подошел к тому, что еще недавно было его девушкой. JНо в это мгновение зловещий мертвец вскинул целую руку и схватил Скотти за грудь. Скотти отпрянул, и вместе с ним поднялся зловещий мертвец. Его лицо было страшным. Оно полностью состояло из запекшейся крови и двух сверкающих, гноящихся глаз. Кровавый язык слизывал густую липкую кровь с растрескавшихся губ. Мертвец урчал, булькал, пытаясь что-то сказать. Но вместо слов из раскрытого рта вырывались фонтаны крови, заливавшие пол.

Скотти и Эшли отходили к стене. Л зловещий мертвец, переваливаясь с ноги на ногу, приближался к ним, глядя на свои жертвы невидящим взглядом. Страшный обрубок руки тянулся к Скотти. Вторая рука с загнутыми почерневшими ногтями искала Эшли.

— Руби ее, руби! — закричал Скотти.— Руби!

Но Эшли мешкал, он прижимался к стене, все крепче прижимая к себе тяжелый топор. Скотти подбежал к другу и вырвал страшное орудие. Он принялся рубить тело, еще недавно

такое дорогое для него. Полетели куски мяса. Кровь хлестала из вен, шевелились на полу руки, ноги. Изгибался торс, голова продолжала открывать и закрывать рот, из которого валились хлопья кровавой пены и гноя. Черные веки вздрагивали, глаза смотрели со злобой.

Охваченный истерикой Скотти рубил и рубил тело на все более мелкие куски. Кровью почти полностью залило ему лицо, руки, его клетчатая рубашка стала черно-крас-ной от крови. Эшли прижался к стене и старался не смотреть на страшное зрелище. Его всего передергивало, крутило, он едва сдерживал порывы рвоты.

Вскоре силы покинули Скотти, он уронил свой топор рядом с содрогающимися, еще живыми кусками.

— Скотти, Скотти, что же нам делать, что же нам сейчас делать,— шептал Эшли.

— Да похоронить ее, к черту, надо, тварь,— сказал Скотти, вытирая о джинсы красные от крови руки.

— Но ведь она наша подруга,— сказал Эшли.

— К черту, к черту! Она уже мертва! Она покойник! Она уже куски мяса!

Но тут вновь завибрировал люк, из-под него блеснули глаза Алисы.

— Ну что, герои, разрубили девушку?

— Заткнись! — закричал Скотти.

— Не нравится? — заскрежетала зубами Алиса.

— Заткнись, чудовище!

— Думаешь, это ты нормальный, а я монстр? Это наш дом. Мы тут хозяева.

Эшли присел на корточки и, превозмогая страх, посмотрел в черную щель, где шевелилась Алиса.

— Если в тебе осталось хоть что-то от прежней Алисы, скажи, что происходит?

— И ты станешь мертвецом,— раздалось хихиканье,— мы пожрем ваши души, ваши тела будут принадлежать нам.

— Не слушай ее! — заверещал Скотти и со всего размаху прыгнул на крышку люка.

Эшли сидел на полу, раскачиваясь из стороны в сторону, но Скотти схватил его и поставил на ноги.

— Надо действовать! Нельзя сидеть! Так они впрямь победят нас.

Немного повозившись, Скотти и Эшли сложили в скатерть то, что еще недавно было Шейлой, и выволокли на улицу. За простыней тянулась кровавая дорожка.

На улице прямо перед домиком они быстро выкопали

неглубокую яму, опустили туда страшный мешок и принялись забрасывать землей.

— Слушай, Эшли, нам все равно нужно отсюда смыться и как можно скорее.

— Но как же мы пойдем, Скотти? У Линды же нога. Помнишь, ей эта сволочь пробила щиколотку. Она не сможет идти.

— Мне все равно. Я пойду один.

— Ну послушай, мы приехали все вместе. Давай все вместе и уйдем.

— Я не знаю, вы как хотите, а я ухожу немедленно.

Скотти посмотрел на дом. По его лицу было видно, что он решился на отчаянный шаг.

— Где-то у моста есть тропа, по которой мы сможем выйти. Пойдем.

— Нет, нет, Скотти. Давай дождемся рассвета и уйдем все вместе. Ведь Линда не может идти.

— А мне плевать,может она или не может идти! Давай ее бросим здесь.

— Как?! Ведь она наша подруга!

— Нет, она не наша подруга, она твоя девушка. Ты о ней и заботься. А мне плевать. Я уйду один.

Скотти повернулся, набросил на плечи куртку и растворился в ночи.

Эшли одиноко бродил по гостиной. Крышка люка дернулась, и он увидел налитые кровью глаза зловещего мертвеца. Послышался издевательский хохот, и скрежещущий голос:

— Скоро ты будешь таким же, как я, таким же, как я!

И после этого всю комнату заполнил хохот.

Эшли с ужасом смотрел на приоткрытый люк. Он с трудом узнавал лицо Алисы, настолько оно было ужасным и гнусным. Гной, запекшаяся кровь, слюна — все смешалось на этом синем, разложившемся лице. И только глаза и зубы сверкали глянцем. Но не белым, а желтым и грязным.

Эшли зажмурился и выбежал из гостиной в комнату, где спала Линда. А вслед ему звучал зловещий хохот и вой:

— Ты будешь таким же, как я, ты будешь таким же, как я. Ты не уйдешь от этого!

Эшли захлопнул дверь, отрезав ужасный голос. Линда спокойно спала на кровати, на ее лице было умиротворение и покой. Эшли встал на колени перед кроватью своей любимой и осторожно приподнял одеяло с ног, чтобы посмотреть, как там ее рана.

Небольшая кровоточащая точка на щиколотке девушки. Но тут от этой точки, как трещины, побежали кровавые прожилки.

Эшли вздрогнул. Линда, не открывая глаз, приподнялась на кровати и протянула к нему руки. Рот девушки раскрылся и зазвучал страшный, как бы механический, смех. Как заводная кукла, Линда крутила головой и двигала руками. Эшли отпрянул.

— Ну что ты? Куда ты? — хрипела Линда, на глазах превращаясь в мертвеца.

Эшли выбежал в гостиную и закрыл за собой дверь. Прямо ему на руки упал изможденный, окровавленный Скотти. Джинсы у него были изодраны и залиты кровью.

Что с тобой, Скотти? — пытался втащить его в дом

Эшли.

— Деревья. Алиса говорила правду,— хрипел Скотти.— Они не пускают, они обкрутили меня корнями, изодрали в кровь. Но я вырвался, нам не уйти отсюда! Эшли! Я уже понял это.

А на пороге своей комнаты сидела смеющаяся Линда. Ее лицо, хоть еще и не было обезображено тленом и разложением, но стало ясно, что она уже мертвец. Непонятный свет лился из ее открытого рта, на котором то и дело вздувались огромные пузыри кровавой слюны, лопались, и брызги разлетались в разные стороны.

Эшли усадил своего раненого друга на диван, тихо приговаривая:

— Скотти, Скотти, все будет хорошо. Мы победим, мы вырвемся отсюда. Успокойся. Мы только дождемся рассвета, а потом выберемся.

— Нет, нет,— прохрипел Скотти и окровавленной рукой показал на часы, маятник который уже давно застыл.

Его глаза закатились, и он потерял сознание.

А Линда продолжала хохотать и судорожно сжимать и разжимать пальцы.

— Мы не умрем, не умрем, Скотти,— пытался привести в чувство своего друга Эшли.— Там есть тропа, и мы выберемся.

— Нет, никакой тропы уже нет,— хрипел Скотти.— Эти деревья живые, они все понимают. Они закрыли тропу.

— Скотти, Скотти, мы выберемся, я тебе клянусь.

— Нет, я не хочу выбираться, я не хочу умирать,— зашептал Скотти.

Его глаза подернула белая пелена смерти, и из полуоткрытого рта хлынула на грудь кровь. Голова бессильно упала на плечо.

— Нет, не умирай, не умирай! — кричал, пытаясь привести в чувство своего приятеля, Эшли.

Ему вторили, хохоча и издеваясь, Алиса и Линда. Они тряслись от хохота и облизывали губы. Они жаждали только

одного, как можно скорее расправиться с Эшли это было их самое заветное желание, их самая страстная мечта, которую, они знали, смогут реализовать.

— Заткнись, заткнись, тварь! — орал Эшли и принялся колотить по лицу свою подругу.

Но та никак не реагировала на удары. Она широко открывала рот, показывая посиневший язык, хохотала и визжала. И Алиса из погреба следила за всей этой сценой визжа. Она радовалась беспомощности Эшли.

Он не выдержал всего этого глумления над ним и гнусного издевательства, схватил ружье, взвел курки и приставил вороненный ствол ко лбу Линды. Казалось, еще мгновение, он нажмет на курок, ее голова разлетится в разные стороны. Но парень медлил: что-то не позволяло ему нажать на курок, что-то удерживало. Он заставлял себя сделать это легкое движение, это несильное прикосновение, но не мог. Он смотрел на искаженное смертью лицо своей подруги, хохотавшей прямо ему в глаза. Эшли отвел взгляд и заметил на шее Линды тонкую серебряную цепочку, на которой висел отполированный кусок горного хрусталя.

И тут зловещий мертвец-Линда опустила голову, перестала хохотать и визжать. Через мгновение она медленно вскинула голову — это был уже не мертвец, а та, прежняя Линда. Она с мольбой смотрела на Эшли.

— Эшли, Эшли, помоги мне, помоги мне, пожалуйста. Мне страшно,— шептала девушка и тянула к нему руки.

Эшли от неожиданности, от этой странной метаморфозы выронил ружье.

— Помоги, помоги мне, Эшли, не позволяй этим мерзким тварям забрать меня,— Линда припала к груди парня.

Она дрожала, плакала, горячие слезы текли по ее лицу, и Эшли все плотнее и теснее прижимал к себе подругу.

Вдруг за его спиной прозвучал ясный и отчетливый голос Алисы. Эшли вздрогнул, отклонился немного от Линды и повернулся.

— Эшли, Эшли, помоги мне. Я прошу тебя, помоги,— говорила из погреба Алиса.— Выпусти, пожалуйста, меня, я уже прежняя. Выпусти, я тебя прошу. Со мной теперь все в порядке. Тебе нужно только отпереть замок на цепи и выпустить меня.

Эшли неподвижно стоял на одном месте. Рядом с **ниа»** стояла дрожащая Линда. Парень не знал что делать, а

подсказать было некому.

— Алиса, Алиса,— по липкому от крови полу шагнул

к люку Эшли.

Он сел на корточки и вытащил из кармана связку с ключами. Он уже поднес ключ к замку, но на всякий случай, приоткрыл люк, прислушался и заглянул туда.

’ — Алиса, Алиса.

Но тут проломив доски, выскочили две руки трупа. Они схватили Эшли за лицо и за шею и прижали к полу. Как ни пытался он вырваться, ничего не получалось. А визгливый, гнусный голос мертвеца, передразнивая Алису, кричал:

— Со мной все в порядке, со мной все в порядке. Я прежняя. Выпусти меня.

Загнутые черные ногти впивались в лицо Эшли. Они рвали кожу, оставляя широкие борозды ран. Один из гнилых пальцев попал ему в рот, и Эшли, едва сдерживая жуткое отвращение, изо всей силы перекусил гнилую кость. Он резко оттолкнулся от пола и встал на ноги, отплевываясь слизкой гнилой плотью и содрогаясь от отвращения. Рука с откушенным пальцем, исчезла в провале пола.

— Ах вы ублюдки! Ах вы твари! За что вы меня пытаете? Зачем? — закричал Эшли, сжимая кулаки.

И в это мгновение, за его спиной, послышался мерзкий, нестерпимый смех зловещего мертвеца-Линды. Эшли обернулся и посмотрел на свою подругу. Та сидела на пороге комнаты, поджав под себя ноги и наматывала на гнилой палец локон. Ее лицо расплылось в хищной ухмылке, глаза были выпучены и белы, зрачки исчезли. Она визжала, хохотала и улюлюкала.

— Заткнись, тварь! Заткнись! — закричал Эшли.

И действительно, Линда или то, что было Линдой, смолкло. И вдруг оно запело ту песенку, которую Эшли вместе с ней пел в старом добитом форде по дороге сюда. Не выдержав такого издевательства, Эшли схватил Линду за ноги и поволок на улицу. Там она, мерзко хихикая, кричала:

— Мы до тебя доберемся! Мы до тебя дооеˆемˆ . — И судорожно сжимала руки с длинными пальцами и черными ногтями.

Эшли выволок ее на улицу, голова прогрохотала по ступенькам. Парень, не останавливаясь, тащил и тащил извивающуюся и кричащую Линду в лес. Он с омерзением бросил ее под кусты. Та даже не пыталась подняться, а все хихикала из темноты.

— Мы доберемся до тебя! Думаешь, ты лучше остальных, и ты станешь таким же, как мы!

На пороге Эшли в последний надежде обернулся но из-под кустов все также слышалось хихиканье и гнусный скрежет.

Замкнув за собой дверь, Эшли опустился на колени перед

Скотти. Он налил полный бокал виски и стал вливать его в рот приятелю.

— Не умирай, Скотти. Настанет рассвет, и мы выберемся отсюда. Наваждение кончится. Скотти, ты слышишь меня? Очнись! Мы все вместе уйдем отсюда, я, ты, Линда, Шейла.— Он уже сам не понимал, что говорит!

Но Скотти ничего не отвечал.

— Скотти, ты же с радостью поедешь домой?

Эшли замолчал. Виски выливались обратно из заполненного рта его друга. Рука Эшли разжалась, и бокал упал на диван, заливая обивку остатками виски. Люк вновь завибрировал, и оттуда послышался ледяной смех Алисы.

Эшли в ужасе отпрянул к стене и закрыл уши руками, но даже так был слышен зловещий смех мертвеца. Парень зажмурил глаза и стал биться головой о стену.

— Нет! Мне все это кажется. Ничего этого нет. Все живы. Я просто сошел с ума.

И тут острая боль пронзила его плечо. Эшли выпрямился. Прямо перед ним стояла Линда, она слизывала острым языком кровь с конца длинного кинжала и дико визжала. Ее глаза блестели страшным огнем. Веки стали синие, а по всему лицу проступили трупные пятна. Линда еще раз взвизгнула и занесла кинжал для нового удара. Эшли схватил ее за руки и отбросил к стене, но удар как будто бы не причинил Линде никакого вреда. Она вновь захохотала, и Эшли отпрыгнул. Он покатился кубарем по дивану, мертвое тело Скотти рухнуло на пол.

Линда, смеясь, перехватила кинжал прямо за лезвие и, не замечая, что сталь режет ей гнилую руку, хохоча и визжа, бросилась на Эшли. Он пополз по полу, стараясь увернуться. Но тут приподнялась крышка люка, и гнилая рука Алисы схватила его за щиколотку, пытаясь втянуть в подвал.

Эшли рвался, каблуком как мог, изо всей силы, прижал руку Алисы к доскам и освободился. Но тут Линда бросилась на него с кинжалом. Эшли перехватил ее руку, но та свободной рукой схватила его за челюсть и начала рвать губы. Парень, что было силы, превозмогая ооль, заломил руку девушки с кинжалом за спину и коленом оттолкнул ее от себя.

Линда-мертвец покачнулась и упала на пол. Острие кинжала пронзило ее насквозь и вышло из живота. Кровь хлынула из открытого рта. Смех затих. Лишь только синие руки Алисы оставляли загнутыми ногтями борозды на досках пола. Эшли склонился над Линдой. Вгляделся в ее лицо. Это было лицо его возлюбленной, его возлюбленной Линды, только исцарапанное и окровавленное.

Слезы наворачивались на глаза Эшли. Он гладил девушку по голове. Он понимал, что сам убил свою возлюбленную, но другого выхода у него не было. Или он — или они — зловещие мертвецы. Нужно было смириться с мыслью, что от Линды осталось только тело, мертвое тело, лежащее у ее ног.

«...Их можно уничтожить, только расчленив труп, разрезав его на куски...»,— вспомнилась Эшли услышанная им магнитофонная запись-исповедь профессора Веймара Нойби.

Парень колебался. Он не мог заставить себя сделать это, но выхода у него не было. Только так он мог попробовать спастись. Или они — или они...

Эшли потянул Линду за ноги к дверям мастерской. Когда он взваливал тело на платформу верстака и закреплял его цепями, лицо Линды стало уже совсем умиротворенным. Лишь только белизна смерти сковало его. Эшли включил весь свет, все лампочки, какие только были в мастерской, потуже затянул цепи и отдернул занавеску на шкафу с инструментами. Красным лаком блеснула бензопила. Он потянул на себя пусковой тросик — пила завизжала. Стремительно завращалось полотно, сверкая острыми зубьями. Он уже поднял пилу и занес ее над шеей Линды, но его взгляд уже во второй раз за эту страшную ночь упал на пластинку горного хрусталя, оправленную серебром. Это был его подарок, это было то украшение, которое девушка приняла с такой радостью.

Ревел мотор пилы, а Эшли все никак не мог решиться расчленить тело своей подруги. Наконец, он заглушил мотор и отбросил пилу. На его лице была растерянность. Эшли не понимал, что нужно делать. Парень плакал, прижавшись к телу Линды, и, не выдержав, поцеловал в приоткрытые, еще теплые губы. Он развязал тяжелые цепи, взял девушку на руки и понес на улицу. Он решил похоронить ее, как человека. Аккуратно положив ее на пожухлые листья, Эшли принялся тяжелым заступом рыть землю. Но в какой-то момент ему почудилось, что за ним кто-то наблюдает. Он остановил работу и взглянул на Линду — она лежала неподвижно.

Занятый работой парень не слышал, как тяжело бьется Алиса в крышку люка, как, скрипя и визжа, выезжают из своих гнезд шурупы и кованые гвозди, как срываются завесы, на которых держится люк. Он также не видел, что глаза Линды открылись, но при его взгляде на "нее! глаза вновь закрылись и лицо приобрело прежнее выражение умиротворенности и спокойствия.

Когда яма была готова, Эшли осторожно взял голо Линды на руки, поднял и бережно положил на дно. Надмогильный холм был готов, Эшли отбросил тяжелый заступ. Рядом, на земле, он

увидел, как что-то сверкнуло, нагнулся, хотел поднять — это был его подарок — хрустальный медальон. Его пальцы потянулись к тонкой витой цепочке. В это время земля разверзлась, оттуда выскочила рука зловещего мертвеца и схватила Эшли за запястье. Следом за рукой показалась жуткая, изъеденная тленом голова Линды. Она хохотала и стонала.

От ужаса Эшли закричал. Зловещий мертвец, разрывая полотно джинсов, вознил свои ногти в голень парня. Тот хотел отпрянуть, но не смог, так крепко держала другая рука его ногу. Он рванулся, заорал, рухнул на землю и, цепляясь руками, пополз. А мертвец уже вставал из ямы. Эшли попалось под руку бревно. Им он начал колотить по голове зловещего мертвеца, но удары были бесполезны — Линда только хохотала, визжала и скрежетала зубами.

Эшли понял, что бревно не поможет, быстро схватил валявшийся рядом заступ, и в тот момент, когда Линда бросилась на него, рубанул заступом, отсекая хохочущую голову. Голова покатилась, а обезглавленное тело рухнуло прямо на Эшли. Из шеи хлестала кровь. Парень прикрыл глаза, пытаясь увернуться от этой страшной струи. Он смог сбросить с себя тело зловещего мертвеца и, спотыкаясь, побежал к дому. А голова, валявшаяся на опавшей листве, продолжала хохотать и скрежетать зубами.

Когда Эшли вошел в дом и перевел дыхание, то увидел распахнутый люк подвала. Он захлопнул его, взглянул на часы — маятник был на том же месте, где и час назад, он застыл в своем полете, прикоснувшись к стене. Стрелки все также показывали без **десяти** шесть.

Эшли, осторожно ступая, подошел к каминной полке и взял в руки ружье. Это была последняя его надежда выжить. Он медленно обходил комнаты — везде стояла тишина, гнетущая и устрашающая. Она не могла обмануть парня, в ней таилась смерть.

Парень сделал несколько неуверенных шагов к окну и отодвинул стволом ружья занавеску. Вдруг оттуда, из темноты, к нему метнулись ужасные синие руки мертвеца и ухватились за ствол ружья. Лишь чудом Эшли не выпустил приклад из рук. Он начисто забыл, что ружье может стрелять, и рвал его изо всех сил на себя.

Алиса или то, во что она превратилась, тянула ружье, визжала, хохотала, бешено вращала глазами и разбрызгивала вокруг себя гнойную кровавую слюну.

Эшли, наконец, вырвал ружье и выстрелил дуплетом из двух стволов прямо в голову Алисы. Из простреленного черепа брызнули мозги, и зловещий мертвец исчез в темноте, но через

мгновение снова появился в оконном проеме. Обезображенная раной голова свесилась на бок, но все равно из раскрытого рта летел страшный смех.

Эшли дернул за веревку, и вторая рама с грохотом опустилась, перекрыв дорогу зловещему мертвецу. Парень вспомнил, что оставил входную дверь незакрытой. Он бросился к ней, но уже в комнату тянулись длинные полупрозрачные руки Алисы. Эшли что было силы навалился на дверь, защемив в ней пальцы с черными загнутыми ногтями, с которых капала кровь. Мертвец по ту сторону дверей визжал и хохотал.

— Все равно тебе отсюда не уйти! Ты станешь таким же, как я!

Эшли прикладом бил, дробя пальцы мертвеца. Дверь еще раз качнулась, и руки исчезли за ней. Парень опустил щеколду и привалился к двери спиной, переводя дыхание и лихорадочно перезаряжая ружье. Но в кармане валялась только одна пустая гильза. Эшли чертыхнулся и опрометью бросился к погребу. Он отбросил сорванную крышку и, поскользнувшись на лестнице, скатился вниз, больно ударившись головой о глинобитный пол погреба. Только тут он почувствовал, как болит его, в клочья разодранная, нога, как стекает по ней горячая кровь. Эшли застонал.

Вздрогнула и хрустнула над его головой водопроводная труба. Парень затравленно посмотрел на нее — из разлома, сперва тонкой струйкой, а потом и потоком, хлынула густая кровь прямо в лицо Эшли. Он отпрянул в сторону и с ужасом увидел, как из двойной электрической розетки, прямо из отверстий, побежали струйки крови. Он отвел взгляд, но тут же увидел, как колба электрической лампочки наполняется кровью, и красный свет заливает подвал.

Щелкнула и приоткрылась крышка старинного патефона, завертелась ручка, и игла опустилась на пластинку. Зазвучал бравурный марш. Включился и застрекотал, казавшийся до этого безжизненным и поломанным, кинопроектор. Закрутились катушки с пленкой. Тени забегали по стенам.

Эшли, как затравленный зверь, бросился к единственному светлому, белому, а не кровавому пятну в этом помещении, к прямоугольнику света на стене, струившемуся из объектива кинопроектора. Но тут взорвалась колба электролампочки, не выдержав напора крови. Кровавые капли брызнули на линзы проектора, и в лицо Эшли ударил красный свет.

Он прикрывал руками лицо, а в подвале все звучал бравурный марш. Наконец, пересилив свой страх, Эшли бросился к письменному столу. На ощупь нашел коробку с патронами и,

рассыпая гильзы, набил ими полные карманы. В этот момент в подвале начало взрываться все: трубы, электропроводка, кинопроектор.

Прикрыв голову руками, Эшли зажмурился. Лопнула пружина патефона, и марш начал затихать. Наступила почти полная тишина, в которой слышалось бульканье и хлюпанье вытекающей из трубы крови.

Эшли открыл глаза. Казалось, весь этот странный, заброшенный дом истекает кровью. Вдруг он услышал бой курантов. Он медленно поднялся по скрипучей лестнице в гостиную. С часами происходило что-то невероятное: маятник быстро раскачивался, а стрелки бешено вращались в обратную сторону. Эшли с изумлением и ужасом смотрел на все, что происходит. Но только он дернулся, как часы мгновенно остановились. Они показывали то же время: без десяти шесть было на оелом циферблате, стрелки замерли на том же самом месте, где и в начале этого жуткого вечера.

В густой тишине Эшли услышал удары своего сердца. Оно бешено колотилось, стучало, пытаясь прооить грудную клетку и вырваться наружу.

Произвольно, подвластные неведомой силе, открывались и закрывались двери, бешено колотились ставни, сами собой скрипели половицы. Казалось, что дом запол иен невидимыми существами, которые дышат, шевелять-ся, кричат.

Эшли затравлено озирался то в одну, то в другую сторону, реагировал на каждый сумасшедший шорох. Наконец, он замер у старинного зеркала, посмотрел на отражение — оттуда на него смотрело окровавленное изможденное лицо, постаревшего на десять лет Эшли. Он протянул руку, пытаясь прикоснуться к стеклу, но его рука вошла в горячую густую кровь, как будто вместо зеркала был таз, заполненный липкой кровью. Эшли закричал и отскочил. С разворота он выстрелил прямо в окно.

— Я схожу с ума, я схожу с ума,— шептал он сам себе.

И в это мгновение он начал чувствовать, как что-то неведомое вселяется в него, как что-то заполняет его тело.

Он прикоснулся к своему лицу, но ничего не ощутил. Сердце билось бешено. Эшли понимал, что еще мгновение, еще несколько секунд и он станет таким же безумным мертвецом, как и все его друзья. Он судорожно сунул руку в карман и вытащил хрустальный медальон на тонкой серебряной цепочке.

— Линда, Линда,— шептал он, прижимаясь спиной к двери, постепенно успокаиваясь.

Вдруг дверные доски хрустнули, и две мерзкие руки выскочили из проломов, схватив Эшли за лицо. Он рванулся и

отскочил в сторону. Развернулся и выстрелил. Выстрел буквально разорвал голову Линды. Эшли стремительно перезарядил ружье, кружась на одном месте. Из шкафа на него прыгнула, хохоча и визжа, Алиса. Парень нажал на курок — грохнул выстрел, голова Алисы разлетелась на куски.

Эшли вновь принялся заряжать ружье, но тут ему на плечи легли две сильные руки. Парень оглянулся — перед ним стоял Скотти, тоже превратившийся в зловещего мертвеца, в него успел тоже вселиться злой демон. Пальцы Скотти легли на горло Эшли, пытаясь его задушить. Эшли ударил прикладом прямо в голову зловещего мерт-веца-Скотти, но и тот ударил его. Эшли упал, выронив ружье на стеллаж, рухнувший ка пол. Посыпались книги. Одну из них Эшли сразу узнал. Это была книга, сделанная из человеческой кожи, это была «Книга мертвых», та, о которой говорил профессор Веймар Нойби — та книга, послужившая началом всех злоключений, произошедших с Эшли и его друзьями. Книга лежала на полу, рядом с жарко пылающим камином. А Эшли боролся со своим

бывшим другом, а теперь со зловещим мертвецом-Скотти.

Тот, сжимая горло Эшли, приподнял его от пола и медленно, методично, все сильнее и сильнее сжимал горло парня. Понимая, что спасения нет и что сейчас он погибнет или превратится в такую же мерзость, как и его друзья, Эшли вонзил большие пальцы рук в выпученные и налитые кровью глаза Скотти. Пальцы глубоко вошли в скользкую и гнилую плоть. Зловещий мертвец завизжал от нестерпимой боли и разжал свои смертельные объятия.

Эшли отпрянул к стене и прижался к ней спиной. Скотти водил руками из стороны в сторону, ища свою жертву. Из его глаз текла густыми струями черная кровь.

— Где ты? — ревел мертвец-Скотти.

— Я здесь, здесь, падаль!

— Не вижу!

— Я рад, что ты не видишь.

— От меня не уйдешь,— Скотти, как зачарованный, водил из стороны в сторону руками, натыкаясь на стены, заляпанные кровью, ощупывая воздух.

— Если б ты еще оглох! Я был бы счастлив!

— Я тебя слышу и сейчас убью.

— Нет, мерзкий мертвец! Я не такой, как вы, я человек, и победить вы меня не сможете.

Мертвец-Скотти, шатаясь, как пьяный, натыкался на мебель, крушил ее, ударялся о стены, цеплялся липкими от крови руками, спотыкался о книги, но продолжал искать жертву.

— Я здесь! — крикнул Эшли и мгновенно отскочил в сторону.

Зловещий мертвец моментально среагировал. Он всем телом бросился на то место, где еще секунду тому стоял Эшли.

— Я здесь, сволочь! — прокричал парень из другого угла комнаты.

Скотти тяжело поднялся на колени, задрал залитую кровью голову к потолку и завыл от злобы и бессилия.

— Ну иди ко мне! Иди!

— Я тебя уничтожу! Ты будешь таким, как мы все!

— Никогда, мерзкая липкая тварь!

Эшли схватил со стола большой кинжал, украшенный костяным изображением химеры, подкрался **к Скотти** сзади и со всей силы вогнал стальной клинок по самую рукоять в распухшее тело зловещего мертвеца.

Из раскрытой пасти химеры бурным ручьем хлынула дымящаяся черная кровь.

А Алиса разбивала закрытую дверь, доски не выдерживали ее ударов. Они хрустели и раструшивались. И вот уже страшные мерзкие синие руки потянулись к щеколде и отбросили ее. Но ей надо было отодвинуть тяжелый комод, который Эшли приволок к двери, чтобы укрыться от нашествия этих мерзких гнусных мертвецов.

Алиса, разогнавшись, ударилась о дверь, и комод рухнул. Она ворвалась в дом. Ее пальцы потянулись к человеку. Алиса и Эшли сцепились в схватке. Они катались по полу, визжали. Эшли хрипел, пытаясь освободиться от смертельных объятий зловещего мертвеца. Наконец, ему это удалось.

Скотти корчился, пронзенный кинжалом, на полу в огромной луже липкой крови.

Взгляд Эшли упал на «Книгу мертвых», лежащую в десяти дюймах от жерла камина. Он понял, что сейчас, немедленно, эту книгу надо бросить в огонь, и тогда, возможно, он сможет спастись.

Шатаясь, он поднялся на четвереньки и пополз к книге. Эшли уже почти дотянулся до нее, как руки Скотти схватили его за ногу и рванули назад. Цепляясь за доски пола, впиваясь в них пальцами, ломая ногти, Эшли продолжал тянуться к книге. Он уже понял, что это единственное его спасение, что здесь никто ему не сможет помочь, только он сам выручит себя, бросив эту страшную книгу в очистительное пламя.

Алиса, с выпученными глазами, подняла тяжелую остро заточенную кочергу и, шатаясь из стороны в сторону, покачиваясь, двинулась к Эшли. Она хотела вонзить раскаленную кочергу прямо в горло парня. Она страстно желала его смерти. Ей

было ненавистно все живое, и стремление этого парня остаться самим собой, не превратиться в таких, как они, не превратиться в мертвецов, блуждавших в окрестностях страшного дома старой ведьмы.

Книжка уже занялась огнем, один ее край тлел, и Эшли увидел, как корчится человеческая кожа, поджариваемая на огне. Еще он увидел, как вместе с дымом из книжки стал, крутясь, подниматься дым от головы Алисы и от головы Скотти.

Эшли тянулся к книге, но не хватало нескольких дюймов. А Скотти рвал его за ногу, оттаскивая назад. Алиса, замахнувшись кочергой, изо всей силы опустила ее прямо на спину Эшли. Но желание жить побеждало. Поняв, что рукой не дотянуться до книги, он выхватил из кармана хрустальный медальон на цепочке и стал набрасывать его на книгу, чтобы хоть им подтянуть ее к себе. Медальон все время срывался, а Скотти все тянул парня назад. Алиса еще раз ударила Эшли по спине. Последним усилием Эшли набросил хрустальный медальон на книгу, и тот, зацепившись за тисненную обложку, потащил ее.

Скотти, уже перехватывая ногу, все ближе и ближе подбирался к спине Эшли. Алиса .еще раз занесла тяжелую кочергу, но парень все же успел подтянуть книгу, схватить и бросить в огонь. Пламя быстро охватило ее. Корчились, сгорая, страницы. Зловонный дым наполнял гостиную. Вместе с книгой корчились и зловещие мертвецы. Застыла с поднятой для удара кочергой Алиса. Кочерга вывалилась из ее застывших рук, и острие вонзилось в пол прямо перед лицом Эшли. Алиса дернулась, ее голова обвисла на плечо, губы замерли, волосы прядями отваливались от черепа, глаза закатились. Вскоре ее кожа начала трескаться, как стекло, и из-под нее стало стекать гниющее мясо.

Скотти начал дергаться. Ужасно длинный фиолетовый язык высунулся из его ощеренной пасти и, как червяк, начал извиваться на полу.

Все, что происходило в огне с «Книгой мертвых», происходило и со зловещими мертвецами. Книга постепенно превращалась в ничто, в пепел, в кусочки. То же самое происходило с Алисой и Скотти. Их тела на глазах распадались, плоть кусками отваливалась, кровь сворачивалась, превращаясь в сухую красную грязь, которая мгновенно осыпалась, как пыль. Кожа растрескивалась, кости дымились. Вот уже из глазниц черепа хлынул желтый тягучий мозг, смешанный с гноем. Зубы начали сыпаться на пол со стуком. Черви поползли из-под остатков кожи.

Алиса развалилась, и ее останки рухнули прямо перед Эшли,

обдав его жаром.

Парень лежал без движения, боясь пошевелиться, боясь прекратить этот странный мгновенный распад. Все, что происходило со зловещими мертвецами напоминало страшный крематорий, в огне которого сгорает труп, превращаясь в горстку безликого пепла.

Останки корчились, извивались, шипели, от них поднимались зловонные облака дыма. Временами они напоминали воздушные шарики, в которые воткнулась острая игла, и из этих шариков выходит воздух. И то, что когда-то было большим, превращается в мизер, превращается в обрывки, ошметки, кусочки, в ничто.

И вот уже не было ни Скотти, ни Алисы, только кучки чего-то остались на досках пола.

Когда Эшли поднялся на ноги, сжимая в руке хрустальный медальон, за окнами уже был рассвет. Медленно и неотвратимо всплывал розовый шар солнца. Маятник часов мерно раскачивался. Стрелки показывали пять часов утра.

Эшли вышел на крыльцо и набрал полную грудь чистого утреннего воздуха. Он пошатывался, сил в его организме уже почти не было. Но парень с благодарностью и каким-то, неведомым ему ранее, торжественным восторгом смотрел на восходящее солнце.

Но зловещие силы не покинули еще эту местность. Кружились вихри, клубился туман, шелестела трава, раскачивались старые деревья, испуганно кричали птицы.

— Будь проклята эта ночь! — воскликнул Эшли, сжимая кулаки.

И тут туча нашла на солнце, и из-под скалы, там, где еще была ночная тьма и клубился туман, раздался хриплый голос:

— Мы доберемся до тебя, Эшли. Ты не уйдешь от нас. Ты станешь таким же, как мы. Ты сам проклял эту ночь, и она для тебя никогда не кончится.

ЧАСТЬ III

После страшных событий той ночи, после гибели друзей, жизнь Эшли резко изменилась. Он не мог больше смотреть на эти, такие знакомые ему еще с детства, пейзажи Америки. Он продал все, что у него было — машину, дом, и уехал в Европу.

Его новым пристанищем стал Лондон. Уж что-что, а язык Эшли не собирался менять, пусть даже из-за зловещих мертвецов.

Вдали от родины, кровавые события вскоре забылись. У Эшли была прекрасная работа агента по продаже недвижимости в одной из самых больших и уважаемых фирм Англии.

Он постоянно встречался с людьми, был в гуще событий и ему некогда было размышлять над прошлым. Жизнь мчалась вперед, а вместе с ней мчался и Эшли.

Но тридцатилетний мужчина не может долго жить в одиночестве. Как не велика была тоска по потерянной Линде, Эшли все же через какое-то время стал вновь засматриваться на девушек.

Но происходили странные вещи. Он знакомился с девушкой, и все было хорошо. Но только лишь они оставались одни, и в комнате гас свет, как Эшли казалось, что он снова держит в объятиях Линду. Его губы непроизвольно шептали это имя — Линда.

Естественно, ничего хорошего из этого получиться не могло. Девушки обижались, и у Эшли с ними ничего не клеилось.

Но вдруг ему повезло. Он познакомился с девушкой, которую звали также, как и бывшую возлюоленн} ю. Теперь уже ничего не стояло между ними. Девушке казалось, что это к ней обращается парень, произнося имя с которым у него было так много связано. Он даже, после долгих раздумий, подарил ей хрустальный медальон, оправленный в серебро, на длинной витой цепочке. Он убеждал себя, что это и есть та самая Линда, которая вновь вернулась к нему, нашла его даже в Англии.

И в самом деле, что-то мистическое было в их отношениях. Сразу же после свадьбы Линда предложила Эшли совершить путешествие в Америку. Эшли сначала оторопел, ему вспомнилось все то страшное, что осталось на континенте. Но немного подумав, он все-таки решился вернуться хоть ненадолго в родные места.

В Лос-Анджелес они прилетели поздно ночью. Эшли показалось, что он никуда и не уезжал, настолько густой была темнота.

На взятой на прокат машине молодожены спешили к дому родителей Эшли. Они жили милях в трехстах от Лос-Анджелеса.

Но не успели проехать и четверть дороги, как пошел ужасный ливень. Машина уже не ехала, а просто плыла по дороге. Эшли с трудом справлялся с управлением.

— Послушай, не спеши так,— говорила Линда.— Ведь нам нужно доехать живыми.

— Я не могу, я устал,— отвечал Эшли.

И вдруг в его руках дернулся руль и сам вывернулся в сторону. Эшли почувствовал, что он уже не управляет машиной, она сама ехала и сворачивала помимо его воли. Он резко нажал тормоз.

— Ты чего остановился? — удивилась Линда.— Только что так спешил.

Эшли с трудом перевел дыхание.

— Я не могу ехать ночью, будь она проклята! — воскликнул Эшли и тут же осекся.

Ему вспомнилась та страшная фраза, сказанная им на рассвете у охотничьего домика. Холодок прошелся по его спине.

— Ну ладно,— сказала Линда, увидев, как изменилось лицо ее мужа.— Не хочешь ехать, можно переночевать и в машине. В самом деле, такой ливень. Хотя, где-то здесь должна быть гостиница какая-нибудь. Что-нибудь же на дороге да есть.

Эшли оторвал свой взгляд от руля. И в самом деле, невдалеке, возле дороги стоял небольшой дом. Света в нем не было, но и время было позднее, так что хозяева могли спать.

— Линда, может, нам стоит переночевать в доме? Я не думаю, что нам откажут. Я ведь все-таки местный.

— Ладно,— засуетилась Линда, беря в руки свою сумку.— Можно пойти и попробовать.

Дом был пуст. Казалось, хозяева всего несколько дней оставили его, забыв запереть дверь. Парень и девушка все осмотрели и решили заночевать в нем.

Чтобы как-то убить долгий вечер, ведь ехать дальше они не собирались, Эшли сел за старый расстроенный рояль и принялся наигрывать вальс. Он играл Шопена, а Линда принялась танцевать под легкие воздушные аккорды, которые летели из старого инструмента. Им было хорошо. Каждый занимался тем, что ему нравилось. Сильные пальцы Эшли легко двигались по белым клавишам, рояль отзывался чуть дребезжащими звуками.

Наконец, Эшли встал с вертящегося стула, подошел к танцующей Линде. Он легко взял ее за плечи и прислонил к себе. Девушка приподняла лицо навстречу губам Эшли. Молодожены поцеловались.

— Слушай, Эш,— Линда почему-то никогда не называла его полным именем. Она называла его Эш. И ему это нравилось.— Послушай, милый, мне как-то очень тревожно в этом доме. А вдруг вернутся хозяева?

— Да, это может случится.

— И что мы тогда будем делать? — спросила девушка.

— Мы скажем все, как есть. Только немного изменим детали.

— Так что мы скажем?

— Ну мы можем сказать, что у нас сломалась машина. Что лил дождь. Я думаю, что они на нас не обидятся и, в конце концов, не выгонят, дадут переночевать.

Они вновь поцеловались. Эшли увидел, как сверкнул на груди Линды кусочек полированного хрусталя. Девушка перехватила его взгляд. Он двумя пальцами приподняв камень, оправленный в серебро, поднес к лицу.

— Тебе нравится мой подарок?

— Да, дорогой, мне очень нравится эта вещь. Она
такая красивая.
И они вновь поцеловались, кружась под неслышную
музыку. ˆ 0

— Линда, ведь мы будем вести сеоя примерно.

— Конечно, и нам поверят. Ведь мы с тоооой такие молодые, такие счастливые, что нам невозможно не поверить.

Эшли отстранился от Линды.

— Послушай, дорогая, а может, мы выпьем немного шампанского? Ведь мы здесь вдвоем. Здесь тепло. За окнами льет дождь. Ты женщина, я мужчина.

Линда довольно улыбнулась.

— Я не против. В конце концов, ведь у нас свадебное путешествие. Правда?

— Да, да, такое бывает один раз в жизни. Одно жаль,— пожал плечами Эшли,— хрустальных бокалов ведь мы с тобой не прихватили. А пить шампанское из пластиковых стаканов как-то не очень солидно.

— Ну, Эш, в этом доме живут тоже приличные люди, не хуже нас. Я думаю, и хрусталь у них найдется. Если мы одолжили на время дом, то думаю, они не обидятся, если мы одолжим бокалы.

Широко улыбнувшись, Эшли шагнул в соседнюю комнату. И тут же замер от удивления — на письменном столе стоял старый бабинный магнитофон, с заправленной в него лентой. Точно такой же, какой был в старом охотничьем домике.

— Линда! — вскрикнул Эшли.

— Что такое? — отозвалась из соседней комнаты жена.

— Я тут нашел.

Эшли с удивлением рассматривал стоящий возле магнитофона фотоснимок, оправленный в овальную деревянную рамку. Оттуда на него смотрела незнакомая девушка с пепельными, в крупные завитки, волосами.

— Так что ты там нашел? — спросила Линда.

— Магнитофон,— как мог более спокойно проговорил Эшли.

— Так включи, музыка нам не помешает.

Эшли, еще не сообразив что он делает, щелкнул рычажком магнитофона. Судорожно дернулась в ленто-протяжнике пленка и закрутилась бабина. Из динамика раздался немного хриплый, хорошо поставленный профессорский голос.

— Это говорит профессор Веймар Нойби. Запись номер два. Я считаю, что совершил потрясающее открытие.

Эшли, удивленный, опустился на стул, потер голову руками и принялся слушать.

— Я со своей женой Генреettой, дочерью Эми и доктором Мартином Кингом производил раскопки в замке Дранзевилл, что на севере Англии. Там я нашел замурованную в стену старинную книгу, «Книгу мертвых». Там же был и старинный кинжал с ручкой в виде химеры. Мы привезли книгу в Америку, чтобы я мог спокойно изучать ее. Именно тут, в Америке, в старом охотничьем домике, я начал перевод этой книги. В ней говорится о незримом присутствии зловещих сил, живущих повсюду на границах человеческого мира. В ней написано, что эти злобные духи хотят завладеть живыми людьми, их душами и телами.

Вот как произносятся первые предложения книги на том мертвом языке, на котором она написана.

Из динамика послышались гортанные нечленораздельные звуки. Эшли схватился руками за голову, он уже слышал эти звуки. Слышал их в старом охотничьем домике накануне той страшной ночи, когда погибли и исчезли все его друзья.

— Что за гадость ты там слушаешь? — крикнула из соседней комнаты Линда.

Но Эшли, как завороженный, смотрел на вращающиеся бабины магнитофона и не мог выдавить из себя ни звука. В его ушах постепенно возникал звон, он слышал через стены дома, как шелестят и ломаются ветви деревьев в окрестном лесу, как падают стволы.

Он чувствовал, что какая-то неведомая сила, освобожденная молитвой-заклинанием, движется к дому, но ничего не мог поделать с собой. Он ощущал, как неумолимо приближается к дому это вечное Зло.

Линда уже успела переодеться в шелковую ночную рубашку. Она, стоя у старинного зеркала, *расчесывала* свои волнистые

волосы. Ей тоже показалось, что что-то на улице происходит необычное, что там что-то неладно. Она повернула голову, не отрывая расческу от волос, и в это мгновение разлетелась вдребезги разоитая тяжелая оконная рама. Тысячи сверкающих осколков стекла дождем посыпались на дубовый пол. Девушка истошно закричала. Первое, что пришло ей в голову имя мужа.

— Эш! Эш! На помощь!

_ Линда! — пришел в себя Эшли, вскочил из-за стола и бросился на зов своей жены.

Он открыл дверь в ее комнату и вскочил. Линды не было. Лишь только ветер размахивал тяжелыми оелыми шторами, которые казались крыльями смертельно р ной птицы, лишь только дубовый пол блестел, усыпанный осколками разбитого стекла.

Эшли выбежал на улицу.

— Линда! Линда! Ты где?! — кричал он.

Ему сделалось не по себе. Шумели старые деревья, поскрипывали их стволы, с ветвей сыпались листья. Все повторялось, как тогда, как в ту жуткую ночь, когда миром овладели зловещие мертвецы.

Неожиданно из кустов, истерично смеясь и визжа, поднялась Линда. Ее белое одеяние казалось призрачным. Голова болталась из стороны в сторону, глаза были жутко вытаращены, а лицо обезображивала улыбка смерти.

Эшли отшатнулся и упал на спину. Его рука нащупала черенок лопаты. Линда, продолжая визжать и хохотать, бросилась на него. Она легко взлетела в воздух, на какое-то мгновение зависла над лежащим навзничь Эшли, но через мгновение, выставив вперед руки с подогнутыми пальцами и острыми загнутыми ногтями, бросилась прямо к его шее.

Эшли крикнул, и лопата снесла голову зловещему мертвецу-Линде. Голова завертелась в воздухе, и Эшли увидел кроваво-красный разрыв — след удара острой лопаты.

И вновь все повторилось, как в ту жуткую ночь. И вновь он хоронил свою возлюбленную. Но теперь уже над могильным холмом поставил крест, сколоченный из двух корявых сухих сучьев.

Когда острие креста вошло в мягкую рыхлую землю, и Эшли вытирал тыльной стороной ладони вспотевшее и осунувшееся лицо, страшно затрещали деревья. Они зашатались, зашумела листва. Черные тучи заволокли серебряный диск луны. Невероятной силы вихрь закружил вокруг дома.

Он мчался, ничего не разбирая на своем пути, выворачивал деревья, ломал кусты, сметая все живое. Вихрь налетел на дом,

распахивая одну за другой двери. А те двери, которые были на замке, падали от его прикосновения, срываясь с петель, они разлетались с громким стуком и хрустом.

Эшли обернулся на этот зловещий вихрь. Его глаза расширились от ужаса. Он закричал, но было уже поздно. Зловещий вихрь подхватил его, как песчинку, как легкую пушинку, и закружил в своем смертельном необратимом танце. Он вздымал его над лесом, над горами, над каньонами, он вертел **Эшли,** как хотел. Единственное что смог сделать парень, это закрыть глаза и крепко зажать уши.

Наконец, зловещий вихрь стал ослабевать. Тело Эшли, ударившись о старое дерево, упало на желтые облетевшие листья.

Эшли чувствовал, как какая-то страшная сила пытается проникнуть в него, овладеть его телом. Парень дергался, силясь подняться, но это ему не удавалось.

Наконец, утомленный борьбой, Эшли затих и потерял сознание. Когда он пришел в себя, его лицо овевал прохладный вечерний ветер. Парень открыл глаза — садилось солнце. Он видел слепящий оранжевый диск над низким горным хребтом.

Прикрывшись от слепящих лучей рукой, Эшли осмотрелся: вокруг высились вековые деревья, землю устилал золотой ковер опавшей листвы. Он лежал неподалеку от старого добитого форда, того самого, в котором вместе со Скотти, Шейлой, Алисой и Линдой он приехал к охотничьему домику. И сам этот домик был тут, рядом, в двадцати ярдах от него.

— Что это было?! — изумился Эшли.— Что со мной? Где я?

Он провел рукой по лицу и увидел на своей ладони кровь — щека была сильно разбита. Эшли тяжело поднялся и направился к дому.

Возле фундамента клубился густой туман. И тут, из этого тумана, прозвучал хриплый, нечеловеческий голос:

— Будь с нами, Эшли. Ты сам проклял ту ночь. Она для тебя никогда не кончится.

Эшли рванулся к машине, распахнул дверцу и помчался по можжевеловой аллее, приминая бампером росистую высокую траву. Он еле успел затормозить перед разрушенным мостом. Эшли вышел из машины и стал на край обрыва. Оборванные тросы, искореженные балки. Дороги дальше не было. Оставалось только или прыгнуть вниз, в пенящийся ревущий поток, или вернуться назад.

— Нужно взять себя в руки, сосредоточиться,— уговаривал себя парень.

А солнце неумолимо исчезало за горным хребтом. И, наконец, исчезло. На землю пала тяжелая, почти

непроницаемая, мгла.

У Эшли было два выхода: либо броситься в стремнину, в черную бездну, либо вернуться в страшный охотничии дом. Но он выбрал третье: он вскочил в свой добитый форд и помчался, не разбирая дороги, по лесу.

Хлестали по ветровому стеклу ветви, корявые сучья вспарывали автомобиль, одирали краску. Но Эшли, с включенными фарами,, мчался, подскакивая и вздрагивая на сиденьи. Он хотел убежать отсюда, скрыться, исчезнуть. Но злая неведомая сила вертела автомобиль по своему желанию. Она не дала ему разбиться, упасть в каньон. Она несла его среди толстых вековых деревьев прямо к заброшенному охотничьему домику.

Наконец, Эшли нажал на тормоз, но было уже поздно. Автомобиль с разгону ударился в корявую толстую ель. Эшли вылетел, разбив ветровое стекло, и грохнулся головой в землю. Но тут же, охваченный одним инстинктивным желанием спастись, он вскочил на ноги и бросился в дом. Он метался в нем, закрывая двери, а злая сила кружила, преследуя его. Она выламывала еще оставшиеся двери, выбивала окна.

Эшли пытался хоть где-нибудь найти спасение, спрятаться хоть в какой-нибудь комнате, но ему это не удавалось. Наконец, он почувствовал, что злой вихрь начинает ослабевать. И вот он увидел, как вместе с рваными клочьями тумана, вихрь уносится дальше, покидая дом, покидая после себя вывороченные стволы деревьев, разворошенную землю, оставляя после себя разрушение и запустение.

На дом опустилась пронзительная тишина.

Но Эшли, кружась по дому, не заметил, что за ним наблюдает еще одна пара налитых кровью глаз. Зловещий мертвец, приподняв тяжелый люк погреба, следил за каждым движением парня. Он облизывал длинным черным языком запекшуюся кровь на своих губах, вращал глазами, но хранил молчание, не нарушая тягучую тишину, заполнившую дом.

Этой ночью на частный аэродром приземлился небольшой двухмоторный самолет. Открылась дверь салона, и по шаткому трапу, бережно сжимая в руках стеклянный футляр, спустилась молодая девушка с пепельными, в крупные локоны, волосами. Она так бережно несла свою ношу, словно в ее руках был тончайший сосуд, наполненный бесценной жидкостью. Она смотрела под ноги, ступала очень осторожно, боясь споткнуться или зацепиться о какой-нибудь мельчайший выступ.

Она поглаживала стекло футляра и нежно смотрела на то, что было у нее в руках.

Следом за ней, из салона самолета выгрузили большой

кожаный сундук, густо облепленный яркими этикетками. Каждая этикетка обозначала страну, тсударсг-во, где побывал этот огромный сундук.

Пилот помог выгрузиться, и только потом, с двумя чемоданами выскочил второй пилот самолета. Он бережно поставил поклажу на землю, на бетон взлетной полосы. Просигналил автомобиль, распахнулась дверца, и навстречу девушке бросился доктор Мартин Кинг.

— Здравствуй, Эми. Как все прошло?

— Осторожней, осторожней, не обнимай меня. Видишь, что я нашла.

Доктор Кинг внимательно, с удивлением, рассматривал стеклянный футляр, в котором покоились пожелтевшие изъеденные временем страницы со странными каракулями, завитками, знаками и пиктограммами.

— Что это?

— Ты не догадываешься, Мартин? Это недостающие страницы. Это те страницы, которые так упорно искали мои отец и мать. Мне удалось найти это сокровище.

— Да, я получил твою телеграмму.

Мартин осторожно взял в свои руки бесценное сокровище.

— Осторожно,— сказала Эми.

Но Мартин и так был осторожен. Он впился глазами в страницы.

— Ты себе представляешь, их же еще никто не читал! Тысячу триста лет прошло, когда последний человек держал их в руках. Это же будет сенсация. Это нужно немедленно обнародовать.

— Ты что! Конечно же, не сегодня! — возмутилась Эми.— Сперва я должна найти отца, рассказать ему,

показать свою находку.

— Я слышал, он сейчас где-то в Америке,— сказал

доктор Кинг.

_ Да, я, конечно, давно его не видела, но знаю,

где он находится. Я пыталась дозвониться до него, но в эту глухомань, наверное, и дозвониться невозможно. Мне известно. Он, наверное, закопался в переводе «Книги мертвых». Представляешь, как он обрадуется, увидев вот это?

— Ты говорила когда-то, **что** он снял **охотничий** домик у скалистого каньона.

— Да,— кивнула головой Эми.

Так это совсем недалеко отсюда, час езды. Садись в мою машину.

Мартин уверенно командовал носильщиками, когда те грузили в багажник большой кожаный сундук.

— Осторожней, ребята, он полон аппаратуры,— остерегал их Кинг.

Сундук был настолько большим, что багажник машины не закрывался. Тогда Мартин привязал его веревкой.

— Эми, я слышал, твой отец уже начал переводить «Книгу мертвых»?

— Ясно, что начал. Чего бы он тогда исчез из города,— ответила девушка.

— Ну и про что там написано? — Глаза Мартина блестели сумасшедшим огнем.

Ему не терпелось первым среди людей узнать содержание книги.

— Он сам тебе обо всем расскажет. Недолго осталось ждать. Ты же сам сказал, всего час езды.

— Но мне не терпится,— настаивал Мартин.

— Сама я могу сказать тебе только одно — эта книга проход в другие миры.

Эми села в машину, и они с Мартином понеслись по горной дороге.

Эшли очнулся от тяжелого забытья. Он и сам не мог понять, как очутился в плетеном из лозы кресле. Он сжал подлокотники и поднялся. Ноги почти не слушались его. Парень осмотрел свою испачканную грязью рубашку, измазанные джинсы, исцарапанные окровавленные руки.

В доме царила тишина. Эшли запрокинул голову и увидел, что прямо над ним нависает чучело головы оленя со стеклянными блестящими глазами и оскаленным ртом. Эшли зажмурился и пошел в глубину дома.

Вдруг тишину разорвали звуки музыки. Эшли осторожно заглянул в комнату. Возле стены стояло пианино со снятой верхней декой. Клавиши сами собой опускались и поднимались. Молоточки били по струнам, и из инструмента лилась та самая мелодия, которую Эшли играл в доме и под которую танцевала его жена Линда.

Эшли с ужасом смотрел на инструмент, на то, как без прикосновения чьей-либо руки движется механизм, порождая музыку.

Музыка становилась все громче и громче, она давила на барабанные перепонки Эшли. Он закричал и зажал уши руками. Посыпались со стеллажа книги, падая на клавиатуру, ломая молоточки.

Эшли не хватало воздуха. Он бросился к разбитому окну. Двор перед домом заливал призрачный лунный свет. И в этом свете парень увидел то место, где похоронил Линду.

Вдруг опавшая листва на могиле зашевелилась, и из-под нее показалась изъеденная тленом и плесенью рука мертвеца. Она, как будто манила Эшли. Рука поднималась все выше и выше. Пальцы сгибались. Вторая рука отбрасывала комья земли. На поверхность выбрался зловещий мертвец. Это было тело девушки, только страшно обезображенное гниением и тленом. И еще, что сразу же бросилось в глаза Эшли — зловещий мертвец был без головы и выглядел призрачным и нематериальным.

Вновь зазвучала музыка, вновь закружил вальс Шопена. И под его аккорды безголовое тело принялось судорожно взмахивать руками, выгибаться, изображая жуткий танец. Закружилась в воздухе голова, разметались длинные волосы. Голова самопроизвольно подлетела к туловищу и пристала к шее. Но пристала наоборот, лицом назад.

Эшли с ужасом наблюдал, как извивающийся зловещий мертвец вскинул руки и перевернул голову, приведя ее в нормальное положение. Если можно было все это назвать нормальным и естественным.

Беззвучно призрачное существо изгибалось, танцевало, вторя аккордам бессмертной музыки. Тело кружилось, а голова остекленевшими глазами смотрела на парня. Наконец, жуткая призрачная фигура завертелась, закружилась все быстрее и быстрее и как бы исчезла, растворилась в ночном мраке. Эшли отвел глаза.

В это мгновение две холодные руки возникли из мрака ночи просунулись в дом и схватили Эшли за шею. Он от испуга заорал, но ответом был хохот, скрипучий *голос:*

— Потанцуй со мной, ну потанцуй со мной, красавчик!

Эшли, пытаясь освободиться, повернулся лицом мерзкому зловещему мертвецу. Это было лицо Линды.

Она вращала налитыми кровью глазами. Ее запекшиеся окровавленные губы были раскрыты в ужасном оскале! Эшли дергался и бился, пытаясь освободиться от цепких объятий зловещего мертвеца. В какое-то мгновение ему показалось, что он теряет рассудок. И действительно, он как бы выключился. А когда очнулся и открыл глаза, то оказалось, что он сидит в глубоком плетеном кресле и с ужасом смотрит на выбитое окно. Эшли закричал, пытаясь встать, но какая-то неведомая сила буквально вдавила его в кресло. Парень дергался, на его лбу вздувались вены. Но подняться из кресла, освободиться от цепких объятий страшной силы он не мог.

Наконец, все как-будто исчезло. Он тяжело пошевелил правой рукой, потом пальцами левой, и обрадовался — жуткая сила, державшая его, исчезла.

Но радость была недолгой. Сверху, прямо на колени, тяжело упала отрубленная голова и открыла глаза. Эшли закричал.

Зашевелились губы, запекшиеся кровью:

— Ну что, милый. Поцелуемся? — Издевательским тоном произнесла голова и впилась в правую руку.

Зубы глубоко вошли в ткань. Голова пыталась перегрызть вены, перекусить руку. Эшли слышал, как хрустят его кости, как будто их перепиливают ржавой пилой. От боли и страха парень вскочил и, как ошпаренный, забегал по дому, пытаясь освободиться от смертельной хватки. Он бил ей об стену, топтал ногой. Схватив тяжелый фолиант, без устали колотил по глазам и носу. Но та только визжала. Эшли катался по полу, стуча головой о дубовые доски, но никак не мог освободиться. Наконец, блеснула спасительная идея.

— В сарай, в сарай! — сам себе закричал Эшли.— В мастерскую!

Голова хохотала, хрюкала и визжала.

— Только там, только там,— повторял Эшли, стремглав носясь из комнаты в комнату.

Еще он остановился на пороге и со всего размаху ударил о толстый косяк, но в ответ были только боль смертельного укуса и жуткий, разъедающий душу хохот.

На пороге слесарной мастерской Эшли дернул шнур выключателя, и ее залил желтый свет. Тиски стояли с разведенным зажимом.

Парень всунул голову зловещего мертвеца в тиски и до отказа повернул тяжелую стальную рукоятку.

Хрустели кости черепа, но голова не поддавалась. Когда у Эшли уже не было сил, страшные пожелтевшие зубы разжались. Голова беспомощно старалась вырваться из двух рифленых стальных пластин, которые сжимали ее, губы зло зашевелились. Раздался хохот, вывалился наружу длинный кровавый язык. Глаза, налитые злобой, выпучились.

— Все равно, все равно,— хрипела голова.— Мы не отдадим тебе душу Линды, не отдадим. Запомни это.

Эшли хотел вновь схватиться за стальную рукоятку, чтобы раструшить зловещую голову, но понял, что сил у него на это не хватит.

— Все равно ты сдохнешь, гнусная гнилушка. Ты погибнешь, погибнешь немедленно! — заорал Эшли.

Он бросил быстрый взгляд на стеллаж, где знал лежит бензопила.

Эшли отдернул брезент, стеллаж был пуст.

Распахнулась дверь мастерской, и из синего лунного света

показалось туловище зловещего мертвеца. Туловище было когда-то молодой и прекрасной женщиной. А сейчас без головы, обезображенное гнилью и тленом, оно выглядело жутко и ужасно. Но самое страшное — чего больше испугался Эшли — это была бензопила в руках безголового мертвеца. Пила работала, сверкали стальные зубья, вращались диски. Пила жутко звенела. И зловещий мертвец без головы мчался, выставив это страшное орудие смерти прямо на Эшли. Но парень среагировал и успел увернуться. Пила ударилась в стеллаж, перепилив толстые полки. Посыпались банки с краской, зазвенели ржавые цепи, диски, молотки, рубанки — все рухнуло на пол. Мертвец не видел Эшли, он просто вращал пилой вокруг себя в надежде зацепить живого, в надежде поранить его.

Голова, зажатая в тиски, злобно заверещала, и из нее вытекал на верстак желтый густой гной. А из шейного отруба, как из водосточной трубы, хлестала грязно-красная кровь. Она заливала, обрызгивала все вокруг.

Эшли упал, поскользнувшись в луже крови. Он зацепил рукой за ноги безголового мертвеца, и тот, как подкошенный, поскользнулся и рухнул. Пила взлетела в воздух и упала на безголовое тело, отрубив ему руку.

Эшли подхватил заглохшую пилу, вскочил и огляделся. Туловище валялось у его ног. Он брезгливо переступил через него и подошел к верстаку. Голова судорожно пыталась вырваться. В ее глазах на какое-то мгновение появилась мольба, но Эшли был неумолим. Он дернул стартер, и завращалось, сверкая острыми зубами полотно бензопилы.

И когда Эшли вскинул бензопилу, чтобы разрезать омерзительную голову, она вдруг, прямо у него на глазах, превратилась в голову его любимой жены. И голос этого мерзкого создания изменился — зазвучал голос Линды.

— Эшли, Эшли, ты не сделаешь этого. Ведь ты не сделаешь этого, мне будет больно. Мне будет очень больно,— говорила голова Линды, с мольбой глядя в глаза Эшли.

— Нет, я сделаю это, я должен это сделать,— шептали губы Эшли.

Парень подводил бензопилу все ближе и ближе. Вид головы изменился. Она внось стала жуткой, вновь стала головой зловещего мертвеца. Из широко раскрытого рта хлынула вязкая кровь.

— Ты умрешь, умрешь, умрешь! — закричала голова.— Ты будешь с нами, ты будешь таким же мертвецом, как мы.

Но пила уже делала свое дело. Хрустела кость, разлетались в разные стороны мозги. Эшли дробил и крушил ненавистную

голову мертвеца.

Лампочка, заливавшая всю мастерскую мягким светом, мгновенно стала багряной, и красный свет заполнил все помещение, превратив Эшли в жуткое кровавое чудовище с бензопилой в руках.

Шатаясь, измученный и почти до конца морально уничтоженный, Эшли вышел из мастерской. Он держал в руках бензопилу, вращал глазами, оглядываясь по сторонам. Но он уже решил, что не позволит зловещим мертвецам овладеть собой. Он положил пилу и схватил ружье, из коробки набрал полные карманы патронов.

В это мгновение то кресло, в котором еще недавно он сидел, подозрительно зашаталось, закачалось и заскрипело. Казалось, что в нем сидит живое, но невидимое создание, живой невидимый человек. Возможно, это была Линда. Возможно, это она качалась у жарко пылающего камина. Эшли протянул к ней правую руку.

Вдруг он ощутил, что коснулся чего-то страшного, чего-то жуткого. Он отпрянул от кресла, покатился по комнате и подбежал к старинному овальному зеркалу. Он уперся руками в стену и принялся осматривать себя.

— Все в порядке, все в порядке,— шептал парень.

Из зеркала, из-за амальгамы на него смотрел его

двойник, такой же окровавленный, с таким же обезображенным ранами лицом. Глаза двойника были злыми, и из них проглядывала жуткая пустота.

— Все в порядке, в порядке,— шептали губы Эшли.

Но плоскость зеркала исчезла, и оттуда, схватив

Эшли за плечи, вышел его двойник, похожий на него, как две капли воды. Только взгляд был другим, в глазах зияла пустота. Они были мертвыми.

— Не думай, что все в порядке,— издевательским голосом сказал двойник.— Ведь мы только что разрезали бензопилой нашу любимую девушку. Все в порядке? — спросил он, схватил Эшли за шею и принялся душить.

Эшли на какое-то мгновение вновь потерял сознание.

Когда он очнулся, когда чувство вернулось к нему, то ощутил, что это он сам, своими собственными руками схватил себя за горло и душит себя. Парень отдернул руки и с удивлением уставился на зеркало. Боясь прикоснуться, он робко подвел к нему ладонь. Пальцы уперлись в холодное гладкое стекло.

Эшли на мгновение отвернулся от зеркала и потом резко обернулся к нему, пытаясь увидеть того, второго, двойника, который пытался лишить его жизни.

От прикосновения к холодному стеклу зеркала правая рука прямо на глазах принялась необратимо меняться. По ней пошли маленькие кровавые трещинки. Это было похоже на то, когда пуля попадает в стекло, и от отверстия расходятся изломанными лучами трещины. Эшли с удивлением и омерзением смотрел на свою правую руку, которая не хотела его слушаться, которая, как он понял, уже не принадлежит ему. Рука самопроизвольно изгибалась, пальцы судорожно сжимались. Наконец, она вцепилась острыми ногтями Эшли в лицо, и он, превозмогая боль, едва смог оторвать ее другой рукой.

Эшли метался по дому, удерживая руку, пытаясь понять, что же произошло. Наконец, он понял, что это зловещие мертвецы вселилиь в его руку, что она уже больше не принадлежит ему, а принадлежит им, и теперь его правая рука будет выполнять их злую волю уничтожать все живое, лишать жизни людей.

— Ну гады, ну сволочи, мерзавцы! — и Эшли принялся колотить рукой по полу. Его лицо искажало боль и страх.— Верните мне мою руку! Верните мне мою руку! — кричал он в темноту ночи. Но за окном только клубились рваные клочья тумана, только шелестела облетевшая листва и скрипели старые деревья.

Рука на несколько мгновений перестала двигаться но затем вновь ожила. Пальцы принялись рвать волосы на голове Эшли. Он вновь еле смог левой рукой оторвать ее от своей головы. Он метался по дому, не зная, что предпринять. Эшли с удивлением смотрел на то, что еще недавно полностью принадлежало только ему, на то, что подчинялось только его приказам и желаниям. Страшные трупные пятна начали появляться на коже, ногти сделались черными, из-под них капала кровь.

Эшли подбежал к крану, включил воду и сунул руку в умывальник, пытаясь смыть гнилосные синие пятна и кровь. Из крана шла холодная вода, и на какое-то мгновение Эшли стало легче. Он смог расслабиться.

Но в это время его правая рука самопроизвольно схватила тяжелую фаянсовую тарелку и ударила парня по голове, тарелка разлетелась, а Эшли едва не потерял сознание. Он подумал, что не дай бог потерять сознание, тогда его правая рука, уже принадлежащая зловещим мертвецам, сможет сделать свою жуткую работу. Она выколет ему глаза, вырвет ноздри и язык, разорвет рот и перережет горло. А потом вырвет сердце.

— Отпустите меня, отпустите, сволочи! — кричал Эшли, катаясь по полу, ломая посуду и мебель.— Отпустите! Пустите меня!

Но в ответ слышался жуткий издевательский хохот. Смеялась

рука или то, что вселялось в Эшли.

— Пустите!

Рука хватала все, что попадалось ей в пальцы и наносила Эшли удары. Она рвала на нем одежду, раздирала в кровь шею, грудь, лицо. Парень метался, как безумный. И действительно, если бы кто-нибудь в этот момент увидел качающегося по полу, корчащегося в конвульсиях, в попытках освободиться от руки Эшли, он бы понял, что этот человек сумасшедший, что разум покинул его.

Наконец, Эшли так сильно ударился затылком об угол тяжелого кухонного комода, что потерял сознание. Он рухнул в осколки посуды, на пол, и замер без движения. Но через мгновение правая рука ожила, пальцы начали сгибаться. Они цеплялись за толстые дубовые доски и тянули тело. Правая рука знала, куда она тянет Эшли, к чему она стремится.

В двух метрах от стола лежал, сверкающий сталью, никелированный секач. Рука ринулась к нему. Надеясь,' что пока Эшли находится без памяти, она сможет сделать свое жуткое дело.

Хрустели осколки посуды. Тело Эшли судорожно подтягивалось к остроотточенному секачу.

Но сознание все же вернулось к Эшли. Он с ужасом смотрел, как сжимается его правая рука, как пальцы все ближе и ближе подбираются к секачу. Он, напрягши все силы, выхватил из кармана нож и вонзил его прямо в свою правую руку, пригвоздив ее к полу. Раздался стрлщ-ный крик боли. Он звучал непонятно откуда: с потолка, со стен, из-под пола. Вслед за криком раздался хохот.

— Так вы еще смеяться будете надо мной, гады! Я вам сейчас покажу!

Эшли дотянулся до бензопилы и дернул зубами пусковой трос. Взревел мотор, и едкий бензиновый дым стал наполнять кухню. Бешено вращалась цепь, сверкая остроотточенными зубьями.

Эшли, зажмурив глаза и сжав губы, от предчувствия дикой боли, все ближе и ближе подводил полотно пилы к своей правой руке, все не решаясь ее отпилить.

Он вдруг почувствовал, как рука начала вырываться, начала вытаскивать из пола глубоко вбитый нож. Тогда, уже не колеблясь, Эшли опустил полотно пилы себе на запястье. Полетели в стороны рваные клочья мяса, искрошенная кость. Кровь брызнула в лицо Эшли. Он дико закричал и почувствовал, что освободился от правой руки.

Под жуткие плач и стенания, разносившиеся со всех сторон,

время от времени перемежаемые тихим хохотом, Эшли, держась левой рукой за стену *и* прижимая к себе кровоточащий обрубок правой, добрался до стеллажа. Там он схватил широкую катушку клейкой изоляционной ленты, и, обмотав обруоок клеенкой, обкрутил его лентой.

Боль все не унималась, кровь сочилась из-под клеенки. Эшли все мотал и мотал ленту на руку, сдавливая себе вены. Наконец, кровотечение унялось. Парень оборвал ленту зубами и отбросил катушку в сторону.

Лишь где-то сверху доносилось хихиканье. Эшли потянулся к ружью, переломил ствол и загнал туда^два патрона. Орудовать одной рукой было очень неудооно.

Но вскоре Эшли приноровился. Он положил ствол на обрубок и принялся стрелять в рожи зловещих мертвецов, которые появлялись в проемах выбитых окон.

— Еще немного,— глядя на дорогу, сказала Эми.— Вот за этим поворотом мост, а там прямиком по можжевеловой аллее, и мы будем у дома.

Доктор Кинг уверенно вел машину. И вдруг за поворотом он увидел, что дорогу перегораживает другая машина с включенными сигнальными лампами. Доктор Кинг притормозил. Они вместе с Эми вышли из машины.

У обшарпанного добитого грузовика стояли и смотрели на разрушенный мост мужчина и женщина.

Эми сразу узнала по грузной оплывшей фигуре хозяина охотничьего домика Майкла. Но тот не узнал девушку.

— Простите, пожалуйста, ведь эта дорога к охотничьему домику? — поинтересовалась Эми.

— Да, эта дорога ведет прямо туда, но вы по ней не сможете ехать,— виновато мигая маслянистыми глазами, ответил Майкл и вытер грязноватые руки о свой живот.— Вы что, ослепли. Не видите, мост развалился полностью? Разве что на крыльях можно перелететь через этот проклятый каньон,— Майкл сплюнул на землю и растер слюну.

— Послушайте, но ведь должна быть другая дорога? Где-то здесь есть тропа. Отец мне о ней говорил,— спросила Эми.

— Нет здесь никакой ни тропинки, ни дороги,— послышался из темноты женский голос.

Доктор Кинг и Эми обернулись. Опираясь на капот грузовика, стояла молодая девушка. Она жевала бутерброд и выплевывала кусочки мяса себе под ноги.

— А какого черта вам туда надо? — поинтересовалась она.

Майкл подошел к своей подружке, обнял ее за талию и заискивающе глянул в лицо.

— Бабетта, ты чертовски хороша сегодня. По ночам ты мне нравишься куда больше, чем днем.

— Заткнись, козел,— отреагировала Бабетта, выплюнув большой кусок непрожеванного мяса.

— Не твое дело, милочка,— отрезала Эми.— Если я и буду говорить с кем, то это с хозяином дома.— Она посмотрела на Майкла.

Тот, пошевелив своими пропитыми мозгами, все-таки припомнил, что где-то эту девушку он видел.

— А тут действительно есть тропка,— расплылся он в неискренной улыбке.— И мы с Бабеттой охотно вам ее покажем, если, конечно, вы, красавица, нам заплатите

Солидный вид доктора Кинга обнадежил Майкла'. Явно было видно, что у этого мужика деньги водятся и немалые.

— Так сколько это будет нам стоить? — зло спросила Эми.

— Сорок пять,— начал Майкл, но глянул на каменное лицо Бабетты и тут же добавил: — Сто сорок пять долларов.

Но и Эми не растерялась.

— Если ты, парень, понесешь на своей спине мои вещи, то тогда я согласна.

Такой поворот дела явно устраивал Майкла. Он глупо захихикал, облапал Бабетту и зачем-то подмигнул Эми.

Если бы Майкл знал, какой сундучок припасла для него Эми, он бы не согласился тянуть его и за двести сорок пять долларов. Но уговор дороже денег. Изгибаясь под тяжестью большого кожаного сундука, чертыхаясь, Майкл взбирался по узкой охотничьей тропе все выше и выше в горы.

Эми, единственное что не доверила носильщику, это стеклянный футляр со страницами «Книги мертвых». Она прижимала его к своей груди и плелась вслед за Майклом. Первой шествовала Бабетта, налегке. Она явно привыкла, все, что не случалось в ее жизни, сваливать на своего парня. Она освещала дорогу фонариком и все время подгоняла Майкла.

— Ну давай, скорее. Мне уже надоело тащиться.

— Ты уверена, Эми, что твой отец никуда не уехал? — спросил доктор Кинг, нагоняя девушку.

— А куда ему уезжать,— изумилась она.— Он же, как займется какой-то работой, то никогда не оросит, не доведя ее до конца.

— Ну да, это похоже на профессора Веймара Нойби,— довольно громко произнес Мартин.

И тут, наконец, до Майкла дошло, что Эми — дочь того самого профессора, который заплатил ему астрономическую сумму за аренду домика. Майкл, правда, оыл не уверен, на месте

ли профессор. Срок аренды \же давно кончился, а он до этого времени так и не выбрался в свой охотничий домик. Но деньги были уплочены, и Майклу было наплевать, ждет там девушку отец или он уже давно умер и лежит непохороненный в этом домике. Его делом было донести тяжелый сундук, сбросить его, взять деньги и вернуться со своей девчонкой назад в городок.

А еще пьянчуга Майкл надеялся, что, когда он приволочет тяжелый сундук и грохнет его на пол в домике, заломит еще большую цену. И он чувствовал, девушка и этот доктор Кинг ему не откажут и хоть десятку, но накинут.

Но выстрелив раз десять, Эшли пришел в себя. Никаких зловещих мертвецов за окнами не было. Просто в них подхваченные ветром развевались простреленные и истерзанные занавески. Просто за окнами колыхались ветви деревьев, завывал ветер.

Эшли отложил ружье в сторону. И тут вдруг боль пронзила его лодыжку. Он подскочил и увидел, что отрубленная кисть его правой руки впилась ему в могу, Эшли сбросил обрубок своей руки и накрыл его тяжелым чугунным котлом.

— Вот тебе новый дом,— прохрипел он.

От стрельбы, клеенка, которой он обмотал руку, выбилась из-под ленты, и вновь потекла кровь. Эшли, чертыхаясь и корчась от боли, принялся вновь заматывать руку липкой лентой. Он слышал, как скребется под котлом рука, как тот елозит по полу. Эшли то и дело оглядывался, видел, как движется котел.

Наконец лента кончилась, и Эшли опустил рукав на обрубок руки. Когда он обернулся, то увидел, что котел перевернут, рука исчезла. Парень, придерживая снизу обрубком ствол ружья, водил им из стороны в сторону.

Ветер подхватывал обрывки газет, шелестел ими по комнате. Повсюду Эшли чудилось чужое присутствие. Наконец, он заметил, как зашевелилось и заскреблось что-то под креслом. Но только он успел направить туда ствол ружья, как из-под кресла выскочила обрубленная кисть его руки и, перебирая пальцами, цепляясь за неровности пола, побежала к крысиной норе.

Эшли вел за ней стволом, но так и не успел поймать на мушку. Рука скрылась в норе.

— Ну, сволочи,— прохрипел Эшли.— Что они сделали со мной.

В ответ неизвестно откуда прозвучал хохот.

Эшли слышал, как кисть скребется в перегородке между комнатами. Он выстрелил на звук. Пуля пронзила перегородку, и зияющий пролом с рваными краями открыл вид в другую комнату. Вновь послышалось хихиканье и легкое постукивание.

Эшли обернулся на звук. Под стулом копошилась его рука, постукивая черным ногтем по доскам иола.

В тот момент, когда Эшли нажал на спусковой крючок и прогремел выстрел, рука успела отброситься в сторону. Картечь только пощипала тяжелые дубовые доски, глубоко застряв в них. Вновь слышался мерзкий хохот. Рука бежала у самого плинтуса. Раздался истеричный визг, такой, как визжит крыса, зажатая зубьями капкана. Больше патронов в стволах не было, и Эшли, перезарядив ружье, увидел, что его рука визжит, зажатая капканом. Он довольно ухмыльнулся.

— Что, попалась, сволочь? Гак вам и надо.

Рука, приподняв вверх окровавленный указательный палец, как бы говорила и показывала: вот, вот раночка, вот как я поранилась, смотрите. Она напоминала непослушного вредного ребенка.

А Эшли чувствовал глухую вязкую боль несуществующей руки. Он вновь принялся целиться, пытаясь попасть в нее. Прогремел дуплет. В стене образовалась дыра. Эшли довольно засмеялся.

— Ну что, сволочь, попал, попал я в тебя!

Но из пролома в стене, который появился от выстрела, вначале медленно, потом все сильнее и сильнее, все более мощным потоком полилась густая кровь. Наконец, она хлынула, как из фонтана, заливая Эшли лицо и покрывая его с ног до головы липкой горячей массой. Парень попытался выскочить из-под этой струи, и это ему удалось. Он открыл глаза — стена была белой и из нее только шел легкий, едва заметный дымок никакой крови не было.

И Эшли понял, что теряет рассудок. Он поворачивал стволами ружья в разные стороны, прислушиваясь к малейшему шороху, он оскаливался, готовый принять смертельный бой, готовый стрелять во все, что шевельнется, колыхнется или сделает хоть малейшее движение в направлении к нему. Его глаза были безумными.

— Но что сволочи! Гады! Уроды. Мерзавцы, кричал Эшли.— Я вам сейчас покажу! Выходите, ри ближайтесь! Ну что, попрятались?! Испугались..

Но дом был молчалив и тих.

А когда чучело головы оленя начало хохотать *блестя* стеклянными пыльными глазами, Эшли понял* что он сошел с ума. Все вокруг наполнил жуткий хохот. И вместе с этим жутким хохотом, который разносился со всех сторон, который пронизывал все существо парня, он тоже принялся хохотать, приседать и подскакивать, изгибаясь и извиваясь в каком-то

страшном бесовском танце. Его лицо было безумным, рот оскалился в жуткой улыбке. Тряслась мебель, подскакивали торшеры, покачивались двери, падали со стеллажей книги.

Эшли принялся стрелять, он стрелял в темные провалы окон, за которыми никого и ничего не было. Перезарядив ружье, он выскочил на крыльцо. Ему показалось, что там скрываются те, кто над ним издевается.

В непроницаемой темноте, среди рваных клочьев тумана, блеснул призрачным светом желтый глаз. Эшли испуганно отпрянул в дом. Из проема двери на него кто-то бросился и повалил на пол, не переставая бить кулаком в лицо. Ружье отлетело в сторону.

— Ах ты сволочь, ах ты мерзавец! Так мой дом развалил! Все испохабил, изломал, попортил! — орал раздосадованный Майкл, навалясь на Эшли своим грузным телом, прижимая его к полу.

В дом вскочил доктор Кинг. Он помог Майклу справиться с дергающимся, пытающимся вырваться Эшли. Наконец, Майкл, сложив два тяжелых кулака в замок, обрушил сокрушительный удар на голову Эшли. Тот дернулся и замер, потеряв сознание.

В дом перепуганные вбежали женщины Эми и Бабетта.

— Ну как ты, милая,— обратился к Бабетте Майкл.

— Ничего, ничего, по-моему, все в порядке,— по ее лицу было видно, что она довольна своим мужчиной, который так лихо расправился с вооруженным бандитом.

Эми все так же бережно, как грудного ребенка, прижимала к себе стеклянный футляр с полуистлевшими листами «Книги мертвых».

— Кто это такой? — спросил у нее доктор Кинг.

— Я не знаю, я его первый раз вижу,— мельком взглянув на окровавленное лицо Эшли, сказала Эми.

— Да, странно, здесь что-то происходит невероятное.

Напоминает войну или перестрелку гангстеров,— сказал доктор Кинг.

— Нет, нет,— прошептала Эми.— Где же мои родители?

Она принялась метаться по дому, но застыла, увидев окровавленную бензопилу, увидев залитый кровью пол. Она бросилась к бесчувственному Эшли и принялась трясти его.

— Где мои родители? Где мои родители? — кричала девушка.— Что ты с ними сделал? Где они? Отвечай, где они?

Голова Эшли безвольно моталась из стороны в сторону и глухо стучала о дубовые доски.

— Эми, успокойся! Эми, перестань! — доктор Кинг схватил девушку за плечи и оттащил в угол комнаты.

— Негодяй, подонок, сумасшедший. Я таких сволочей еще

никогда не видел,— шептал Майкл, волоча Эшли к люку, который прикрывал вход в подвал.

Он отбросил тяжелую крышку, и в это время сознание вернулось к парню.

— Подождите! Подождите! — мгновенно сообразив что происходит, закричал он.— Подождите! Я все расскажу! Я здесь ни при чем!

Но его никто не хотел слушать. Майкл со злобой смотрел на окровавленного парня-садиста. Он думал, что этот гад порезал всех бензопилой, зарезал профессора и его жену, зарезал людей, которые могли еще принести ему довольно изрядный доход. И он ненавидел этого мерзавца всеми силами своей души, всеми силами бедного нищего существа.

Майкл ударил Эшли ногой, и парень рухнул, катясь по истертым ступеням в черный провал подвала.

— Катись, сволочь, и сиди там, пока мы не вызовем полицию. А потом с тобой разберутся! — закричал Майкл.— А пока сюда приедет полиция, ты сгниешь, сволочь, заживо в этом вонючем подвале.

Разделавшись с садистом, Майкл уложил Бабетту- на диван и принялся осматривать царапины на ее плече, утешая молодую женщину.

— Ничего, ничего, все пройдет. Ничего страшного. Зато какого мы гада с тобой словили. Ничего, милая.

Бабетта морщилась от боли и тихо стонала. В гостиную вбежал доктор Кинг.

— Я обежал весь дом, осмотрел все комнаты, был на чердаке, но такое впечатление, что их здесь никогда и не было,— сказал он, обращаясь к Эми.

— Как это не было. Ты посмотри, вокруг вещи моего отца. Его очки, авторучка, вот его магнитофон. Видишь, магнитофон на столе?

Она подошла и нажала пальцем на клавишу пуска Магнитофон зашипел, бабины принялись вращаться. Из динамиков раздался хорошо поставленный голос профессора Веймара Нойби.

— Прошло лишь несколько часов с тех пор, как я произнес первые абзацы, переведенные мною из «Книги мертвых». Это были абзацы вызывания демонов.

— Это голос моего отца,— уверенно сказала Эми.

— И теперь я боюсь, что моя жена одержима демоном Кондара. Господи, прости меня за то, что я пустил в мир эти страшные силы. Вчера моя жена Генре-етта пыталась убить меня. Сейчас первое октября, один час тридцать пять минут ночи,—

звучал голос профессора.

Эми от предчувствия чего-то страшного поеживалась. Она сцепила руки на груди.

— Теперь Генреетта мертва,— отчетливо произнес голос профессора Веймара Нойби.— Но я так и не смог заставить себя расчленить ее тело.

Доктор Кинг подошел к Эми и обнял ее за плечи. Девушка дрожала, по ее щекам бежали крупные слезы.

— Я похоронил ее, я закопал ее в погребе, в подвале. Господи, помоги мне! Я не знаю, что теперь делать! — уже изменившимся, срывающимся на истерику голосом диктовал профессор Веймар Нойби.

Эшли, лежа на глинобитном полу, смотрел в потолок, по которому ходили доктор Кинг, Эми и Майкл. Он слышал голос профессора Нойби. Он весь сжался, услышав последнюю фразу о том, что рядом с ним, в погребе, похоронена Генреетта, жена профессора, в которую вселились демоны.

В это мгновение земля в нескольких футах от Эшли разверзлась, и из нее восстал зловещий мертвец. Это была жена профессора Генреетта. Она вращала налитыми кровью глазами, пальцы посиневших, распухших рук в клочьях кожи и полусгнившего мяса судорожно сжимались, зубы клацали. Из треснутого черепа, извиваясь, выползали жирные белые черви и застревали в седых волосах, которые клочьями свешивались на синие распухшие плечи.

От этого жуткого зрелища Эшли заорал. Все в комнате встрепенулись, услышав его дикий крик.

— Послушайте, гам с ним кто-то есть! По-моему, он не один орет!

Все прислушались. Действительно, из погреба несся крик, в котором участвовал vie один человек, не одно существо. Их было двое.

— Ну что, ты попал ко мне в погреб,— говорила мерзкая, полуразвалившаяся старуха, шамкая толстыми окровавленными губами.

На ее щеках зияли раны, сквозь которые были видны прогнившие, судорожно сокращающиеся сухожилия и мышцы. Из глаз сочился гной, из крючковатого длинного носа текли двумя ручьями струи желтого мозга.

— А, ко мне попал человек со свежей душой! Со свежей кровью! — старуха, тяжело ступая раздутыми ногами, двинулась к Эшли.

Парень вскочил, побежал по ступенькам, ударившись головой в люк. Но люк был завязан на толстую стальную цепь. Крышка

приподнялась, парень заорал, обращаясь к людям, которые стояли и с ужасом взирали на приоткрытый люк.

— Выпустите меня отсюда! Выпустите! — кричал Эшли.— Ома меня уничтожит! Выпустите!

И вместе с его криком из погреба слышалось скрежетание костей, зубов и страшный хлюпающий визг и хохот.

— Иди ко мне, мой мальчик!

Старуха шевелила разложившимся указательным пальцем, подзывая Эшли к себе и страшно ухмыляясь. Она была полна похоти и желания. Из-под раздутых окровавленных губ торчали гнилые желтые съеденные зубы. Язык облизывал струйки мозга, сочившегося из ноздрей. Она причмокивала и ухмылялась, все ближе и ближе подходя к Эшли.

А парень изо всех сил стучал плечами и головой в люк, тянул сквозь щель руки, прося и моля о спасении и о помощи.

Первой не выдержала Эми.

— Выпустите, выпустите его! Откройте, откройте этот люк! Спасите его!

Майкл бросился к люку и судорожными трясущимися руками принялся распутывать тяжелую цепь.

— Иди, иди, парень, к милой Генреетте,— шептала старуха.— Иди ко мне. Я проглочу твою душу. Я съем твое сердце и прожую печенку. Я съем всего тебя, до последней косточки, и выпью твою горячую кровь.

Старуха развела руки в стороны, как бы готовясь обнять парня, поплотнее прижать к себе и впиться своими распухшими губами в его губы, как бы поцеловать его поцелуем смерти.

Наконец, Майкл справился с замком. Крышка, отброшенная вверх, освободила проход. Эшли рывком выскочил из люка, но тут же рухнул на пол. Две огромные, раздувшиеся, мерзкие руки держали его за ногу. Он попытался дернуть ногой, чтобы вырвать ботинок, тогда ужасная старуха, на глазах превратившаяся в жуткое чудовище, вцепилась огромными желтыми зубами в его башмак. Она рвала толстую рифленую подошву, пытаясь откусить Эшли ногу.

Майкл попытался помочь парню. Тогда синюшная рука вцепилась в его лицо, толкнула, и он полетел к противоположной стене, ударившись о картину, которая там висела. Картина оборвалась и упала на голову'

Доктор Кинг тоже не растерялся и бросился на помощь Эшли, но страшный зловещий мертвец-старуха, вскинув руку, ударила его в пах. Доктор покатился по полу, поджимая под себя колени.

— Спасите, спасите! Спасите меня! — кричала Эми.

А Бабетта, прикрыв глаза руками, тряслась от жуткого испуга.

Наконец, Эшли вырвал ногу из зубов старухи-мертвеца. Женщины визжали, Майкл стонал, а доктор Кинг корчился на полу. Старуха на глазах преображалась. Ее рот растянулся прямо до ушей, волосы встали дыбом, глаза выпучились и бешено завращались. Шея неимоверно удлинилась и закачалась над люком.

Эшли изо всей силы опустил тяжелую крышку прямо на эту мерзкую голову, придавив ее к полу. Крышка вздрагивала и вырывалась из рук парня. Тогда Эшли подскочил и со всей силы ударил ногами по ней — голова хрустнула, и из глазницы выстрелил, как пробка из бутылки, окровавленный, гнойный глаз. Он пролетел через всю комнату и ударился в лицо визжащей и верещащей Бабетте. Та мгновенно потеряла сознание. А Эшли все прыгал и прыгал, сильно ударяя подошвами в крышку люка. Голова хрустела, из нее текла кровавая гнойная пена.

Наконец, пришедший в себя Майкл бросился на помощь Эшли. Они вдвоем навалились на люк и принялись каблуками загонять голову обратно. Им это удалось. Крышка с грохотом захлопнулась, и трясущимися руками мужчины протянули тяжелую цепь в кольца, обрамлявшие проем. Крышка под ними еще несколько раз вздрогнула и затихла. Из погреба послышались жуткие всхлипывания и стоны. Мужчины переглянулись. Эшли смотрел на мокрое от пота, исцарапанное лицо Майкла.

— Ну, кажется, все,— прохрипел Майкл.— Мы спасены.

— Эта ведьма в погребе,— ровным голосом проговорил Эшли,— лишь часть того ужаса, который нас окружает. Этот ужас прячется во тьме, он окружает этот дом со всех сторон. Этот ужас вернулся из небытия, восстал против нас.

Все, притихнув, слушали Эшли. И вдруг дико заверещала Бабетта. Бросилась и схватила Эшли за руку.

— Боже, я боюсь! — кричала она.

Майкл поднялся с пола и подошел к Эшли, взглянул ему в глаза.

— Ты, парень, как хочешь, а я со своей девчонкой уношу отсюда ноги. Понял? — Майкл был полон решимости.

— Никто отсюда не уйдет,— твердо проговорил Эшли.— Там, за дверями, смерть.

— А мне плевать, что ты тут плетешь,— Майкл схватил Эшли за грудки и начал трясти.— Мы отсюда уйдем. Пусть это и мой дом, но я не хочу здесь находиться. Ты, как хочешь, а мы уходим.

Вдруг из-под приоткрытого люка послышался мелодичный женский голос. Он напевал колыбельную. Все оторопело глянули. Из-под приоткрытого люка показалось лицо Генреетты. Но не той жуткой, страшной, гнойной старухи, которую Эшли видел в

подвале, это была благообразная немолодая женщина. Она смотрела из-под тяжелой крышки с состраданием и любовью на свою дочь и на ее друзей. Ее руки лежила на краю люка. Глаза были полны слез.

— Ты помнишь,— дочь,— проговорила женщина.— я пела тебе эту песню, когда ты была еще совсем маленькой, совсем крохотной девочкой. Помнишь?

— Мама, мама,— зашептала Эми и сделала шаг к приоткрытому люку.

Но Эшли схватил ее за плечо и отрицательно покачал головой. Девушка с непониманием посмотрела на него.

— Дочка, дочка, выпусти, пожалуйста, меня отсюда. Развяжи цепь, подними эту крышку,— говорила женщина.— Пожалуйста, я тебя очень прошу. В этом подвале сыро и холодно. Мне в нем очень плохо.

Эшли держал Эми за плечо, не пуская к приоткрытому люку. Девушка рвалась туда, она хотела видеть свою мать. Она хотела освободить ее.

— Ты родилась девятого сентября тысяча девятьсот шестьдесят второго года,— говорила женщина, глядя прямо в глаза Эми.— Я помню это очень хорошо, потому что в тот день пошел большой снег. Это было удивительно, чтобы в сентябре шел снег.

— Это не моя мать, это не моя мать, это другая женщина! — закричала Эми.

И вдруг комнату заполнил страшный крик, хрипы и бульканье. С пола поднялся, корчившийся еще минуту тому назад от боли, доктор Мартин Кинг. Он судорожно извивался. Его лицо уже было тронуто трупными пятнами. Изо рта капала кровь, из глаз сочился гной. Его руки были распухшими, тело толстым, как будто он долго лежал под водой. Рубашка по многих местах полопалась, не выдержав внутреннего напора плоти.

— Мы были раньше в этом мире,— странным голосом, булькающим и хлюпающим, вещал доктор Кинг.— И мы снова появимся в нем.

Его тело оторвалось от пола и повисло в пространстве. Руки судорожно, как змеи, извивались. Казалось, что тело доктора лишенное костей — двигалось самопроизвольно, как водоросли в воде.

Все отбежали к противоположной стене, испуганные этим жутким зрелищем.

— А теперь, мы хотим получить все то, что принадлежит вам, — продолжал вещать доктор или то, что было доктором Кингом.

Разлагающаяся, разбухшая плоть летала по комнате.

Скрюченные пальцы начали нацеливаться на живых.

Вновь задергалась крышка люка, зазвенела тяжелая цепь. Из щели орала и смотрела в комнату мерзкая распухшая зловещая мертвец-старуха. Ее глаза были налиты кровью. Она облизывала потрескавшиеся, окровавленные губы и кричала:

— Вы умрете! Вы все умрете к рассвету! Мы пожрем вас! Пожрем!

Зловещий мертвец-доктор Кинг закружился по комнате, подлетел к Бабетте, впился ногтями в ее лицо и вырвал с мясом длинный клок темных волос. Он с вожделением затолкал их себе в рот и начал шамкать и щелкать изъеденными зубами.

— Выпусти скорее меня отсюда! — кричала старуха, обращаясь к мертвецу-Кингу.— Скорее выпусти, пока они не опомнились!

Бабетта без чувств рухнула на пол. Такого издевательства не выдержал пьяница Майкл. Он смело бросился на Кинга, но тот легко подбросил его грузное тело. Майкл, ударившись головой о потолок, рухнул на пол, трепыхаясь в конвульсиях.

Эшли бросился в другую комнату.

— Куда ты, трус! Куда ты? — закричала Эми.— Помоги нам, не оставляй нас!

То, что было когда-то доктором Мартином Кингом, подползло на четвереньках к люку и гнилыми пальцами принялось распутывать тяжелую цепь, пытаясь открыть люк и выпустить мерзкую гниющую старуху наружу.

Но Эшли уже вернулся. В левой, здоровой руке, он сжимал тяжелый топор на длинной ручке. Он размахнулся и опустил острие топора на шею зловещего мертвеца, возившегося с цепью. Брызнул фонтан крови. Дико закричала Эми. Эй никогда в жизни не доводилось видеть столько крови, никогда девушка не видела, как разлетаются фонтаны и брызги в разные стороны, заливая все вокруг. А то, что было Кингом, вздрагивало, трепетало, ползло, корчилось, судорожно цепляясь за ноги, за выступы досок. Мерзкая старуха громко вопила в погребе.

Эшли продолжал свою кровавую работу. Он, один из всех, понимал, что если не расчленить зловещего мертвеца, он воскреснет и восстанет вновь. Парень разрубил на куски тело доктора Мартина Кинга. Трещали кости, хрустели разрубленные сухожилия, крошились раструшенные суставы и позвонки. Куски мяса падали на залитые кровью доски пола и продолжали корчиться, как будто они были живыми.

Наконец, измученный Эшли отпрянул, он сделал все, что было в его силах. Одного зловещего мертвеца уже не существовало. Все с ужасом смотрели на куски мяса, на лезвие

топора, которое от густой крови было богря-ным.

Понемногу все успокоились, если можно назвать то состояние, которое было у людей, спокойствием. Грязный

Майкл, прильнув к выбитому окну, смотрел в ночь.

— Это очень странно, очень странно,— говорил он.— Та тропинка, по которой...

— О чем ты говоришь? — подошла к нему Бабетта и положила руку на плечо.

Но Майкл сбросил руку.

— Я говорю, что тропинки, по которой мы пришли сюда, не видно, ее нет, она исчезла.

Бабетта тоже глянула в окно и, непонимающе, пожала плечами.

— Она должна быть, это просто туман, и ты ее не видишь.

— Да, может быть, туман,— ответил Майкл.— Надо отсюда убираться и как можно скорее. Пойдем, Бабетта.

Но девушка была в нерешительности и растерянности. Она помнила слова Эшли, предупреждающие, что если кто-то выйдет из дома, там, на улице, он найдет смерть.

Еще в больший ужас их привело то, что маятник старинных часов, так мерно раскачивающийся даже во время всех этих страшных событий, вдруг замер, как будто незримая рука прикоснулась к нему и задержала на самой высокой точке амплитуды колебания.

Все с изумлением и страхом уставились на застывший маятник. Черные стрелки часов были неподвижны, как будто они вмерзли в толщу льда.

Вдруг что-то начало происходить, уже совершенно невероятное. Все мелко задрожало, зашаталось, завибрировало. Казалось, что вибрируют даже тела людей. Все прижались друг к другу, боясь упасть. На белом циферблате часов выступила кровь. Она тонкими ручейками текла по эмалированной поверхности циферблата, закрывая черные римские цифры. Она как бы смывала все знаки, как бы смывая все, что было до того, предвещая нечто еще более ужасное и страшное.

За окнами дома, за его стенами пронесся жуткий вихрь. Захрустели и затрещали старые деревья. Но так же внезапно, как все началось, все и прекратилось.

— Что это было? — спросила Эми.

— Мне кажется,— сказал Эшли,— это кто-то из другого мира пытается попасть в наш.

И вдруг тишину расколол удар грома. На улице засверкали молнии. Распахнулись двери.

— Вон там! — показала в дверной проем Бабетта.

— Мы все пойдем туда вместе,— сказал Эшли.

— Тебе интересно, ты и иди,— ответил Майкл, еще теснее прижимаясь к Бабетте, как бы пытаясь закрыться от неотвратимого надвигающегося Зла телом своей девушки.

Эшли отвернулся от трясущегося Майкла и ступил к неизвестному. Он сделал несколько шагов к дверному проему.

Эй,— раздался голос Эми,— я пойду с тобой.

Она держала в руке керосиновый фонарь «летучая мышь» и робко двигалась за Эшли.

Майкл и Бабетта не выдержали одиночества. Они вбежали в комнату, стали рядом с Эшли и Эми.

— Я же тебе говорю, ничего здесь нет и быть не может,— говорил Майкл своей девушке.— Просто эти психи что-то придумывают, что-то им мерещится.

Но он сам не верил своим словам, все сильнее, почти до боли, жал руку Бабетты. Та вскрикнула, и Майкл отпустил руку.

На белой стене полыхнуло фосфорическое сияние, и, искаженное болью, появилось лицо немолодого мужчины. Когда гримаса боли исчезла, Эми вскрикнула:

— Папа! Папа!

— О пресвятая дева Мария! — сказал Майкл.

Это были единственные слова молитвы, которые он знал.

Губы профессора Веймара Нойби приоткрылись.

— Здесь, вокруг, властвует темный и злобный дух, который хочет уничтожить вас.

Каким-то странным, нереальным голосом вещала светящаяся голова.

— Эми, единственный ваш выход, это вот...

На стене, как на простыне экрана появилась рука профессора. Указательный палец был направлен в дальний угол комнаты. Там, на маленьком столике, лежал стеклянный футляр, в котором покоились полуистлевшие страницы «Книги мертвых».

— Эми, возьми эти страницы, прочти заклинание, прогони злых духов. Ты спасешь мою душу и свою жизнь.

Светящаяся голова профессора начала уменьшаться и исчезать. Наконец, она превратилась в едва заметную светящуюся точку, которая через мгновение слилась с мрачными тучами небосвода. Полыхнула молния, загрохотал гром. Все вздрогнули. Оцепенение исчезло.

— Майкл, мне кажется, ты очень сильно сжимаешь мне руку.

Майкл посмотрел в глаза Бабетты.

— Да я вообще ничего не сжимаю.

Все взглянули на руку Бабетты. Ее крепко держала отрубленная кисть, тронутая трупными пятнами. Это была синяя,

полуразложившаяся рука, ногти хищно загнуты и впивались в кожу ладони Бабетты.

Девушка истерично завизжала. Пальцы руки разжались, и кисть упала к ногам. Она еще несколько секунд вздрагивала, подпрыгивала и шевелила пальцами, пока Эшли не ударил по ней своим тяжелым ботинком и не отфутболил в темноту.

От испуга Эми выронила фонарь. Все погрузилось в густую тьму.

Когда Майкл отыскал в кармане своего комбинезона спички, и когда зажгли погасший фонарь, оказалось, что Бабетты среди них нет.

Эшли смело разбил стекло футляра, хранившего листки «Книги мертвых». Майкл в это время, припав к окну, вслушивался в ночную темноту и шептал:

— Но где же, где же Бабетта? Почему, почему она не идет?

Эшли здоровой рукой смахнул осколки стекла с полуистлевших страниц. Эми нагнула к ним свою голову,

— Мы должны найти ее,— сказал Майкл, обращаясь к Эшли и Эми.

— Слушай, парень,— веско и грозно сказал Эшли.— Если она выбежала в лес, то мы все можем уже забыть о ней.— И он рубанул по воздуху обрубком руки.

Эшли разглядывал непонятные ему пиктограммы, крючки, черточки, линии, сливавшиеся в слова, которые он не мог прочесть.

Вдруг он напрягся и вздрогнул.

— Что случилось? — встрепенулась Эми.

— У меня такое ощущение, что как будто только что кто-то прошел по моей могиле,— сказал Эшли, и его лицо побледнело.— Что это за картинка? — спросил он.

— Это очень старая книга,— бережно перебирая листки в пальцах, ответила Эми.— Здесь есть заклинания, которые могут помочь нам.

— А ты сможешь найти их? — поинтересовался Эшли.

Эми, присев на колени, переворачивала полуистлевшие листы.

— Вот они, вот два абзаца,— она ткнула пальцем в непонятные каракули.

— Когда вы прочтете первый абзац,— водила указательным пальцем по странице Эми,— то вы выманите дух тьмы из бездны. Вы воплотите его, и он придет в ваш мир.

На кой черт! На кой черт нам это нужно?! — возмутился Эшли.

С него и так уже было достаточно этих зловещих мертвецов.

Не хватало еще самого воплощения Зла, самого демона во плоти.

— А прочитав второй абзац,— водила пальцами Эми,— вы сможете создать провал во времени и в пространстве. Тогда злой дух уйдет туда, откуда пришел. Он вернется в прошлое.

Чтение Эми оборвал сухой щелчок за ее спиной. Эшли резко обернулся. Возле стены стоял Майкл, он смотрел на них почти сумасшедшими глазами, сжимая в руках охотничье ружье.

— Ну так вот, ребята. Хватит заниматься ерундой,— зло говорил Майкл.— Сейчас мы все вместе пойдем в лес, отыщем Бабетту и вернемся тропинкой в город.

— Нет, идиот! — пытался отговорить Майкла Эшли.— Ты не понимаешь, Бабетта уже умерла. Каждый, кто выйдет на улицу, найдет там смерть. Нам нельзя отсюда выходить. Оставшись здесь, мы хоть сами сможем как-то спастись с помощью этой книги. Эми прочтет заклинание, и мы будем спасены.

Майкл не отводя от Эшли ствола ружья, зло выхватил из рук Эми страницы «Книги мертвых».

— Надоела мне эта ваша абракадабра,— Майкл комкал в своей толстой руке страницы из человеческой кожи.— Надоели мне все эти заклинания. Хватит, нужно искать Бабетту.

Он спиной пятился к люку подвала. И не успела Эми вскрикнуть, как Майкл, приоткрыв люк, бросил в его зияющую черноту страницы «Книги мертвых».

— Ну вот, где теперь ваша книга? — кричал Майкл.— Выбора у вас не осталось, нужно идти! А ну быстро, повернитесь и идите к двери.

Он водил из стороны в сторону стволом ружья. Эшли и Эми поняли, что спорить с Майклом сейчас бесполезно, что он одержим навязчивой идееи наити Бабетту. Они двинулись к выходу, понимая, что там, на улице, их может поджидать только одно — верн^о^рТпЬ'жья

Майкл подгонял их, тыча в спину с РУ

— Вперед! А ну быстрей!

Эшли замешкался. Тогда Майкл толкнул его в спину, и тот упал на траву.

— Ну, болван, скорее! Я же сказал, вперед!

Эми помогла парню подняться, и они вновь двинулись в ночь.

— Я тебе сейчас башку разобью! — крикнул Эшли, но его остановил один только вид вороненного ствола ружья.

Вокруг скрипели деревья, завывал ветер, неслись рваные клочья тумана. Какой-то страшный вой доносился из леса.

Эми схватила Эшли за здоровую руку.

— Я боюсь,— прошептала она.

— Но ничего не поделаешь,— ответил ей шепотом паоень.—

Мы должны идти, иначе этот идиот пристрелит нас на месте.

— Ее нигде нет,— испуганно говорил Майкл.— Куда же нам теперь идти? Тропинка исчезла! Бабетта! — закричал он, раздирая себе горло.— Бабетта! — истерично кричал он, уже опустив ружье.

— Бабетта! Мы же сейчас погибнем из-за тебя! — крикнул Эшли, схватив Майкла за плечо.

Но тот, широко размахнувшись, ударил его прикладом в живот.

— Бабетта! — истерически кричал Майкл, и слезы текли по его лицу.— Бабетта! Где же ты?!

Вдруг прямо перед лицом Майкла разверзлась земля, и оттуда страшная, распухшая, истекающая кровью и гноем, восстала зловещий мертвец Бабетта. Мужчина от ужаса закрыл глаза. Зловещий мертвец схватил его, высоко поднял вверх и ударил головой о толстый ствол дерева. Бесчувственное тело Майкла осунулось на толстые корни.

Эми первая пришла в себя. Она бросилась в дом, но за ней никто не побежал. Девушка замерла посреди комнаты, иступленно глядя в дверной проем, прислушиваясь к шорохам ночи.

Вдруг на пороге возник зловещий мертвец в облике Эшли. Он поднял руку и, обращаясь к Эми, сказал:

— Будь с нами!

У него внутри что-то забулькало, и кровавая слюна пузырями начала вздуваться на его губах.

Эми дико закричала и, бросившись вперед, быстро захлопнула тяжелую, но уже почти всю разоитуго. дверь. Она прижималась к ней спиной, пытаясь удержать.

А с другой стороны, с улицы, кто-то неистово колотил в дверь кулаками и кричал:

— Открой, открой, Эми, открой! Это я! Открой!

Но девушка упиралась, как могла, и не открывала дверь.

Вдруг все затихло. Девушка оглядела комнату и увидела на письменном столе отца большой старинный кинжал с головой химеры. Она сжала его в руках, несколько раз крутанулась по комнате, как бы пробуя, надежное ли это оружие. Затем стала обходить дом. Ей все казалось подозрительным. За каждым углом ей мерещился зловещий мертвец, за каждой колыхающейся шторой и занавеской чудилось движение, и ей было нестерпимо страшно.

Наконец, она услышала, как одна из дверей вздрагивает, как кто-то пытается ее открыть. Эми сильнее сжала кинжал в руках, размахнулась. И в это мгновение дверь открылась. Кинжал

глубоко вошел в тело. Девушка закричала. На пороге, сильно пошатываясь, с кинжалом в животе, стоял Майкл. Он рухнул прямо к ее ногам.

— Нет! Нет! — кричала Эми, отпрянув от уже безжизненного Майкла.

Она обернулась. И тут ее за голову схватил зловещий мертвец-Эшли. Он крутанул ее в сильных руках, приподнял над собой и собрался бросить в стену. Но что-то остановило его. Он затрясся в страшных конвульсиях, тело начало изгибаться и трепетать. Он опустил на пол бесчувственную Эми и склонился над ней, плотоядно облизывая губы. На доске, рядом с головой девушки, лежал хрустальный медальон, полированный горный хрусталь, оправленный в старинное серебро на тонкой витой цепочке.

Зловещий мертвец своими корявыми пальцами приподнял медальон над собой, затрясся еще сильней. Из его горла вырвался страшный нечеловеческий вопль. Зло, которое еще минуту назад полностью заполняло его существо, исчезло. Он стал вновь прежним Эшли. Так же болел обрубок руки, так же саднило разбитое колено.

Парень опустил голову, и в этот момент над ним что-то просвистело. Эшли рванулся в сторону, и тяжелый топор, проломив дубовую половицу, застрял в ней.

Эми пыталась вырвать глубоко засевшее лезвие то-

— Постой, постой! Подожди! Послушай меня!_

закричал Эшли.

Но девушка уже вырвала топор и, взмахнув, нацелилась в голову Эшли. Он вновь увернулся, и топор разрубил раму, висевшую на стене.

— Но постой же! Послушай меня!

Девушка не слышала: громко крича, она судорожно размахивала топором. Эшли бросился к ней и прижал к себе.

— Успокойся, послушай, я уже прежний! Это ушло из меня,— говорил он, пытаясь убедить девушку.

Он толкнул Эми на пол, и она, в самом деле, увидела, что перед ней стоит прежний Эшли.

— Черт! Послушай, я говорю, со мной все в порядке.

Он подбежал к ней, схватил за шею и прижал к

полу.

— Посмотри на меня, со мной все в порядке!

Эми не верила своим глазам.

— Может, сейчас с тобой и все в порядке,— прошептала девушка,— но надолго ли?

Парень встал, опустил голову и задумался. Он не знал, как

ответить на этот вопрос. Он не знал, надолго ли силы зла покинули его тело и сколько времени он еще будет нормальным человеком.

— Послушай, Эшли, чтобы победить это,— девушка показала на люк, ведущий в погреб,— нам нужны страницы «Книги мертвых». Их нужно извлечь оттуда, иначе мы погибнем.

— Я это понимаю не хуже тебя, я с этим борюсь уже очень долго,— проговорил Эшли, и на лице его появилась полная решимость на самый отчаянный поступок.— Я полезу в погреб.

Крышка люка приподнялась, и мерзкая старуха принялась хохотать, глядя на парня и девушку.

Ее обвислые щеки тряслись, мерзкий язык вываливался изо рта. Глаза превратились в две маленькие гноящиеся черточки.

— Заткнись, мразь! — Эшли наступил ногой на край крышки люка и вдавил в темноту голову мерзкой старухи.

Эми еле оттащила парня за ногу.

— Эшли, уймись. Мы должны спешить, иначе зло вновь овладеет твоим телом. Посмотрись в зеркало, этот сумасшедший блеск в твоих глазах.

Но парень отстранил ее и двинулся к дверям мастерской. Он сорвал занавеску со стеллажа и стал разбра-сыватьв разные стороны бренчащие цепи, жестянки, банки с краской, сыпались болты, гайки. Наконец, Эшли отобрал то, что ему было нужно: четыре тяжелых хомута для канализационных труб. Он вытащил из ящика бензопилу, и ее мотор взревел. Острые зубья разбрызгивая блестящую металлическую стружку, вгрызались в сталь. Эшли критически осмотрел сделанную им конструкцию.

— Помоги мне,— бросил он Эми.

Та быстро сообразила, что к чему. Подложив несколько обрезков узких досок на культю Эшли, они стянули их хомутами. Эшли взял бензопилу, обтер ее окровавленную цепь ветошью и приладил к импровизированному кронштейну. Здоровой рукой он стянул гайки, морщась от боли. Взмахнул своим страшным протезом — пила держалась мертво, она казалась продолжением его руки. Тогда зубами он рванул пусковой тросик, взревел мотор, стремительно понеслась цепь, сверкая остро отточенными зубьями. Левой рукой Эшли взял с верстака охотничье ружье и резко опустил на середину его ствола бешено вращающуюся цепь. Брызнули, разлетаясь в разные стороны, металлические искры. Раскаленный конец ствола отвалился. Эшли дунул в укороченный ствол, несколько раз крутанул обрез в руках, гак что воздух засвистел в отверстиях, довольно хмыкнул и сказал:

— Здорово, Эми. Теперь я расправлюсь с этой мразью.

Он шагнул в проем люка. Заскрипели истертые ступени.

Эшли, выставив вперед правую руку, удлиненную бензопилой, двигался во все более густеющую тьму и сырость подвала.

Наконец, его нога ступила в лужу. Эшли понял, что под ногами человеческая кровь, кровь Майкла. Но это его не остановило. Он решительно двинулся вглубь, представляя где что находится. Ведь он сидел в этом подвале, ведь он ходил в нем со своим другом Скотти.

Он шел и смотрел себе под ноги. Жидкий свет из открытого люка освещал тускло мерцающие лужи, балки, конструкции, каменную замшелую кладку в плесени и пятнах крови. Наконец, он дошел до двери, которая вела в следующее помещение погреба. Парень на какое-то мгновение замер перед ней, но потом понял, что надо идти до конца. Он повернул ручку, и дверь с мерзким скрипом отворилась. Эшли переступил порог. Вокруг него все хлюпало, булькало и клокотало. Он попал в помещение, где проходили канализационные и водопроводные трубы.

Страх охватил Эшли, и он завел бензопилу, как будто звук ревущего мотора мог разогнать этих ужасных мерзких мертвецов. Одинокая дежурная лампочка горела под самым потолком, ее слабый свет едва освещал трубы, в которых булькала и клокотала вода.

Вдруг что-то упало на спину парня. Он рванулся и полоснул лезвием бензопилы. Расчлененное тело мертвеца рухнуло ему под ноги. Он посмотрел, кто это был и что это было. И тут его взгляд уперся в искомканные, полуистлевшие страницы «Книги мертвых». Они лежали в луже, и по ним бегали огромные серые крысы. Мерзкие животные грызли страницы, откусывая маленькими кусочками.

Эшли вспомнил — ведь эти страницы сделаны из человеческой кожи, ведь это живая плоть. Поэтому мерзкие животные с таким остервенением пожирают их.

Парень подошел к люку.

— Где ты, Эшли? — послышался сверху голос Эми.— Куда ты пропал?

— Я здесь,— ответил он.— Держи страницы.

Эшли бросил мокрые страницы девушке. Эми ловко

поймала их и сразу же побежала к низкому столику, над которым горела настольная лампа.

Она разложила страницы и принялась перелистывать их, ища нужное место, где были необходимые ей абзацы, с помощью которых можно было вызвать Зло в этот мир, а при прочтении второго абзаца — создать дыру в пространстве, куда злая сила улетит навсегда.

Наконец, ее глаза зацепились за знакомую пиктограмму. И

Эми произнесла первые слова страшного за-клинания-молитвы.

Эшли в этот момент стоял на лестнице, ведущей из погреба наверх. Он оглядывался. Он сам не верил, что так легко смог достать страницы «Книги мертвых».

Но тут из-под ступенек к нему протянулись две омерзительные распухшие руки старухи. Они охватили его щиколотки и резко дернули на себя.

Эшли полетел вниз головой, больно ударившись локтями. Тяжелая бензопила чуть не вырвала его руку.

Глядя на черные буквы, девушка читала. Раздался страшный грохот, и она поняла, что это там, в подвале, происходит что-то страшное, что возможно уже ее спасителя и друга Эшли нет в живых. Девушка оторвалась от страницы и, растерянно озираясь по сторонам, двинулась к люку. Ей хотелось спасти парня, который ей нравился.

Но подойти к люку Эми не дала мерзкая старуха. Она схватила девушку за волосы, и, как огромный дирижабль, закружилась по гостиной. Из ее распухшего живота вываливались вонючие внутренности. Старуха время от времени отпускала одну руку и заталкивала свисающие, как толстые канаты, кишки назад себе в чрево. Она визжала и хохотала от восторга, она надеялась, что Эшли лежит мертвый, с раскроенным черепом, в глубине подвала.

Старуха вертела и вертела Эми, и та уже почти теряла сознание.

Но в это время, из черного зияющего провала, показалась рука Эшли. Цепляясь пальцами за узкий выступ, он подтянулся и ввалился, тяжело дыша, в гостиную. Парень прополз несколько метров по полу, волоча обрубок с тяжелой бензопилой. Но когда он увидел мерзкую старуху, тут же вскочил на ноги. Эшли мгновенно преобразился. Он вновь был готов к смертельной схватке.

Парень лихо, как заправский футболист, свистнул. Старуха замерла в своей неистовой пляске, в своем неистовом вращении. Ее глаза вытаращились, ведь она была полностью уверена, что парень мертв. Из уголков ее широко раскрытого рта полилась тягучая и вязкая слюна. Она свешивалась до самого пола. Старуха явно не ожидала увидеть Эшли.

Парень закричал:

— Ну давай, тварь! Давай, тварь! Подходи ко мне!

Старуха опустилась на пол и, тяжело ступая раздутыми, как будто резиновыми, ногами по доскам пола, оставляя на них мерзкие четырехпалые следы, двинулась на Эшли.

Он рванул зубами пусковой тросик. Пила взревела, набирая

обороты. Эшли решительно выставил свое оружие перед собой.

Старуха прямо на глазах стала преображаться. С ее головы, большими клочьями отпадали слипшиеся от грязи и гноя седые космы. Зубы высыпались изо рта, оставляя зияющие провалы. Из глаз вытекали густые и тягучие капли гноя. Старуха уменьшилась в размерах, чтобы быть такой же проворной, как Эшли. Ее пальцы захрустели, ногти изогнулись еще больше, как у дикого хищного животного, приготовившегося к прыжку. Скулы заострились, а шея стала напоминать длинный толстый гофрированный шланг, который завершал череп с омерзительной пастью.

— Ну кто кого?! — заверещала старуха, стоя не на ногах, а на четырех лапах с длинными когтями.

Туловище мерзкой старухи превратилось в туловище какого-то страшного динозавра.

Эми подхватилась с пола и, держа в дрожащих пальцах изорванный, изгрызенный крысами листок, принялась читать молитву-заклинание. Ее голос срывался, дрожал, но она продолжала выговаривать слова, написанные человеческой кровью на человеческой коже.

Но заклинание, произносимое Эми, было явно бессильно против этой мерзкой твари. И тогда девушка, чтобы отвлечь старуху от Эшли, запела колыбельную, ту колыбельную, которую пела ее мать, когда Эми была маленькой девочкой и боялась темноты. Мать всегда ей пела колыбельную перед сном, чтобы дочь спокойно уснула и видела хорошие сны.

— Баю, баюшки-баю,— пела Эми.

Мерзкая тварь, услышав голос девушки, вздрогнула и медленно повернула голову в направлении поющей Эми.

— Баю, баюшки-баю,— повторяла девушка.

Из выпученных глаз химеры потекли кровавые слезы. Явно, что она о чем-то вспомнила, о чем-то подумала.

И в это мгновение, размахнувшись, Эшли вонзил бензопилу в брюхо химеры. Завизжали стальные зубья, рассекая реберные дуги, ломая кости и наматывая кишки на цепь.

Химера затряслась и принялась извиваться. Эшли уже вырвал бензопилу из ее чрева и, широко размахнувшись, нанес удар по длинной, как бы гофрированной шее. Голова отлетела в сторону и покатилась по полу, продолжая шевелить губами и скрежетать огромными желтыми зубами. Гнойные веки вздрагивали, прикрывая выпученные глаза.

— Ну что, кто кого? — сказал Эшли, наступив рифленой подошвой своего башмака на трясущуюся челюсть химеры.

Огромный, как ладонь, язык вывалился из пасти на пол и начал извиваться, как змея.

Эшли приподнял бензопилу и отсек его. Из разруба хлынула вязкая кровь. Парень, размахивая бензопилой, разрубал, кромсал тело химеры. Уже попадали на пол толстые лапы, уже извивались и корчились хвост и шея, а он, охваченный жаждой уничтожить, победить Зло, продолжал наносить удар за ударом. Наконец, тело перестало вздрагивать, а голова мерзкой химеры все еще продолжала шевелить губами и вращать обрубком языка, из которого хлестала тягучая кровь.

Эшли на мгновение задумался, не зная что предпринять дальше. Он явно мешкал.

Истерично и нервно кричала Эми. Она была насмерть перепугана. Казалось, еще мгновение, и она лишится чувств. А если эта чаша ее минует, то она просто лишится рассудка, сойдет с ума от страха.

Тогда Эшли выхватил из-за спины охотничье ружье с обрезанными стволами, взвел курки, нацелился прямо в дергающиеся веки головы химеры и громко крикнул:

— Ну что, мразь, ты не хочешь успокоиться?!

— Нет! Нет! — заверещала голова не своим голосом.— Я бессмертна, я буду всегда! Я всех вас уничтожу! Пожру! Я съем ваши тела и проглочу ваши души!

— Души, говоришь, мерзкая сволочь?! До наших душ и до наших тел тебе не добраться! Ты и так принесла много зла.

Парень нажал одновременно на два курка. Раздался оглушительный выстрел. Голова разлетелась в разные стороны, разорванная картечью на мелкие кусочки. Кровь, гной, мозги, раздробленная кость брызнули и разлетелись в разные стороны. Остатки черепа, как острые осколки, повпивались в стены, торчали из бревен и с них стекала кровь.

— Ну что, съела?! Нажралась?! — радостно закричал Эшли.

Эми дрожащими пальцами подняла со стола истлевшие листки «Книги мертвых» и произнесла первое слово.

Дом задрожал, зашатался — стропила начали рушиться, каменный фундамент заходил под ногами, лопались зеркала, падала мебель, рушились стеллажи, легко, как спички, ломались толстые дубовые балки, щепки и осколки полетели по всему дому, камин развалился на несколько частей, и угли рассыпались по полу, провалился и упал в подвал тяжелый люк, захрустели стены, сложенные из огромных бревен, в окна потянулись толстые ветви деревьев.

Казалось, что столетние дубы и огромные замшелые ели решили оплести дом, вырвать его, оторвать от земли, разнести на мелкие щепки. Ветви деревьев обвивали

дом, ломали стены. Все дрожало, шаталось, не давая ни

секунды передышки. и

Эми и Эшли, прикрывая головы руками, судорожно метались по гостиной. Казалось, еще несколько секунд еще несколько мгновений — и все рухнет, погребя под собой двух маленьких людей, смелых и отчаянных.

Ужас охватил Эми. Она принялась читать молитву но ей в это время надо было читать не молитву, а заклинание — вторую часть второго абзаца. Первый абзац сработал, но они еще этого не понимали.

Эми не знала, что слова молитвы-заклинания, прочитанные ею, уже вызвали силы зла в этот мир.

— Эми! Эми! — сообразив что к чему, закричал Эшли.— Эми! Ты должна читать...

— Да! Да! — Эми заметалась по разрушенной, шатающейся гостиной.

Она никак не могла отыскать нужную страницу. Девушка, согнувшись, нервно перебирала в руках листки, вновь находя лишь уже сказанные ей слова. Казалось, она носится по заколдованному кругу. Казалось, что книга состоит из одной и той же страницы, которая все время попадается ей на глаза.

Наконец, девушка нашла нужную страницу и уже хотела произнести первые слова второго абзаца, как раздался страшный грохот. Обрушилась часть стены, и в проеме появилась гигантских размеров страшная рожа. Казалось, что с нее содрали шкуру, она вся была влажна, были видны мельчайшие прожилки, нервы. Огромные глаза бешено вращались, таращились, готовые вот-вот выскочить из глазниц под невиданной силы давлением.

Мерзкая пасть раскрывалась, судорожно хватая воздух, язык вывалился, тянулся по полу. Он был гигантских размеров, как огромная красная ковровая дорожка. Он тянулся и тянулся к Эми и Эшли.

От ужаса страх парализовал парня. Он схватил девушку за плечи и закричал:

— Эми! Эми! Не оборачивайся! Только не оборачивайся! Продолжай читать! Дочитай до конца!

Парень понял, что это та же голова химеры, в виде которой была сделана костяная рукоятка кинжала. Только эта голова гигантских размеров, она была величиной со стог сена, волосы — толщиной в руку, а острые, как иглы, зубы напоминали дубовый частокол старинных крепостей. Зубы скрежетали, язык змеился и полз по полу, приближаясь к ногам Эшли.

Сполохи пронзительного синего света освещали эту мерзкую голову.

— читай Читай! Не останавливайся! — кричал Эшли.

Девушка, подняв глаза к небу, читала слова заклинания-молитвы. Дом продолжал содрогаться от страшных ударов. Голова все дальше и дальше вползала в гостиную. Казалось, еще несколько секунд, еще несколько мгновений, и липкий шершавый язык охватит Эшли и втащит в мерзкую смердящую пасть, которая зияла огромным провалом на этой голове.

— Не останавливайся, читай! Чтобы эта тварь пропала навсегда! Чтобы она сдохла! Исчезла! Растворилась! — кричал Эшли, не зная как, каким способом можно защититься от надвигающегося всемирного Зла, которое материализовалась в страшной голове гнусного существа.

Вдруг Эми дико вскрикнула и зашаталась. Ее глаза закатились, она медленно повернулась. И Эшли увидел, что из спины девушки торчит тот кинжал, с рукояткой в форме химеры. Рукоять шевелилась.

Поднималась и опускалась челюсть, клацали костяные зубы. Девушка покачнулась, потянулась рукой к своей спине в попытке вырвать кинжал. На его лезвии болтался обрубок руки. Парень узнал, чья это рука, и ему стало не по себе.

— Нет! Нет! — уже нечеловеческим голосом, полным отчаяния и страдания, закричал парень.

Он подхватил девушку, но было поздно. Ее тело обмякло, колени подкосились, и она, выскальзывая из рук Эшли, осунулась на залитый кровью пол.

Тут раскололась вторая стена дома, и в нее просунулась ужасная омерзительная зеленая лапа чудовища. Прямо из пальцев росли древесные корни, они извивались и тянулись к Эми, пытаясь вырвать из слабеющих пальцев девушки листки «Книги мертвых».

Эшли заслонил Эми собой. Страшные пальцы сомкнулись на его теле, лишь голова и руки торчали из ужасного кулака. Парня неудержимо ачекло к раззявленной пасти чудовища. Со страшных клыков капала зловонная слюна. На голове шевелились прожилки, бились в судорогах сухожилия, дрожали тяжелые щеки.

Эшли отбивался, но хватка гигантской руки была мертвой. Чудовище все ближе подносило его к своей голове и рассматривало налитым кровью глазом.

Девушка, собрав свои последние силы, приподнялась на локте и продолжала выкрикивать слабеющим голосом слова молитвы-заклинания.

На улице поднялся страшный вихрь. В гостиную занесло и закружило по комнате охапку сухих листьев. Молнии сверкали все чаще и в ночном небе появилась сияющая, фосфорицирующая

огнем, воронка, в которую начали втягиваться упавшие деревья, листва, гигантские камни, сучья. Срывались листы железа с крыши дома и уносились в нее, как листки бумаги.

Чудовище хрипело и ворочало своим страшным глазом.

Эми дочитала заклинание до конца и опустила голову на пол, совершенно потеряв силы. Из ее ослабевших пальцев один за другим полетели, подхваченные ветром, листки «Книги мертвых». Их затягивало во все разрастающуюся, фосфорицирующуюся воронку, которая уже нависла над целой горой, готовясь поглотить ее.

Эшли изо всех сил колотил ногами, а чудовище все ближе подтягивало его к гигантским клацающим зубам. Парня мутило от зловонного смрада, исходившего из страшной пасти. Он видел приближающийся к нему шершавый, сочащийся гнилою слюной, язык.

— Мы победили! — кричал Эшли.— Эми, слышишь, мы победили! Ты дочитала молитву!

Но девушка не отвечала, она ничего не слышала. Сознание уже давно покинуло ее.

И тут Эшли увидел, как начали вздуваться волдырями щеки чудовища, как раздвигая гниющие мышцы, оттуда высовывались искаженные мукой и болью головы его знакомых. Он узнал Алису, Скотти, Линду, Майкла. Все эти головы с мольбой смотрели на него. Тут Эшли вновь вскрикнул:

— Мы победили!

Он рванул зубами пусковой тросик бензопилы, взвыл мотор и, широко размахнувшись, Эшли всадил бешено вращающуюся цепь с острыми зубьями прямо в налитый кровью глаз чудовища. Хлынула густая, вязкая кровь. Веко затряслось. Челюсти сомкнулись. Послышался стон и жуткий крик ужаса. Это содрогалось и кричало Зло, побежденное человеком.

Хватка мерзкой лапы ослабела. Голову начало неотвратимо втягивать в воронку, туда, куда улетали навсегда огромные, вывороченные с корнями, деревья, туда, где исчезали многотонные валуны и осколки камня, туда,

куда улетело крыльцо дома вместе с фундаментом.

Эшли освободился от липкого захвата корней-пальцев, и рука медленно исчезла в провале стены.

Наступила жуткая тишина. Обессиленный парень рухнул на липкий от крови и гноя пол. Затем, корчась, подполз к девушке.

— Ты победила их, Эми! Очнись, ты победила.

Он смотрел в глаза, подернутые пеленой смерти. Эми не отвечала.

— Ты победила! Победила! — Эшли продолжал трясти за

плечо мертвую девушку.

И вдруг вновь все охватил невообразимый хаос. Все задрожало, затрепетало и зазвенело. Посыпались остатки стекол, начали хрустеть и вылетать огромные рамы, срываться с петель дубовые двери.

Парень цеплялся за что мог, но его неодолимо влекло в зияющую, светящуюся воронку, которая страшным вихрем вращалась, крутилась, висела над домом.

— Нет! Нет! Господи! Помоги мне! — кричал Эшли, цепляясь за остаток порога.

— Г осподи! Помоги мне! — взмолился Эшли, вце-пясь здоровой рукой в дверной косяк.

Толстый дверной косяк хрустнул, и парень, сжимая в пальцах обломок дерева, завертелся, как песчинка, как перышко, закружился и умчался, подхваченный страшным вихрем.

В доме еще клубилась пыль, еще горели уголья развороченного камина.

Но Эшли не видел всего этого. Он мчался, влекомый сквозь время и пространство. Он не понимал, что с ним происходит и куда несет его злая сила. Но он знал, что молитва-заклинание были дочитаны до конца, и еще он знал, что они победили, победили Зло. Что даже, если он и погибнет, то будет последней жертвой этих страшных сил. Эшли не мог понять, что тьма побеждена в настоящем, а его уносит туннелем сквозь пространство и время в прошлое, туда, где еще бесчинствуют злые силы.

Воронка над домом медленно сомкнулась. Утих ветер, перестали скрипеть и раскачиваться деревья.

Солнце медленно вставало над горным хребтом, освещая разваленный дом.

Чудом уцелевшие часы ожили. Качнулся маятник. Стрелки судорожно дернулись.

Время пошло вперед. 479

СОДЕРЖАНИЕ

Пятница 13-ое.....

Зловещие мертвецы.....

ПО ВОПРОСАМ ОПТОВОГО ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ПРОСИМ ОБРАЩАТЬСЯ:

В Минске: ПКП а Дилер», *тел.:* 23-85-70 В Смоленске: фирма «Русич», тел.: 337-71, 132-43, 143-87, 146-98, 142-73.

Литературно-художественное издание

Палмер Бетси ПЯТНИЦА 13-ое

Романы

Ответственный за выпуск *В. Н. Сивчиков*

Сдано в набор 9.11.93. Подписано в печать 2.12.93. Формат 84 X X Ю8’/з2. Бумага типографская. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая с ФПФ. Уел. печ. л. 25,2. Уел. кр.-отт. 26,46. Тираж 100 000. Заказ 573.

Фирма «БАДППР». Лицензия ЛР № 382. 220034, Минск, Фрунзе, 5.

Издание осуществлено при участии фирмы «Валев». 220746, Минск, пр. Машерова, 23-415.

Минский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.